

АРТУР
КОНАН
ДОЙЛ

ЗА ГРАНЬЮ
БЫТИЯ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 1. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

Том 2. ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Том 3. СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Том 4. БЕЛЫЙ ОТРЯД

Том 5. ПРИКЛЮЧЕНИЯ МИХЕЯ КЛАРКА

Том 6. ИЗГНАННИКИ

Том 7. ПОДВИГИ БРИГАДИРА ЖЕРАРА

Том 8. РОДНИ СТОУН

Том 9. ЗА ГРАНЬЮ БЫТИЯ

Том 10. ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Том 11. МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Том 12. ПИСЬМА СТАРКА МОНРО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том девятый

ТАЙНА КЛУМБЕРА

Роман

ЖРИЦА ТУГОВ

Повесть

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ

Повесть

ХИРУРГ
С ГАСТЕРОВСКИХ БОЛОТ

Повесть

ЗА ГРАНЬЮ БЫТИЯ

Рассказы

НА ГРАНИ БЫТИЯ

Рассказы

ПРЕСТИЖ
К Н И Г А

РИПОЛ
КЛАССИК

МОСКВА 2005

Д62 Собрание сочинений: В 12 т. Т. 9: Тайна Клуббера; Жрица тугов; Роковой выстрел; Хирург с Гастеровских болот; За гранью бытия; На грани бытия/ Пер. с англ.— М.: РИПОЛ классик; Престиж книга; Литература, 2005. — 608 с.

Артур Конан Дойл (1859—1930) — всемирно известный английский писатель, один из создателей детективного жанра, автор знаменитых повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе. В девятый том Собрания сочинений вошли произведения, события которых разыгрываются за гранью обыденного. Эти произведения повествуют о страшных тайнах и загадочных историях, происходивших с разными людьми в разных краях Земли...

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)

ISBN 5-7905-3826-6 (т. 9)
ISBN 5-7905-3766-9

ТАЙНА
КЛУМБЕРА

Глава I

О том, как семья Уэстов покинула Эдинбург

Я Джон Фэзергил Уэст, студент юридического факультета университета Св. Андрея, попытаюсь на этих страницах изложить как можно кратко и по-деловому подробности происшедших событий. Я не ставлю перед собой цели добиться литературной славы. В равной степени я не стремлюсь путем литературных ухищрений или изменений последовательности фактов набросить покрывало таинственности на странные события, о которых я собираюсь писать. Мне хотелось бы только, чтобы те, которые знают что-либо о случившемся, могли, после ознакомления с моими записками, со спокойной совестью подтвердить факты; в записках нет ни единого пункта, в котором я хоть сколько-нибудь отклонился бы от истины.

Если я достигну этого, я буду вполне удовлетворен результатами моего первого и, по всей вероятности, последнего выступления на литературном поприще.

Сперва я думал излагать события в строгой последовательности, включая также и то, что было известно мне лично, но основывалось на вполне достоверных сведениях. Но затем, по совету друзей, я решил рассказать более доходчиво для читателей: использовать имеющиеся в моем распоряжении рукописи, добавляя к ним сведения, полученные непосредственно от тех, кто хорошо знал генерал-майора Дж. Б. Хэзерстона.

В соответствии с этим решением я и публикую письменные показания Израиля Стэйкса, бывшего кучера в Клумбер-холле, а также Джона Истерлинга, доктора медицины из Эдинбурга, который в настоящее время практикует в Странраре (Вигтауншир). Ко всему этому я добавляю абсолютно точную выписку из дневника покойного Джона Бертъе Хэзерстона о событиях, происшедших в долине Тул осенью 1841 года с описанием стычки в ущелье Терада и смерти человека по имени Гхулаб-Шах.

На свою долю я беру только заполнение отдельных пробелов, которые есть в этих записях. Таким образом, я превращаюсь из автора повести в компилятора, и, с другой стороны, мое произведение превращается из повести в свод письменных показаний.

Мой отец Джон Хэнтер Уэст был известным востоковедом и знатоком санскрита. Его имя до сих пор пользуется авторитетом. Он вслед за сэром Вильямом Джонсом привлек внимание публики к персидской литературе раннего периода, а его переводы Хафиза и Феридеддина Атара получили самые одобрительные отзывы барона фон Хаммер-Пургшталя из Вены и других выдающихся критиков континента. В одной из статей «Восточного Научного Журнала» за январь 1861 года моего отца называют «знаменитым, высокоэрудированным Хэнтером Уэстом из Эдинбурга». Это я прекрасно помню, так как отец с вполне понятной гордостью вырезал статью и приобщил ее к самым драгоценным реликвиям нашего семейного архива.

Отец имел звание солиситера, или присяжного стряпчего, как этих адвокатов именуют в Шотландии, но его увлечение науками отнимало столько времени, что ему просто некогда было заниматься своими служебными обязанностями. В то время, когда клиенты безуспешно разыскивали его в конторе на Джордж-стрит, он либо скрывался в дебрях юридической библиотеки, либо был погружен в какие-нибудь заплесневелые рукописи Философского Института, причем свод законов Ману, составленный за шестьсот лет до Рождества Христова, занимал его гораздо больше, чем сложные проблемы шотландской юриспруденции девятнадцатого века. Поэтому не приходится удивляться, что по мере роста научных познаний отца его адвокатская практика уменьшалась, и в один

прекрасный день он, достигнув вершины своей славы, оказался в бездне финансовых затруднений.

Вследствие того, что ни в одном из университетов Шотландии не было кафедры санскритского языка и научный багаж отца не находил никакого спроса, нам пришлось бы погрязнуть в благородной нищете, утешаясь афоризмами и поучениями Фирдоуси, Омара Хайяма и других любимых восточных поэтов, если бы вдруг не появилась щедрая и великодушная помощь со стороны единокровного брата отца — Вильяма Фаринтоша, лэрда¹ Бранксома в Вигтауншире. Холостяк Вильям Фаринтош был владельцем земельного участка, размер которого совершенно не соответствовал его стоимости. Участок представлял собою самую унылую и бесплодную полосу земли из всех унылых и бесплодных земель графства. Но, с другой стороны, расходы Фаринтоша были также не очень велики. Лэрд получал арендную плату с разбросанных по его земле коттеджей и доход от продажи малорослых, но сильных лошадей, которых он разводил на торфяных участках, поросших вереском. Фаринтош умудрялся даже не только вести образ жизни, подобающий лэрду, но и откладывать значительные суммы денег в банк.

В дни сравнительного благополучия мы очень мало слышали о нашем родственнике, но сейчас, когда мы просто сели на мель, письмо Фаринтоша показалось нам прямо-таки гласом с неба, возвестившим твердую поддержку. У лэрда Бранксома серьезно разболелось легкое, поэтому доктор Истерлинг из Странрара настоятельно рекомендовал ему провести последние годы жизни в более мягком климате. Лэрд решил отправиться на юг Италии и просил нас переселиться на время его отсутствия в Бранксом, а отца принять на себя обязанности управляющего имением. Предложенное отцу жалованье, как оказалось, с избытком покрывало все наши потребности.

Моя мать умерла несколько лет тому назад. У отца были только я и сестра Эстер. Понятно, что мы не долго колебались и приняли великодушное предложение лэрда. Отец отправился в Вигтаун в тот же вечер, а я и Эстер последовали за ним через несколько дней с двумя большими мешками, битком набитыми книгами и теми хозяйственными предметами, которые имело смысл перевозить.

¹ Лэрд — звание помещика в Шотландии.

Глава II

О загадочном появлении хозяина Клумбера

По сравнению с домами зажиточных английских сквайров Бранксом мог считаться бедным жильем, но нам после душной квартирки, в которой мы так долго ютились, он показался королевским дворцом. Это был невысокий дом с красной черепичной крышей, множеством комнат с закоптелыми потолками и дубовыми панелями. Перед домом была небольшая лужайка, окаймленная малорослыми буками, искривленными ветрами. За домом раскинулась деревушка Бранксом-Бир из дюжины коттеджей, населенных суровыми рыбаками; эти рыбаки видели в лэрде своего покровителя. На западе вдаль уходила широкая песчаная отмель Ирландского моря, а во всех других направлениях, вплоть до самого горизонта, стелились длинные безлюдные волны торфяных полей, поросших вереском. Они казались серовато-зелеными вблизи и фиолетовыми в отдалении.

Каким унылым и пустынным был этот Вигтаунский берег! Можно было пройти много миль и не встретить ни одного живого существа, за исключением белых чаек, которые кричали пронзительными и печальными голосами. Очень пустынно было здесь и очень уныло! Лишь в одном месте из-за пихт и лиственниц выглядывала высокая белая башня Клумбер-холла, подобно надгробию какой-то гигантской могилы.

Это большое здание, расположенное примерно в миле от нашего дома, было построено богатым одиноким коммерсантом из Глазго, отличавшимся странными причудами. Но ко времени нашего приезда здание пустовало уже много лет. Стены его были исхлестаны, окна пусты. Необитаемый и покрытый плесенью Клумбер-холл служил только ориентиром для рыбаков. Они знали по опыту: если держаться линии, проходящей через белую башню Клумбера и трубу дома лэрда, они смогут провести судно мимо опасного рифа, похожего на спящее чудовище, высунувшее зазубренную спину из воды незащищенной от ветра гавани.

В эту-то дикую местность и занесла судьба моего отца, сестру и меня. Но нас не пугало одиночество. После шума большого города и тяжелой борьбы за существование

тишина этих мест, беспредельный простор и свежий воздух вносили успокоение в наши души. Во всяком случае, здесь не было болтливых соседей, сующих нос в чужие дела.

Лэрд оставил нам фазтон и двух пони, на которых отец и я могли объезжать поместье и выполнять несложные обязанности, возлагаемые на управляющего, или «фактора», как их здесь называют. А наша кроткая Эстер хлопотала по хозяйству.

Но недолгой была наша безмятежная жизнь. Однажды в летнюю ночь произошел случай, явившийся провозвестником тех странных событий, для описания которых я и взялся за перо.

У меня вошло в привычку по вечерам выходить в море в ялике лэрда ловить мерлана на ужин. В тот памятный вечер моя сестра поехала со мной. Она сидела с книгой на корме, а я с удочкой на носу лодки.

Солнце скрылось за неровным ирландским берегом, но длинная гряда розовых облаков еще бросала отблеск на волны. Весь безбрежный океан был изборозжен темно-красными прожилками. Поднявшись в лодке, я смотрел по сторонам и восторгался панорамой берега, глазурию моря и неба. Вдруг сестра с изумлением воскликнула:

— Посмотри-ка, Джон! Откуда появился свет в башне Клумбера?!

Я повернул голову в сторону высокой белой башни, выглядывавшей из-за деревьев, и ясно различил в одном из окон мерцание света. Огонек было исчез, но затем снова появился в окне следующего этажа. Там он померцал некоторое время, потом быстро двинулся мимо окон двух нижних этажей, пока деревья не заслонили его от нас. Было ясно, что кто-то, неся лампу или свечу, поднялся по ступеням башни наверх, а потом вернулся в основной корпус здания.

— Кто бы это мог быть? — вскрикнул я, обращаясь скорее к самому себе, чем к Эстер. — Может быть, кто-нибудь из Бранксом-Бира захотел посмотреть башню?

Сестра покачала головой.

— Никто не осмелится ступить за порог этого дома, — сказала она. — Кроме того, ключи находятся у управляющего в Вигтауне. Если бы кто-нибудь и захотел посмотреть дом, он не смог бы попасть в него.

Представив себе массивные двери и тяжелые ставни, охраняющие нижний этаж Клумбера, я согласился с сестрой.

Это маленькое происшествие возбудило мое любопытство, и я направил лодку к берегу, намереваясь лично посмотреть, кто этот незнакомец, и узнать его намерения. Оставив сестру в Бранксоме и захватив с собою Сета Джемисона, военного моряка в прошлом, а ныне одного из самых толстых рыбаков, я пошел с ним через вересковую пустошь теперь уже во мраке.

— Незачем приближаться к этому дому вечером, — сказал мой спутник, явно замедляя шаги по мере того, как я объяснил ему цель нашего путешествия. — Ведь не зря владелец этого дома не подходит к нему ближе, чем на шотландскую милю.

— Однако, Сет, нашелся же человек, который не побоялся войти в этот дом, — сказал я.

Свет, который я заметил в море, сейчас передвигался назад и вперед в нижнем этаже. Я заметил и второй, более слабый свет, который следовал в нескольких шагах за первым. Очевидно, два человека, один с лампой, другой со свечой, производили осмотр здания.

— Пусть они бродят, — сказал упрямо Сет Джемисон и остановился. — Какое нам дело, если злые духи или привидения захотели осмотреть Клумбер! Неблагодарно впутываться в такую историю.

— Послушайте, друг! — рассердился я. — Ведь не думаете же вы, что дух приехал сюда в двуколке! Взгляните на фонари вон там, у ворот.

— Точно! Это фонари двуколки! — воскликнул мой спутник менее мрачным голосом. — Возьмем-ка на них курс, мистер Уэст, и поглядим вблизи.

К этому времени ночь полностью вступила в свои права, если не считать единственной узенькой полоски света на западе. Спотыкаясь, мы добрались до Вигтаунской дороги, до входа в аллею Клумбера. Перед воротами стояла большая двуколка, лошадь паслась на тонкой кромке травы, окаймлявшей дорогу.

— Верно! — сказал Джемисон, разглядывая пустой экипаж. — Я знаю его. Он принадлежит мистеру Мак-Нейлю, фактору из Вигтауна, у которого ключ.

— Значит, мы сможем переговорить с ним, раз уже пришли сюда, — заключил я. — Мне кажется, они спускаются вниз.

Мы услышали хлопанье тяжелой двери, и через несколько минут к нам в темноте приблизились две фигуры: одна высокая и худая, другая — короткая и круглая. Они так оживленно разговаривали, что не заметили нас, пока не вышли из калитки.

— Добрый вечер, мистер Мак-Нейль, — сказал я, делая шаг вперед.

Мак-Нейль повернулся ко мне, и я убедился, что не обознался. Но его высокий собеседник отпрянул от меня в испуге.

— Что это, Мак-Нейль? — спросил он прерывающимся голосом. — Так-то вы держите свое обещание! Что это значит?

— Не волнуйтесь, генерал, не волнуйтесь, — сказал фактор успокаивающим тоном, каким говорят с испуганными детьми. — Этот молодой человек — мистер Фэзергил Уэст из Бранксама. Правда, я не понимаю, как он здесь оказался в такое время. Тем не менее, раз вы будете соседями, я считаю необходимым воспользоваться случаем и познакомить вас. Мистер Уэст, это генерал Хэзерстон, который собирается арендовать Клумбер-холл.

Я протянул руку высокому мужчине. Тот взял ее нерешительно.

— Я пришел, — пояснил я, — из-за того, что увидел свет в окнах Клумбер-холла и решил узнать, не случилось ли чего-нибудь. Очень рад, что так вышло и это дало мне возможность познакомиться с генералом.

Разговаривая, я чувствовал, что новый жилец Клумбер-холла чрезвычайно напряженно вглядывается в меня. Вдруг он протянул длинную дрожащую руку к лампе двуколки и направил луч света на мое лицо.

— Боже мой, Мак-Нейль! — воскликнул он дрожащим голосом. — Да ведь он совсем коричневый, как шоколад. Он не англичанин. Ведь вы не англичанин, не правда ли? — обратился он ко мне.

— Я прирожденный шотландец, — ответил я.

Явный испуг моего нового знакомого вызывал у меня смех, который я сдерживал с трудом.

— Шотландец, а?.. — сказал он со вздохом облегчения. — Ну, это ничего. Простите меня, мистер... мистер Уэст. У меня дьявольски расшатана нервная система. Идемте, Мак-Нейль, мы должны быть в Вигтауне не по-

зднее, чем через час. Спокойной ночи, господа, спокойной ночи.

Они оба возвратились на свои места, фактор щелкнул хлыстом, и высокая двуколка с грохотом покатила в темноту, образуя сверкающий желтый туннель.

— Что вы скажете о нашем новом соседе, Джеми-сон? — спросил я после продолжительного молчания.

— Действительно, мистер Уэст, он очень нервный. Может быть, у него совесть не чиста?

— Или, может быть, печень не в порядке, — ответил я. — Он выглядит плохо, наверное, сильно истрепал свой организм. Впрочем, становится прохладно и нам обоим пора домой.

Я пожелал своему спутнику доброй ночи и направился к веселому яркому свету, падающему из окон нашей гостиной в Бранксоме.

Глава III

О нашем дальнейшем знакомстве с генерал-майором Дж. Б. Хэзерстоном

Вполне понятно, что появление жильцов в Клумберхолме вызвало большой переполох в нашей округе. Строились самые разнообразные предположения относительно новых обитателей холла и о причинах, побудивших их поселиться именно в этой части страны. Вскоре выяснилось, что, каковы бы ни были эти причины, наши новые соседи решили обосноваться у нас надолго: из Вигтауна прибыли группы водопроводчиков и столяров, с утра до ночи шли ремонтные работы.

Удивительно, как быстро были стерты со стен Клумбера следы ветров и непогоды! Весь большой квадратный дом вскоре выглядел как новый, будто его построили только вчера. Было ясно, что деньги не представляют ценности для генерала Хэзерстона и что он поселился у нас отнюдь не в целях экономии.

— Возможно, он увлекается какой-нибудь наукой, — высказал свое предположение отец, когда мы обсуждали этот вопрос за завтраком. — Может быть, он выбрал это уединенное место для завершения своего труда. Если это так, то я буду счастлив предоставить в его распоряжение свою библиотеку.

Эстер и я рассмеялись над высокопарностью, с которой отец говорил о двух мешках из-под картофеля, набитых книгами.

— Может быть, это верно, — сказал я, — но во время нашего короткого разговора генерал не произвел на меня впечатления человека от науки. Я думаю, он поселился здесь в лечебных целях, полный покой и чистый воздух восстановят его расшатанную нервную систему. Если бы вы видели, как он смотрел на меня и как дрожали его пальцы, вы согласились бы, что его нервная система безусловно нуждается в лечении.

— А есть ли у него жена и дети? — спросила сестра. — Бедняжки! Как им будет скучно! Ведь кроме нас, здесь, в окружности семи миль, нет ни одной семьи, где они могли бы отвести душу.

— Генерал Хэзерстон имеет большие боевые заслуги, — заметил отец.

— Откуда вы, папа, знаете об этом?

— Ах, мои дорогие, — улыбнулся отец, — вы только что смеялись над моей библиотекой, но иногда она, как вы увидите, может оказаться очень полезной. — Говоря это, он снял с полки книгу в красном переплете и перелистал страницы. — Вот списки офицеров Индийской армии, опубликованные три года тому назад, — объяснил он, — а вот как раз тот самый джентльмен, который нам нужен: «Хэзерстон Дж. Б., кавалер ордена Бани. — Подумать только: ордена Бани! — Бывший полковник Индийской пехоты 41 Бенгальского пехотного полка, ушедший в отставку в чине генерал-майора». А в следующем столбце говорится о его заслугах: «Захват Газни, оборона Джелалабада, Собраон в 1848 году, Индийское восстание, победа при Ауде. Пять раз отмечен в донесениях». Думаю, дорогие мои, мы имеем все основания гордиться таким соседом.

— Там не сказано, женат он или нет? — спросила Эстер.

— Нет, — ответил отец, с улыбкой покачав седой головой. — Этого эпизода нет в списке его героических подвигов.

Но наши недоумения скоро рассеялись.

В день окончания ремонта и мебелировки Клумбера мне пришлось съездить верхом в Вигтаун и я встретил на дороге коляску, в которой генерал Хэзерстон с семьей

направлялся в свой новый дом. Пожилая дама с утомленным и болезненным лицом сидела рядом с генералом, а напротив расположились молодой человек примерно моего возраста и девушка, по-видимому, двумя годами моложе.

Я приподнял шляпу и собирался проехать мимо, но генерал приказал кучеру остановиться и протянул мне руку. При дневном свете я заметил, что строгое и суровое лицо генерала могло принимать любезное выражение.

— Как ваше здоровье, мистер Фэзергил Уэст? — спросил он. — Я должен извиниться перед вами, если был немного резким в тот вечер. Вы должны простить старого солдата, проводшего лучшие годы жизни в боевых походах. Все же вы не можете не согласиться, что ваша кожа немного смугла для шотландца.

— У нас в роду примесь испанской крови, — сказал я, удивляясь, что он снова возвращается к этой теме.

— Да, этим, конечно, все и объясняется, — заметил он. — Моя дорогая, — обратился он к своей жене, — разреши представить тебе мистера Фэзергила Уэста. А вот мой сын и дочь. Мы приехали сюда в поисках покоя, мистер Уэст, полнейшего покоя.

— Наш край самое подходящее место в этом отношении, — сказал я.

— О, вы так думаете? — ответил он. — Мне самому кажется, что это очень спокойное и уединенное место. Можно бродить по этим тропинкам ночью и не встретить ни души, а?

— Да, здесь в сумерках никого не встретишь.

— А вас здесь не беспокоят бродяги или нищие, не бывает ли бездельников-цыган или вообще кого-нибудь из бродяг?

— Становится холодно, — сказала миссис Хэзерстон, запахиваясь плотнее в котиковую мантилью. — И, кроме того, мы ведь задерживаем мистера Уэста.

— Правильно, правильно, моя дорогая. Поехали дальше! До свидания, мистер Уэст.

Экипаж покатил к Клумбер-холлу, а я двинулся рысцой к маленькому городку графства.

Когда я проезжал по Хай-стрит, мистер Мак-Нейлъ выбежал из своей конторы, подавая мне рукою сигнал остановиться.

— Наши новые жильцы сегодня предприняли поездку, — сказал он. — Они выехали с самого утра.

— Я их встретил, — подтвердил я.

Взглянув на красную физиономию маленького фактора, я убедился, что он хватил добрую порцию виски.

— Люблю иметь дела с настоящими джентльменами, — воскликнул он, разражаясь хохотом. — Они понимают меня, а я — их. «Какой цифрой мне заполнить?» — спросил генерал, доставая из кармана чистый бланк чека и кладя его на стол. «Цифрой двести», — сказал я. Вы понимаете, мистер Уэст, что мне нужно было оставить немного и для самого себя за хлопоты и потраченное время.

— А я думал, что хозяин уже заплатил вам за это, — сказал я.

— Э, но ведь неплохо получить еще! Он заполнил чек и швырнул его мне, как старую почтовую марку. Вот как ведутся дела между честными людьми... Не зайдете ли ко мне, мистер Уэст, попробовать виски?

— Нет, спасибо, мне некогда, — сказал я.

— Верно, верно, дело прежде всего. По утрам не следует пить. Что касается меня самого, то я никогда не употребляю спиртного в первую половину дня, если не считать капельки перед завтраком для аппетита и, пожалуй, стаканчика-другого после завтрака, чтобы улучшить пищеварение. Что вы думаете о генерале, мистер Уэст?

— У меня нет данных для суждения, — ответил я.

Мак-Нейль постучал указательным пальцем по лбу.

— Вот что я думаю о нем, — сказал он доверительным шепотом, наклоняясь ко мне. — По-моему, он пропащий человек, совсем пропащий. Что вы сочли бы доказательством его ненормальности, мистер Уэст?

— Ну, конечно, выдачу вам чека, — сказал я.

— Ах, вы все шутите. Но между нами говоря, если человек интересуется, на каком расстоянии находятся ближайшие морские порты, и заходят ли туда корабли с Востока, и нет ли бродяг на дорогах, и не будет ли противоречить его арендному договору постройка высокой стены вокруг поместья, — что бы вы сказали на все это?

— Я, конечно, подумал бы, что это весьма эксцентричный человек, — сказал я.

— Если бы каждый получал по заслугам, то наш друг оказался бы в доме, окруженном высокой стеной, и это не стоило бы ни гроша, — сказал фактор.

— Это где же? — сказал я, подлаживаясь к его тону.

— Ну, конечно, в сумасшедшем доме Вигтауна! — воскликнул человек с хохотом. Я двинулся дальше, оставив его наслаждаться собственным остроумием.

Приезд новой семьи в Клумбер-холл несколько не оживил нашу монотонную жизнь. Вместо того чтобы воспользоваться скромными удовольствиями нашей сельской природы или включиться (на что мы надеялись) в нашу деятельность по облегчению жизни бедных арендаторов и рыбаков, новые жильцы избегали всяких встреч и почти не выезжали за ворота усадьбы. Скоро мы убедились, что слова фактора об ограждении усадьбы имели основания: рабочие с самого раннего утра и до поздней ночи сооружали высокий деревянный забор вокруг всего поместья. Когда забор был готов и усажен шипами, парк Клумбера сделался недоступным для всех, за исключением разве только самых смелых верхолазов. Казалось, старый воин так был пропитан военными фантазиями, что, подобно моему дяде Тоби, даже в мирное время воздвигал оборонительные сооружения.

Еще более странно было то, что генерал принялся создавать в доме большие запасы продовольствия, словно для предстоящей осады. Бегби — самый крупный бакалейщик Вигтауна — сказал мне в радостном удивлении, что генерал послал ему заказ на тысячу банок всевозможных мясных и овощных консервов.

Само собой разумеется, все эти необычные действия не могли пройти незамеченными. По всей округе, чуть ли не до самой границы с Англией, шли сплетни о новых обитателях Клумбер-холла, о причинах, заставивших их поселиться в наших краях. Предположение, которое могло возникнуть в сельских умах нашей округи (так думал и мистер Мак-Нейль), было единственное: старый генерал и его семья не в своем уме или же генерал совершил какое-то ужасное преступление и пытается скрыться.

Оба эти варианта казались правдоподобными. Но я считаю, что ни один из них не был близок к истине. Поведение генерала Хэзерстона во время нашего первого разговора действительно могло показаться подозритель-

ным. Но впоследствии он проявил исключительную рассудительность и вежливость. Жена и дети генерала вели такую же уединенную жизнь, как и он, поэтому причина была не только в состоянии здоровья генерала. Что касается предположения о том, что генерал скрывается от правосудия, то эта версия была еще более неправдоподобной. Хотя Вигтауншир был пустынным местом, но в конце концов это не был такой медвежий угол, где мог бы скрыться столь известный человек, как генерал Хэзерстон. К тому же преступник, скрывающийся от полиции, не стал бы давать своими поступками пищу болтливым языкам, как это делал генерал.

Я был склонен верить тому, что объяснение загадки заключалось в почти болезненном стремлении генерала к одиночеству и уединению, и он нашел такое убежище именно в наших краях.

Вскоре мы увидели, как далеко завело их это стремление к покою и одиночеству.

Однажды утром отец вышел к столу с выражением твердой решимости на лице.

— Надень свое розовое платье, Эстер, — сказал он, — и ты, Джон, принарядись. Пополудни мы все трое поедем засвидетельствовать свое почтение миссис Хэзерстон и генералу.

— Визит в Клумбер! — воскликнула Эстер, захлопав в ладоши.

— Я не только фактор лэрда, — сказал с достоинством отец, — но и его родственник. В качестве такового, я убежден, что лэрд пожелал бы, чтобы я навестил наших новых соседей и предложил им свои услуги. Сейчас они чувствуют себя одинокими, не имеют друзей. Что говорит великий Фирдоуси? «Лучшим украшением человека являются его друзья».

Моя сестра и я знали по опыту: если старик начинал подкреплять свои мысли цитатами персидских поэтов, его невозможно переубедить.

Таким образом пополудни наши пони были запряжены в фаэтон, и отец взгромоздился на сиденье в не слишком шикарном пальто, но с новыми перчатками в руке.

— Садитесь, дорогие мои! — воскликнул он, весело хлопая бичом. — Мы докажем генералу, что ему не придется краснеть за своих соседей.

Увы! За гордостью часто следует унижение. Нашим откормленным пони в сверкающей сбруе не суждено было произвести в этот день фурора в Клумбере.

Мы доехали до ворот, и я уже собирался выйти из экипажа и открыть их, как наше внимание привлек большой деревянный плакат, прикрепленный к одному из деревьев с таким расчетом, чтобы он всем бросался в глаза. На доске была намалевана печатными черными буквами следующая негостеприимная надпись:

ГЕНЕРАЛ И МИСС ХЭЗЕРСТОН
НЕ ИМЕЮТ ЖЕЛАНИЯ
РАСШИРЯТЬ КРУГ СВОИХ ЗНАКОМЫХ

Несколько минут мы с изумлением глядели на этот плакат. Затем Эстер и я, уяснив себе всю нелепость происшедшего, разразились хохотом. Но мой отец был глубоко оскорблен; стиснув зубы, он повернул пони обратно и покатиł домой. Я никогда не видел его столь потрясенным.

Глава IV

О молодом человеке с седыми волосами

Если у меня и было чувство личной обиды за унижение, то оно очень скоро прошло и стерлось из моей памяти.

Случилось так, что на следующий же день после этого эпизода мне пришлось проходить мимо Клумбер-холла и я остановился посмотреть еще раз на неприятный плакат. Я глядел на него и удивлялся: что побудило наших соседей предпринять такие оскорбительные шаги? Вдруг я заметил нежное девичье личико, выглядывавшее сквозь прутья ворот, и белую ручку, которая настойчиво предлагала мне подойти. Приблизившись, я увидел, что это та самая девушка, которая ехала в коляске.

— Мистер Уэст, — быстро сказала она шепотом, озираясь по сторонам. Она говорила нервно и быстро, — я хочу извиниться перед вами за унижение, которому вчера подверглись вы и ваша семья. Мой брат находился в саду и видел все, но ничего не мог поделать. Уверю вас,

мистер Уэст, что если это, — она указала на плакат, — принесло вам некоторую досаду, то мне и брату плакат причинил гораздо больше огорчений.

— Что вы, мисс Хэзерстон! — сказал я со смехом. — Британия свободная страна, и если кто-нибудь желает отвадить визитеров от своего дома, то почему бы ему так не сделать.

— Но это ужасно грубо, — прервала она, нетерпеливо топнув ножкой. — Подумать только, что и ваша сестра тоже подверглась такому несправедливому оскорблению! Я готова провалиться сквозь землю от стыда при одной мысли об этом.

— Пожалуйста, не тревожьтесь, — сказал я горячо; меня взволновало ее огорчение. — Я уверен, что ваш отец имел причины принять такие меры.

— О, бог видит, что причины у него имеются, — ответила она с невыразимой грустью в голосе. — И все же я думаю, что было бы более достойно мужчины встретить опасность лицом к лицу, чем скрываться от нее. Впрочем, ему лучше знать и не нам судить его. Но кто там?! — воскликнула она, вглядываясь с беспокойством в темную аллею. — О, это мой брат Мордаунт. Мордаунт, — сказала она, когда молодой человек подошел к нам, — я просила извинения у мистера Уэста и от своего, и от твоего имени за то, что произошло вчера.

— Я очень рад, что могу лично сделать это, — сказал он вежливо. — У меня горячее желание повидать также вашу сестру и вашего отца и сказать им, как я огорчен случившимся... Мне кажется, тебе лучше уйти домой, малютка, — обратился он к сестре, — потому что приближается время завтрака. Нет, не уходите, мистер Уэст, мне нужно с вами поговорить, — сказал он мне.

Мисс Хэзерстон с улыбкой помахала мне рукой и пошла по аллее, а ее брат раскрыл калитку, вышел и снова запер ее снаружи.

— Если вы не возражаете, я пройду с вами по дороге. Не хотите ли манийскую сигару? — Он вынул из кармана две сигары и дал одну мне. — Они неплохи. Я сделался знатоком сигар, когда был в Индии. Надеюсь, что я не помешаю вашим делам?

— Нисколько, — ответил я. — Я очень рад вашему обществу.

— Раскрою вам один секрет, — сказал мой спутник, — сегодня я впервые вышел из имения с тех пор, как мы здесь поселились.

— А ваша сестра?

— Она не выходила никогда. Я ускользнул от отца и знаю, ему это очень не понравится. Он хочет, чтобы мы всегда держались вместе. Кое-кто, может быть, и назовет это капризом, но знаю, что отец имеет достаточно оснований для своих поступков, хотя, возможно, в данном случае он слишком требователен.

— Вам, вероятно, очень тоскливо, — посочувствовал я. — Не могли бы вы время от времени выходить на прогулку со мной? Вон наш дом — Бранксом.

— Вы очень добры, — ответил он заинтересованно. — Я с удовольствием заходил бы к вам. За исключением нашего старого кучера и садовника Израиля Стейкса, мне не с кем перекинуться словом.

— А ваша сестра, наверное, в еще большей степени чувствует одиночество? — спросил я. Мой новый знакомый слишком много думал о себе и очень мало о своей сестре.

— Да, бедняжка Габриель несомненно чувствует то же самое, — ответил он беспечно. — Но более неестественно держать взаперти мужчину в моем возрасте, чем девушку. Посмотрите на меня. В марте мне исполнится двадцать три года, но я никогда не был ни в школе, ни в университете. Я так же невежествен, как любой из этих деревенских парней. Вам это кажется странным, и тем не менее это так. Разве я не заслуживаю лучшей участи?

Говоря это, он остановился, повернулся лицом ко мне.

Я оглядел его лицо, освещенное солнцем. Он действительно был неподходящей птицей для этой клетки. Высокий, сильный, с волевым и смутным лицом, с отточенными тонкими чертами, он будто сошел с полотен Мурильо или Веласкеса. В очертании его энергичного рта и всей гибкой и крепкой фигуры угадывалась скрытая энергия и сила.

— Можно учиться и другими путями, — сказал я сентенциозно. — Я не могу поверить, что вы провели всю свою жизнь в праздности и удовольствиях.

— Удовольствиях! — воскликнул он. — Удовольствиях! Взгляните-ка! — Он снял шляпу, и я увидел в его чер-

ных волосах седые пряди. — Не думаете ли вы, что это результат удовольствий? — с горьким смехом спросил он.

— Вы, очевидно, испытали большое потрясение. Я знал людей, таких же молодых, как вы, у которых были седые волосы.

— Бедняги! — пробормотал он. — Я жалею их.

— Если вам удастся зайти к нам в Бранксом, — сказал я, — может быть, вы возьмете с собой мисс Хэзерстон? Мой отец да и сестра будут очень рады ее видеть, а смена впечатлений принесет ей пользу.

— Трудно будет ускользнуть нам вместе, — ответил он. — Но, если подвернется случай, я приведу ее с собой. Это можно будет сделать как-нибудь пополудни, так как отец в это время иногда отдыхает.

Мы подошли к извилистой тропинке, которая начиналась у шоссе и вела к дому лэрда. Мой спутник остановился.

— Мне нужно идти домой, — сказал он, — иначе меня спохватятся. Я вам очень благодарен. Габриель тоже будет тронута вашим любезным приглашением.

Он пожал мне руку и отправился было, но повернулся и снова догнал меня.

— Мне только что подумалось, что для вас мы — большая загадка, что вы рассматриваете Клумбер, как частную психиатрическую лечебницу. Не смею порицать вас за это. Было бы недружески с моей стороны не удовлетворить вашего любопытства, но я обещал отцу молчать. Если бы даже я и рассказал вам все, что знаю, вы просто не поняли бы меня. Я хотел бы только, чтобы вы поверили, что отец так же здоров, как вы или я, но у него есть причины вести такой образ жизни. Могу еще добавить: его стремление к уединению не является результатом каких-нибудь недостойных или бесчестных поступков, а вызвано только инстинктом самосохранения.

— Значит, ему грозит опасность? — воскликнул я.

— Да, он постоянно в опасности.

— Но почему же он не обратился за защитой к властям? Если он кого-то опасается, ему стоит только назвать это лицо, и тому будет предложено не нарушать мира.

— Дорогой Уэст, — сказал молодой Хэзерстон, — подстерегающую отца опасность невозможно предотвратить вмешательством людей.

— Вы же не станете утверждать, что она сверхъестественна, — сказал я недоверчиво.

— Вряд ли, — ответил он нерешительно. — Ну вот, — продолжал он, — я сказал гораздо больше того, что имел право сказать, но я знаю, вы не злоупотребите моим доверием. До свидания!

Он отправился домой и скоро исчез за поворотом дороги.

Сперва обитатели Клумбера показались мне просто эксцентричными людьми, но после беседы с Мордаунтом Хэзерстоном я понял, что нечто темное и зловещее лежит в основе поступков генерала. И чем больше я размышлял над этим, тем меньше понимал своих соседей.

Мрачный Клумбер-холл и катастрофа, нависшая над его обитателями, — все это в сильнейшей степени действовало на мое воображение. До поздней ночи я угрюмый сидел у огня, перебирая в уме все, что слышал, и вспоминая различные эпизоды, которые могли бы дать мне ключ к тайне.

Глава V

О тени Клумбера, упавшей на нас четверых

Надеюсь, что мои читатели не сочтут меня любопытным человеком, сующим нос в чужие дела, если я скажу, что последующие дни и недели мои мысли все более и более возвращались к генералу Хэзерстону и окружавшей его тайне. Напрасно я старался тяжелым трудом и делами лэрда направить мысли в другое русло. Что бы я ни делал на суше или на воде, я ловил себя на том, что ломаю голову над тайной Клумбера. Наконец я почувствовал, что не способен заниматься чем бы то ни было, пока не найду разгадку. Я не мог проходить мимо пятифутового забора или мимо больших железных ворот с массивным замком, чтобы не попытаться отгадать, какая тайна скрывается за этой преградой. Несмотря на все мои размышления и наблюдения, я не мог прийти ни к какому выводу, который хотя бы на минуту можно было принять за отправную точку.

Однажды вечером моя сестра навестила больного крестянина, потом выполнила еще какой-то акт милосердия, за что ее так любили по всей округе.

— Джон, — сказала она, вернувшись домой, — видел ты Клумбер-холл в ночное время?

— Нет, — ответил я, откладывая в сторону книгу, которую читал. — Нет, ни разу с того вечера, когда генерал и Мак-Нейль производили осмотр дома.

— Так бери шляпу, Джон, и пойдем со мной.

По ее поведению я понял, что она чем-то взволнована и напутана.

— Бог с тобой! — воскликнул я. — В чем дело? Неужели старый Клумбер-холл горит? У тебя такой мрачный вид, что можно подумать, будто погиб весь Вигтаун.

— Нет, пока еще не все плохо, — сказала она, улынувшись. — Пойдем же, Джон. Мне очень хочется, чтобы ты это видел.

Я всегда воздерживался от каких-либо разговоров, которые могли бы встревожить мою сестру. Поэтому она не знала, какой интерес вызывают во мне наши соседи. Я взял шляпу и последовал за ней в темноту. Мы шли по узенькой тропинке. Она привела нас к небольшой возвышенности, с которой был виден как на ладони холл.

— Погляди-ка, — сказала сестра, останавливаясь.

Клумбер лежал внизу в море света. В нижнем этаже ставни скрывали огни, но наверху, начиная от широких окон второго этажа вплоть до узких щелей на вершине башни, не было ни одного отверстия, которое не излучало бы поток света. Свет был ослепителен. Было ясно, что в Клумбер-холле горит множество ламп. Причем все эти ярко освещенные комнаты были, по-видимому, нежилыми, а в некоторых из них, насколько мы могли видеть, не было даже мебели.

Минуту я стоял изумленный перед странным зрелищем, потом услышал за собой всхлипывание.

— Что с тобой, Эстер? — спросил я, обернувшись к сестре.

— Я так боюсь! О, Джон, уведи меня домой, я так боюсь! — Она уцепилась за мою руку и принялась дергать ее.

— Полно, дорогая, — сказал я. — Тут нет ничего страшного. Что тебя так расстроило?

— Я боюсь их, Джон, я боюсь Хэзерстонов. Почему они так освещают свой дом каждую ночь? И почему старик убегает, как заяц, при одном только приближении постороннего? Здесь что-то неладно, Джон...

Я как мог успокоил ее и отвел домой. Перед сном я заставил ее выпить горячего глинтвейна. В разговоре я всячески избегал Хэзерстонов, боясь еще больше взволновать сестру, и она тоже не говорила о них. Однако из ее слов я мог понять, что она в течение некоторого времени наблюдала за нашими соседями и что странные явления очень подействовали ей на нервы. Ночная иллюминация холла сама по себе не могла бы привести сестру в такое состояние. Только целая серия загадочных происшествий способна была оставить тягостное впечатление в ее душе.

Таковы были в то время мои предположения. Сейчас я знаю, что был прав и что моя сестра имела даже больше оснований, чем я, догадываться о чем-то таинственном и страшном, тяготеющим над обитателями Клумбера. Наш интерес к Клумберу возник вначале из простого любопытства, но вскоре события приняли такой оборот, что мы оказались прочно связанными с судьбой Хэзерстонов.

Мордаунт, воспользовавшись моим приглашением, иногда приводил и свою сестру. Мы бродили вчетвером по вересковой пустоши или в ясную погоду отправлялись в нашем маленьком ялике в плавание под парусами и добирались до Ирландского моря. Во время этих экскурсий брат и сестра радовались как дети. Им доставляло огромное удовольствие убегать из своей крепости и проводить хотя бы несколько часов со своими друзьями.

Когда четверо молодых существ сходятся вместе для приятных и запретных свиданий, результат может быть только один: знакомство перерастает в дружбу, дружба — в любовь.

Вот я пишу эти строки, а Габриель сидит возле меня и соглашается со мной. Достаточно сказать, что в течение нескольких недель после нашей первой встречи Мордаунт Хэзерстон покорила сердце моей дорогой сестры, а Габриель дала мне торжественное обещание, которое не может разрушить даже смерть.

Я только потому говорю так кратко о двойных узах, возникших между нашими семьями, что не хочу, чтобы эта повесть превратилась в любовную историю. Кроме того, я боюсь утратить нить фактов, которые я записываю, они тесно связаны с генералом Хэзерстоном и только косвенно затрагивают мои личные переживания.

В общем, визиты в Бранксом делались все чаще и чаще. Наши друзья проводили с нами иногда целый день, если дела отзывали генерала в Вигтаун или если подагра приковывала его к постели. Что касается нашего доброго отца, то он был всегда готов встречать нас шутками и цитатами из восточных поэм, подходящими к данному случаю. От него у нас не было секретов, и он уже считал всех четверых своими детьми.

Во время приступов особенно мрачного или беспокойного настроения у генерала Габриель и Мордаунт неделями не могли уйти из дому. Генерал стоял на страже в аллее (какой это был мрачный и молчаливый часовой!) или ходил взад и вперед по подъездной дороге, ожидая, что кто-то совершит попытку проникнуть в его уединение.

Иногда, проходя вечером мимо Клумбера, я замечал темную, зловещую фигуру, бесшумно блуждающую в тени деревьев, суровое, костлявое, темное лицо генерала, подозрительно глядевшего на меня из-за прутьев забора. Я часто жалел старика, видя его странные нервные движения, его осторожные взгляды исподтишка и подергивающееся лицо. Кто мог бы поверить, что этот путливый старик был когда-то лихим офицером!..

И все же, несмотря на бдительность старого воина, мы ухитрялись поддерживать связь с нашими друзьями. Позади холла мы нашли место, где забор был сделан так небрежно, что без особого труда можно было вынуть два бруска. Широкая щель давала нам возможность встречаться. Конечно, эти встречи были очень короткими: генерал блуждал по всему саду, и ни одна часть владений не была застрахована от его внезапных налетов.

Как живо представляется мне одна из этих коротких встреч! Она кажется мне светлой, мирной и такой непохожей на бурные загадочные события, которые закончились страшной катастрофой.

Я припоминаю, что шел я тогда по полю, трава была влажной от утреннего дождя, а воздух напоен запахом свежеспаханной земли. Габриель ждала меня под боярышником по ту сторону щели. Мы стояли рука об руку, любуясь простором поросших вереском полей, широкой голубой каймой пены. Далеко на северо-западе солнце сияло над остроконечной вершиной горы Сростон. С того

места, где мы стояли, был виден дым пароходов, снующих по оживленному водному пути на Белфаст.

— Как чудесно! — воскликнула Габриель, пожимая мою руку. — Ах, Джон, почему мы не можем поплыть туда по этим волнам и оставить все наши горести на берегу!

— Какие же это горести, которые ты хотела бы оставить на берегу, Габриель? — спросил я. — Разве я не могу разделить их с тобой?

— У меня нет секретов от тебя, Джон, — ответила она. — Главное наше горе, как ты, конечно, знаешь, — странное поведение отца. Разве не печально для всех нас, что человек, сыгравший такую большую роль в жизни, должен метаться из одного глухого угла страны в другой, должен защищаться запорами, ограждениями, как вор, скрывающийся от правосудия?

— Но почему же он так делает, Габриель? — спросил я.

— Не знаю, — ответила она искренне. — Мне известно только, что над его головой висит какая-то опасность и что эту опасность он навлек на себя во время пребывания в Индии. В чем она заключается, я знаю не больше тебя.

— Но твой брат знает, — заметил я. — Однажды он говорил со мной. Он считает опасность совершенно реальной.

— Да, он знает, да и мать тоже, — призналась девушка, — но они все скрывают от меня. Сейчас отец в агонии страха, но скоро наступит пятое октября, и он успокоится.

— Откуда ты это знаешь?

— По опыту. К пятому октября его страх достигает апогея. В течение многих лет он привык запираť Мордаунта и меня в наших комнатах, поэтому мы не имеем никакого представления о происходящем. Но мы видим, что ему становится гораздо легче после этой даты. Он чувствует себя сравнительно спокойно, пока снова не приблизится этот день.

— Значит, остается ждать около десяти дней, — заметил я, потому что был конец сентября. — Между прочим, дорогая, почему это у вас освещают все комнаты по ночам?

— Ты заметил? Причина все тот же страх отца. Он не выносит темноты. Большую часть ночи он бродит по дому

и осматривает все с чердака до погребов. У него поставлены мощные лампы в каждой комнате, коридорах и даже в пустых незаселенных помещениях. Он велит слугам зажигать все эти лампы в сумерки.

— Удивляюсь, как вы умудряетесь нанимать слуг, — сказал я, смеясь. — Девушки нашей округи очень суеверны.

— Кухарка и обе горничные из Лондона и уже привыкли к нашему образу жизни. Мы платим им очень большое жалованье за все неудобства, которые они испытывают. Кучер Израиль Стэйкс единственный уроженец этой местности; он, кажется, флегматичный и честный человек, которого не так-то легко запугать.

— Бедняжка! — воскликнул я, глядя на стройную изящную фигурку Габриель. — Такая обстановка совсем неподходящая для тебя. Почему ты не позволяешь мне честно пойти к генералу и попросить у него твоей руки? Самое худшее — он просто откажет.

Она повернулась ко мне, испуганная и бледная.

— Ради бога, дорогой, — воскликнула она с волнением, — не вздумай делать этого! Он ночью увезет меня с братом в какое-нибудь другое глухое место, и мы никогда не увидим и не услышим о вас. Кроме того, он ни за что не простит нам вот эти встречи за порогом дома.

— Неужели он такой бессердечный человек? — удивился я. — Я заметил как-то доброжелательное выражение на его суровом лице.

— Он может быть нежнейшим отцом, — заявила Габриель. — Но когда ему противятся или противоречат, он ужасен. Ты никогда не видел его в таком состоянии и, надеюсь, не увидишь. Как раз эта сила воли и нетерпимость к противоречиям и сделали его таким блестящим офицером. Уверяю тебя, многие в Индии помнят его. Солдаты боялись его, но готовы были идти за ним в огонь и в воду.

— А бывали у него и тогда нервные приступы?

— Случалось, но ничего похожего по силе. Он, кажется, думает, что опасность становится с каждым годом все более близкой. О, Джон, как страшно жить, когда над головой висит меч! Самое ужасное в том, что я не имею понятия, откуда будет нанесен удар.

— Дорогая Габриель, — сказал я, беря ее за руку и привлекая к себе, — посмотри на прекрасное поле и

широкое голубое море. Здесь все полно тишины и красоты. В этих домиках с красными черепичными крышами, выглядывающими из зелени, живут простые, богобоязненные люди, которые тяжело трудятся на своих полях и не чувствуют ни к кому вражды. В семи милях от нас лежит большой город, в десяти расположен гарнизон. Телеграммой можно в любое время вызвать оттуда отряд солдат. Так вот, дорогая, спрашивается, что может угрожать вам с такими средствами защиты? Ты говоришь, что опасность не связана со здоровьем отца?

— Нет, я в этом уверена. Правда, доктор Истерлинг из Странрара навещал его один или два раза, но тогда было только небольшое недомогание. Уверяю тебя, опасность грозит не с этой стороны.

— В таком случае, я уверяю тебя, что опасности вообще не существует. Странная мания или галлюцинация — ничем иным этого не объяснить.

— Разве галлюцинации моего отца повинны в том, что брат поседел, а мать превратилась в тень?

— Бесспорно, — ответил я, — продолжительная тревога, раздражительный характер отца могут оказать плохое влияние на впечатлительных людей.

— Нет, нет! — запротестовала Габриель, печально качая головой. — Я тоже видела взволнованное лицо отца, испытывала его раздражительность, но это не произвело на меня сильного действия. Различие состоит в том, что они знают ужасную тайну, а я — нет.

— Дорогая моя, — сказал я нравоучительно, — дни фамильных призраков миновали. Теперь привидения не появляются. Поэтому мы можем выкинуть все это из головы. И что же остается? Вся тайна заключается в том, что жара Индии оказалась слишком сильной для рассудка твоего отца.

Не знаю, что Габриель ответила бы мне, потому что в этот момент она вздрогнула, оглянулась, и я увидел, как черты ее лица застыли. Из-за дерева нас разглядывало человеческое лицо, каждая черточка которого была искажена ненавистью. Поняв, что его обнаружили, человек вышел из своего убежища и подошел к нам. Это был сам генерал. Его борода ошетинилась от ярости, а глубоко ввалившиеся глаза сверкали из-под набухших век злоеющим блеском.

Глава VI

О том, как меня завербовали в гарнизон Клумбера

— Домой! — крикнул он своей дочери хриплым и грубым голосом, становясь между нами и повелительно показывая ей в сторону дома.

Он дождался, пока Габриель, бросив на меня испуганный взгляд, пролезла через щель, и повернулся ко мне с таким кровожадным выражением лица, что я отступил на два шага и крепче сжал в руке свою дубовую трость.

— Вы... вы... — бессвязно заговорил он. Генерал прижимал к горлу дрожащую руку, как будто ярость душила его. — Вы осмелились вторгнуться в мои владения... Вы думаете, что я построил этот забор для того, чтобы все местные бродяги околачивались около него? О! Вы были очень близки к смерти, мой дорогой... Вы никогда не будете ближе к ней, пока не наступит ваш час. Глядите! — он вытащил из-за пазухи короткий толстый пистолет. — Если бы вы прошли через эту щель и сделали бы хоть шаг по моей земле, я застрелил бы вас. Мне не нужны бродяги. Я знаю, как обращаться с такой публикой, какого бы цвета ни были их физиономии — черные или белые...

— Сэр, — сказал я, — у меня не было дурных намерений, когда шел сюда, и не понимаю, чем заслужил эту невероятную вспышку. Разрешите мне, однако, заметить, что вы все еще целитесь в меня из пистолета, а так как ваша рука дрожит, то более чем вероятно, пистолет выстрелит. Если вы не опустите дуло пистолета, я буду вынужден в целях самозащиты ударить вас по руке палкой.

— Какой же черт принес вас сюда?! — спросил он более сдержанным тоном, пряча за пазуху свое оружие. — Неужели нельзя жить без того, чтобы вы совали свой нос в чужие дела! Разве у вас нет своих дел, а? А моя дочь? Как вы вообще с ней познакомились? И что вам от нее нужно? Вы не случайно оказались здесь?

— Нет, — сказал я смело, — я здесь не случайно. Я имел возможность не раз видеть вашу дочь и оценить ее высокие достоинства. Мы с ней помолвлены, и я пришел сюда с намерением повидать ее.

Вместо того чтобы прийти в ярость, как я этого ожидал, генерал испустил длинный свист изумления, а затем облокотился на ограду и тихо засмеялся.

— Английские терьеры любят выслеживать червей, — сказал он наконец. — Когда мы привезли их в Индию, они выбегали в джунгли и начинали нюхать то, что они считали червями. Но черви оказались ядовитыми змеями, и бедные собачонки перестали играть. Я думаю, что вы окажетесь в таком же положении, если не будете осторожны.

— Полагаю, вы не посмеете клеветать на собственную дочь, — сказал я, вспыхнув от негодования.

— О, с Габриель все в порядке, — ответил он беспечно. — Но я не посоветовал бы молодому человеку породниться с нашей семьей. А теперь скажите, как это случилось, что меня не поставили в известность о вашей милой договоренности?

— Мы боялись, сэр, что вы разлучите нас, — сказал я, чувствуя, что полная откровенность в данном случае будет самым правильным ходом. — Возможно, мы ошибались. Прежде чем вы придете к какому-либо решению, я умоляю вас вспомнить, что счастье нас обоих поставлено на карту. В вашей власти разлучить нас физически, но души наши едины навеки...

— Дорогой мой, — сказал генерал дружелюбным тоном, — вы сами не знаете, что просите. Между вами и любимым из Хэзерстонов лежит бездна, через которую невозможно перекинуть мост.

Все следы гнева исчезли с лица генерала и уступили место высокомерному и насмешливому выражению. Моя фамильная гордость вспыхнула при этих словах.

— Бездна может оказаться не столь большой, как вы думаете, — сказал я холодно. — Мы не бродяги, хотя и живем в этом глухом углу. Я благородного происхождения по отцу, а мать происходит из рода Бучэн. Я должен заверить вас, что нет столь огромного неравенства между нами, как вы, по-видимому, думаете.

— Вы не понимаете меня, — ответил генерал. — Это мы не сможем приблизиться к вам. Имеются причины, по которым моей дочери придется жить и умереть одинокой. Жениться на ней не в ваших интересах.

— Но, позвольте, сэр, — настаивал я, — мне лучше судить о своих собственных интересах и выгодах. Если вы видите причину только в этом, то все делается со-

вершенно простым, ибо, заверяю вас, единственная цель моя добиться, чтобы девушка, которую я люблю, стала моей женой. Если то, что вы сказали, — ваше единственное возражение против брака, вы, конечно, сможете дать согласие, ибо любое испытание или опасность, которую я смогу навлечь на себя, женившись на Габриель, не имеет для меня абсолютно никакого значения.

— Молодой упрямец! — воскликнул старый генерал, улыбаясь. — Легко презирать опасность, когда не знаешь, в чем она состоит.

— Что же это за опасность? — спросил я. — На земле не существует опасности, которая могла бы разлучить меня с Габриель. Скажите мне, в чем дело, и испытайте меня, — попросил я горячо.

— Нет, нет, этого никогда не будет, — ответил он со вздохом, а затем произнес задумчиво, будто размышляя вслух: — У него много мужества, он взрослый... Можно было бы воспользоваться его помощью...

Он продолжал бормотать с безучастным видом, словно забыл о моем присутствии.

— Так вот, Уэст, — сказал он через некоторое время, — простите, что сейчас говорил с вами немного резко. Это уже второй раз мне приходится извиняться перед вами по тому же поводу. Больше этого не повторится. Я, может быть, чрезмерно придирчив в своем стремлении к полному одиночеству, но у меня имеются основательные причины для этого. Правильно или нет, но я вбил себе в голову, что когда-нибудь будет организован налет на мою усадьбу. Если случится что-либо подобное, смогу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Разумеется.

— Так вот, как только вы получите сообщение, например, «Приходите» или даже просто «Клумбер», то знайте, что это призыв о помощи, и поспешите сюда немедленно, даже в глухую ночь.

— Безусловно, я это сделаю, — ответил я. — Но могу я спросить вас, каков характер опасности, угрожающей вам?

— Не будет никакой пользы от того, что вы будете это знать. Вряд ли кто поймет суть опасности. Сейчас я с вами распрощаюсь, так как пробыл здесь слишком долго. Знайте, я теперь рассматриваю вас, как солдата Клумберского гарнизона.

— Еще один вопрос, — сказал я поспешно, потому что он уже повертывался ко мне спиной. — Надеюсь, вы не будете сердиться на вашу дочь за все, что я сказал вам. Только ради меня она сохранила это в тайне от вас.

— Хорошо, — согласился он. — Я не такой уж деспот в своей семье, каким вы меня, очевидно, считаете. Что касается женитьбы, то я дружески советую вам бросить эту затею, но если это невозможно, я вынужден настаивать, чтобы в настоящий момент этот вопрос остался открытым. Нельзя предсказать, какие неожиданные события смогут произойти. Прощайте!

Он направился к саду и вскоре скрылся в густых зарослях.

Так закончился наш необычный разговор, во время которого этот удивительный человек вначале целился в меня из пистолета, а потом почти признал возможным для меня сделаться его зятем. Я не знал, горевать мне или радоваться: с одной стороны, он, вероятно, усилит наблюдение за дочерью, чтобы воспрепятствовать нашим встречам, а с другой стороны, я получил согласие повторить свое предложение в будущем. А в общем, я пришел к заключению, что, хотя и случайно, но все же улучшил свои позиции.

Но опасность — эта призрачная опасность, которая как будто постоянно увеличивается и угрожает Клумберу днем и ночью! Как я ни ломал голову, не мог придумать никакого объяснения. Один факт поражал меня, и отец, и сын, не сговорившись друг с другом, уверяли, что, если бы рассказать мне, в чем заключается опасность, я вряд ли что-либо понял. Каким странным и причудливым должен быть страх, который нельзя выразить понятными словами!

Прежде чем уснуть, я в темноте поднял руку и поклялся, что никакая сила, человеческая или дьявольская, не поколеблет моей любви к этой девушке, чистое сердце которой я был счастлив завоевать.

Глава VII

О капрале Руфусе Смите и его появлении в Клумбере

Свое повествование я умышленно излагаю просто, без всяких прикрас из опасения, что меня обвинят в стремлении добиться какого-то литературного эффекта. Я рас-

сказываю эту историю в таком виде, в каком она происходила. Читатель поймет, что драматические события, свидетелем которых я оказался, целиком захватили меня. Я уже не мог отдаваться скучным занятиям агента, интересоваться хозяйственными заботами того или иного арендатора, парусными лодками рыбаков. Мой разум был захвачен цепью загадочных происшествий, тщетными попытками объяснить их. Куда бы я ни направлялся, я всюду видел перед собой квадратную белую башню, возвышающуюся над деревьями, и под сенью этой башни я угадывал несчастную семью, трепетавшую в ожидании — чего? Этот вопрос стоял непреодолимым барьером в потоке моих мыслей.

Если рассматривать судьбу Хэзерстонов даже как отвлеченную проблему, то и тогда она притягивала к себе своей зловещей таинственностью. Но она была непосредственно связана с девушкой, которую я любил больше всего на свете; естественно, я не мог думать ни о чем другом, пока передо мной стоял проклятый вопрос.

Отец получил письмо из Неаполя от лэрда с сообщением, что перемена климата пошла ему на пользу и он в ближайшее время не намеревается возвращаться в Шотландию. Это очень устраивало всех нас. Отец считал условия для научных работ в Бранксоме превосходными, ему было бы крайне тяжело вернуться к шуму и сутолоке большого города. Что касается сестры и меня, то, как я уже говорил, мы имели еще больше основания полюбить вересковые пустоши Вигтауншира.

Несмотря на мою беседу с генералом или, может быть, именно вследствие ее, я, по крайней мере, дважды в день ходил к Клумбер-холлу посмотреть, все ли там благополучно. Генерал, начавший разговор с резкого протеста против моей навязчивости, в конце концов выразил мне некоторое доверие и даже просил моей помощи. Поэтому я полагал, что наши отношения с генералом улучшились и мое появление не будет для него таким неприятным, как прежде. И действительно, через несколько дней я снова увидел генерала, который блуждал по своим владениям. Обращение его было корректным, хотя в разговоре он и не вспоминал о нашей последней встрече.

Мне казалось, что генерал был по-прежнему взволнован. Время от времени вздрагивал, украдкой испуганно озирался по сторонам. Я от души надеялся, что слова его

дочери сбудутся: после пятого октября настанет затишье. Видя сверкающие глаза и дрожащие руки генерал, я понял, что человек не может жить продолжительное время в состоянии такого нервного напряжения.

Осмотрев забор, я убедился, что все доски тщательно закреплены, заделана и наша лазейка. Сколько я ни бродил вокруг поместья, я не нашел ни одного местечка, где можно было бы сделать проход. Только кое-где сквозь немногочисленные щели забора я проглядывал Клумберхолл. Однажды я заметил в окне первого этажа сурового мужчину средних лет. Может быть, это был кучер Израиль Стэкс. Но нигде не было и признака Габриель или Мордаунта, что очень тревожило меня. Я был уверен, что, если их не держат взаперти, они ухитрились бы дать весточку моей сестре или мне. Мои опасения все усиливались по мере того, как шли дни, а о друзьях не было ни слуху ни духу.

Однажды утром — это было второго октября — я направился к Клумберу, надеясь узнать хоть что-нибудь о своей любимой. Вдруг я заметил человека, сидевшего на камне у обочины дороги.

Приблизившись, я увидел незнакомца; по его пыльной и грязной одежде можно было определить, что он пришел издалека. На его коленях лежал большой ломоть хлеба, в руке он держал складной нож. Но человек, видимо, уже позавтракал, так как отряхивал крошки с колен и, заметив меня, поднялся. Высокий рост незнакомца и суровый взгляд внушали робость, и я счел за лучшее держаться противоположной стороны дороги. Нужда может довести человека до отчаяния, и золотая цепочка, сверкавшая на моем жилете, могла ввести его в искушение, тем более что вокруг было совершенно безлюдно. Мои опасения, казалось, подтверждались: он вышел на середину дороги и преградил мне путь.

— Ну, дружище, — сказал я с напускным спокойствием, хотя на самом деле внутренне сжался, — чего вам от меня нужно? — Обветренное лицо незнакомца было словно вырезано из красного дерева. От рта до уха тянулся глубокий шрам, что отнюдь не украшало внешность бродяги. В волосах сверкала седина, меховая шапка была надета набекрень, что придавало ему ухарский и какой-то полувойенный вид. В общем, он производил впечатле-

ние одного из опасных бродяг, которых мне когда-либо доводилось встречать.

Вместо ответа незнакомец некоторое время молча разглядывал меня мрачными желтоватыми глазами и затем со звоном сложил нож.

— Вы не судья? — спросил он. — Впрочем, вы слишком молоды для этого. Меня забрали сперва в Пэслее, затем в Вигтауне. Но пусть только кто-нибудь посмеет теперь коснуться меня. Он надолго запомнит капрала Руфуса Смита. В этой проклятой стране не дают человеку работу и еще сажают за решетку за то, что у него нет средств к существованию.

— Мне очень грустно видеть старого воина в таком состоянии, — сказал я. — В каких частях вы служили?

— В конной батарее, в королевской конной артиллерии. Чтоб ей пусто было, этой военной службе! Сейчас мне около шестидесяти лет, а я получаю нищенскую пенсию в тридцать восемь фунтов и десять шиллингов. Этого не хватает даже для хорошей выпивки и табака.

— По-моему, тридцать восемь фунтов и десять шиллингов в год — довольно изрядное подспорье на старости лет, — заметил я.

— Ах, вы так думаете?! — воскликнул он насмешливо, приближая ко мне обветренное лицо. — Сколько, по-вашему, может стоять этот шрам, нанесенный индийской саблей? А нога, в которой все суставы гремят, как игральные кости в мешке, потому что ее отдала лафет, во что ее оценить, а? А печень, как губка, а малярия, которая трясет меня, как только подует восточный ветер, — какова рыночная цена всего этого? Согласились бы вы приобрести это за сорок фунтов в год, скажите-ка?

— Мы все в этом крае небогатые люди, — сказал я. — У нас вы считались бы богачом.

— Значит здешние люди — болваны и не имеют представления о жизни, — сказал он, вытаскивая из кармана черную трубку и набивая ее табаком. — Я знаю, что значит хорошая жизнь, и, черт возьми, покуда у меня в кармане водится хотя бы шиллинг, я использую его как следует. Я сражался за родину, и мне заплатили за это чертовски мало. Я решил обратиться к русским, научу их, как пробраться через Гималаи, так, чтобы их не смогли остановить ни афганцы, ни англичане. Сколько

мне заплатили бы в Петербурге за этот секрет, как вы думаете, а?

— Мне стыдно слышать такие разговоры от старого солдата даже в шутку, — сказал я сурово.

— В шутку! — воскликнул он, сопровождая мои слова взрывом проклятий. — Я давно сделал бы так, если бы русские заинтересовались. Скобелев был лучшим из них, да его прикончили. Впрочем, все это неважно. Вот что я хочу спросить вас: не слышали ли вы здесь о человеке по имени Хэзерстон, бывшем полковнике сорок первого Бенгальского полка? Мне говорили в Вигтауне, что он живет где-то здесь.

— Он живет вон там, в большом доме, — сказал я, показывая на башню Клумбера. — Пройдите немного и вы увидите ворота. Впрочем, имейте в виду, генерал не особенно любит гостей.

Последние слова не достигли ушей капрала Руфуса Смита: как только я показал ему ворота, он поспешно заковылял к ним.

Мне никогда не доводилось видеть такого способа передвижения. Смит становился на землю правой ногой, только сделав с десяток прыжков на левой. При этом он действовал левой ногой столь усердно, что подвигался с удивительной быстротой.

Я был так поражен, что остался стоять на месте, глядя вслед неуклюжей фигуре Смита. Вдруг мне пришла в голову мысль, что встреча такого грубого человека с вспыльчивым генералом может вызвать самые серьезные последствия. Поэтому я погнался за Смитом, скакавшим по дороге, подобно огромной неловкой птице, и догнал его у самых ворот поместья, где Смит остановился и, держась за железную решетку, всматривался в темную подъездную аллею.

— Старый хитрый шакал, — произнес он, оглядываясь на меня и кивая в сторону Клумбера. — Старый пес! Так это его бунгало вон там за деревьями?

— Да, это его дом, — ответил я. — Но я посоветовал бы вам придерживаться общепринятых выражений, если вы собираетесь говорить с генералом. Он не потерпит грубостей.

— Вы правы. Он всегда был тертым калачом. Взгляните, не он ли это подходит к нам по аллее?

Я посмотрел через решетку и убедился, что это действительно генерал. Он спешил к нам, быть может, заметив нас или привлеченный нашими голосами. Приближаясь, он по временам останавливался, вглядываясь в нашу сторону сквозь темные тени деревьев.

— Производит разведку, — прошептал мой спутник с грубым хихиканьем. — Он боится, и я знаю, чего он боится. Не хочет попасть в капкан, старый черт. Держу пари, что он готов удрать.

Потом вдруг, поднявшись на цыпочки и размахивая рукой, просунутой через прутья решетки, он заорал изо всей мочи:

— Подойдите, мой доблестный командир, подойдите! Путь свободен, врагов нет!

Это фамильярное обращение придало мужества генералу. Он двинулся к нам, но по цвету его лица я понял, что его гнев достиг апогея.

— Как! Это вы, Уэст?! — воскликнул он, увидев меня. — Что вам надо и зачем вы привели этого человека?

— Я не приводил его, сэр, — ответил я, возмущившись, что на меня возлагается ответственность за появление бродяги, имеющего такой гнусный вид. — Я встретил его на шоссе, он искал вас.

— Что же вам нужно от меня? — спросил сурово генерал, обращаясь к моему спутнику.

— Простите, сэр, — неожиданно смиренно сказал бывший капрал, дотрагиваясь рукою до своей шапки. — Я старый артиллерист королевской службы, сэр, и, прослышав о вас в Индии, подумал, что вы, может, наймете меня конюхом, садовником или дадите мне любое другое вакантное место, которое может оказаться.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь, мой друг, — ответил генерал.

— В таком случае вы, может быть, дадите мне чего-нибудь на дорогу, сэр, — сказал бродяга раболепно. — Не захотите ли вы, чтобы ваш старый соратник погиб из-за нескольких рупий? Я был в бригаде Сэйла в горных походах, сэр, и участвовал во взятии Кабула.

Генерал бросил на посетителя проницательный взгляд, но не проронил ни слова.

— Я был вместе с вами в Газни, когда падали стены во время землетрясения, вместе с вами мы увидели со-

рок тысяч афганцев на расстоянии пушечного выстрела. Расспросите меня и вы убедитесь, что я не лгу. В молодости мы прошли вместе через все испытания, а сейчас, когда состарились, вы живете в этом дворце, а я брожу по дорогам. Разве это справедливо?

— Вы наглый мошенник, — сказал генерал. — Настоящий солдат не просит милостыню. Я не дам вам ни копейки.

— Еще одно только слово, сэр, — воскликнул бродяга, видя, что генерал поворачивается к нему спиной. — Я был в ущелье Терада.

Старый генерал порывисто повернулся, как будто услышал выстрел.

— Что вы хотите этим сказать? — пробормотал он дрожащим голосом.

— Я был в ущелье Терада, сэр, и я знал человека по имени Гхулаб-шах. — Эти слова он произнес вполголоса, со злобной улыбкой. Впечатление этих слов на генерала было потрясающим. Он отпрянул от решетки, желтое лицо его приобрело серовато-синий оттенок.

— Гхулаб-шах! Кто же вы такой, если знали Гхулаб-шаха?

— Вглядитесь хорошенько, — сказал бродяга, — ваше зрение слабее, чем сорок лет тому назад.

Генерал долго и пристально глядел на старого бродягу, стоявшего перед ним. Вдруг глаза его сверкнули.

— Боже мой! — воскликнул он. — Ведь это капрал Руфус Смит!

— Наконец-то! — сказал Смит, усмехаясь. — Я хотел определить, сколько понадобится времени, чтобы вы узнали меня. А теперь откройте-ка калитку, ведь неудобно говорить через решетку. Это слишком напоминает десяти-минутное посещение заключенного в тюрьме.

Генерал, лицо которого все еще хранило признаки волнения, поднял засов нервными дрожащими пальцами. Мне показалось, что генерал, опознав Руфуса Смита, почувствовал некоторое облегчение. И все же было видно, что он не особенно рад появлению капрала.

— Так это вы, капрал? — сказал он, распахивая калитку. — Я часто думал, живы вы или нет, но никогда не ожиал, что увижу вас снова. Что вы делали все эти долгие годы?

— Что я делал? — переспросил капрал хриплым голосом. — Я большей частью был пьян. Как только у меня

появлялись деньги, я тут же пропивал их. Я чувствовал себя спокойным, если напивался. Когда я совсем прожился, то отправился бродить по белу свету, отчасти, чтобы подработать на водку, а отчасти, чтобы разыскать вас.

— Извините, что мы беседуем на личные темы, Уэст, — сказал генерал, обращаясь ко мне, так как в эту минуту я сделал движение уйти. — Не уходите. Вы кое-что уже знаете об этом и, может быть, скоро будете вместе с нами в центре событий.

Капрал Руфус Смит повернулся ко мне в крайнем изумлении.

— В центре событий вместе с нами? — повторил он. — Как он влип в это дело?

— Добровольно, добровольно, — поспешно пояснил генерал тихим голосом. — Это наш сосед, и он предложил нам свою помощь, если она понадобится.

Это объяснение, пожалуй, еще более усилило изумление бродяги.

— Хорошо, но ведь это не так просто! — воскликнул он, разглядывая меня с восхищением. — Никогда не слышал чего-либо подобного.

— Ну, а теперь, капрал Руфус Смит, — сказал генерал, — раз вы меня нашли, скажите, чего вы хотите?

— Мне все нужно. Нужна крыша над головой, одежда, пища, а прежде всего — водка.

— Хорошо. Я приму вас и сделаю все, что могу, — медленно сказал генерал. — Но я требую дисциплины: не забывайте, я — генерал, а вы капрал, я хозяин, а вы подчиненный. Не заставляйте меня напоминать вам об этом.

Бродяга выпрямился во весь рост и отдал честь повоенному ладонью вперед.

— Я возьму вас на работу садовником, уволив одного парня. Что касается водки, то вам будет установлен паек и ни капли больше. Здесь в холле у нас не пьют запоем.

— А вы сами, сэр, разве не принимаете опиума или спиртного, или еще чего-нибудь? — спросил капрал Руфус Смит.

— Ничего, — твердо ответил генерал.

— Ну, могу сказать, что у вас больше самообладания, чем у меня. Неудивительно, что вы получили крест во время восстания сипаев. А если бы я, слыша каждую ночь эти звуки, не прибежал к спиртному, я сошел бы с ума.

Генерал Хэзерстон предостерегающе поднял руку, как бы опасаясь, что его собеседник может сказать лишнее.

— Благодарю вас, мистер Уэст, — сказал он, — за то, что вы показали ему мой дом. Я не могу допустить, чтобы мой боевой товарищ, какое бы скромное положение он ни занимал, попал в беду. Если я не сразу откликнулся на его просьбу, то только потому, что не был уверен, действительно ли он тот, за которого себя выдает. А теперь, капрал, идите в холл. Через минуту я последую за вами.

— Бедняга! — сказал генерал, глядя вслед пришельцу,ковылявшему по аллее странной походкой, описанной мною выше. — Он попал ногой под оружие, у него сломана кость, но упрямец не позволил врачам ампутировать ногу. Я помню его лихим молодым солдатом в Афганистане. Мы были связаны друг с другом одним странным обстоятельством, о котором я когда-нибудь расскажу вам. Говорил ли он что-нибудь обо мне до моего прихода?

— Ничего, — ответил я.

— О, — произнес генерал беззаботным тоном, но явно с чувством облегчения. — Я имел в виду, что он мог вспомнить старые времена. Ну, а теперь мне нужно пойти позаботиться о нем, а то слуги перепутаются: он не очень-то красив с виду. До свидания!

Махнув мне на прощанье рукой, старик повернулся и поспешил к дому по подъездной аллее. А я продолжал прогулку вокруг высокого темного забора, заглядывая во все щели между досками, но нигде не находя следов Мордаунта и его сестры.

Я довел свое повествование до появления капрала Руфуса Смита. Это оказалось началом конца. Полагаю, что пришло время передать повествование лицам, имевшим возможность лично узнать о том, что происходило в стенах Клумбера, пока я наблюдал за ним извне.

Кучер Израиль Стэйкс не умеет ни читать, ни писать, но пресвитерианский священник церкви в Стоней — мистер Мэтью Кларк записал его показания. Последние подтверждены крестиком, который поставил Стэйкс вместо подписи. Добрейший священник, мне кажется, слегка отшлифовал повествование Стэйкса. Я весьма сожалею об этом, так как оно могло бы оказаться более интересным, хотя, может быть, и менее понятным, будь оно

передано дословно. И все же эта запись сохранила черты индивидуальности Израиля Стэйкса и, можно считать, она точно отражает то, что видел и слышал Стэйкс за время своей службы у генерала Хэзерстона.

Глава VIII

Отчет Израиля Стэйкса

*(записанный и заверенный преподобным Мэтью
Кларком, пресвитерианским священником церкви
в Стоней Вигтауншира)*

Мистер Фэзергил Уэст и священник велели рассказать мне все, что я знаю о Хэзерстоне и его доме, и предупредили, что не следует распространяться о себе самом, мол, читателям будет неинтересно знать о моих собственных делах. Не думаю, чтобы это было так, потому что фамилия Стэйксов очень известна и пользуется большим уважением по обеим сторонам границы с Англией. Кроме того, в Нитсдэле и Аннандэле имеется немало людей, которым было бы очень интересно познакомиться с делами, приключившимися с сыном Артура Стэйкса из Эклефечена.

Но я должен делать, как велют. Я только надеюсь, что мистер Уэст не забудет меня, когда придется попросить у него какой-нибудь милости¹.

Я не могу писать, потому что отец посылал меня гонять ворон, вместо того чтобы отправить в школу. Но зато он воспитал меня в правилах и обычаях истинной церкви, за что я славлю Господа.

В прошлом мае исполнился ровно год с того дня, как фактор Мак-Нейль подошел ко мне на улице и спросил, не хочу ли я поступить на работу кучером или садовником. Случилось так, что в то время я как раз сам подыскивал себе какую-нибудь работенку. Но я, конечно, и виду не подал, что нуждаюсь в заработке.

— Хотите — беритесь за эту работу, не хотите — не нужно, — сказал он раздраженно. — Только это неплохая

¹ Старому мошеннику хорошо заплатили за труды, и ему не следовало бы говорить о какой-либо любезности с его стороны. (Прим. Дж. Ф. Уэста).

должность, многие были бы не прочь заполучить ее. Если решите, зайдите ко мне в контору завтра в два часа, тогда вы сможете сами задать вопросы хозяину.

С тем я от него и ушел. Он скрытный и прижимистый человек. Только вряд ли это поможет ему в грядущей жизни, хотя в этой жизни он отложил немало денег. Когда наступит день суда, многие факторы окажутся по левую руку от престола, и я не удивлюсь, если и мистер Мак-Нейль будет среди них.

Ладно! На следующий день я отправился в контору и застал там фактора и высокого тощего человека с седыми волосами и коричневым лицом, морщинистым, как грецкий орех. Он пристально поглядел на меня, — а его глаза сверкали, как угли, — и затем сказал вот что:

— Насколько я знаю, вы родились в этих краях?

— Да, — сказал я. — И никогда не выезжал отсюда.

— Никогда не выезжали из Шотландии? — спрашивает он.

— Честно говоря, дважды был в Карлайле, — сказал я, так как люблю правду. Да, кроме того, я знал, что фактору известно об этом: я покупал там по его поручению два бычка и нетель для фермы Дремлея.

— Мистер Мак-Нейль говорил мне, — сказал генерал Хэзерстон (потому что это был он и никто другой), — будто вы не умеете писать.

— Нет, — сказал я.

— И читать?

— Нет, — сказал я.

— Мне кажется, — тут он обратился к фактору, — что этот человек вполне подойдет мне. В наше время слуги испорчены чрезмерным просвещением, — сказал он. — Не сомневаюсь, Стэйкс, что я буду вами доволен. Вы будете получать три фунта в месяц и харчи. Но я сохраняю за собою право уволить вас в любое время, предупредив за двадцать четыре часа. Устраивает вас это?

— Это не то, что на последней работе, — сказал я с недовольным видом.

И эти слова были правдивы, ибо старый фермер Скотт платил мне только один фунт в месяц.

— Ну, ну, — сказал генерал, — может быть, я потом и прибавлю. А сейчас вот вам шиллинг в задаток; мистер Мак-Нейль сказал мне, что здесь так принято. Жду вас в Клумбере в понедельник.

Когда настал понедельник, я отправился в Клумбер. Это был преобладающий дом с сотней окон; в него можно было бы упрятать половину прихода. А что касается садоводства, то там и сада-то не было; а лошадь неделями не выводили из конюшни. Но я был достаточно загружен: надо было укреплять забор, то да се, чистить ножи, наводить глянец на ботинки и тому подобные дела, которые больше подходят старухе, чем мужчине.

Кроме меня на кухне было еще двое: кухарка Элиза и горничная Мэри. Они прожили всю жизнь в Лондоне и совсем не знали света. Мне не о чем было с ними говорить, потому что это были совсем простые женщины. Они едва понимали настоящий английский язык, а о своих душах заботились не больше, чем жабы в болоте. Когда кухарка сказала мне как-то, что не очень-то ценит Джона Нокса и не даст и шести пенсов за проповедь мистера Дональда Мак-Сноу об истинной церкви, я почувствовал, что мне следует предоставить их высшему судье.

В семье хозяина было четверо: генерал, миледи, Мордаунт и Габриель, и я вскоре понял, что в семье не все было ладно. Миледи была тощая и белая, как привидение. Я не сразу заметил, что она плачет и горюет в одиночестве. Я видел, как она бродит по парку и, думая, что ее никто не видит, ломает руки как ненормальная.

Молодой джентльмен и его сестра тоже имели какое-то горе. А больше всех тревожился генерал. Молодые хозяева иногда приободрялись, а генерал был всегда одинаковый. Лицо у него было суровое и грустное, как у преступника, который чувствует веревку на шее.

Я как-то спросил на кухне, не знают ли они, чего не хватает нашим хозяевам, но кухарка мне сказала, что не ее дело вмешиваться в хозяйские дела, ее дело работать да получать жалованье. Это была совсем глупая женщина. Она не смогла дать мне ответ на простой вопрос, а сама любила болтать без умолку.

Ну, так вот. Проходили недели и месяцы, а дела в холле шли все хуже и хуже. Генерал становился все более нервным, а его леди с каждым днем все печальнее. Но между ними не было ссор. Когда они завтракали, я имел обычай обходить дом кругом и подрезать кусты роз под самыми окнами, так что невольно слышал большую часть их разговоров.

Генерал говорил, что он не боится смерти или какой-нибудь явной опасности, но что у него отнимают все мужество неизвестность и ожидание. Тогда миледи утешала его, говоря, что, может быть, дело не так уж плохо, как он думает, что это может случиться в самом конце их жизни. Но он и слушать не хотел.

Что касается молодых господ, то я знаю, что они не всегда сидели в имении: как только им представлялся случай, уходили к мистеру Фэзергилу Уэсту в Бранксом. Генерал был слишком занят своими тревогами и ничего не знал, а я считал, что в мои обязанности кучера и садовника не входит докладывать ему об этом. Он и сам должен был бы знать, что если запретить девушке или леди делать то или другое, то это самый верный способ добиться, чтобы они это делали. Господь увидел это в райских кущах, а разница между людьми в раю и в Вигтауне не так уж велика.

Тут есть еще одно дело, о котором я еще не говорил, но которое надо обязательно отметить.

Генерал не жил в одной комнате с леди. Он спал один в комнате в самом дальнем конце дома. Эта комната всегда была у него на запоре, и он никому не разрешал входить в нее. Он сам стелил себе постель, сам убирал комнату и стирал пыль.

По ночам генерал бродил по дому, а в каждой комнате и всюду по углам висели зажженные лампы, так что у нас нигде не было темноты даже ночью.

Нередко из своей комнаты на чердаке я слышал его шаги в коридоре с полуночи до петухов. Жутко было лежать и слушать, как он бродит, и думать — то ли он сумасшедший, то ли набрался в Индии языческой идольской премудрости и теперь совесть грызет его, как червь. Мне следовало бы спросить, не полегчает ли ему, если он поговорит с преподобным Дональдом Мак-Сноу, но я побоялся. Генерал не такой человек, чтобы можно было с ним об этом разговаривать.

Однажды, когда я работал на газоне, генерал подошел и спросил меня:

— Приходилось ли вам когда-нибудь стрелять из пистолета?

— Боже сохрани! — воскликнул я. — Я в жизни никогда не держал в руках такой штуки.

— Ну и не берите его, — сказал он. — У каждого свое оружие. Надеюсь, что вы сможете защищаться ножом для прививки деревьев?

— Конечно, не хуже любого другого парня, — сказал я.

— Наш дом находится в пустынном месте, к нам могут забраться грабители. Нужно быть готовым к этому. Я, вы, мой сын Мордаунт и мистер Фэзергил Уэст из Бранксомы, который явится по моему зову, все мы вместе сможем ли встретить врага как следует, как вы думаете?

— Точно, сэр, — сказал я. — Конечно, пировать веселее, чем воевать, но если вы прибавите мне еще фунт в месяц, я не уклонюсь от участия наравне со всеми другими.

— Не будем спорить об этом, — сказал генерал и дал согласие прибавить мне двенадцать фунтов в год. Он согласился на это с такой легкостью, как будто это были камешки. Я не хочу сказать ничего плохого, но я тогда невольно подумал, что деньги, которые тратят с такой легкостью, добыты, вероятно, не совсем честным путем.

По природе я человек не любопытный и не люблю совать нос в чужие дела, но тут я был поставлен в тупик: почему это генерал бродит по ночам, что не дает ему спать?

Так вот однажды, когда я убирал коридор, я заметил в углу недалеко от двери генеральской комнаты большую грудку занавесей, старых ковров и тому подобных вещей. Внезапная мысль осенила меня, и я сказал себе:

— Израиль, дружок, — так я сказал, — почему бы тебе не спрятаться здесь сегодня ночью и не последить за стариком, когда он будет думать, что его никто не видит?

Чем больше я об этом думал, тем проще мне казалось это дело, и я решил сегодня же осуществить свою мысль.

Когда настала ночь, я сказал женщинам, что у меня болят зубы и я рано пойду спать. Я подождал немного у себя, а затем, когда крутом стихло, снял сапоги, быстро спустился по лестнице, добрался до кучи старых ковров и улегся там. Сверху я закрылся большим рваным ковром и притаился, как мышь. Генерал прошел мимо меня, направляясь в свою комнату.

Боже мой! За все деньги Объединенного банка в Дамфрисе не согласился бы я снова пережить эти часы. Как только я вспомню, что было, мороз пробегает по коже.

Как страшно лежать в тишине, ожидая чего-то и не слыша ни звука, за исключением тиканья старых часов где-то в конце коридора. Сперва я хотел выглянуть в коридор. Но вдруг мне показалось, что кто-то приближается ко мне. На лбу у меня выступил холодный пот, сердце забилось быстрее. Больше всего боялся я, что пыль от занавесей и ковров забьется в мои легкие, и я не удержусь от кашля. О господи! Удивляюсь, что я не поседел от всего, что пришлось пережить. Я не согласился бы снова пройти через это, даже если бы меня назначили лорд-мэром Глазго!

Так вот. Было два часа утра или немного больше, и я уже подумывал, что не увижу ничего особенного, хотя я и не тужил об этом, как вдруг до моих ушей донесся ясный и четкий звук. Меня просили описать этот звук, но это не так-то просто. Я никогда не слышал ничего, что было бы похоже на него. Он был пронзительный, звонкий, как если бы слегка ударить о край бокала, только звук был гораздо сильнее, тоньше и, кроме того, напоминал что-то похожее на плеск, подобно звуку от капли, падающей в бочку с водой. В страхе я уселся среди ковров, как заяц в листьях, и весь превратился в слух. Но вокруг было тихо, за исключением отдаленного тиканья часов.

Но вот звук повторился — ясный, пронзительный и резкий. Генерал тоже услышал его; до меня донесся его стон, стон человека, которого внезапно разбудили. Он соскочил с кровати (и я слышал шорох), оделся, затем послышались его шаги — он ходил по комнате взад и вперед.

Боже мой! Я тут же снова скрылся в коврах, взвалив один из них себе на голову. Так лежал я, дрожа всем телом и вознося к небу все молитвы, какие знал. В то же время я внимательно глядел на дверь генерала сквозь складки ковров.

Дверь медленно отворилась. В комнате горел свет, и мне удалось только мельком разглядеть то, что я принял за ряд сабель, стоящих вдоль стены. Генерал вышел из комнаты и захлопнул дверь. Он был в халате, с красной ермолкой на голове и в туфлях без каблуков с загнутыми кверху носами.

На мгновение я предположил, что старик бродит во сне, но когда он приблизился ко мне, я заметил, что его

глаза блестят, а лицо подергивается, как у чрезвычайно взволнованного человека. По совести говоря, меня и сейчас берет дрожь, когда я вспоминаю высокую фигуру генерала и его желтое лицо. Он тяжело пошел по длинному пустому коридору.

Я лежал, затаив дыхание, наблюдая за своим хозяином. Когда он подошел ко мне, сердце замерло в моей груди, потому что раздался громкий и четкий звук на расстоянии какого-нибудь ярда от меня — звонкий, резкий. Не могу сказать, откуда он доносился, что вызвало его. Может быть, это звонил сам генерал, но его руки были опущены, когда он проходил мимо меня. Звук шел откуда-то с его стороны, но, как мне казалось, сверху, над головой генерала. Звук был такой тонкий, высокий, неопределенный, что невозможно было сказать, где он возникал.

Генерал поднял голову, но продолжал свой путь и вскоре скрылся из виду. Я тут же выкарабкался из убежища и пустился бегом в свою комнату.

Я никому ничего не сказал о виденном, но решил не оставаться больше в Клумбер-холле. Четыре фунта в месяц — это, конечно, неплохое жалованье, но оно не может вознаградить за потерю покоя, а может быть, и за гибель души, потому что когда бродит кругом нечистая сила, невозможно предвидеть, что от этого получится. Хотя провидение сильнее дьявола, все же лучше не рисковать. Мне стало ясно, что над генералом и его домом тяготеет какое-то проклятие и, возможно, оно заслужено им. Но ведь не должно же оно пасть на главу праведного пресвитерианца, который всегда ходил по узкой стезе добродетели! Особенно жаль мне было мисс Габриель; она была такая красивая, славная девушка. Но я чувствовал, что прежде всего обязан позаботиться о себе и что я должен, подобно Лоту, отряхнуть с ног своих прах нечестивых городов долины.

Ужасный звук все еще стоял в моих ушах, и я не мог остаться один в коридорах из опасения снова услышать его. Я только выжидал подходящего случая, чтобы заявить генералу об уходе и направить свои стопы туда, где я мог бы видеть добрых христиан и церковь вблизи моего жилища.

Но получилось так, что не я сказал это слово, его сказал генерал.

Однажды, в начале октября, я вышел из конюшни, задав овса лошади. Вдруг я заметил здоровенного детину, приближающегося по подъездной дороге большими прыжками на одной ноге. У меня мелькнула мысль, что, может быть, это один из тех мошенников, о которых говорил генерал. Недолго думая, я схватил палку, чтобы огреть ею бродягу по голове. Но он заметил меня, догадался о моих намерениях и, вытащив из кармана длинный нож, потребовал с самыми ужасными богохульствами, чтобы я остановился, а не то он меня зарежет.

Боже мой! От одних его слов волосы поднялись у меня дыбом. Поражаюсь, как гром не убил его на месте!

Так мы стояли друг против друга — он с ножом, а я с палкой. Тут и подошел к нам сам генерал. К моему великому удивлению, он заговорил с бродягой так, будто дружил с ним многие годы.

— Спрячьте нож, капрал, — сказал он. — Страх помутит ваш рассудок.

— Гром и молния! — воскликнул тот. — Он начисто вышиб бы мозги из моей головы палкой, не будь у меня ножа. Вам не следует держать у себя таких дикарей.

Хозяин нахмурился. Он не был в восторге от слов бродяги. Затем повернулся ко мне.

— С завтрашнего дня вы уволены, Израиль, — сказал он. — Вы неплохо справлялись со своей работой, и я не имею к вам претензий. Но обстоятельства изменились, и я вынужден освободить вас.

— Слушаю, сэр, — сказал я.

— Можете уйти из дому сегодня вечером, — добавил он. — Вы получите месячное жалованье в виде компенсации.

С этими словами он вошел в дом в сопровождении человека, которого назвал капралом, и с того дня я ни разу не видел никого из них. Деньги были переданы мне в конверте.

Сказав несколько прощальных слов кухарке и горничной и посоветовав им почаще обращаться к Богу и думать о сокровище, более ценном, чем все богатства мира, я навеки отряхнул прах Клумбера с ног своих.

Мистер Фэзергил Уэст говорил, что от меня не требуется суждений о том, что произошло в дальнейшем, и что я должен ограничиться только изложением того, что видел сам. Разумеется, у него есть на это причины и, воз-

можно, очень основательные, но я должен заявить, что не удивляюсь случившемуся потом. Этого именно я и ожидал, о чем и сказал преподобному Дональду Мак-Сноу.

Я рассказал вам все — и ничего не могу ни прибавить, ни исключить. Я очень благодарен мистеру Мэтью Кларку за то, что он записал все это, и если кто-нибудь пожелает услышать от меня еще что-либо, то я хорошо известен и уважаем в Эклефечене, и мистер Мак-Нейль, фактор в Вигтауне, сможет сказать, как меня разыскать.

Глава IX

Рассказ Джона Истерлинга, доктора медицины в Эдинбурге

Приведа выдержки из отчета Израиля Стэйкса, я включаю в свое повествование краткую запись доктора Истерлинга, практикующего ныне в Странраре. Хотя доктор был в Клумбере один-единственный раз за все время пребывания там генерала Хэзерстона, некоторые обстоятельства, связанные с этим посещением, делают записи очень интересными, особенно если рассматривать их как добавление к уже изложенным мною фактам.

При всей своей обширной практике доктор смог уделить время для кратких записей воспоминаний о посещении Клумбера. Мне остается только привести их без изменений.

Мне было очень приятно вручить мистеру Фэзергилу Уэсту отчет о моем единственном посещении Клумберхолла. Эти записи связаны не только с моим глубоким уважением к этому джентльмену с самого его появления в Бранксоме. Я глубоко убежден, что факты, касающиеся генерала Хэзерстона, носят специфический характер, что совершенно необходимо довести их до сведения широкой публики в самом точном изложении.

В начале сентября прошлого года я получил записку от миссис Хэзерстон из Клумберхолла с приглашением посетить ее супруга, здоровье которого, по ее мнению, было за последнее время в весьма неудовлетворительном состоянии.

Мне приходилось слышать кое-что о Хэзерстонах и о их странном затворничестве. Поэтому я был рад позна-

комиться с этой семьей поближе и в этих целях немедленно отправился в Клумбер.

Я знал этот холл еще в прежние времена, когда его владельцем был мистер Мак-Витти, и поэтому, подъезжая к воротам поместья, был изумлен произошедшими переменами. Ворота, так гостеприимно распахивавшиеся в прежние времена, были теперь заперты на засов; высокий деревянный забор, утыканный гвоздями, окружал все поместье. Подъездная дорога была усыпана листьями и давно не подметалась. Хозяйство в целом имело грустный вид запустения и распада.

Мне пришлось дважды постучать в дверь, прежде чем отворила горничная, которая провела меня через темный вестибюль в небольшую комнату. В этой комнате сидела пожилая изможденная леди, назвавшая себя миссис Хэзерстон. Бледное лицо ее, седые волосы, печальные тусклые глаза и поблекшее шелковое платье — все как нельзя лучше соответствовало окружающей унылой обстановке.

— Мы все в большом волнении, доктор, — сказала она спокойным и изысканным тоном. — Мой муж в течение продолжительного времени испытывал различные тревоги и беспокойство, его нервная система была в очень тяжелом состоянии. Мы приехали сюда, надеясь, что покой и бодрящий воздух окажут на мужа благотворное влияние. К сожалению, ему стало значительно хуже. Сегодня утром у него появилась сильная лихорадка и бред. Дети и я так испугались, что я сразу же пригласила вас. Будьте любезны последовать за мной, я проведу вас в спальню генерала.

Многочисленными коридорами она повела меня в комнату больного, расположенную в самом конце здания. Эта комната, очень скудно меблированная, без ковров, показалась мне чрезвычайно унылой. В ней были только узкая и низкая кровать, походный стул и простой деревянный стол с разбросанными на нем бумагами и книгами. На середине стола лежал какой-то предмет неопределенной формы, закрытый полотняной простыней.

Повсюду на стенах была развешена очень ценная и разнообразная коллекция оружия, главным образом сабли, некоторые из которых несомненно были образцами современного вооружения британской армии. В числе других видов оружия были кривые восточные сабли,

индийские мечи, палаши, секиры. Некоторые из них отличались богатой отделкой, инкрустацией на ножнах, эфесах, сверкающими драгоценными камнями. Бросался в глаза резкий контраст очень скромной обстановки и богатства, блиставшего на стенах.

Впрочем, у меня не было времени разглядывать коллекцию генерала, потому что он лежал в постели и явно нуждался в моей помощи.

Голова генерала была повернута от нас вполоборота, он тяжело дышал и, очевидно, не подозревал о нашем присутствии. Блестящие широко открытые глаза и яркий румянец свидетельствовали о сильнейшей лихорадке.

Я подошел к постели и, склонившись над генералом, взял его за руку, чтобы прощупать пульс. Внезапно он вскочил, сел в постели и нанес мне яростный удар. Никогда мне не доводилось видеть такого пароксизма ужаса, с которым он глядел на меня.

— Собака! — закричал он. — Пусти, пусти, говорят тебе. Руки прочь! Или тебе мало, что вся моя жизнь разбита? Когда же это кончится? Сколько мне еще мучиться?

— Тише, дорогой мой, тише, — проговорила его жена, успокоительно проводя прохладной рукой по его горячему лбу. — Это доктор Истерлинг из Странрара. Он не причинит тебе зла, напротив, окажет помощь.

Генерал в изнеможении откинулся на подушку, и по изменившемуся выражению его лица я увидел, что ему стало легче и что он понимает речь окружающих.

Я поставил генералу термометр и стал считать пульс. Он достигал ста двадцати ударов в минуту, термометр показывал сорок градусов. По всей вероятности, это была перемежающаяся лихорадка, которой иногда страдают люди, проводившие большую часть жизни в тропиках.

— Опасности нет никакой, — заметил я. — С помощью хинина и мышьяка мы скоро ликвидируем этот приступ и полностью восстановим ваше здоровье.

— Никакой опасности, а? — сказал генерал. — Для меня никогда не бывает никакой опасности. Меня невозможно убить. Сейчас у меня в голове совершенно прояснилось, поэтому, Мэри, оставь нас вдвоем с доктором.

Миссис Хэзерстон вышла из комнаты, как мне показалось, довольно неохотно, а я сел у постели больного, чтобы выслушать все, что он пожелает мне сообщить.

— Мне хотелось бы, доктор, чтобы вы обследовали мою печень, — сказал генерал, когда дверь закрылась. — У меня был абсцесс, и наш полковой врач Броди уверял, будто готов держать пари, что этот абсцесс сведет меня в могилу. Когда я уехал из Индии, боли полностью прекратились. Вот где был абсцесс, как раз у этого ребра.

— Я чувствую это место, — сказал я после тщательного осмотра. — Но рад заверить вас, что абсцесс полностью абсорбировался или заизвестковался, как нередко бывает с абсцессами. Сейчас вам можно совершенно не опасаться, что он причинит вам беспокойство.

Казалось, генерал вовсе не был в восторге от такого сообщения.

— Так всегда бывает со мною, — утрюмо сказал он. — Если бы все это произошло с кем-нибудь другим, он, конечно, подвергался бы в какой-то мере опасности, а я, как вы сказали, вне опасности. Посмотрите-ка, — он обнажил грудь и показал мне зарубцевавшуюся рану в области сердца. — Сюда попала пуля горца. Вы, конечно, думаете, что этой раны достаточно, чтобы отправить человека на тот свет. Что же получилось? Пуля скользнула по ребру и вышла из спины, даже не задев плевры. Слышали вы что-нибудь подобное?

— Вы родились под счастливой звездой, — улыбнулся я.

— Ну, это зависит от точки зрения, — сказал генерал, качая головой. — Смерть мне не страшна, если она придет в привычной для меня форме. Но, признаюсь, что ожидание странной, необычной смерти очень страшно и действует на нервы.

— Вы имеете в виду, — сказал я, удивленный его словами, — что предпочли бы естественную смерть насильственной?

— Нет, не совсем так, — ответил он. — Я слишком хорошо знаю и холодное, и огнестрельное оружие, чтобы бояться его. Что вы знаете, доктор, об одилических силах?

— Ничего, — ответил я. Все время я зорко следил за генералом, чтобы узнать, не возвращается ли к нему бред. Но его рассуждения были вполне разумны, лихорадочный румянец исчез.

— Вы, ученые Запада, во многом отстаете от жизни, — заметил генерал. — Во всем, что касается материальной

сущности вещей и что способствует поддержке тела, вы достигли значительных успехов. Но что касается скрытых сил природы и скрытой мощи человеческого духа, то в этом отношении вы, ученые люди Запада, отстали на сотни лет от самого ничтожного индийского кули. Бесчисленные поколения предков, потреблявших в пищу мясо и стремившихся к материальному благосостоянию и комфорту, содействовали преобладанию в нас животных инстинктов над духом. Тело, которое должно было бы быть только орудием нашей души, сейчас превратилось в тюрьму для души, которая в ней заключена, и, к тому же, в тюрьму все более и более разрушающуюся. На Востоке душа и тело не так слиты друг с другом, как у нас; там гораздо меньше страданий при разлучении их в момент смерти.

— Однако такая их структура как будто не приносит им особенной пользы, — недоверчиво заметил я.

— Только пользу высшего познания, — ответил генерал. — Если бы вы поехали в Индию, то, возможно, первое, чем вы заинтересовались ради развлечения, — это явление природы, которое называют фокусом с деревом манго. Вы, конечно, слышали или читали об этом.

Человек сажает семя манго и делает над ним пассы, пока оно не пустит побег и не принесет листья и плоды — и все это в течение получаса. На самом деле это не фокусы, это — сила. Такие люди знают о природных процессах больше, чем ваши Тиндали и Гексли; они могут ускорять и замедлять действие сил природы загадочными способами, о которых мы не имеем ни малейшего понятия. Эти фокусники низших каст являются только дилетантами. Но люди, вступившие на более высокую ступень, настолько выше нас своими познаниями, насколько мы выше готтентотов или патагонцев.

— Вы говорите так, как будто хорошо изучили их, — заметил я.

— Да, на свою беду, — ответил он. — Я встретился с ними при таких обстоятельствах, при которых, надеюсь, не встретится никакой другой бедняга. Но, право, вам следовало бы знать хоть что-нибудь об одилических силах; они имели бы большое значение в вашей профессии. Почитайте книгу Рейхенбаха «Исследование магнетизма и жизненной силы», книгу Грегори «Письма о

животном магнетизме». Эти книги вместе с двадцатью семью афоризмами Месмера и трудами доктора Юстинуса Кернера из Вейнсберга значительно расширили бы ваш кругозор.

Я не особенно обрадовался этому перечню: у меня было, что читать по моей профессии. Поэтому, ничего не ответив, я поднялся, чтобы откланяться. Перед уходом я еще раз прощупал пульс генерала и убедился, что лихорадка исчезла окончательно — правда, совершенно внезапно и необъяснимо. Впрочем, это бывает при малярии.

Я повернулся к генералу, чтобы поздравить его с выздоровлением, и одновременно протянул руку, чтобы взять со стола перчатки, но поднял не только их, но и захватил нечаянно кусок полотна, закрывавшего какой-то предмет в середине стола.

Я даже не заметил бы своего поступка, если бы не увидел гневного взгляда больного и не услышал его нетерпеливого восклицания. Я тут же повернулся и положил полотно на прежнее место. Все это произошло так быстро, что я не мог бы сказать, что было под полотном; сохранилось только впечатление, будто это было что-то, похожее на свадебный пирог.

— Ничего, доктор, — сказал добродушно генерал, поняв, что этот инцидент был чисто случайным. — Не вижу причин, почему бы вам не посмотреть на это. — Он протянул руку и снял полотно.

То, что я принимал за свадебный пирог, было на самом деле изумительно выполненным макетом величественной цепи гор, снеговые вершины которых немного походили на минареты.

— Это Гималаи или, вернее, их Суринамский отрог, — заметил генерал. — Здесь показаны главные проходы между Индией и Афганистаном. Это превосходный макет. Местность эта имеет для меня особый интерес: это арена моей первой кампании. Вот ущелье напротив Калабага и долины Тул, где я сражался летом 1841 года, защищая транспортные колонны, и держал в страхе афридов. Клянусь честью, дела там было много!

— А это? — спросил я, указывая на кроваво-красное пятно, помеченное на одной из сторон ущелья. — Это, вероятно, поле боя, где вы сражались?

— Да, там у нас была стычка, — ответил он, наклоняясь и разглядывая красное пятно. — Здесь нас атаковали.

В тот же момент он, как подстреленный, откинулся на подушку. На лице его появилось то же выражение ужаса, которое я заметил, когда входил в комнату. Одновременно где-то в воздухе, как будто непосредственно над изголовьем генерала возник острый, звонкий металлический звук. Никогда — ни до этого момента, ни впоследствии мне не доводилось слышать какой-либо звук, похожий на этот.

Я с изумлением осмотрелся, недоумевая, откуда он донесся, но не заметил ничего, что могло бы его вызвать.

— Ничего, доктор, — сказал мертвенно-бледный генерал с принужденной улыбкой. — Это мой личный гонг. Может быть, вам лучше спуститься вниз и прописать мне рецепт в столовой?

Ему, очевидно, не терпелось отделаться от меня, поэтому я был вынужден откланяться, хотя с удовольствием побыл бы там еще немного, чтобы выяснить причину таинственного звука.

Я уехал домой с твердым намерением снова навестить своего интересного пациента и постараться вытянуть из него какие-нибудь подробности о его прошлом и о его положении в настоящее время. Но меня ожидало разочарование. В тот же вечер я получил записку от самого генерала. При ней был приложен весьма приличный гонорар за мой визит, а в записке сообщалось, что мое посещение оказало столь хорошие результаты, что генерал чувствует себя гораздо лучше и не считает возможным беспокоить меня повторным посещением Клумберхолла.

Это было единственное письмо, полученное мною от генерала.

Люди, интересовавшиеся всем этим, а также мои соседи не раз спрашивали меня, не произвел ли на меня генерал впечатления душевнобольного. На этот вопрос я без колебания даю отрицательный ответ. Все его замечания свидетельствовали о том, что он много читал и размышлял. И все же я заметил во время нашей единственной беседы, что у него слабые рефлексy, его arcus senilis явно обозначен. Я нашел также, что у него начало склероза артерий, то есть признаки того, что его организм в неудовлетворительном состоянии и что можно опасаться внезапного кризиса.

Глава X

О письме из Клумбер-холла

Приведя эти показания посторонних свидетелей, относящихся к моему рассказу, я сейчас продолжу отчет о своих личных наблюдениях. Я довел свое повествование, как читатель несомненно помнит, до появления у нас странного бродяги, назвавшегося капралом Руфусом Смитом. Это произошло в самом начале октября. Сличая даты, я обнаружил, что визит доктора Истерлинга в Клумбер предшествовал прибытию капрала примерно на три недели или даже больше.

Все это время я ужасно волновался. С того самого дня, как генерал узнал из разговора со мной о наших взаимоотношениях с его детьми, я ни разу не видел ни Габриель, ни ее брата и не сомневался, что по отношению к ним применялись какие-то меры ограничения. Мысль о том, что именно мы явились виновниками этого, была очень тягостна и для меня, и для моей сестры.

Однако вскоре наша тревога уменьшилась: через два дня после моего последнего разговора с генералом мы получили письмо от Мордаунта Хэзерстона. Оно было принесено сыном одного из рыбаков. Мальчишка сообщил, что письмо вручила ему на подъездной аллее какая-то пожилая женщина. По моим предположениям, это была кухарка Клумбер-холла.

т.б.

«Дорогие друзья! — было написано в этом письме. — Вы, наверное, очень беспокоитесь, не имея от нас никаких известий. Мысль об этом очень удручает нас. Мы вынуждены все время сидеть дома. Но это принуждение — морального, а не физического порядка.

Бедный отец, который с каждым днем становится все беспокойнее, упросил нас дать слово не выходить из дому, пока не минует пятое октября. Он, со своей стороны, сказал, что после этой даты, следовательно, меньше, чем через неделю, мы будем свободны, как ветер, и сможем идти, куда захотим. Значит, нужно подождать еще совсем немного. Габриель уже говорила вам, что пятого октября страх отца достигает апогея. Но зато потом он совершенно успокаивается. В этом году отец имеет, очевидно, больше оснований, чем обычно, ожидать какого-то несчастья.

Никогда еще не принимались такие продуманные меры предосторожности и никогда еще отец не обнаруживал такого глубокого упадка мужества. Кто мог бы подумать, глядя на сгорбленную спину отца и на его дрожащие руки, что это тот самый человек, который когда-то в упор убивал тигров в джунглях Тераи, смеясь над менее смелыми охотниками, которые предпочитали во время охоты занимать безопасную позицию на спине слона под балдахином. Вы ведь знаете, что отец был награжден крестом Виктории за бои на улицах Дели. А сейчас он дрожит от ужаса и прислушивается к каждому шороху, живя в самом, казалось бы, тихом и мирном уголке. Как это ужасно, Уэст! Но вспомните, что я уже говорил вам: это не фантастическая опасность, существующая только в воображении отца. Нет, эту опасность мы имеем все основания считать совершенно реальной. Однако она носит такой характер, что не может быть ни предотвращена, ни даже выражена понятными словами. Если все кончится благополучно, мы увидимся с вами в Бранксоме шестого числа.

Любящий вас обоих Моргант».

Это письмо очень успокоило нас, так как мы убедились, что наши друзья не подвергаются никакому физическому принуждению. Но нас сводило с ума сознание, что мы совершенно бессильны перед опасностью, которая угрожает тем, кто для нас дороже всего на свете.

Каждый день мы неоднократно задавали друг другу вопрос об этом, но чем больше мы думали, тем безнадежнее казалось нам положение. Тщетно мы напрягали все наши умственные способности, сопоставляли слова, слышанные нами от обитателей Клумбера, слова, которые хотя бы косвенно были связаны с предметом наших размышлений.

Наконец, измученные бесплодными разговорами, мы решили не думать об этом, успокаивая себя тем, что через несколько дней запреты будут сняты и мы сможем узнать все непосредственно от наших друзей. Но мы понимали, что оставшиеся дни покажутся нам долгими и тоскливыми. Так бы оно и было, если бы не произошло новое непредвиденное событие, которое отвлекло наши мысли от собственных переживаний и дало нам новый повод для размышлений.

Глава XI

Об аварии трехмачтового судна «Белинда»

Утро третьего октября было полно добрых предзнаменований. Солнце светило ярко. На небе не было ни единого облачка. Правда, на рассвете дул легкий ветерок и несколько белых облачков пронесли по небу, подобно растрепанным перьям огромной птицы. К середине же дня ветер окончательно стих, воздух стал неподвижным и душным. Для октября такая жара была необычной. Солнце сияло всюду, мерцающая дымка, лежащая над вересковыми полями, скрывала Ирландское море и противоположный берег Канала. Длинные тяжелые маслянистые волны медленно вздымались и опускались, набегая на берег, ударяясь о скалы с глухим монотонным шумом. Неискушенному человеку эта тишина ни о чем не говорила. Но люди, умеющие разбираться в причудах погоды, чувствовали во всем смутную угрозу — в воздухе, в небе и в море.

После полудня мы с сестрой медленно прогуливались по длинной песчаной отмели, которая вдается в Ирландское море и граничит с одной стороны с живописной бухтой Лус, а с другой — с узким и мрачным заливом Киркмэйдэн, на берегу которого и расположен Бранксом. Было очень жарко, далеко идти не хотелось, поэтому мы с сестрой уселись на песчаный холмик, поросший полусохшими пучками травы. Такие холмики тянутся вдоль всей береговой линии и образуют естественную преграду от вторжений океана.

Но вскоре наш покой был нарушен тяжелыми шагами, и перед нами предстал Джемисон, старый военный моряк, о котором я уже говорил. Он нес на спине круглую сеть для ловли креветок. Увидев нас, он подошел и обычным грубовато доброжелательным тоном выразил надежду, что мы не обидимся, если он пришлет нам в Бранксом блюдо креветок к завтраку.

— Я надеюсь на хороший улов перед бурей, — заметил он.

— Значит, вы думаете, что надвигается буря? — спросил я.

— Ну как же, даже не моряк может подтвердить это, — ответил он, засовывая за щеку большую порцию

табака. — Окрестности Клумбера белы от чаек. А летят они к берегу из боязни того, что ветер вырвет у них все перья. Вот такой же был день, когда мы с Чарли Нэпиром были под Кронштадтом. Тогда буря загнала нас близехонько к пушкам крепости, несмотря на все наши двигатели и гребные винты.

— Бывали когда-нибудь кораблекрушения в этих краях? — спросил я.

— Боже мой! Да это самое подходящее место для кораблекрушений! — воскликнул он. — В испанскую войну вот в этой самой бухте пошли ко дну со всей командой два первоклассных судна короля Филиппа. Если бы эти воды или бухта Лус, вот там у мыса, могли говорить, им было бы о чем рассказать. Когда настанет день суда, вся вода здесь буквально закипит от массы людей, которые поднимутся со дна.

— Надеюсь, что за время нашего пребывания здесь не произойдет кораблекрушения, — с жаром произнесла Эстер.

Старик покачал седой головой, недоверчиво всматриваясь в туманный горизонт.

— Если ветер подует с запада, — сказал он, — некоторые из этих парусников почувствуют себя плоховато, особенно если буря настигнет их в Северном Канале. Авон видите там трехмачтовое судно? Смее уверить вас, что его капитан очень хотел бы оказаться сейчас в безопасности в Клайде.

— Оно будто не движется! — заметил я, глядя на судно. Его черный корпус и блестящие паруса медленно опускались и поднимались в такт биению гигантского пульса моря. — Может быть, вы ошибаетесь, Джемисон, и бури не будет?

Старый моряк усмехнулся с видом бывалого человека и зашагал дальше. А мы с сестрой медленно двинулись к дому, с трудом бредя по жаре.

Я поднялся в кабинет отца узнать, нет ли каких-нибудь распоряжений от лэрда. Отец все это время был так занят новым научным трудом о литературе Востока, что вся хозяйственная деятельность, связанная с имением, была возложена на меня. Квадратный стол был настолько загроможден книгами и бумагами, что от двери совершенно не было видно отца, если не считать пучка седых волос.

— Сын мой, — сказал он. — Как жаль, что ты не знаешь санскритского языка. Когда я был в твоём возрасте, я не только мог изъясняться на этом благородном языке, но знал также тамуликский, лохитикский, гангский, таикский и малайский диалекты: ведь они происходят от Туранской ветви языков.

— Очень сожалею, сэр, — ответил я, — что не унаследовал ваших удивительных полиглотских талантов.

— Я приступаю к большому научному труду, — пояснил он. — Если бы эта работа продолжалась в нашей семье из поколения в поколение, вплоть до полного её окончания, имя Уэстов стало бы бессмертным. Это не что иное, как английский перевод Буддийской Джармы с предисловием, проливающим свет на положение браминизма перед приходом Сакья-Муни. При самом напряжённом труде я, может быть, смогу до своей смерти написать часть этого предисловия.

— А сколько лет продлится вся эта работа до полного её завершения? — спросил я.

— Сокращённое издание, находящееся в Пекинской Императорской Библиотеке, — сказал отец, потирая руки, — состоит из трехсот двадцати пяти томов средним весом по пять фунтов. Кроме того, предисловие, которое должно охватить Ригведу, Ягурведу и Атарваведу вместе с Брахманас, вряд ли уместится менее чем в десяти томах. Если выпускать по одному тому в год, можно надеяться на окончание этого труда примерно в две тысячи двести пятидесятом году, двенадцатое поколение нашей семьи завершит эту работу, а тринадцатое может заняться составлением алфавитного индекса.

— А во время этой работы на какие средства будут жить наши потомки? — с улыбкой спросил я.

— Вот ты всегда такой! — воскликнул отец с досадой. — Ты абсолютно непрактичный человек. Вместо того чтобы целиком отдаться моей благородной работе, ты выдвигаешь всякие абсурдные возражения. Чем будут жить наши потомки, работая над Джармой, — это совершенно несущественная деталь. А теперь сходи к Фергусу Мак-Дональду и позаботься о его соломенной крыше. А Вили Фуллертон пишет, что заболела его корова. По дороге зайди и к нему и разузнай, в чем там дело.

Я отправился выполнять эти поручения, но перед уходом бросил взгляд на барометр. Ртутный столбик упал

совершенно невероятно, до двадцати восьми дюймов. Очевидно, старый моряк не ошибался.

Когда я возвращался вечером по вересковым полям, ветер дул резкими злыми порывами, на западе у горизонта громоздились мрачные тучи. Они растягивали свои длинные рваные щупальца до самого зенита. На темном фоне облаков зловеще и угрожающе выделялись два грязных зеленовато-желтых пятна, поверхность моря, прежде имевшая цвет блестящей ртути, теперь напоминала матовое стекло. С океана доносился низкий, стонущий звук, как будто предупреждая о приближающейся беде.

Далеко в Канале я увидел единственный пароход, он пытался и торопился изо всех сил в Белфастский залив, а дальше было видно большое трехмачтовое судно, которое я заметил утром. Оно все еще лавировало, держа курс на север.

В девять часов вечера подул сильный ветер, в десять он усилился до шторма, а в полдень свирепствовала самая ужасная буря, какую я здесь когда-либо видел.

Некоторое время я сидел в нашей маленькой гостиной с дубовыми панелями и прислушивался к шуму и вою ветра, к грохоту гравия и гальки, когда они били в окна. Зловещий оркестр природы играл свою симфонию, старую как мир. В ней был огромный диапазон звуков — от низкого гула грохочущей волны до тонкого визга летящей гальки и жалобных криков испуганных чаек. Я на мгновение открыл забранное решеткой окно: в него с ревом ворвался ветер с дождем, неся морские водоросли. Пришлось тут же закрыть окно, напирая на него плечом изо всех сил.

Отец и сестра разошлись по своим комнатам, а я не мог уснуть — слишком был возбужден. Я сидел и курил у тлеющего камина. «Что происходит сейчас в Клумбере? — думал я. — Как чувствует себя в такую бурю Габриель и какое впечатление производит буря на старика, бродящего по ночам вокруг дома? Может быть, он приветствует эти грозные силы природы? Ведь они такие же мрачные и жуткие, как и его беспокойные мысли. Только два дня осталось до даты, названной генералом. Рассматривает ли он эту бурю как нечто, связанное с его загадочным и грозным роком?»

Обо всем этом и многом другом размышлял я, сидя у тлеющих углей, пока они постепенно не погасли. Прохладный ночной воздух напомнил мне, что пора спать.

Но проспал я не более двух часов. Сев в постели, я увидел в неясном свете отца. Он, полуодетый, стоял у моей кровати и дергал меня за плечо.

— Вставай, Джон, вставай! — кричал он. — Большое судно прибило к берегу в бухте. Несчастные моряки, наверно, все пойдут ко дну. Вставай, дружок, посмотрим, чем можно им помочь.

Отец был, казалось, вне себя от возбуждения и нетерпения. Я соскочил с кровати. Пока я возился с одеждой, сквозь вой ветра и грохот волн, разбивающихся о скалы, до меня донесся глухой звук пушечного выстрела.

— А вот опять! — воскликнул отец. — Это их сигнальная пушка, бедняги! Джеемисон и рыбаки уже на берегу. Надень клеенчатый плащ и пробковую шапку. Скорее, скорее, каждая секунда может стоить человеческой жизни!

Мы оба выбежали из дома и бросились к берегу в сопровождении десятка обитателей Бранксама.

Буря не только не ослабла, но, кажется, еще больше усилилась: ветер ревел вокруг нас дьявольски. Нам пришлось с силой пробиваться вперед; песок и гравий били нам в лицо. При тусклом свете мы видели только стремительно летящие облака и отблеск белых бурунов: все остальное было покрыто полным мраком.

Мы стояли по щиколотку в гальке и водорослях, закрывая глаза руками и стараясь разглядеть хоть что-нибудь в этой чернильной мгле. Когда я прислушивался, мне казалось, что я улавливаю голоса людей, крики о помощи, но среди дикого шума бури трудно было понять что-либо.

Вдруг перед нами мелькнул свет, и тут же берег моря и широкая бухта осветились ярким сигнальным огнем. В том месте, откуда шли лучи, в самой середине ужасного утеса Гензель лежало судно, наклоненное под таким углом, что вся палуба была видна как на ладони. Я сразу узнал его: это было то самое трехмачтовое судно, которое я видел сегодня утром в Канале. Флаг Соединенного Королевства, свисавший с верхней части обломанной бизань-мачты, указывал на его национальность.

При ярком свете были ясно видны каждая перекаладина, каждый деревянный брус, трос, спутанные части таке-лажа. Позади обреченного корабля выступали из мрака длинные ряды высоких волн, бесконечных и неустан-ных, с пенистыми гребнями. Как только волна достигала широкого круга искусственного света, она, казалось, еще больше набирала силы, спешила вперед еще стремительнее и бросалась на свою жертву с потрясающим ревом и грохотом.

Мы ясно видели десять или двенадцать испуганных моряков, цепляющихся за ванты. Они повернули к нам бледные лица, с мольбой протягивая руки. Бедняги, вероятно, воспрянули духом при виде нас; было очевидно, что их лодки были либо смыты, либо получили такие повреждения, что сделались непригодными к использованию.

Однако моряки, цеплявшиеся за снасти, не были единственными на борту. На разбитой корме стояли три человека, которые принадлежали как будто к другому миру в сравнении с перепуганными существами, молящими о помощи.

Облокотясь на разрушенный край борта, они так спокойно и равнодушно беседовали, как будто не боялись смертельной опасности, грозившей им.

Когда сигнальный огонь осветил их, мы с берега успели заметить, что эти невозмутимые незнакомцы носили красные фески и что лица с крупными чертами были смуглы и свидетельствовали о их восточном происхождении.

Впрочем, у нас не было времени все это подробно рассматривать. Корабль быстро разрушался, надо было немедленно принять какие-то меры, чтобы спасти несчастных промокших людей, умолявших о помощи.

Ближайшая спасательная лодка находилась в бухте Лус за десять миль, но здесь была наша собственная лодка, широкая и достаточно вместительная, а также много отважных рыбаков, чтобы образовать ее команду.

Я и пять рыбаков сели на весла, другие оттолкнули лодку в воду, и мы стали пробиваться сквозь яростные волны, кипевшие вокруг нас, останавливались, отклонялись перед стремительными большими валами, но все же неуклонно сокращали расстояние между кораблем и нами.

Но, казалось, наши усилия будут напрасными.

Когда мы поднялись на большую волну, я увидел гигантский вал, возвышающийся над всеми волнами и идущий за ними, как пастух за своим стадом. Этот вал обрушился на судно, склонив свой огромный зеленый свод над рухнувшей палубой.

С треском корабль раскололся надвое в том месте, где страшный зазубренный хребет рифа Гензель впилился в его киль. Задняя часть корабля с поломанной бизанью и тремя восточными пришельцами погрузилась в воду и исчезла, а передняя часть беспомощно качалась в непрочном равновесии на скале.

Вопль ужаса донесся с разбитого судна и был повторен эхом с берега. Но передняя часть судна чудом держалась на воде. Мы достигли бушприта и спасли всю команду.

Однако, прежде чем нам удалось пройти половину пути до берега, другой гигантский вал разбил и смел со скалы бак и загасил сигнальный огонь, скрыв от нас заключительный эпизод трагедии.

Наши друзья на берегу приветствовали нас криками радости, горячо поздравляли спасенных моряков с избавлением от смерти и всячески старались успокоить и ободрить их. Было спасено тринадцать человек, и все они были продрогшие и перепутанные. Только капитан, закаленный, крепкий человек, не терял бодрости. Некоторых матросов распределили по домам рыбаков, но большая часть направилась к нам в Бранксом, где мы обеспечили их сухой одеждой, питанием и пивом возле кухонного очага.

Капитан по имени Мэдоуз втиснул в мой костюм свое громоздкое тело и спустился к нам в гостиную, приготовил себе порцию грога и рассказал отцу и мне о случившемся:

— Если бы не вы, сэр, и не ваши отважные друзья, — сказал он, улыбаясь мне, — мы сейчас уже давно превратились бы в призраков. Что касается «Белинды», то эта старая протекающая лохань была неплохо застрахована, так что ни ее владельцам, ни мне не приходится горевать.

— Боюсь, — грустно заметил отец, — что мы никогда больше не увидим ваших пассажиров. Я оставил на берегу людей, на случай, если волна выбросит их, но, ду-

маю, что это бесполезно. Я видел, как они пошли ко дну, когда корабль раскололся.

— Кто они были? — спросил я. — Никогда не поверил бы, что люди могут быть такими спокойными перед лицом смерти.

— Кто они такие или, вернее, кем они были, — задумчиво спросил капитан, пуская клубы дыма из трубки, — ответить не так-то просто. Мы вышли из Карачи и взяли их пассажирами до Глазго. Младшего звали Рам-Сингх, и я имел дело только с ним. Я никогда не спрашивал их о профессии, но, думаю, что они были парскими купцами из Хайдерабада, и коммерческие дела потребовали их поездки в Европу. Никак не могу понять, почему вся команда и даже мой помощник боялись их. Ему-то следовало быть поумнее.

— Боялись их! — удивлено воскликнул я.

— Да. Моряки думали, что они опасные товарищи по плаванию. Не сомневаюсь, если вы сейчас пойдете на кухню, то услышите, как матросы высказывают убеждение: именно наши пассажиры были причиной катастрофы.

Едва капитан произнес эти слова, дверь гостиной отворилась и вошел его помощник — высокий рыжебородый человек. Ему достался полный комплект одежды какого-то добросердечного рыбака, и он, в удобной фуфайке и хорошо смазанных сапогах, был типичным моряком. Поблагодарив нас за гостеприимство, он подвинул свой стул к камину и начал греть у огня большие загорелые руки.

— Ну-ка, скажите, капитан, — обратился он к Мэдону, — не прав ли я был, предупреждая о плачевных результатах пребывания черномазых на борту «Белинды»?

Капитан искренне расхохотался, откинувшись на спинку стула.

— Ну вот, что я вам говорил? — воскликнул он, обращаясь к нам.

— Все могло бы кончиться очень печально для всех нас, — сказал помощник с раздражением. — Я потерял новый костюм и чуть не расстался с жизнью.

— Должен ли я вас понять, — спросил я, — что вы приписываете гибель судна только своим несчастным пассажирам?

Помощник капитана широко раскрыл глаза и спросил удивленно:

— Почему несчастным, сэр?

— Потому что они, очевидно, утонули, — ответил я.

Он недоверчиво фыркнул, продолжая греть руки.

— Такие люди никогда не утонут, — сказал он, помолчав. — Их отец, дьявол, заботится о них. Разве вы не видели, что в тот самый момент, когда были смыты бизань-мачта и часть квартердека, они преспокойно стояли на корме и скручивали сигареты. Для меня этого достаточно. Простительно, если в это не верят сухопутные люди, но капитан, который плавает с детства, должен знать, что кошка и священник — самый опасный груз на судне. А если это относится к христианскому священнику, то, думаю, что языческий жрец в пятьдесят раз опаснее. Я человек твердой веры, черт возьми!

Мы с отцом невольно рассмеялись по поводу его весьма неблагочестивого восклицания, которым он подтверждал свою веру. Но помощник был, очевидно, настроен чрезвычайно серьезно и продолжал отстаивать свои убеждения.

— Еще в Карачи, как только они появились, я предупреждал вас, — укоризненно сказал он капитану. — В мою вахту на корабле было три буддистских матроса, и, как вы думаете, что они сделали, когда на борту появились эти типы? Они повалились на брюхо и стали тереть палубу носами. Они не сделали бы этого даже перед адмиралом королевского флота. Им было прекрасно известно, что представляют собою эти гости. Я сразу почувствовал: дело неладно. Потом в вашем присутствии, капитан, я спросил наших матросов, зачем они это проделали, и они сказали, что эти пассажиры — святые люди. Вы сами слышали.

— Ну что ж, в этом нет ничего плохого, Хоукинс, — ответил капитан Мэдоуз.

— Вы видели, капитан Мэдоуз, как они себя вели во время плавания? Они читали книги, написанные не на бумаге, а на дереве. Они всю ночь сидели прямехонько и все вместе что-то бормотали на квартердеке. А кроме того, для чего им нужна была морская карта и зачем они каждый день отмечали на ней курс корабля?

— Они не делали этого, — сказал капитан.

— Нет, делали, и если я не доложил вам об этом раньше, то только потому, что вы всегда смеялись надо мной. Они имели собственные мореходные инструменты, правда, я не знаю, когда они работали с ними, но ежедневно в полдень они знали широту и долготу, отмечая положение корабля на карте, приколотой к столу в их каюте. И я, и буфетчик видели их за этим делом.

— Не знаю, что вы хотите этим доказать, — заметил капитан, — хотя согласен, что это довольно странно.

— Я расскажу вам еще об одной странности, — выразительно прищурил глаза помощник капитана. — Вам известно название этой бухты, где мы потерпели аварию?

— Я слышал от наших любезных хозяев, что мы на берегу Вигтауншира, — ответил капитан, — но я не знаю названия бухты.

Помощник наклонился с мрачным лицом.

— Это — бухта Киркмэйден, — сказал он.

Если он рассчитывал удивить капитана Мэдоуза, то ему это прекрасно удалось, потому что капитан от изумления буквально лишился дара речи.

— Это на самом деле изумительно, — сказал он, обращаясь к нам через несколько минут. — Наши пассажиры еще в начале путешествия расспрашивали нас, существует ли бухта с таким названием. Хоукинс и я говорили, что понятия не имеем о такой бухте, ведь здесь на карте она включена в бухту Лус. То, что буря загнала нас именно сюда и что как раз здесь мы потерпели аварию, является невероятным совпадением.

— Слишком невероятным, чтобы быть совпадением, — проворчал помощник. — Еще до бури я заметил, как они показывали на берег за правым бортом. Они прекрасно знали, где эта бухта, до которой они добирались.

— А вы что думаете об этом, Хоукинс? — встревоженно спросил капитан. — Каково ваше мнение?

— Я думаю, — ответил помощник, — что этим трем мошенникам так же легко было вызвать бурю, как мне выпить этот грог. Очевидно, у них были свои причины появиться в этой проклятой (я не хотел обидеть вас, джентльмены) бухте, и они избрали кратчайший путь, вызвав бурю. Такова моя версия, хотя я совершенно не понимаю, зачем понадобилась трем буддистским жрецам именно бухта Киркмэйден.

Мой отец поднял брови в знак сомнения, которое законы гостеприимства не позволяли ему высказать.

— Полагаю, джентльмены, — сказал он, — что вы оба крайне нуждаетесь в отдыхе после таких ужасных переживаний. Если вы последуете за мной, я провожу вас в вашу комнату.

Со старомодной учтивостью он проводил их в лучшую запасную спальню лэрда, а затем, вернувшись ко мне в гостиную, сказал, что надо бы сходить на берег и узнать, не случилось ли еще чего-нибудь.

Когда мы во второй раз шли к месту кораблекрушения, на востоке уже забрезжил первый слабый свет. Буря стихла, но море было еще очень беспокойно. Внутри волнореза были видны бурлящие волны пены, как будто свирепый океан скрежетал зубами от ярости.

На берегу повсюду трудились рыбаки и арендаторы, не покладая рук, выуживали доски и бочки, принесенные волнами. Трупы погибших никто из работавших не видел. Это объяснялось, по их словам, тем, что на сушу могли попасть только плавучие предметы. Подводное течение было здесь стремительным, все, находящееся под водой, относилось в море.

На вопрос, могли ли пассажиры как-нибудь добраться до берега, эти опытные моряки отвечали отрицательно, не допуская даже такой мысли. Если бы индусы и не потонули, волны безусловно разбили бы их о скалы.

— Мы сделали все, что было в наших силах, — грустно сказал отец на обратном пути. — Суждения помощника капитана, очевидно, объяснялись внезапностью катастрофы. Ты слышал, как он рассуждал о буддистских жрецах, вызвавших бурю?

— Да, — ответил я.

— Очень больно слышать такие речи. Как ты думаешь, не согласится ли он, если я посоветую ему поставить по небольшому горчичнику под каждое ухо? Это спасет его от прилива крови к мозгу. Или, может быть, разбудить его и дать одну или две какие-нибудь таблетки?

— Думаю, — сказал я, зевая, — что лучше его не будить. Ложитесь и сами. Если понадобится, вы сможете полечить его завтра утром.

Добравшись до своей спальни, я бросился на кровать и погрузился в сон без сновидений.

Глава XII

О трех чужестранцах на берегу моря

Было уже одиннадцать или двенадцать часов утра, когда я проснулся. В золотых лучах солнца ужасные события прошедшей ночи вспоминались мне каким-то кошмарным сном. Трудно было поверить, что легкий ветерок, нежно шепчущий сейчас в листьях плюща вокруг окон, был порождением той же стихии, что и буря, сотрясавшая дом несколько часов тому назад. Казалось, природа раскаивается в своей кратковременной вспышке и хочет вознаградить потрясенный мир теплом и сиянием солнца. Хор птиц в саду наполнял воздух радостными трелями.

Внизу я увидел потерпевших бедствие моряков. После отдыха они выглядели превосходно. Меня встретили словами радости и благодарности. Было решено всех их отправить в Вигтаун, откуда они смогут выехать вечерним поездом в Глазго. Отец дал указание обеспечить каждого на дорогу сэндвичами и крутыми яйцами.

Капитан Мэдоуз от имени владельца судна горячо поблагодарил нас за доброе отношение к морякам и предложил команде трижды прокричать «ура» в нашу честь, что и было выполнено от всего сердца. После завтрака капитан с помощником и я отправились к морю, чтобы взглянуть еще раз на место кораблекрушения.

Обширная бухта все еще была беспокойна; волны с рокотом разбивались о скалы. Однако ничто не напоминало той дикой пляски, свидетелями которой мы были на рассвете. Длинные изумрудные волны с небольшими гребнями пены катились медленно и величаво, разбиваясь о скалы в монотонном ритме, напоминающем дыхание усталого чудовища.

На расстоянии одного кабельтова от берега мы увидели грот-мачту разбитого судна, плавающую по волнам и то скрывающуюся между их гребнями, то поднимающуюся ввысь, подобно гигантскому копыю. Обломки помельче усеивали поверхность моря; всюду на песке виднелись ящики и бочки, выловленные крестьянами и уложенные подальше от воды.

Две ширококрылые чайки то парили в воздухе, то проносились у места кораблекрушения низко, почти каса-

ясь воды, будто высматривали что-то под волнами. По временам мы слышали их хриплые крики.

— «Белинда» было старое судно, давало сильную течь, и все же мне очень больно глядеть на его останки, ведь я им так долго командовал. Впрочем, его все равно скоро пришлось бы сломать и продать на дрова.

— Как здесь все тихо и спокойно, — заметил я. — Кто мог бы поверить, что как раз здесь погибли ночью три человека...

— Бедняги! — с чувством сказал капитан. — Надеюсь, мистер Уэст, если их выловят после нашего отъезда, вы достойно предадите их земле.

Только что я собрался ответить ему, как помощник капитана разразился громким хохотом, хлопая себя по бедрам.

— Если вы хотите их похоронить, то держите ухо востро, пока они не удрали отсюда. Помните, что я вам говорил сегодня ночью? Взгляните-ка на тот холм и скажите, прав я был или нет.

На некотором расстоянии от нас виднелась высокая песчаная дюна. На вершине ее стоял человек, привлекавший внимание помощника капитана. Взглянув на него, Мэдоуз в изумлении всплеснул руками:

— Клянусь спасением души, — воскликнул он, — это Рам-Сингх собственной персоной! Поглядим-ка на него поближе.

С этими словами он помчался вдоль берега, сопровождаемый помощником и мною, а также двумя рыбаками, в свою очередь заметившими чужестранца.

Последний, увидев нас, спустился со своего наблюдательного пункта и спокойно направился нам навстречу. Голова его была опущена на грудь, как у человека, погруженного в размышления.

Мне невольно бросилось в глаза различие между нашими порывистыми и возбужденными движениями и величавым достоинством этого уроженца Востока.

Впечатление не изменилось и тогда, когда он поднял на нас темные глаза, пристальные и задумчивые, и склонил голову в изящном общем поклоне. Мы были похожи на кучку школьников в присутствии учителя. Широкий гладкий лоб незнакомца, его ясный и пронизательный взгляд, крепко сжатые выразительные губы, резко

очерченное решительное лицо — все это придавало ему внушительный и благородный вид.

Я никогда не видел человека, на лице которого было бы написано такое невозмутимое спокойствие и в то же время такое сознание своей скрытой силы.

Он был одет в коричневый бархатный пиджак, широкие темные брюки, рубашку с низко вырезанным воротником, открывавшим мускулистую коричневую шею. На его голове была красная феска.

Когда мы приблизились к нему, я с удивлением увидел, что на одежде незнакомца не сохранилось следов борьбы ее владельца с волнами.

— Вижу, что купание не причинило вам ни малейшего вреда, — сказал он приятным мелодичным голосом, переводя взгляд с капитана на помощника. — Надеюсь, ваших бедных матросов обеспечили хорошим ночлегом?

— Нас всех спасли, — ответил капитан. — Мы очень боялись, что вы погибли, — вы и оба ваших друга. Я только что говорил с мистером Уэстом о ваших похоронах.

Незнакомец с улыбкой взглянул на меня.

— Мы не доставим таких хлопот мистеру Уэсту, — сказал он. — Мы все трое благополучно добрались до берега и нашли пристанище в хижине на расстоянии мили отсюда. Это очень уединенное место, но у нас имеется все необходимое.

— Сегодня пополудни мы все отправляемся в Глазго, — сказал капитан. — Буду очень рад, если вы поедете с нами. Без провожатых вам будет трудно.

— Очень благодарны вам за заботу, — ответил Рам-Сингх, — но мы не воспользуемся вашим любезным приглашением. Раз уж природа занесла нас сюда, мы побудем здесь еще немного.

— Как угодно, — пожал плечами капитан. — Сомневаюсь, чтобы вы нашли в этой глуши что-нибудь интересное.

— Может быть, и не так, — улыбнулся Рам-Сингх. — Вспомните строки Мильтона: «Разум сам создает себе среду и может сделать в себе самом ад из рая и рай из ада». Мне кажется, мы хорошо проведем здесь несколько дней. И вы не правы, считая это место таким глухим. Я не ошибусь, если скажу, что отец этого молодого человека — мистер Джон Хэнтер Уэст. Его имя известно и пользуется большим уважением у браминов в Индии.

— Мой отец действительно известный ученый, знаток санскрита, — ответил я с изумлением.

— Присутствие такого человека, — медленно сказал чужестранец, — превращает пустыню в город. Великий ум, даже если он только один, является большим показателем цивилизации, чем несчетные мили кирпичных или цементных построек. Возможно, ваш отец не обладает столь глубокими познаниями, как сэр Вильям Джонс или универсальностью барона фон Хаммер-Пургшталя, но он соединяет в себе многие достоинства их обоих. Все же можете сказать ему от моего имени, что он ошибается, проводя аналогию между корнями самоедских и тамуликских слов.

— Если вы решили оказать честь нашей местности своим пребыванием, хотя бы на короткое время, — сказал я, — вы очень обидите моего отца, не остановившись у него. Он представитель лэрда, а по шотландским обычаям лэрды имеют привилегию принимать у себя всех почетных иностранцев, посещающих нашу округу.

Гостеприимство побудило меня сделать такое приглашение, хотя помощник капитана дергал меня за рукав, предупреждая, что визит чужестранца может оказаться очень нежелательным. Но мистер Хоукинс опасался напрасно: Рам-Сингх отрицательно покачал головой.

— Я и мои друзья очень признательны вам, — сказал он, — но у нас имеются причины оставаться там, где мы сейчас обитаем. Хижина, в которой мы живем, находится в очень уединенной местности, она полуразрушена, но мы, люди Востока, приучены обходиться без большей части тех предметов, которые считаются необходимыми в Европе. Мы твердо верим в мудрую истину, что богатство человека заключается не в том, что он имеет, а в том, без чего он может обойтись. Один добрый рыбак поставляет нам хлеб и овощи, у нас чистая сухая солома для лоша — что еще требуется человеку?

— Но вы, вероятно, мерзнете по ночам, тем более что вы приехали из тропиков, — заметил капитан.

— Может быть, нашим телам и бывает иногда холодно, но мы не замечаем этого. Мы прожили много лет на вершинах Гималаев, на границах вечных снегов, поэтому такое неудобство не имеет для нас значения.

— Но позвольте мне, — сказал я, — прислать вам хотя бы рыбы и мяса.

— Мы не христиане, — ответил он. — Мы буддисты высшей ступени и не признаем за человеком права убивать быков или рыб для поддержания своего тела. Он вложил в них жизнь и, конечно, не имеет дозволения Всевышнего отнимать ее без крайней необходимости. Поэтому мы не смогли бы воспользоваться вашими дарами, если бы вы их прислали.

— Но, сэр, — возражал я, — если в этом изменчивом и негостеприимном климате вы станете отказываться от питательной пищи, ваша жизнеспособность ослабнет — вы умрете.

— Ну, значит, мы умрем, — сказал он с улыбкой. — А теперь, капитан Мэдоуз, я прощаюсь с вами, благодарю вас за вашу доброту во время путешествия. Вам, — сказал он Хоукинсу, — я также желаю всего хорошего. Не пройдет и года, как вы будете командовать собственным кораблем. Надеюсь, мистер Уэст, что мы еще увидимся с вами до отъезда. До свидания. — Он приподнял феску, склонив прекрасную голову с величавой любезностью, которая так хорошо характеризовала все его движения, и пошел в том направлении, откуда появился.

— Поздравляю вас, мистер Хоукинс, — сказал капитан помощнику по дороге домой. — Через год вы будете командовать собственным кораблем.

— Вряд ли, — ответил помощник, улыбаясь. — Неизвестно, как еще обернется дело. Мистер Уэст, какого вы мнения о чужеземце?

— Очень интересный человек, — сказал я. — Какая красивая голова и как он хорошо держится. Ведь ему не больше тридцати лет?

— Сорока, — сказал помощник.

— Нет, шестидесяти, ни больше ни меньше, — заметил капитан Мэдоуз. — Я слышал, как он говорил о первой Афганской войне. В то время он был взрослым, а это было сорок лет тому назад.

— Чудеса! — воскликнул я. — У него такая же гладкая кожа и такие же ясные глаза, как у меня. Он, конечно, главный из трех жрецов?

— Младший! — сказал капитан с загадочным видом. — Поэтому-то он и вел все переговоры от их имени. А их умы слишком возвышенны, чтобы снисходить до пустых разговоров.

— Это самые удивительные обломки крушения, когда-либо выброшенные морем на этот берег, — заметил я. — Мой отец чрезвычайно заинтересуется ими.

— А я думаю, чем меньше вы будете иметь с ними дела, тем будет лучше для вас, — сказал помощник капитана. — Если мне придется командовать собственным кораблем, то обещаю вам никогда не принимать на борт такого товара. Ну, а теперь мы уже на борту, якорь поднят — прощайте!

Экипаж с двумя продольными сиденьями только что заполнился отъезжающими. Оба первых места на скамьях были оставлены для капитана и его помощника. С прощальными кликами славные моряки покатили по дороге, а Эстер и я, стоя на лужайке, махали им руками, пока они не скрылись за деревьями Клумбера по дороге к вигтаунской железнодорожной станции.

С этого момента корабль и его команда исчезают с наших страниц, оставив в качестве единственного сувенира кучки обломков на берегу, которым предстояло лежать там до прибытия агента Ллойда.

Глава XIII

О том, как я увидел то, что видели только немногие

Вечером за обедом я рассказал отцу о трех буддистских жрецах; как я и ожидал, он чрезвычайно заинтересовался ими. Услыхав же, в каких выражениях Рам-Сингх говорил о нем и какое выдающееся место отвел ему среди ученых-филологов, отец пришел в такое волнение, что хотел немедленно отправиться разыскивать Рам-Сингха, чтобы познакомиться с ним. Нам стоило больших трудов отговорить его.

Мы с Эстер успокоились, лишь отобрав у отца ботинки и отправив его спать; волнующие события последних суток были не под силу его слабому здоровью и больным нервам.

Я сидел в сумерках на веранде, перебирая в уме последние, такие неожиданные события; бурю, кораблекрушение, борьбу за жизнь моряков и странные обстоятельства, при которых жрецы были выброшены на берег. Сестра бесшумно подошла ко мне и коснулась моей руки.

— Не кажется ли тебе, Джон, — тихо и ласково сказала она, — что мы забываем о наших друзьях в Клумбере? Разве могут последние события вытеснить из нашей памяти их тревоги и грозящую им опасность?

— Из нашей памяти — возможно, — сказал я, улыбаясь, — но не из наших сердец. Впрочем, ты права, малышка: наши мысли были немного отвлечены от них. Утром я схожу в Клумбер, может быть, увижу кого-нибудь. Между прочим, как раз завтра исполняется это проклятое пятое октября. Остается подождать только один день, и все будет хорошо.

— Или плохо, — сказала мрачно сестра.

— Но почему же, скажи мне, моя маленькая пифия? — воскликнул я. — Чего это ты надумала?

— Я очень волнуюсь, у меня тяжело на душе, — отвечала она, вздрагивая и подходя ко мне поближе. — Я предчувствую, что случится большое несчастье, уже давно грозящее тем, кто нам так дорог. Для чего остались здесь эти буддисты?

— Кто? Буддисты? — беспечно сказал я. — У них постоянные религиозные торжества и самые разнообразные обряды. У них, наверно, имеются причины задержаться здесь.

— А не кажется ли тебе странным, — трепетным шепотом спросила Эстер, — что эти жрецы появились из Индии как раз к этому числу? Разве из всего, что ты слышал об опасностях, грозящих генералу, не ясно, что они связаны в какой-то степени с Индией?

Эти слова заставили меня призадуматься.

— Да, — ответил я, — пожалуй, после твоих слов у меня создается впечатление, что тайна Клумбера действительно связана с каким-то событием, случившимся в Индии. Но я уверен, что ты отбросила бы всякий страх, если бы познакомилась с Рам-Сингхом. Он — воплощенные мудрость и доброжелательность. Его неприятно поразила мысль об убийстве — даже овцы или рыбы. Он сказал, что скорее умрет, чем примет участие в убийстве животного.

— Конечно, очень глупо так нервничать, — сказала храбро сестра. — Но обещай мне выполнить мою просьбу, Джон. Сходи утром в Клумбер и, если увидишь кого-нибудь, расскажи о наших странных соседях. Обитателям

Клумбера лучше судить, имеет ли какое-нибудь значение появление индусов.

— Хорошо, дорогая, — ответил я, входя в комнату вместе с сестрой. — Ты слишком переутомилась, и тебе надо хорошенько выспаться. Я сделаю по-твоему, и наши друзья сами решат, связано ли появление жрецов с их делами или нет.

Хотя я и дал сестре обещание рассеять ее мрачные предчувствия, но утром, при свете яркого солнца, мне показалось просто нелепым думать, что наши скромные вегетарианцы-индусы могут иметь какие-то злобные замыслы или их прибытие может произвести какое-либо впечатление на обитателей Клумбера. И все же мне так захотелось увидеть кого-либо из Хэзерстонов, что сразу после завтрака я отправился к Клумбер-холлу. Затворничество наших друзей, конечно, не дало им возможности узнать о недавних событиях, и я чувствовал, что даже если увижу самого генерала, он не сочтет меня навязчивым; ведь у меня было столько новостей.

Клумбер-холл имел все тот же мрачный и печальный вид. Поглядев сквозь толстую железную решетку на подъездную аллею, я никого не обнаружил. Одна из сосен была вырвана бурей, и ее длинный красновато-коричневый ствол лежал поперек аллеи.

Крутом было все то же запустение и распад, только забор имел вид грозного препятствия для возможных нарушителей покоя. Я прошел вдоль всей изгороди до нашего старого места встреч, но нигде не нашел даже щели, через которую можно было бы заглянуть вовнутрь; забор был отремонтирован заново, причем теперь одна доска заходила за другую; это закрывало все щели, которыми я пользовался прежде, и целиком изолировало жильцов Клумбер-холла.

Но как раз в том месте, где я имел знаменательную беседу с генералом, когда он застал врасплох меня и свою дочь, я обнаружил щель примерно в два дюйма. Через нее-то я и заглянул внутрь и увидел только дом и часть лужайки перед ним. Хотя ни вне дома, ни в окнах не было никаких признаков жизни, я решил оставаться на своем посту, пока не переговорю с кем-нибудь из обитателей Клумбера. Мертвый вид дома навел на меня такую тревогу, что я решил лучше перелезть через забор,

рискуя даже вызвать недовольство генерала, чем вернуться домой ни с чем.

К счастью, мне не пришлось прибегнуть к такой чрезвычайной мере. Я не пробыл там и получаса, как услышал резкий звук отворяемого замка, и из главного подъезда вышел сам генерал. К моему удивлению, на нем была военная форма, причем не такая, какую носят в британской армии сейчас. Красный мундир отличался непривычным покроем и был испорчен непогодой. Белые брюки имели уже грязно-желтый оттенок. С красной перевязью на груди и прямым палашиом, висящим сбоку, он казался воплощением британского офицера прошедшей эпохи, служившим сорок лет тому назад. За ним двигался прыжками бывший солдат капрал Руфус Смит. Он был сейчас прилично одет и имел вид довольного человека. Разговаривая друг с другом, они ходили по лужайке взад и вперед. Я заметил, что время от времени то один, то другой останавливались и украдкой озирались по сторонам, словно чего-то ждали.

Я предпочел бы беседовать с генералом один на один, но он не расставался со своим спутником. Поэтому я громко постучал тростью о забор, чтобы привлечь их внимание. Они оба мгновенно повернулись в мою сторону, и по их движениям я понял, что они встревожены и испуганы. Я поднял трость над забором, чтобы показать, где я. Тогда генерал очень неохотно и нерешительно двинулся в мою сторону. Капрал пытался удержать его за руку. Только когда я выкрикнул свое имя и уверил их, что я один, они успокоились. Узнав меня, генерал быстро подошел и чрезвычайно сердечно поздоровался.

— Как вы хорошо сделали, что пришли, Уэст, — сказал он. — Поистине в такие-то минуты и познаются друзья. Я не считаю возможным просить вас зайти в дом или задерживать вас здесь.

— Я беспокоился обо всех вас, — сказал я. — Все эти дни я ничего не слышал о вас и никого не видел. Как выживаете?

— Пока прекрасно, если можно так сказать. А завтра будет лучше, завтра мы станем совсем другими людьми, капрал, а?

— Да, сэр, — ответил капрал, отдавая честь. — Завтра мы будем прочны, как банк.

— Мы сейчас немного взволнованы, — пояснил генерал, — но, не сомневаюсь, все кончится благополучно. В конце концов провидение превыше всего, а мы в его руках. А вы что поделяваете?

— У нас было много хлопот, — сказал я. — Вы ничего не слыхали о кораблекрушении?

— Ни слова, — отвечал генерал безразличным тоном.

— Я так и думал, что шум ветра заглушит грохот сигнальной пушки. Сегодня ночью на берег было выброшено судно, большое трехмачтовое судно из Индии.

— Из Индии! — воскликнул генерал.

— Да. Его команда, к счастью, спаслась, и все они уехали в Глазго.

— Все уехали, — повторил генерал. Он был бледен.

— Да, все, за исключением довольно странных субъектов, называющих себя буддийскими жрецами. Они решили остаться здесь на несколько дней.

Едва я произнес эти слова, как генерал упал на колени, протянул к небу длинные тощие руки.

— Да будет воля Твоя, Господи! — воскликнул он хриплым голосом. — Да будет Твоя святая воля!

Через щель я увидел, как лицо капрала стало бледно-желтым. Он вытер пот со лба.

— Так уж мне везет! — сказал он. — После всех этих годов лишений я пришел сюда только к самому концу.

— Ничего, друг, — сказал генерал, распрямляя плечи, как человек, который снова взял себя в руки, — будь что будет, мы встретим конец, как подобает британскому солдату. Помните, при Чиллианвалахе нам пришлось сделать переход от вашей батареи к нашему каре, а кони сикхов ринулись на наши штыки? Тогда мы не дрогнули. Не дрогнем и сейчас. Мне кажется, что в эту минуту я чувствую себя гораздо бодрее, чем все эти годы. Меня убивала неизвестность.

— И это проклятое звяканье! — добавил капрал. — Ну, что ж, мы погибнем вместе — в этом какое-то утешение.

— Прощайте, Уэст, — сказал генерал. — Будьте хорошим мужем для Габриель и приютите мою несчастную жену. Думаю, что она недолго будет причинять вам беспокойство. Прощайте, да благословит вас Бог!

— Послушайте, генерал, — резко сказал я, отламывая кусок доски, чтобы удобнее было разговаривать. — Эта

история длится слишком долго. К чему все эти намеки, недомолвки и загадки. Давайте обсудим все. Чего вы боитесь? Довольно скрытности. Вы боитесь этих индусов? Если да, то я смогу, пользуясь влиянием отца, арестовать их как бродяг.

— Нет, это не годится, — сказал генерал, качая головой. — Вы скоро будете в курсе дела. Мордаунт знает, где хранятся бумаги. Поговорите с ним завтра об этом.

— Но послушайте, — закричал я, — если есть опасность, надо попытаться избежать ее. Скажите мне только, чего вы боитесь, и я буду знать, как действовать.

— Дорогой мой! — сказал генерал. — Сделать ничего нельзя, поэтому успокойтесь. Пусть события идут своим чередом. С моей стороны было, конечно, глупо прятаться за укрытиями из дерева или камня. Все это объяснялось тем, что я не мог оставаться пассивным. Лучше делать хоть что-нибудь для самосохранения, пусть даже бесполезное, чем покорно ждать. Вот этот мой друг, занимающий скромное место в мире, и я оказались в таком положении, в каком, думаю, никто еще не был. Нам остается только поручить себя неисчерпаемому милосердию Всевышнего и надеяться, что наши страдания в этом мире уменьшат нашу кару на том свете. А теперь я ухожу, мне нужно уничтожить кое-какие бумаги и привести в порядок много дел. Прощайте!

Он протянул мне руку через проделанное мною отверстие и крепко сжал мои пальцы. Затем он твердым и решительным шагом направился к дому в сопровождении мрачного капрала.

Я пошел в Бранксом очень расстроенный, недоумевая, что же мне-то делать!

Было ясно, что подозрения моей сестры оправдались полностью, существует самая тесная связь между появлением у нас трех индусов и загадочной опасностью, угрожающей генералу.

Представляя себе Рам-Сингха, его благородное лицо, утонченные манеры и слова мудрости, я не мог допустить мысли о каком-нибудь насилии с его стороны. Сейчас, думая об этом, я поражаюсь, какой ужасный гнев скрывался в этих черных пронизательных глазах. Я чувствовал, что из всех людей, с которыми я сталкивался, мне меньше всего хотелось бы навлечь на себя именно его

гнев. Но мне было непонятно: как могли два человека, столь далекие друг от друга, — грубый старый капрал и англо-индийский генерал — заслужить одинаковую ненависть этих индусов. И, если опасность носила материальный характер в полном смысле этого слова, почему генерал не согласился с моим предложением взять под стражу этих людей, хотя, честно говоря, мне было бы крайне неприятно применять суровые меры да еще на таких туманных основаниях.

На этот вопрос не было ответа, и все же торжественные слова генерала и ужасающая серьезность его и капрала не позволяли мне думать, что их опасения лишены оснований. Все это было головоломкой, совершенно неразрешимой головоломкой!

Для меня было ясно одно: при моем неведении и после категорического запрета со стороны генерала я не мог вмешиваться в это дело каким бы то ни было способом. Мне оставалось только ждать и молить небо, чтобы опасность была устранена или, по крайней мере, не коснулась моей Габриель и ее брата.

Я шел по тропинке, погруженный в думы, и достиг уже калитки, ведущей на бранксомскую лужайку, как с изумлением услышал очень взволнованный громкий голос отца. За последнее время старик был так далек от повседневных хозяйских забот, так погружен в свои научные занятия, что было очень трудно привлечь его внимание к обычным житейским делам. Я был удивлен и недоумевал, что могло вывести его из себя. Тихонько отворив калитку и обойдя кусты, я увидел, что отец разговаривает именно с тем человеком, который занимал мои мысли, — с буддистом Рам-Сингхом. Они сидели на садовой скамье, и индус, кажется, приводил какие-то веские доказательства, отмечая каждый пункт коричневыми пальцами, а отец с искаженным лицом громко опровергал эти доводы и приводил свои аргументы.

Они были так погружены в спор, что я простоял две минуты почти вплотную, прежде чем они заметили мое присутствие. Увидев меня, жрец поднялся и приветствовал с величавой учтивостью и полной достоинства благосклонностью, которые произвели на меня такое впечатление накануне.

— Вчера я обещал, — сказал он, — доставить себе удовольствие навестить вашего отца. Видите, я сдержал

свое слово. Я даже осмелился спросить его мнение по некоторым вопросам, связанным с санскритом и индийским языком. В результате мы более часа ведем полемику и не можем друг друга убедить. Не претендуя на столь глубокие теоретические познания, которые сделали имя Джона Хэнтера Уэста известным среди ученых Востока, я уделил особое внимание одному вопросу, относительно которого я точно знаю, что ваш отец ошибается. Уверяю вас, сэр, что в семисотом году и даже позднее санскрит был разговорным языком для основной массы обитателей Индии.

— А я уверяю вас, сэр, — с жаром воскликнул отец, — что к тому времени этот язык был уже мертв и забыт. Только ученые пользовались им в научных и религиозных трудах, совершенно так же, как латинский язык применялся в Средние века, спустя много лет, как на нем перестали говорить народы Европы.

— Если вы обратитесь к Пуранам, вы увидите, — сказал Рам-Сингх, — что эта теория, хотя и имеет широкое распространение, полностью несостоятельна.

— А если вы обратитесь к Рамайане и особенно каноническим книгам буддизма, — воскликнул отец, — вы убедитесь, что эта теория неопровержима.

— Но вспомните Каллавагу, — сказал наш посетитель с волнением.

— А вспомните короля Азока, — парировал отец с победоносным видом. Когда в трехсотом году до Христианской веры — заметьте «до» — он приказал начертать на скалах закон Будды, какой язык он использовал, а? Санскритский? Нет. А почему не санскритский? Потому, что простой народ не смог бы понять ни слова. Ха, ха! Именно по этой причине. Как вы опровергнете это, а?

— Он высек закон на различных языках, — ответил Рам-Сингх. — Но не будем терять времени на этот спор. Солнце прошло зенит, и мне нужно вернуться к товарищам.

— Как жаль, что вы не привели их с собой, — сказал любезно отец. Я видел, что он беспокоится, не перешел ли он границ гостеприимства в пылу спора.

— Они чужды миру, — сказал Рам-Сингх, вставая. — Они стоят на более высокой ступени, чем я, и более восприимчивы к пагубным влияниям. Сейчас они погружены в шестимесячное размышление о тайнах третьего

воплощения. Эти размышления длятся с небольшими перерывами с того самого времени, как мы покинули Гималаи. Больше мы не встретимся с вами, мистер Хэнтер Уэст. Поэтому — прощайте! Ваша старость будет счастливая, как вы этого заслуживаете, и ваши труды по Востоку оставят глубокий след в науке и литературе вашей страны. Прощайте!

— А я тоже больше не встречу с вами? — спросил я.

— Да, если только вы не захотите пройтись со мной по берегу, — ответил он. — Но вы уже совершили прогулку и, быть может, устали.

— Нет, я с радостью пойду с вами, — ответил я искренне, и мы отправились вместе. Некоторое время отец шел с нами, и я видел, что он был бы рад возобновить полемику о санскрите, но одышка не позволяла ему говорить во время ходьбы.

— Ваш отец очень ученый человек, — заметил Рам-Сингх, когда отец остался позади. — Но как и многие другие, он нетерпим к мнениям, отличающимся от его взглядов. Когда-нибудь он убедится, что ошибался.

Я ничего не сказал. Некоторое время мы шли молча около воды, где песок был тверже. Песчаные дюны, намытые вдоль берега, слева образовывали длинный гребень, совершенно скрывавший нас от посторонних взоров, справа простирался широкий серебристый Канал. Ни единого паруса не было видно на нем.

Буддийский жрец и я были совершенно одни.

У меня мелькнула мысль: если он действительно опасный человек, каким его считают помощник капитана и генерал Хэзерстон, то я сейчас нахожусь всецело в его власти. Однако на лице Рам-Сингха была написана такая благосклонность, а глаза были так безмятежно ясны, что мои подозрения и опасения унеслись, как ветер.

Я полагал, что, хотя лицо Рам-Сингха бывает суровым и даже страшным, он никогда не совершит несправедливости.

Когда я время от времени взглядывал на благородный профиль жреца, на красивый изгиб черной, как смоль, бороды, на меня почти болезненно действовало несоответствие его внешности с грубым костюмом из твида. Мысленно я облачал его в широкое развевающееся восточное одеяние, которое было бы более подходящим обрамлением, не умалявшим его величавости и изящества.

Мы направлялись к небольшой рыбацкой хижине, покинутой своими обитателями несколько лет тому назад. Она была мрачная, темная, часть соломенной крыши была снесена ветром, дверь и окна ветхие и поломанные. И это обиталище, от которого отвернулся бы последний шотландский нищий, странные жильцы предпочли дому лэрда, гостеприимно открытому для них! Небольшой садик, весь заросший сорняками, окружал хижину. Мой спутник, подойдя к поломанной двери и заглянув в нее, жестом подозвал меня.

— Сейчас вам представится возможность, — сказал он благоговейным шепотом, — увидеть зрелище, которое могли наблюдать очень немногие европейцы. В хижине два йога, которых отделяет только одна ступень от людей высшего посвящения. В настоящий момент они погружены в экстатический транс; в противном случае я не осмелился бы привести вас сюда. Их астральные тела отделились от них и присутствуют сейчас на празднике Светильников в священном Тибетском храме. Ступайте осторожнее, чтобы не отвлечь их от молитвы.

Я на цыпочках миновал заросший сорняками сад и вошел в растворенную дверь.

В полутемном помещении не было никакой мебели, на неровном полу лежала свежая солома. На ней и сидели, склонив головы на грудь, два человека: один — небольшого роста, весь сморщенный, другой — широкоплечий, изможденный. Их ноги были скрещены по обычаю Востока. Они не взглянули на нас и не заметили нашего появления. Йоги сидели так неподвижно и тихо, что их можно было бы принять за две бронзовые статуи, если бы не медленное ритмичное дыхание. Лица их были покрыты необычной пепельно-серой бледностью, резко отличавшейся от коричневого лица Рам-Сингха. Заглянув снизу, я увидел, что из-под ресниц видны только белки глаз.

Перед ними на небольшой циновке стоял глиняный сосуд с водой, лежали кусок хлеба и лист бумаги, на котором были начертаны какие-то каблистические иероглифы. Взглянув на этот лист, Рам-Сингх дал мне знак выйти и последовал за мною в сад.

— До десяти часов я не должен мешать им, — сказал он. — Сейчас вы были свидетелем одного из величайших результатов нашей оккультной философии — отделения

души от тела. В настоящее время на берегах Ганга находятся не только души этих святых людей. Одевания этих душ так соответствуют их материальной одежде, что ни у кого из верных не появится сомнения, что Лал-Хуми и Моудар-Хан физически находятся среди нас. Это достигается нашей способностью разлагать предмет на атомы, переносить эти атомы со скоростью, превышающей быструю свету, и затем снова соединять их, заставляя принимать прежний вид. В давние времена мы переносили таким образом целиком все тело, но теперь мы решили, что гораздо удобнее и проще переносить материю только в тех количествах, которые необходимы для создания только внешней оболочки, видимого образа. Эта форма называется астральным телом.

— Но если вы можете так легко переносить душу, — заметил я, — зачем же вы вообще переносите тело?

— Для общения с нашими посвященными братьями нам достаточно перенести только наши души, но если необходимо войти в соприкосновение с обычными людьми, нужно, чтобы мы являлись в каком-то облике, который они смогли бы увидеть и понять.

— Все, что вы мне рассказали, чрезвычайно интересно, — сказал я, пожимая руку Рам-Сингха, протянутую мне в знак завершения нашей беседы. — Я часто буду вспоминать наше кратковременное знакомство.

— Вы извлечете из этого много пользы, — сказал он медленно, все еще задерживая мою руку и глядя мне в глаза серьезно и грустно. — Запомните: то, что произойдет, не является злом, хотя оно и не совпадает с вашими предвзятыми понятиями о справедливости. Не спешите с оценками. Имеются высшие законы, которым следует подчиняться при всех условиях, чего бы это ни стоило отдельным лицам. Применение этих законов может показаться вам бесчувственным и жестоким, но это ничто по сравнению с опасными последствиями, которые могли случиться, если не проводить в жизнь этих законов. Быку, овце мы не причиним вреда, но человек, руки которого обгажены кровью людей высшего посвящения, не может жить и не будет жить.

При последних словах он поднял руки в страстном и угрожающем жесте и, повернувшись ко мне спиной, ушел в полуразрушенную хижину.

Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за дверью, и отправился домой, обдумывая слышанное и особенно последнюю вспышку оккультного философа.

Справа виднелась высокая белая башня Клубера, четко вырисовывающаяся на черной гряде облаков. Я подумал, что, может быть, какой-нибудь путник, проходящий по дороге, позавидует в душе обитателям этого величественного здания. Он никогда не узнает о таинственном ужасе, о безымянной опасности, которые стущаются над головой владельца.

— Что бы это ни означало и что бы ни случилось, — сказал я вслух, — да отвратит Господь от невинных кару, грозящую виновному.

Когда я пришел домой, отец все еще переживал свой ученый спор с чужеземцем.

— Надеюсь, Джон, — сказал он, — я не был невежлив. Мне нужно было бы помнить, что я *in loco magistri* и что мне не следует так настойчиво спорить со своим гостем. И все же, когда он отстаивал свои неправильные взгляды, я не мог удержаться, чтобы не атаковать его и не выбить с этой позиции, что я и сделал, хотя ты, не зная сути вопроса, мог и не заметить этого. Но ты все же, вероятно, помнишь, что моя ссылка на законы короля Азоки оказалась такой неотразимой, что он сразу поднялся и ушел.

— Да, вы мужественно отстаивали свои взгляды, — согласился я. — Но скажите, какого вы мнения об этом человеке?

— Это один из тех посвященных, которые известны под различными именами: санназисов, йогов, севрасов, кваландерсов, хакимов и куфисов. Они посвящали свою жизнь изучению тайн буддийской религии. Я думаю, что он теософ, то есть последователь культа божественной мудрости и стоит на очень высокой ступени посвящения. Однако он и его товарищи, очевидно, еще не достигли самой высокой ступени, в противном случае они смогли бы беспрепятственно пересечь океан. Возможно, они достигли ступени челасов и могут надеяться достичь еще более высоких ступеней.

— Но, отец, — прервала сестра, — все это не объясняет, почему эти люди, достигшие такой святости и учености, высадились на берегу уединенной бухты Шотландии.

— Я не могу объяснить, — ответил отец. — Это их дело, лишь бы они жили мирно и подчинялись законам страны.

— Слыхали ли вы когда-нибудь, — спросил я, — что высшие жрецы, о которых вы говорите, обладают силами, неизвестными нам?

— Ну, как же! Литература Востока полна таких примеров. Ведь и Библия — восточная книга, а разве она от начала до конца не заполнена записями о таких силах? Не подлежит сомнению, что в древности людям были известны многие тайны природы, утраченные нами. Однако не могу сказать, чтобы современные теософы действительно обладали теми силами, о которых они так много говорят.

— А скажите, они мстительные люди? — спросил я. — Есть ли у них такие провинности, которые можно искупить только смертью?

— Не слышал об этом, — ответил отец, удивленно подняв брови. — Ты сегодня что-то слишком любознателен. Чем вызваны эти вопросы? Не возбудили ли наши восточные соседи у тебя каких-нибудь подозрений или любопытства?

Я уклонился от ответа, так как не хотел тревожить отца и рассказывать ему о своих опасениях. Это не принесло бы никакой пользы. Возраст отца и его здоровье требовали покоя. Да, кроме того, при всем желании я не смог бы объяснить то, что было загадкой для меня самого. Во всяком случае, считал я, отцу лучше оставаться в стороне от тайны.

Еще ни один день не был для меня столь бесконечным, как пятое октября. Всеми способами я старался заполнить досуг, и все же казалось, ночь никогда не придет. Я пробовал читать, писать, бродил по лужайке, доходил до конца тропинки, насаживал новые приманки на рыболовные крючки, приступил к составлению каталога книг отцовской библиотеки — словом, тысячами способов пытался побороть свое волнение, но оно становилось все невыносимее. Сестра, как я видел, тоже томилась в ожидании.

Отец даже несколько раз укорял нас за сумасбродное поведение, мешавшее его работе.

Наконец был подан чай, занавески задернули, зажгли лампы. Еще через некоторое время, показавшееся беско-

нечным, была прочитана общая молитва, слуги отпущены на ночь. Отец приготовил и выпил обычную порцию пунша и направился к себе в спальню. А мы с сестрой остались в гостиной. Наши нервы звенели от напряжения, мы были полны смутных и вместе с тем ужасных опасений.

Глава XIV

О том, кто бежал ночью по дороге

Когда отец ушел, часы, висевшие в гостиной, показывали четверть одиннадцатого. Его шаги постепенно замирали на лестнице, тихий стук двери возвестил о том, что отец вошел в свою спальню.

Простая керосиновая лампа на стене освещала комнату таинственным колеблющимся светом, трепетавшим на дубовых панелях. Кресла с высокими подлокотниками и прямыми спинками бросали странные фантастические тени. Бледное и взволнованное лицо сестры выделялось из мрака с пугающей четкостью.

Мы сидели друг против друга за столом. Ни один звук не нарушал безмолвия, за исключением размеренного тиканья часов да прерывистого стрекотания сверчка под камином. Что-то страшное было в этой полнейшей тишине. Свист запоздалого крестьянина, бредущего по шоссе домой, принес нам некоторое облегчение, и мы напрягали слух, стараясь уловить последние нотки, по мере того как крестьянин отдалялся от нас.

Сперва мы притворялись друг перед другом; сестра делала вид, что вяжет, а я — читаю. Но скоро мы отбросили бесполезную ложь и погрузились в тревожное ожидание, вздрагивая и обмениваясь быстрыми вопросительными взглядами, когда раздавался внезапный звук то от вспышки хвороста в камине, то от шуршания крыши за панелью. Казалось, воздух был насыщен электричеством, предчувствие какого-то несчастья тяготило нас.

Я встал и распахнул дверь, чтобы впустить в комнату свежий ночной воздух. По небу неслись обрывки туч. По временам луна выглядывала из-за них и заливала окрестности холодным белым светом.

Стоя в дверях, я мог видеть только часть клумберовского парка; дом был виден с холма, находящегося на

некотором расстоянии. Сестра предложила пойти туда, накинула на голову шаль. Мы дошли до вершины холма и взглянули в сторону Клумбер-холла.

В эту ночь окна Клумбера были темны. Во всем большом доме от крыши до фундамента не было видно ни огонька. Огромная масса здания, темная и утрюмая, вырисовывалась смутно среди окружающих ее деревьев. Дом более походил на гигантский саркофаг, чем на человеческое жилище.

Некоторое время мы молча стояли, глядя сквозь мрак на Клумбер-холл, а затем вновь вернулись в гостиную. Мы были абсолютно уверены, что вот-вот произойдет что-то страшное.

Была полночь или около этого, когда сестра вдруг вскочила на ноги и подняла руку, прислушиваясь.

— Ты ничего не слышишь? — спросила она.

Я напряг слух, но безрезультатно.

— Подойди к дверям, — попросила она дрожащим голосом. — Ну, а теперь ты слышишь?

В глубокой тишине ночи я отчетливо различил топот, приглушенный и непрерывный, хотя очень слабый и отдаленный.

— Что это? — спросил я.

— Кто-то бежит сюда! — воскликнула она. И вдруг, потеряв всякое самообладание, упала на колени около стола и начала громко молиться, так неистово и горячо, как могут молиться только люди, потерявшие голову от страха. Время от времени она полуистерически всхлипывала.

Сейчас я уже довольно ясно различал звуки и понял, что острый слух Эстер не обманул ее; это действительно был топот бегущего человека. По-видимому, кто-то очень спешил, бежал, не останавливаясь и не замедляя шага. Потом топот превратился в приглушенный шорох; человек добрался до того места, где на расстоянии сотни ярдов был недавно насыпан песок. Но спустя минуту бегущий снова оказался на твердой почве.

«Сейчас он находится у начала тропинки, — подумал я. — Побегит ли он дальше или свернет в Бранксом?» Едва эта мысль промелькнула в моей голове, как я понял по изменившемуся звуку, что бегущий обогнул угол и теперь несомненно направляется к дому лэрда. Я бросился

к калитке и подбежал как раз в тот момент, когда бегущий распахнул ее. Он упал в мои объятия. При свете луны я узнал Мордаунта Хэзерстона.

— Что случилось? — закричал я. — Что случилось, Мордаунт?

— Отец... — Мордаунт задыхался. — Мой отец!

Наш друг был без шляпы, глаза расширены от ужаса, лицо мертвенно-бледное. Я чувствовал, что его руки, сжимавшие меня, трепетали от страшного волнения.

— Вы устали, — говорил я, ведя Мордаунта в гостиную. — Сперва отдышитесь немного, прежде чем говорить. Успокойтесь, вы среди самых верных друзей.

Я уложил его на старый волосяной диван, а Эстер, ужас которой рассеялся как дым, от сознания, что требуется немедленная конкретная помощь, налила в стакан бренди и подала Мордаунту. Напиток произвел свое действие: краска снова стала появляться на бледных щеках Мордаунта.

Наконец он сел и взял обе руки Эстер в свои. Мордаунт как будто пробуждался от какого-то кошмара и хотел убедиться, что действительно находится вне опасности.

— Ваш отец... — спросил я. — Что с ним?

— Он ушел.

— Ушел?

— Да, ушел вместе с капралом Руфусом Смитом. Мы никогда больше не увидим их.

— Но куда же они ушли? — воскликнул я. — Нет, это недостойно вас, Мордаунт. Как можем мы сидеть здесь, предаваясь личным переживаниям, когда имеется возможность помочь вашему отцу! Вставайте, пойдем за ним. Скажите мне только, в каком направлении он ушел.

— Бесполезно, — ответил молодой Хэзерстон, закрывая лицо руками. — Не упрекайте меня, Уэст, ведь вам не известны все подробности этой ужасной ночи. Можем ли мы противиться страшным таинственным законам, направленным против нас? Гибель давно угрожала нам, и сейчас этот удар обрушился на наши головы. Боже, помоги нам!

— Ради всего святого, скажите же, что случилось? — взволнованно спросил я. — Никогда не нужно отчаиваться!

— До рассвета ничего нельзя предпринять, — ответил он. — Только тогда мы можем попытаться разыскать следы отца. Сейчас это бесполезно.

— А Габриель и миссис Хэзерстон? — спросил я. — Нельзя ли сейчас же перевезти их сюда из Клумбера? Ваша бедняжка сестра, наверно, вне себя от ужаса.

— Она ничего не знает, — ответил Мордаунт. — Она спит в другой части дома и ничего не видела и не слышала. А мать так долго ждала чего-нибудь подобного, что удар не явился для нее неожиданным. Она, конечно, потрясена, но сейчас, наверно, хотела бы побыть одна. Ее удивительное присутствие духа — хороший урок для меня. По складу характера я легче ее возбуждаюсь, а эта катастрофа, наступившая после такого продолжительного ожидания, почти лишила меня рассудка.

— Если ничего нельзя сделать до утра, — сказал я, — то вы сможете рассказать, что случилось.

— Я так и сделаю, — ответил Мордаунт, вставая и протягивая к камину дрожащие руки. — Вы уже знаете, что в течение некоторого времени, а вернее, в течение многих лет мы ждали какой-то страшной кары, угрожавшей отцу за преступление, совершенное им еще в молодости. В этом деле он был связан с человеком, известным под именем капрала Руфуса Смита. Сам по себе факт недавнего прибытия капрала был как бы провозвестником того, что час настал и пятого октября именно этого года, то есть в день годовщины преступления, свершится возмездие. В своем письме я сообщал вам об этом, и, если не ошибаюсь, отец то же самое говорил сам. Когда я увидел вчера утром, что отец надел свой старый мундир, который был на нем в Афганскую войну и который он бережно хранил, я понял, что конец близок и наши предчувствия оправдаются. И все же после полудня отец был спокойнее, чем все эти годы. Он много говорил о своей жизни в Индии, о приключениях юности. Около девяти часов вечера он велел нам разойтись по своим комнатам и запер нас там. Это была мера предосторожности, которую он всегда принимал, когда его одолевали мрачные предчувствия. Он, бедный, хотел держать нас как можно дальше от проклятия, тяготевшего над ним. Перед разлукой он нежно обнял мать и Габриель, а затем прошел со мной в мою комнату. Там, ласково сжав

мою руку, он передал небольшой пакет, адресованный вам.

— Мне? — перебил я его.

— Вам. Я вручу его, как только расскажу, что случилось. Я умолял отца позволить мне провести с ним эту ночь в его комнате и разделить с ним любую опасность, но он просил, чтобы я не увеличивал его горя своим вмешательством. Увидев, что мое упрямство действительно расстраивает его, я, наконец, позволил ему запереть меня в комнате. Я всегда буду упрекать себя за недостаток твердости, но что можно сделать, если собственный отец отказывается от вашей помощи?! Противиться было невозможно.

— Я уверена, вы делали все, что было в ваших силах, — сказала сестра.

— Мне тоже так кажется, но, боже мой, как трудно было принять правильное решение. Отец ушел, и я слышал, как в длинном коридоре замирал звук его шагов. Было десять часов или, может быть, немного больше. Некоторое время я ходил по комнате взад и вперед, затем поставил лампу у изголовья, лег не раздеваясь и стал читать святого Фому Кемпийского. Я горячо молил небо, чтобы эта ночь прошла благополучно. Наконец я заснул беспокойным сном.

Вдруг громкий пронзительный крик разбудил меня. Я в испуге вскочил и сел на кровати, но все было тихо, лампа догорала, а часы показывали полночь. Я встал и начал зажигать свечи, но в этот момент опять раздался неистовый крик. Он был такой громкий, что казалось, кто-то кричал в моей комнате. Моя спальня помещается в передней части здания, а мать и сестра спят в другой стороне, поэтому аллея видна только из моего окна. Бросившись к окну, я открыл ставни и выглянул. Вы знаете, что подъездная аллея образует перед самым домом большую площадку. Как раз в центре ее стояли три человека, они глядели на крышу дома. Луна ярко освещала их, и в ее свете я видел темные лица и черные волосы. Двое из них были худые, третий обладал статной фигурой, величественным видом и ниспадающей на грудь бородой.

— Рам-Сингх! — воскликнул я.

— Как? Вы их знаете? — с величайшим изумлением спросил Мордаунт. — Вы встречались с ними?

— Я их знаю. Это буддийские жрецы. Но, впрочем, продолжайте.

— Они стояли в ряд, — продолжал Мордаунт, — то поднимая, то опуская руки, губы их шевелились, будто они произносили молитвы или заклинания. Вдруг они застыли на месте и я в третий раз услышал пронзительный загадочный крик. Я никогда не забуду этого странного и властного призыва; он пронесся в ночной тишине с такой силой, что до сих пор звучит в моих ушах. Когда он замер вдали, я услышал скрежет засовов и ключей, скрип отворяемой двери и поспешные шаги. Из окна я увидел отца и капрала Руфуса Смита; они стремглав выбежали из дома, как бы подчиняясь внезапному и непреодолимому порыву. Три незнакомца даже не дотронулись до них. Все пятеро быстро прошли аллею и скрылись за деревьями. Я убежден, что не было применено никакого физического насилия, никакого явного принуждения, и вместе с тем я видел, что отец со своим спутником были беспомощными пленниками. Все это произошло очень быстро. От первого зова, разбудившего меня, до последнего мимолетного взгляда на отца, когда он исчезал в чаще деревьев, прошло не более пяти минут. Когда все было кончено и отец исчез, мне показалось, что все это какой-то кошмар, галлюцинация. Я всем телом налег на дверь комнаты, надеясь сломать ее. Некоторое время дверь не поддавалась моим усилиям, но я снова и снова изо всех сил толкал ее. Наконец что-то треснуло, и я очутился в коридоре. Моя первая мысль была о матери. Я бросился к ее комнате, повернул ключ в двери. Мать, на плечи которой был наброшен халат, тут же вышла в коридор, подняв предостерегающе руку.

— Тише, — сказала она, — Габриель спит. Их позвали?

— Да, — ответил я.

— Да будет воля Господня! — воскликнула она. — Твой отец будет счастливее в том мире. Слава богу, что Габриель спит: я подмешала хлорал в ее какао.

— Что же мне делать? — воскликнул я в отчаянии. — Куда они ушли? Как мне помочь отцу? Ведь не можем же мы допустить, чтобы он запросто ушел и оказался во власти этих людей! Не поехать ли мне сейчас верхом в Вигтаун и поставить полицию на ноги?

— Только не это, — поспешно сказала мать. — Отец много раз просил меня не обращаться к полиции. Мор-

даунт, мы никогда больше не увидим отца. Не удивляйся, что я не плачу, но если бы ты знал, как я, что смерть принесет ему покой, ты не горевал бы за него. Я знаю, все поиски будут бесплодны, и все-таки их необходимо произвести, но только неофициальным путем. Мы лучше всего докажем любовь к отцу, если поступим согласно его воле.

— Но ведь каждая минута дорога! — воскликнул я. — Может быть, как раз в эту минуту он зовет нас, надеется, что мы спасем его.

Эта мысль сводила меня с ума. Я выбежал из дома и оказался на шоссе. Но я не имел понятия, в какую сторону идти. Передо мной расстилались широкие торфяные поля. Я стал прислушиваться, но ни один звук не нарушал глубокой тишины ночи. И вот, когда я стоял на шоссе, не зная, в какую сторону бежать, меня, мои друзья, охватил невероятный ужас. Я чувствовал, что стою лицом к лицу с силами, о которых ничего не знаю. Все загадочно, все покрыто мраком. Мысль о вашей помощи, о вашем совете сверкнула, как маяк надежды. В Бранксоме я, по крайней мере, встречу сочувствие, совет, указание, что делать. Мой рассудок сейчас в таком смятении, что я не могу полагаться на собственные суждения. Мать желала остаться наедине, сестра спала, и у меня не было никакого плана действий. Я знал только, что до восхода солнца ничего нельзя предпринять. И я стремглав бросился к вам. У вас ясная голова, Джон, скажите же, научите, что делать. Эстер, что мне делать?!

Он обращался то ко мне, то к сестре, протягивая к нам руки, глядя молящими глазами.

— Ночью ничего нельзя сделать, — ответил я. — Потом мы сообщим в вигтаунскую полицию, но сперва надо приняться за поиски самим. Таким образом, мы будем действовать в соответствии с законом и в то же время проведя неофициальные розыски, как этого хочет ваша мать. Живущий здесь недалеко за холмом Джон Фуллартон имеет собаку-ищейку, которая лучше всякого сыщика. Если мы пустим ее по следу генерала, она побежит за ним на край света.

— Но как ужасно тяжело спокойно сидеть здесь, в то время как отцу, может быть, необходима наша помощь!

— Вряд ли поможем ему. Да у нас и нет выбора, так как неизвестно, в каком направлении они ушли. А бро-

дить бесцельно ночью по торфяным полям, значит зря тратить силы, которые могут нам очень понадобиться завтра утром. В пять часов начнет рассветать, и через час мы сможем перейти через холм и попросить собаку Фуллартона.

— Только через час! — простонал Мордаунт. — Сейчас каждая минута кажется вечностью.

— Ложитесь на диван и отдохните, — сказал я. Вы принесете гораздо больше пользы, если сбережете силы, может быть, нам предстоит долгий путь... Но вы говорили о пакете, который генерал поручил передать мне...

— Вот он, — сказал Мордаунт, вытаскивая из кармана небольшой плоский пакет и передавая его мне.

Пакет был запечатан черным воском, на котором виднелись оттиски летящего грифона, который являлся, как я знал, гербом генерала, и перевязан широкой тесьмой. Я перерезал ее перочинным ножом. На пакете было написано четким почерком «Дж. Фэзергилу Уэсту, эсквайру», а ниже: «Вручить пакет этому джентльмену в случае исчезновения или смерти генерал-майора Дж. Б. Хэзерстона».

Наконец-то я узнаю ужасную тайну, набросившую тень на нашу жизнь. В моих руках находится разгадка этой тайны.

Я нетерпеливо сломал печать и разорвал обертку. Внутри была записка и небольшая связка выцветших листков бумаги. Подвинув поближе лампу, я развернул записку, помеченную вчерашним днем, и прочитал:

«Дорогой Уэст. Мне давно следовало удовлетворить ваше вполне понятное любопытство относительно того дела, которого мы не раз касались в разговорах. Но я воздерживался ради вас. По собственному горькому опыту я знаю, как действует на нервы ожидание катастрофы, которая, как я убежден, разразится и которую невозможно ни предотвратить, ни ускорить. Хотя все это касается только меня лично, все же я думаю, что при вашей симпатии ко мне, при вашем расположении, как к отцу Габриель, безнадёжность и неопределенность моей участи причинили бы вам много горя. Я боялся нарушить ваше душевное спокойствие. Поэтому-то я и молчал даже в ущерб себе самому, ибо мое одиночество тоже глубоко угнетало меня.

Много признаков, а главным образом появление буддистов на нашем берегу, о чем вы мне рассказали утром, убедили меня, что моему мучительному ожиданию приходит конец и час возмездия близок. Почему мне сохраняли жизнь в течение сорока лет после моего преступления, я не понимаю. Но, возможно, те, от кого зависит моя участь, знают, что такая жизнь — самое ужасное из наказаний.

Ни днем ни ночью эти люди ни на час не давали мне забыть, что они считают меня своей жертвой. Их проклятый астральный колокольчик сорок лет предвещал мне гибель, напоминая о том, что нет на земле места, где я мог бы надеяться на спасение. О благословенный покой смерти, приди, какая бы участь ни ожидала меня по ту сторону света! Я избавлюсь, по крайней мере, от этого трижды проклятого звона.

Незачем снова говорить об этом гнусном деле и рассказывать все подробности событий пятого октября тысяча восемьсот сорок первого года, повлекших за собою смерть Гхулаб-шаха, высшего адепта.

Я вырвал пачку листов из моего старого дневника, в которых вы найдете подробный отчет обо всем. Независимо от этого, командир артиллерии Эдвард Эллиот представил несколько лет тому назад в «Звезду Индии» рассказ о тех событиях, не называя, правда, имен.

Я имею основание полагать, что многие люди, даже знавшие Индию хорошо, думали, что сэр Эдвард просто сочинил фантастический роман. Поблекшие листки, которые я вам посылаю, докажут вам, что все это не выдумка и нашим ученым следовало бы познакомиться с силами и законами, которыми пользуются люди Востока, но которые совершенно неизвестны европейской цивилизации.

Я не собираюсь скулить и хныкать, но не могу не сознавать, что на мою долю выпала тяжкая кара. Бог видит — я не отнимал бы жизнь у этого человека, будь он даже моложе, если бы я был в спокойном состоянии. Но я всегда был очень горячим и упрямым человеком, а во время боя моя кровь кипела и я не сознавал, что делаю. Ни капрал, ни я не тронули бы пальцем Гхулаб-шаха, если бы не видели, что туземцы снова группировались за его спиной. Ну, это уже в прошлом и незачем говорить

об этом. Не дай бог, чтобы другому досталась такая же участь.

Я написал это краткое приложение к моему дневнику, чтобы объяснить дело и вам и любому, кто им заинтересуется.

А теперь прощайте! Будьте хорошим мужем для Габриель и, если ваша сестра не побоится войти в такую несчастную семью, как наша, пусть она это сделает. Я оставляю жене достаточно средств, чтобы она ни в чем не нуждалась. Когда она соединится со мной, пусть эти средства будут разделены между моими детьми. Если вы услышите о моей смерти, не жалейте меня, а порадитесь за своего несчастного друга Джона Бертье Хэзерстона».

Я отложил письмо и взял связку бумаг голубоватого цвета, в которых хранилась разгадка тайны. Листки были истрепаны и стерты. Чернила немного поблекли, но на первой странице было написано ясным и четким почерком, очевидно, гораздо позднее, чем все остальное:

«Дневник лейтенанта Дж. Б. Хэзерстона. Долина Тул, осень 1841 года», а затем ниже:

«Этот отрывок содержит отчет о событиях, имевших место в первой неделе октября сего года, включая стычку в ущелье Терада и смерть человека по имени Гхулабшах».

Передо мной лежит этот дневник, и я переписываю его дословно. Если в нем есть что-либо, не имеющее непосредственного отношения к данному вопросу, то я публикую и это, так как считаю, что лучше опубликовать даже не имеющее прямого отношения к делу, чем отрезать и сократить запись и, таким образом, дать возможность обвинить меня в искажении дневника генерала.

Глава XV

Дневник Джона Бертье Хэзерстона

Пятый Бенгальский и тридцать третий Королевский полки сегодня утром двигались по направлению к фронту. Завтракал я с офицерами Бенгальского полка. Получены последние новости из Англии: два покушения на жизнь королевы какими-то полубезумцами Фрэнсисом и Бином.

Зима, по всей вероятности, будет очень холодная. Линия снегов в горах опустилась на 1000 футов, но горные проходы еще несколько недель останутся открытыми. А если и их совсем занесет снегом, это не будет иметь особого значения: мы создали столько складов, что Поллоку и Нотту будет нетрудно продержаться. С нами не сможет повториться того, что случилось с армией Эльфенстона. Одной такой трагедии достаточно на целую сотню лет.

Командующий артиллерией Эллиот и я несем ответственность за безопасность коммуникаций длиной свыше двадцати миль, начиная от входа в нашу долину до деревянного моста через Лотар. Командир стрелков Гудзнеф отвечает за порядок на другой стороне реки, а подполковник Сидней Герберт ведет общее наблюдение за обоими участками.

Наших сил недостаточно для выполнения задания. В моем распоряжении полторы роты нашего полка и эскадрон индийской кавалерии, совершенно бесполезной в условиях горной местности. У Эллиота три орудия, но многие солдаты болеют холерой, и я не думаю, чтобы у него хватило людей на обслуживание более двух орудий. Правда, каждая транспортная колонна имеет обычно собственный конвой, но он часто бывает совершенно недостаточным.

Эти долины и ущелья, ответвляющиеся от главного прохода, населены афридами и патанами — отчаянными разбойниками и религиозными фанатиками. Я удивляюсь, как они еще не догадываются совершать набеги на наши транспортные колонны. Они могли бы очень легко грабить и скрываться в горных недоступных твердых скалах. Ясно, что только страх сдерживает их.

Будь это в моей власти, я повесил бы у входа в каждое ущелье по одному туземцу в назидание всем остальным. По внешнему виду они — воплощение дьяволов: у них крючковатые носы, толстые губы, грива спутанных волос и сатанинская усмешка.

Сегодня сообщений с фронта не поступало.

2 ОКТЯБРЯ

Нужно будет попросить у Герберта хотя бы одну роту, иначе невозможно сохранить коммуникации в случае сколько-нибудь серьезных нападений.

Сегодня утром я получил срочные сообщения из пунктов, расположенных в шестнадцать миль друг от друга. В них говорится, что можно ожидать внезапного нападения туземцев.

Эллиот с одним орудием и отрядом индийской кавалерии вышел в направлении дальнего ущелья, а я с пехотой поспешил к другому. Мы убедились, что это была фальшивая тревога. Я не обнаружил горцев. Нас встретили разрозненными выстрелами, но нам не удалось поймать ни одного туземца. Горе им, если они попадут в мои руки! Я расправлюсь с ними так, как ни один судья в Глазго не расправлялся с шотландскими разбойниками. Может быть, эти постоянные тревоги ничего не значат, а может быть, они указывают, что горцы объединяются и замышляют недоброе.

Некоторое время не было известий с фронта, но сегодня к нам прибыл транспорт раненых с сообщением, что Нотт захватил Газни. Надеюсь, что он заставил-таки поплясать безумцев, попавших ему в руки.

От Поллока — ни слова.

Из Пенджаба прибыла батарея, запряженная слонами, по-видимому, в очень хорошем состоянии. С ней прибыло несколько человек выздоравливающих солдат и направляющихся в свои полки. Я их не знаю, за исключением гусара Мостина и молодого Бэксли, который был моим помощником в Чартерхаузе и которого я с тех пор ни разу не видел.

До одиннадцати часов сидели под открытым небом, пили пунш, курили сигары.

Пришло письмо от фирмы Уиллса из Дели с напоминанием об оплате счета. А я-то думал, что война освобождает человека от такой назойливости. Уиллс говорит: если его письма не подействуют, он приедет ко мне сам. Это несомненно самый наглый и настойчивый из портных.

Получил несколько строк от Дэзи из Калькутты и письмо из Хобхауза с сообщением о том, что Матильда получит все деньги по завещанию. Очень хорошо.

3 ОКТЯБРЯ

Великолепные вести с фронта. Барклай, офицер Мадрасской кавалерии, прибыл верхом и привез депеши. Поллок победоносно вступил в Кабул еще 16 сентября; а

вот еще более приятная весть: леди Сэйль спасена Шекспиром и благополучно доставлена в британский лагерь вместе с другими заложниками. Слава богу!

Так заканчивается все это несчастное дело. Оно завершится разрушением Кабула. Надеюсь, Поллок не будет миндальничать и поддаваться влиянию наших истерично сентиментальных политиков в Англии. Город должен быть сожжен дотла, поля надо посыпать солью. Здание резидентства и дворец — уничтожить. Пусть знают Бурнес, Макнаутен и другие храбрецы: если мы, их соотечественники, не смогли спасти их, то, по крайней мере, сумели отомстить за них.

Тяжело торчать в этой проклятой дыре, когда другие завоевывают славу. Я до сих пор остаюсь в стороне от дел, если не считать нескольких мелких стычек. Единственное утешение в том, что мы оказываем нашим войскам на фронте хоть небольшие услуги.

Сегодня лейтенант-туземец привел гонца, сообщившего, что около ущелья Терада, в десяти милях севернее нас, собираются местные племена с намерением напасть на транспортную колонну. Мы, конечно, не можем полагаться целиком на такие сведения, хотя в них, возможно, имеется доля истины. Я внес предложение застрелить горца для того, чтобы помешать ему сыграть роль двойного предателя и сообщить врагам о наших действиях. Эллиот не соглашается.

На войне нельзя упускать ни одной возможности. Я — противник полумер.

Договорился с Эллиотом: туземец остается под стражей в качестве пленного и, если его информация окажется лживой, будет казнен. Я мечтаю: может быть, подвернется случай показать себя.

Конечно, всех этих фронтовиков засыплют орденами, титулами, а мы, бедные, будем обойдены, хотя на нашу долю выпала главная часть ответственности и тревог. У Эллиота — острое воспаление пальца — ногтеед.

Последняя транспортная колонна оставила нам большой ящик с разными соусами. Но так как она забыла нам оставить то, с чем их употребляют, то мы передали ящик туземцам-кавалеристам, и они пьют эти соусы кружками вместо спиртных напитков. Говорят, должна прибыть еще одна большая транспортная колонна.

4 ОКТЯБРЯ

Думаю, что горцы действительно собираются напасть на нас. Сегодня прибыли два наших разведчика с сообщением о скоплении противника в районе ущелья Терада. Во главе их стоит старый мошенник Земаун. А я-то посоветовал правительству подарить ему подозрную трубу за его нейтралитет!

Мы ждем транспортную колонну завтра утром. Думаю, что до ее прибытия горцы вряд ли нападут на нас: ведь они воюют из-за добычи, а не ради славы. Впрочем, следует отдать справедливость: когда они бросаются на врага, у них появляются и мужество, и смелость.

Я придумал великолепный план, и Эллиот искренне одобрил его. Клянусь Юпитером! Если удастся осуществить этот план, мы устроим такую западню, лучше которой и не придумаешь.

Мы хотим создать видимость, будто уходим в долину навстречу транспортной колонне и собираемся закрыть вход в ущелье, из которого якобы ждем нападения. Мы сделаем ночной переход и встретим транспортную колонну. Там я спрячу в фургонах двести солдат.

Наши враги увидят, что мы направляемся на юг, оставив без охраны транспортную колонну, идущую на север. Они, конечно, бросятся на нее, предполагая, что мы находимся на расстоянии двадцати миль. И тут-то мы и дадим им хороший урок: они поймут, что легче остановить молнию, чем захватить транспортную колонну Ее Величества. Я сижу как на иголках. Когда же мы начнем действовать?

Эллиот так хорошо замаскировал свои два орудия, что их можно принять за тележку торговца. Если враги увидят орудия в транспортной колонне, они могут заподозрить неладное. Артиллеристы будут сидеть в фургоне недалеко от своих орудий и смогут открыть огонь в любую минуту.

Нашим молчаливым и преданным сипаям мы по секрету сообщили план, который не собираемся выполнять.

Если хочешь, чтобы какое-нибудь известие распространилось по всей округе, шепни его слугам, взяв у них клятву молчания.

8 час. 45 минут вечера. Выходим навстречу транспортной колонне. Да улыбнется нам счастье!

5 ОКТЯБРЯ, 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Победа! Мы с Эллиотом заслужили лавровый венок!

Я только что вернулся домой усталый, измученный, запыленный, покрытый кровью. Даже не переодевшись и не помыв руки, я сел к столу для того, чтобы запечатлеть наши подвиги, хотя бы только для меня одного. Я опишу все подробно, как в официальном докладе, который мы с Эллиотом составим, когда он вернется. Билли Доусон имел обыкновение говорить, что существует три степени сообщения: уклонение, ложь и официальный доклад. Но мы не в состоянии преувеличить наши успехи, к ним невозможно ничего прибавить.

В соответствии с нашим планом, мы выступили на встречу транспортной колонне и соединились с ней в самом начале долины. Колонну охраняли только две слабые роты 54-го полка. Они могли еще как выдерживать небольшие стычки, но неожиданному нападению горцев они были бы противостоять не в силах.

Командовал колонной Чемберлен — изящный молодой человек. Мы быстро ввели его в курс дела и были готовы двинуться на рассвете, хотя фургоны были так полны, что пришлось оставить на месте несколько тонн фуража, чтобы очистить место для сипаев и артиллеристов.

Около пяти часов мы, выражаясь местным языком, «запрытались», а к шести часам были уже в пути. Охрана беспечно двигалась вразброд, транспортная колонна казалась незащищенной.

Я вскоре убедился, что тревога не была ложной и что местные племена действительно собираются напасть.

С моего наблюдательного поста под парусиновым тентом одного из фургонов я мог разглядеть головы в тюрбанах, появляющиеся между скал и разглядывающие нас. Иногда на север проносился разведчик с сообщением о нашем продвижении.

Но лишь когда мы достигли прохода Терада — мрачного ущелья, окруженного громадными отвесными скалами, аффриды стали появляться большими толпами. Они так искусно напали на нас из засады, что, не будь мы подготовлены, нам пришлось бы плохо.

Транспортная колонна остановилась, а горцы, заметив, что их обнаружили, подняли сильную, хотя очень беспорядочную и неточную стрельбу.

Я попросил Чемберлена выдвинуть своих людей в стрелковые цепи, дав указание медленно отступать к фургонам, чтобы заманить афридов в ловушку. Хитрость удалась прекрасно.

Красные мундиры медленно отступали, стараясь оставаться под прикрытием, а враги с пронзительными криками торжества преследовали их, перепрыгивая со скалы на скалу, размахивая карабинами и воя, как стая демонов.

Туземцы со всех сторон приближались к нам. Наконец уверенные, что теперь победа уже обеспечена, они выбежали из-за скал и с воем ринулись в бешеную атаку. Зеленое знамя пророка развевалось над передними рядами.

Теперь настала наша очередь действовать. Из фургонов засверкали огни выстрелов, каждый залп наносил тяжелые потери толпе. Человек шестьдесят откатились назад, остальные, после минутного колебания, снова мужественно бросились на нас за своими вождями.

Но неорганизованная толпа не может противостоять меткому огню. Вожди пришли в замешательство, и туземцы бросились к ущельям.

Теперь мы перешли в наступление. Орудия были сняты с передков, заряжены картечью, и наш небольшой отряд пехоты двинулся вперед бегом, пристреливая или приканчивая штыками тех, кто не мог скрыться.

Мне никогда еще не доводилось видеть, чтобы ход боя так быстро и радикально изменялся. Медленное отступление афридов превратилось в бегство, и, наконец, страшная паника охватила горцев. Скоро перед нами были только бегущие врассыпную совершенно деморализованные толпы туземцев. Они неслись к ущельям в поисках спасения.

Но я вовсе не собирался выпускать врагов из рук и дать им возможность так дешево отделаться. Наоборот, я решил преподать им такой урок, чтобы в дальнейшем один только вид красного мундира приводил их в трепет. Безжалостно преследуя бегущего противника, мы ворвались на его плечах в ущелье Терада.

Отрядив Чемберлена и Эллиота с ротой солдат для защиты моих флангов, я с сипаями и горсточкой артиллеристов продолжал преследование врага, не давая ему возможности опомниться и собраться с силами. Но наши

неудобные европейские мундиры и отсутствие навыка в ведении боя в горных условиях помешали бы нам догнать врага, если бы не одно счастливое обстоятельство. Перед нами было узкое ущелье, соединяющееся с главным горным проходом. Я заметил, что человек шестьдесят или семьдесят туземцев в панике бросились в это узкое ущелье. Конечно, я не стал бы преследовать их, а двинулся бы за главными силами бегущего противника, если бы ко мне не подбежал один из разведчиков с сообщением, что это узкое ущелье заканчивается тупиком и что беглецы не спасутся, если не пробьются сквозь наши ряды.

Мне представлялся случай навести ужас на горные племена. Предоставив Чемберлену и Эллиоту преследование главных сил противника, я направился со своими сипаями в узкое ущелье и медленно двинулся в глубь его растянутой цепью. Даже шакал не мог бы пройти незамеченным мимо нас. Мятежники попали в западню.

Ущелье, в которое мы вошли, было мрачное и величественное. По обеим сторонам высились голые отвесные скалы, поднимавшиеся на тысячу футов и более и сходящиеся наверху так тесно, что между ними пробивалась лишь узкая полоска дневного света; к тому же ее заслоняли перистые края пальм и алоэ, которые свешивались с мрачных утесов.

В начале ущелье имело до двухсот ярдов ширины, но по мере продвижения скалы все более сближались так, что рота могла двигаться только в тесном строю.

Здесь царил полумрак; в тусклом неясном свете высокие базальтовые скалы принимали фантастические неопределенные очертания. Тропинок не было, почва была очень неровная, но я быстро двигался вперед, приказав солдатам держать пальцы на спусковых крючках: я видел, что мы приближаемся к тому месту, где скалы сходятся друг с другом под острым углом.

Наконец мы добрались до этого места. В самом конце ущелья была нагромождена большая куча валунов, и между ними прятались беглецы, по-видимому, совершенно деморализованные и неспособные к сопротивлению. Не было никакого смысла брать их в плен, а тем более не могло быть и речи отпустить их на свободу. Нам оставалось только прикончить их.

Взмахнув саблей, я повел за собой солдат. И тут случился драматический эпизод, какой я видел только на

сцене Дрюри-Аэйна, но не ожидал встретить в жизни. Около скалы, рядом с грудой камней, за которыми прятались горцы, виднелась пещера, напоминавшая больше берлогу зверя, чем обиталище человека. Из ее темного свода неожиданно появился старик. Он был такой древний, что все старики, которых я когда-либо видел, показались бы юнцами по сравнению с ним. Его волосы и борода были белы как снег и закрывали всю грудь. Лицо цвета черного дерева все в морщинах.

Старик появился неожиданно и, бросившись между беглецами и моими солдатами, остановил нас величественным движением руки, как император, повелевавший когда-то рабами.

— Убийцы! — воскликнул он громким голосом на прекрасном английском языке. — Здесь место для молитв и размышлений, а не для убийств! Уйдите или гнев богов падет на вас!

— Отойди в сторону, старик! — закричал я. — Вам придется плохо, если вы не уберетесь с пути.

Я заметил, что горцы начинают приходить в себя, некоторые из моих сипаев стали колебаться. Я понял, что для достижения полного успеха надо действовать быстро. Я бросился вперед во главе белых артиллеристов, окружавших меня. Старик распростер руки, желая остановить нас, но у меня не было времени задерживаться по пустякам. Я пронзил его саблей, а один из артиллеристов нанес ему сокрушительный удар по голове прикладом карабина. Он тут же упал, и горцы при виде его смерти испустили громкий вопль ужаса.

Сипаи, начавшие было отступать, снова бросились вперед, как только старик упал. За несколько минут победа была завершена. Ни один враг не вышел живым из ущелья.

Разве Ганнибал или Цезарь могли совершить более славный подвиг? Наши потери в этом деле были совершенно ничтожны: трое убитых и около пятнадцати раненых.

После сражения я поискал было тело старика, но оно исчезло, хотя я не мог понять, куда и каким образом. Он сам был виноват в своей смерти. Если бы он не вмешался, как у нас говорят, «в действия офицера при исполнении им служебных обязанностей», он остался бы в живых.

Разведчики сообщили, что его звали Гхулаб-шахом, и он был одним из самых высокопоставленных буддистов. Он пользовался славой пророка и чудотворца, оттого-то и произошло смятение среди туземцев, когда он упал мертвым. Мне говорили даже, будто он жил в этой пещере, когда здесь проходил Тамерлан в 1399 году. Словом, всякую чепуху.

Я вошел в пещеру. Не понимаю, как можно было прожить в ней хотя бы неделю; она была немного выше четырех футов, самая сырая и мрачная, какую я когда-либо видел. Деревянная скамейка и грубо сколоченный стол были единственными предметами мебелировки. На столе лежало множество пергаментных свитков, исписанных иероглифами.

Итак, он отправился туда, где поймет, что проповедь добра и мира выше всей его языческой учености. Мир праху его!

Эллиот и Чемберлен так и не догнали главного отряда беглецов; я знал, что так и будет. Значит, вся слава победы досталась мне одному. Возможно, я получу повышение, а может быть, кто знает, обо мне напечатают в Правительственном бюллетене. Какая удача! Я думаю, Земауну придется-таки отдать свою подозрительную трубу мне. А теперь — чего-нибудь поесть! Я умираю от голода. Слава — прекрасная штука, но ею сыт не будешь.

6 ОКТЯБРЯ, 11 ЧАСОВ УТРА

Постараюсь изложить спокойно и как можно точнее все, что случилось со мной сегодня ночью. Я никогда не был фантазером, никогда не был подвержен галлюцинациям и могу вполне полагаться на свои органы чувств. Но должен сказать, что, если бы кто-нибудь рассказал мне эту историю, я не поверил бы. Я и сам подумал бы, что все это обман зрения и слуха, если бы надо мною не раздавался звон колокольчика. Впрочем, расскажу все по порядку.

Эллиот был со мною в палатке. Мы курили сигары. Было около десяти часов вечера. Затем вместе с лейтенантом-туземцем я совершил обход и, убедившись, что все в порядке, вернулся домой к одиннадцати часам.

Я зверски устал после дневных тревог и вскоре заснул. Но только я погрузился в сон, как меня разбудил легкий шум. Осмотревшись, я увидел человека в восточном одеянии, неподвижно стоящего у входа в палатку. Его глаза

были устремлены на меня с суровым и серьезным выражением.

Я подумал, что гази или афганский фанатик прокрался в палатку, чтобы зарезать меня, и хотел было спрыгнуть со своего ложа и защищаться; но почему-то не смог этого сделать. Мною овладела слабость. Даже если бы я увидел кинжал, опускающийся надо мной, я не смог бы пошевелиться. Мой ум был ясен, но тело в полном оцепенении, как во сне.

Несколько раз я закрывал глаза, стараясь убедить себя, что это галлюцинация. Но каждый раз, поднимая веки, я видел перед собой мужчину, смотрящего на меня все тем же неподвижным угрожающим взглядом.

Молчание становилось невыносимым. Необходимо было во что бы то ни стало преодолеть слабость хотя бы в той мере, чтобы заговорить с незнакомцем. Я — не нервный человек и никогда прежде не понимал, что имел в виду Вергилий, говоря: «*adhoesit faucibus ora*»¹. Наконец мне удалось пробормотать несколько слов и спросить незнакомца, кто он и что ему нужно.

— Лейтенант Хэзерстон, — сказал он медленно и торжественно, — сегодня ты совершил самое ужасное преступление и величайшее преступление, которое мог совершить человек. Ты убил одного из трех святых людей, верховного адепта наивысшей ступени, нашего старшего брата. Он достиг этой ступени многие годы тому назад, за большее количество лет, чем в твоей жизни насчитывается месяцев. Ты убил его в тот момент, когда его труды подходили к высшей точке, когда он должен был овладеть главной оккультной мудростью, которая подняла бы его еще на одну ступень ближе к Создателю. Ты совершил это преступление без всяких оправдывающих обстоятельств, без повода с его стороны, в тот самый момент, когда он старался защитить незащищенных людей. Слушай меня, Джон Хэзерстон!

Когда много тысяч лет назад люди изучали оккультные науки, ученые установили, что короткой жизни человека недостаточно, чтобы достигнуть наиболее высоких ступеней познания. Поэтому ученые того времени направили все свои силы на продление своей жизни, чтобы иметь больше простора для усовершенствования.

¹ Слова застряли в глотке (лат.).

Благодаря изучению таинственных законов природы они смогли закалить свои тела против болезней и старости. Им осталось только защитить себя от жестоких и преступных людей, которые всегда готовы разрушить все, что выше и благороднее их самих. Не было прямых способов защиты, но оккультные силы давали возможность беспощадно и жестоко покарать преступника.

Незыблемый закон гласит: всякий, проливший кровь брата, достигшего высокой ступени святости, будет предан смерти. Этот закон действует до настоящего времени, и ты, Хэзерстон, находишься в его власти. Никакой король, никакой император не спасут тебя от этого закона. У тебя нет надежды на спасение.

В прежние времена наш закон действовал мгновенно: убийца погибал одновременно со своей жертвой. Впоследствии было решено, что такое быстрое возмездие мешает преступнику понять всю безмерность своего преступления.

Поэтому сейчас во всех подобных случаях возмездие налагается на человека, то есть на ближайших учеников святого, причем им разрешено замедлить или ускорить возмездие по своему усмотрению. Это возмездие должно свершиться в одну из годовщин преступления.

Почему возмездие придет именно в этот день, тебе не дано знать. Достаточно, что ты — убийца трижды благословенного Гхулаб-шаха и я — старший из его трех чelasов, которым поручено отомстить за его смерть.

Между нами нет личной ненависти. Во время нашего изучения тайн природы мы не имеем ни времени, ни желания для личных чувств и дел. Нам так же нельзя смягчить выполнение этого закона, как для тебя невозможно избежать кары. Рано или поздно мы явимся к тебе и отнимем у тебя жизнь во искупление той жизни, которую ты отнял.

Такая же участь уготована и твоему презренному солдату Смиту. Хотя его вина меньше твоей, он присужден к такому же наказанию за то, что поднял святотатственную руку на избранника Будды. Если твоя жизнь продлена, то лишь для того, чтобы ты раскаивался в злодеянии и чувствовал силу наказания.

Для того чтобы ты не смог попытаться забыть это, наш колокольчик, наш астральный колокольчик, пользование которым составляет одну из наших оккультных тайн,

будет всегда напоминать тебе о том, что произошло и что последует. Ты будешь слышать его днем и ночью, ты не спасешься от чelasов Гхулаб-шаха, куда бы ты ни прятался.

Ты больше не увидишь меня, о проклятый человек, до того дня, когда мы придем за тобой. Живи в страхе, в ожидании кары, это будет страшнее самой смерти.

Сделав угрожающий жест, незнакомец повернулся и вышел из палатки.

В то же мгновение я пробудился от летаргии, сковывавшей меня. Вскочив на ноги, я бросился к выходу и выглянул наружу. Часовой-сипай стоял в нескольких шагах от меня, облокотившись на мушкет.

— Собака! — крикнул я индусу. — Как ты осмелился пропустить сюда человека и нарушить мой покой!

Часовой с изумлением уставился на меня.

— Разве кто-нибудь потревожил сагиба? — спросил он.

— Да, только что, сию секунду. Ты должен был видеть его, когда он выходил из моей палатки.

— Уверяю, что сагиб ошибается, — сказал часовой почтительно, но твердо. — Я стою здесь час, и за это время никто не выходил из палатки.

Озадаченный и смущенный, я сидел на своем ложе и думал: неужели это галлюцинация, вызванная нервным возбуждением после нашей стычки, но вдруг произошло новое удивительное явление. Над моей головой раздался резкий звон колокольчика. Звон походил на звук от удара ногтем по пустому стакану, но только гораздо громче и сильнее.

Я поглядел вверх, но ничего не заметил.

Я тщательно обыскал всю палатку, но так и не обнаружил причины странного звука. Наконец, измученный и усталый, я послал к черту эту тайну и, бросившись на свое ложе, вскоре крепко заснул.

Проснувшись утром, я был готов объяснить все случившееся только своим воображением. Но вскоре я был выведен из этого заблуждения: не успел я встать, как тот же самый странный звук повторился у моего уха так же громко и так же беспричинно, как прежде. Не понимаю, что это за звук и откуда он раздался. Больше я его не слышал.

Неужели угрозы этого человека осуществляются и неужели звонил тот самый астральный колокольчик, который

должен напоминать мне о случившемся? Это, конечно, совершенно невероятно. И все же незнакомец произвел на меня неизгладимое впечатление.

Я постарался как можно точнее записать все, что он мне сказал, но боюсь, что я много пропустил. Чем кончится это странное дело? Придется обратиться к религии и святой воде.

Ни Чемберлену, ни Эллиоту не сообщил ни слова. Они сказали мне, что я сегодня утром выгляжу, как привидение.

ВЕЧЕРОМ. Сравнил свои записки с рассказом артиллериста Руфуса Смита, который ударил старика прикладом. С ним произошло то же самое, что и со мной. Он тоже слышал этот звук. Что все это значит? У меня голова идет кругом.

10 ОКТЯБРЯ (ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ)

Боже, спаси нас!

Этими краткими словами заканчивается дневник. Мне показалось, что запись, сделанная после четырехдневного перерыва, говорит о потрясенных нервах и надломленной воле Хэзерстона больше, чем мог бы сказать самый подробный рассказ.

К дневнику была приколота записка, очевидно, недавно написанная генералом. «С тех пор и до настоящего времени, — было сказано в ней, — не проходило дня или ночи, чтобы я не слышал этот ужасный звук, который вызывал у меня целые вереницы мыслей. Ни время, ни привычка не приносили мне успокоения; напротив, с каждым годом мои физические силы ослабевали, нервы откалывались выносить постоянное напряжение.

Я разбит и душою, и телом. Живу в постоянном трепете, всегда напрягаю слух, ожидая ненавистный колокольчик, боюсь говорить с кем-нибудь, чтобы не выдать свое ужасное состояние. Я не знаю покоя, у меня нет даже надежды на покой на этом свете. Клянусь, предпочел бы смерть, и все-таки как только настает пятое октября, я изнемогаю от страха, ибо не знаю, какая загадочная и ужасная смерть мне угрожает.

Прошло сорок лет, как я убил Гхулаб-шаха, и сорок раз я проходил через все ужасы смерти, так и не обретая желанного покоя.

Мне не дано знать, в каком виде придет ко мне возмездие. Я заточил себя в самом глухом углу, окружив себя стенами и оградами, ибо в минуты слабости инстинкт заставляет меня принимать хоть какие-нибудь меры самосохранения. Но в душе я хорошо знаю, что все это тщетно. Теперь они уже скоро придут, потому что я стар и природа может перегнуть их, если они не поторопятся.

Я ставлю себе в заслугу, что не принял синильной кислоты или опиума. Этим способом я мог расстроить планы своих оккультных преследователей, но я всегда считал, что человек не имеет права покидать своего поста, пока его не отзовет высшая власть. Но все эти годы я без колебания подвергал себя опасности, а во время войн делал все возможное, чтобы встретить смерть. Но она избегала меня, унося молодых людей, для которых жизнь только начиналась и было все, что придает цену жизни. А я жил, получал кресты, почести, но они потеряли для меня всякое значение.

Ну что же, я думаю, что все это — не случайность и что в происшедшем заложен глубокий смысл.

Судьба послала мне драгоценное утешение в лице моей верной и преданной жены, которой я еще до свадьбы открыл свою страшную тайну. Она благородно согласилась разделить мою участь и сняла, таким образом, с моих плеч половину моего бремени. Но непосильная ноша сломила жизнь бедняжки.

Мои дети также явились утешением для меня. Мордаунт знает все или почти все. Что касается Габриель, то мы решили держать ее в неведении, хотя она чувствует, что у нас не все обстоит благополучно.

Мне хотелось бы, чтобы эти записки были показаны доктору Джону Истерлингу из Странрара. Он случайно услышал звук, который преследует меня. На моем печальном опыте он убедился, что я был прав, что в мире есть много таинственного, о чем не имеют представления в Англии. Дж. Б. Хэзерстон».

Приближался рассвет, когда я закончил читать это удивительное повествование.

Я прочел его вслух своей сестре и Мордаунту, которые с напряженным вниманием слушали.

Мы взглянули в окно, блеск звезд стал слабее, и на востоке забрезжил сероватый свет. Арендатор, хозяин собаки-ищейки, жил в двух милях от нас, значит, надо

было идти. Оставив дома Эстер и попросив ее рассказать все отцу, насколько это будет ей под силу, мы захватили с собою немного еды и отправились на поиски.

Глава XVI

Провал Кри

Когда мы вышли из дома, было еще темно, поэтому мы с трудом различали дорогу на торфяной равнине, поросшей вереском. Но постепенно становилось светлее, и когда мы, наконец, добрались до хижины Фуллартон — совсем рассвело.

Несмотря на раннее утро, хозяин уже был на ногах — вигтаунские крестьяне поднимаются на заре. В нескольких словах мы объяснили хозяину, насколько это было возможно, цель нашего посещения и договорились об оплате. А какой шотландец не позаботится об этом в первую очередь? В результате хозяин не только разрешил нам воспользоваться его собакой, но даже решил сам сопровождать нас.

Мордаунт, которого беспокоила возможность огласки нашей тайны, сперва возражал против этого, но я убедил его, что наличие сильного и ловкого мужчины может оказаться весьма полезным, тем более что мы не знаем, с какими трудностями нам придется встретиться. Кроме того, у нас будет меньше хлопот с собакой, если ее хозяин будет рядом. Эти доводы оказали свое влияние.

Рыжие волосы хозяина, похожие на паклю, торчали во все стороны, борода была нечесана, собака, тоже рыжая, была из породы длинношерстных и напоминала собою пук пакли.

Весь путь до холла хозяин разглагольствовал о разуме собаки, об ее сверхъестественном чутье, но рассказы его не доходили до сознания слушателей, потому что мои мысли были заняты загадочной историей, только что прочитанной в дневнике Хэзерстона, а Мордаунт всей душой стремился на поиски. Он беспрестанно озирался, надеясь увидеть какие-нибудь следы. Но на торфяной равнине не было и признака движения. Все было безмолвно.

Мы пробыли в Клумбере очень недолго, была дорога каждая минута. Мордаунт бросился в дом, вынес старый

сюртук отца и передал его Фуллартону, тот протянул его собаке. Умное животное тщательно обнюхало сюртук, потом с легким визгом помчалось по аллее, снова вернулось, чтобы еще раз обнюхать его и, наконец, радостно залаяло. Хозяин привязал к ошейнику собаки длинную веревку, чтобы она не могла бежать слишком быстро, и мы направились на поиски. Собака натянула веревку. Около двухсот ярдов мы шли вдоль шоссе, потом пробрались через проход в изгороди и, наконец, вышли на торфяную равнину. Собака вела нас к северу.

К этому времени солнце уже поднялось над горизонтом и в его лучах окрестности были радостными, светлыми.

Следы были, очевидно, четкими, собака не колебалась и, ни на минуту не останавливаясь, тянула своего хозяина с такой быстротой, что он прекратил свои рассказы. В одном месте, когда нам пришлось перебираться через ручей, след, казалось, исчез. Но через несколько минут наш чуткий помощник снова нашел его на другом берегу и побежал дальше по непроторенной торфяной равнине, все время взвизгивая и лая от возбуждения. Не будь мы натренированы в ходьбе и не обладай мы хорошими легкими, мы не смогли бы вынести этот безостановочный и быстрый переход по неровной почве, в вереске, который иногда доходил нам до пояса.

Что касается меня, то сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что не имел четкого представления о цели, к которой мы стремились. Помню, моя голова была полна самых неопределенных и разнообразных предположений. Может быть, буддисты держали около берега судно, на котором думали отплыть со своими пленниками на Восток? Направление следов сперва подтверждало эту мысль: наш путь шел к верхней части бухты. Однако вскоре собака свернула в сторону и двинулась в глубь степи.

К десяти часам утра мы прошли около двадцати миль и были вынуждены остановиться на несколько минут, чтобы перевести дух, тем более что последние две мили мы поднимались по склонам Вигтаунских холмов.

С вершины холма, высотой не более тысячи футов, мы взглянули на север и увидели самый унылый и мрачный пейзаж, какой можно себе представить. Направо до горизонта — широкая запруда тины и воды. То тут, то там на серовато-коричневой поверхности этой огромной топи

виднелись островки чахлого желтого тростника и зеленоватой пены, что еще более подчеркивало безрадостность этого места.

Ближе к нам находились заброшенные торфоразработки. Здесь когда-то работали люди. Но, помимо этих многочисленных следов, нигде не было видно признаков жизни человека. Даже вороны и чайки не пролетали над отвратительной пустыней.

Это была огромная трясина Кри — топь с соленой водой, образовавшаяся в результате набегов моря. Вся местность была до такой степени пересечена опасными тряпинами и предательскими ямами, наполненными жидкой грязью, что ни один человек не осмелился бы ступить на нее. Только немногие крестьяне знали безопасные тропинки в трясине Кри.

Когда мы подошли к тростнику, обозначавшему границу болота, мы почувствовали отвратительное зловоние стоячей воды и гниющих растений, землистый удушливый запах. Вид этого места был так страшен и мрачен, что арендатор стал колебаться; мы с трудом уговорили его двигаться дальше. Но собака, которая не поддавалась впечатлениям, продолжала с лаем бежать вперед, опустив нос к земле. Каждый мускул ее трепетал от возбуждения и нетерпения.

Что касается поисков тропы через трясину, то у нас не было никаких сомнений: где прошли пятеро, могут пройти трое. На мягкой черной илистой почве были хорошо видны следы группы людей. Они шли в один ряд на равном расстоянии друг от друга. Было ясно, что буддисты не применяли никакого физического насилия над генералом и его спутником. Принуждение было духовное, а не физическое.

Через некоторое время пришлось двигаться очень осторожно, чтобы не сойти с узкой полосы твердой почвы. По обеим сторонам ее были ямы, покрытые неглубокой стоячей водой, скрывавшие полужидкую грязь. В некоторых местах грязь была на поверхности, покрыта редкими колючками чахлой растительности. Большие багровые и желтоватые грибообразные растения создавали впечатление, что сама природа страдала какой-то отвратительной болезнью.

По временам темные, крабообразные существа разбегались при нашем приближении, черви телесного цвета

извивались и корчились в сухом тростнике. Тучи жужжащих и пищущих насекомых поднимались при каждом нашем движении, плотным облаком окутывали наши головы, опускались на лицо и руки и жалили нас. Никогда еще не бывал я в таком ужасном гнилом месте.

Мордаунт Хэзерстон решительно шел вперед. Нам оставалось только следовать за ним. Я, во всяком случае, решил оставаться с ним до самого конца.

По мере того как мы шли вперед, тропинка становилась все уже. Вскоре мы увидели, что люди, за которыми мы следовали, были вынуждены идти друг за другом, в одну линию. Впереди нас шел Фуллартон с собакой; они показывали нам дорогу, за ними следовал Мордаунт, а я замыкал шествие. Последние полчаса Фуллартон был мрачен, молчалив и еле отвечал на наши вопросы. Вдруг он резко остановился и сказал, что не сделает ни шага дальше.

— Нечистое место, — сказал он. — Кроме того, я знаю, куда нас ведет эта тропинка.

— Куда же? — спросил я.

— В провал Кри, — ответил он. — Это место уже близко.

— Провал Кри? Что это такое?

— Это огромная яма такой глубины, что до дна добраться невозможно. Говорят, что это вход в бездонный колодец.

— Вы были там? — спросил я.

— Был ли я там? — воскликнул он. — Что мне делать в этой яме?! Нет, никогда там не был, да и никто в здравом уме не пойдет туда.

— В таком случае, откуда же вы все это знаете?

— Мой прадед там был, поэтому я и знаю. Он держал с кем-то пари и пошел туда в субботу вечером. Старик не любил рассказывать об этом и никогда не говорил, что с ним случилось, но с тех пор он боялся даже названия провала Кри. Это первый из Фуллартонов, побывавший там и, полагаю, последний. Если хотите, послушайте моего совета — бросайте всю эту затею и идите домой: поверьте мне, здесь добра не будет.

— Мы идем вперед, независимо от того, будете ли вы с нами. Оставьте нам собаку и ждите нас; мы захватим вас на обратном пути.

— Нет, нет! — закричал он. — Я не хочу, чтобы нечистая сила запугала мою собаку, и не позволю ей гоняться за сатаной, как за зайцем. Собака останется здесь.

— Собака пойдет с нами, — сказал Мордаунт, сверкая глазами. — У нас нет времени спорить с вами. Вот вам пять фунтов. Отдайте нам собаку или, клянусь богом, я отберу ее силой, а если вы будете мешать, швырну вас в болото.

Глядя на неистовую ярость Мордаунта, я смог себе представить, каким был генерал сорок лет тому назад.

Не знаю уж, что именно подействовало на Фуллартон — деньги или угроза, но только он одной рукой схватил банковский билет, а другой передал Мордаунту веревку, к которой была привязана собака. Предоставив Фуллартону самому возвращаться домой, мы продолжали идти вперед по огромной топи.

Извилистая тропинка становилась все менее различной, иногда ее даже покрывала вода. Но нас подгоняло все возрастающее возбуждение собаки и глубокие отпечатки в грязи ног людей, прошедших перед нами. Наконец, когда мы пробились сквозь целую рощу высокого камыша, мы увидали такое место, мрачный вид которого мог бы доставить Данте новые подробности для его «Ада».

Здесь трясина образовывала огромную воронкообразную впадину, которая заканчивалась в центре крутым отверстием около сорока футов в диаметре. Это был водоворот из грязи, скользящей вниз с краев этой страшной воронки.

Перед нами было то самое место, которое называлось провалом Кри и которое имело такую зловещую репутацию среди крестьян. Я не удивляюсь, что оно так поражало их воображение, так нельзя было представить более страшного и мрачного зрелища. Оно вполне соответствовало той отвратительной дороге, которая к нему вела.

Следы шли по склону, ведущему в бездну. Мы с замиранием сердца смотрели на них, понимая, что наши поиски пришли к концу.

Недалеко от тропинки, ведущей вниз, были видны следы ног, направлявшихся обратно, следы тех, кто вернулся с самого края бездны. Мы одновременно взглянули на них, и у нас невольно вырвался крик ужаса. Потом мы долго и молча разглядывали их; эти следы рас-

крыли перед нами всю трагедию: пять человек спустились вниз, вернулось только трое.

Никто никогда не узнает подробностей этого дела. Однако нигде не было видно следов борьбы или попытки спастись бегством.

Мы встали на колени у края ямы и попытались заглянуть в нее. Из нее поднимались нездоровые испарения, из глубины доносился грохочущий звук воды. Около нас лежал большой камень, и я швырнул его вниз. Но мы так и не услышали звука или плеска.

И только один звук коснулся нашего слуха, когда мы стояли, склонившись над отвратительной бездной: высокий, чистый, немного вибрирующий звук. Он прозвучал из бездны короткое мгновение, и затем снова наступила мертвая тишина. Я не суеверен и не хочу ссылаться на неестественные причины. Быть может, этот тонкий звук возник от воды, протекающей в глубине ямы, а может быть, это был тот злоедей колокольчик, о котором я так много слышал. Как бы ни объяснять причины этого звука, он оказался единственным, донесшимся до нас из могилы двух людей, поплатившихся за свои старые грехи.

С неразумным упрямством, с которым люди цепляются за соломинку, мы оба стали громко звать генерала. Мы не слышали в ответ ничего. Наши ноги болели, сердца переполняла печаль. Грустные повернули мы обратно.

— Что же нам делать, Мордаунт? — спросил я тихо. — Мы можем только молиться за упокой их душ.

Молодой Хэзерстон взглянул на меня плавающим взором.

— Может быть, все это прекрасно по оккультным законам, — воскликнул он, — но посмотрим, что скажут на это законы Англии. Думаю, что челаса можно повесить, как любого другого человека. Еще не поздно догнать их. Сюда, собачка, сюда!

Он подтянул к себе собаку и поставил ее около следов трех индусов. Животное дважды обнюхало эти следы и вдруг припало к земле, ошетивило шерсть и легло с высунутым языком, дрожа и трепеща, как живое воплощение ужаса.

— Видите, — сказал я, — бесполезно бороться с теми, кто обладает силами, которые мы даже не в состоянии назвать. Нам остается покориться неизбежному и возло-

жить надежду на то, что эти двое получают в ином мире воздаяние за все, что они выстрадали в этом мире.

— И освободятся от дьявольских культов и их преступных преследователей! — в ярости воскликнул Мордаунт.

Долго я не мог увести его от места гибели отца; с трудом удалось мне убедить Мордаунта, что его пребывание здесь совершенно бесполезно.

О, как утомителен, как грустен был наш обратный путь! Он был очень долгим. На обратном пути мы захватили Фуллартон и вернули ему его собаку, не сказав ни слова о результатах нашего похода и предоставив ему добираться домой без нас.

А мы брели весь остаток дня по торфяным равнинам. Ноги наши отяжелели, тяжесть лежала на сердце. Только к вечеру мы оказались под крышей Клубера.

Моя бедная Габриель несколько недель была на грани смерти, и, хотя она, наконец, выздоровела благодаря уходу моей сестры и искусству доктора Джона Истерлинга, она и до сих пор еще не полностью восстановила свои силы. Мордаунт тоже очень долго и тяжело страдал и только после нашего переезда в Эдинбург несколько оправился от потрясения.

Что касается несчастной миссис Хэзерстон, то ни врачи, ни перемена климата не могли ей помочь. Она медленно теряла силы, и вскоре стало ясно, что самое большее через несколько недель она соединится со своим мужем.

Лэрд Бранксом вернулся из Италии совершенно здоровым, вследствие чего нам пришлось снова вернуться в Эдинбург.

Когда я писал свое повествование, у меня отнюдь не было намерения демонстрировать широкой публике подробности моих личных дел. Я хотел только оставить достоверный рассказ об этих удивительных событиях, что я и сделал, насколько это оказалось в моих силах. При этом я ничего не отбрасывал и ничего не прибавлял от себя.

Теперь читатель имеет возможность составить свое собственное суждение без моей помощи о причинах исчезновения и смерти Джона Хэзерстона и Руфуса Смита.

Мне лично неясен только один пункт. Почему челасы Гхулаб-шаха увели свои жертвы к уединенному провалу

Кри, вместо того чтобы убить их в Клумбере. Это останется загадкой для меня.

Но мы должны признать свое полное неведение в области оккультных наук. Если бы мы знали побольше, может быть, мы смогли усмотреть какую-то аналогию между отвратительной трясинной Кри и кощунственным убийством. Возможно, что обычаи и обряды челасов требовали совершить именно такой вид казни за совершенное преступление.

Возможно, я слишком догматичен, но я допускаю, что буддистские жрецы могли иметь весьма основательные причины для своих поступков, которые они, очевидно, хорошо обдумали заранее.

Через несколько месяцев после этих событий я прочитал в «Звезде Индии» короткую заметку о том, что три известных буддиста Лал-Хуми, Моудар-Хан и Рам-Сингх после кратковременной поездки в Европу вернулись в Индию на корабле «Декан». Тут же рядом была напечатана статья о жизни и заслугах генерал-майора Хэзерсто-на, который недавно исчез из своего поместья в Вигта-уншире и который, как полагают, утонул.

Не думаю, что кто-нибудь, кроме меня, увидел связь между этими двумя сообщениями. Я никогда не показывал этих заметок ни жене, ни Мордаунту. Они узнают о их существовании, только прочитав эти страницы.

ЖРИЦА ТУГОВ

Глава I

Моя жизнь была богата приключениями и необычными событиями. Но среди них есть одно приключение, перед которым бледнеют все остальные.

Оно случилось давно, но произвело на меня такое сильное впечатление, что я не мог забыть о нем долгие годы.

Я не часто рассказывал эту историю; ее слышали от меня лишь немногие мои хорошие знакомые.

Они не раз просили меня рассказать ее целому собранию моих знакомых, но я всегда отказывал им в этой просьбе, потому что меня мало прельщает репутация новейшего Мюнхгаузена.

Я исполнил их просьбу лишь отчасти, изложив на бумаге все те факты, которые относятся к дням моего пребывания в Дункельтвейте.

Вот первое письмо, полученное мной в 1862 году от Джона Терстона.

Его содержание я передаю буквально:

«Мой дорогой Лауренс.

Если бы вы только знали, как одиноко и тоскливо я себя чувствую, вы, наверное, пожалели бы меня и приехали бы разделить мою отшельническую жизнь.

Вы не раз обещали посетить Дункельтвейт и полюбоваться равнинами Йоркшира. Почему бы вам не сделать

этого сейчас? Я знаю, что теперь вы сильно заняты; но лекций сейчас нет, а кабинетной работой вы можете здесь заниматься не хуже, чем на Бейкер-стрит. Итак, будьте тем милым мальчиком, каким вы были всегда, уложите ваши книжки и приезжайте. У нас есть небольшая комнатка, снабженная письменным столом и креслом, — то есть как раз тем, что вам теперь требуется. Итак, дайте мне знать, когда вас можно ждать в наши палестины.

Говоря об одиночестве, я вовсе не имел в виду, что живу совершенно один. Напротив — население нашего дома довольно даже многочисленно.

Прежде всего, назову моего бедного дядю Иеремию — болтливого маньяка, без конца занимающегося кропанием скверных стихов. Во время нашего последнего свидания я как будто уже упоминал про эту слабость старика. Теперь она дошла у него до того, что он нанял секретаря, в обязанности которого входит записывание и хранение кропаний своего патрона.

Этот субъект, некто Копперторн, стал ему необходим не менее, чем «Всеобщий словарь рифм». Не скажу, чтобы этот Копперторн очень меня беспокоил, но я всегда разделял предубеждение Цезаря против худощавых людей, хотя, если верить дошедшим до нас медалям, сам Юлий принадлежал к их числу.

Далее, у нас живут еще двое детей дяди Сэмюэля, усыновленных Иеремией, — их было трое, но один умер, — и их гувернантка, красавица-брюнетка с долей индусской крови в жилах.

Кроме них у нас есть трое слуг и старик-грум.

Группа, как видите, выходит не маленькая.

Но это не мешает мне, дорогой Гуго, умирать от желания увидеть симпатичное лицо и получить приятного сердцу собеседника.

Я сильно увлекаюсь теперь химией и потому не буду мешать вам в ваших занятиях. Отвечайте же скорее.

Ваш одинокий друг *Джон Терстон*».

Во время получения этого письма я жил в Лондоне и усердно работал, готовясь к выпускным экзаменам на диплом доктора медицины.

Мы с Терстоном были закадычными друзьями в Кембридже, — это было еще до моих занятий медициной; поэтому мне очень хотелось с ним повидаться. Но, с дру-

гой стороны, я опасался, как бы это посещение не отвлекло меня от работы.

Я вспомнил старика, впавшего в детство, худого, как щепка, секретаря, красавицу-гувернантку, детей — конечно, избалованных и шумных, — и решил, что мои занятия наверное пострадают, как только я попаду в такое общество, да еще на лоне природы.

После двухдневных размышлений и колебаний я уж совсем было решился отклонить приглашение, но на третий день я получил второе письмо, еще настойчивее первого:

«Мы ждем от вас известий с каждой почтой, — писал мне мой друг. — При каждом стуке в дверь я так и жду, что мне подадут телеграмму, указывающую поезд, с которым вы приедете.

Ваша комната совсем готова; я надеюсь, что вы найдете ее удобной. Дядя Иеремия просит меня упомянуть, что он будет очень рад познакомиться с вами.

Он написал бы вам сам, но, к сожалению, по горло занят сочинением большой поэмы тысяч в пять стихов или около того. Он целые дни проводит в беготне из комнаты в комнату; по пятам за ним следует Копперторн с записной книжкой и карандашом в руках; он моментально записывает все вещие слова, что срываются с уст его патрона.

Кстати, я как будто упоминал уже про нашу гувернантку. Она может послужить отличной приманкой, чтобы заполучить вас к нам, — в том, конечно, случае, если вы еще не утратили бывшего интереса к вопросам этнологии.

Она — дочь вождя индусов, женившегося на англичанке. Он был убит во время восстания сипаев, сражаясь в рядах мятежников; его дочь, которой тогда было около четырнадцати лет, осталась почти без всяких средств к жизни, так как его именины были конфискованы правительством. Какой-то добрый немецкий коммерсант из Калькутты усыновил ее и отправил в Европу вместе с собственной дочерью. Последняя умерла, и тогда мисс Воррендер — мы зовем ее так по девической фамилии ее матери — ответила на объявление, помещенное в газетах моим дядей, и стала гувернанткой его племянников.

Итак, не ждите новых приглашений, а приезжайте».

В этом втором письме были отрывки, не позволяющие мне привести его здесь целиком.

Я не мог более противостоять настойчивости моего старого приятеля. Рутаясь в душе, я тем не менее поспешил уложить книги, телеграфировал Джону в тот же вечер, а на следующее утро уже отправился в путь.

Я отлично помню это путешествие: оно было ужасно и тянулось бесконечно; я сидел в углу вагона на сквозняке, занимаясь обдумыванием и повторением отрывков из медицинских и хирургических сочинений.

Я был предупрежден, что ближайшей станцией от места моего назначения была станция Ингльтон, лежащая в пятнадцати милях от Тарнфорта. Я высадился на ней на платформу в тот самый момент, когда Джон Терстон крупной рысью подкатил к крыльцу станционного здания на высоком догкарте.

Увидев меня, он торжествующе взмахнул кнутом, осадил лошадь и выскочил из экипажа.

— Дорогой Гуго! — вскричал он. — Я в восторге! Как это мило с вашей стороны!

И он сдвинул мне руку, да так, что у меня затрещали кости.

— Боюсь, что вы найдете меня не очень-то приятным компаньоном, — возразил я. — Я занят теперь по горло.

— О, само собой, само собой! — с обычным добродушием воскликнул он. — Я уж учел это, но думаю, у нас все-таки найдется время подстрелить пару-другую зайцев. Но путь нам предстоит неблизкий, вы как будто основательно зазябли, поэтому не будем мешкать и тронемся поскорее в путь-дорогу.

И вот мы покатали по пыльной дороге.

— По-моему, ваша комната должна понравиться вам, — заметил мой приятель. — Вы живо почувствуете себя точно у себя дома. Я, к слову сказать, очень редко живу в Дункельтвейте: я только-только успел устроиться здесь и наладить лабораторию. Я живу здесь всего третью неделю. Всем и каждому известно, что мое имя играет довольно важную роль в завещании моего дяди Иеремии. Кроме того, и отец мой всегда находил, что мой долг — приезжать сюда из вежливости. Поэтому мне и приходится навещать сюда.

— Понимаю, — сказал я.

— Кроме того, это очень милый старик. Вас весьма заинтересует наш дом. Принцесса на ампула гувернантки — штука редкая, не правда ли? Мне почему-то кажется, что эта штука заинтересовала даже и нашего невоз-

мутимого секретаря... Но поднимите-ка воротник пальто: эти холодные ветры — чистая язва наших мест.

Дорога шла среди небольших холмов, лишенных всякой растительности, кроме редких кустиков ежевики и низкорослой жесткой травы, покрывавшей небольшую лужайку, на которой паслось стадо исхудавших от недоедания баранов.

Мы поднимались и опускались с холма на холм по дороге, белой ниточкой уходящей вдаль.

Там и сям однообразие пейзажа нарушалось зубчатыми массивами серого гранита, — эти места выглядели точно раны на теле с выступающими из них изуродованными костями.

Вдали виднелась горная гряда с высившеюся над ней уединенной вершиной: она была окутана гирляндой облаков, озаренной пурпурным отблеском заката.

— Это Ингльборо, — промолвил мой спутник, указывая бичом на вершину, — а вот и равнины Йоркшира. Во всей Англии это самые пустынные и дикие места. Но они рождают отличных людей. Неопытная милиция, вдребезги разбившая в день Штандарта шотландское рыцарство, состояла из уроженцев именно этой части страны. А теперь, старина, вылезайте и открывайте дверь.

Перед нами была поросшая мохом стена, тянувшаяся параллельно дороге, с железными полуразрушенными воротами, снабженными двумя столбами, которые были украшены высеченными из камня изображениями, вероятно, какого-нибудь геральдического животного; говорю «вероятно», потому что ветер и дождь сильно испортили камень. Сбоку высился разрушенный временем коттедж, в былые дни служивший, вероятно, жилищем для привратника.

Я открыл двери, и мы вступили в длинную темную аллею, поросшую длинной густой травой, обсаженную с обеих сторон роскошным дубняком, ветки которого, сплетаясь над нашими головами, образовали живой свод такой густоты, что сумерки дня превратились в этой аллее в полную тьму.

— Боюсь, что наша аллея не очень-то понравится вам, — смеясь, сказал Терстон. — Но у моего старика есть мания: давать полную волю природе. А вот и Дункельтвейт.

При этой фразе моего приятеля мы обогнули поворот аллеи, отмеченный огромнейшим дубом, высившимся над

прочими, и очутились перед огромным квадратной формы зданием. Весь низ здания был в тени, но верхний ряд окон сверкал кровавым отблеском заката.

Навстречу нам выбежал слуга в ливрее, поспешивший взять лошадь под уздцы, как только экипаж остановился.

— Можете отвести ее в конюшню, Илья, — произнес мой приятель, когда мы вышли из экипажа. — Гуго, позвольте мне представить вас моему дяде Иеремии.

— Как поживаете? Как поживаете? — раздался чей-то дрожащий надтреснутый голос.

Подняв глаза, я увидел человека небольшого роста с красным лицом, поджидавшего нас на пороге, с куском материи, обмотанным вокруг головы, как на портретах Попа и других знаменитостей XVIII столетия.

Ноги его были обуты в пару огромнейших туфель. Эти туфли были так неподходящи к его худым, как спички, ногам, что ему приходилось волочить ноги, чтобы не растерять при ходьбе свою чудовищную обувь.

— Вы, должно быть, страшно устали, сэр, да и промерзли тоже, — странным, отрывистым тоном промолвил он, пожимая мне руку. — Мы должны показать вам всю мощь нашего гостеприимства, ей-ей должны, сэр. Это гостеприимство — одна из добродетелей былых дней, которая еще хранится нами в наш практический век. Не уютно ли выслушать:

Руки йоркширцев крепки и сильны,
Но — как жарки йоркширцев сердца!

Это факт, смею вас уверить, дорогой сэр. Эти стихи из одной моей поэмы. А какой именно, мистер Копперторн?

— Из «Преследования Борроделы», — произнес чей-то голос за спиной старика, и при свете тусклой лампы, висевшей в прихожей, выступила высокая фигура мужчины с длинным лицом.

Джон представил нас друг другу.

Во время последовавшего за сим рукопожатия рука молодого секретаря показалась мне какой-то липкой и неприятной.

Мой приятель проводил меня в мою комнату через целую сеть коридоров и переходов, соединявшихся между собой по старинной моде лестницами. По пути я обратил внимание на толщину стен и на неравномерную вы-

соту комнат, заставлявшую предполагать существование тайников.

Моя комната, как и писал Джон, оказалась восхитительным уютным уголком с камином и этажеркой, уставленной книгами. Когда я снял сапоги и надел туфли, я искренне поздравил себя с тем, что согласился принять это приглашение посетить Йоркшир.

Глава II

Когда мы спустились в столовую, там уже все были в сборе. Старик Иеремия сидел во главе стола, имея по правую руку молодую даму, жгучую брюнетку, с черными глазами и волосами, которую отрекомендовал мне под именем мисс Воррендер. Рядом с ней сидели мальчик и девочка, очевидно, ее ученики.

Меня посадили против нее и по правую руку от Копперторна. Джон сел *vis-a-vis* с дядей.

Я и сейчас помню желтоватый свет лампы, обливавший *a la Rembrandt* лица застольной компании, — те самые лица, которым впоследствии было суждено так сильно возбудить мое любопытство.

Это был очень приятный обед, помимо превосходной кухни и хорошего аппетита, разыгравшегося у меня во время путешествия. Дядя Иеремия, обрадовавшись свежему слушателю, так и сыпал анекдотами и цитатами. Мисс Воррендер и Копперторн говорили мало; но немногие фразы, произнесенные последним, обнаружили в нем вдумчивого и воспитанного человека. Что же касается Джона, то у нас с ним было столько общих воспоминаний и по колледжу, и позднейшего периода, что я, право, боюсь, что он не воздал обеду всего того, что тот заслуживал.

Когда подали десерт, мисс Воррендер увела детей. Дядя Иеремия удалился в библиотеку, в которой скоро раздался его голос, диктовавший что-то секретарю.

Мы с моим старым приятелем остались еще посидеть у камина, перебирая разные события, происшедшие с каждым из нас со дня нашей последней встречи.

— Ну, а что вы скажете насчет нашего дома? — улыбаясь, спросил он.

Я ответил, что меня очень заинтересовало все виденное.

— Ваш дядя — большой оригинал. Он очень понравился мне.

— Да, несмотря на все его странности, сердце у него отличное. Ваш приезд совсем переродил его. Со дня смерти маленькой Этель он никак не мог прийти в себя. Эта девочка — самая младшая из ребят дяди Сэма. Она приехала сюда вместе с прочими. Около двух месяцев тому назад с ней случился нервный припадок в лесу. Ее нашли там вечером уже очоочевшей. Это было страшным ударом для старика.

— И для мисс Воррендер тоже, я думаю, — заметил я.

— Да, эта смерть очень поразила ее. Она поступила к нам всего за неделю до рокового дня, в который она уезжала в экипаже в Киркби Лонсдэль для каких-то закупок.

— Меня очень заинтересовало все, что вы писали о ней, конечно, серьезно, а не в шутку, надеюсь?

— Нет, нет, все это святая истина. Ее отца звали Ахмет Кенгхис-Кханом. Он был полунезависимым вождем какого-то города центральных провинций. Несмотря на брак с англичанкой, это был ярый фанатик-язычник. Он подружился с Нана-Саибом и принимал такое видное участие в Коунпурской резне, что правительство обошлось с ним очень строго.

— Во время расставания со своим племенем она должна была быть уже взрослой, — заметил я. — А каковы ее воззрения насчет религии? В кого она пошла по этому пути — в отца или в мать?

— Мы никогда не поднимаем этого вопроса; между нами говоря, я отнюдь не считаю ее слишком религиозной женщиной. Ее мать была, без сомнения, очень достойной женщиной. Помимо английского языка, она недурно знает французскую литературу и замечательно играет на рояле. Да вот, прислушайтесь-ка.

В соседней комнате раздались звуки фортепиано; мы смолкли и стали слушать. Сначала пианистка взяла несколько отдельных нот, точно колеблясь, играть или не играть. Потом пошли глухие неуверенные аккорды, и вдруг из этого хаоса звуков полилась могучая странная дикая мелодия, в которой слышался рев труб и бряцание кимвалов.

Мелодия ширилась, росла, перешла в серебристую трель и кончилась тем же самым диссонансом, каким она началась.

Затем щелкнула крышка рояля, и все стихло.

— Она занимается этим каждый вечер, — заметил мой приятель. — Какое-нибудь воспоминание об Индии, должно быть. Не правда ли, красиво? Но ради бога, не стесняйтесь, милый Гуго. Ваша комната вполне готова; я отнюдь не хочу мешать вашим занятиям.

Я поймал Джона на слове и оставил его в обществе дяди и Копперторна, возвратившихся к тому времени в столовую. Я поднялся наверх и в течение двух часов прилежно штудировал врачебные узаконения.

Я думал было, что уж больше не увижу в этот день никого из обитателей Дункельтвейта, но я ошибся. Около десяти часов вечера в дверь моей комнаты просунулась рыжеватая голова дяди Иеремии.

— Удобно ли устроились? — спросил он.

— Как нельзя лучше, спасибо.

— Желаю успеха. Главное, не падать духом, — своей отрывистой скороговоркой произнес он. — Покойной ночи.

— Покойной ночи, — ответил я.

— Покойной ночи, — повторил чей-то голос из коридора.

Я выглянул за порог и увидел высокий силуэт секретаря, черной огромной тенью скользивший за стариком.

Я вернулся назад и занимался еще час, а затем лег спать; но перед тем, чтобы заснуть, еще долго размышлял о странном доме, членом которого я становился с этого дня.

Глава III

На следующий день я встал рано и отправился на лужайку перед домом, где застал мисс Воррендер, собиравшую подснежники для букета к завтраку.

Я подошел к ней, незамеченный ею, и не мог не любоваться ее красотой и гибкостью, с какой она наклонялась, чтобы сорвать цветок. В каждом малейшем ее движении была чисто кошачья грация, какой я ранее не видал еще ни у одной женщины. Я вспомнил слова Терстона о впечатлении, произведенном будто бы ею на секретаря. Теперь я уже не удивлялся этому.

Услыхав мои шаги, она выпрямилась и повернула ко мне свое прелестное смутное лицо.

— С добрым утром, мисс Воррендер, — начал я. — Вы кажется, такая же любительница рано вставать, как и я?

— Да. Я всегда встаю рано на рассвете.

— Какая дикая картина! — заметил я, бросая взгляд на огромную площадь равнин. — Я в этих местах чужак не хуже вас. А как вы их находите?

— Я не люблю их, — откровенно призналась она. — Даже ненавижу. Холод, мрак, бедность красок... Посмотрите-ка (она подняла букет), они называют это цветами! У них даже запаха нет.

— Да, вы привыкли к более жгучему климату и к тропической растительности.

— О, да я вижу, что мистер Терстон уж рассказывал вам обо мне, — с улыбкой заметила девушка. — Да, я привыкла любоваться кое-чем получше.

В этот момент между нами легла какая-то тень. Обернувшись назад, я увидел Копперторна. Он с натянутой улыбкой подал мне свою худую белую руку.

— Вы как будто уж научились сами находить дорогу в наших местах, — произнес он, переводя глаза с моего лица на лицо мисс Воррендер и обратно. — Позвольте предложить вам эти цветы, мисс.

— Нет, благодарствуйте, — холодно отклонила она. — Я набрала их уже достаточно и пойду в комнаты.

Она быстро прошла мимо него к дому.

Копперторн смотрел ей вслед, сдвинув брови.

— Вы студент-медик, мистер Лауренс, — сказал он, оборачиваясь ко мне и нервно притопывая ногой.

— Совершенно верно.

— О, мы кое-что слышали про вас, студентов-медиков, — повышая голос, с усмешкой продолжал он. — Ваш брат — страшнейший ловелас, не правда ли? Мы слышали, что про вас говорят. С вами положительно трудно тягаться.

— Сэр, — возразил я, — студент-медик обыкновенно бывает и джентльменом.

— Совершенно верно, — сказал он, сразу меняя тон. — Я хотел только пошутить.

Несмотря на это заверение, я не мог не заметить, что за завтраком он не спускал с меня глаз в то время, как говорила мисс Воррендер, тотчас же переводя их на последнюю, как только я произносил слово.

Можно было подумать, что он старается прочесть на наших лицах, что именно мы думаем друг о друге. Он,

видимо, был безумно увлечен красавицей-гувернанткой, но, очевидно, без малейшей надежды на взаимность.

Это утро дало нам самое что ни на есть очевидное доказательство беспримерной наивности добрых йоркширцев. Дело в том, что горничная и кухарка, спавшие вместе в одной комнате, были встревожены ночью чем-то, что было принято их суеверными головами за привидение.

После завтрака я сидел в обществе дяди Иеремии, так и сыпавшего с помощью своего суфлера цитатами из разных поэм; в дверь вдруг постучали, и в комнату вошла горничная. За нею следовала кухарка, особа дородная, но трусливая. Входя к нам, они взаимно ободряли друг друга.

Свой рассказ они вели, точно греческий хор, — то есть каждая говорила, покуда хватало дыхания, предоставляя затем слово товарке. Добрая доля их истории осталась мне непонятной в силу дьявольского местного наречия; но самую суть я все-таки разобрал.

На рассвете кухарка, по ее словам, почувствовала, будто кто-то трогает ее за лицо. Проснувшись, она увидела около своей кровати какую-то тень, бесшумно выскользнувшую из комнаты. Горничная проснулась от крика кухарки и тоже видела привидение.

Как мы ни бились, как ни уговаривали их, они стояли на своем и требовали расчета — так они были перепутаны ночным происшествием. Наш скептицизм очень оскорбил их, и в конце концов они вышли из комнаты с большим шумом, сильно обозлившим дядю Иеремию, очень развеселившим меня и вызвавшим презрительную улыбку на губах Копперторна.

Большую часть второго дня я провел у себя в комнате за усердными занятиями.

Вечером этого дня мы охотились с Джоном на зайцев. На пути домой я рассказал ему утреннюю сцену с прислугой, но он посмотрел на нее отнюдь не так легко, как я.

— Это факт, — заметил он, — что в старинных зданиях вроде нашего можно иногда наблюдать явления, располагающие к суеверию. За то время, что я живу здесь, я слышал ночью раз или два нечто такое, что способно испугать нервного человека, а тем более невежественную прислугу. Само собой, все эти истории о привидениях — сущая чепуха, но раз разыгралась фантазия, с ней уж трудно совладать.

— А что вы такое слышали? — сильно заинтересовавшись, спросил я.

— О, пустое! Но вон сидят ребятишки и мисс Воррендер. Ей не следует слушать такие вещи. Не то она тоже потребует себе расчета, а это будет большой потерей для дома.

Мисс сидела на скамейке у опушки леса; дети сидели по обе стороны ее, держа ее за руки и с жадным вниманием глядя ей в лицо.

Картина была очень красивая. Мы остановились на минутку, чтобы полюбоваться ею. Но мисс уж услышала наши шаги и пошла нам навстречу; дети шли за ней.

— Я нуждаюсь в вашем авторитете, — сказала она Джону. — Эти шалунишки любят вечернюю прохладу и ни за что не хотят идти в комнаты.

— Не хочу в комнаты, — решительным тоном заявил мальчуган. — Хочу дослушать сказку.

— Да, сказку, — подхватила девочка.

— Вы дослушаете ее завтра, если будете послушны. Мистер Лауренс — доктор. Он скажет вам, что маленьким девочкам и маленьким мальчикам вредно оставаться на воздухе после вечерней росы.

— Значит, вам рассказывали сказку? — спросил Джон, когда мы все тронулись к дому.

— Да, и очень-очень хорошую сказку! — восторженно вскричал мальчуган. — Дядя Иеремия тоже рассказывал нам сказки; но то была поэзия, и его сказки сравнить нельзя со сказками мисс Воррендер. У ней есть одна, в которой являются слоны.

— И тигры, и золото, — перебила девочка.

— Да, и там ведут войну и дерутся, и король сигар...

— Сипаев, друг мой, — поправила гувернантка.

— А еще есть там рассеянные племена, узнающие друг друга посредством сигналов; и человек, убитый в лесу. О, она знает великолепные сказки. Попросите — она и вам расскажет сказку, кузен Джон.

— А в самом деле, мисс Воррендер, — сказал мой товарищ, — вы возбудили наше любопытство. Что, если бы вы и нам рассказали про эти чудеса?

— О, мои сказки покажутся вам глупостью, — смеясь, возразила она. — Это только воспоминания из моего прошлого.

В это время нам навстречу показался Копперторн.

— А я искал вас всех! — делано веселым тоном вскричал он. — Время обедать.

— Это мы и без вас могли узнать по часам, — возразил Джон немного резким, как мне показалось, тоном.

— А, вы охотились вместе, я вижу, — продолжал секретарь.

— Не вместе, — возразил я. — Мы повстречали мисс Воррендер с детьми на обратном пути.

— О! Мисс Воррендер пошла вам навстречу, когда вы уходили.

Ехидство тона, каким были произнесены эти слова, возмутило меня, и я воздержался от резкого отпора лишь ввиду присутствия дамы.

Посмотрев случайно на гувернантку, я заметил злобный огонек в ее глазах, обращенных на секретаря, и заключил отсюда, что она разделяет мое негодование. Отсюда нетрудно понять мое изумление, когда около десяти часов вечера того же дня я увидел их обоих прогуливающимися по саду при лунном свете и поглощенными оживленной беседой.

Право, не знаю почему, только это зрелище так взволновало меня, что после нескольких тщетных попыток взяться за занятия я отложил книги в сторону.

Около одиннадцати часов я снова выглянул в окно, но их уж не было. Через несколько минут я услышал шарканье дяди Иеремии и твердую тяжелую походку его секретаря, поднимавшихся по лестнице в свои комнаты, расположенные в верхнем этаже дома.

Глава IV

Джон Терстон никогда не отличался особой наблюдательностью, и я уверен, что за три дня пребывания под кровлей его дяди я узнал о жизни дома больше, чем он за три недели.

Мой приятель был всецело поглощен химией и целые дни проводил за опытами и реакциями, радуясь симпатичному собеседнику, с которым можно потолковать о своих открытиях. Что касается меня, я всегда питал слабость к изучению и анализу человеческой натуры, и я находил много интересного в этом маленьком мирке, жить в котором закинула меня судьба.

Говоря короче, я с таким рвением отдался наблюдениям, что начал серьезно опасаться за успешность моих научных занятий.

Первым моим открытием было то, что истинным хозяином Дункельтвейта был не дядя Иеремия, а секретарь дяди Иеремии.

Профессиональное чутье говорило мне, что страсть старика к поэзии, бывшая вполне безвредной в дни его молодости, превратилась теперь в манию, овладевшую его мозгом и не оставлявшую в нем места никакой посторонней идее.

Копперторн, потакая этой мании и направляя ее согласно своим выгодам, добился того, что во всех других отношениях приобрел над стариком неограниченную власть. Он совершенно бесконтрольно распоряжался всеми финансовыми и хозяйственными делами своего принцепала.

Надо отдать ему справедливость — у него хватило такта проявлять свою власть мягко и деликатно, не оскорбляя своего раба-хозяина: поэтому он не встречал со стороны последнего никакого сопротивления.

Мой друг, вечно занятый анализами и реакциями, не отдавал себе отчета в том, что давным-давно стал в доме совершенным нулем.

Выше я уже выражал убеждение в том, что если Копперторн и испытывал нежные чувства к гувернантке, то эта последняя и не думала отвечать ему взаимностью. Но через несколько дней я пришел к заключению, что между этими двумя личностями, кроме нежных и не находящихся взаимности чувств Копперторна, должна была существовать еще какая-то иная связь.

Я не раз видел, как Копперторн обращался с гувернанткой манером, который нельзя назвать иначе, как повелительным. Раз два-три я снова видел их гуляющими по саду поздно вечером и поглощенными оживленной беседой.

Я никак не мог угадать, что именно могло их связывать. Эта тайна дразнила мое любопытство.

Легкость, с какой люди влюбляются на лоне природы, вошла в поговорку; но я никогда не отличался особенной сентиментальностью и потому относился к мисс Воррендер совершенно бесстрастно. Я принялся изучать ее, как естествоиспытатель изучает какое-либо редкое насекомое, — старательно, но хладнокровно. Для этой цели я так

распределил мои занятия, чтобы быть свободным в те часы, когда она выходит с детьми на прогулку. Таким образом, мне много раз пришлось гулять с ней, и во время этих прогулок мне удалось близко познакомиться с ее характером, чего я не достиг бы никаким иным способом.

Она в самом деле много читала, отлично знала несколько языков и имела большие природные способности к музыке.

Но под этим культурным налетом в ней хранилась большая доля природной дикости.

В разговоре у нее подчас проскальзывали словечки, заставлявшие меня вздрагивать.

Впрочем, этому нельзя было слишком удивляться: она рассталась со своим племенем, уже будучи взрослой женщиной.

Припоминаю одно обстоятельство, которое особенно поразило меня. Тут чрезвычайно резко сказалась дикость ее натуры.

Мы шли по проселочной дороге. Мы говорили о Германии, в которой она провела несколько месяцев, как вдруг она остановилась как вкопанная и приложила палец к губам.

— Дайте мне на минутку вашу палку, — понизив голос, обратилась она ко мне.

Я подал ей палку, и она тотчас же, к великому моему удивлению, пролезла в отверстие в заборе и присела. Я все еще удивленно смотрел ей вслед, как вдруг перед нею выскочил из травы заяц. Она швырнула в него палкой и попала; тем не менее зайцу удалось улизнуть, хотя и прихрамывая на одну ногу.

Она вернулась ко мне, вся запыхавшись, но с торжествующим выражением на лице.

— Я видела, как он шевелится в траве. Я попала в него!

— Да, и сломали ему ногу, — холодно добавил я.

— Вы сделали ему больно! — со слезами в голосе вскричал мальчуган.

— Ах, бедный зверек! — в один момент переменив тон, вскричала мисс. — Я, право, в отчаянии, что ранила его!..

Она в самом деле как будто сильно сконфузилась и всю остальную прогулку больше молчала.

Я со своей стороны не мог слишком строго судить ее. Эта сцена была, очевидно, просто-напросто вспышкой

старинного инстинкта, который заставляет дикаря бросаться на добычу; тем не менее эта вспышка производила крайне неприятное впечатление в Англии, когда автором ее являлась прелестная, по последней моде одетая дама.

В один прекрасный день, когда ее не было дома, Джон Терстон показал мне ее комнату. В ней было много индусских вещей, доказывавших, что она покинула родину не с пустыми руками. Присущий Востоку вкус к ярким цветам тоже наложил свой отпечаток на эту девичью комнату. Она купила на ярмарке целую кипу синей и красной бумаги и завесила ею стены своей комнаты, скрыв под нею скромные обои.

Эта попытка воссоздать Восток в скромном английском жилище имела в себе что-то трогательное.

В первые дни моего пребывания в Дункельтвейте странные отношения, существовавшие между секретарем и мисс Воррендер, возбудили во мне только любопытство; но потом, когда я заинтересовался красавицей-англоиндианкой, мною овладело другое, более глубокое чувство.

Я тщетно ломал себе голову, чтобы разгадать соединявшую их связь. Почему она гуляет с ним по ночам по саду, днем как нельзя очевиднее показывая, что ей противно его общество?

Очень возможно, что дневное отвращение было просто-напросто уловкой, рассчитанной на то, чтобы скрыть истинное отношение к нему. Но такое допущение противоречило прямоте ее взгляда и откровенному выражению резких черт ее гордого лица.

А в то же время — как объяснить иначе эту необъяснимую власть над нею секретаря! Эта власть проскальзывала в массе разных мелочей, но проявлял он ее так скрытно и осторожно, что ее можно было заметить лишь при очень тщательном наблюдении.

Однажды я поймал его на таком повелительном, таком грозном взгляде, устремленном на лицо девушки, что минуту спустя едва мог поверить, чтобы это бледное бесстрастное лицо способно было на такие взгляды. В те минуты, когда он смотрел так, она сгибалась и дрожала, точно от физической боли.

«Нет, нет! — думал я. — Тут замешана не любовь, а страх».

Я так заинтересовался этим вопросом, что заговорил о нем с Джоном. Он в это время находился в своей не-

большой лаборатории и был поглощен рядом опытов по добыванию какого-то газа, заставившего нас обоих раскашляться. Я воспользовался этим обстоятельством, заставившим нас выйти на свежий воздух, чтобы заговорить об интересовавшем меня вопросе.

— Сколько времени, вы говорите, мисс Воррендер находится в доме вашего дяди?

Джон бросил на меня ехидный взгляд и пригрозил своим обожженным кислотой пальцем.

— Вы что-то очень интересуетесь дочерью покойного и незабвенного Ахмет Кенгхис-Кхана, — сказал он.

— Само собой, — откровенно признался я. — Я впервые встречаюсь с человеком такого романтического типа.

— Будьте осторожны, душенька, — назидательно пробурчал Джон. — Заниматься перед экзаменами таким делом отнюдь не годится.

— Не болтайте глупостей, — возразил я. — Если бы кто-нибудь услышал вас, он, наверное, вообразил бы, что я влюблен в мисс Воррендер. Нет, нет! Я смотрю на нее как на любопытную психологическую проблему, но и только.

— Вот, вот, и больше ничего. Только проблема.

Джон, должно быть, еще не очухался от своего одуряющего газа. Его тон становился положительно невозможен.

— Вернемся-ка лучше к моему первому вопросу, — сказал я. — Итак, сколько времени она живет здесь?

— Около десяти недель.

— А Копперторн?

— Больше двух лет.

— А не были они знакомы раньше?

— О нет, это вещь совершенно невозможная, — категорически заявил Джон. — Она приехала из Германии. Я сам читал письмо старого коммерсанта, в котором он описывал ее прошлую жизнь. Копперторн же все время безвыездно жил в Йоркшире, кроме двух лет, проведенных им в Кембриджском университете. Ему пришлось покинуть университет при каких-то не особенно-то лестных для него обстоятельствах.

— А именно?

— Не знаю. Дело сохранили в тайне. Мне кажется, дядя Иеремия знает, в чем тут соль. У него есть страсть отыскивать разное отребье и ставить его на ноги. Он

наверняка когда-нибудь нарвется с каким-нибудь субъектом подобного сорта.

— Итак Копперторн и мисс Воррендер всего несколько недель назад были совсем чужими друг другу?

— Совершенно. А теперь, я думаю, мне пора взяться снова за мои реторты.

— Плюньте вы на них! — вскричал я, удерживая его за руку. — У меня есть еще кое о чем поговорить с вами. Если они знакомы всего несколько недель, как он мог приобрести над ней такую власть?

Джон посмотрел на меня, разинув рот.

— Власть?

— Ну да, влияние, которое он имеет на нее.

— Милый Гуго, — серьезно начал мой приятель, — у меня нет привычки цитировать Евангелие, но теперь мне сам просится на язык один текст, а именно: «Слишком много знания сделало их безумными». Вы слишком много занимались последние дни.

— Вы, значит, хотите сказать, что никогда не замечали тайных отношений, существующих между гувернанткой и секретарем вашего дяди? — вскричал я.

— Хватите-ка бромистого калия, — сказал Джон. — Это сильно успокаивает, особенно если взять дозу в двадцать граммов.

— Обзаведитесь очками. Вам, право, не мешает обзавестись ими.

Метнув эту парфянскую стрелу, я повернулся и пошел прочь, чувствуя себя сильно раздосадованным.

Не прошел я и двадцати шагов, как увидел парочку, о которой только что говорил с моим приятелем.

Она стояла, прислонившись к солнечным часам; он стоял против нее. Он что-то горячо толковал ей, делая по временам резкие жесты. Склонившись над нею длинным телом, он походил, со своими жестами длинных рук, на огромную летучую мышь, взвившуюся над жертвой.

Я помню, что мне сразу же пришло в голову это сравнение, еще более утвердившееся, когда я увидел ужас и испуг, просвечивавшие в каждой черточке ее прелестного лица.

Эта картинка служила такой прелестной иллюстрацией к упомянутому выше тексту, что мне страшно захотелось вернуться в лабораторию и заставить Джона неверующего полюбоваться ею.

Но я не успел привести моего намерения в исполнение, потому что был замечен Копперторном. Он повернулся и начал удаляться от меня по направлению к лесу; мисс пошла за ним, сбивая на ходу зонтиком придорожные цветы.

Я вернулся к себе, решив взяться за занятия. Но как я ни заставлял себя, мой ум никак не хотел сосредоточиться на книгах: он все время обращался к тайне.

Джон сообщил мне, что прошлое Копперторна не лишено пятен; несмотря на это, ему удалось приобрести огромное влияние на своего патрона. Я объяснял себе это тем тактом и искусством, с какими он потакал и поощрял поэтическую манию принцепала. Но как объяснить не менее очевидное влияние этого человека на гувернантку? У нее нет никакой слабости, которой можно было бы потакать.

Эта связь была бы вполне понятна, если допустить, что они взаимно влюблены друг в друга; но инстинкт светского человека и опыт наблюдателя человеческой природы говорили мне, что тут нет места любовному увлечению. А если не любовь, то тут мог быть только страх, — и все виденное мной подтверждало этот вывод. Что же именно могло произойти здесь за эти два месяца, что вселило в надменную черноглазую принцессу такой панический ужас перед этим англичанином с бледным лицом, мягким голосом и вкрадчивыми манерами?

За разрешение вот этой-то задачи я и принялся, да с такой энергией, с таким усердием, что забыл совсем про свои научные занятия и про страх перед грядущим экзаменом.

Я попробовал заговорить об этом с самой мисс Воррендер, когда застал ее одну в библиотеке (дети были отправлены в гости к детям одного соседа-сквайра).

— Вы, должно быть, чувствуете себя очень одинокой здесь в дни, когда нет гостей, — начал я. — По-моему, в этих местах слишком мало развлечений.

— О, для меня очень приятно общество детей, — возразила она. — Но я все-таки буду очень сожалеть, когда уедет отсюда мистер Терстон или вы.

— Я тоже буду в отчаянии в день отъезда. Я никак не ожидал, что мне понравится здесь. Но наш отъезд не лишит вас общества: мистер Копперторн всегда будет с вами.

— О да, это совершенно верно, — как-то уныло согласилась она.

— Это очень милый, любезный и образованный господин, — спокойно продолжал я. — Недаром к нему так привязался мистер Терстон-старший.

Говоря так, я внимательно наблюдал за своей собеседницей.

На ее щеках проступила легкая краска, а пальцы нервно барабанили по ручке кресла.

— Его манеры немного чересчур сдержанны, но...

Тут она прервала меня и сказала, злобно сверкнув своими черными глазами:

— К чему вы начали этот разговор?

— Прошу прощения, — смиренно ответил я. — Я не знал, что он не понравится вам.

— Я имени его не желаю слышать! — гневно вскричала она. — Это имя я ненавижу. Если бы подле меня был кто-нибудь, кто любил бы меня, — любил бы так, как любят там, за далеким морем, — я бы знала, что сказать такому человеку!

— А именно? — спросил я, пораженный этим неожиданным взрывом.

Она наклонилась ко мне так близко, что я почувствовал у себя на лице ее горячее лихорадочное дыхание.

— «Убейте Копперторна», — прошептала она, — вот что я сказала бы. «Убейте его, а потом приходите говорить мне о своей любви».

Я не нахожу слов, чтобы передать всю силу и ярость, которые она вложила в эти слова. Лицо ее приняло такое бешеное выражение, что я невольно сделал шаг назад.

Неужели эта змея есть та самая красавица, которая держит себя с таким достоинством и спокойствием за столом дяди Иеремии?

Я, правда, надеялся при помощи моих хорошо рассчитанных вопросов заставить ее обнаружить свой характер, но никак не ожидал вызвать такой взрыв. Она, видимо, заметила на моем лице выражение испуга и удивления и моментально изменила тон, разразившись нервным смехом.

— Вы, конечно, сочтете меня сумасшедшей, — поспешила сказать она. — Да, да, во мне сказывается мое индусское воспитание. В Индии всегда и во всем не при-

знают половинчатости — в любви и в ненависти одинаково.

— За что же вы ненавидите мистера Копперторна? — спросил я.

— Собственно говоря, — ответила она, смягчая голос, — слово «ненависть» будет чересчур сильно; скажем лучше «отвращение». Этот господин из таких людей, к которым чувствуешь беспричинное отвращение.

Она, видимо, жалела, что дала себе увлечься, и пробовала теперь пойти на попятный.

Видя, что она хочет переменить разговор, я помог ей в этом. Я сделал какое-то замечание о сборнике индусских гравюр, которые она рассматривала перед разговором. У дяди Иеремии была великолепная библиотека, особенно богатая изданиями подобного рода.

— Эти гравюры не отличаются точностью, — сказала она, поворачивая страницу. — Но эта вот недурна, — продолжала она, указывая на одну из них, изображавшую вождя, одетого в нечто вроде юбки, с ярким тюрбаном на голове, — очень недурна. Именно так одевался мой отец, когда садился на своего белоснежного боевого коня, чтобы вести воинов Дуаба в бой против Ферингов. Они предпочитали моего отца всем другим, потому что знали, что Ахмет Кенгхис-Кхан не только великий полководец, но и великий жрец. Народ хотел иметь вождем только испытанного «борка» и никого другого. Теперь он умер, а все, кто следовал за его знаменем, либо рассеяны, либо погибли в боях, между тем как я, его дочь, живу простой наемницей в чужой далекой стране.

— О, когда-нибудь вы, наверное, вернетесь в свою родную Индию, — сказал я, стараясь хоть чем-нибудь утешить ее.

Несколько минут она рассеянно переворачивала страницы. Затем она вдруг испустила легкий радостный крик.

— Посмотрите-ка! — вскричала она. — Вот один из наших изгнанников. Это один из Бюттотти. Он изображен очень похоже.

Гравюра эта изображала туземца с не особенно симпатичной физиономией; в одной руке он держал небольшой инструмент — нечто вроде кирки в миниатюре, а в другой — квадратный кусок пестрой материи.

— Этот платок — это его «goomal», — пояснила мисс Воррендер. — Само собой, они не показываются с ним в

публичных местах. Равным образом он не возьмет с собой и священного топорика, но во всех других отношениях он изображен вполне точно. Я много раз путешествовала с этими людьми в безлунные ночи, с «люгхами» впереди, когда иностранцы не придавали никакого значения громким «пильхау», раздававшимся повсюду. О, такой жизнью стоило пожить!

— Но что такое значит «гоомал», и «люгхи», и прочее? — спросил я.

— О, это наши индусские слова, — смеясь, пояснила она. — Вы не поймете их.

— Но под этой гравюрой стоит подпись: «Представитель племени Дакка». А я всегда считал Дакков за воров.

— О да, англичане все считают их такими, — согласилась она. — Конечно, Дакки — воры, но ворами считают многих, которые и не думали быть ими. Этот человек — святой человек; это, по всей вероятности, один из «гуру».

Возможно, что она дала бы мне еще много пояснений насчет нравов и обычаев Индии, так как очень любила поговорить обо всем, касающемся этой страны, но тут я вдруг заметил, что лицо ее изменилось. Она пристально посмотрела на окно, к которому я стоял спиной. Я обернулся и увидел в окне, на уровне подоконника, лицо секретаря.

Признаюсь откровенно, я не мог не вздрогнуть: эта голова с присущей ей мертвенной бледностью лица выглядела так, точно лежала на подоконнике отрубленной.

Копперторн открыл окно, как только увидел, что его заметили.

— Я в отчаянии, что должен беспокоить вас, — просовывая голову в комнату, сказал он, — но неужели, мисс Воррендер, вы находите приятным сидеть в душной комнате в такую чудную погоду? Не уютно ли вам пройтись по саду?

Несмотря на вежливость слов, они были произнесены секретарем таким сухим, почти угрожающим тоном, что походили скорее на приказание, чем на просьбу.

Гувернантка поднялась с места и, не сказав ни слова, вышла взять шляпку. Это было новым доказательством власти, которой пользовался над ней Копперторн.

Когда он взглянул на меня, на его тонких бескровных губах заиграла нестерпимо насмешливая улыбка. Он как будто вызывал меня этим новым проявлением своего

могущества. Он выглядел настоящим демоном в адском ореоле, которым освещали его сзади лучи заходящего солнца.

Он смотрел на меня так несколько мгновений, с дьявольским ехидством на лице. Наконец я услышал его тяжелые шаги, направлявшиеся по дорожке к дверям дома.

Глава V

В течение нескольких дней, последовавших после разговора, во время которого мисс Воррендер призналась мне в своей ненависти к секретарю, все шло отлично в Дункельтвейте.

У меня было с ней несколько продолжительных бесед во время прогулок по лесу с детьми, но мне так и не удалось добиться от нее сколько-нибудь удовлетворительного объяснения ее гневного припадка в библиотеке. Она не сказала мне больше ни одного слова, которое могло бы пролить свет на интересовавшую меня проблему.

Как только я делал какое-нибудь замечание в этом направлении, она отвечала мне в высшей степени сдержанно либо вдруг вспоминала, что детям пора идти домой, так что в конце концов я совсем отчаялся узнать что-нибудь от нее самой.

Мои занятия все это время шли крайне нерегулярно.

Иногда ко мне в комнату заходил со свертком бумаг под мышкой дядя Иеремия и усаждал мне слух чтением отрывков из своей большой эпической поэмы.

Когда я чувствовал потребность в обществе, я заходил в лабораторию к Джону; он поступал таким же образом в те моменты, когда и его давило одиночество.

Иногда я разнообразил свои занятия тем, что забирал книги в лес и занимался там целый день напролет. Копперторна я старательно избегал. Он тоже как будто не очень-то дорожил моим знакомством.

Однажды, в первой половине июня, Джон подошел ко мне с телеграммой в руке и с выражением досады на лице.

— Поздравьте меня, — с кислой миной сказал он. — Отец телеграфирует мне немедленно же отправляться в Лондон. Должно быть, что-нибудь юридическое. Он давно уж грозился взяться за приведение в порядок своих

дел. Теперь у него, как видно, внезапный припадок энергии, и он хочет покончить с этим делом.

— И долго вы пробудете в Лондоне? — спросил я.

— Неделю, а то и две. Очень неприятная штука. Я как раз рассчитывал, что мне удастся разложить этот алкалоид...

— Ну, он подождет вашего возвращения, — смеясь, возразил я. — Не беспокойтесь, без вас никто не разложит.

— Но мне еще неприятнее покинуть вас. Мне кажется негостеприимным назвать в эту пустыню приятеля и, зазвав, бросить его тут в полном одиночестве.

— О, ради этого вам нечего беспокоиться, — возразил я. — У меня слишком много дела, чтобы скучать. Кроме того, я нашел здесь развлечения, на какие и не рассчитывал вначале. Эти полтора месяца промелькнули для меня так быстро, как никогда.

— Еще бы! Могу себе представить! — ехидно подхватил Джон.

Он, видно, все еще был убежден в том, что я до безумия влюблен в красавицу-гувернантку.

Он уехал в тот же день с утренним поездом, обещав писать и сообщить свой лондонский адрес, так как не знал еще, в каком отеле остановится его отец. Я еще и понятия не имел о всех последствиях, которые будет иметь эта пустячная деталь, и не подозревал, чему суждено здесь произойти, прежде чем я вновь увижусь с моим приятелем.

В данный момент я отнюдь не печалился его отъездом, потому что думал, что с его отъездом мы — четверо остающихся — более сблизимся друг с другом, что, конечно, будет способствовать разъяснению той проблемы, которая все больше и больше интересовывала меня.

Приблизительно в четверти мили пути от Дункельтвейта помещалась небольшая деревушка, имевшая одну длинную улицу и состоявшая из двух-трех десятков коттеджей с черепичными крышами, церкви, до самой колокольни обвитой плющом, и неизбежного трактира.

В день отъезда Джона мисс Воррендер собралась с детьми на почту; я навязался проводить их. Копперторн, само собой, с наслаждением расстроил бы нам эту прогулку или сам отправился бы с нами вместе, но на наше счастье дядя Иеремия был в этот день в поэтическом ударе и не мог обойтись без услуг своего секретаря.

Это была чудная прогулка; дорога шла в тени деревьев, на которых слышалось беззаботное щебетанье птичек. Мы шли не спеша, болтая о разных разностях. Дети бежали впереди. Чтобы дойти до почты, нам надо было миновать трактир, о котором упоминалось выше.

Идя по деревенской улице, мы увидали впереди небольшое сборище людей, столпившихся как раз против этого заведения. Оно состояло из дюжины ребятишек обоего пола, в грязных рубашонках и юбках, нескольких простоволосых женщин и двух-трех мужчин, по-видимому вышедших из трактира. Эта мирная деревня давно, вероятно, не помнила на своей улице такого многочисленного сборища.

Мы еще не разобрали, что именно возбуждало такое любопытство, но дети пустились во всю мочь вперед и скоро вернулись со свежими новостями.

— О, мисс Воррендер! — запыхавшись, вскричал Джонни. — Там стоит черный человек, совсем точно из ваших сказок.

— Цыган, должно быть, — предположил я.

— Нет, нет, — решительно запротестовал Джонни. — Он еще чернее, чем цыган. Правда, Мэй?

— О да, — подтвердила девочка.

— По-моему, нам следует пойти и посмотреть самим, — предложил я.

Говоря это, я взглянул на мою спутницу и был поражен ее бледностью и лихорадочным блеском глаз.

— Вам дурно?

— Нет, нет! — возразила она, ускоряя шаги. — Идемте, идемте!

Когда мы дошли до трактира, нашим глазам представилось поистине странное зрелище. Мне сразу же пришло на память описание малайца — потребителя опиума, встреченного де Куинси на одной шотландской ферме. В центре группы простых йоркширских крестьян стоял человек с Востока гигантского роста, с изящным, гибким и грациозным телом; его полотняная одежда была покрыта пылью, а коричневые ноги обуты в грубые башмаки. Он, видимо, пришел издалека и долго шел пешком. В руке он держал длинную палку, на которую опирался, устремив свои черные задумчивые глаза в пространство, не обращая внимания на окружающую его толпу.

Его яркий костюм и цветной тюрбан, покрывавший смутную голову, производили странный и резкий контраст

с прозаической обстановкой захудалой английской деревушки.

— Бедный мальчик! — взволнованным задышающим голосом произнесла мисс Воррендер. — Он устал. И, наверное, голоден и не может объяснить окружающим, чего ему нужно. Сейчас я поговорю с ним.

И она обратилась к индусу на его родном языке.

Я никогда в жизни не забуду эффекта, какой произвели эти несколько слов. Не говоря ни слова, чужестранец склонился всем телом на пыльную дорогу и буквально распростерся ниц перед моей спутницей.

Мне часто приходилось видеть в книгах способы, которыми на Востоке выказывают почтительность к высшим, но я никогда не воображал, чтобы кто бы то ни было мог дойти до такой степени самоунижения, на какую указывала поза этого человека.

Мисс Воррендер продолжала свою речь резким, повелительным тоном.

Он тотчас же поднялся на ноги и стоял, сложив руки на груди и опустив глаза в землю, точно раб в присутствии господина. Кучка зрителей, по всей вероятности считавшая это неожиданное преклонение прелюдией к какому-нибудь фокус-покусу или к серии акробатических упражнений, была очень заинтересована чужестранцем.

— Не будете ли вы добры проводить детей до почты и опустить письма? — спросила меня гувернантка. — Мне очень бы хотелось поговорить с этим господином.

Я исполнил ее просьбу.

Когда я вернулся несколько минут спустя, их беседа была еще не окончена. Индус, видимо, рассказывал свои приключения или пояснял мотивы, побудившие его на это путешествие. У него дрожали при этом пальцы и сверкали глаза.

Мисс Воррендер внимательно слушала его, издавая по временам легкие восклицания и делая жесты, показывая ими, до какой степени она интересуется деталями рассказа этого человека.

— Вы должны извинить меня, что я так непростительно долго задержала вас под солнцем, — обратилась она наконец ко мне. — Нам надо теперь идти, а то мы опоздаем к обеду.

Тут она произнесла несколько повелительных фраз своему черному собеседнику, и мы тронулись в обратный путь.

— Итак, — начал я, движимый вполне понятным любопытством, когда мы отошли настолько, чтобы не быть услышанными зрителями. — Кто и что он такое?

— Он родом из центральных провинций, из страны Махраттов. Он из наших. Я была положительно вне себя, встретив его в такой неожиданной обстановке. Я чувствую себя теперь страшно взволнованной.

— Но вам, должно быть, весьма приятна эта встреча.

— О, очень.

— А почему ему пришлось в голову пасть перед вами ниц?

— Потому что он знал, что я дочь Ахмет Кенгхис-Кхана, — гордо произнесла она.

— А как он попал сюда?

— Это длинная история, — небрежно отозвалась она. — Он ведет бродячую жизнь... Какая темень в этой аллее! Ветви деревьев образуют здесь настоящий живой потолок. Человеку, забравшемуся на такое дерево, легче легкого прыгнуть на спину проходящего внизу. Он почувствует ваше присутствие не раньше, чем ваши пальцы вопьются ему в горло.

— Какой ужас! — вскричал я.

— Темные места всегда вызывают во мне черные мысли, — весело засмеялась девушка. — Кстати, у меня есть к вам просьба, мистер Лауренс.

— В чем дело? — осведомился я.

— Не говорите дома, пожалуйста, ни слова о встрече с моим бедным соотечественником. Его, чего доброго, примут за бродягу и вора и прикажут выгнать из деревни.

— Я уверен, что мистер Терстон не способен будет на такую жестокость по отношению к нему.

— Да, но на нее способен мистер Копперторн.

— Я к вашим услугам, но дети... они, наверное, проболтаются.

— Не думаю.

Право, не знаю, как ей удалось справиться с этими болтливыми язычками, но только они не проронили о чужестранце ни звука.

У меня были кое-какие подозрения, что это дитя тропиков явилось сюда не случайно, а для выполнения какой-то особой миссии. На следующее утро я имел весьма убедительное доказательство тому, что он все еще проживает в деревне: идя по аллее, я встретил мисс Воррендер; в руках у нее была корзина с хлебом и мясом.

У нее вошло в привычку относить остатки от обеда разным деревенским старухам.

Я предложил проводить ее до деревни.

— Чья сегодня очередь? — спросил я. — Старой Венобл или Тейльфорт?

— Ни той, ни другой, — улыбаясь, возразила она. — Мне придется сделать вам одно небольшое признание, мистер Лауренс. Вы всегда были мне другом, и я знаю, что могу на вас положиться. Я повешу корзинку вот на этот сук, а он ее опорожнит.

— Он, значит, находится еще здесь?

— Да.

— А вы уверены, что он найдет корзинку?

— О, на этот счет на него можно положиться. Вы, конечно, не находите ничего предосудительного в том, что я оказываю ему кое-какую помощь? Вы сами поступили бы точно таким же образом, если бы жили среди индусов и вдруг встретили бы среди них англичанина. Но мне хотелось бы посмотреть на цветы.

Мы вошли в оранжерею.

На обратном пути корзинка все еще висела на суку, но была уже пуста. Она, смеясь, сняла ее с дерева и отнесла домой.

Я полагал, что после этой встречи со своим сородичем она стала веселее и спокойнее. Быть может, это было только плодом моей фантазии, но мне казалось, что и в присутствии Копперторна она чувствовала себя спокойнее, чем прежде, с меньшим страхом выносила его взгляд и меньше поддавалась его воле.

А теперь я должен приступить к той части моего рассказа, в которой мне придется описать, каким образом довелось мне проникнуть в тайну отношений, существующих между двумя странными личностями, и каким путем я узнал страшную правду о мисс Воррендер — или принцессе Ахмет Кенгхис; ее, собственно говоря, следовало бы называть этим последним именем, так как она походила больше на этого воинственного и неукротимого фанатика, чем на свою мягкую деликатную мать-англичанку.

Это открытие было для меня страшным ударом, которого я не забуду никогда в жизни.

Очень может быть, что ввиду моей манеры вести рассказ — выделяя факты мало-мальски значительные и опуская такие, которые не имеют отношения к главной

мысли, — очень может быть, что читатели уже угадали составленный гувернанткой план. Что касается меня лично, я должен торжественно признаться, что до самой последней минуты не имел ни малейшего представления об истине.

Я ровно ничего не знал о женщине, которой дружески пожимал руку и голос которой очаровал мой слух. Но я и по сей день твердо уверен, что она была искренне расположена ко мне и ни за что не причинила бы мне зла сознательно.

Вот как произошло это страшное открытие.

Я как будто уже упоминал, что в лесу, окружавшем Дункельтвейт, у меня было облюбовано уютное местечко для занятий на лоне природы. Однажды вечером, часов этак в десять, подымаясь в свою комнату, я вспомнил, что забыл в этом местечке один трактат по гинекологии; рассчитывая поработать еще часик-другой перед отходом ко сну, я решил пойти и отыскать книгу.

Дядя Иеремия и прислуга уже спали.

Поэтому я по возможности бесшумно спустился вниз и потихоньку повернул во входной двери ключ. Перейдя лужайку, я направился к лесу, чтобы взять книгу и немедленно вернуться домой.

Не успел я войти в лес, как услышал голоса гувернантки и секретаря. По направлению, откуда они доносились, я понял, что они сидят в моем местечке и говорят, не подозревая, что их слушает третье лицо.

Я всегда находил подслушивание низким делом — все равно при каких обстоятельствах, и уже собирался кашлянуть или каким-нибудь другим образом обнаружить свое присутствие, как вдруг услышал несколько слов, произнесенных Копперторном, которые изменили мое первоначальное намерение и вместе с тем заставили содрогнуться от ужаса.

— Все подумают, что он умер от апоплексического удара.

Я ясно слышал эти слова, произнесенные резким голосом секретаря в тихом воздухе июньской ночи.

Я затаил дыхание и замер на месте, весь превратившись в слух. Теперь я и не думал о том, чтобы обнаружить свое присутствие. Какое преступление замышляют в эту роскошную летнюю ночь эти два так не похожие друг на друга преступника?

Я услышал низкий нежный голос мисс Воррендер, но она говорила так быстро и так тихо, что я не мог разобрать ни слова.

Интонация ее голоса не оставляла сомнения в том, что она находится в страшном, смертельном волнении.

Я подкрался на цыпочках ближе, стараясь не упустить ни слова. Луны еще не было, и потому под деревьями царил крошечная тьма. Я имел все шансы быть незамеченным.

— Ели его хлеб, скажите пожалуйста! — иронически произнес секретарь. — Вы не всегда бывали так шепетильны, хотя бы в тот раз, когда дело шло о маленькой Этель.

— Я сходила тогда с ума! Сходила с ума! — разбитым голосом вскричала красавица. — Я часто молилась Будде и великой Бовани, и мне казалось, что если я, одинокая женщина, буду и в этой стране неверных поступать согласно заветам моего отца, то совершу великий и славный подвиг. Наша религия допускает в свои тайны лишь очень немногих женщин, и я удостоилась этой чести лишь благодаря редкой случайности. Но раз ступив на открывшуюся передо мной дорогу, я шла по ней неуклонно и бесстрашно, и на четырнадцатом году моей жизни великий Гуру Рамдин Синг объявил меня достойной занять место на ковре Трепуне наравне с прочими Бюттотти. Да — клянусь священным топориком, — я много страдала в этом случае, потому что... что худого сделала эта несчастная, принесенная мной в жертву крошка?

— Мне почему-то сдается, что ваше раскаяние вызвано больше тем, что я изловил вас в этом, чем моральной стороной дела, — насмешливо прервал гувернантку Копперторн. — У меня и раньше были на ваш счет кой-какие подозрения, но вполне увериться в том, что я имею дело с принцессой тугов, мне пришлось лишь после того, как я застал вас за упражнениями с платком. И такая романтическая особа окончит на самой прозаической английской виселице! Недурно, право, недурно!..

— И с тех пор вы пользовались вашим открытием для того, чтобы убивать все, что было во мне живого, — с горечью продолжала она. — Вы превратили мою жизнь в сплошной ад.

— Ад! — изменившимся голосом повторил он. — Вы знаете чувства, испытываемые мною к вам. Если я иногда и командовал вами угрозой огласки, то только пото-

му, что находил вас слишком нечувствительной к голосу моей любви.

— Любви! — с горечью в голосе вскричала она. — Как можно любить человека, который то и дело грозит вам позорной казнью? Но вернемся к предмету нашего разговора. Вы обещаете мне полную свободу, если я устрою для вас это дело?

— Да, — был ответ Копперторна. — Вы получите возможность уехать отсюда, когда это дело будет сделано, как только вам заблагорассудится уехать.

— Вы клянетесь в этом?

— Да, клянусь.

— Ради того, чтобы получить свободу, я сделаю все, что угодно! — вскричала она.

— Нам никогда не представится такого удобного случая, как теперь, — продолжал Копперторн. — Молодой Терстон уехал, а его друг крепко спит. Вдобавок он слишком глуп, чтобы подозревать что-нибудь. Завещание написано в мою пользу; когда старик умрет, мне будет принадлежать все — до последней травки, до последней песчинки.

— Почему же вы не сделаете этого сами? — спросила его собеседница.

— Ну, эти дела совсем не в моем вкусе, — возразил он. — Кроме того, я не набил себе руку в обращении с этим платком — «гоомалем», как вы его называете. А от него не остается никаких следов. В этом вся выгода этого приспособления.

— Какая гадость: убить своего благодетеля!

— Зато какой святой подвиг — сослужить службу Бовани, богине убийства! Я достаточно знаком с вашей религией, чтобы понять это. Если бы ваш отец находился здесь, решился бы он на это дело?

— Мой отец был величайшим «Борка» всего Джюблтура, — гордо отрезала гувернантка. — Он погубил в своей жизни людей больше, чем считается дней в году.

— Я охотно заплатил бы тысячу фунтов, чтобы не повстречаться с ним, — смеясь, заметил Копперторн. — Но что сказал бы теперь Ахмет Кенгхис-Кхан, если бы увидел, что его дочь колеблется — воспользоваться ли ей или не воспользоваться таким удобным случаем сослужить службу богине? До сих пор вы действовали безукоризненно. Он, наверное, улыбался, видя, как душа маленькой Этель полетела к этой вашей божественной ведьме.

Я думаю, что это было даже не первым вашим убийством. Возьмем, например, дочку этого немца-коммерсанта... Эге! Я вижу по вашему лицу, что я снова прав. И вот, после стольких подвигов, вы колеблетесь теперь, когда нет никакой опасности и когда дело представляется легче легкого! Кроме того, совершив этот поступок, вы освобождаетесь от необходимости жить здесь; а эта жизнь, наконец, дается вам несладко, ввиду того, что вы все время, так сказать, чувствуете петлю на шее. Итак, если вы беретесь сделать это дело, делайте его немедленно. Старик в любой момент может уничтожить завещание, потому что любит племянника; а кроме того, он страшно непостоянен.

Настало долгое молчание, во время которого мне казалось, что я слышу биение собственного сердца.

— Когда это дело должно быть сделано? — спросила наконец мисс Воррендер.

— А если завтра вечером?

— Каким образом я проберусь к нему?

— Я оставлю дверь открытой, — сказал Копперторн. — У него тяжелый сон. Затем я оставлю в его комнате ночник, при свете которого вам нетрудно будет ориентироваться.

— А потом?

— А потом вы вернетесь к себе. Утром люди найдут, что наш старик умер во время сна. Затем они найдут, что все свое имущество он оставил своему верному секретарю — в виде благодарности за усердный труд. Так как в услугах мисс Воррендер не будет уже никакой надобности, она получит возможность вернуться на свою родную родину или в любую другую страну по собственному ее выбору. Если ей это будет угодно, она может захватить с собой и мистера Лауренса.

— Вы оскорбляете меня, — злобно прервала оратора прелестная мисс.

Помолчав, она прибавила:

— Нам будет необходимо свидеться завтра перед тем, как я приступаю к делу.

— Зачем это?

— Потому что мне, пожалуй, понадобятся кое-какие дополнительные указания.

— Ладно. Значит, тут же, в полночь.

— Нет, только не здесь; это слишком близко к дому. Мы встретимся под большим дубом в начале аллеи.

— Где угодно, только помните одно: я отнюдь не намерен присутствовать в его комнате во время вашей операции.

— Этого для меня и не требуется, — презрительно уронила она. — Ну, а теперь довольно. Мы переговорили обо всем, что нужно.

Они пошли прочь, и, хотя еще продолжали разговор, я не стал слушать дальше. Я быстро-быстро перебежал лужайку и добрался до двери, которую запер за собой на ключ.

Только войдя к себе и бросившись в кресло, — только тут оказался я в состоянии привести в порядок мои мысли и обдумать страшный разговор, который только что слышал во тьме ночи. Большую часть этой ночи я провел без сна, вдумываясь в каждое слышанное мной слово и стараясь составить себе план действий на будущее.

Глава VI

Тути! Я уже кое-что слышал об этих яростных фанатиках — жителях Центральной Индии, извращенная религия которых считает убийство ближнего драгоценнейшим приношением, какое только может принести Создателю смертный.

Я припоминаю отрывок из сочинений полковника Мидоус-Тейлора, в котором идет речь о тайнах тугов, об их организации, об их непоколебимом фанатизме и о страшном роковом влиянии, которое их кровавая мания производит на прочие их нравственные и умственные способности. Я припомнил даже, что «goomal», слово, часто встречавшееся в этой книге, должно было обозначать священный платок, которым они обыкновенно производили свою дьявольскую работу.

Во время разлуки с ними мисс Воррендер была уже женщиной, и потому нет ничего удивительного в том, что искусственной культуре не удалось вытравить из нее, дочери главного вождя тугов, плоды первоначального ее воспитания и помешать фанатизму выказать себя в удобную минуту. Именно в период такого взрыва этого фанатизма она, по всей вероятности, и задушила своим страшным платком маленькую Этель, уготовив предварительно себе алиби; когда же Копперторну удалось раскрыть ее тайну, это дало ему в руки страшное оружие,

которым он мог подбить ее отныне на что угодно, — ради личных своих выгод, само собой разумеется.

В этих племенах из всех смертных казней позорнейшей считается смертная казнь через повешение; зная, что по законам Англии она подлежит за такое преступление именно этой казни, она, очевидно, поняла необходимость подчиниться требованиям секретаря.

Что касается Копперторна, то, когда я обдумал то, что он наделал и что намерен сделать вперед, я почувствовал к этому человеку ужас. Так вот каким путем решил он отплатить старику за все благодеяния последнего! Вырвав у него подпись, обеспечивавшую ему все состояние старика, хитроумный секретарь решил обезопасить себя от удовольствия получить сонаследника, что легко могло произойти ввиду симпатий старика к племяннику.

Все это было само по себе страшной подлостью; но верхом подлости была идея отправить на тот свет дядю Иеремию не своей собственной трусливой рукой, а воспользовавшись страшными религиозными суевериями этой несчастной, да таким еще способом, чтобы отстранить от истинного виновника преступления всякое подозрение.

Я решил, что как бы ни кончилось дело, секретарю не удастся избежать справедливого возмездия.

Но что мне нужно для этого предпринять?

Если бы я знал лондонский адрес моего приятеля, я послал бы ему рано утром телеграмму, и он успел бы приехать в Дункельтвейт к вечеру. Но Джон, к сожалению, очень не любил переписки, и мы до сих пор не имели о нем никаких известий, несмотря на то что с его отъезда прошло уже несколько дней.

У нас в доме были три служанки, но ни одного мужчины, если не считать старика Илью; среди соседей у меня не было ни одного знакомого, на которого я мог бы положиться. Впрочем, это было не так уж важно: я знал, что сумею справиться с секретарем, и был уверен, что моего единоличного вмешательства будет вполне достаточно, чтобы расстроить весь замысел. Вопрос состоял в том, какие мне лучше всего принять меры. Сначала мне пришло в голову — спокойно дожидаться утра, а затем, никому ничего не говоря, отправить Илью в ближайший полицейский участок с просьбой прислать двух констеблей, передать в их руки Копперторна и его соучастницу и рассказать все, что я узнал об их замысле.

Однако, поразмыслив и обсудив этот план действий, в конце концов я нашел его совершенно непрактичным. Дело в том, что у меня нет против них никаких улик, кроме чисто голословного утверждения их преступности. Само собой, это утверждение покажется им абсурдом.

Кроме того, я вперед угадывал, с каким невозможным видом полной невинности и каким уверенным тоном Копперторн отклонит обвинение, свалив его на недоброжелательство, которое я питаю к нему и к его соучастнице за их взаимную любовь; я отлично понимал, как легко ему удастся уверить третье лицо, что я сам сочинил всю эту историю для того, чтобы подгадить ему — своему сопернику по амурной части, и как трудно будет мне доказать, что эта личность с внешностью духовной особы и молодая, одетая по последней моде женщина суть не что иное, как два хищника, вылетевшие на охоту. Я чувствовал, что совершу большую ошибку, выдав себя прежде, чем буду держать дичь в руках.

Другой план состоял в том, чтобы ничего никому не говорить, а предоставить делу идти своим ходом, держась в то же время наготове, чтобы вмешаться, как только улики станут более или менее вескими. Этот план как нельзя более соответствовал моей страсти к приключениям, а также должен был как будто привести к наилучшим результатам.

Улегшись на рассвете в постель, я решил молчать и помешать осуществлению кровавого плана заговорщиков своими собственными силами.

На другой день после завтрака дядя Иеремия пришел в очень оживленное настроение и во что бы то ни стало захотел прочесть вслух «Ченчи» Шелли — произведение, всегда приводившее его в восторг. Копперторн сидел около него, по обыкновению молчаливый, невозмутимый, непроницаемый, за исключением тех случаев, когда он издавал восклицания удивления и восторга. Мисс Воррендер была погружена в свои мысли; раз или два мне показалось, будто на ее черных глазах мелькнула слезинка.

Я испытывал какое-то странное ощущение, наблюдая за этими тремя личностями и раздумывая над их взаимными отношениями. Я искренно сочувствовал маленькому краснолицему старичку-хозяину, с его странной прической и старомодными манерами, и давал про себя слово, что приложу все усилия, чтобы спасти его от злодеев.

День этот тянулся невыразимо долго. Заниматься я был не в состоянии и убивал время, слоняясь по саду и по комнате. Копперторн сидел наверху с дядей Иеремией, и я мало видел его в этот день.

Раза два-три я повстречался во время шатаний по саду с гувернанткой, выходящей в сад с детьми; я каждый раз спешил удалиться и избежать разговора с нею. Я чувствовал, что не смогу во время разговора скрыть внушаемый мне ею несказанный ужас и не показать, что мне известны события минувшей ночи. Она, видно, заметила, что я избегаю ее: встретившись с ней глазами за завтраком, я заметил в ее глазах огонек удивления и злобы. Я поспешил отвести глаза в сторону.

Днем почтальон принес мне письмо Джона, в котором тот извещал меня, в каком отеле он остановился. Но теперь было поздно: он все равно не поспел бы сюда к вечеру. Тем не менее я счел своим долгом послать ему телеграмму с извещением, что его присутствие крайне необходимо в Дункельтвейте. Ради этого мне пришлось сделать длинную прогулку на станционный вокзал, зато это путешествие помогло мне убить время; я почувствовал большое облегчение, когда услышал треск аппарата, показавший, что моя телеграмма отправилась в путь. На обратном пути я встретил на повороте в аллею старика Илью, находившегося в очень гневном настроении.

— Про мышей говорят, что одна приводит за собой целую кучу других, — обратился он ко мне, сняв шляпу. — То же самое можно как будто сказать и про этих черномазых. — Он всегда неприязненно относился к гувернантке — за ее «нахальную физиономию», как он выражался.

— А что случилось? — спросил я.

— Да тут все бродит крутом дома какая-то черномазая собака. Я заметил его в кустах и предложил ему проваливать подобру-поздорову, откровенно высказав свое мнение о всей их братии. Уж не насчет ли куриц он метит? Или думает запалить дом и потом перерезать всех нас в кроватях? Знаете что, мистер Лауренс? Я сейчас схожу в деревню и наведу о нем кое-какие справки.

И он ушел, продолжая ворчать в усы.

Проходя всю эту длинную аллею, я много думал о рассказанном инциденте. Индус, очевидно, все еще бродит в этих местах. А я совсем и думать о нем забыл во вре-

меня обсуждения своих планов. А что, если его соотечественница вздумает взять его своим соучастником? Тогда я окажусь перед тремя противниками и, чего доброго, не сумею выйти победителем.

Впрочем, это предположение было маловероятно, ввиду тех мер, которые она принимала, чтобы Копперторн ничего не знал про прибытие индуса.

Одну минуту у меня была идея — взять в поверенные Илью; но потом я рассудил, что человек таких лет будет скорее помехой, чем помощью.

Около семи часов вечера, подымаясь к себе, я встретил на лестнице Копперторна; он спросил меня, не могу ли я сказать ему, где мисс Воррендер.

Я ответил, что не видал ее.

— Странно, что ее никто не видал после обеда. Дети тоже ничего не знают, а мне нужно кое-что сказать ей по секрету.

Он проговорил эти слова без всякого волнения. Меня исчезновение мисс Воррендер отнюдь не удивило. Она наверное сидела теперь где-нибудь в лесу, обдумывая страшное дело, которое она взялась привести в исполнение.

Я вошел в мою комнату и взял книгу, но от волнения совершенно не мог читать. Мой план кампании был уже выработан: я решил отправиться на место их свидания, оттуда последовать за ними и вмешаться в самый последний момент. Для этого я обзавелся толстой суковатой палкой, которая обеспечит мне полное господство над моими противниками. Я, кроме того, успел убедиться в том, что у Копперторна не водится огнестрельного оружия. Во всей моей жизни не запомню я ни одного дня, когда время тянулось для меня так долго, как в этот памятный вечер, проведенный мной в верхнем этаже Дункельвейта-Ингльтона. Часы в столовой глухо пробили восемь часов, потом девять, потом — после долгого, нескончаемо долгого промежутка — десять. Тут я вскочил с кресла и принялся шагать взад и вперед по комнате; мне казалось, что время совсем остановилось; я ждал назначенного часа со страхом и нетерпением, как это всегда бывает с человеком, когда он стоит лицом к лицу с серьезным испытанием.

Наконец, в тиши ночи раздался серебристый удар — первый из долгожданных одиннадцати ударов.

Я немедленно надел войлочные туфли, взял палку и бесшумно выскользнул из комнаты на лестницу. В верхнем этаже слышалось шумное храпение хозяина дома. Я пробрался в полной тьме до выходной двери, открыл ее и очутился под чудным звездным небом. Мне следовало быть крайне осторожным; полная луна светила очень ярко, — было почти так же светло, как и днем.

Я прошел под прикрытием тени, отбрасываемой домом, до садового забора, перелез через него и очутился в лесу, в том самом месте, где был накануне вечером. Затем я пошел дальше, стараясь ступать по возможности бесшумно. Наконец я дошел до такого места, откуда отлично был виден через кусты дуб, высившийся на повороте аллеи. В тени этого дуба стояла какая-то фигура.

Сначала я не мог разобрать, кто именно там стоит; но вот фигура сдвинулась с места, выдвинулась на освещенное луной пространство и нетерпеливо огляделась. Тут я увидел, что это Копперторн. Он был совершенно один. Губернантка, очевидно, еще не явилась на свидание.

Так как я хотел не только видеть, но и слышать, я начал пробираться сквозь кусты поближе к дубу. Я остановился менее чем в пятнадцати шагах от того места, где вырисовывалась высокая, костлявая фигура секретаря, залитая переменчивым лунным светом.

Он ходил взад и вперед, то выдвигаясь на освещенные луною места, то скрываясь в тень деревьев. По его манере было видно, что он заинтригован и встревожен опозданием своей соучастницы. Он кончил тем, что остановился под огромной веткой, совсем скрывшей его фигуру в своей гигантской тени; с этого места перед ним открывалась во всю свою длину усыпанная песком дорожка, на которой должна была показаться мисс Воррендер.

Я оставался неподвижно в моем убежище, мысленно поздравляя себя с тем, что мне удалось попасть в такое место, где я могу все слышать, не рискуя в то же время быть замеченным. Но вот я вдруг увидал нечто, что заставило мое сердце забиться сильно и чуть было не вызвало восклицания, которое наверное выдало бы мое присутствие.

Я уже говорил, что Копперторн находился как раз под огромным суком большого дуба. Повыше этого сука дуб был объят крошечной тьмой, но самая верхушка его сверкала, серебрясь в лунных лучах. Всматриваясь в эту вер-

хушку, я заметил, что по ней очень быстро спускается что-то странное — трепещущее, скользящее.

Мало-помалу, когда мои глаза привыкли к свету, я разобрал, что это нечто было человеческой фигурой. А фигура эта принадлежала индусу, встреченному мной в деревне.

Он спускался по дереву вниз, охватив его руками и ногами, не производя никакого шума и скользя быстро — точно змея его родных джунглей. Прежде чем я успел опомниться, он сполз на тот самый сук, под которым стоял секретарь; его бронзовое тело четко рисовалось на диске луны, бывшей как раз позади него.

Я видел, как он размотал что-то, охватывавшее его талию, минуту помедлил, как бы рассчитывая расстояние, а затем одним скачком ринулся вниз, ломая ветки своей тяжестью. Затем раздался глухой удар, точно упали на землю два тяжелых тела, — в тихом ночном воздухе послышался характерный звук, будто кто-то полоскал себе горло, и хрип, воспоминание о котором не покинет меня никогда в жизни — до гробовой доски.

Во время, пока эта трагедия происходила, так сказать, у меня перед носом, я был настолько парализован ее внезапностью и ужасом, что решительно не мог тронуться с места. Только люди, побывавшие в аналогичных переделках, могут понимать, до какой степени парализуют ум и тело человека подобные приключения. Они не дают вам сделать ни одной из тысячи вещей, о которых вы вспоминаете потом, когда будет уже поздно, — и каких простых, само собой понятных вещей!

Тем не менее, когда эти звуки агонии достигли моего слуха, я сбросил с себя летаргию и с громким криком выскочил из своего убежища. Молодой тут моментально оставил свою жертву, ворча, точно зверь, у которого отнимают добычу, и бросился бежать с такой быстротой, что я сразу понял, что мне его не догнать.

Я бросился к секретарю и приподнял ему голову. Его лицо стало багровым и было страшно искажено. Я разорвал ворот рубашки и употребил все меры, чтобы вернуть его к жизни. Но все оказалось напрасно. «Roomal» сделал свое дело. Копперторн был мертв...

Мне немного остается добавить к моей странной истории. Она вышла, быть может, немного растянутой, но я чувствую, что мне нет надобности извиняться: я хотел изложить факты во всей их последовательности — ясно,

просто, не мудрствуя лукаво; мой рассказ был бы не полон, если бы я выпустил хоть один из них.

Впоследствии мы узнали, что мисс Воррендер уехала в Лондон с семичасовым поездом; она приехала туда, значит, задолго до того, как ее начали искать. Что же касается убийцы, которого она послала вместо себя на свидание, то об нем мы никогда больше не слышали ни слова. Его приметы были сообщены во все страны мира, но напрасно. Беглец, надо полагать, проводил дни в каких-нибудь тайниках, путешествуя по ночам и питаясь бог знает чем (на что так способны люди Востока), до тех пор, пока не почувствовал себя в полной безопасности.

Джон Терстон вернулся в Дункельтвейт на следующий день. Он был страшно поражен, выслушав мой рассказ о ночном приключении. Он вполне согласился со мной насчет того, что нам лучше умолчать о проектах Копперторна и о причинах, которые задержали его так поздно в аллее в эту роковую летнюю ночь. Поэтому полиции графства не удалось вполне познакомиться с историей этой необыкновенной драмы, и она наверное никогда не добьется этого — разве только кому-нибудь из чинов ее попадетсЯ на глаза этот правдивый рассказ.

Бедный дядя Иеремия очень оплакивал потерю своего секретаря. И разразился целой тучей стихотворений, эпитафий и поэм в честь усопшего друга... Он давно уже отошел к праотцам, и я страшно доволен тем, что большая часть его имущества перешла к его законному наследнику — племяннику покойного.

Еще один пункт.

Как попал молодой тут в Дункельтвейт?

Этот вопрос так и оставался не вполне выясненным, но я лично держусь на этот счет вполне определенного взгляда: я уверен, что всякий, кто взвесит pro и contra, согласится со мной, что его появление отнюдь не было простой случайностью.

Последователи этой секты представляют из себя в Индии многочисленное общество; когда они решили избрать себе вождя, они, само собой, вспомнили про красавицу-дочь своего бывшего повелителя. Им не трудно было найти ее след в Калькутте, Германии, а под конец и в Дункельтвейте. Молодой тут, по всей вероятности, явился к нам возвестить ей, что она не забыта в Индии и что ее ждет там горячий прием, если она захочет приехать и объединить рассеянные части своего племени.

Иные, быть может, сочтут это объяснение немного натянутым: как бы там ни было, лично я всегда держался именно такого взгляда на причины приезда в Дункельтвейт юного защитника красавицы-гувернантки.

Глава VII

Я начал эту историю тем, что привел копию письма моего товарища; я закончу ее теперь письмом другого моего друга, доктора Халлера, человека энциклопедических познаний, особенно сведущего в нравах и обычаях Индостана.

Только благодаря его любезности я и был в состоянии перевести разные туземные слова, которые не раз слышал от мисс Воррендер и значения которых наверное не припомнил бы, если бы не его указания. В приводимом ниже письме он дает свои авторитетные комментарии насчет разных подробностей, о которых я говорил ему недавно во время одной из наших бесед.

«Мой дорогой Лауренс.

Я обещал вам написать письмо о тутизме; но эти дни я был так занят, что могу исполнить обещание только сегодня. Меня очень заинтересовало ваше приключение, и я буду рад лишний раз побеседовать о нем.

Прежде всего должен сообщить, что женщины крайне редко посвящаются в тайны тутизма; в нашем эпизоде это могло произойти с вашей героиней лишь случайно или по протекции: она, вероятно, отведала самовольно священный «гур» (так называется жертва, возносимая гурами после каждого убийства). Всякий отведавший становится активным членом тутизма, — все равно, какого бы возраста, пола или положения в обществе он ни был.

Будучи благородного происхождения, она, вероятно, быстро прошла разные степени — «титхай», или осветительные, «лугха», или могильщика, «шемси», который держит жертву за руки, и наконец, «бюттотти», или душиателя. Всем этим обязанностям ее должен был научить ее «гуру», или духовник, которым она назвала в нашем рассказе своего отца; последний, по всей вероятности, был «борка», то есть вполне полномочным тутом.

Раз достигши высшей степени, она тем самым обрекла себя на совершенно бессознательные вспышки фана-

тизма. «Пильхау», о котором она упоминает, есть предзнаменование, полученное слева; если оно сопровождается «Тобау» — предзнаменованием справа, то считается знаком того, что все уладится отлично.

Кстати, вы говорили, что в день убийства ваш старик-кучер видел индуса утром в кустах. Он, наверное, был занят копанием могилы для Копперторна.

Прежде чем приступать к убийству, туги имеют обычай приготовить могилу для трупа.

По моим сведениям, среди британского офицерства жертвой этого общества пал лишь один; это был поручик Монсэль, задушенный в 1812 году. После его гибели полковник Слиман уничтожил большую часть членов этой секты, хотя можно быть уверенным, что она гораздо многочисленнее, чем то утверждают официальные власти.

Да, да! Шар земной преисполнен злобы и мрака, и этот мрак будет рассеян Евангелием и только им одним.

Я охотно уполномочиваю вас опубликовать эти краткие заметки, если вы найдете, что они могут пролить кое-какой свет на ваш рассказ.

Ваш искренний друг
Б. К. Халлер».

РОКОВОЙ
ВЫСТРЕЛ

Глава I

«**О**братите внимание! Это объявление имеет целью предостеречь публику от субъекта, называющего себя Октавием Гастером.

Его приметы — высокий рост, блондин, глубокий шрам на левой щеке, идущий от глаза до угла рта.

Нелишне будет упомянуть его пристрастие к ярким цветам — зеленые манишки и прочее.

В его речи слышен легкий иностранный акцент.

Хотя этот человек и неуязвим на почве закона, он опаснее бешеной собаки. Да избегает его каждый, и да сторонится от него, как сторонятся от прокаженного.

Всякое сообщение, касающееся этой личности, будет принято с живейшей благодарностью г. А. К. У. Линкольнс-Хилл, Лондон».

Это объявление было наверное отмечено многими читателями утренних газет в начале текущего года.

В известных кругах оно возбудило сильнейшее любопытство, благодаря чему относительно личности Октавия Гастера и его преступлений в обществе сложились целые легенды.

Если я объясню вам, что это объявление было составлено и опубликовано по моей личной просьбе, моим старшим братом адвокатом Артуром Купером Ундервудом, вы легко поймете, что я более, чем кто-либо другой, имею право дать тайне авторитетное разъяснение.

Глава II

Осаждавшие меня вплоть до сегодняшнего дня страшные, хотя и смутные подозрения, осложненные горем от потери моего возлюбленного, происшедшей накануне самой свадьбы, помешали мне открыть происшествия августа месяца кому бы то ни было, кроме моего старшего брата.

Но теперь, окидывая взором прошедшее, мне кажется, что я имею возможность объяснить и связать единой общей идеей массу мелочей, раньше мною не замеченных.

Эти мелочи дают ряд улик, которые, будучи недостаточными в глазах суда, могут тем не менее произвести известное впечатление на публику.

Итак, я попытаюсь изложить точно и беспристрастно все, что произошло со дня вступления этого человека, Октавия Гастера, в Тойнби-Холл, вплоть до дня большого состязания в стрельбе из карабина.

Я хорошо знаю, что на свете есть масса людей, всегда готовых посмеяться над сверхъестественным или над тем, что наш слабый ум считает таковым. Я знаю также, что моя принадлежность к женскому полу сильно ослабит значительность моих показаний.

Мне остается только одно оправдание: человек я не слабоумный и далеко не впечатлительный; оценку же, произведенную мною Октавию Гастеру, разделяют многие и многие женщины.

Приступаю к изложению фактов.

Это было у полковника Пиллара в Роборо, в очаровательном графстве Девон; мы проводили там лето.

Я уже несколько месяцев была невестой его старшего сына Чарли. Свадьбу собирались сыграть в конце vacations.

Надеялись, что Чарли успешно выдержит экзамены; впрочем, будущность его была во всяком случае обеспечена.

Я со своей стороны тоже не была нищей.

Старик-полковник был в восторге от этого союза. Моя мать — тоже.

С какой стороны ни взглянуть, на нашем горизонте нельзя было заметить ни единого облачка.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что август месяц показался нам периодом ничем не возмутимого благополучия.

В веселом Тойнби-Холле можно было забыть про самые жестокие страдания и печали, от которых стонет мир.

Там гостил, во-первых, лейтенант Дэзби, — Джек, как называли его запросто; он только что прибыл из Японии на борту судна Королевского Флота «Акула».

Он был в таких же отношениях, как и мы с Чарли, с сестрой последнего, Фанни; благодаря этому мы всегда готовы были оказать друг другу моральную поддержку.

Далее шли младший брат Чарли, Гарри, и его закадычный друг по Кембриджу, Тревор.

Наконец, — моя мать, милейшая пожилая дама, вся сияя, любовавшаяся нами из-за своих золотых очков и изо всех сил старавшаяся устранить малейшие затруднения, которые могли бы появиться на пути двух молодых парочек.

Она неустанно повторяла им рассказ о своих сомнениях, страхах и опасениях, которые испытала в то время, когда молодой горячий вертопрах Николай Ундервуд отправился искать себе невесту в провинцию и отрекся от Крокфорда и Таттерсолля ради любви дочери деревенского старосты.

Я, однако, забыла упомянуть про нашего любезного хозяина — бравого старого полковника, с его вечным подшучиванием, пристрастием к рюмке и напускной суровостью.

— Ей-ей, не понимаю, что такое стряслось эти дни со старичиной, — часто говаривал Чарли. — Со дня вашего пребывания, Лотти, он ни разу не посылал к черту либеральное министерство; я уверен, что, если он не даст себе воли по части ирландского вопроса, его как-нибудь хватит кондрашка.

Весьма возможно, что старик вознаграждал себя за дневное воздержание, когда оставался наедине с собой в своей половине.

Но он действительно питал ко мне теплое чувство, которое высказывал целым рядом проявлений мелочного внимания и предупредительности.

— Вы славная девочка, — сказал он как-то вечером голосом, сильно отдававшим портвейном. — Честное слово, Чарли — ловкий малый; я не ожидал увидеть в нем столько вкуса. Но заметьте мои слова, мисс Ундервуд: вы скоро сами убедитесь в том, что этот ветрогон далеко не так глуп, как это кажется на первый взгляд.

Сделав этот косвенный комплимент, полковник торжественно накрыл лицо платком и заснул сном невинного младенца.

Глава III

О, как мне памятен тот день, когда начались все наши несчастья!

Обед кончился, и мы сидели в салоне; в широко открытые окна лился поток освеженного южным ветерком воздуха.

Моя мать сидела в углу за вышивкой, роняя по временам какое-нибудь простейшее нравоучение, которое добрая старуха тем не менее считала личным своим открытием.

Фанни возилась с лейтенантом на софе, а Чарли взволнованно прохаживался взад и вперед по комнате.

Я сидела у окна, задумчиво созерцая огромную равнину Дартмура.

Она сливалась с горизонтом, освещенным заходящим солнцем; на багряном фоне его там и сям рисовались резкие очертания скал.

— Да, повторяю вам еще раз, — сказал Чарли, подходя к окну, — прямо позорно терять такой вечер.

— К черту его! — сказал Джек Дзэби. — Что за подчинение погоде? Мы с Фан остаемся на софе — правда, Фан?

Молодая девушка подтвердила свое намерение не покидать устроенного ею из подушек софы гнездышка, сопровождая свои слова задорным взглядом по адресу брата.

— Ваши поцелуи — чистая распущенность, правда, Лотти? — смеясь, обратился ко мне Чарли.

— О да, — и скверная распущенность, — согласилась я.

— А между тем я отлично помню время, когда Дзэби был первым ветрогоном во всем Девоне. А посмотрите-ка на него теперь. Фанни, Фанни! Вот оно — женское-то влияние!

— О, не огорчайтесь на его слова, моя дорогая, — заговорила из своего угла моя мать. — Я знаю по опыту, что для молодых людей очень полезна умеренность. Мой бедный Николай всегда держался этого мнения. Он каждый вечер, перед тем как лечь в постель, делал на коврике

несколько больших прыжков. Я не раз указывала ему на опасность подобных упражнений, но он упрямо держался их, покуда однажды вечером не упал на каминную решетку, причем порвал себе мускул на ноге, что сделало его навеки хромым, так как доктор Пирсон принял это за перелом кости и наложил на ногу гипсовую повязку, от которой пациенту свело ногу в колене. Ошибку докторского диагноза приписывали тому, что он был в то время очень нервен: его младшая дочь чуть ли не в самый день несчастья проглотила медный пятак.

У моей матери была странная привычка уклоняться во время рассказа в сторону, так что по временам нелегко было вспомнить предмет, вызвавший ее речь.

Но на этот раз Чарли постарался запомнить его, надеясь извлечь пользу из слов старушки.

— Ваши слова — святая истина, миссис Ундервуд, — заметил он, — мы весь день не выходили из дому. Послушайте, Лотти, в нашем распоряжении еще целый час до сумерек. Я уверен, что ваша мать не найдет возразить мне ни слова, если я предложу пройтись половить форелей.

— Только закутай себе чем-нибудь шею, дитя мое, — сказала мама.

— Хорошо, дорогая. Я сбегаю наверх и возьму шляпку.

— А на обратном пути мы сделаем чудесную прогулку на заходе солнца, — продолжал Чарли, покуда я направлялась к дверям.

Когда я вернулась, то увидала, что мой жених с нетерпением ждет меня с удочкой в руках.

Мы прошли через лужайку мимо окна, в котором были видны три ехидно улыбающиеся лица.

— Поцелуй — это чистый разврат, — сказал Джек, с задумчивым видом разглядывая облака.

— О да, и скверный разврат, — подхватила Фанни.

И все трое расхохотались, да так, что разбудили мирно дремавшего полковника.

Мы слышали, как они наперерыв старались объяснить свою шутку полковнику, который никак не мог сообразить, в чем дело, именно благодаря их усердию.

Мы пробежали по тропинке до калитки, выходявшей на дорогу к Тэвистоку.

Чарли на минуту остановился, соображая, куда идти.

О, если бы мы знали тогда, что от этого направления зависит вся наша судьба!

— Что ж, пойдем на реку, дорогая, — сказал он, — или предпочтем ей какой-нибудь ручеек?

— Как хотите — мне все равно.

— Отлично. Я подаю голос за ручейки. Кстати, удлинится и наш обратный путь, — прибавил он, окидывая любовным взором небольшую, закутанную в белую шаль фигурку, что шла рядом с ним по дороге.

Ручей, который мы выбрали, орошает наиболее безлюдную часть местности.

При выходе с дороги на тропинку мы находились в нескольких милях от Тойнби-Холла; но мы были молодые и сильные люди и потому тронулись в путь, не обращая внимания на попадавшиеся нам камни и кустарники.

Во время пути мы не встретили ни души, если не считать девонширских овец, которые с любопытством глядели на нас и долго провожали нас глазами, точно стараясь угадать, чего ради мы попали в их царство.

Когда мы добрались до ручейка, с шумом вытекающего из ущелья с отвесными боками, устремляясь зигзагами к Плимуту, было уже совсем темно.

Перед нами высились два огромных массива скал, между которыми капля за каплей сочилась струйка воды, образовавшая у подножия их глубокий тихий пруд.

Это место было всегда любимым уголком Чарли. Днем оно действительно должно было быть очаровательно, но теперь, когда в кристальной воде отражались серебристые облики восходящей луны, перемежающиеся с черными пятнами теней от скал, — теперь это место совсем не годилось для пикника.

— Дорогая моя, я лучше откажусь на этот раз от ловли, — заявил Чарли, когда мы уселись рядом.

— О да, — вздрогнув, согласилась я.

— Итак, мы передохнем здесь, а потом пустимся в обратный путь. Но вы вся дрожите, вам холодно?

— Нет, — ответила я, стараясь овладеть собой, — мне не холодно, но... но мне немножко страшно. Конечно, это очень глупо с моей стороны.

— Черт возьми! — сказал мой жених. — Я не нахожу в этом ничего удивительного, так как и сам чувствую что-то неладное. Журчанье этой воды напоминает мне хрип умирающего.

— О, не говорите таких вещей, Чарли! Вы пугаете меня.

— Ну, ну, моя дорогая, нечего предаваться черным мыслям, — со смехом сказал он, видимо, желая вернуть мне бодрость. — Пойдемте прочь из этого места, где пахнет кровью, и... Смотрите, смотрите! Боже мой! Это что такое?

Чарли покачнулся, и глаза его направились на другой берег ручья, который был выше того, на котором сидели мы.

Лицо Чарли было смертельно бледно.

Я уже говорила, что ручей, у которого мы сидели, находился у подножия скалистого массива.

На самой верхушке последнего рисовалась высокая черная фигура мужчины, смотревшего вниз, в отвесный обрыв, на дне которого мы сидели.

Луна как раз осветила гребень скалы, и на его посеребренном фоне резкими угловатыми очертаниями выделялся силуэт неизвестного.

В этом внезапном молчаливом появлении одинокого путника было что-то таинственное, волшебное, и фантастичность его еще более увеличилась ввиду мрачности обстановки.

Меня охватил немой ужас. Я прильнула к моему возлюбленному, со страхом смотря на высившийся над нами силуэт.

— Эй, мистер, вы, там, наверху! — крикнул Чарли, переходя от тревоги к гневу. — Кто вы такой и за каким чертом забрались туда?

— О! Я так и думал, так и думал, — проговорил человек, смотря на нас сверху вниз.

Затем он исчез с гребня.

Мы слышали его шаги по скале.

Минуту спустя он появился на берегу ручья и остановился, повернувшись к нам лицом.

Как ни фантастичен был его вид при первом его появлении, вблизи эта фантастичность скорее усилилась, чем ослабла.

При свете полной луны ясно было видно его длинное тощее лицо мертвенной белизны, составлявшее резкий контраст с манишкой ярко-зеленого кричащего цвета.

На щеке у него шел от глаза до угла рта глубокий шрам, придававший и без того неправильному и некрасивому лицу его ехидное, фальшивое выражение, особенно заметное в те моменты, когда рот его улыбался.

Ранец и палка указывали на принадлежность его к числу туристов. В то же время непринужденность и изящество, с какими он снял шляпу, увидев даму, свидетельствовали о том, что он принадлежит к обществу.

В его угловатой бескровной фигуре было что-то неуловимое, что в связи с болтающимся на плечах черным пледом напоминало мне редкую летучую мышь, питающуюся высасыванием крови, которую Джек Дзэби привез из Японии и которая стала кошмаром для всей прислуги дома.

— Прошу извинения, если помешаю вам, — заговорил он с легким иностранным сюсюканьем, придававшим его речи какое-то особое изящество. — Если бы мне не посчастливилось встретиться с вами, мне пришлось бы чего доброго заночевать под открытым небом.

— Черт вас побери, друг мой! — вскричал Чарли. — Неужели вы не могли позвать нас, крикнуть нам что-нибудь? Вы страшно испугали мисс Ундервуд, когда точно из-под земли выросли перед нами.

Незнакомец снова поднял шляпу и рассыпался передо мной в извинениях за свою невольную провинность.

— Я — шведский дворянин, — продолжал он, — и в данное время путешествую ради удовольствия по вашей прекрасной стране. Позвольте представиться — доктор Октавий Гастер. Быть может, вы будете добры указать мне местечко, где я мог бы переночевать, и сообщить маршрут, чтобы выбраться из этой огромной пустыни.

— Вам в самом деле повезло, что вы повстречались с нами, — сказал Чарли. — Тут очень легко заблудиться.

— Охотно верю, — заметил наш новый знакомый.

— Тут нередко находят трупы неизвестных людей, — продолжал Чарли. — Заблудившись, они бродят, отыскивая жилье, пока, наконец, не падают на землю от истощения.

— Ха, ха! — смеясь, произнес швед. — Ну, мне-то не придется умереть с голоду на английской почве. Меня недаром дрейфовало на одном корабле от мыса Бланки до Канарских островов. Но где тут можно найти харчевню?

— Постойте-ка, — сказал Чарли, в котором пробудился интерес к чужестранцу и который, кроме того, всегда отличался гостеприимством. — Тут на несколько миль кругом нет ни одной харчевни, а мне сдается, вы обломали только что здоровый переход. Пойдемте-ка с нами;

мой отец, полковник, будет в восторге познакомиться с вами и предложить постель.

— Как мне благодарить вас! — воскликнул путник. — Когда я вернусь в Швецию, мне много придется рассказывать про английское гостеприимство.

— Идемте, идемте, — приговаривал Чарли. — Мы тронемся немедленно, так как мисс Ундервуд холодно. Закутайтесь хорошенько шалью, Лотти; через несколько минут мы будем дома.

Мы молча тронулись в путь, на каждом шагу спотыкаясь и теряя из виду тропинку в те моменты, когда луна закрывалась облачками.

Незнакомец был, видимо, погружен в собственные мысли; но раз или два мне показалось, будто он присматривается ко мне в темноте.

— Итак, — прервал молчание Чарли, — вы говорили, что совершили однажды путешествие в лодке без палубы?

— А! Да, мне довелось пережить много странных вещей и видеть немало опасностей, но я отнюдь не вижу в этом никакого вреда для себя. Но эта тема — слишком печальна для молодых женщин. Ей и так уже пришлось перепугаться сегодня.

— О! Теперь вам нечего бояться снова испугать меня, — сказала я, опираясь на руку Чарли.

— Правду говоря, у меня немного есть что рассказать, но это немногое достаточно печально... Мы с моим другом, Карлом Осгудом из Упсалы, задумали одно коммерческое предприятие. Страна мавританских кочевников мыса Бланки мало посещается белыми. Но мы все-таки отправились туда: несколько месяцев там можно пожить очень приятно, продавая разного рода товар и выменивая его на золото и слоновую кость.

Это очень любопытная страна. В ней не имеется ни дерева, ни камня, так что жилища тамошних обитателей строятся из морских растений.

К самому концу нашего пребывания, когда мы считали себя уже достаточно разбогатевшими, мавры составили заговор и решили убить нас ночью.

Времени было мало, и мы едва успели добраться до берега, спустить лодку и сесть в нее, бросив все наше имущество.

Мавры гнались за нами, но потеряли из виду благодаря темноте; на рассвете же кругом нас было видно одно безграничное море.

Ближайшей к нам сушей были Канарские острова; к ним мы и направились.

Я добрался до них живым, но сильно ослабевшим и душой и телом. Что же касается бедняги Карла, он умер в тот самый день, когда на горизонте показалась земля.

Я предупреждал его, и мне не в чем упрекать себя теперь.

— Карл, — говорил я ему, — сила, которую вы приобретете, съев их, будет с избытком покрыта потерей сил от кровотечения.

Мои слова заставили его только рассмеяться. Он взял нож, висевший у меня за поясом, отрезал их и съел.

— Съел? Что съел?

— Свои уши, — сказал незнакомец.

Мы оба сделали движение ужаса.

На его бледном лице не было ничего похожего на улыбку, вообще ни намек на то, что могло бы заставить нас принять его слова за шутку.

— Этот Карл был упрямая башка, по английскому выражению, — продолжал швед, — но все-таки у него должно было хватить рассудка, чтобы воздержаться. Ему стоило только призвать на помощь волю, — и он выжил бы подобно мне.

— По-вашему, с помощью воли человек может побороть голодную смерть? — спросил Чарли.

— С ней всего можно добиться, — был ответ Октавия Гастера.

Далее мы не нарушали молчания вплоть до самого Тойнби-Холла.

Наша затянувшаяся прогулка произвела в доме большую тревогу, и Джек Дэзби уже был готов пуститься на поиски вместе с Тревером, другом Чарли.

Наше прибытие произвело поэтому настоящий фурор, сменившийся скоро смешливым настроением при виде физиономии нашего спутника.

— Где, к черту, вы подобрали это мертвое тело? — спросил Чарли Джек, отводя его в курительную.

— Ш-ш, друже! — проворчал Чарли. — Он, чего доброго, может услышать. Это некий швед, доктор, турист, очень милый парень. Он совершил какое-то путешествие по морю в простой лодке из одного места в другое; названия их я позабыл. Я предложил ему на эту ночь постель.

— Н-ну! — сказал Джек, — одно могу сказать: с такой физиономией он никогда не сделает себе карьеры.

— Ха! Ха! Превосходно, превосходно сказано! — разражаясь смехом, проговорил объект этого замечания, входя в комнату, — обстоятельство, до последней степени переконфузившее бравого, но неосторожного лейтенанта. — Само собой, я никогда не сделаю карьеры в этой стране.

И он сделал такую гримасу, что шрам, нарушавший ему симметрию рта, придал его лицу такой вид, точно оно выглянуло вдруг из вогнутого зеркала.

— Пойдемте наверх, вы там умоеетесь. Я одолжу вам пару туфель, — говорил Чарли, уводя гостя из комнаты, чтобы покончить с неловким положением.

Полковник Пилляр был самым олицетворением гостеприимства. Он принял доктора Гастера, точно старого друга дома.

— Честное слово, сэр, вы у себя дома и будете у нас желанным гостем столько времени, сколько вам заблагорассудится. Мы живем тут почти что отшельниками. Гость для нас — настоящая радость.

Моя мать выказала больше сдержанности.

— Это очень благовоспитанный человек, Лотти, — заметила она мне, — но я предпочла бы, чтобы он чаще мигал глазами. Я не люблю людей с неподвижными, точно застывшими, веками. Да, дорогая моя, мой жизненный опыт дал мне одно великое правило: наружность человека — ничто в сравнении с его поступками.

Сообщив это оригинальное наблюдение, мама обняла меня и предоставила меня моим собственным размышлениям.

Несмотря на свою наружность, доктор Октавий Гастер имел в нашем обществе огромный успех.

На следующий день он вошел в такие интимные отношения со всем домом, что полковник и слышать не хотел об его отъезде.

Он изумлял решительно всех обширностью и разнообразием своих познаний.

Нашему ветерану Крымской кампании он рассказал о Крыме много такого, о чем тот и не слыхивал.

Моряку он сообщил целую кучу сведений о Японии.

Он принялся даже и за моего жениха, большого любителя спорта, и читал ему целые лекции по поводу путешествий в лодке, рассуждая о рычагах, точках приложения сил, центрах сопротивления, пока, наконец, моему бедняге Чарли не пришлось уклониться от продолжения беседы.

Тем не менее он делал это с такой скромностью и осторожностью, что никто из собеседников не находил повода быть на него в претензии за поражение, понесенное к тому же в области своей специальности.

Во всех его словах и поступках замечалась какая-то спокойная сила, которая производила большое впечатление.

Я припоминаю один случай, очень поразивший всю нашу компанию.

У Тревора был огромный бульдог; он очень любил своего господина, но к фамильярностям прочих из нас относился очень нелюбезно.

Все домашние, как и следовало ожидать, очень косились на этого зверя, но так как студент был очень привязан к нему, то и решили на удалять его от дома и запереть в конюшню, где ему была устроена огромная конура.

За такое пренебрежение к собственной особе животное сильно невзлюбило нашего хозяина и рычало, скаля все свои огромные зубы каждый раз, как замечало его фигуру.

На следующий день после прибытия Октавия Гастера мы проходили мимо конюшни. Внимание гостя было привлечено рычанием пса.

— А! А! — заметил он. — Это ваша собака, мистер Тревор?

— Да, это Тоуцер.

— Бульдог, должно быть, из тех, что на континенте зовут национальным животным Англии.

— Да, чистокровный бульдог, — с гордостью подтвердил студент.

— Безобразные животные, очень безобразные. А не войдете ли вы в конюшню, чтобы снять с него цепь? Мне хотелось бы взглянуть на него на вольной воле. Просто жалко держать на привязи такое могучее, полное жизни животное.

— Но он любит кусаться, — с лукавой искоркой в глазах сказал Тревор. — Впрочем, вы, конечно, не струсите собаки.

— Струшу? О, нисколько; зачем же я струшу ее?

Когда Тревор открыл дверь конюшни, на лице его окончательно утвердилось ехидное выражение.

Чарли пробормотал что-то насчет того, что шутка переходит границы, но его слова были заглушены громовым рычанием, раздавшимся изнутри конюшни.

Все отошли на приличное расстояние, кроме Октавия Гастера, который остался стоять на пороге дверей с выражением скучающего любопытства на бледном лице.

— А эти красные точки в темноте, должно быть, его глаза? — спросил он.

— Да, — сказал студент, нагибаясь, чтобы развязать ремень.

— Иси! — сказал Октавий Гастер.

Ворчанье собаки вдруг превратилось в протяжный жалобный визг; вместо ожидаемого нами яростного прыжка она с шумом зарылась в солому, точно желая спрятаться в ней.

— Что за черт такой стряслось с нею? — воскликнул в смущении ее владелец.

— Иси! — сухим металлическим, неописуемо повелительным тоном повторил Гастер. — Иси!

К великому нашему удивлению, собака рысью выбежала из конюшни и улеглась у его ног; но это был совсем не тот воинственный Тоуцер, которого мы привыкли видеть.

Вялые опущенные уши, повисший хвост, унылое выражение некогда яростной морды — он стал живым олицетворением собачьего унижения.

— Очень хорошая собака, но на редкость мягкая, — произнес швед, глядя будьдога по спине.

— А теперь пошел-ка на свое место, сударь.

Пес сделал полуоборот и послушно отправился в свой угол.

Мы услышали звон цепи: это Тревор снова привязал собаку.

Минуту спустя он вышел из конюшни. Из пальца у него текла кровь.

— Черт поberi эту скотину! — выругался он. — Прямо-таки не понимаю, что с ним такое стряслось. Он у меня уж три года и еще ни разу не укусил меня.

Мне показалось, — ругаться, правда, не могу, — но мне показалось, что шрам на лице нашего гостя судорожно дрогнул, как бы от сдержанной улыбки.

Когда возвращаюсь к этим воспоминаниям, мне думается, что именно с этого момента я и начала испытывать страх и странное безграничное отвращение к этому человеку.

Глава IV

Недели шли одна за другой; приближался день нашей свадьбы.

Октавий Гастер все еще гостил в Тойнби-Холле.

Он так сумел понравиться хозяину дома, что brave солдат отвечал только смехом на малейшее напоминание об отъезде.

— Коли приехали сюда, так и не выберетесь; это решено, — с улыбкой говорил полковник.

Октавий Гастер улыбался, пожимал плечами, бормотал фразу-другую о красотах Девоншира и ими обеспечивал полковнику на весь день хорошее настроение духа.

Мы с моим возлюбленным были слишком заняты друг другом, чтобы обращать внимание на гостя.

По временам мы встречались с ним во время прогулок по лесу, причем обыкновенно находили его в самых пустынных частях его, занятого чтением.

Каждый раз, завидев нас, он неизменно прятал книгу в карман.

Я припоминаю только один случай, когда мы наткнулись на него так внезапно, что он не успел закрыть книги.

— А-о, Гастер! — вскричал Чарли. — Вечно за чтением! Да вы совсем ученый муж станете! Что это за книга? А-ха! Иностранный язык! Шведский, должно быть?

— Нет, — сказал Гастер, — не шведский, а арабский.

— Вы, значит, знаете по-арабски?

— О да, и даже недурно.

— А о чем тут идет речь? — спросила я, переворачивая страницы старинной, покрышейся плесенью книги.

— Ни о чем таком, что может интересовать такую молодую и прелестную особу, как вы, мисс Ундервуд, — сказал он, смотря на меня странным взглядом, каким всегда смотрел на меня последнее время. — Тут идет речь об эпохе, когда дух был сильнее материи, когда были могучие души, которые могли обходиться без помощи грубого тела и умели придавать всем вещам ту форму, которая им больше понравится.

— А, понимаю! Нечто вроде истории о привидениях, — определил Чарли. — Итак, до свиданья! Не хотим долее мешать вашим занятиям.

Мы оставили его под деревом, всецело погруженным в свой мистический трактат.

Само собой это был только плод моего воображения, но полчаса спустя мне показалось, будто за деревьями мелькнул его хорошо мне знакомый силуэт.

Я немедленно сообщила об этом Чарли, который не замедлил рассеять мои сомнения взрывом смеха.

Глава V

Теперь я хотела бы описать манеру, с какой смотрел на меня этот Гастер.

Его глаза теряли в эти моменты свой обычный стальной оттенок и принимали выражение, которое я назвала бы ласкающим.

Эти глаза странным образом беспокоили меня: я всегда чувствовала их, когда они устремлялись на меня.

Иногда я думала, что это ощущение происходит просто от нервов, но моя мать рассеяла все мои иллюзии на этот счет.

— Знаешь что, моя дорогая, — сказала она однажды вечером, войдя в мою спальню и бережно заперев за собой дверь, — не будь эта идея так невозможна, я подумала бы, что этот доктор безумно влюблен в тебя.

— Какие глупости, мама, — возразила я, так перепугавшись ее слов, что чуть не уронила свечку.

— Я положительно уверена в этом, Лотти, — продолжала мама. — Он смотрит на тебя так, что становится совсем похож на твоего отца. Вот в таком роде — видишь?

И моя старушка уставилась самым скорбным, молящим взором на одну из ножек кровати.

— Ложитесь лучше спать, — сказала я, — да постарайтесь забыть эти глупые мысли. В самом деле! Этот доктор не хуже вас знает, что я невеста!

— Поживем — увидим, — выходя, сказала старушка.

Эти слова еще звучали у меня в ушах, когда я легла в постель.

Странная вещь, но в эту самую ночь меня разбудила дрожь, которая хорошо знакома мне с тех пор.

Я бесшумно подошла к окну и стала смотреть в него между поперечин жалюзи.

На усыпанной песком дорожке высился худощавый фантастический силуэт нашего гостя.

Он как будто пристально смотрел на мое окно.

Должно быть он что-то заметил на жалюзи, так как закурил папиросу и зашагал по аллее.

Я отметила в памяти, что на следующее утро за завтраком он пояснил, что ночью почувствовал нервное волнение и что совершил небольшую прогулку для восстановления равновесия.

Обсудив дело хладнокровно, я пришла к заключению, что отвращение к этому человеку и внушаемое им недоверие основываются на очень шатких мотивах.

Можно иметь странное лицо, интересоваться литературным шарлатанством и даже смотреть с удовольствием на привлекательное личико, вовсе не будучи в то же время опасным обществом человеком.

Я говорю это, чтобы доказать, что даже и в тот момент я была совершенно беспристрастна и не руководствовалась в характеристике Октавия Гастера никаким предвзятым мнением.

Глава VI

— А что, — спросил однажды утром лейтенант Дзэби, — а что, если мы устроим сегодня пикник?

— О, это будет восхитительно! — хором ответили мы.

— Вы, конечно, знаете, что люди поговаривают, будто старику Шарку скоро дадут место, так что Тревору придется заменить его на мельнице. Поэтому нам надо постараться, чтобы он получил максимум удовольствия за остающееся короткое время.

— А что вы называете пикником? — спросил доктор Гастер.

— Это одно из наших английских увеселений, с которым вам придется познакомиться, — ответил Чарли. — Пикником мы называем небольшое путешествие на лоно природы.

— А, я понимаю, — сказал швед. — Это будет очень весело.

— Есть добрых полдесятка мест, куда можно отправиться, — продолжал лейтенант. — Неподалеку отсюда очень много живописных уголков: — «Прыжок Влюбленного», «Черная Гора», «Аббатство Бир-Феррис».

— Последнее местечко не из дурных, — прервал Чарли. — Руины для пикника самое лучшее место.

— Ладно, идет. Много ли до него пути?

— Шесть миль, — сказал Тревор.

— По дороге семь, — с солдатской точностью поправил полковник. — Мы с миссис Ундервуд останемся дома. Вы все свободно уместитесь в коляску, за кучера можете быть сами поочередно.

Мне нет надобности упоминать, что это предложение было встречено всеобщими аплодисментами.

— Ладно, — сказал Чарли, — через полчаса экипаж будет готов. Поэтому не будем терять времени. Нам нужно лососины, салаты, крупных яиц, кипяченой воды — целая куча вещей. Я возьму на себя напитки. А вы, Лотти?

— Я займусь посудой.

— Я — рыбой, — сказал лейтенант.

— А я — овощами, — прибавила Фан.

— Ну, а вы, Гастер, какое ампула себе изберете? — спросил Чарли.

— По правде сказать, — ответил своим певучим голосом швед, — выбор у меня невелик. Но я могу помочь дамам, а потом сумею оказаться полезным вам в приготовлении того, что вы называете салатом.

— В последнем ампула вы будете иметь больше успеха, чем в первом.

— А? Что вы сказали? — спросил он, вдруг оборачиваясь ко мне и краснея до корней волос. — Да! Ха, ха! Хорошо сказано!

И он с фальшивым смехом крупными шагами вышел из комнаты.

— Послушайте, Лотти, — тоном упрека начал мой жених, — вы обидели этого человека.

— Я, право, не нарочно, — оправдывалась я. — Если хотите, я пойду и скажу ему это.

— О! Не стоит того, — вмешался Дэзби. — С такой рожей, как у него, человек не вправе быть таким обидчивым. Он живо успокоится.

Я, право, не имела ни малейшего намерения оскорбить Октавия Гастера, но тем не менее была очень зла на себя за то, что причинила ему неприятность.

Уложив в корзину ножи и тарелки, я увидела, что другие еще не справились со своей работой.

Момент показался мне как раз подходящим для того, чтобы извиниться за мою необдуманную фразу.

И вот, никому не сказав ни слова, я быстро пробежала по коридору к дверям комнаты нашего гостя.

Легкость ли походки была тому причиной или пышность ковров Тойнби-Холла, только мистер Гастер не заметил моего присутствия в коридоре.

Дверь его комнаты была открыта.

Я подошла ближе и заглянула в дверь.

В позе доктора было что-то такое странное, что я буквально окаменела на месте от удивления.

Он читал, держа в руке, газетную вырезку, содержание которой, видимо, очень забавляло его.

Но в его веселости было что-то страшное: все тело его содрогалось, но губы не издавали ни звука.

На лице, которое я видала в профиль, было выражение, какого я еще не видала в жизни. Я могу сравнить его только с восторгом дикаря.

В тот самый момент, как я собиралась сделать шаг вперед и постучать в дверь, он снова содрогнулся всем телом и бросил бумажку на стол, а затем поспешно вышел из комнаты в другую дверь, ведущую через прихожую в бильярдную.

Шаги его затихли вдали, и я снова оглядела комнату.

Что именно, какая смешная вещь могла вызвать такую веселость в таком серьезном человеке? Это, очевидно, должен был быть какой-нибудь юмористический шедевр.

На свете есть мало женщин, обладающих принципами, которые могли бы оказаться сильнее любопытства.

Внимательно оглядевшись и убедившись, что в коридоре никого нет, я скользнула в комнату и взяла со стола вырезку.

Это бы кусок страницы английской газеты; его, видимо, долго хранили и не раз перечитывали: некоторые строчки можно было прочесть только с большим трудом.

Текст этой вырезки, по-моему, был далеко не смехотворного характера.

Если мне не изменяет память, вот ее содержание:

«ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ В ДОКАХ»

Во вторник утром найден мертвым в своей каюте владелец паровой барки «Ольга».

По имеющимся сведениям, покойный обладал очень вспыльчивым характером и имел частые стычки со своим судовым хирургом.

В день своей смерти он вел себя особенно буйно, обзывая хирурга некроманом и поклонником дьявола.

Последнему, чтобы не подвергнуться насилию, пришлось убежать на мостик.

Как вскоре после этого бегства слуга вошел в его каюту, то нашел капитана мертвым.

Его смерть объясняется болезнью сердца, роковой исход которой был ускорен припадком гнева.

Сегодня будет произведено детальное следствие».

Таково было содержание вырезки, которую этот человек считал шедевром юмористики.

Я поспешила спуститься вниз.

Я была поражена удивлением, смешанным с отвращением.

Тем не менее у меня хватило справедливости не сделать на этот раз того мрачного предположения, которое впоследствии не раз приходило мне на ум.

Я посмотрела на этого человека как на живую загадку, в одно и то же время и любопытную, и отталкивающую.

Во время пикника мне казалось, что у него исчезло всякое воспоминание о моей неудачной фразе.

Он был по обыкновению мило любезен; его салат был единогласно провозглашен шедевром кулинарного искусства. Он очень развлекал нас красивыми шведскими мотивами, сказками и песнями разных стран и народов.

После закуски беседа перешла на предмет, к которому он, видимо, питал особенный интерес.

Не помню, кто именно из нас заговорил о сверхъестественном.

Как будто это был Тревор, рассказавший какое-то комичное приключение, случившееся в Кембридже.

Его рассказ произвел странное впечатление на Октавия Гастера, который с порывистой жестикующей своими длинных рук произнес горячую тираду против лиц, сомневающих в существовании сверхчувственного мира.

— Скажите, — взволнованно восклицал он, — был кто-нибудь из вас свидетелем ошибки того, что вы называете инстинктом? Дикая птица обладает инстинктом, который безошибочно указывает ей, на какой именно из бесчисленных одиноких рифов открытого моря ей следует класть яйца. При приближении зимы ласточка летит к югу; что ж — известны вам случаи, чтобы ласточки ошибались? Нет, нет; я смело утверждаю, что инстинкт, который присущ каждому ребенку, говорит нам, что кру-

гом нас существуют неизвестные духи. И я верю его свидетельству.

— Продолжайте, Гастер, — сказал Чарли.

— А лучше поверните на другой галс, — предложил моряк.

— Никогда, — возразил швед, не обращая внимания на иронию. — Мы видим, что материя существует независимо от духа. Почему же не предположить существования духа вне материи?

— Предположим, — вставил лейтенант.

— У нас есть и доказательство этому, — продолжал Гастер с горящими одушевлением глазами. — В этом невозможно сомневаться, прочтя книгу Штейнберга о духах, или труд великой американки мадам Крау. А Густав фон Шпее, который встретил своего брата на улицах Страсбурга, между тем как этот брат утонул три месяца назад в Тихом океане? А спирит Юм, который парил средь бела дня над крышами парижских домов? Кто не слышал никогда голосов умерших близких? Я сам...

— Ну, ну? Что же вы сами? — заговорили мы наперебой.

— Нет, это так только... не в счет, — произнес Гастер, проводя рукой по лбу и делая видимое усилие взять себя в руки. — Правду говоря, теперешний наш разговор слишком грустен для такой чудесной обстановки, и нам бы лучше избрать другой предмет.

И нам, несмотря на все старания, так и не удалось вытянуть из Гастера ни слова насчет его собственной причастности к сверхъестественному.

Пикник наш удался блестяще.

Близкая разлука как будто подстрекала каждого из нас лезть из кожи, чтобы поддержать общее веселье.

После состязания в стрельбе Джек должен возвратиться на свое судно, а Тревор в университет.

Нам же с Чарли приходилось становиться к венцу и жить вместе — солидной, всеми уважаемой супружеской четой.

Это состязание в стрельбе вызывало среди нас массу разговоров.

Стрельба была всегдашним «дада» Чарли.

Он был капитаном команды девонских стрелков-волонтеров, сформированной в Роборо, которая хвасталась тем, что имеет в своих рядах большинство лучших стрелков графства.

Соперником этой команды на состязании должна была выступить группа избранных стрелков Плимутского гарнизона; такими противниками нельзя было пренебрегать, и потому исход соревнования представлялся знатокам сомнительным.

— Тир находится не дальше, чем в миле расстояния от Тойнби-Холла, — говорил мне Чарли. — Мы поедем туда в экипаже, и вы увидите, как мы их отделаем. Вы принесете мне счастье, Лотти, — вполголоса прибавлял он. — Я вполне уверен в этом.

О! Мой бедный дорогой возлюбленный! Ну и счастье же я вам принесла...

Этот прекрасный летний день был омрачен для меня одним темным облачком.

Я уже не могла более сомневаться в справедливости подозрений моей мамы и в любви ко мне Октавия Гастера.

По пути с пикника он не спускал с меня глаз.

Кроме того, во всех его речах ко мне слышался оттенок, говоривший больше и ярче слов.

Я чувствовала себя точно на иголках, я боялась, как бы Чарли не заметил чего-нибудь, так как знала его вспыльчивый характер. Но ему даже в голову не приходила мысль о таком вероломстве.

Только раз он с добродушным удивлением поднял глаза на Гастера, когда тот настоял на том, чтобы освободить меня от букета, который я держала в руках; но это удивление скоро сменилось улыбкой: он отнес эту внимательность к обычной услужливости Гастера.

Мне в ту минуту стало только жаль чужестранца и неловко за то, что я служу косвенной причиной его несчастья.

Я думала о том, какая это мука для такого сурового, серьезного человека быть жертвой жгучей страсти, о которой ему запрещают заикнуться хоть словом честь и самолюбие.

Увы! Я не принимала в расчет бесстыдство и беспринципность этого человека, в которых мне скоро пришлось убедиться на опыте.

В конце нашего сада была беседка, которая долго служила для вас с Чарли нашим любимым местом свиданий.

Она была вдвойне дороже благодаря тому, что именно в ней мы впервые обменялись словами любви.

Я рассчитывала обождать там Чарли, который должен был прийти в беседку, когда выкурит сигару в обществе прочих гостей Тойнби-Холла.

В этот вечер он задержался, как мне показалось, дольше обыкновенного.

Я ждала его с нетерпением. Каждую минуту я подходила к порогу беседки, ожидая, не услышу ли его походку.

Вернувшись от порога, я только что собиралась сесть на скамейку, как услышала шаги на дорожке и увидела чью-то тень.

Я с радостной улыбкой устремилась к дверям; но улыбка моментально сменилась выражением удивления и даже страха, когда я увидела перед собой худую бледную физиономию Октавия Гастера.

В его манере и в самом деле было нечто, способное внушить недоверие любой женщине на моем месте.

Вместо того чтобы сразу же раскланяться, он обвел глазами сад, как бы для того, чтобы удостовериться, что мы совершенно одни.

Потом он крадущейся быстрой походкой вошел в беседку и уселся на стул, находившийся между мной и дверью.

— Не бойтесь, — сказал он, заметив тревогу на моем лице. — вам нечего бояться. Я пришел сюда только для того, чтобы иметь возможность поговорить с вами.

— Вы не видали мистера Пиллара? — спросила я, делая страшное усилие, чтобы принять самоуверенный вид.

— А-ха! Не видал ли я вашего Чарли? — едким тоном повторил он. — Вы, значит, ждали его? Что ж, разве с тобой, моя птичка, имеет право беседовать только Чарли?

— Мистер Гастер, вы забываетесь!

— Чарли и Чарли, и вечно Чарли, — продолжал, не обращая внимания на мою фразу, Гастер. — Да я видел его, этого Чарли. Я сказал ему, что вы дожидаетесь его на реке, и он моментально помчался туда на крыльях любви.

— К чему была эта ложь? — спросила я, делая новое усилие, чтобы не потерять хладнокровие.

— Чтобы иметь возможность видаться и говорить с вами. Неужели вы любите его так сильно? Неужели слава, богатство, могущество, размеры которого невозможно себе представить, неспособны побороть этот первый любовный девичий каприз? Бегите со мной, Шарлотта,

и вы будете иметь все — и славу, и богатство, и могущество.

И он умоляющим движением протянул ко мне свои длинные руки.

Даже и в этот момент мне бросилось в глаза их сходство со щупальцами гигантского паука.

— Вы меня оскорбляете, сэр! — вставая, вскрикнула я. — Вы жестоко полагаетесь за такое поведение пред беззащитной девушкой.

— Ах! Вы только говорите это, но не думаете. В вашем нежном сердце наверное найдется хоть капля жалости к несчастнейшему из смертных. Нет, вы не уйдете отсюда, не выслушав меня.

— Пропустите меня, сэр.

— Нет, вы не выйдете, покуда не скажете, могу ли я надеяться завоевать вашу любовь.

— Как вы смеете говорить мне подобные вещи? — во весь голос крикнула я, чувствуя, что негодование во мне начинает сменяться страхом. — Вы, гость моего будущего мужа! Скажу вам раз навсегда — я чувствую к вам лишь отвращение и презрение; вы рискуете превратить их в открытую ненависть.

— А! Вот как, — задыхающимся голосом прохрипел он, неверной походкой приближаясь ко мне и поднося руку к горлу, точно чувствуя затрудненность речи. — Значит, моя любовь вызывает у вас ненависть. А! — продолжал он, приближая свое лицо вплотную к моему лицу, так что мне пришлось отвести глаза в сторону, чтобы не видеть его вдруг остекленевших глаз. — А! Теперь я понимаю! Вот причина этому.

И он ударил кулаком по своему ужасному шраму.

— Молодые девушки недолюбливают таких штучек. Да, у меня нет прилизанной, загорелой, чисто выбритой мордочки, как у этого Чарли — этого зубрилы-школьника, этого здорового животного, не желающего ничего знать, кроме спорта и...

— Пропустите меня! — крикнула я, бросаясь к двери.

— Нет, вы не уйдете, — прошипел он, отталкивая меня назад.

Я яростно отбивалась от его объятий.

Его длинные руки охватили меня, словно стальной лентой.

Я чувствовала уже, что меня покидают последние силы, и только что хотела сделать последнее отчаянное усилие

освободиться, как вдруг какая-то неодолимая сила оторвала от меня нападающего и швырнула его далеко на песок аллеи.

Я подняла глаза.

Я увидела в дверях высокую фигуру и широкие плечи Чарли.

— Бедняжка моя, — проговорил он, сжимая меня в объятиях, — сядьте сюда... вот в этот угол. Опасность миновала. Еще одну минуту, и я вернусь к вам.

— О, не покидайте, не покидайте меня, Чарли, — прошептала я, когда он повернулся уходить.

Он не стал слушать мои мольбы и большими шагами вышел из беседки.

Мне из моего угла не было видно ни того ни другого, но я ясно слышала их разговор.

— Животное, — говорил голос, который я едва могла признать за голос моего жениха, — так вот зачем вы отправили меня по ложному пути?

— Да, именно затем, — небрежным тоном сказал иностранец.

— И вот как вы платите нам за гостеприимство, негодяй.

— Да мы немножко... позабавились в вашей восхитительной беседке.

— Мы!.. Вы еще находитесь на моей земле, и мне не хотелось бы подымать на вас руку, но, клянусь небом...

Чарли говорил теперь тихим прерывающимся голосом.

— Зачем вы клянетесь? В чем, собственно, дело? — медленно произнес Октавий Гастер.

— Если вы осмелитесь примешивать к этой истории имя мисс Ундервуд и инсинуировать...

— Инсинуировать? Я ничего не инсинуирую. Я говорю прямо и открыто, во всеуслышание, что эта барышня, кажущаяся такой невинной, сама попросила...

Я услышала глухой удар и шорох гравия аллеи.

Я была слишком слаба, чтобы тронуться с места. Я только всплеснула руками и издала легкий крик.

— Собака, — сказал Чарли, — повторите это еще раз, и я заткну вашу пасть навеки.

После короткого молчания послышался странный, хриплый голос Гастера.

— Вы ударили меня, — пробормотал он. — Вы пролили мою кровь!

— Да, и я снова ударю вас, как только вы снова покажете свой клюв в наши места. Да не смотрите на меня так. Вы думаете, я испугаюсь ваших гримас?

При последних словах Чарли мною овладело какое-то неопишемое ощущение, заставившее меня встать с места и взглянуть на них, прислонившись к косяку двери.

Чарли стоял в оборонительной позе, откинув назад свою юную голову, с видом человека, гордящегося причиной боя.

Против него стоял Октавий Гастер; он смотрел ему прямо в лицо, кусая себе губы со странным выражением в жестоких глазах.

Из его губы сильно текла кровь, пачкавшая его зеленую манишку и белый жилет.

Он сразу заметил меня, лишь только я показалась в дверях беседки.

— А! А! Вот и она сама, — вскричал он, разражаясь демоническим смехом. — Вот и ваша невеста. Честь и место невесте! Да здравствует счастливая парочка! Честь и место счастливой парочке!

Снова расхохотавшись, он повернулся и, прежде чем мы успели догадаться, что он намерен делать, в один момент перескочил через забор, окружавший сад.

— О, Чарли, — сказала я, когда мой жених подошел ко мне, — вы сделали ему больно.

— Больно! Надеюсь, что да. Идемте. Дорогая моя, вы сильно испугались и выглядите совсем разбитой. Он не ранил вас?

— Нет, но я вот-вот упаду в обморок.

— Пойдемте потихоньку домой. Экий негодяй! План у него был недурен. Он сказал мне, что видел вас на берегу реки; на пути туда я встретил молодого Стокса, сына сторожа, возвращавшегося домой с рыбной ловли. Он сказал мне, что там нет ни души. Я моментально вспомнил тысячу мелочей, убедился во лжи Гастера и во всю мочь полетел в беседку.

— Чарли, — сказала я, прильнув к жениху, — я боюсь его, боюсь, как бы он тем или иным способом не отомстил нам. Помните выражение его глаз, когда он перескочил через забор?

— Фью! — присвистнул Чарли. — Эти иностранцы всегда принимают грозный вид, когда злятся, но обыкновенно им только и ограничиваются.

— Я все-таки боюсь его, — с болью в голосе произнесла я, подымаясь по ступенькам лестницы, — и дорого дала бы за то, чтобы вы не ударили его.

— Я и сам охотно взял бы назад удар, так как он был, несмотря на все свое нахальство, нашим гостем. Но дело сделано, а кроме того, такую дерзость трудно перенести человеку, у которого в жилах течет кровь, а не водица.

Мне приходится упомянуть лишь вскользь про события нескольких последующих дней.

Для меня лично эти дни были периодом ничем невозмутимого счастья.

С отъездом Гастера у меня точно сняли тяжесть с сердца; то же чувство испытывали и прочие обитатели Тойнби-Холла.

Я снова стала легкомысленной девушкой, какой была до приезда иностранца.

Сам полковник и тот перестал горевать об его отъезде, благодаря тому интересу, который возбуждало во всех нас грядущее состязание, одним из участников которого должен был быть его сын.

Это состязание было главенствующей темой всех наших разговоров.

За успех команды из Роборо составлялась масса пари.

Джек Дэзби съездил в Плимут и собрал там среди моряков несколько сторонников моему брату.

Он устроил это таким своеобразным манером, что в случае победы Роборо он проигрывал семнадцать шиллингов, в противном же случае... Но тут он не давал никаких объяснений.

Мы с Чарли согласились никогда не вспоминать имени Гастера и хранить в тайне все происшедшее.

На следующий день после сцены в саду Чарли послал в комнату Гастера слугу с приказом забрать и доставить в ближайшую харчевню все ее содержимое.

Но вещи шведа оказались уже исчезнувшими, хотя никто из прислуги не мог сказать, когда или как это произошло.

Глава VII

Мне мало известно таких очаровательных мест, каким является стрелковое поле в Роборо.

Длина его достигает полумили.

На нем произведена весьма тщательная нивелировка, так что мишени можно ставить на дистанцию от двухсот до семисот ярдов; самые отдаленные из них кажутся небольшими белыми квадратиками, ярко рисующимися на зелени лесистых холмов.

Само поле составляет часть обширной равнины; его края, помаленьку поднимаясь, переходят в небольшую возвышенность. Благодаря этой симметричности очертаний эта равнина может представиться человеку с воображением в виде результатов работы какого-то гиганта, вогнавшего в землю свою огромную лопату, но по первой же порции земли угадавшего, что почва тут никуда не годится.

Он мог пойти дальше и предположить, что гигант оставил тут же вынутую кучу земли, так как на одной из окраин поля имелось довольно значительное возвышение, с которого видно было все поле по длинной его оси.

Именно на этом возвышении и помещалась площадка, с которой должна была производиться стрельба. Сюда-то мы и направились в роковой полдень.

Наши конкуренты прибыли раньше нас в сопровождении целой кучи морских и пехотных офицеров.

Длинный ряд всякого рода экипажей доказывал, что добрые горожане Плимута воспользовались роскошным случаем повеселить своих жен и детей прогулкой в деревню.

На вершине упомянутого холма была устроена трибуна для дам и для почетных гостей, которая сильно оживляла сцену наравне с палатками участников и открытым буфетом.

На состязание явилась масса крестьян, с азартом ставивших свои полукроны на местных чемпионов, на что наши воины отвечали с не меньшей горячностью.

Чарли, Тревор и Джек счастливо провели нас сквозь это живое месиво орущих, разгоряченных людей и поместили нас в трибуну, откуда мы могли отлично видеть все, что происходит кругом. Но мы скоро так увлеклись открывшимся перед нашими глазами великолепным видом, что совсем перестали обращать внимание на пари, давку, толкотню и остроты волновавшейся внизу толпы.

Далеко-далеко на юге виднелись синие дымки Плимута, спирально подымавшиеся вверх в спокойном, прозрачном летнем воздухе.

Далее расстилалось бесконечное, огромное, мрачное море, местами испещренное полосами пены от случайной волны, как бы протестующей против глубокого покоя природы.

Перед нами, точно на гигантской карте, расстился весь Девонширский берег Англии от Эддистона до Старта.

Я все не могла оторваться от чудного зрелища, как вдруг меня привел в себя голос Чарли, в котором слышалась еле уловимая нотка упрека.

— Э, Лотти! Вас как будто вовсе не интересует то, что происходит здесь.

— О нет, очень интересует, друг мой, — поспешила сказать я, — только пейзаж так очарователен, а море всегда было моей слабостью. Давайте сядемте, и вы расскажете мне про состязание. Объясните мне, как нам узнать, победили ли вы или потерпели поражение.

— Я уже начал объяснять, но могу повторить.

— Пожалуйста.

И я уселась внимательно слушать.

— Итак, — начал Чарли, — с каждой стороны выступает по десяти стрелков. Стреляют по очереди: сначала один из нас, потом один из них и так далее... понимаете?

— Да, это я понимаю.

— Стрельба начинается с дистанции в двести ярдов. Это — самая близкая из всех мишеней. По этой мишени мы даем пять выстрелов, потом — пять по следующей, более удаленной, и снова пять — по мишени в семистах ярдах расстояния. Вон она там, довольно высоко на откосе холма. Победителями считаются те, у кого больше очков. Поняли, в чем дело?

— О да, это очень просто.

— А знаете вы, что такое бычачий глаз? — спросил Чарли.

— Какое-нибудь пирожное? — наудачу сказала я.

Чарли был поражен глубиной моего невежества.

— Бычачий глаз — это черная точка в центре мишени. Если вы попадете в него, вам засчитывают пять очков. Вокруг этой точки начерчен кружок, которого вы не разглядите отсюда; он называется центром мишени; попадание в центр дает четыре очка. Остальная поверхность мишени называется «площадью» и дает попавшему три очка. Место попадания вы узнаете по цветному диску, который выкидывается маркером. Он же заделывает дыру в мишени от попавших в нее пуль.

— О, теперь я отлично все понимаю! — в восторге воскликнула я. — И знаете, что я думаю сделать, Чарли? Я буду записывать результаты каждого выстрела на бумажке и таким образом буду знать судьбу Роборо.

— Это будет великолепно, — смеясь, одобрил он мою идею и большими шагами поспешил присоединиться к группе своих стрелков, потому что раздался звонок, вещавший начало состязания.

Я заметила в траве кучку лежащих на ней людей в красных куртках.

Слева от этой группы лежала другая, в серых куртках.

— Бум!

Раздался выстрел, и из травы поднялось облачко синеватого дыма.

Фанни вскрикнула, и я радостно подхватила ее крик, потому что увидела белый диск, означавший попадание в бычачий глаз.

Этот выстрел принадлежал одному из стрелков из Роборо.

Мой восторг был, впрочем, скоро охлажден следующей пулей, принесшей пять очков армейцам.

Следующий выстрел снова попал в «быка», но был моментально отквитан противной партией.

К концу отдела стрельбы на короткую дистанцию обе группы стрелков имели по сорок девять очков из максимума в пятьдесят, то есть игра вышла вничью.

— Это становится интересно, — сказал Чарли, подходя к трибуне. — Через несколько минут мы приступим к дистанции в пятьсот ярдов.

— О, Чарли, — вне себя от волнения вскричала Фанни, — ради бога не осрамитесь!

— Я сделаю все, что могу, — весело уверил ее Чарли.

— Пока что вы все время попадали в глаз, — вмешалась я.

— Да, но это не так легко, когда приходится подымать мушку. Но мы сделаем все, что в наших силах. Они набрали себе отличных стрелков на большие дистанции. Подите сюда на минуту, Лотти.

— В чем дело, Чарли? — спросила я, когда он отвел меня в сторону.

Я видела у него на лице выражение тревоги.

— Опять этот субъект, — недовольно проворчал он. — И кой черт принес его сюда? А я уж думал, что мы никогда не встретимся с ним.

— Какой субъект? — заикаясь, спросила я, чувствуя, как сердце у меня сжимается каким-то смутным предчувствием.

— Да эта шельма-швед, как его... Октавий Гастер.

Я проследила глазами за взором Чарли и убедилась, что он прав.

На буторке, совсем близко от того места, где лежали стрелки, чернел высокий угловатый силуэт иностранца.

Он как будто не обращал никакого внимания на сенсацию, производимую его странной фигурой среди окружавшей его толпы плотных, грубо сколоченных крестьян.

Он вытягивал то в одну, то в другую сторону свою длинную худую шею, как бы отыскивая кого-то.

Его взор упал на нас с Чарли в тот самый момент, когда мы внимательно смотрели на него; несмотря на отделявшее нас расстояние, мне почудилось, что глаза его сверкнули лучом ненависти и торжества.

Мной овладело странное предчувствие, я обеими руками уцепилась за руку любимого человека.

— О! Чарли, — вскричала я, — не покидайте меня, откажитесь от участия в состязании — придумайте какой-нибудь предлог и поедьте домой!..

— Какие глупости, малютка моя, — весело смеясь, перебил он. — Чего вы так вдруг испугались?

— Это он, все он!

— Не будьте же такой глупенькой, дорогая. Судя по вашим отзывам о нем, это выходит не человек, а какой-то полубог. Но вот и звонок. Нам надо расстаться.

— Хорошо, — вскричала я, идя вслед за Чарли, — тогда обещайте мне не приближаться к нему!

— Хорошо, хорошо.

Мне пришлось удовольствоваться этой уступкой.

Глава VIII

Стрельба на дистанцию в пятьсот ярдов тоже вышла очень горячей и интересной.

Вначале Роборо опередило противников на два очка, но потом ряд попаданий в бычачий глаз одного из лучших стрелков последних склонило победу на их сторону.

Этот отдел состязаний кончился поражением нашей группы, уступившей армейцам три очка, — результат,

встреченный громом аплодисментов плимутцев и вытянутыми лицами крестьян.

Все время стрельбы Октавий Гастер оставался неподвижен и бесстрастен на бугорке, на котором поместился с самого начала.

Мне казалось, что он мало обращает внимания на зрелище: он стоял, повернувшись вполоборота к маркерам у мишеней и бесцельно устремив глаза вдаль.

Один момент он обернулся ко мне профилем.

Мне почудилось, будто его губы быстро двигаются, точно шепча молитву. Возможно, впрочем, что это была лишь обман зрения, вызванный вибрацией горячего летнего воздуха.

Как бы там ни было, но я ясно помню, что видела движение этих губ.

Скоро было приступлено к стрельбе на наибольшую дистанцию, результат которой должен был решить исход всего состязания.

Стрелки из Роборо приступили к делу с мрачной решимостью наверстать упущенные три очка; с другой стороны, и пехотинцы давали себе слово не уступать.

Послышались выстрелы.

Волнение зрителей возросло до такой степени, что они сгрудились вокруг стрелков и разражались взрывом аплодисментов при каждом попадании в бычий глаз.

Мы, со своей стороны, тоже поддались общему увлечению, сошли с трибуны и смешались с толпой, решаясь терпеливо вынести толкотню и давку, лишь бы не упустить ничего из работы наших чемпионов.

Солдаты набили себе семнадцать очков, наши — шестнадцать.

Местные жители были сильно разочарованы.

Тем не менее положение улучшилось, когда обе стороны сравнялись на двадцати четырех, и прояснилось окончательно, когда наши считали за собой тридцать два против тридцати их противников.

Но теперь надо было еще отвоевать три очка, потерянных на средней дистанции.

Мало-помалу число очков возрастало, и обе команды делали отчаянные усилия обеспечить за собой победу.

Но вот по толпе пронеслась волна дрожи: последний из красных курток сделал выстрел; у наших был еще выстрел, у солдат было лишку на четыре очка.

Мы, женщины, вообще говоря, очень равнодушные ко всякого рода спорту, дошли до такой степени увлечения, что были совершенно поглощены состязанием, которое должно сейчас решиться в пользу той или другой партии.

Если последний из наших чемпионов выбьет бычачий глаз, игра была за нами.

От этого последнего выстрела зависела судьба серебряного кубка, славы лучших стрелков и закладов, державших нашу сторону.

Читатель легко поймет, что мой интерес к зрелищу мог только возрасти, когда я, вытянув шею и поднявшись на цыпочки, увидала, что Чарли с величайшим хладнокровием вкладывает в свое ружье свежий патрон.

Итак — честь Роборо всецело зависела от его талантов.

Именно это обстоятельство должно быть и дало мне силы протолкаться через толпу и занять место в первом ряду зрителей, откуда можно было видеть решительно все.

По обе стороны от меня стояли два гигантского роста фермера; дожидаясь желанного выстрела, я не могла не прислушаться к их разговору, шедшему поверх моей головы, на грубом девонском наречии.

— Ну и портрет у этой длинноногой цапли, — сказал один.

— А, да, — добродушно согласился другой.

— Да ты посмотри на него. Ты никогда не видал его раньше?

— Ей-ей, Джек, я и так поверю тебе. Но смотри-ка — он пузыри начинает пускать, точь-в-точь как та собака фермера Ватсона — помнишь, та маленькая, что подохла от бешенства.

Я оглянулась, чтобы поглядеть на предмет их наблюдений, и сразу же увидала доктора Октавия Гастера, о котором я успела совсем забыть в увлечении состязанием.

Лицом он стоял ко мне, но мне было ясно, что он не видит меня.

Его взгляд был неподвижно устремлен на половину пути между мишенью и им самим.

До этого момента я не видела ничего, что было бы достойно сравнения с напряженностью его взгляда, от которой белки его глаз налились кровью и выпучились, между тем как зрачки сузились до последней степени возможности.

По его достойному трупa лицу текли струйки потa, а на углах рта, как совершенно верно подметил один из фермеров, выступили пузырьки сероватой пены.

Челюсти были сжаты отчаянным усилием воли, требовавшим напряжения всех сил души.

Это отвратительное лицо никогда не изгладится из моей памяти и до дня моей смерти будет мерещиться мне во время сна.

Я дрожала всем телом. Я отвернула голову прочь, питая напрасную надежду, что фермер окажется прав и что все экстравагантности этой личности объяснятся сумасшествием.

Когда Чарли, зарядив карабин и с довольным видом стукнув ладонью по прикладу, начал укладываться на указанное ему место, кругом воцарилась торжественная тишина.

— Превосходно, мистер Чарльз, превосходно, — сказал старик-сержант Мак-Интош, старшина нашей команды. — Расчет и твердость руки — и ваше дело в шляпе.

Мой Чарли, уже лежа на траве, ответил старшему солдату улыбкой и начал прицеливаться среди мертвой тишины, позволявшей расслышать шелест травы, колыхаемой легким бризом.

Он целился около минуты времени.

Он уже как будто готовился нажать собачку карабина; глаза всех были обращены на далекую мишень, как вдруг стрелок вместо того, чтобы выстрелить, покачнувшись, стоя на коленях, и выпустил из рук карабин.

Все были страшно удивлены смертельной бледностью его лица, по которому ручьями струился пот.

— Мак-Интош, — странным задышающимся голосом заговорил он, — между мной и мишенью стоит кто-то.

— Что — между вами?.. Да нет, там никого нет, сэр, — сказал, видимо, пораженный сержант.

— Сюда, друг мой, сюда! — кричал Чарли, хватая его за руку и поворачивая лицом к мишени. — Неужели вы не видите его прямо на линии выстрела?

— Там нет ни души, — закричало с полдюжины голосов сразу.

— Как так ни души? Ах, и в самом деле, это мне показалось, должно быть, — сказал Чарли, проводя рукой по лбу. — А все-таки я могу поклясться... Ладно, давайте сюда карабин.

Он снова лег на землю и медленно поднял оружие к плечу.

Но едва он приложился, как издал громкий крик и поднялся на ноги.

— Ну, — сказал он, — повторяю вам, я ясно вижу его. Это человек в серой куртке вашей команды и страшно похож на меня. Да — это мой двойник. Вы что ж это — сговорились дурачить меня? — злобно заговорил он, обращаясь к толпе. — Ну-с, неужели найдется кто-нибудь из вас, кто скажет, что не видит человека, как две капли воды похожего на меня, который удаляется от мишени и находится теперь не далее, чем в двухстах ярдах от меня?

Я в один момент очутилась бы рядом с Чарли, если бы не знала, как ему ненавистно всякое женское вмешательство — вообще все, что имеет хоть намек на сцену.

Мне оставалось молча прислушиваться.

— Я протестую, — подвигаясь вперед, сказал какой-то офицер. — Этот господин должен стрелять. В противном случае мы уйдем и провозгласим себя победителями.

— Но я убью его! — вскричал бедный Чарли.

— Что за комедия! Стреляйте в него, черт возьми! — крикнуло полдюжины мужских голосов.

— Дело в том, — сказал один из солдат соседу, — что у этого молодого человека расходились нервы. Он заметил это и старается увильнуть.

Этот осел никогда, конечно, не узнает, как близок он был к тому, чтобы получить звонкую пощечину от женской руки.

— Это все штуки «Мартеля — три звездочки», — вполголоса произнес другой. — С ним всегда дело доходит до чертовщины. Я сам испытал это и потому сразу вижу его действие на ближнем.

Смысл этого замечания был не понят мною; не будь этого — его автору пришлось бы подвергнуться той же опасности, что и его товарищу.

— Что ж, будете вы стрелять или не будете? — крикнуло несколько голосов сразу.

— Да, да, буду, — простонал Чарли. — Я выстрелю ему прямо в грудь. Это кончится убийством — ей-богу так!

Я никогда не забуду безумного взгляда, которым он обвел толпу.

— Я целю насквозь него, Мак-Интош, — прошептал он, ложась на траву и в третий раз поднося к плечу ружье.

Момент напряженного ожидания — и сверкнуло пламя выстрела. Кругом загремели аплодисменты.

— Отлично, юноша! Превосходно! — раздался рев сотни девонширцев, когда над мишенью взвился белый диск, остановившийся перед бычачьим глазом, возвещаая таким образом нашу победу.

— Славный выстрел, парень! Это молодой Пиляр из Тойнби-Холла! Качать его, ребята! Снесем его домой на руках! Да здравствует Роборо! Вот и он сам на траве. Легче, сержант Мак-Интош! Что такое? В чем дело?

В толпе воцарилось страшное молчание, сменившееся затем перешептываниями и вздохами сожаления.

— Оставьте ее! Оставьте! Пусть бедная девочка поплачет на свободе.

Над полем снова царил тишина, нарушаемая лишь жалобными женскими стонами и плачем.

Мой Чарли, мой красавец Чарли лежал мертвым, все еще сжимая ложе карабина.

Я точно во сне слышала крутом слова участия и сожаления.

Я слышала дрожащий от боли голос лейтенанта Дэзби, умолявшего меня совладать с горем.

Я чувствовала, как его рука осторожно отвела меня от трупа моего возлюбленного.

Вот и все, что я помню; а потом — мрак неизвестности вплоть до того дня, когда я очнулась в комнате для больных в Тойнби-Холле. Тут я узнала, что провела три недели в жесточайшей горячке, сопровождаемой страшным бредом.

Но неужели больше я ничего не помню?

По временам мне кажется — нет и нет.

Мне как будто припоминается момент сознания среди ночей сплошного бреда.

Мне чудится фигура сиделки... она выходит из комнаты... В окне появляется длинная, тощая бескровная фигура, и я слышу голос.

Голос этот говорит:

— Я посчитался с твоим возлюбленным. Теперь мне остается посчитаться с тобой.

Голос кажется мне знакомым. Я как будто уже слышала его где-то. Быть может, во сне?..

— И это все? — скажет читатель. — И на таких-то основаниях истеричная женщина позорит в газетах имя безобидного ученого? И на основании таких слабых улик

строит против него обвинения в самых чудовищных преступлениях?

Да, да. Я понимаю, что на вас, читатель, описанные мной события не могут произвести такого впечатления, как на меня.

Я знаю одно.

Я знаю, что если бы я очутилась на середине моста, один край которого сторожил бы Октавий Гастер, а другой — страшнейший из тигров индийских джунглей, я моментально, не колеблясь ни секунды, бросилась бы к тигру просить его защиты.

Моя жизнь разбита навеки.

Как бы она ни кончилась, мне все равно.

Желаний нет у меня больше.

Я желаю одного — чтобы мое писанье послужило помехой этому чудовищу в его дальнейших замыслах на жизнь честных людей.

Глава IX

Менее чем через пятнадцать дней после окончания приведенного выше правдивого рассказа моя дочь исчезла.

Поиски ее кончились ничем.

Один из служащих ближайшей железнодорожной линии показал, что видел молодую даму, похожую по описанию на мою дочь, севшую в вагон 1-го класса в сопровождении высокого тощего джентльмена.

Несмотря на это показание, трудно допустить, чтобы она позволила себя увезти в таком скором времени после жестокой потери и не сказав притом ни слова мне.

Мы все-таки направили сыщиков по этому следу.

Эмили Ундервуд.

ХИРУРГ
С ГАСТЕРОВСКИХ
БОЛОТ

Глава I

Появление неизвестной женщины в Киркби-Мальхаузе

Городок Киркби-Мальхауз утрюм и открыт всем ветрам. Болота, окружающие его, сумрачны и неприветливы. Он состоит из одной-единственной улицы; серые каменные домики, крытые шифером, разбросаны по склонам длинных торфяных холмов, заросших дроком. Вдали видны очертания гористой местности Йоркшира; округленные вершины холмов как бы играют в прятки друг с другом. Вблизи пейзаж имеет желтоватый оттенок, но по мере удаления этот оттенок переходит в оливковый цвет, за исключением разве только тех мест, где скалы нарушают однообразие этой бесплодной равнины. С небольшого холма, расположенного за церковью, можно разглядеть на западе золотые и серебряные полосы: там пески Моркэмба омываются водами Ирландского моря.

И летом 1885 года судьба занесла меня, Джемса Эппертона, в это заброшенное, уединенное местечко. Здесь не было ничего, что могло бы заинтересовать меня, но я нашел в этих краях то, о чем давно мечтал: уединение. Мне надоела никчемная житейская суэта, бесплодная борьба. С самых юных лет я был во власти бурных событий, удивительных испытаний. К тридцати девяти годам я побывал повсюду. Не было, кажется, таких стран, которые бы я не посетил, вряд ли существовали радости или беды, которые я не испытал бы. Я был в числе многочисленных европейцев, впервые проникших на да-

лекие берега Танганьика, дважды побывал в непроходимых безлюдных джунглях, граничащих с великим плоскогорьем Рорайма. Мне приходилось сражаться под разными знаменами, я был в армии Джексона в долине Шенандоа, был в войсках Шанзи на Луаре, и может показаться странным, что после такой бурной жизни я мог удовлетвориться бесцветным прозябанием в Западном Райдинге. Но существуют обстоятельства, при которых мозг человека бывает в таком состоянии экстаза, по сравнению с которыми все опасности, все приключения кажутся обыденными и банальными.

Многие годы я посвятил изучению философий Египта, Индии, Древней Греции, Средневековья. И сейчас наконец-то из огромного хаоса этих учений передо мной стали смутно вырисовываться величественные истины. Я, кажется, был близок к тому, чтобы понять значение символов, которые люди высоких знаний применяли в своих трудах, желая скрыть драгоценные истины от злых и грубых людей. Гностики и неоплатоники, халдеи, розенкрейцеры, мистики Индии — все их учения были мне знакомы, я понимал значение и роль каждого из них. Для меня терминология Парацельса, загадки алхимиков, видения Сведенборга имели глубокий смысл и содержание. Мне удалось расшифровать загадочные надписи Эль-Бирама, я понимал значение странных писем, начертанных неизвестным народом на отвесных скалах Южного Туркестана. Поглощенный этими великими захватывающими проблемами, я ничего не требовал от жизни, за исключением скромного уголка для меня и моих книг, возможности продолжать исследования без вмешательства кого бы то ни было.

Но даже в этом уединенном местечке, окруженном торфяными болотами, я, как оказалось, не смог укрыться от наблюдений посторонних. Когда я проходил по улице городка, местные жители с любопытством глядели мне вслед, а матери прятали своих детей. По вечерам, когда мне случалось выглядывать из окна, я замечал группу глупых поселян, полных любопытства и страха. Они таращили глаза и вытягивали шеи, стараясь разглядеть меня за работой. Моя болтливая хозяйка засыпала меня тысячами вопросов по самым ничтожным поводам, применяла всякие уловки и хитрости, чтобы заставить меня рассказать о самом себе и своих планах. Все это было достаточно трудно выносить, но, когда я узнал, что вско-

ре уже не буду единственным жильцом в доме и что какая-то дама, к тому же иностранка, сняла соседнюю комнату, я понял, что пора подыскивать себе более спокойное пристанище.

Во время прогулок я хорошо ознакомился с дикой заброшенной местностью у границ Йоркшира, Ланкашира, Уэст-морленда. Я нередко бродил по этим местам и знал их вдоль и поперек. Мне казалось, что мрачное величие пейзажа и устрашающая тишина и безлюдье этих скалистых мест смогут обеспечить мне надежное убежище от подглядывания и сплетен.

Случилось как-то, что, блуждая там, я набрел на одинокую, заброшенную хижину, расположенную, казалось, в самом центре этих пустынных мест. Без колебаний я решил поселиться в ней. В весеннее половодье ручей Гастер, текущий с Гастеровских болот, подмыл берег и снес часть стены этой хижины. Крыша была совершенно нетронута, и для меня не составляло особых трудов привести все в порядок. Я не был богат, но все же имел возможность осуществить свою фантазию, не скупясь на затраты. Из Киркби-Мальхауза прибыли кровельщики, каменщики, и вскоре одинокая хижина на Гастеровских болотах вновь приобрела вполне сносный вид.

В доме было две комнаты, которые я обставил совершенно по-разному. У меня были спартанские вкусы, и первая комната была обставлена именно в этом духе. Керосиновая плитка Риппенджиля из Бирмингема давала мне возможность готовить себе пищу; два больших мешка — один с мукой, другой с картофелем — делали меня независимым от поставок провизии извне. В выборе пищи я был сторонником пифагорейцев. Поэтому тощим длинноногим овцам, пасшимся на жесткой траве около ручья Гастер, не приходилось опасаться нового соседа. Бочонок из-под нефти в десять галлонов служил мне буфетом, а список мебели включал только квадратный стол, сосновый стул и низенькую кровать на колесах.

Как видите, обстановка этой комнаты была совсем неприглядной, почти нищенской, но зато ее скромность с избытком возмещалась роскошью помещения, предназначенного для моих научных занятий. Я всегда придерживался той точки зрения, что для плодотворной работы ума необходима обстановка, которая гармонировала бы с его деятельностью, и что наиболее возвышенные и отвле-

ченные идеи требуют окружения, радующего взор и эстетические чувства. Комната, предназначенная для моих занятий, была обставлена мрачно и торжественно, что должно было гармонировать с моими мыслями. Стены и потолок я оклеил черной блестящей бумагой, на которой золотом были начертаны причудливые и мрачные узоры. Черные бархатные занавески закрывали единственное окно с граненым стеклом; толстый и мягкий бархатный ковер поглощал звуки шагов. Вдоль карниза были протянуты золотые прутья, на которых висели шесть мрачных и фантастических картин, созвучных моему настроению. С центра потолка спускалась одна-единственная золотая нить, такая тонкая, что ее едва можно было различить, но зато очень крепкая. На ней висел золотой голубь с распростертыми крыльями. Птица была полая, и в ней находилась ароматическая жидкость. Фигура, изображающая сильфа, причудливо украшенная розовым хрусталем, парила над лампой и рассеивала мягкий свет. Бронзовый камин, выложенный малахитом, две тигровые шкуры на ковре, стол с инкрустациями из бронзы и два мягких кресла, отделанных плюшем янтарного цвета и слоновой костью, завершали обстановку моего рабочего кабинета, не считая длинных полок с книгами, протянувшихся под окном. Здесь были самые лучшие произведения тех, кто посвятил себя изучению тайны жизни. Бёме, Сведенборг, Дамтон, Берто, Лацци, Синнет, Гардиндж, Бриттен, Дэнлоп, Эмберли, Винвуд Рид, де Муссо, Алан Кардек, Лепсиус, Сефер, Тольдо и аббат Дюбуа — таков далеко не полный перечень авторов, произведения которых были размещены на моих дубовых полках. Когда по ночам горела лампа и ее бледный мерцающий свет падал на мрачную и странную обстановку, создавалось именно то настроение, которое было мне необходимо. Кроме того, это настроение усиливалось завыванием ветра, который проносился над окружающей меня унылой пустыней. Я думал, что здесь-то наконец я нашел тихую пристань в бурном потоке жизни, здесь я смогу спокойно жить и работать, забыв обо всем и позабытый всеми.

Но прежде чем я достиг этой тихой пристани, мне суждено было почувствовать, что я все же являюсь частицей рода человеческого и что нет возможности совсем порвать узы, связующие нас с себе подобными.

Я уже заканчивал сборы по переезду в мой новый дом, как вдруг однажды вечером я услышал грубый голос моей

хозяйки, которая кого-то радостно приветствовала. А вскоре легкие и быстрые шаги прошелестели мимо двери моего кабинета, и я понял, что новая соседка заняла свою комнату. Итак, опасения оправдались: мои научные занятия были поставлены под угрозу из-за вторжения этой женщины. И я мысленно дал себе клятву, что вечер следующего дня я встречу на новой квартире, в тиши своего кабинета, вдали от мирских помех.

На другой день я, как обычно, встал рано и был удивлен, увидев из окна мою новую соседку, которая, опустив голову, шла узкой тропинкой со стороны болот. В руках она несла охапку диких цветов. Это была высокая девушка, в облике которой чувствовались изящество, утонченность, резко отличавшие ее от обитателей наших мест. Она быстро и легко прошла по тропинке и, войдя через калитку в дальнем конце сада, села на зеленую скамью перед моим окном. Рассыпав на коленях цветы, она принялась приводить их в порядок. Я увидел величавую, красиво посаженную головку девушки и вдруг понял, что она необыкновенно прекрасна. Ее лицо, овальное, оливкового цвета, с черными блестящими глазами и нежными губами, было скорее испанского типа, чем английского. С обеих сторон ее грациозной царственной шейки спадали из-под широкополой соломенной шляпы два тугих локона иссиня-черных волос. Правда, меня удивило, что ее ботинки и подол юбки свидетельствовали о долгой ходьбе по болоту, а не о краткой утренней прогулке, как я вначале подумал. Легкое платье девушки было в пятнах, мокрое, на подошвах ботинок налип толстый слой желтой болотной почвы. Лицо казалось усталым, сверкающая красота юности была затуманена тенью внутренних переживаний. И вот, пока я разглядывал ее, она вдруг разразилась рыданиями и, отбросив цветы, быстро убежала в дом.

Как я ни был рассеян, как мне ни был противен окружающий мир, меня вдруг охватил внезапный порыв сочувствия и симпатии при виде этой вспышки отчаяния, потрясшей странную прекрасную незнакомку. Я снова склонился над книгами, но мои мысли все время возвращались к гордо и четко очерченному лицу моей соседки, опущенной головке, испачканному платью и горю, которое чувствовалось в каждой черточке ее лица. Я снова и снова заставлял себя за тем, что стою у окна и рассматриваю, не появится ли она опять.

Миссис Адамс, моя хозяйка, обычно приносила завтрак ко мне в комнату, и я очень редко разрешал ей прерывать течение моих мыслей или отвлекать мой ум праздной болтовней от более серьезных дел. Но в это утро она вдруг обнаружила, что я готов слушать ее рассказы, и она охотно стала говорить о нашей прелестной гостье.

— Звать ее Ева Камерон, сэр, — сказала она, — но кто она такая и откуда появилась, я знаю не больше вашего. Может быть, она приехала в Киркби-Мальхауз по той же причине, что и вы, сэр.

— Возможно, — заметил я, не обращая внимания на замаскированный вопрос. — Только думаю, что вряд ли Киркби-Мальхауз мог бы предоставить молодой леди какие-нибудь особенные развлечения.

— Здесь бывает весело, когда начинается ярмарка, — сказала миссис Адамс. — Но, может быть, молодая леди нуждается в отдыхе и укреплении здоровья?

— Весьма вероятно, — согласился я, размешивая кофе, — и несомненно, кто-либо из ваших друзей посоветовал ей обратиться в поисках того или другого к вам и вашему уютному домику.

— Нет, сэр! — воскликнула она. — Тут-то вся и загвоздка. Леди только что прибыла из Франции; как она узнала обо мне, я просто не приложу ума. Неделю тому назад ко мне заявляется мужчина, красивый мужчина, сэр, и джентльмен — это было видно с одного взгляда. «Вы миссис Адамс? — говорит он. — Я сниму у вас помещение для мисс Камерон, она придет через неделю», — так он сказал. И затем исчез, даже не интересуясь моими условиями. А вчера вечером приехала и сама леди — тихонькая и удрученная. У нее французский акцент. Но я заболталась, сэр! Мне нужно пойти заварить чаю, ведь она, бедняжка, наверное, почувствует себя такой одинокой, проснувшись в чужом доме.

Глава II

Я направляюсь к Гастеровскому болоту

Я еще завтракал, когда до меня донеслись грохот посуды и шум шагов моей хозяйки. Она направлялась к своей новой жилище. А спустя мгновение миссис Адамс,

пробежав по коридору, ворвалась в мою комнату с вздымающимися руками и испуганным взглядом.

— Господи боже мой! — кричала она. — Уж прости, что беспокоила вас, сэр, но я так перепугалась из-за молодой леди: ее нет дома.

— Как так, — сказал я, — вон она где. — Я поднялся со стула и взглянул в окно. — Она перебирает цветы, которые оставила на скамейке.

— О, сэр, поглядите-ка на ее ботинки и платье! — с негодованием воскликнула хозяйка. — Хотелось бы мне, чтобы здесь была ее мать, очень хотелось бы. Где она пропадала, я не знаю, но кровать ее не тронута.

— Очевидно, она гуляла. Хотя время было, конечно, не совсем подходящим, — ответил я.

Миссис Адамс поджала губы и покачала головой. Но пока она стояла у окна, девушка с улыбкой взглянула вверх и веселым жестом попросила открыть окно.

— Вы приготовили мне чаю? — спросила она ясным и мягким голосом с легким французским акцентом.

— Он в вашей комнате, мисс.

Мисс Камерон собрала цветы в подол, и через мгновение мы слышали по ступенькам ее легкие шаги. Итак, эта удивительная незнакомка бродила где-то всю ночь. Что могло заставить ее покинуть свою уютную комнату и отправиться к этим мрачным холмам, открытым всем ветрам? Было ли это только следствие неутомимого нрава, любви к приключениям? А может быть, это ночное путешествие имело более веские причины?

Расхаживая взад и вперед по комнате, я думал о склоненной головке, скорбном лице и о диком взрыве рыданий, подсмотренном мною в саду. Значит, ночная прогулка, какова бы ни была ее цель, не допускала мысли о развлечении. И все же я слышал ее веселый звонкий смех и голосок, громко протестующий против материнской заботы, с которой миссис Адамс настаивала, чтобы она тут же сменила испачканное платье. Мои ученые занятия приучили меня разрешать серьезные и глубокие проблемы, а тут передо мной оказалась столь же серьезная человеческая проблема, которая в данный момент была недоступна моему пониманию.

В то утро я вышел на прогулку по болотам. На обратном пути, когда я поднялся на холм, возвышающийся над нашей местностью, я вдруг увидел среди скал мисс Камерон. Она поставила перед собою легкий мольберт с

прикрепленной бумагой и готовилась писать красками великолепный ландшафт скал и поросшей вереском местности, расстилавшейся перед нею. Наблюдая за девушкой, я увидел, что она беспокойно озирается. Рядом со мною была впадина, заполненная водой, и я, зачерпнув крышкой своей фляжки воду, подошел к девушке.

— Мне кажется, вам сейчас необходимо это, — сказал я, снимая фуражку и улыбаясь.

— Спасибо, — ответила она, заполняя водой свою баночку. — Я как раз разыскивала воду.

— Я имею честь говорить с мисс Камерон? — спросил я. — Я ваш сосед. Моя фамилия Эппертон. В этих диких краях приходится знакомиться без помощи посредников: ведь иначе мы никогда не смогли бы познакомиться.

— О, значит, вы тоже живете у миссис Адамс! — воскликнула девушка. — А я думала, что тут нет никого, кроме местных крестьян.

— Я приезжий, как и вы, — ответил я. — Веду научную работу и приехал сюда в поисках покоя и тишины.

— Да, здесь действительно тихо! — сказала она, оглядывая огромные пространства, поросшие вереском. Только одна-единственная тоненькая полоска серых домиков была видна в отдалении.

— И все же здесь недостаточно тихо, — ответил я, смеясь. — И потому мне приходится переселиться в глубь этой болотистой местности: для моей работы требуется полный покой и уединение.

— Неужели вы построили себе жилье на этих болотах? — спросила она, вскидывая брови.

— Да, и думаю в ближайшие дни поселиться там.

— Ах, как это печально! — воскликнула она. — А где же этот дом, что вы построили?

— Вон там, — ответил я. — Видите этот ручей, который издали похож на серебряный пояс. Это ручей Гастер, текущий с Гастеровских болот.

При этих словах она вздрогнула и обратила на меня большие темные вопрошающие глаза, в которых боролись удивление, недоверие и что-то похожее на ужас.

— И вы будете жить на Гастеровских болотах?! — воскликнула она.

— Да. А вы что, знаете что-либо о Гастеровских болотах? — спросил я. — Я думал, что вы совсем чужая в этих краях.

— Это правда. Я никогда не бывала здесь, — ответила она. — Но мой брат рассказывал мне об этих Йоркширских болотах, и, если я не ошибаюсь, он называл их невероятно дикими и безлюдными.

— Вполне возможно, — сказал я беззаботно. — Это действительно тоскливое место.

— Но тогда зачем же вам жить там? — воскликнула она с волнением. — Подумайте об одиночестве, скуке, отсутствии удобств и помощи, которая вдруг может понадобиться вам.

— Помощи? Какая помощь может мне понадобиться на Гастеровских болотах?

Она опустила глаза и пожала плечами.

— Заболеть можно всюду, — сказала она. — Если бы я была мужчиной, я не согласилась бы жить в одиночестве на Гастеровских болотах.

— Мне приходилось преодолевать гораздо большие неудобства, чем эти, — ответил я, смеясь. — Но, боюсь, ваша картина будет испорчена: кажется, начинается дождь.

Действительно, пора уже было искать укрытия, потому что не успел я закончить фразу, как пошел сильный дождь. Весело смеясь, моя спутница набросила на голову легкую шаль и, схватив мольберт, бросилась бежать с грациозной гибкостью молодой лани по заросшему дроком склону. Я следовал за нею со складным стулом и коробкой красок.

Это странное заблудшее существо, заброшенное судьбой в нашу деревушку в Западном Райдинге, в сильнейшей степени возбудило мое любопытство. И по мере того как я все больше узнавал ее, мое любопытство не только не уменьшалось, но, напротив, все увеличивалось. Здесь мы были отрезаны от окружающего мира, и поэтому не требовалось много времени, чтобы между нами возникли чувства дружбы и взаимного доверия. Мы бродили по утрам по болотам, а вечерами, стоя на утесе, глядели, как огненное солнце медленно погружается в далекие воды Моркэмба. О себе девушка говорила откровенно, ничего не скрывая. Ее мать умерла совсем молодой, юность мисс Камерон провела в бельгийском монастыре, который она только что окончательно покинула. Ее отец и единственный брат, говорила она, составляли всю ее семью. И все же, когда разговор случайно заходил о том, что побудило ее поселиться в этой уединен-

ной местности, она проявляла странную сдержанность и либо погружалась в безмолвие, либо переводила разговор на другие темы. В остальном она была превосходным товарищем: симпатичная, начитанная, с острым и тонким умом и широким кругозором. И все же какое-то темное облако, которое я заметил еще в первое утро, как только увидел ее, никогда не покидало девушку. Я не раз замечал, как ее смех вдруг застыл на губах, как будто какая-то тайная мысль скрывалась в ней и подавляла ее радость и юное веселье.

Но вот настал вечер перед моим отъездом из Киркби-Мальхауза. Мы сидели на зеленой скамье в саду. Темные мечтательные глаза мисс Камерон грустно глядели на мрачные болота. У меня на коленях лежала книга, но я украдкой разглядывал прелестный профиль девушки, удивляясь, как могли двадцать лет жизни оставить на ней такой грустный отпечаток.

— Вы много читали? — спросил я. — Сейчас женщины имеют эту возможность в большей степени, чем их матери. Задумывались ли вы о будущем, о прохождении курса в колледже или об ученой профессии?

Она устало улыбнулась в ответ.

— У меня нет цели, нет стремлений, — сказала она. — Мое будущее темно, запутанно, хаотично. Моя жизнь похожа на тропинку в этих болотах. Вы видели такие тропинки, мсье Эппертон. Они ровные, прямые и четкие только в самом начале, но потом поворачивают то влево, то вправо по склонам и утесам, пока не исчезнут в трясине. В Брюсселе моя тропа была прямой, а сейчас, боже мой, кто может мне сказать, куда она ведет?

— Не нужно быть пророком, чтобы ответить на этот вопрос, мисс Камерон, — молвил я с отцовской нежностью (ведь я был вдвое старше ее). — Если бы мне было позволено предсказать ваше будущее, я сказал бы, что вам назначена участь всех женщин: дать счастье какому-нибудь мужчине.

— Я никогда не выйду замуж, — сказала она твердо, что удивило и немного рассмешило меня.

— Не выйдете замуж, но почему?

Странное выражение промелькнуло по тонким чертам ее лица, и она стала нервно рвать травинки около себя.

— Я не могу рисковать, — сказала она дрожащим от волнения голосом.

— Не можете рисковать?

— Нет, это не для меня. У меня другие дела. Та тропинка, о которой я вам говорила, должна быть пройдена мною в одиночестве.

— Но ведь это ужасно, — сказал я. — Почему ваша участь, мисс Камерон, должна быть не такой, как у моих сестер или у тысяч других молодых девушек? Возможно, в вас говорит недоверие к мужчинам или страх перед ними. Конечно, замужество связано с некоторой долей риска, но оно принесит счастье.

— Риск пришел бы на долю того мужчины, который женился бы на мне! — воскликнула она. И вдруг в одно мгновение, как будто бы поняв, что сказала слишком много, она вскочила на ноги и закуталась в свою накидку. — Воздух становится прохладным, мсье Эппертон, — сказала она и быстро исчезла, оставив меня в размышлении над странными словами, сорвавшимися с ее уст.

Я боялся, что прибытие этой девушки может отвлечь меня от моих занятий, но я никогда не предполагал, что все мои мысли, все увлечения могут измениться за такой короткий промежуток времени. В тот вечер я допоздна бодрствовал в своей маленькой комнатке, удивляясь собственному поведению. Мисс Камерон молода, красива, влечет к себе и красотой, и странной тайной, окружающей ее. Неужели она могла бы отвлечь меня от занятий, которые заполняли мой ум? Неужели могла бы изменить направление всей моей жизни, какое я сам наметил для себя? Я не был юнцом, которого могли бы поколебать или вывести из состояния равновесия черные глазки и нежные губки женщины. Но как-никак прошло уже три дня, а мой труд лежал без движения. Ясно, мне пора уходить отсюда. Я сжал зубы и дал себе клятву, что не пройдет и дня, как я порву эти неожиданные узы и удалюсь в одинокое пристанище, которое ожидало меня на болотах. На следующее утро, как только я позавтракал, крестьянин подтащил к моей двери ручную тележку, на которой нужно было перевезти в новое жилище мои немногочисленные пожитки. Мисс Камерон не выходила из комнаты, и, хотя я внутренне боролся с ее чарами, я все же был очень огорчен, боясь, что она даст мне уйти, не сказав ни слова на прощание. Ручная тележка с грузом книг уже тронулась в путь, и я, пожав руку миссис Адамс, готовился последовать за ней, когда услышал шелест быстрых шагов по лестнице. И вот мисс Камерон уже была рядом со мной, задыхаясь от спешки.

— Так вы уходите, на самом деле уходите?! — воскликнула она.

— Меня зовут мои научные занятия.

— И вы направляетесь к Гастеровским болотам? — спросила девушка.

— Да, к тому домику, что я там построил.

— И вы будете жить там совсем один?

— Со мной будет сотня друзей — вот они там лежат в тележке.

— Ах, книги! — воскликнула она, сопровождая эти слова прелестным, грациозным пожатием плеч. — Но вы выполните мою просьбу?

— Какую? — спросил я удивленно.

— О, это такой пустяк. Вы не откажете мне, не правда ли?

— Вам стоит только сказать...

Она склонила ко мне свое прелестное личико, на котором была написана самая напряженная серьезность.

— Вы обещаете запирасть на ночь вашу дверь на засов? — сказала она и исчезла, прежде чем я успел сказать хотя бы слово в ответ на ее удивительную просьбу.

Мне даже не верилось, что я наконец-то водворился в свое уединенное жилище, которое окружали многочисленные мрачные гранитные утесы. Более безрадостной и скучной пустыни мне не приходилось видеть, но в самой этой безрадостности таилось какое-то обаяние. Что могло здесь, в этих бесплодных волнообразных холмах или в голубом молчаливом своде неба, отвлечь мои мысли от высоких дум, в которые я был углублен? Я покинул людей, ушел от них — хорошо это или плохо — по своей собственной тропинке. Я надеялся забыть печаль, разочарования, волнения и все прочие мелкие человеческие слабости. Жить для одной только науки — это самое высокое стремление, которое возможно в жизни. Но в первую же ночь, которую я провел на Гастеровских болотах, произошел странный случай, который вновь вернул мои мысли к покинутому мною миру.

Вечер был мрачный и душный, на западе собирались большие гряды синевато-багровых облаков. Ночь тянулась медленно, и воздух в маленькой хижине был спертым и гнетущим. Казалось, какая-то тяжесть лежит у меня на груди. Издалека донесся низкий стонущий раскат грома. Заснуть было невозможно. Я оделся и, стоя у дверей

хижины, глядел в окружающий меня мрак, тускло подсвеченный лунным светом. Журчание Гастеровского ручья и монотонное уханье далекой совы были единственными звуками, достигавшими моего слуха. Избрав узкую овечью тропку, проходившую возле реки, я прошел по ней с сотню ярдов и только повернул, чтобы пойти обратно, как вдруг нашедшая туча закрыла луну и стало совершенно темно. Мрак стал настолько полным, что я не мог различить ни тропинки под ногами, ни ручья, текущего правее меня, ни скал с левой стороны. Я медленно шел, пытаясь на ощупь найти путь в густом мраке, как вдруг раздался грохот грома, ярко сверкнула молния, осветив все пространство болот. Каждый кустик, каждая скала вырисовывались ясно и четко в мертвенно-бледном свете. Это продолжалось одно только мгновение, но я вдруг затрепетал от изумления и страха: на моей тропинке в каких-нибудь двадцати ярдах от меня стояла женщина. Вспышка молнии озарила каждую черточку ее лица, платья. Я увидел темные глаза, высокую грациозную фигуру. Ошибки быть не могло. Это была она — Ева Камерон, которую я, по моим предположениям, потерял навсегда. Какое-то мгновение я стоял остолбенев. Неужели это действительно была она или только плод моего воображения? Я быстро пробежал вперед в том направлении, где ее увидел. Громко закричал. Однако ответа не было. Я кричал снова и снова, однако все было бесполезно. Вторая вспышка молнии осветила местность, и луна наконец прорвалась из-за туч. Но хотя я поднялся на холм, с которого была видна вся равнина, заросшая вереском, я не увидел ни признака этой странной полуночной путешественницы. А затем я вернулся в свою маленькую хижину, не уверенный, была ли это действительно мисс Камерон.

В течение трех дней, последовавших за этим полуночным происшествием, я яростно работал. С раннего утра и до поздней ночи я запирался в четырех стенах моего рабочего кабинета, и все мои мысли были погружены в книги и рукописи. Мне казалось, что наконец-то я достиг тихой пристани, оазиса в научных работах, о котором я так долго мечтал. Но увы! Моим надеждам и замыслам не было суждено осуществиться. Вскоре со мной произошел ряд странных и неожиданных событий, которые полностью нарушили монотонность моего существования.

Глава III

Серый домик в лошине

Это случилось на четвертый или пятый день после моего переселения на новое место. Я вдруг услышал шаги около дверей, и тут же последовал резкий стук в дверь, как будто от удара палкой. Взрыв адской машины вряд ли удивил бы меня в большей степени. Я был уверен, что навсегда отстранил от себя всякое вторжение посторонних, и вдруг такой бесцеремонный стук, как будто у меня здесь трактир. В гневе я отбросил книгу и отодвинул засов как раз в то мгновение, когда пришелец поднял свою палку для того, чтобы повторить свой стук. Это был высокий мускулистый человек с рыжеватой бородкой, одетый в просторный костюм из твида, может быть, и удобный, но далеко не изящный. Пока он стоял, ярко освещенный солнцем, я разглядел его лицо. Большой мясистый нос, решительные голубые глаза с густыми нависшими бровями, широкий лоб, весь изборожденный глубокими морщинами, столь несоответствующими его возрасту. Несмотря на выцветшую фетровую шляпу и цветастый платок, брошенный на мускулистую загорелую шею, я с первого взгляда заметил, что это был интеллигентный, культурный человек. Я ожидал увидеть какого-нибудь пастуха или неотесанного бродягу, но появление этого человека, естественно, привело меня в некоторое замешательство.

— Вы удивлены? — спросил он с улыбкой. — Неужели вы полагаете, что вы единственный человек в мире, стремящийся к уединению? Как видите, в этой дикой местности кроме вас имеются еще и другие отшельники.

— Вы хотите сказать, что живете здесь? — спросил я довольно недружелюбно.

— Вон там, наверну, — ответил он, указывая направление головой. — И я подумал, раз мы с вами соседи, мистер Эппертон, мне следует заглянуть и узнать, не нужна ли вам моя помощь.

— Благодарю вас, — холодно сказал я, держа руку на засове двери. — Я человек со скромными требованиями, и вы ничем не сможете помочь мне. Вы знаете мое имя, — добавил я, помолчав, — а я...

Казалось, он был недоволен моим нелюбезным приемом.

— Я узнал ваше имя от каменщиков, которые здесь работали, — сказал он. — Что касается меня, то я Хирург с Гастеровских болот. Здесь меня знают под этим прозвищем. Оно ничуть не хуже любого имени.

— У вас здесь, наверное, не такое уж большое поле деятельности, — заметил я.

— Кроме вас, здесь нет ни души на целые мили во все стороны.

— Мне кажется, вы сами когда-то нуждались в помощи, — заметил я, глядя на большое белое пятно на загорелой щеке своего гостя, похожее на след от недавнего воздействия какой-то сильной кислоты.

— Это пустяки, — ответил он кратко, отворачиваясь, однако, чтобы скрыть этот знак. — Ну, я пойду: меня ждет мой товарищ. Так если я смогу быть вам чем-нибудь полезен, пожалуйста, сообщите мне. Нужно только пройти вдоль ручья против течения около мили, и вы легко найдете меня. Скажите, у вас есть засов на двери?

— Да, — ответил я, несколько удивленный этим вопросом.

— Тогда держите дверь на запоре, — сказал он. — Это болото — странное место. Никогда не знаешь, с кем повстречаешься. Лучше остерегаться. Прощайте.

Он приподнял шляпу, повернулся на каблуках и побрел вдоль берега ручья.

Я все еще стоял, держась за дверь и глядя вслед неожиданному посетителю, когда заметил еще одного обитателя этой дикой местности. На некотором расстоянии, около тропинки, по которой пошел незнакомец, лежал большой серый валун. Облокотясь на него, стоял невысокий сморщенный человек. Он выпрямился при приближении к нему незнакомца и двинулся ему навстречу. Они поговорили одну-две минуты, высокий человек несколько раз указывал головой в мою сторону, как будто передавал о том, что произошло между нами. Затем они пошли вместе, пока не скрылись за выступом скалы. Потом я увидел, как они поднимались по следующему склону. Мой новый знакомый обхватил рукой своего старшего приятеля то ли из дружеского расположения, то ли желая помочь ему преодолеть крутой подъем. Очертания плотной и сильной фигуры моего посетителя и его тощего сторбленного товарища были видны на фоне неба. Обернувшись, они смотрели в мою сторону. Заметив это, я хлопнул дверь, опасаясь, как бы они не вздумали вернуть-

ся. Когда я спустя несколько минут выглянул из окна, их уже не было.

До самого вечера я тщетно старался вернуть себе безразличное отношение ко всему окружающему. Что бы я ни думал, мои мысли возвращались к Хирургу и его сторбленному товарищу. Что он имел в виду, говоря о засове моей двери, и как случилось, что его зловещее предупреждение совпало с прощальными словами Евы Кameron?.. Я снова и снова размышлял о том, какие причины побудили моих новых соседей, столь различных по облику и возрасту, поселиться вместе на этих диких, суровых болотах. Может быть, подобно мне, они были погружены в какие-нибудь захватывающие научные исследования? А возможно, сообщничество в преступлении заставляло их избегать людных мест? Ведь должна была быть какая-нибудь причина, и, очевидно, весьма основательная, чтобы заставить образованного человека вести такой образ жизни. Только сейчас я начал понимать, что толпы людей в городе могут в несравненно меньшей степени быть помехой, чем отдельные лица в глухой местности.

Весь день я работал над египетскими папирусами, но ни запутанные рассуждения древнего мемфисского философа, ни мистический смысл, заключенный в страницах старинных книг, не могли отвлечь мой ум от земных дел. К вечеру я с отчаянием отбросил свою работу. Я был очень раздражен на этого человека за его бесцеремонное вторжение. Стоя возле ручья, который журчал за дверью моей хижины, я охлаждал на воздухе разгоряченный лоб и снова обдумывал все с самого начала. Конечно, загадочность появления двух моих соседей и заставляет меня так настойчиво думать о них. Если бы эта загадка была выяснена, они перестали бы мешать моим занятиям. Почему бы мне не отправиться к их жилищу и не посмотреть самому (так, чтобы они не подозревали о моем присутствии), что это за люди? Я не сомневался, что их образ жизни допускает самое простое и прозаическое объяснение. Во всяком случае, вечер был прекрасный, а прогулка освежила бы и тело и ум. Я закурил трубку и отправился по болотам в том направлении, в котором скрылись оба моих соседа. Солнце уже стояло низко, запад был огненно-красный, вереск залит темно-розовым светом, вся ширь неба разрисована самыми разнообразными оттенками, от бледно-зеленого в зените до ярко-темно-красного на горизонте. Палитра, на которой созда-

тель размешивал свои первоначальные краски, должна была быть огромной. С обеих сторон гигантские остроконечные вершины Ингльборо и Пеннингента глядели вниз на сумрачное, унылое пространство, расстилающееся между ними. По мере того как я шел вперед, суровые болотистые места справа и слева образовывали резко очерченную долину, в центре которой извивался ручей. По обеим сторонам серые скалы отмечали границы древнего ледника, морены от которого образовали почву около моего жилища. Измельченные валуны, крутые откосы и фантастически разбросанные скалы — все они несли на себе доказательства огромной силы древнего ледника и показывали места, где его холодные пальцы рвали и ломали крепкие известняки.

Почти на полпути по этой дикой лощине стояла небольшая группа искривленных и чахлах дубов. Позади них поднимался в тихий вечерний воздух тонкий темный столб дыма. Значит, здесь находится дом моих соседей. Вскоре я смог добраться до прикрытия из линии скал и достигнуть места, с которого можно было наблюдать за домом, оставаясь незамеченным. Это была небольшая крытая шифером хижина, по размерам немногим более тех валунов, которые ее окружали. Как и моя хижина, она, видимо, предназначалась для пастухов, но тут не понадобилось больших трудов со стороны новых хозяев для приведения ее в порядок и увеличения размеров жилья. Два небольших окошка, покосившаяся дверь и облезлый бочонок для дождевой воды — это было все, по чему я мог составить себе представление об обитателях этого домика. Но даже эти предметы наводили на размышления потому, что когда я подошел поближе, все еще скрываясь за скалами, то увидел, что окна были заперты толстыми железными засовами, а старая дверь обита и закреплена железом. Эти странные меры предосторожности наряду с диким окружением и уединенностью придавали хижине какой-то жуткий вид. Засунув трубку в карман, я прополз на четвереньках через папоротник, пока не оказался в ста ярдах от дверей моих соседей. Дальше я не мог двигаться, опасаясь, что меня заметят.

Только я успел спрятаться в своем убежище, как дверь хижины распахнулась и человек, называвший себя Хирургом с Гастеровских болот, вышел из дома. В руках у него была лопата. Перед дверью расстилался небольшой обра-

ботанный клочок земли, на котором росли картофель, горох и другие овощи, и он принялся за прополку, напевая что-то. Хирург был целиком погружен в свою работу, повернувшись спиной к домику, как вдруг из приоткрытой двери появилось то самое тощее создание, которое я видел утром. Теперь я заметил, что это мужчина шестидесяти лет, весь в морщинах, сгорбленный и слабый, с редкими седыми волосами и длинным белым лицом. Робкими шагами он добрался до Хирурга, который не подозревал о его приближении, пока тот не подошел к нему вплотную. Его шаги, а может быть, дыхание наконец обнаружили его близость, потому что работавший резко выпрямился и повернулся к старику. Они шагнули друг другу навстречу, как бы желая приветствовать один другого, и вдруг — я даже теперь чувствую тот внезапный ужас, который тогда охватил меня, — высокий мужчина набросился на своего товарища, сбил его с ног и, схватив на руки, быстро скрылся с ним в хижине.

Хотя за свою богатую приключениями жизнь я видел многое, все же внезапность и жестокость, свидетелем которых я оказался, заставили меня содрогнуться. Возраст маленького человечка, его слабое телосложение, смиренное и униженное поведение — все вызывало чувство негодования на поступок Хирурга. Я был так возмущен, что хотел броситься к хижине, хотя не имел при себе никакого оружия. Но вскоре звук голосов изнутри показал, что жертва пришла в себя. Солнце тем временем опустилось за горизонт, все стало серо, за исключением красного отблеска на вершине Пеннингента. Пользуясь наступающим мраком, я подошел к самой хижине и напрыг слух, чтобы узнать, что происходит. Я слышал высокий жалобный голос пожилого человека и низкий грубый монотонный голос Хирурга, слышал странное металлическое звяканье и лязг. Немного спустя Хирург вышел, запер за собою дверь и зашагал назад и вперед, хватаясь за голову и размахивая руками, как безумный. Затем он почти бегом пошел по долине и вскоре потерялся из виду среди скал. Когда замер звук его шагов, я вплотную подошел к хижине. Затворник все еще бормотал что-то и время от времени стонал. Разобрав слова, я понял, что он молится — пронзительно и многословно. Молитвы он бормотал быстро и страстно, как это делает человек, чувствуя неминуемую опасность. Я был охвачен невыразимым трепетом, слушая этот поток жалобных слов одино-

кого страдальца, слов, нарушавших ночную тишину и не предназначенных для слуха постороннего. Я размышлял над тем, следует ли мне вмешаться в это дело, как вдруг услышал издали шум шагов возвращающегося Хирурга. Я быстро приник к оконному стеклу и взглянул внутрь. Комната была освещена мертвенно-бледным светом, исходящим, как я узнал впоследствии, от химического горна. При его ярком блеске я увидел множество реторт и пробирок, которые сверкали на столе и отбрасывали странные, причудливые тени. В дальнем конце комнаты была деревянная решетка, похожая на клетку для кур, и в ней, все еще погруженный в молитву, стоял на коленях человек, голос которого я слышал. Его лицо, озаренное светом горна, вырисовывалось из мрака, как лица на картинах Рембрандта. Каждая морщинка была видна на коже, похожей на пергамент. Я успел бросить только беглый взгляд, затем, отпрянув от окна, побежал среди скал и вереска, не замедляя шага, пока снова не оказался у себя дома. Я был расстроен и потрясен в большей степени, чем мог ожидать.

Долгие ночные часы я метался и ворочался на подушке. У меня возникло странное предположение, вызванное сложной аппаратурой, которую я видел. Могло ли быть, что этот Хирург был занят какими-то секретными ужасными опытами, которые он производил на своем товарище? Такое предположение могло объяснить уединенность жизни, которую он вел. Но как примирить это предположение с теплыми дружескими чувствами между ними, свидетелем которых я был не далее, как в это утро? Горе или безумие заставляли этого человека рвать на себе волосы и ломать руки, когда он вышел из хижины? А очаровательная Ева Камерон, неужели и она была участницей этого темного дела? А загадочные ночные хождения, которые она совершала, не имели ли они целью встречи с моими зловещими соседями? А если так, то какие же страшные узы могли связывать всех троих? Как я ни старался, я никак не мог найти удовлетворительного ответа на все эти вопросы.

Проснулся я на рассвете измученный и слабый.

Мои сомнения, действительно ли я видел свою прежнюю соседку в ту ночь, были наконец разрешены. Идя по тропинке, ведущей к болотам, я увидел в том месте, где почва была мягкой, отпечаток ботинка, маленького, изящного женского ботинка. Этот крошечный каблук и

высокий подъем могли принадлежать только моей приятельнице из Киркби-Мальхауза. Некоторое расстояние я шел по ее следу, пока он не затерялся на жесткой, каменистой почве. И все же он указывал направление к уединенной зловещей хижине. Какие силы могли гнать хрупкую девушку сквозь ветер, дождь и мрак, через страшные болота на это странное свидание?!

Но я-то, зачем я позволяю своим мыслям заниматься такими вещами? Разве я не гордился тем, что живу только своей собственной жизнью вне сферы интересов других людей? Почему же мои намерения и решения оказались поколебленными только потому, что я посчитал непонятным поведение своих соседей? Это было недостойно, это было просто ребячеством. Я заставил себя не думать об этом и вернулся к прежнему спокойствию. Это было не так просто. Прошло несколько дней, в продолжение которых я не выходил из своей хижины, как вдруг новое событие опять встревожило мои мысли.

Я говорил, что ручей протекал по долине у самой моей двери. Спустя примерно неделю после описанных мною событий я сидел у окна, как вдруг заметил что-то белое, медленно плывущее по течению. Первой моей мыслью было, что это тонет овца. Схватив палку, я побежал на берег и выловил этот предмет. Он оказался большим куском полотна, разорванным в клочья. Но что придавало ему особо зловещее значение, так это то обстоятельство, что по кромкам он был забрызган и испачкан кровью. В тех местах, которые пропитались водой, были заметны только следы крови; в других местах пятна были четкие и совершенно недавнего происхождения. Я содрогнулся, увидев это. Полотно могло быть принесено потоком только со стороны хижины в лощине. Какие ужасные и преступные события оставили этот страшный след? Я тешил себя мыслью, что дела человеческие не имеют для меня никакого значения, и все же все мое существо было охвачено тревогой, желанием узнать, что случилось. Мог ли я оставаться в стороне, когда такие дела совершаются всего в какой-нибудь миле от меня? Я чувствовал, что во мне все еще живет прежний человек и что я обязан разгадать эту тайну. Закрыв за собою дверь хижины, я отправился в лощину по направлению к домику Хирурга. Но мне не понадобилось далеко идти: я заметил его самого. Он быстро шел по склону холма, бил

палкой кусты дрока и рычал как сумасшедший. При виде этого мои сомнения в нормальности его рассудка значительно окрепли. Когда он приблизился, я заметил, что его левая рука была на перевязи. Увидев меня, он в нерешительности остановился, как будто не зная, подойти ко мне или нет. Но у меня не было ни малейшего желания говорить с ним, и поэтому я поспешил дальше, а он продолжал свой путь, все еще крича и нанося удары палкой вокруг себя. Когда он скрылся в вереске, я снова пошел к его хижине, решив найти какое-нибудь объяснение случившемуся. Достигнув жилища Хирурга, я с удивлением заметил, что обитая железом дверь раскрыта настежь. Почва около самой двери носила следы борьбы, химическая аппаратура и горн были разбиты и разбросаны. Но самое подозрительное было то, что мрачная деревянная клетка была испачкана кровью, а ее несчастный обитатель исчез. У меня упало сердце: я был убежден, что никогда не увижу его больше на этом свете. По долине было разбросано несколько пирамид, сложенных из серого камня. И я почему-то невольно подумал, что под какой-то из этих пирамид скрываются следы последнего акта, завершившего эту длинную трагедию.

В хижине не было ничего, что могло бы пролить свет на личность моих соседей. Комната была заполнена химикалиями и различной аппаратурой. В одном углу был небольшой книжный шкаф с ценными научными трудами, в другом — груда геологических образцов, собранных на известняках. Мой взор быстро охватил все эти подробности, но мне было не до тщательного осмотра: я боялся, что хозяин дома может вернуться и застать меня здесь. Покинув хижину, я поспешил домой. Тяжесть лежала у меня на сердце. Над уединенным ущельем нависла жуткая тень нераскрытого преступления, делавшая мрачные болота еще более мрачными, а дикую местность еще более тоскливой и страшной. Я подумал, не сообщить ли о том, что я видел, в полицию Ланкастера, но меня пугала перспектива сделаться свидетелем в «громком деле», страшили докучливые репортеры, которые будут влезать в мою жизнь. Разве для этого я удалился от всего человечества и поселился в этих диких краях? Мысль о гласности была мне невыносима. Может быть, лучше подождать, понаблюдать, не предпринимая решительных шагов, пока не приду к более определенному заключению о том, что я видел и слышал.

На обратном пути я не встретил Хирурга, но, когда вошел в свою хижину, был поражен и возмущен, увидев, что кто-то побывал здесь за время моего отсутствия. Из-под кровати были выдвинуты ящики, стулья отодвинуты от стены. Даже мой рабочий кабинет не избежал грубого вторжения, потому что на ковре были ясно видны отпечатки тяжелых ботинок. Я не отличался выдержкой даже в лучшие времена, а это вторжение и копание в моих вещах привели меня в бешенство. Посылая проклятья, я схватил с гвоздя свою старую кавалерийскую саблю и провел пальцем по лезвию. Там посредине была большая зазубрина, в том месте, где сабля ударила по ключице баварского артиллериста в те дни, когда мы отбивали атаки фон-дер-Танна под Орлеаном. Сабля была еще достаточно остра и могла сослужить мне службу. Я положил ее у изголовья постели так, чтобы можно было легко ее достать. Я был готов дать достойный отпор незваному гостю, как только он появится.

Глава IV

О человеке, пришедшем в ночи

Настала бурная грозовая ночь, луна была затемнена клочьями облаков, ветер дул меланхоличными порывами, рыдая и вздыхая над болотами и заставляя стонать кустарники. По временам брызги дождя ударяли по оконному стеклу. Я почти до полуночи просматривал статью Иамбликуса, александрийского ученого, о бессмертии. Император Юлиан сказал как-то об Иамбликусе, что он был последователем Платона по времени, но не по гениальности. Наконец, захлопнув книгу, я открыл дверь и бросил последний взгляд на мрачные болота и еще более мрачное небо. И в это мгновение между облаками ярко блеснула луна и я увидел человека, называвшего себя Хирургом с Гастеровских болот. Он сидел на корточках на склоне холма среди вереска менее чем в двухстах ярдах от моей двери, неподвижный как изваяние. Пристальный взгляд Хирурга был устремлен на мою дверь.

При виде этого стража меня пронизал трепет ужаса: мрачный, загадочный облик его создавал вокруг этого человека какие-то странные чары; время и место его появления, казалось, предвещали что-то страшное. Но

возмущение, охватившее меня, вернуло мне самообладание, и я, сбросив с себя чувство растерянности, направился в сторону прищельца. Увидев меня, Хирург поднялся, повернулся ко мне. Луна освещала его серьезное, заросшее бородой лицо и сверкающие глаза.

— Что это значит? — воскликнул я, подходя к нему. — Как вы смеете следить за мной?

Я увидел, как вспышка гнева озарила его лицо.

— Жизнь в деревне заставила вас позабыть приличия, — сказал он, — по болоту разрешается ходить всем.

— А в мой дом, по-вашему, тоже можно всем заходить?! — воскликнул я. — Вы имели наглость обыскать его сегодня вечером в мое отсутствие.

Он вздрогнул, и на лице его появилось крайнее волнение.

— Клянусь вам, что я тут ни при чем! — воскликнул он. — Я никогда в жизни не переступал порога вашего дома. О, сэр, поверьте мне, вам грозит опасность, вам следует остерегаться.

— Ну вас к черту, — сказал я. — Я видел, как вы ударили старика, думая, что вас никто не заметит. Я был около вашей хижины и знаю все. Если только в Англии существуют законы, вас повесят за ваше преступление. А что касается меня, то я старый солдат, я вооружен и запираю дверь не буду. Но если вы или какой-нибудь другой негодяй попытается перешагнуть мой порог, вы поплатитесь своей шкурой.

С этими словами я повернулся и направился в свою хижину. Когда я оглянулся, он еще глядел мне вслед — мрачная фигура с низко опущенной головой. Я беспокоился, спал всю эту ночь, но больше ничего не слышал о загадочном страже; его не было и утром, когда я выглянул из-за двери.

В течение двух дней ветер свежел и усиливался, налетали шквалы дождя. Наконец на третью ночь разразилась самая яростная буря, какую я когда-либо наблюдал в Англии. Гром ревел и грохотал над головой, непрерывное сверкание молний озаряло небо. Ветер дул порывами, то уносясь с рыданием вдаль, то вдруг грохоча и воя у моего окна и заставляя дребезжать стекла в рамах. Я чувствовал, что уснуть не смогу. Не мог и читать. Я наполовину приглушил свет лампы и, откинувшись на спинку стула, предался мечтам. По всей вероятности, я потерял всякое представление о времени, потому что не по-

мню, как долго сидел так, на грани между размышлениями и дремотой. Наконец около трех или, может быть, четырех часов я, вздрогнув, пришел в себя — не только пришел в себя: все чувства, все нервы мои были напряжены. Оглядевшись в тусклом свете, я не обнаружил ничего, что могло бы оправдать мой внезапный трепет. Знакомая комната, окно, затуманенное дождем, и крепкая деревянная дверь — все было по-прежнему. Я стал убеждать себя, что какие-нибудь бесформенные грезы вызвали эту неприятную дрожь, как вдруг в одно мгновение понял, в чем дело. Это был звук шагов человека около моей хижины. В паузах между ударами грома, в шуме дождя и ветра я мог различить тихие, крадущиеся шаги. Я сидел затаив дыхание, вслушиваясь в эти жуткие звуки. Шаги остановились у самой моей двери. Теперь я слышал затрудненное дыхание и одышку, как будто этот человек шел издалека и очень торопился. Сейчас одна только дверь отделяла меня от ночного бродяги, который с трудом переводил дыхание. Я не трус, но ночная буря и смутные предостережения, которые мне делали, а также близость этого странного посетителя в такой степени лишили меня присутствия духа, что я не мог вымолвить ни слова. И все же я протянул руку и схватил свою саблю, устремив пристальный взгляд на дверь. Я от всего сердца хотел одного: чтобы все скорее кончилось. Любая явная опасность была лучше этого страшного безмолвия, нарушаемого только тяжелым дыханием.

В мерцающем свете угасающей лампы я увидел, что щеколда моей двери пришла в движение, как будто на нее производилось легкое давление снаружи. Она медленно поднялась, пока не освободилась от скобы, затем последовала пауза примерно на десять секунд, в продолжение которых я сидел с широко раскрытыми глазами и обнаженной саблей. Потом очень медленно дверь стала поворачиваться на петлях, и свежий ночной воздух со свистом проник через щель. Кто-то действовал очень осторожно: ржавые петли не издали ни звука. Когда дверь приоткрылась, я разглядел на пороге темную призрачную фигуру и бледное лицо, обращенное ко мне. Лицо было человеческое, но в глазах не было ничего похожего на человеческий взгляд. Они, казалось, горели в темноте зеленоватым блеском. Вскочив со стула, я поднял было обнаженную саблю, как вдруг какая-то вторая фигура с

диким криком бросилась к двери. При виде ее мой призрачный посетитель испустил пронзительный вопль и побежал через болота, визжа, как побитая собака.

Дрожа от недавнего страха, я стоял в дверях, вглядываясь в ночную мглу. В моих ушах все еще звенели резкие крики беглецов. В этот момент яркая вспышка молнии осветила как днем всю местность. При этом свете я разглядел далеко на склоне холма две неясные фигуры, бегущие друг за другом с невероятной быстротой по заросшей вереском местности. Даже на таком расстоянии различие между ними не давало возможности ошибиться: первый был маленький человечек, которого я считал мертвым, второй — мой сосед, Хирург. Короткое мгновение я видел их четко и ясно в неземном свете молнии, затем тьма сомкнулась над ними и они исчезли.

Когда я повернулся, чтобы войти в свое жилище, моя нога наступила на что-то лежащее на пороге. Наклонившись, я поднял этот предмет. Это был прямой нож, сделанный целиком из свинца и такой мягкий и хрупкий, что казалось странным, что его могли применить в качестве оружия. Чтобы сделать его более безопасным, конец ножа был срезан. Острие, однако, было все же старательно отточено на камне, что было видно по царапинам, и, следовательно, оно все же было опасным оружием в руках решительного человека. Нож, очевидно, выпал из рук старика в момент, когда неожиданное появление Хирурга обратило его в бегство. Не могло быть ни малейшего сомнения в цели появления моего ночного посетителя.

«Но что же произошло?» — спросите вы. В моей бродячей жизни я не раз встречался с такими же странными, удивительными происшествиями, как описанные мною события. Они также нуждались в исчерпывающих объяснениях. Жизнь — великий творец удивительных историй, но она, как правило, заканчивает их, не считаясь ни с какими законами художественного вымысла.

Сейчас, когда я это пишу, передо мною лежит письмо, которое я могу привести без всяких пояснений. Оно сделает понятным все, что могло показаться таинственным.

«Лечебница для душевнобольных в Киркби

4 сентября 1885 года

Сэр! Я понимаю, что обязан принести вам свои извинения и объяснить весьма необычные и, с вашей точки

зрения, даже загадочные события, которые недавно имели место и вторглись в нашу уединенную жизнь. Я должен был бы прийти к вам в то утро, когда мне удалось разыскать своего отца. Но, зная ваше нерасположение к посетителям, а также — надеюсь, что вы мне простите это выражение — зная ваш весьма вспыльчивый характер, я решил, что лучше обратиться к вам с этим письмом. Во время нашего последнего разговора мне следовало сказать вам то, что я говорю сейчас. Но ваш намек на какое-то преступление, в котором вы считали виновным меня, а также ваш неожиданный уход не позволили мне сделать это.

Мой бедный отец был трудолюбивым практикующим врачом в Бирмингеме, где до сих пор помнят и уважают его. Десять лет тому назад у него начали проявляться признаки душевного расстройства, которые мы приписывали переутомлению и солнечному удару. Чувствуя себя некомпетентным в этом деле, имеющем столь большое значение, я сразу обратился к весьма авторитетным лицам в Бирмингеме и Лондоне. В числе прочих мы консультировались с выдающимся психиатром мистером Фрейзром Брауном, который дал заключение о заболевании моего отца. Его болезнь по своей природе спорадична, но опасна во время пароксизмов. «Она может привести к одержимости манией убийства или религиозной мании, — сказал он, — а может быть, одновременно к тому и другому. Месяцами он может быть совершенно здоровым, как мы все, и внезапно его болезнь может проявиться. Вы возьмете на себя большую ответственность, — добавил психиатр, — если оставите его без присмотра».

Последующие события показали справедливость этого диагноза. Болезнь отца быстро приняла характер соединения мании убийства и религиозной мании. Приступы наступали неожиданно вслед за месяцами здоровья. Было бы излишним утомлять вас описанием ужасных переживаний, которые пришлось испытать нашей семье. Достаточно сказать, что мы благодарим Бога, что смогли удержать его руки от убийства. Свою сестру Еву я послал в Брюссель и посвятил себя всецело отцу. Он невероятно боялся домов для умалишенных и в периоды нормального состояния так жалобно умолял не помещать его туда, что у меня не хватало духа не послушать его. Наконец его приступы стали столь острыми и опасными, что я

решил ради безопасности окружающих увезти его из города в уединенное место. Таким местом оказались Гастеровские болота, и здесь мы оба и поселились.

Я обладаю средствами для безбедного существования и увлекаюсь химией. Вот почему я мог проводить время с достаточным комфортом и пользой. А он, бедняга, в здравом уме был послушен как дитя; лучшего и более сердечного сотоварища нельзя и пожелать. Мы вместе с ним соорудили деревянную перегородку, куда он мог удаляться, когда на него находил приступ, и я устроил окно и дверь таким образом, чтобы держать его в доме при приближении безумия. Вспоминая прошлое, могу честно сказать, что я не упустил ни одной предосторожности; даже необходимые кухонные принадлежности были сделаны из свинца и затуплены на концах, чтобы помешать ему причинить вред в период безумия.

Спустя несколько месяцев после нашего переселения ему, казалось, стало лучше. Было ли это результатом целительного воздуха или отсутствия каких-либо внешних побудительных мотивов, но за все время он ни разу не проявлял признаков своего ужасного расстройства. Ваше прибытие впервые нарушило его душевное равновесие. Один только взгляд на вас даже издали пробудил в нем все болезненные порывы, которые пребывали в скрытом состоянии. В тот же вечер он крадучись подошел ко мне с камнем в руке и убил бы меня, если бы я не опрокинул его на землю и не запер в клетку, чтобы он смог прийти в себя. Этот внезапный рецидив, конечно, погрузил меня в глубокое отчаяние. Два дня я делал все возможное, чтобы успокоить его. На третий день он, казалось, стал спокойнее, но, увы, это была только хитрость безумца. Ему удалось вынуть два прутка клетки, и, когда, позабыв об осторожности, я был погружен в химические исследования, он неожиданно набросился на меня с ножом в руке. В борьбе он порезал мне предплечье и скрылся из хижины прежде, чем я опомнился и смог определить, в каком направлении он бежал. Моя рана была пустяковая, и несколько дней я блуждал по болотам, продираясь сквозь кустарники, в бесплодных поисках. Я был уверен, что он сделает покушение на вашу жизнь, и это убеждение усилилось, когда вы сказали, что кто-то в ваше отсутствие заходил к вам в хижину. Поэтому я и наблюдал за вами в ту ночь. Мертвая, страшно изрезанная овца, которую я нашел на болотах, доказала мне, что у отца

есть запас продовольствия и что его мания убийства еще не прошла. Наконец, как я и ожидал, он совершил на вас покушение, которое, если бы я не вмешался, закончилось смертью одного из вас. Он пытался скрыться, боролся, как дикий зверь, но я был в таком же возбужденном состоянии, что и он. Мне удалось сбить его с ног и увести в хижину. Последние события убедили меня, что все надежды на его полное выздоровление тщетны, и я на следующее утро доставил его в эту больницу. Сейчас он начинает приходить в себя.

Разрешите мне, сэр, еще раз выразить свое сожаление по поводу того, что вы подверглись такому испытанию, и заверить вас в моем совершенном почтении.

Джон Лайт Камерон.

P. S. Моя сестра Ева просит передать вам сердечный привет. Она рассказала мне, как вы познакомились с ней в Киркби-Мальхаузе, а также, что вы увидели ее вечером на болоте. Из этого письма вы поймете, что, когда моя любимая сестра вернулась из Брюсселя, я не решился привести ее домой, а поселил в безопасном месте в деревне. Даже тогда я не осмелился показать ей отца, и только однажды ночью, когда он спал, мы организовали нашу встречу».

Вот и вся история об этих удивительных людях, чья жизненная тропа пересекла мой путь. С этой ужасной ночи я ни разу не слышал о них и не видел их, за исключением одного-единственного письма, которое я здесь переписал. Я все еще живу на Гастеровских болотах, и мой ум все еще погружен в загадки прошлого. Но, когда я брожу по болоту и когда вижу покинутую маленькую серую хижину среди скал, мой ум все еще обращается к странной драме и двум удивительным людям, нарушившим мое уединение.

ЗА ГРАНЬЮ
БЫТІЯ

Перстень Тота

Член Королевского общества мистер Джон Ванситтарт Смит, живущий на Гауэр-стрит, в доме № 147-А, наделен такой редкой целеустремленностью и столь блистательным умом, что, без сомнения, мог бы стать одним из самых выдающихся ученых нашего времени. Но он оказался жертвой разносторонности своей увлекающейся натуры, которая побуждала его добиваться отличия в разных науках вместо того, чтобы снискать себе славу в одной. В юности он достиг таких успехов в изучении ботаники и зоологии, что друзья смотрели на него, как на второго Дарвина, ему предлагали кафедру в университете, но он вдруг бросил и ботанику, и зоологию и со всей страстью ученого погрузился в изучение химии. За открытия в области спектрального анализа металлов он был избран членом Королевского общества; однако и химии он изменил, забыл путь в лабораторию, а через год вступил в Общество ориенталистов, написав исследование об иероглифических и демотических текстах в святилищах Эль Каба, чем триумфально подтвердил универсальность своих талантов, равно как и непостоянство своих научных интересов.

Но даже самые ветреные ловеласы в конце концов попадают в чьи-то сети, не избежал их участи и Джон Ванситтарт Смит. Чем глубже он погружался в египтологию, тем более поражали его безграничные возможности,

которые она открывает перед исследователем, и чрезвычайная важность науки, которая может пролить свет на зарождение человеческой цивилизации и объяснить происхождение чуть ли не всех наших наук и искусств. Потрясение было столь велико, что мистер Смит немедленно женился на молодой особе, которая тоже увлекалась египтологией и писала диссертацию о фараонах Шестой династии; обеспечив себе, таким образом, надежную опору, он начал собирать материал для монографии, где всеохватность исследований Рихарда Лепсиуса соединится с вдохновенным озарением Шампольона. Работая над этим *magnum opus*¹, ему приходилось часто наносить визиты в Лувр, в залы Древнего Египта, которые представлены там поистине великолепной экспозицией, и вот во время последнего из этих визитов, не далее как в середине октября, он стал очевидцем в высшей степени странного события, которое, без сомнения, заслуживает того, чтобы о нем написали.

Поезда опаздывали, в Ла-Манше был шторм, и, когда наш ученый прибыл в Париж, он сильно устал и был взвинчен. У себя в номере в «Отель де Франс» на Рю Лаффит он бросился на кушетку и хотел отдохнуть часа два, но уснуть не удалось, и тогда он решил пойти в Лувр, несмотря на усталость, выяснить то, ради чего приехал, и вернуться вечерним поездом в Дьепп. Приняв этот план, он надел пальто, потому что день был дождливый и холодный, пересек Итальянский бульвар и зашагал по Авеню дель'Опера. В Лувре, где он чувствовал себя как дома, он сразу же направился к собранию папирусов, которые хотел посмотреть.

Даже самые восторженные почитатели Джона Ванситарта Смита не отважились бы утверждать, что он хорош собою. Его лицо с орлиным носом и выдающимся вперед подбородком казалось острым, даже пронзительным — именно эти качества были свойственны его уму. В посадке головы было что-то птичье, и, когда он во время спора доказывал какое-либо положение или опровергал, он часто-часто выставлял голову, будто клевал зерно. Если бы он поглядел на свое отражение в витрине, перед которой стоял, он вполне мог бы сообразить, что внешность у него весьма неординарная, да еще воротник

¹ Великий труд, сочинение (лат.).

теплого пальто поднят до ушей. И тем не менее, когда кто-то громко сказал по-английски у него за спиной: «До чего же странный вид у этого субъекта», — он страшно огорчился.

Нашему ученому было в высшей степени свойственно мелкое тщеславие, которое проявлялось в демонстративном и доведенном до абсурда пренебрежении к тому, как он выглядит. Он сжал губы и сосредоточил все свое внимание на свитке папируса, однако сердце сжималось от обиды на все племя странствующих британцев.

— Вы правы, — произнес другой голос, — он действительно производит ошеломляющее впечатление.

— Можно подумать, — продолжал первый голос, — что от постоянного пребывания в обществе мумий он сам начал мумифицироваться.

— У него, несомненно, лицо древнего египтянина, — заметил собеседник.

Джон Ванситтарт мгновенно повернулся на сто восемьдесят градусов, готовясь уничтожить своих соотечественников язвительной насмешкой. К его изумлению и радости, двое беседующих молодых людей стояли к нему спиной и разглядывали одного из зрителей Лувра, который полировал какую-то медную вещицу в дальнем конце зала.

— Картер уже, наверное, ждет нас в Пале-Рояле, — заметил один из молодых людей, взглянув на часы, и они двинулись к выходу, наполнив залы гулким эхом своих шагов, а наш ученый остался наедине с папирусами.

«Интересно, почему эти бездельники решили, что у него лицо древнего египтянина, — подумал Джон Ванситтарт Смит и слегка повернулся, чтобы зритель попал в поле его зрения. Когда он увидел его лицо, то вздрогнул. Действительно, это было одно из тех лиц, которые он так хорошо изучил по древним изображениям. Правильные скульптурные черты, широкий лоб, округлый подбородок, смуглая кожа — казалось, это ожила одна из бесчисленных статуй, стоящих в зале, или поднялась из саркофага мумия в маске, или сошел со стены один из украшающих ее рельефов. О случайном сходстве не могло быть и речи. Конечно же этот зритель — египтянин. Достаточно увидеть эти характерные острые плечи и узкие бедра, других доказательств не нужно.

Джон Ванситтарт Смит неуверенно двинулся к зрителю, надеясь, что ему как-нибудь удастся заговорить с ним. Он не обладал искусством легко и непринужденно вступать в беседу, был то слишком резок, будто отчитывал подчиненного, то слишком сердечен, точно встретил друга, — золотая середина ему никак не давалась. Ученый подошел ближе, и зритель повернулся к нему профилем, по-прежнему не отрывая глаз от работы. Ванситтарт Смит стал всматриваться в его кожу, и у него вдруг возникло ощущение, что перед ним не человек: что-то сверхъестественное было во внешности зрителя. Висок и скула гладкие и блестящие, точно покрытый лаком пергамент. Ни намек на поры. Невозможно представить, чтобы на этой иссохшей коже выступила капля пота. Однако лоб, щеки и подбородок покрыты густой сетью тончайших морщинок, которые пересекали друг друга, образуя сложный и прихотливый узор, будто Природа решила перещеголять татуировщиков Полинезии.

— *Ou est la collection de Memphis?*¹ — смущенно обратился к нему ученый, на лице которого было ясно написано, что он придумал этот пустой вопрос лишь для того, чтобы вступить в разговор.

— *C'est la*², — резко ответил зритель, указав головой на противоположный конец зала.

— *Vous etes un Egyptien, n'est-ce pas?*³ — брякнул англичанин.

Зритель поднял голову и устремил на докучливого посетителя свои странные темные глаза. Они были словно стеклянные, наполненные изнутри холодным туманным блеском; Смит никогда не видел у людей таких глаз. Он смотрел в них и видел, как в глубине возникло какое-то сильное чувство — гнев или волнение? — как оно стало разгораться, устремилось наружу и наконец обрело выражение во взгляде, где смешались ужас и ненависть.

— *Non, monsieur, je suis français*⁴.

Зритель резко отвернулся и, низко опустив голову, снова принялся начищать фигурку. Ученый в изумлении уставился на него; потом пошел к креслу в укром-

¹ Где экспонаты из Мемфиса? (фр.)

² Вон там (фр.).

³ Вы египтянин, да? (фр.)

⁴ Нет, месье, я француз (фр.).

ном уголке за дверью, сел и стал делать выписки из папирусов. Однако мысли отказывались сосредоточиться на работе. Они упорно возвращались к загадочному смотрителю с лицом сфинкса и пергаментной кожей.

«Где я видел такие глаза? — мучился Ванситтарт Смит. — Они похожи на глаза ящерицы, на глаза змеи. В глазах змеи есть *membrana nictitans*¹, — размышлял он, вспоминая о своем прежнем увлечении зоологией. — От ее движений глаз как бы мерцает. Да, все так, но это не главное. В его глазах живет сознание власти, мудрость — так, во всяком случае, я это расшифровал, — усталость, неизбывная усталость и беспредельное отчаяние. Может быть, это воображение играет со мной такие шутки, но, клянусь, я потрясен, такого странного чувства я никогда в жизни не испытывал! Нужно еще раз посмотреть ему в глаза». Он встал со своего кресла и пошел обходить египетские залы, однако смотритель, который вызвал у него такой интерес, исчез.

Ученый вернулся в свой укромный уголок и снова взялся за папирусы. Он нашел в них то, что искал, оставалось только записать, пока все свежо в памяти. Карандаш его быстро бегал по бумаге, но немного погодя строчки поползли в разные стороны, буквы потеряли четкость, и кончилось все тем, что карандаш упал на пол, а голова ученого склонилась на грудь. Его совершенно вымотало путешествие, и он заснул так крепко в своем одиноком убежище за дверью, что его не разбудили ни звякающие ключами сторожа, ни шаги посетителей, ни даже громкий сиплый звонок, возвестивший, что музей закрывается.

Наступили сумерки, потом совсем стемнело, Рю де Риволи наполнилась вечерним шумом, но вот шум стал стихать, издали, с собора Нотр Дам раздалось двенадцать ударов — полночь, а темная одинокая фигура все так же неподвижно сидела в тени двери в углу. Миновал еще час, и только тогда Ванситтарт Смит судорожно вздохнул и проснулся. Сначала он подумал, что заснул у себя в кабинете за столом. Однако в не закрытое ставнями окно ярко светила луна, и, увидев ряды мумий и строй витрин с тускло поблескивающими стеклами, он мгновенно сообразил, где находится, и вспомнил, как сюда попал. У нашего героя были крепкие нервы. К тому же его, как

¹ Мигательная перепонка (лат.).

и все племя ученых, страстно влекла любая новизна. Он потянулся, потому что все тело у него затекло, посмотрел на часы и рассмеялся — ну и ну! Он опишет этот забавный случай в следующей статье и слегка развлечет читателя, которому готовит серьезное, глубокое исследование. Он слегка поежился от холода, но чувствовал, что отлично выпался и отдохнул. Неудивительно, что сторожа его не заметили, ведь от двери на него падала густая черная тень.

Ничем не нарушаемая тишина казалась торжественной. Ни с улицы, ни из залов музея не доносилось ни шороха, ни шелеста. Он был наедине с мертвыми мертвой цивилизации. Да, за стенами спит мишурный девятнадцатый век, ну и что же! Здесь, в этом зале, нет ни одного предмета, будь то окаменевший колос пшеницы или коробка, где древний художник держал краски, который не выдержал бы с достоинством натиск четырех тысячелетий. Здесь собраны обломки великого древнего царства, которые выбросил нам могучий океан времени. Эти реликвии были найдены в величественных Фивах, в царственном Луксоре, в прославленных храмах Гелиополя, в сотнях ограбленных гробниц. Ученый обвел взглядом смутно вырисовывающиеся во мраке мумии, которые столько тысячелетий хранят молчание, эти останки великих тружеников, покоящиеся сейчас в такой неподвижности, и его охватило глубокое благоговение. Он вдруг почувствовал, как сам он молод и ничтожен, — такое с ним случилось в первый раз. Откинувшись на спинку кресла, он задумчиво глядел на длинную анфиладу зал, наполненных серебряным лунным светом по всему крылу огромного дворца. И вдруг увидел вдали желтый свет лампы.

Джон Ванситтарт Смит выпрямился, сердце застучало, как молот. Свет медленно приближался к нему, порой замирал, потом резко устремлялся вперед. Тот, кто его нес, двигался бесшумно, как дух. Нога словно не касалась пола, и ничто не нарушало мертвую тишину. «Грабители», — подумал англичанин. Он еще глубже забился в угол. Теперь между ним и светом было всего два зала. Вот он уже в соседнем, все такой же беззвучный. Замирая от жгучего любопытства, которое пересиливало страх, ученый вперил взгляд в лицо, словно бы плывущее в воздухе над светом лампы. Туловище было в тени, но

странное сосредоточенное лицо ярко освещено. Невозможно было не узнать эти поблескивающие металлом глаза, эту мертвенную кожу. Перед Ванситтартом Смитом был смотритель, с которым он днем пытался завязать беседу.

Первый порыв ученого был выйти из-за двери и заговорить с ним. Он объяснит, какой с ним приключился казус; смотритель, конечно же, выпустит его через один из боковых входов, и он вернется к себе в отель. Но когда смотритель вступил в зал, англичанин раздумал: уж слишком таинственно крался ночной гость и слишком загадочное у него было лицо. Без сомнения, это не был один из проверочных обходов, которые совершаются в предписанные часы. Смотритель был в домашних туфлях на войлочной подошве, грудь его высоко вздымалась, он то и дело озирался по сторонам, пламя лампы трепетало от его взволнованного прерывистого дыхания. Ванситтарт Смит вжался как можно глубже в свой угол, стараясь не скрипнуть креслом, и стал внимательно наблюдать, уверенный, что смотритель пришел совершить какое-то тайное дело, может быть, даже преступление.

Смотритель двигался уверенно. Быстрым легким шагом он подошел к одной из больших витрин и, вынув из кармана ключ, отпер ее. С верхней полки снял мумию, отнес ее на свободное место и бережно, точно она была хрустальная, положил на пол. Поставив возле нее свою лампу, сел, скрестив ноги по-турецки, и принялся разматывать своими длинными дрожащими пальцами бинты и пелены, в которые она была завернута. С треском отрывались друг от друга слои пропитанного ароматическими маслами льна, по залу поплыла густая волна благовоний, на мраморный пол сыпались кусочки ароматической древесины, цветы, пахучие травы.

Джон Ванситтарт Смит понимал, что с этой мумии снимают пелены в первый раз. Процедура вызывала у него такой интерес, что он позабыл обо всем на свете. Сгорая от волнения, он высовывал из-за двери голову все дальше и дальше, как птица. Когда же наконец голова, пролежавшая в погребальных пеленах четыре тысячи лет, освободилась от последнего слоя, ему едва удалось удержаться возглас изумления. На руки смотрителя хлынул водопад длинных черных блестящих волос. Следующий слой бинта освободил низкий белый лоб и слегка изо-

гнутые брови. Потом он увидел блестящие глаза, осененные длинными пушистыми ресницами, и маленький точеный нос, и вот наконец взору открылись нежные пухлые губы и прелестно очерченный подбородок. Лицо было редкой красоты, в нем был единственный изъян — коричневое пятнышко неправильной формы в самой середине лба. Эта мумия была апофеозом искусства бальзамирования. Ванситтарт Смит глядел на красавицу, не веря своим глазам, и от восхищения даже издал горлом как бы воркующий звук.

Если наш египтолог был потрясен, то что говорить о загадочном смотрителе. Воздев руки к небу, он разразился гневными, горькими словами, потом бросился на пол рядом с мумией, обнял ее и стал целовать лоб и губы. «*Ma petite!*¹ — рыдал он. — *Ma pauvre petite!*²» Голос его прервался от горя, мелкие бесчисленные морщины на лице дрожали, меняя очертания, но в блестящих глазах — ученый ясно видел в свете лампы — не было слез, казалось, это блестят не человеческие глаза, а сталь. Несколько минут смотритель лежал, глядя на прекрасную египтянку, шептал что-то скорбно и нежно, и по его лицу пробегала судорога непереносимого страдания. Но вдруг он улыбнулся, сказал что-то на неизвестном Смиты языке и легко вскочил на ноги с решительным видом человека, который отважился на дерзостный поступок.

В центре зала находилась большая круглая витрина, где размещена великолепная коллекция древнеегипетских перстней периода Среднего царства, наш ученый много о нем писал. Именно к этой витрине и подошел смотритель, отпер ее и открыл. Поставил лампу на выступ сбоку и возле лампы — маленький фаянсовый флакон, который вынул из кармана. Потом сгреб с полки витрины пригоршню перстней и с чрезвычайно серьезным углубленным выражением стал протирать их один за другим жидкостью, которая была во флаконе, и потом подносил близко к огню лампы. Первая партия его явно разочаровала, потому что он с отвращением швырнул перстни обратно на полку и взял порцию других.

Увидев массивный перстень с большим кристаллом горного хрусталя, он, как коршун, схватил его и в страш-

¹ Моя девочка (фр.).

² Моя бедняжка (фр.).

ном волнении мазнул жидкостью из флакона. С его уст сорвался крик радости, он возбужденно взмахнул руками и опрокинул флакон, жидкость вылилась на пол, и струйка побежала прямо к ногам англичанина. Смотритель выхватил из-за пазухи красный носовой платок и, вытирая пол, двинулся за струйкой в угол, где и оказался лицом к лицу с наблюдавшим за ним англичанином.

— Ради бога, простите меня, — проговорил Джон Ванситтарт Смит со всей мыслимой и немыслимой любезностью, — я попал в абсурднейшее положение: заснул в кресле за этой дверью.

— Это что же, вы подсматривали за мной? — спросил смотритель по-английски, и его мертвенное лицо исказилось от ненависти.

Ученый был человек правдивый.

— Не буду скрывать, — сказал он, — я оказался свидетелем ваших действий, и они чрезвычайно меня заинтересовали.

Смотритель вынул из-за пазухи кинжал с длинным лезвием и богато украшенной рукояткой.

— Ваша жизнь висела на волоске, — сказал он, — если бы я вас увидел десять минут назад, он пронзил бы ваше сердце. Но я убью вас и сейчас, если вы попытаетесь меня схватить или каким-нибудь способом помешать мне.

— У меня нет ни малейшего желания мешать вам, — ответил ученый. — Я оказался здесь по чистой случайности. И прошу вас только об одном: выпустите меня через какой-нибудь боковой выход, я буду бесконечно благодарен вам за вашу любезность. — Он говорил чрезвычайно учтиво, потому что смотритель по-прежнему прижимал кончик лезвия к ладони левой руки, как бы проверяя, достаточно ли кинжал острый, и лицо его сохраняло все то же грозное выражение.

— Если бы я знал... — проговорил он. — Впрочем, не все ли равно? Кто вы?

Англичанин назвал свое имя.

— Ванситтарт Смит, — повторил смотритель. — Вы что же, тот самый Ванситтарт Смит, который сделал в Лондоне сообщение о текстах Эль Каба? Я его пролистал. То, что вы написали об этом предмете, свидетельствует о вашем глубочайшем невежестве.

— Как вы смеете, сэр! — вскричал египтолог.

— Однако вы еще приличнее прочих, те и вовсе профаны с непомерным самомнением. Разгадка нашей жизни в Древнем Египте не в текстах и не в памятниках, которым вы придаете такое огромное значение, а в нашей тщательно хранимой от всех других народов философии и в наших мистических знаниях, о которых вы, по сути, ничего не пишете.

— Наша жизнь в Древнем Египте! — изумленно повторил ученый и вдруг воскликнул: — Боже мой, что с мумией? Что с ее лицом?

Таинственный смотритель быстро повернул лампу в сторону женщины, умершей четыре тысячи лет назад, и скорбно застонал. Действие воздуха погубило весь труд искусного бальзамировщика. Кожа обратилась в прах, глаза провалились, губы обесцветились и истлели, обнажив желтые зубы, только коричневое пятно на лбу осталось — единственное подтверждение, что всего несколько минут назад здесь лежала голова прекраснейшей юной женщины.

Смотритель заломил руки от ужаса и горя. Потом усилием воли овладел собой и снова устремил тяжелый взгляд на англичанина.

— Что ж, пусть, теперь мне все равно, — сказал он срывающимся голосом. — Теперь ничто не имеет значения. Я пришел сюда любой ценой выполнить то, что задумал. И выполняю. Все остальное для меня просто не существует. Я искал — и нашел. Древнее проклятие разрушено. Наконец-то я могу соединиться с ней. Разве важно, как выглядит ее мертвая оболочка, важно то, что по ту сторону завесы меня ждет ее живая душа!

— Что такое вы говорите? Это же бог весть какая несообразность, — возразил Ванситтарт Смит. Он уже почти не сомневался, что перед ним — сумасшедший.

— Время не ждет, мне пора, — продолжал тот. — Настал миг, которого я ждал столько нескончаемых лет. Но сначала я должен выпустить вас. Идемте.

Взяв лампу, он двинулся прочь из зала с разоренной витриной и быстро повел ученого по длинной анфиладе египетских, ассирийских и персидских залов. В конце последнего он толкнул маленькую дверь в стене, и они стали спускаться по каменной винтовой лестнице. В лицо Ванситтарту Смиту дохнул холодный ночной воздух. Против него оказалась дверь, которая, по всей видимости,

выходила на улицу. Справа от него была еще одна дверь, неплотно закрытая, и сквозь щель пробивалась полоска желтого света.

— Сюда! — властно бросил смотритель.

Ванситарт Смит стоял в нерешительности. Он-то надеялся, что ночное приключение кончилось. Но любопытство пересилило. Разве мог он уйти, не узнав, что означает эта более чем странная история, и потому последовал за своим загадочным спутником в освещенное помещение.

Это оказалась маленькая комнатка, какие отводят консьержкам. В камине жарко пылали дрова. У стены стояла раскладная кровать, по другую сторону камина — простое деревянное кресло, в середине комнаты круглый стол и на нем остатки еды. Гость оглядел комнату и увидел, что все предметы здесь до последней мелочи поражают необычностью формы, и все старинные. Это привело его в величайшее волнение и восторг. Подсвечники, вазы на каминной полке, каминные щипцы, украшения на стенах — все вызывало мысль о глубокой древности. Суровый его спутник с тяжелым взглядом сел на край кровати, а гостю указал на кресло.

— Может быть, это Судьба так распорядилась, — говорил он все так же по-английски, и нужно сказать, что владел он этим языком безупречно. — Может быть, ей угодно, чтобы я открыл мою тайну и предостерег дерзостных смертных, которые восстают против мудрости Природы. Я открою эту тайну вам. Можете делать с ней все, что хотите. С вами говорит человек, готовый перешагнуть порог другого мира.

Я, как вы догадались, — египтянин, но принадлежу не к тому презренному племени рабов, которые сейчас прозябают в Дельте Нила, — нет, в моих жилах течет древняя кровь мужественного могучего народа, изгнавшего семитов, оттеснившего эфиопов в пустыни Юга, построившего величественные пирамиды и храмы, которым люди дивятся по сей день, не умея создавать ничего подобного. Я появился на свет во время царствования Тутмоса Первого, за шестнадцать веков до рождения Христа. Вы отпрянули от меня. Подождите, скоро вы поймете, что бояться меня не надо, ибо я достоин жалости.

Зовут меня Сосра. Отец мой был верховным жрецом в знаменитом храме Осириса в Аварисе, который стоял

на берегу Бубастийского рукава Нила. Я воспитывался в храме и постигал там мистические знания, о которых рассказывается в вашей Библии. А ученик я был способный. Мне не исполнилось и шестнадцати лет, а я уже овладел всеми глубинами наук, в которые меня мог посвятить мудрейший из жрецов. После этого я стал изучать тайны Природы сам и ни с кем своими открытиями не делился.

Многое интересовало меня, но больше всего меня волновала загадка жизни, ей я отдавал все свое время, весь свой труд. Я глубоко заглянул в жизненное начало. Цель медицины состояла в том, чтобы излечить болезнь, когда она развилась. Я же считал, что можно найти средство, которое настолько укрепит организм, что он не поддастся никакой болезни, даже смерть будет бессильна против него. Не стану рассказывать вам о моих исследованиях — в этом нет нужды. Да вы вряд ли и поймете. Я проводил опыты на животных, на рабах, на самом себе. И вот наконец я получил вещество, которое, если ввести его в кровь, делает организм неуязвимым для старости, болезней, яда или кинжала убийцы. Правда, человек не обретает бессмертие, но может прожить несколько тысяч лет. Я испробовал раствор на кошке и потом травил ее самыми сильными ядами. Кошка жива и по сей день, она по-прежнему в Нижнем Египте. Ничего таинственного или сверхъестественного в моем открытии не было. Просто я создал химическое соединение, его вполне можно повторить.

Как страстно мы в молодости любим жизнь! Теперь, когда в моих руках было средство оградить себя от боли и отодвинуть смерть в неразличимую даль, мне казалось, что я вознесся над всеми человеческими страданиями. И я не задумываясь влил эту проклятую жидкость себе в вену. Потом стал искать, кого бы мне еще осчастливить. В храме Тота был молодой жрец по имени Пармес, я был очень расположен к нему — он был такой серьезный и так самозабвенно проникал в глубины наук. И вот я рассказал ему о моей тайне, он попросил меня впрыснуть ему в кровь эликсир, и я выполнил его желание. Как хорошо, думал я, теперь у меня на всю жизнь есть друг, мы одного возраста.

После этого великого открытия я стал менее усердно заниматься наукой, Пармес же продолжал свои изыска-

ния с еще большим рвением. Каждый день я видел его в храме Тота среди колб и выпаривателей, но он почти ничего не рассказывал мне о плодах своих трудов. Что касается меня, то я вместо занятий разгуливал по городу, с восхищением его разглядывал и думал, что этим домам, дворцам и храмам суждено исчезнуть с лица земли, люди умрут, один только я буду жить и жить. Все мне кланялись, ибо слава о моей учености распространилась далеко по стране.

В это время шла война с гиксосами, воины великого фараона защищали наши восточные границы. В Аварис также прибыл новый правитель с повелением во чтобы то ни стало удержать город. Я много слышал о красоте дочери правителя, и вот однажды, когда мы с Пармесом прогуливались по улицам, мы увидели ее в носилках, которые несли на плечах рабы. Любовь поразила меня, как молния. Казалось, мое сердце вырвалось из груди и устремилось к ней. Мне хотелось броситься под ноги ее рабов и пусть бы они прошли по мне. Эта девушка для меня — единственная в мире. Жизнь без нее невысказана. И я поклялся Гором, что она будет моей. Я произнес свою клятву в присутствии жреца Тота. Лицо у него стало мрачным, как ночь, и он отвернулся от меня.

Не стану рассказывать вам, как я добивался ее внимания. Она полюбила меня так же беззаветно, как я ее. Она рассказала мне, что Пармес познакомился с ней раньше, чем я, и тоже признался в любви, но я лишь усмехнулся в ответ, ведь я знал, что ее сердце принадлежит мне. В городе вспыхнула бубонная чума, она косила людей, но я лечил больных и ухаживал за ними, ничего не боясь, да и чего мне было бояться? Она восхищалась моим бесстрашием. Тогда я открыл ей тайну эликсира и стал умолять, чтобы она позволила мне защитить ее с помощью моего искусства.

— Твоя цветущая красота никогда не увянет, — убеждал я Атму. — Все минует, все исчезнет, но мы с тобой и наша великая любовь переживем пирамиду Тефрена.

Она стала робко, застенчиво возражать.

— Но разве это справедливо? — говорила она. — Разве ты не восстал против власти богов? Если бы животворящий Осирис пожелал, чтобы мы жили так долго, разве не даровал бы он людям сам все эти нескончаемые годы?

Я опровергал ее сомнения словами самой пылкой любви, и все-таки она колебалась. Решение, которое она должна принять, слишком важное. Она просит дать ей подумать одну только ночь. Завтра утром она скажет мне, согласна или нет. Одна ночь — ведь это совсем немного. Она будет молиться Исиде, пусть богиня ее вразумит.

Я ушел с тяжелым сердцем, полный мрачных предчувствий, а она осталась в окружении своих прислужниц. Утром, после ранней службы в храме, я поспешил к ее дому. На пороге меня встретила испуганная рабыня. Ее хозяйка заболела, ей очень плохо. Обезумев, я оттолкнул слуг и бросился через зал, потом по коридору в покои моей Атмы. Она лежала на своем ложе, голова высоко в подушках, в лице ни кровинки, пустой безжизненный взгляд. На лбу горело зловещее багровое пятно. Я много раз видел эту зловещую метину, это клеймо чумы, эту печать смерти.

Что можно рассказать о том ужасном времени? Шли месяцы, а я все метался в иступлении, все глубже погружался в безумие, но избавиться от жизни не мог. Ни один умирающий от жажды араб не мечтал так о колодце с живительной прохладной водой, как я мечтал о смерти. Если бы яд или сталь могли прервать мое постылое существование, я соединился бы с моей возлюбленной в царстве, куда ведет такая узкая дверь. Что я только не делал с собой, и все было напрасно. Проклятый эликсир был непобедим. Однажды ночью, когда я лежал у себя в комнате на ложе, истерзанный мукой, ко мне пришел жрец Тота Пармес. Он встал в круг света, который изливала свитильник, и посмотрел на меня глазами, в которых горела сумасшедшая радость.

— Почему ты позволил ей умереть? — спросил он. — Почему не оградил ее от болезней и старости, как оградил меня?

— Я не успел, — ответил я. — Ах да, я забыл — ты тоже любил ее. У нас общее горе, друг. Какая страшная судьба — знать, что пройдут столетия, прежде чем мы снова увидим ее. Когда-то мы ненавидели смерть — глупцы, какие же мы были глупцы!

— Ты сказал правду, — вскричал он дико и захохотал. — Но глупцом оказался только ты.

— О чем ты? — воскликнул я и приподнялся на локте. — Мне кажется, друг, ты повредился в рассудке от горя.

Все его лицо сияло радостью, он корчился и трясся, точно его поразило злое божество.

— Знаешь ли ты, куда я сейчас иду? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — откуда же мне знать.

— Я иду к ней, — сказал он. — Она лежит за городской стеной в дальней гробнице возле двух пальм.

— Зачем же ты туда идешь? — спросил я.

— Чтобы умереть! — пронзительно крикнул он. — Слышишь — умереть! Земные пути меня больше не связывают.

— Но ведь в твоей крови мой эликсир! — воскликнул я.

— Я его победил, — ответил он, — я нашел более сильный состав, который разлагает твой эликсир. Уже сейчас он борется с ним в моей крови, еще час или два — и я умру. Я полечу к ней, а ты останешься здесь на земле.

Я внимательно вгляделся в Пармеса и понял, что он говорит правду. Его горящие глаза подтвердили, что эликсир больше над ним не властен.

— Но ведь ты дашь и мне этот состав! — воскликнул я.

— Никогда!

— Молю тебя мудростью Тота и величием Анубиса!

— Все твои мольбы напрасны, — жестко проговорил он.

— Так я сам составляю этот раствор!

— Тебе это не удастся; да, я его получил, но по чистой случайности. В него входит один компонент, но тебе никогда не догадаться, что это. То, что осталось от жидкости, я заключил в перстень Тота, но никто никогда больше не сможет ее получить.

— В перстень Тота! — повторил я. — А где же он, перстень Тота?

— Этого ты тоже никогда не узнаешь, — ответил он. — Да, ты победил меня, она подарила свою любовь тебе. Но кому досталась конечная победа? Я уйду к ней и оставляю тебя здесь — влачи это горькое земное существование. А я разорвал свои цепи! Прощай, мне пора! — Он быстро повернулся и бросился прочь. Утром в городе стало известно, что жрец Тота умер.

После этого я затворился в своей лаборатории. Я должен, должен найти это сложное соединение, сила которого столь велика, что уничтожает действие моего эликсира. С рассвета и до полуночи я проводил опыты среди

стеклянных сосудов и горнов. Более того, я взял все папирусы и алхимические сосуды жреца Тота. Увы, они не просветили меня. Порой мне казалось, что я вот-вот уловлю намек, случайно оброненное им слово вызывало бурные надежды, но ни одна надежда не сбывалась. И все же я месяц за месяцем трудился, как одержимый. Когда я чувствовал, что впадаю в малодушие, я шел к гробнице возле пальм. И там, стоя возле саркофага, в котором покоилась земная оболочка той, чья красота сияла подобно редкой драгоценности и была украдена смертью, я чувствовал, что моя возлюбленная рядом, она успокаивает меня, и я шептал ей, что соединюсь с ней, если только смертный ум сумеет разгадать тайну.

Пармес сказал, что заключил свой состав в перстень Тота. Я помнил это украшение. Массивный обруч, сделанный не из золота, а из более редкого и тяжелого металла, который добывают в копиях на горе Харбал. Называется он платина. В платину, помнится, оправлен полый кристалл горного хрусталя, в него можно налить жидкость — довольно много капель. Пармес вряд ли скрыл свою тайну в металле перстня из одной только платины, таких в храме великое множество. Не вернее ли предположить, что эта бесценная жидкость запечатана в полость кристалла? Едва я пришел к этому заключению, как наткнулся в папирусах Пармеса на фразу, которая ясно подтверждала мою догадку: значит, какое-то количество его состава все еще существует на свете.

Но как найти перстень? Когда Пармеса готовили нести к бальзамировщику, на его руках перстня не было. Я специально расспросил тех, кто участвовал в процедуре. Не было его и среди вещей умершего жреца. Тщетно я обыскивал все комнаты и залы, где он работал или молился, тщетно заглядывал во все шкатулки и вазы, которые ему принадлежали, тщетно осматривал все его вещи. Я даже просеивал песок в пустыне в тех местах, где он любил прогуливаться; но как я ни бился, все мои труды были напрасны, перстень Тота исчез без следа. И все же, может быть, мне удалось бы одолеть последние препятствия, не обрушья на нас еще одно неожиданное бедствие.

Я уже говорил, что шла великая война с гиксосами, и эти дикари отрезали войско великого фараона в пустыне — там были военачальники, стрелки из лука, всадни-

ки. Гиксосы напали на нас, как саранча на поле пшеницы во время засухи. На огромном пространстве между опустошенным Тиром и безбрежным горько-соленым озером целыми днями лилась кровь, а ночью горели костры. Аварис был главным оплотом Египта, но мы не смогли отразить натиск дикарей. Город пал. Его правителю и воинам отрубили головы, меня же вместе с множеством других жителей города увели в плен.

Много лет я пас скот на привольных пастбищах в долине Евфрата. Умер мой хозяин, стал глубокоим стариком его сын, а я был все так же силен и молод. Наконец мне удалось бежать на быстроногом верблюде, и я вернулся в Египет. Здесь жили завоеватели-гиксосы. Египтом правил их царь. От Авариса остались обгоревшие развалины, великолепный храм превратился в руины. Усыпальницы ограблены, на месте святилищ груды камней. Я не нашел и следа гробницы, где покоилась моя Атма. Ее поглотили пески пустыни; пальмы, которые пышно зеленели рядом, давно срублены. Папирусы Пармеса и реликвии храма Тота уничтожены или погребены в песках Сирийской пустыни.

И я отказался от надежды найти когда-нибудь перстень или вновь составить этот коварный яд. Я смирился и решил, что надо покорно жить, пока не иссякнет действие эликсира. Увы, вам не дано понять, какое страшное проклятие — бессмертие, ведь вам отпущен ничтожно краткий срок от колыбели до могилы! Но я-то знаю, я дорого заплатил за свое знание, река времени пронесла меня чуть ли не через всю историю человечества. Мне было более трехсот лет, когда пала Троя. Когда Геродот приехал в Мемфис, я уже прожил около двенадцати столетий. А когда на земле появилось христианство, я был свидетелем событий, происходящих на ней вот уже шестнадцать столетий. Однако, как вы видите, я вовсе не выгляжу стариком, потому что проклятый эликсир все еще действует в моей крови и охраняет от смерти, которой я так жажду. Но наконец-то, наконец-то моя нескончаемая, постылая жизнь оборвется!

Я много путешествовал и был во всех странах мира, жил среди всех племен и народов. Я знаю все языки. Я выучил их, чтобы хоть чем-то заполнить время. Вы сами представляете, как непереносимо долго оно влачилось — мрак варварства, жестокое Средневековье, медленный, о,

какой медленный расцвет современной цивилизации. Но что мне все это сейчас? Я никогда не посмотрел глазами любви ни на одну женщину. Атма знает, что я хранил ей верность всю жизнь.

Я взял себе за правило читать все, что ученые пишут о Древнем Египте. Мои обстоятельства часто менялись, я бывал богат, бывал беден, однако всегда находил средства, чтобы покупать журналы, в которых пишут об открытиях археологов. Девять месяцев назад, когда я жил в Сан-Франциско, я прочел статью о находках, сделанных в окрестностях Авариса. И почувствовал, что сердце сейчас выпрыгнет у меня из груди. В статье рассказывалось, как ее автор исследовал недавно обнаруженные гробницы. В одной из них он нашел нескрытый саркофаг, внутри него, на внешнем гробе, было начертано, что здесь покоится мумия дочери правителя города, жившая во времена Тутмоса Первого. Далее я прочел, что, когда археологи сняли крышку внешнего гроба, они увидели на груди мумии массивный платиновый перстень с кристаллом горного хрусталя. Так вот где скрыл Пармес перстень Тота! Он не лгал, когда говорил, что мне его никогда не найти, ибо ни один египтянин не снимет крышку с гроба дорогого ему человека, ведь это значит отягчить свою душу великим преступлением.

Вечером того же дня я отплыл из Сан-Франциско и через несколько недель снова оказался в Аварисе, если только можно назвать именем некогда великого города остатки разрушенных стен и несколько песчаных холмов. Я поспешил к французам, которые вели там раскопки, и стал расспрашивать их о перстне. Они сказали, что и перстень и мумию передали в Булакский музей.

Я немедленно отправился в Каир, но в музее лишь узнал, что бей Огюст Маризэтт распорядился отправить их в Лувр. Я приехал в Париж и здесь, в египетском зале, наконец-то нашел останки моей возлюбленной, Атмы, и перстень, который искал почти четыре тысячи лет.

Но как до них добраться? Ведь они должны принадлежать мне, только мне! На мое счастье, в эти залы требовался смотритель. Я пошел к главному хранителю и стал убеждать его, что хорошо знаком с историей Древнего Египта. Я так хотел получить это место, что обнаружил слишком обширные познания. Хранитель ответил, что я достоин кафедры профессора, мне решительно нечего

делать в кресле зрителя. Ведь я знаю несравненно больше, чем он. Нет, нет, он переоценил мои знания, они поверхностны и разрозненны, стал возражать я и в конце концов добился, что он позволил мне перевезти то немногое, что сохранилось из моих вещей, в эту каморку. Это моя первая и последняя ночь в ней.

Вот, мистер Ванситтарт Смит, и вся моя история. Человеку столь пронизательного ума, как вы, довольно того, что я рассказал. Нынче ночью непостижимая случайность позволила вам увидеть лицо женщины, которую я любил в те далекие дни. В витрине было много перстней с горным хрусталем, но я искал платиновый — тот самый, единственный, и потому проверял металл. Взглянув на камень, я сразу понял, что жидкость действительно внутри него, — о, наконец-то я избавлюсь от постылой жизни, от своего несокрушимого здоровья, которое я проклинал горше, чем самый тяжкий недуг. Теперь вы знаете обо мне все. А я — мне стало легче после моего признания. Можете рассказать мою историю своим коллегам, можете умолчать о ней. Это вам решать. Я должен попросить у вас прощения, ведь я чуть не убил вас в зале. Вы встретились там с одержимым страдальцем, который фанатично рвался к своей цели. Если бы я увидел вас раньше, до того, как совершил задуманное, я наверняка лишил бы вас возможности помешать мне или поднять тревогу. Вот дверь. Она ведет на Рю де Риволи. Доброй ночи.

Англичанин оглянулся. В узком проходе застыл худой высокий египтянин Сосра, родившийся чуть ли не четыре тысячи лет назад. Миг — и дверь захлопнулась, громко лязгнула задвижка, нарушив тишину ночи.

На следующий день после возвращения в Лондон мистер Джон Ванситтарт Смит прочитал в «Таймсе» короткую заметку парижского корреспондента:

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ЛУВРЕ

Вчера ночью в главном зале крыла, где размещаются памятники Древнего Востока, произошло очень странное событие. Служители, которые приходят по утрам убирать залы музея, увидели, что один из зрителей лежит на полу мертвый, обняв мумию. Объятие было таким крепким, что их с величайшим трудом удалось оторвать друг

от друга. Витрина, где выставлены ценные перстни, была отперта — видимо, ее хотели ограбить, на полках беспорядок. Полиция считает, что смотритель задумал украсть мумию и продать какому-то частному коллекционеру, но когда он ее поднял и понес, большое сердце не выдержало, и он умер. Судя по рассказам, это был человек неопределенного возраста, со странностями, одинокий, без единого родственника, и его трагическая безвременная смерть никому не принесла горя.

Ужас поднебесья

Все, кто углубленно размышлял над дневником Джойса-Армстронга, решительно отвергают утверждение, будто рассказ о необыкновенных явлениях, которые описываются там, — злостная изощренная мистификация некоего любителя мрачных и жестоких розыгрышей. Самый коварный интриган с необузданным воображением задумается, прежде чем связать леденящие кровь фантазии Джойса-Армстронга с бесспорными трагическими фактами, которые доказывают, что его фантазии — реальность. Хотя автор повествует о явлениях невероятных, даже чудовищных, наиболее образованная часть общества склоняется к мысли, что это отнюдь не вымысел и что мы должны пересмотреть свои представления после сделанных Джойсом-Армстронгом открытий. Лишь хрупкая и ненадежная преграда отделяет нас от грозных обитателей неведомого мира, которые в любую минуту могут вторгнуться к нам. Я попытаюсь изложить в своем повествовании, куда включу записки Джойса-Армстронга, в том, увы, неполном виде, как они были найдены, все известные на настоящее время сведения о том, что так волновало этого исследователя, однако я с самого начала хочу заявить читателям: быть может, кто-то усомнится в правдивости Джойса-Армстронга, но все, что касается пилота морской авиации флота Ее Величества лейтенанта Миртла и мистера Хейя Коннора, не должно вызывать

сомнений, их постигла та же смерть, что и автора записок.

Записки — или дневник — Джойса-Армстронга были найдены в поле, которое называется Лоуэр Хейкок, в миле к западу от деревни Уизихем, стоящей на границе между графствами Кент и Суссекс. Пятнадцатого сентября сего года Джеймс Флинн, работающий у Мэтью Додда на его ферме «Чантри» в Уизихеме, увидел на краю тропинки, идущей вдоль живой изгороди луга Лоуэр Хейкок, трубку из корня верескового дерева. Через несколько шагов он поднял разбитый бинокль. И наконец в канаве, среди зарослей крапивы, увидел раскрытую книгу в полотноном переплете, которая оказалась вовсе не книгой, а отрывным блокнотом, причем несколько листов ветер прибил к кустам изгороди и трепал возле нижних веток. Работник подобрал листки, однако еще три или четыре листка, включая первый, так и не удалось отыскать, и в этом повествовании, где так важно каждое слово, к несчастью, зияют пробелы. Работник отнес блокнот своему хозяину, тот показал его доктору Дж. Г. Атертону из Хартфильда. Этот джентльмен тотчас понял, что рукопись следует передать специалистам для изучения, и она была отправлена в Лондон, в Клуб авиаторов, где сейчас и находится.

Две первые страницы отсутствуют. Нет также одной в конце, но это ни в коей мере не мешает пониманию того, что произошло. Естественно предположить, что в отсутствующих начальных страницах мистер Джойс-Армстронг перечисляет свои рекорды в воздухе, о которых можно узнать из разных других источников и которые, как всем известно, не превзошел ни один авиатор Англии. Много лет он считался одним из самых отважных и образованных воздухоплавателей, и сочетание этих качеств дало ему возможность изобрести и испытать несколько новых авиационных приборов, в том числе и известное гироскопическое устройство, которое назвали его именем. Весь дневник написан очень аккуратно, чернилами, но последние строки нацарапаны карандашом, их едва можно разобрать — именно так и должно выглядеть послание, торопливо набросанное авиатором в летящем аэроплане. Могу также сообщить, что на последней странице и на обложке блокнота есть несколько пятен, и специалисты из министерства внутренних дел установи-

ли, что это кровь — без сомнения, кровь млекопитающего, возможно, человека. То обстоятельство, что в ней обнаружены тельца, имеющие большое сходство с малярным микробом, а у Джойса-Армстронга была, как известно, перемежающаяся лихорадка, — удивительная демонстрация могущества современной науки, которая вооружает своими знаниями наших исследователей.

А теперь немного об авторе этого эпохального документа. Те несколько друзей, которые действительно знали его близко, говорят, что это был поэт, мечтатель и при этом талантливейший инженер и изобретатель. Человек с большим состоянием, он очень много тратил на свое увлечение воздухоплаванием. В его ангарах близ Девайза стояло четыре аэроплана, которые принадлежали лично ему, и, как рассказывают, он за последний год поднимался в воздух более ста семидесяти раз. Характер у него был замкнутый, он нередко впадал в мрачное расположение духа и тогда избегал общества своих коллег-авиаторов. Капитан Дейнджерфилд, знавший его лучше, чем кто бы то ни было, утверждает, что по временам его эксцентричность грозила развиться в нечто более серьезное. Одним из симптомов он считал привычку Джойса-Армстронга брать с собой в полет дробовик.

Очень настораживало также Дейнджерфилда болезненное впечатление, которое произвела на его друга гибель лейтенанта Миртла. Миртл пытался поставить рекорд высоты и упал с тридцати тысяч футов. Как ни жутко об этом рассказывать, но головы у него не было, хотя изуродованное туловище и конечности были найдены. На всех встречах с друзьями-авиаторами Джойс-Армстронг, как утверждает Дейнджерфилд, неизменно спрашивал с загадочной усмешкой: «А где же все-таки голова Миртла, кто мне объяснит?»

Однажды после обеда в Школе авиаторов, которая находится под Солсбери, он завел разговор о том, что следует считать самой неотвратимой из всех опасностей, которые подстерегают авиатора. Выслушав своих коллег, которые называли кто воздушные ямы, кто дефекты в конструкции аэроплана, кто слишком большой крен при вираже, он лишь пожал плечами и отказался высказать свое мнение, а оно, судя по его выражению, не совпадало с мнением коллег.

Следует особо отметить, что после его необъяснимого исчезновения было обнаружено, что он привел все свои дела в идеальный порядок, и это дает основания предположить, что он заранее предчувствовал беду. А теперь, после этого вступления, которое я счел необходимым дать, повествование продолжит сам Джойс-Армстронг, дневник которого начинается с третьей страницы залитого кровью блокнота:

«...Однако, когда я обедал в Реймсе с Козелли и Густавом Рэймондом, в разговоре выяснилось, что ни тот ни другой и не догадываются о грозной опасности, которую таят верхние слои атмосферы. Я не стал рассказывать, что именно я думаю, но намеки мои были столь прозрачны, что, будь у них в мыслях нечто схожее, они бы непременно высказали свои предположения. Впрочем, чего от них ждать: оба они тщеславные глупцы, у них одно на уме — увидеть свои, никому не интересные имена, в газете. Замечу, что поднимались они чуть выше двадцати тысяч футов. А между тем даже многие стратонавты и альпинисты достигали куда более значительных высот, это всем известно. Опасная зона находится в верхних слоях атмосферы, если, конечно, мои предчувствия меня не обманывают.

Воздухоплавание развивается уже больше двадцати лет, и вполне резонно задать вопрос: почему же эти грозные явления начали проявляться только сейчас. Ответ напрашивается сам собой. В прежние времена, когда двигатели аэропланов были слабые и какой-нибудь «Гном» или «Грин» с его ста лошадиными силами использовался для любой цели, возможности полетов были чрезвычайно ограничены. Теперь же почти на всех машинах устанавливают трехсотсильные двигатели, и авиаторы легко достигают больших высот, причем это никого не поражает. Многие из нас помнят, как в дни нашей юности весь мир восхищал Гарро, когда он поднялся до девятнадцати тысяч футов, а перелет через Альпы стал величайшей из сенсаций. Сейчас возможности воздухоплавания неизмеримо возросли, и многие авиаторы поднимаются на огромные высоты. Авиаторы легко достигают тридцати тысяч футов, не испытывая неприятных ощущений, если не считать холода и недостатка кислорода. Что же это доказывает? Пришелец из других миров может тысячу

раз опуститься на нашу планету и ни разу не увидеть тигра. И тем не менее тигры существуют, и если ему случится сесть на землю в джунглях, его могут сожрать. В верхних слоях атмосферы есть свои джунгли, и их населяют существа пострашнее тигров. Я уверен, что настанет время, когда эти места будут тщательнейшим образом нанесены на карту. Даже и сейчас я знаю два таких места в небе. Одно находится над департаментом Атлантические Пиренеи во Франции, между Биаррицем и По. Другое — в Уилтшире, прямо над моим домом, где я сижу и пишу свой дневник. У меня есть основания предполагать, что есть и третье, оно расположено между Гамбургом и Висбаденом.

Я впервые задумался об этом, когда стали исчезать авиаторы. Все, конечно, твердили, что они упали в море, но меня такое объяснение никак не удовлетворяло. Вспомним хотя бы французского авиатора Веррье — его машину нашли неподалеку от Байонны, а вот сам он исчез без следа. Исчез также и Бакстер, хотя в Лестершире, в лесу, был обнаружен мотор его аэроплана и несколько металлических деталей. Доктор Миддлтон из Эймсбери, который наблюдал полет Бакстера в телескоп, рассказывает, что прежде, чем исчезнуть в облаках, машина, набравшая огромную высоту, вдруг несколькими рывками вздернулась вертикально вверх — доктор никогда бы не поверил, что такое возможно. Больше Бакстера никто никогда не видел. Газеты много писали об этом трагическом эпизоде, но ничего узнать так и не удалось. Было еще несколько сходных случаев, потом погиб Хей Коннор. Как потешалось наше общество над «неразрешимой загадкой небес», как изошрялась в издевательствах желтая пресса, но никто и палец о палец не ударил, чтобы добраться до сути дела. Хей спланировал на землю с огромной высоты. Из аэроплана он так и не вышел, умер прямо на сиденье. Отчего он умер? У него было больное сердце, объявили врачи. Чушь! У Хей Коннора сердце было крепче моего. Знаете, что тогда сказал Венаблз — единственный, кто был с ним рядом, когда он умирал. Так вот, он рассказывает, что Хей дрожал и на лице у него был ужас. Он умер от страха, утверждает Венаблз, но не представляет, что же его так напугало. Хей произнес одно-единственное слово: «чудовищно...» — так послышалось Венаблзу. Следствие не поняло, что это означает.

Зато я понял. Чудовища! Вот последнее слово, которое произнес бедняга Гарри Хей Коннор. Да, он действительно умер от страха, Венаблз был прав.

Потом эта история с головой Миртла. Неужели вы верите — неужели человек в здравом уме способен поверить, будто сила удара при падении в состоянии вдавить голову человека, всю, целиком, в туловище. Не знаю, может быть, теоретически такое и возможно, только лично я в жизни не поверю, что это случилось с Миртлом. А жир на его одежде? Она вся скользкая от жира, сказал кто-то во время следствия. И никто не задумался над этим — ну не странно ли? Зато я задумался — но ведь я-то думаю обо всем этом давно. Я поднимался на большую высоту три раза — Дейнджерфилд ужасно потешался, что я всегда беру с собой дробовик, но эта высота оказалась недостаточной. Теперь у меня есть новый легкий «Поль Вероне» со стасемидесятипяти сильным двигателем «Робур», и завтра я без труда достигну тридцати тысяч футов. Нацелюсь на рекорд. Может быть, придется целиться и из ружья, даже стрелять. Конечно, то, что я задумал, опасно. Но если вас страшит опасность, не нужно вообще летать: облачитесь в халат, ноги — в войлочные туфли и сидите себе дома. Но я — я завтра совершу вылазку в воздушные джунгли, и если их кто-то населяет, встречи не миновать. Если я вернусь, мое имя будет у всех на устах. Если нет, эти записки объяснят, какую я поставил себе цель и какой смертью погиб, ища подтверждения своей догадке. Но только ради всего святого: никакой чепухи о несчастных случаях и тайнах небес.

Я выбрал туда для полета мой моноплан «Поль Вероне». Моноплан — идеальная машина, если вы задумали что-то серьезное. Бомон установил это еще много лет назад. Во-первых, она не боится сырости, а, судя по погоде, мне предстоит все время лететь в облаках. Мой «Поль Вероне» — маленький и изящный, послушен в управлении, как хорошо вышколенная породистая лошадь, мотор — десятицилиндровый роторный «Робур», развивает мощность до ста семидесяти пяти лошадиных сил. Модель — последнее слово авиационной техники: закрытый фюзеляж, круто выгнутое лыжное шасси, надежные тормоза, гироскопические стабилизаторы, три скорости, причем скорость изменяется изменением угла подъема

плоскости крыльев — по принципу жалюзи. Я взял с собой дробовик и полтора десятка патронов. Видели бы вы физиономию моего механика Перкинса, когда я распорядился положить все это в машину. Оделся я как на Северный полюс: под комбинезоном два свитера, шерстяные носки, меховые сапоги, шлем, защитные очки. На дворе было жарко, душно, но ведь я готовился подняться на высоту Гималайских вершин, и должен был соответственно экипироваться. Перкинс понимал, что все это неспроста, и умолял меня взять его с собой. Может быть, я и взял бы, если бы летел в биплане, но моноплан — машина для одного, если хочешь взять максимальную высоту. И конечно, я захватил с собой мешок с кислородом: без него авиатор, который хочет поставить рекорд высоты, превратится в ледышку или задохнется — впрочем, возможно и то, и другое.

Прежде чем сесть в моноплан, я тщательно осмотрел крылья, штурвал, рычаг высоты. Насколько я могу судить, все было в порядке. Потом завел мотор, и машина плавно заскользила по полю. Едва лишь механики отпустили пропеллер, как она почти сразу поднялась в воздух на первой скорости. Я сделал два круга над полем возле моего дома, чтобы хорошенько разогреть мотор, помахал рукой Перкинсу и всем, кто провожал меня, выровнял крылья и дал полный газ. Миль восемь — десять мой «Поль Вероне» несли в струях попутного ветра, стремительный, как ласточка, потом я слегка приподнял его нос вверх и стал подниматься по гигантской спирали к затянувшимся небо тучам. Самое главное — набирать высоту медленно, чтобы организм постепенно привыкал к все уменьшающемуся давлению.

День был душный, для сентября необычно теплый, но пасмурный, все затихло в тягостном ожидании, как всегда бывает перед дождем. Время от времени с юго-запада налетали порывы ветра, один такой неожиданный и резкий, что застал меня врасплох и на миг повернул машину чуть не на сто восемьдесят градусов. Помню, когда-то вихри, бури и воздушные ямы представляли для авиатора серьезнейшую опасность, но потом ее преодолела всепобеждающая сила, которой мы наделили наши моторы. Когда я поднялся до уровня туч — стрелка моего альтиметра показывала три тысячи футов, — пошел дождь. Нет, не пошел — хлынул! Он барабанил по крыль-

ям, сек мне лицо, залил очки, так что я ничего не видел. Я снизил скорость, потому что было трудно бороться с такой массой дождя и ветра. Еще выше — и посыпал град, я бросился от него наутек. Один из цилиндров отказал — наверно, засорился клапан, подумал я, и тем не менее машина неуклонно и мощно набирала высоту. Немного погодя неисправность устранилась сама собой — уж не знаю, в чем там было дело, и я услышал глубокий низкий гул — все десять цилиндров пели уверенно и ровно, как один. Какое все-таки чудо наши современные глушители! Наконец-то мы получили возможность определять неполадки в работе моторов на слух. Как они стучат, визжат, скрежещут, когда что-то не в порядке! В прежние времена никто не слышал этих криков о помощи, ведь тогда их заглушал чудовищный рев мотора. Если бы только первые авиаторы могли вернуться к нам и увидеть современные аппараты, за чью красоту и совершенство они заплатили жизнью!

В половине десятого я приблизился к пелене туч. Подо мной сквозь завесу дождя смутно виднелась широко раскинувшаяся равнина Солсбери. Несколько авиаторов отработывали маневры на высоте не более тысячи футов, их машины были похожи на маленьких черных ласточек на фоне зеленой травы. Они наверняка недоумевали, что это я делаю так высоко, под самыми облаками. Вдруг картина, которую я видел внизу, задернулась как бы серым занавесом, и рядом, касаясь моего лица, заколыхались влажные складки тумана. Туман был липкий, холодный, тягучий. Но я поднялся над ливнем и градом, и это немалое достижение. Туча была темная и плотная, как лондонский туман. Спеша поскорее выбраться из туч, я направил машину чуть ли не вертикально вверх, и тут включилась аварийная сигнализация, я стал соскальзывать вниз. Мне и в голову не приходило, что вымокшие насквозь крылья так сильно увеличат вес самолета, и тем не менее облака мало-помалу начали редеть, скоро я вынырнул из их нижнего слоя. Над головой, на огромной высоте, был второй слой — молочно-опаловый потолок кудрявых облаков, закрывший все небо от горизонта до горизонта; внизу — темный пол туч, закрывший землю тоже от горизонта до горизонта, а в пространстве между ними — моноплан, взбирающийся вверх по широкой спирали. В этих просторах среди облаков чувствуешь себя

ужасно одиноко. Однажды мимо меня пронеслась большая стая каких-то мелких водяных птиц, они летели на запад — и до чего же быстро. От плеска их крыл и мелодичных криков на душе стало теплее. Мне кажется, это были чирки, но зоолог из меня никудышный. Теперь, когда мы, люди, стали птицами, стыдно не узнавать своих братьев.

Ветер, дующий вниз, взвихривал и колыхал волнами пелену туч. Вдруг тучи бешено закрутились, образовался как бы огромный водоворот, и сквозь возникшее окно я увидел, словно через дно воронки, кусочек далекого мира. Подо мной на солидной высоте летел большой белый биплан. Наверное, вез утреннюю почту из Бристоля в Лондон. Но вот тучи затянули окно, я снова остался в своем великом одиночестве.

В начале одиннадцатого я вошел в нижнюю кромку верхнего слоя облаков. Легкие прозрачные ленты тумана быстро плыли с запада. Все это время ветер непрерывно усиливался и теперь достиг шести с половиной баллов — двадцать восемь миль в час, судя по моим приборам. Было уже очень холодно, хотя мой альтиметр показывал всего девять тысяч футов. Мотор работал идеально, машина неуклонно шла вверх. Этот слой облаков оказался толще, чем я ожидал, но вот наконец туман стал редеть, превратился в золотистое сияние, я вынырнул из него и оказался в безоблачном небе, где ослепительно сияло солнце — в вышине золото и лазурь, внизу — сверкающее серебро, эдакое безбрежное светозарное море. Было четверть одиннадцатого, стрелка барографа показывала двенадцать тысяч восьмьсот футов. Я поднимался выше, выше, внимательно вслушиваясь в глубокий мягкий гул мотора, глядя то на часы, то на тахометр, то на указатель уровня бензина, то на индикатор давления масла. Про авиаторов говорят, что им неведом страх, и это поистине верно. Когда приходится держать в уме столько всего одновременно, о себе просто забываешь. Я заметил, что на определенной высоте компас перестает давать правильные показания. Например, мой на пятнадцати тысячах футов показывал юг-юго-восток. Приходилось ориентироваться по солнцу и по ветру.

Я-то надеялся, что на этих высотах царит вечный штиль, но с каждой тысячей футов шторм разыгрывался все необузданней. Все заклепки моей машины, все со-

единения стонали и ходили ходуном, и, когда машина накренилась во время поворота, ветер подхватывал ее, точно листок бумаги, и уносил с такой скоростью, какая и не снилась простому смертному. Но я каждый раз упорно разворачивал моноплан и ставил против ветра, потому что цель моя была куда важнее, чем просто поставить рекорд высоты. По моим расчетам, эти небесные джунгли находятся на небольшом пространстве над графством Уилтшир, и если я выйду в верхние слои атмосферы чуть дальше, весь мой труд пропадет даром.

Когда я около полудня поднялся до девятнадцати тысяч футов, ветер совсем рассвирепел, и я с тревогой поглядывал на оттяжки крыльев, ожидая, что они вот-вот лопнут или ослабнут. Я даже расчехлил лежащий сзади парашют и пристегнул его замок к кольцу на моем кожаном ремне — мало ли что, вдруг произойдет худшее. Я попал сейчас в такую переделку, когда за малейший недосмотр механика авиатор расплачивается жизнью. Но мой «Поль Вероне» мужественно противостоял натиску бури. Стойки и стропы дрожали и гудели, как струны арфы, но какое же это было великолепное зрелище — разбушевавшаяся стихия кидала и швыряла мой моноплан, как щепку, и все-таки он торжествовал над ней, властелином неба был он. Несомненно, и сам человек несет в себе частицу божественных сил, иначе ему бы не подняться столь высоко, над пределом, который определил для нас Творец, а он поднялся, благодаря бескорыстной преданности и отваге, которые он проявил, покоряя воздух. А еще твердят, что люди измелъчали! Разве история человечества знает подвиг, сравнимый с этим?

Вот о чем я думал, поднимаясь по своей исполинской спирали в небо, и ветер то бил мне в лицо, то со свистом налетал из-за спины, а страна облаков внизу была так далеко, что я уже не различал больше серебряных долин и гор — они слились в плоскую сияющую поверхность. И вдруг случилось нечто чудовищное, такого я еще не испытывал. Мне и раньше доводилось попадать в воздушные вихри, которые наши соседи французы называют *tourbillon*¹, но никогда они не были такими бешеными. В этой гигантской бушующей реке ветра, о которой я

¹ Водоворот (фр.).

говорил, есть, оказывается, свои водовороты, столь же беспощадные, как она сама. Миг — и меня втянуло в сердцевину одного из них. Минуты две «Поль Вероне» крутило с такой скоростью, что я чуть не потерял сознание, потом вдруг машина канула вниз, в пустоту, образовавшуюся в жерле воронки. Я падал, как камень, левым крылом к земле, и потерял почти тысячу футов. Удержал меня в сиденье только ремень, я повис на нем, свесившись через борт, растерзанный, задохнувшийся, в морозе. Но я в любых обстоятельствах могу усилием воли взять себя в руки, чего бы мне это ни стоило — для авиатора это очень важное качество. Я почувствовал, что падаю медленнее. Этот *tourbillon* оказался, скорее, перевернутым конусом, чем воронкой, и теперь я был в самой ее вершине. Собрав все свои силы, я перевалился на другой борт, поставил машину в горизонтальное положение, потом повернул нос чуть в сторону. И тотчас же меня вынесло вон из вихря, я снова поплыл по гигантской реке ветра. Потрясенный, но торжествующий, я продолжал свой упорный подъем. Описывая спираль, я сделал большой крюк, чтобы снова не попасть в этот чудовищный смерч, и скоро оказался над ним — уф, слава богу. В час дня альтиметр показывал двадцать одну тысячу футов над уровнем моря. К моей великой радости, я поднялся над бурей, мало того, теперь ветер стихал, каждая сотня футов это подтверждала. Зато было очень холодно, и начала подступать та особая тошнота, которую вызывает недостаток кислорода. Я в первый раз отвинтил пробку кислородного мешка и стал время от времени вдыхать глоток этого животворного газа. В мою кровь словно влилось шампанское, я ликовал, опьяненный радостью. Я кричал, пел, взмывая в ледяной безветренный мир высот.

Я очень хорошо понимаю, почему Глейшер полностью потерял сознание, а Коксуэлл был на грани бесчувствия, когда они в 1862 году поднялись в кабине воздушного шара на высоту тридцати тысяч футов: они неслись вертикально вверх с огромной скоростью. Нужно подниматься по плавной кривой под очень небольшим углом и щадить свой организм, постепенно привыкая к медленно падающему атмосферному давлению, тогда авиатору не угрожают столь катастрофические последствия. И еще я обнаружил на этой огромной высоте, что даже без кис-

лородной маски можно дышать, не испытывая неприятных ощущений. Однако было очень холодно, мой термометр показывал ноль градусов по Фаренгейту. В половине второго высота была уже почти семь миль над уровнем моря, и я продолжал неуклонно подниматься. И тут оказалось, что разреженный воздух все хуже и хуже держит крылья моего «Поля Вероне», и потому пришлось значительно уменьшить угол подъема. Мне уже стало ясно, что, несмотря на легкий вес машины и мощный мотор, я скоро достигну потолка. А тут еще одна из свеч зажигания снова начала барахлить, в моторе появились перебои. На сердце было тяжело. Вдруг неудача?

И тут произошло удивительное явление. Что-то просветело мимо меня, оставив длинный хвост дыма, взорвалось с громким шипением и окуталось облаком пара. Я оторопел — что бы это могло быть? Потом вспомнил, что ведь на землю постоянно сыплется град метеоритов, и если бы они почти все не сгорали в верхних слоях атмосферы, на ней было бы невозможно жить. Еще одна опасность для авиатора на больших высотах; две другие мне предстояло встретить, когда я приближался к сорока тысячам футов. Не сомневаюсь, что около внешней оболочки атмосферы риск поистине огромный.

Когда стрелка барометра остановилась на сорока одной тысяче трехстах футах, я понял: все, это предел. И причина не во мне. Физическое напряжение хоть и велико, но вполне переносимо, просто моя машина исчерпала все свои возможности. Разреженный воздух был плохой опорой для крыльев, при малейшем крене «Поль Вероне» срывался в скольжение на крыло, я с трудом заставлял его подчиняться рычагам управления. Будь мотор в идеальном состоянии, мы, может быть, и одолели бы еще тысячу футов, но он работал с перебоями, и теперь отказали уже два цилиндра из десяти. Хорошо, что я достиг зоны, к которой стремился, иначе не бывать бы мне сегодня здесь. А впрочем, действительно ли я ее достиг? Паря, точно гигантский ястреб, на высоте сорока тысяч футов, я отпустил штурвал, взял мой «Маннхейм» и стал внимательно смотреть вокруг. Небо было совершенно ясное, ни малейшего намека на присутствие тех грозных существ, которых я себе представлял.

Я уже сказал, что парил кругами. Вдруг мне пришло в голову, что стоит увеличить диаметр этих кругов и из-

менить свой путь в воздухе. Ведь если охотник идет в обычные земные джунгли за каким-то зверем, он исходит джунгли в поисках зверя вдоль и поперек. Мои рассуждения привели меня к выводу, что воздушные джунгли, которые я так часто рисовал в своем воображении, находятся где-то над графством Уилтшир. Это на юго-западе от моего имения. И сейчас я определил свое местонахождение по солнцу, потому что с компасом творилось бог весть что, а земли не было видно — глубоко внизу простирался безбрежный океан серебряных облаков. Однако я со всей доступной мне точностью вычислил направление и повел моноплан прямо туда. Бензина мне хватит на час-полтора, не больше, но я могу позволить себе израсходовать его весь, до последней капли и потом медленно опуститься на землю в виртуозно пологом *vol-plane*¹.

Вдруг я почувствовал какую-то перемену. Воздух впереди меня утратил свою хрустальную прозрачность. Он наполнился длинными косматыми лентами как бы очень легкого сигаретного дыма. Эти ленты медленно скручивались, свивались в кольца, они змеились, колыхались на солнце. Когда я пролетел сквозь этот дым, то почувствовал слабый вкус жира на губах, и все деревянные конструкции машины покрылись чем-то жирным и скользким. Видимо, в воздухе плыли мельчайшие частицы органического вещества. Но это не были живые организмы. Примитивная рассеянная взвесь раскинулась на много квадратных акров и обрывалась где-то у края бездны. Нет, конечно, это была не жизнь. Но, может быть, останки жизни? Или пища живых существ, пища гигантских чудовищ, ведь питаются же огромные киты крошечным планктоном, стаи которого плавают в океанах? С этой мыслью я поднял голову и увидел удивительнейшее из зрелищ, которое когда-либо представало глазам человека. Как передать словами то, что я видел в прошлый четверг?

Вообразите медузу, какие плавают у нас в море летом: по форме — колокольчик, только огромного размера, гораздо больше, насколько я могу судить, чем купол на соборе Святого Павла. Медуза была нежно-розового цвета со светло-зелеными прожилками, и эта розово-зеленая субстанция была такой тонкой и прозрачной, что сквозь

¹ Планирование (*фр.*).

нее просвечивало ярко-синее небо. Это сказочно прекрасное существо ровно, плавно пульсировало. Из него свешивались вниз два длинных зеленых усика, они медленно раскачивались взад-вперед. Дивное видение царственно проплыло надо мной, неслышное, легкое и хрупкое, как мыльный пузырь, и столь же величаво стало удаляться.

Я начал разворачивать свой моноплан, чтобы еще полюбоваться этим чудом, и тут вдруг оказался среди целой флотилии этих медуз: они были маленькие, большие, но ни одной, равной по величине той, первой. Были и крошечные, но преобладали размером с воздушный шар, причем даже форма их повторяла верхнюю часть воздушного шара. Хрупкие, изысканно расцвеченные, они были словно выдуты из тончайшего венецианского стекла. Преобладали бледно-розовый и светло-зеленые тона, но, когда солнце пронизывало эти изящно очерченные создания, они начинали радужно переливаться. Мимо меня проплыло несколько сотен этих медуз — удивительная сказочная каравелла странных, никому не ведомых воздушных кораблей — существ, чьи контуры и материя, из которых они сотворены, находятся в полной гармонии с миром этих горных высот, на земле подобное совершенство немислимо.

Но скоро мое внимание привлек другой феномен — змеи больших высот. Длинные, тонкие фантазмагорические кольца вещества, напоминающего пар, они вились в воздухе с такой невероятной скоростью, крутятся и извиваясь, что глазу было не уследить за ними. Некоторые из этих прозрачных существ были длиной до двадцати и даже тридцати футов, но толщину их определить я затруднялся, потому что зыбкие очертания как бы таяли в небе. Эти воздушные змеи были светло-серого, дымчатого цвета с более темным узором внутри, и от этого они производили несомненное впечатление живых организмов. Одна из змей скользнула возле моего лица, и я почувствовал, как лицо обдало чем-то холодным, влажным, но субстанция была слишком эфемерна, мне и в голову не пришло, что от них можно ждать чего-то дурного, как я не ждал зла от прекрасных радужных колоколов-медуз, которых встретил раньше. Змеи были бесплотны, как сорвавшаяся с гребня волны пена.

Но мне предстояла куда более страшная встреча. С огромной высоты летело вниз багровое пятно тумана —

маленькое, как мне показалось сначала, однако оно быстро росло, приближаясь ко мне, и скоро я понял, что на самом деле оно огромное, в несколько сотен квадратных футов. Состоящее из прозрачного студенистого вещества, оно тем не менее имело несравненно более четкие очертания и плотный состав, чем все виденное мною раньше. Было также больше признаков того, что это живой организм: два огромных темных диска, которые вполне могли быть глазами, и белый узкий треугольник между ними, не просто плотный, а даже твердый на вид, изогнутый и хищный, точно клюв коршуна.

От чудовища исходило ощущение злобы, жестокости; к тому же оно все время меняло цвет — бледнело до нежно-розовато-лилового и постепенно наливалось грозно-багровым, таким густым, что от твари даже падала на меня тень, когда она оказывалась между мной и солнцем. На верхней выпуклой поверхности его гигантского туловища выступало три огромных горба — я бы назвал их пузырями и, разглядев, пришел к убеждению, что они наполнены каким-то чрезвычайно легким газом, который поддерживает в разреженном воздухе эту желеобразную массу. Существо передвигалось очень быстро, легко держа скорость моноплана, и этот чудовищный эскорт сопровождал меня миль двадцать, тварь летела надо мной, как стервятник, готовый кинуться на добычу. Рассмотреть, как именно она движется, было довольно трудно из-за очень большой скорости, но мне все-таки удалось: чудовище выбрасывало вперед что-то вроде длинной конечности из вязкой субстанции, и эта конечность подтягивала корчащееся туловище. А туловище это было такое студенистое и зыбкое, что форма его беспрерывно менялась, при этом чудовище становилось все более гадким и зловещим.

Я знал, что оно замыслило недоброе. Каждая багровая вспышка его безобразного тела лишь подтверждала это. Пустые выпуклые глаза, которые ни на миг не отрывались от меня, словно бы обволакивали тягучей холодной ненавистью, которой неведома пощада. Я направил моноплан вниз, чтобы уйти от него. И в тот же миг из этой несущейся по воздуху массы молнией вылетело длинное жало и, точно плетка, стегнуло мою машину по носу. Раздалось громкое шипенье, потому что жало коснулось разогревшегося мотора, а огромное туловище мерзкой твари съезжилось, словно от неожиданной боли. Я ринулся

в пике, но жало снова упало на моноплан, и пропеллер перерезал его — легко, как будто прошел сквозь завиток дыма. Сзади подкралось длинное, липкое, похожее на змею щупальце, обвилось кольцом вокруг пояса и потащило меня из фюзеляжа. Я стал отрывать его от себя, мои пальцы погрузились во что-то скользкое, клейкое, и на миг я освободился, но тут еще одно щупальце обмоталось вокруг моего сапога и так дернуло за ногу, что я упал на спину.

Падая, я ухитрился выстрелить из обоих стволов дробовика, хотя и понимал, что это бесполезно — все равно, что пытаться убить слона из игрушечного ружья, ведь нет у человека оружия, которое могло бы поразить эту гигантскую тушу. И все же хоть я не целился, мой выстрел оказался на удивление удачным: дробь прорвала оболочку одного из пузырей на спине твари, и пузырь с громким треском лопнул. Теперь я окончательно убедился, что был прав в своей догадке: да, эти огромные прозрачные пузыри надуты легчайшим газом, ибо гигантское, похожее на облако чудовище мгновенно начало валиться на бок, отчаянно извиваясь в попытках обрести равновесие, причем оно разевало свой белый клюв и щелкало им в бешеной ярости. Но я уже был далеко — я ринулся на полной скорости вниз по предельно крутой кривой, пропеллер и сила притяжения несли меня к земле, как аэролит. Далеко позади виднелось тусклое багровое пятно, оно быстро уменьшалось и наконец растворилось в синем небе. Я цел и невредим выбрался из джунглей в небесах, где обитают кровожадные чудовища.

Оказавшись вне опасности, я сбросил газ, потому что спускаться на третьей скорости с такой высоты — вернейший способ утробить машину. Я планировал с восьмимильной высоты, описывая плавную великолепную спираль: вот я достиг слоя серебряных облаков, потом попал в слой грозовых туч, и, выйдя из него в проливной дождь, увидел землю. Подо мной был Бристольский залив, но в баке у меня еще оставалось немного бензина, и я пролетел двадцать миль на восток, а потом был вынужден сесть в полумиле от деревни Эшкомб. Там я купил у едущего мимо шофера три канистры бензина и в десять минут седьмого мягко приземлился на моем собственном лугу возле дома в Дивайзе, совершив путешествие, из какого не вернулся живым ни один смертный,

пытавшийся его предпринять. Я видел несказанную красоту высот, я испытал несказанный ужас, попав на небе в ад: такая красота и такой ужас неведомы нам здесь, на земле.

Прежде чем представить миру мое открытие, я поднимусь туда еще раз. Причина проста: я хочу не только рассказать о том, что видел, но и предъявить доказательства. Знаю, скоро за мной полетят другие и подтвердят истинность моих утверждений, и все же я должен с самого начала добиться, чтобы мне поверили. Будет нетрудно поймать одну из этих сказочно-прекрасных радужных медуз. Плынут они по воздуху медленно, и моноплан с легкостью перехватит стаю на ее неспешном пути. Вполне возможно, что в более плотных слоях атмосферы медуза растает и я принесу на землю лишь горсть бесформенного студня. И все равно этот студень будет вещественным доказательством моих открытий. Да, я поднимусь туда, хоть риск велик. Этих багровых чудовищ не так уж много. Может быть, они мне и вовсе не встретятся. Австретятся — я сразу же ринусь в пике. Случись самое скверное, у меня с собой дробовик, и я знаю, куда...»

Дальше все страницы, к сожалению, отсутствуют. На следующей записи крупными корявыми разбегающимися буквами: «Высота сорок три тысячи футов. Я больше никогда не увижу землю. Их три, и все они подо мной. Помоги мне Бог. Какой ужасной смертью я умру!»

Вот что написал в своем дневнике Джойс-Армстронг. Самого его после этого полета никто не видел. Обломки разбившегося моноплана были обнаружены в охотничьих угодьях мистера Бада-Лашингтона, на границе между Кентом и Суссексом, в нескольких милях от того места, где нашли блокнот. Если расчеты несчастного авиатора верны и воздушные джунгли, как он их называл, действительно находятся только над юго-западной территорией Центральных графств, то, судя по всему, моноплан унес его оттуда на полной скорости, но эти омерзительные твари догнали его и сожрали в верхних слоях атмосферы над тем местом, где были найдены печальные останки. Какое жуткое зрелище: моноплан летит на огромной высоте, а под ним, не отставая ни на фут, скользят неведомые твари, навеки отрезав авиатора от земли, вот они начинают приближаться к своей жертве... нет, если об

этом долго думать, можно сойти с ума. Я знаю, многие до сих пор потешаются, когда при них заходит речь о тех явлениях, которые я здесь описал, но даже закоренелые скептики вынуждены признать, что Джойс-Армстронг действительно исчез, и мне хочется, чтобы они задумались над словами из его дневника: «...эти записки объяснят, какую я поставил себе цель и какой смертью погиб, ища подтверждение своей догадке. Но только ради всего святого: никакой чепухи о несчастных случаях и тайнах небес».

Из глубин

Покуда океаны связывают воедино огромную, широко раскинувшуюся по всему свету Британскую империю, наши сердца будут овеяны романтикой. Ибо точно так же, как воды океанов испытывают воздействие Луны, душа человека подвержена воздействию этих вод, а когда главные торговые пути империи пролегают по океанским просторам, где путешественник видит столько удивительных зрелищ и слышит столько удивительных звуков и где опасность, подобно живой изгороди на проселочной дороге, постоянно сопровождает его слева и справа, странствие по ним не оставит следа разве что в совсем уже бесчувственной душе. Ныне Британия распростерлась далеко за свои пределы, и граница ее проходит по трехмильной полосе территориальных вод у каждого берега, завоеванного не столько мечом, сколько молотком, ткацким станком и киркой. Ибо в анналах истории записано: никакой властитель, никакое войско не в силах преградить путь человеку, который, имея в сейфе два пенса и хорошо зная, где он сможет превратить их в три, направит все свои помыслы на достижение этой цели. А по мере того как раздвигались рубежи Британии, раздвигались и горизонты ее сознания, покуда все люди воочию не убедились в том, что у этого острова широкий, континентальный кругозор, тогда как у Европейского континента узкий кругозор острова.

Но ничто не дается даром, и горька цена, которую нам приходится платить. Подобно тому, как в старинном предании люди, вынужденные платить дань дракону, каждый год отдавали ему одну человеческую жизнь, мы изо дня в день приносим в жертву нашей империи цвет нашей молодежи. Машина огромна, как мир, и мощна, но единственное топливо, способное приводить ее в движение, — это жизнь британцев. Вот почему, рассматривая медные мемориальные доски на стенах наших серых старинных соборов, мы видим чужеземные названия — названия, никогда не слышанные теми, кто возводил их стены, потому что Пешевар, Умбалла, Корти и Форт-Пирсон — это места, где умирают молодые британцы, оставляя после себя светлый пример да медную памятную доску. Но если бы каждому человеку ставили обелиск там, где он лег в землю, не понадобилось бы проводить пограничную линию: кордон из британских могил служил бы вечным напоминанием о том, каких высоких отметок достигла приливная англо-кельтская волна.

Так вот, это тоже, наряду с влиянием океанских просторов, связывающих нас с миром, накладывает на нас романтический отпечаток. Ведь когда у столь многих любимые и близкие находятся за морем, рискуя погибнуть от пуль горцев или от болотной лихорадки, где смерть разит внезапно, а до родины далеко, люди общаются мысленно, и бытует множество удивительных историй о вещих снах, предчувствиях или видениях, в которых мать зрит своего умирающего сына и переживает первый, самый сильный приступ горя еще до получения дурной вести. В последнее время ученый мир заинтересовался этим феноменом и даже дал ему научное наименование, но можно ли узнать об этом еще что-нибудь сверх того, что в трудный, мучительный миг душа несчастного, смертельно раненного или умирающего от болезни, способна послать самой близкой родственной душе с расстояния в десяток тысяч миль некий образ своего бедственного положения? Я далек от мысли утверждать, будто мы не наделены такой способностью, ибо из всех вещей, которые постигнет мозг, в последнюю очередь он постигнет себя: но все же к подобным вопросам надо бы подходить с большой осторожностью, потому что мне известен, по крайней мере, один случай, когда явление, произошедшее в соответствии с известными законами

природы, было принято за совершенно сверхъестественное.

Джон Ванситтарт, младший партнер фирмы «Хадсон и Ванситтарт», известных экспортеров кофе с плантаций Цейлона, по происхождению был на три четверти голландцем, но по своим симпатиям — истым англичанином. Много лет проработал я его торговым агентом в Лондоне, и, когда в 1872 году Ванситтарт приехал в Англию, чтобы провести здесь трехмесячный отпуск, он обратился ко мне с просьбой снабдить его рекомендательными письмами к людям, знакомство с которыми позволило бы ему немного приобщиться к городской и сельской жизни страны. Из моей конторы он вышел, вооруженный семью такими письмами, и в течение многих недель я получал из разных концов Англии разрозненные послания, из которых узнавал, что он снискал расположение моих друзей. Потом распространился слух о его помолвке с Эмили Лоусон, представительницей младшей линии Херефордширских Лоусонов, а следом пришло и официальное известие о его бракосочетании, ибо нет у скитальца времени на долгое ухаживание, и уже пора ему было собираться в обратный путь. В Коломбо они должны были отправиться вместе на одном из принадлежавших фирме парусных кораблей с оснащением барка и водоизмещением в тысячу тонн; это плавание, сочетавшее необходимость с удовольствием, обещало стать для них дивным свадебным путешествием.

То был период наивысшего расцвета производства кофе на Цейлоне, еще до того как буквально за один сезон гниlostный грибок погубил плантации и обрек всю тамошнюю общину на годы отчаяния, покуда мужество и изобретательность ее членов не одержали одну из крупнейших коммерческих побед, известных в истории. Ведь не часто бывает, что после гибели единственной и процветающей отрасли люди не пали духом и за несколько лет создали вместо нее новую, столь же богатую. Вот почему чайные плантации Цейлона — это такой же памятник мужеству людей, как лев у Ватерлоо. Но в 1872 году ни одного облачка не появилось еще на цейлонском горизонте, и надежды кофейных плантаторов были столь же велики и столь же солнечны, как склоны гор, на которых они выращивали свои урожаи. Ванситтарт приехал в Лондон вместе со своей молодой красавицей женой.

Я был представлен ей, обедал у них и в конце концов условился — поскольку и меня тоже дела призывали на Цейлон, — что я отправляюсь туда вместе с ними на борту парусника «Восточная звезда», отплывающего в следующий понедельник.

А в воскресенье вечером я свиделся с ним еще раз. Часов около девяти слуга провел его ко мне в комнату. Вид у него был встревоженный и явно нездоровый. Пожимая ему руку, я ощутил, какая она сухая и горячая.

— Не найдется ли у вас, Аткинсон, — сказал он, — сока лайма с водой? Меня мучит зверская жажда, и чем больше я пью, тем больше она разгорается.

Я позвонил и велел принести графин и стаканы.

— Вы весь горите, — сказал я. — И выглядите неважно.

— Да, я что-то совсем расклеился. Спина побаливает — похоже, легкий приступ ревматизма — и не чувствую вкуса пищи. В этом ужасном Лондоне совершенно нечем дышать. Я не привык вдыхать воздух, пропущенный через четыре миллиона легких, которые втягивают его всюду вокруг тебя. — Он выразительно помахал руками у себя перед лицом, как человек, который и впрямь задыхается.

— Ничего, морской воздух быстро вас вылечит.

— Да, тут я с вами согласен. Это то, что мне требуется. Другого врача мне не надо. Если я не буду завтра в море, я всерьез разболеюсь. Уж это точно. — Он выпил стакан сока лайма и потер костяшками пальцев себе поясницу.

— Кажется, полегче становится, — проговорил он, глядя на меня затуманенными глазами. — Так вот, Аткинсон, мне нужна ваша помощь, так как я оказался в довольно затруднительном положении.

— А в чем дело?

— Вот в чем. Заболела мать моей жены и вызвала ее к себе телеграммой. Отправиться вместе с ней я никак не мог: сами знаете, сколько у меня тут было дел. Так что ей пришлось поехать одной. А сегодня я получаю еще одну телеграмму, в которой говорится, что завтра она приехать не сможет, но сядет на корабль в среду в Фалмуте. Ведь мы, как вы знаете, зайдем в этот порт, хотя, Аткинсон, по-моему, это жестоко: требовать от человека, чтобы он верил в чудо, и обрекать его на вечные муки, если он на это неспособен. Подумайте только, на вечные

муки, не больше и не меньше. — Он наклонился вперед и порывисто задышал, как человек, готовый разрыдаться.

Тут мне вспомнились многочисленные истории о злоупотреблении спиртным на острове, и я подумал, что причиной и его истступленных речей и жара в руках — выпитое бренди. Ведь лихорадочный румянец и остекленевшие глаза — верный признак опьянения. Как при-скорбно было видеть столь благородного молодого человека в когтях этого дьявола, самого мерзкого из всех.

— Вам следует лечь, — заметил я не без строгости.

Он прищурил глаза, как это делают, стараясь очнуться от сна, и посмотрел на меня с удивленным видом.

— Скоро я так и поступаю, — сказал он вполне разумно. — Что-то у меня голова закружилась, но сейчас все прошло. Так о чем я говорил? Ах да, о жене, конечно. Она сядет на корабль в Фалмуте. Я же хочу плыть морем. Помоему, на море я сразу поправлюсь. Мне бы только глотнуть свежего воздуха, не прошедшего ни через чьи легкие, — это враз поставит меня на ноги. Вас же я попрошу вот о чем. Будьте другом, поезжайте в Фалмут поездом: тогда, если мы вдруг запоздаем, вы позаботитесь о моей жене. Остановитесь в отеле «Ройял», а я телеграфирую ей, что вы будете там. До Фалмута ее проводит сестра, так что никаких сложностей возникнуть не должно.

— Я с удовольствием сделаю это, — заверил его я. — По правде, мне предпочтительней проехаться поездом, потому что, пока мы доберемся до Коломбо, море успеет нам надоесть. Вам же, по-моему, необходима перемена обстановки. Ну, а сейчас я бы на вашем месте пошел и лег спать.

— Да, я лягу. Сегодня я ночую на борту судна. Знаете, — продолжал он, и глаза у него загуманились вновь, словно подернувшись пленкой, — последние несколько ночей я плохо спал. Меня мучили теолологические... то бишь теолологические... тьфу ты, в общем сомнения, которые одолевают теолологов, — договорил он с отчаянным усилием. — Я все спрашивал себя, зачем это Господь Бог создал нас и зачем. Он насылает на нас головокружение и боль в пояснице. Может, этой ночью сумею выпастись. — Он встал и с усилием выпрямился, опираясь о спинку кресла.

— Послушайте, Ванситтарт, — озабоченно сказал я, шагнув к нему и положив руку ему на рукав, — я могу

постелить вам здесь. Вы не в таком состоянии, чтобы выходить на улицу. Вас развезло. Не следовало вам мешать крепкие напитки.

— Напитки! — он с глупым видом уставился на меня.

— Раньше вы умели пить и не пьянеть.

— Даю вам честное слово, Аткинсон, что за два последних дня я не выпил ни капли спиртного. Это не опьянение. Я сам не знаю, что это такое. А вы, значит, подумали, что я пьян. — Он взял мою ладонь своими пылающими руками и провел ею по своему лбу.

— О господи! — воскликнул я.

На ощупь его кожа походила на атлас, под которым лежит плотный слой мелкой дробы. Она была гладкой, если прикоснуться к ней в одном месте, но оказывалась бугристой, как терка для мускатных орехов, если провести по ней пальцем.

— Ничего, — сказал он с улыбкой, увидев испуг на моем лице. — У меня однажды была сильная потница, тоже что-то в этом роде.

— Но это явно не потница.

— Нет, это Лондон. Это оттого, что я надышался дурным воздухом. Но завтра все пройдет. На корабле есть врач, так что я буду в надежных руках. Ну, я пойду.

— Никуда вы не пойдете, — сказал я, усаживая его обратно в кресло. — Дело серьезное. Вы не уйдете отсюда, пока вас не осмотрит врач. Посидите тут — я мигом.

Схватив шляпу, я поспешил к дому врача, жившего по соседству, и привел его с собой. Комната была пуста, Ванситтарт ушел. Я позвонил. Слуга сообщил, что, как только я вышел, джентльмен велел вызвать кеб и уехал в нем. Извозчику он приказал вести его на пристань.

— У джентльмена был больной вид? — спросил я.

— Больной, как же! — улыбнулся слуга. — Нет, сэр, он все время распевал во весь голос.

Эти сведения не были такими утешительными, как показалось моему слуге, но я рассудил, что он отправился напрямиком на «Восточную звезду», и коль скоро на борту есть врач, моя помощь ему больше не нужна. Тем не менее, вспоминая его жажду, его горячие руки, его остекленелый взгляд, его сбивчивую речь и, наконец, этот шершавый лоб, я испытывал неприятное чувство и лег спать с тревожными мыслями о моем госте и его визите.

Назавтра в одиннадцать часов я был на пристани, но «Восточная звезда» уже отчалила и спускалась вниз по Темзе, приближаясь к Грейвсенду. Я доехал до Грейвсенда поездом, но увидел лишь стены «Восточной звезды» да дымок тянущего ее буксира. Теперь я больше ничего не узнаю о моем друге до того, как присоединюсь к нему в Фалмуте. Когда я вернулся к себе в контору, меня ждала телеграмма от миссис Ванситтарт с просьбой встретить ее, и вечером следующего дня оба мы были в фалмутском отеле «Ройял», где нам надлежало дожидаться прихода «Восточной звезды». Десять дней о ней не было ничего слышно.

Эти десять дней никогда не изглядятся из моей памяти. В тот же день, когда «Восточная звезда» вышла из Темзы в открытое море, поднялся крепкий восточный ветер и яростно дул почти целую неделю без передышки. На южном побережье Англии не припомнят другого такого же неистового, ревущего, продолжительного шторма. Из окон нашего отеля открывался вид на море: окутанное туманом, с маленьким полукружьем исхлестанной дождем воды у берега внизу, оно бурлило, бушевало, тяжело вздымалось, сплошь покрытое пеной. Ветер обрушивался на волны с таким бешенством, что срывал со всех валов гребни и с ревом разбрасывал их пеной по всему заливу. Облака, ветер, волны — все стремительно несло на запад, а я ждал и ждал, изо дня в день вглядываясь в эту безумную сумятицу стихий, в обществе бледной, молчаливой женщины, которая с глазами, наполненными ужасом, с раннего утра и до наступления темноты простаивала у окна, прижавшись лбом к стеклу и устремив неподвижный взгляд в серую стену тумана, из которой мог появиться неясный силуэт судна. Она ничего не говорила, но ее лицо выражало страх и страдание.

На пятый день я обратился за советом к одному старому морскому волку. Я бы предпочел потолковать с ним с глазу на глаз, но она увидела, что я разговариваю с ним, и тотчас подошла с дрожащими губами и мольбой во взгляде.

— Значит, семь дней, как парусник вышел из Лондона, — рассуждал он, — а штормит уже пять дней. Так вот, Ла-Манш пуст — его как вымело этим ветром. Тут есть три возможности. Заход в порт на французской стороне. Вполне вероятная вещь.

— Нет, нет, Ванситтарт знал, что мы здесь. Он бы телеграфировал.

— Ах да, конечно. Ну что ж, тогда он мог спастись от шторма в открытом море, и если так, то сейчас он, наверное, где-то не так далеко от Мадейры. Это точно, мэм, поверьте моему слову.

— А что же еще? Вы говорили, есть и третья возможность.

— Разве, мэм? Нет, только две. По-моему, я ничего не говорил о третьей. Ваш корабль, можете не сомневаться, далеко в Атлантике, и довольно скоро вы узнаете, где он, потому что погода меняется. Так что не волнуйтесь, мэм, и спокойно ждите вестей, а завтра вы увидите синее-синее корнуоллское небо.

Старый морской волк не ошибался в своих предположениях: утро следующего дня было тихим и ясным, и лишь на западе истаивала низкая гряда туч, как последний уходящий след отбушевавшей бури. Но никакой весточки не приходило из-за моря, и не появлялся на горизонте силуэт «Восточной звезды». Прошло еще три томительных дня, самых томительных в моей жизни, и вот в отель явился с письмом вернувшийся из плавания моряк. Я издал крик радости. Письмо было от капитана «Восточной звезды». Прочитав первые строки, я быстро закрыл листок ладонью, но она успела взяться за край и потянула его к себе.

— Я видела, что там написано, — сказала она спокойно и холодно. — Позвольте уж мне дочитать до конца.

«Милостивый государь, — гласило письмо, — мистер Ванситтарт заболел оспой, а нас так далеко отнесло вперед по курсу, что мы не знаем, как поступить, поскольку он в бреду и не может отдать распоряжение. По счислению пути мы в каких-нибудь трех сотнях миль от Фуншала, поэтому я счел за благо поспешить вперед, в Фуншал, положить там м-ра В. в больницу и дожидаться на рейде Вашего прибытия. Через несколько дней из Фалмута, насколько мне известно, отплывает в Фуншал парусное судно. Это письмо доставит бриг «Мариан», приписанный к фалмутскому порту, и его капитану приписывается пять фунтов.

С уважением, капитан Хайнс».

Замечательная это была женщина, спокойная и сильная, как мужчина, даром, что по годам совсем девчонка,

вчерашняя школьница. Ни слова не говоря, только решительно сжав губы, она надела шляпку.

— Вы собираетесь выйти?

— Да.

— Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Нет, я иду к врачу.

— К врачу?

— Да. Научиться ухаживать за больным оспой.

Весь вечер она посвятила обучению, а следующим утром мы уже отбыли на Мадейру пассажирами барка «Роза Шарона», который, подгоняемый благоприятным ветром, плыл со скоростью десять узлов. За пять дней мы прошли большое расстояние и уже находились неподалеку от острова, но на шестой наступил штиль, и наш барк застыл в неподвижности, мерно покачиваясь на слабой волне и ни на фут не продвигаясь вперед.

В десять часов вечера Эмили Ванситтарт и я стояли на полуюте, облокотясь о поручень правого борта; сзади светила полная луна, и на сверкающей воде лежала черная тень, которую отбрасывал барк и наши собственные головы. А дальше, вплоть до пустынного горизонта, простиралась широкая лунная дорожка, сверкающая и переливающаяся на мягко поднимающихся и опускающихся волнах. Глядя на воду, мы говорили о воцарившемся затишьи, о шансах поймать попутный ветер, о том, какую погоду предвещает вид неба, как вдруг вода без всплеска всколыхнулась — так бывает, когда играет лосось, — и перед нами в ярком лунном свете из воды возник Джон Ванситтарт и посмотрел на нас.

Я видел его совершенно явственно, это зрелище и сейчас стоит у меня перед глазами. Луна светила прямо на него, и он был на расстоянии каких-нибудь трех весел от нас. Лицо у него опухло и кое-где было покрыто темными струпьями, глаза и рот были открыты, как у человека в состоянии крайнего изумления. С его плеч ниспадала какая-то белая материя; одна его рука была поднята к уху, другая, согнутая в локте, лежала на груди. На моих глазах он выпрыгнул из воды в воздух, и волны, пошедшие кругами по зеркальной глади воды, с тихим плеском забились о борт нашего судна. Затем его фигура снова погрузилась в воду, и я услышал резкий хруст, похожий на треск вязанки хвороста, горячей морозной ночью. Он бесследно исчез, а на том месте, где

он только что был, кружился стремительный водоворот на ровной водной глади. Сколько времени простоял я там, дрожа с головы до ног, поддерживая потерявшую сознание женщину одной рукой и вцепившись в поручень другой, сказать не могу. Меня знают как человека толстокожего, не поддающегося эмоциям, но на этот раз я был потрясен до самого основания. Раз и другой постукал я ногой по палубе, чтобы удостовериться в том, что мне не отказало сознание, и все увиденное не является безумной галлюцинацией помрачившегося рассудка. Я все еще стоял в немом изумлении, когда женщина вздрогнула, открыла глаза, порывисто вздохнула, а затем выпрямилась, опершись обеими руками о поручень, и стала вглядываться в залитое лунным светом море. За один летний вечер ее лицо постарело на десять лет.

— Вы видели его призрак? — тихо спросила она.

— Что-то видел.

— Это был он! Это Джон! Он умер!

Я пробормотал что-то неубедительное, выражая сомнение в этом.

— Нет, он умер в тот же момент, в этом нет сомнения, — прошептала она. — В больнице на Мадейре. Я читала о таких вещах. Он думал обо мне. И мне явился его призрак. О, мой Джон, мой милый, любимый погибший Джон!

Она разразилась бурными рыданиями, и я отвел ее в каюту, оставив несчастную наедине с ее горем. Той ночью подул свежий восточный ветер, и на следующий день вечером мы, миновав два островка Лос-Десертос, бросили на закате якорь в Фуншалской бухте. Неподалеку от нас стояла на рейде «Восточная звезда» с желтым карантинным флагом на грот-мачте и с полуопущенным британским флагом на корме.

— Вот видите, — быстро сказала миссис Ванситгарт. Сейчас глаза ее были сухи, потому что она уже все знала.

В тот же вечер мы получили от властей разрешение подняться на борт «Восточной звезды». Капитан корабля Хайнс встречал нас на палубе; не зная, в каких словах сообщить дурные вести, он замялся, и на его грубовато-добродушном лице замешательство боролось с огорчением. Но она опередила его.

— Я знаю, что мой муж умер, — сказала она. — Он скончался вчера вечером в больнице на Мадейре, верно?

Капитан ошеломленно уставился на нее.

— Да нет же, мэм, он умер восемь дней назад в море, и нам пришлось похоронить его там, потому что мы попали в полосу безветрия и не знали, когда сможем подойти к берегу.

Вот основные факты в этой истории о том, как умер Джон Ванситтарт и как он явился своей жене в море в точке с координатами примерно 35 градусов северной широты и 15 градусов западной долготы. Более ясный случай появления призрака редко бывал описан в литературе. Речь шла именно о появлении призрака: так эту историю пересказывали, в таком виде она попала в печать и была признана учеными крутами. Наряду с многими подобными историями она послужила обоснованием для недавно выдвинутой теории телепатии. Что до меня, то я считаю телепатию доказанной, но хочу исключить этот конкретный случай из числа доказательств ее существования и высказать свое убеждение в том, что в тот лунный вечер перед нашими глазами возник, вынырнув из глубин Атлантики, не призрак Джона Ванситтарта, а сам Джон Ванситтарт. Я всегда считал, что по какой-то странной случайности — одной из тех случайностей, которые кажутся такими невероятными и тем не менее так часто происходят, — наше судно заштило как раз над тем местом, где за неделю до того был похоронен Ванситтарт. Остальное легко объяснимо. Корабельный врач говорит, что свинцовый груз был привязан не очень прочно, а за семь дней в трупе происходят изменения, в силу которых он всплывает на поверхность. Поднимаясь из глубин, куда оно должно было опуститься под воздействием груза, тело покойного, как объясняет врач, вполне могло обрести такую скорость, чтобы выскочить из воды. Таково мое собственное объяснение этого случая, и если вы спросите меня, что же тогда стало с телом, я должен буду напомнить вам о раздавшемся хрусте и образовавшемся водовороте. Акула ведь питается у поверхности воды и изобилует в этих водах.

Капитан «Полярной Звезды»

*Извлечение из замечательного дневника
Джона Мак Алистера Рэя, медицинского студента*

Одиннадцатого сентября 81° 40' сев. шир, 2° вост. долг. Все еще лежим в дрейфе среди громадных ледяных полей. То из этих полей, где мы стоим на якоре, простирается к северу и не меньше целого английского графства. Справа и слева к горизонту идут непрерывные снежные пространства. Сегодня утром штурман говорил, что по некоторым признакам можно предположить о существовании к югу от нас массы плавучего льда. Если этот лед окажется настолько толстым, чтобы сделать невозможным наше возвращение, мы окажемся в опасном положении, так как запасы пищи, как я слышал, уже не особенно велики. Уже позднее время года, и ночи начинают снова появляться. Сегодня утром я видел звезду, мерцавшую как раз над нашим судном, первую с начала мая. Заметно серьезное недовольство среди судовой команды: многие из матросов сильно желают вернуться домой, чтобы поспеть вовремя к началу ловли сельдей, когда труд хорошо оплачивается на шотландском берегу. До сих пор их недовольство выражалось только пасмурными лицами и мрачными взглядами, но я сегодня днем слышал от младшего штурмана, что они собираются послать депутацию к капитану, чтобы заявить ему о своем неудовольствии. Я очень беспокоюсь о том, как он это примет, так как это человек бешеного нрава и очень чувствителен ко всему похожему на посягательство на его

права. Рискну после обеда поговорить с ним по этому поводу. Я всегда находил, что он спокойно выслушивает от меня то, чего не стерпел бы со стороны кого-нибудь другого из состава экипажа.

Остров Амстердам, у северо-западной оконечности Шпицбергена, виден со штирборта нашего судна — неровная линия вулканических скал, пересеченных белыми рубцами, изображающими собою ледники. Интересно, когда подумаешь, что в настоящую минуту, вероятно, нет человеческого существа, которое было бы ближе к нам, чем датские поселения на юге Гренландии — добрых миль девятьсот. Капитан берет на себя большую ответственность, рискуя своим судном при таких обстоятельствах. Ни одно китобойное судно никогда не оставалось до такого позднего времени в этих широтах.

Девять часов вечера. Я говорил с капитаном Креджи, и хотя результат был не совсем удовлетворителен, я должен сказать, что он выслушал то, что я имел сказать, очень спокойно и даже почтительно. Когда я кончил, на лице его появилось свойственное ему выражение железной решимости: в течение нескольких минут он быстро шагал взад и вперед по узкой каюте. Сперва я испугался, что серьезно оскорбил его, но мои предположения рассеялись, когда он опять сел на свое место и положил свою руку на мою с жестом, который граничил с лаской. В его диких, темных глазах было видно также выражение крайней нежности, что очень удивило меня.

— Слушайте, доктор, — сказал он мне, — я жалею, что я вообще взял вас с собой, право, жалею. И в эту минуту я отдал бы пятьдесят фунтов стерлингов, чтобы видеть вас стоящим невредимым на набережной Дэнди. Я иду на большой риск; к северу от нас есть рыба... Как вы смеете качать головой, сэр, когда я говорю вам, что я видел ее с мачты, — вскричал он во внезапном порыве ярости, хотя мне казалось, что я не выказывал какого бы то ни было признака сомнения. Двадцать две рыбы в столько же минут, так же верно, как то, что я живу на свете, и ни одной меньше десяти футов¹; теперь, доктор, думаете ли вы, что я могу покинуть это место, когда только одна дьявольская полоска льда лежит между мною и

¹ Кит измеряется китоловами не по длине его тела, а по длине китового уса.

моим счастьем? Если бы случилось, что завтра ветер подул с севера, мы наполнили бы корабль и ушли прежде, чем мороз застал бы нас. Если же бы ветер подул с юга — ладно, я полагаю, что людям заплачено за то, что они рискуют жизнью; что же касается меня самого, то для меня это имеет мало значения, так как ничто не привязывает меня к этому свету. Однако же, признаюсь, что мне жаль вас. Я хотел бы иметь с собой старого Ангуса Тэта, так как это был человек, отсутствия которого никто бы не почувствовал, а вы — вы говорили мне однажды, что вы помолвлены, не так ли.

— Да, — ответил я, открывая крышку медальона с карточкой Флоры.

— Черт бы вас подрал! — завопил он, вскакивая со своего стула, причем даже борода у него ошетибилась от гнева. — Что мне за дело до вашего счастья? Что я буду с нею делать, что вы мне суετε под нос ее карточку?!

Я думаю, что в своей безумной ярости он готов был даже ударить меня, однако, разразившись новым проклятием, он распахнул дверь каюты и бросился на палубу, оставив меня сильно удивленным этой необыкновенной стремительностью. В первый раз я видел его таким — до сих пор он был всегда добр и вежлив со мной. Мне слышно, как он возбужденно ходит наверху взад и вперед, в то время, как я пишу эти строки. Мне хотелось бы дать понятие о характере этого человека, но, кажется, будет большой самонадеянностью попытаться сделать это на бумаге, когда в моей собственной голове представление о нем в высшей степени неопределенно и изменчиво. Много раз я думал, что держу в руках ключ, с помощью которого мне будет нетрудно понять его, но всякий раз это вело только к разочарованию, вследствие того, что он являлся мне в каком-нибудь новом освещении, которое опрокидывало все мои умозаключения. Может быть, ни один человеческий взор никогда не остановится на этих строках; несмотря на это, я попытаюсь оставить кое-какие воспоминания о капитане Николае Креджи, которые могут быть любопытны в психологическом отношении. Наружность человека вообще дает кое-какие указания на его душевный склад. Капитан высокого роста и хорошо сложен, со смутным, красивым лицом и судорожными движениями, что, может быть, происходит от нервности или есть следствие избытка энергии. Его рот и очерта-

ния его физиономии мужественны и решительны, но глаза — отличительная черта его лица; они самого темно-карего цвета, блестящие и страстные, со странным выражением, больше всего напоминающим ужас. Вообще выражение беспечности преобладало в них над другими чувствами, но иногда, в особенности когда он задумывается, выражение страха разливается по его лицу и усиливается до того, что совершенно изменяется характер его физиономии. Именно в это время он больше всего подвержен бурным припадкам гнева и, кажется, знает это, так как я заметил, что он запирается у себя в каюте, чтобы никто не мог подойти к нему, пока не пройдет его дурное настроение. Он спит плохо, и я слышал, как он вскрикивает по ночам, но его каюта в некотором расстоянии от моей, и мне никогда не удавалось разобрать слова, которые он произносил.

Это одна сторона его характера и самая неприятная. Только благодаря моему тесному ежедневному общению с ним я заметил это. При других обстоятельствах он приятный товарищ, начитанный и интересный, самый галантный моряк, который когда-либо ходил по палубе. Я нелегко забуду, как он управлял кораблем, когда нас захватил шторм среди плавающих льдин в начале апреля; я никогда не видел его таким живым и даже веселым, как в эту ночь, когда он расхаживал взад в вперед по мостику среди завывания ветра и блеска молний. Он говорил мне, что мысль о смерти ему приятна, а скверная вещь, когда это говорит молодой человек; ему не может быть больше тридцати, хотя в его волосах и усах уже виднеется легкая седина. Должно быть, какое-нибудь большое горе постигло его и испортило ему всю жизнь. Может быть, я сделался бы таким же, если бы потерял мою Флору — бог знает! Я думаю, что если бы не она, я мало заботился бы о том, подует ли завтра ветер с севера или с юга. Вот я слышу, как он спускается в свою каюту и запирается в ней; это показывает, что он еще в нелюбезном настроении. Итак, спать, как сказал бы старик, так как свеча сгорела до основания (мы жжем свечи с тех пор, как вернулись ночи), а повар лег спать, так что нет надежды достать другую свечу.

12-го сентября. Спокойный, ясный день; все еще лежим в том же положении. Ветер дует с юго-востока, но очень слабый. Капитан в самом лучшем настроении и

извинился передо мною за завтраком за свою грубость. Однако же он все еще выглядит несколько рассеянным, и в его глазах видно дикое выражение. «Он словно очарован, сказал бы про него горец», — заметил мне наш главный механик, а он пользуется известного рода репутацией ясновидца и истолкователя снов и привидений между той частью нашей судовой команды, которая состоит из кельтов.

Странно, что суеверие имеет такую власть над этой крепкоголовой и практичной расой. Я не поверил бы, до какой степени оно доходит, если бы не наблюдал этого сам. У нас была настоящая эпидемия суеверия в это путешествие до того, что я почувствовал желание раздавать порции успокаивающих и укрепляющих нервы средств вместе с субботней дозой грога. Первый симптом этой эпидемии заключался в том, что вскоре после того, как мы покинули Шотландию, рулевые стали жаловаться, что они слышат жалобные крики и вопли сзади корабля, словно что-то следует за кораблем и не может догнать его. Этот вымысел держался в течение всего путешествия, и в темные ночи, при начале ловли тюленей, только с большим трудом можно было уговорить людей делать свою работу. Нет сомнения, что то, что они слышали, было или скрипом рулевых цепей, или криком какой-нибудь пролетной морской птицы. Я много раз вставал с кровати, чтобы прислушаться к этому шуму, но, думаю, мне не нужно даже и говорить, что я никогда не мог заметить в нем что-либо сверхъестественное. Люди, однако же, так безрассудно настойчивы относительно этого пункта, что бесполезно разубеждать их. Я говорил как-то по этому поводу с капитаном, но, к моему удивлению, он отнесся к этому очень серьезно и, казалось, в самом деле был очень расстроен тем, что я сказал ему. Я думал, что он, по меньшей мере, выше таких вульгарных иллюзий.

Все это исследование о суеверии напоминает мне о том, что мистер Мансон, наш младший штурман, видел (или, по крайней мере, говорит, что видел, что конечно же одно и то же) прошлую ночью духа. Это оказывает освежающее действие, дает приятную новую тему для разговора после вечных разговоров о медведях и китах, которыми мы пробавлялись в течение многих месяцев. Мансон клянется, что на корабле водится нечистая сила и что он не остался бы на нем ни одного дня, если бы

нашел себе другое место. В самом деле, малый не на шутку напуган, и я дал ему сегодня утром немного хлорала и бромистого калия, чтобы укрепить его нервы. Он пришел в полное негодование, когда я намекнул ему, что он, вероятно, выпил лишний стакан накануне ночью, и я должен был успокоить его, стараясь сохранять самое серьезное выражение лица во время его рассказа, который, конечно, был в полном согласии с фактами.

— Я был один на мостике, — сказал он, — около четырех часов, во время средней вахты, в то самое время, когда ночь всего темнее. Была луна, но облака набегали на нее так, что нельзя было с корабля видеть вдаль. Джон Мак Лид, гарпунщик, пришел с носа и рассказал о странном шуме на носу штирборта. Я пошел вперед, и мы оба слышали этот странный звук, похожий то на плач ребенка, то на страдальческий крик женщины. Семнадцать лет я занимаюсь этим делом и никогда не слышал, чтобы тюлень, старый или молодой, производил подобные звуки. В то время как мы стояли там на носу, луна вышла из-за облака, и мы оба увидели что-то вроде белой фигуры, двигавшейся через ледяное поле в том же направлении, в котором мы слышали крики. Мы потеряли ее на время из вида, но она опять показалась с левой стороны корабельного носа, и мы могли совершенно явственно различить ее подобно тени на льду. Я послал человека за винтовками; Мак Лид и я спустились на лед, думая, что, может быть, это был медведь. Когда мы шли по льду, я потерял из виду Мак Лида и подвигался вперед в направлении, в котором все еще слышал крики: так прошел я с милю или, может быть, больше и, когда стал обходить вокруг льдин, взгроможденных одна на другую, наткнулся на что-то, как будто поджидавшее меня. Я не знаю, что это было такое. Во всяком случае, не медведь. Это было что-то высокое, белое и прямое, и если это не был мужчина или женщина, то, клянусь, что-то худшее. Я изо всех сил бросился бежать к кораблю и страшно обрадовался, когда очутился на палубе. Я подписал условия, по которым обязан исполнять свои обязанности на корабле; на корабле я и останусь, но меня больше не заманят на лед после захода солнца.

Такова его история, которую я старался передать его собственными словами. Я думаю, что по всем вероятностям, несмотря на их отрицания, они видели медведя, подняв-

шегося на задние лапы, — поза, которую они часто принимают, когда встревожены чем-нибудь. В неверном освещении медведь мог иметь сходство с человеческой фигурой, в особенности для человека, нервы которого были уже несколько потрясены. Что бы это ни было, в конце концов, самое происшествие имеет злополучный характер, так как оно произвело самое неприятное действие на команду. Взгляды матросов стали еще пасмурнее, а неудовольствие их сделалось более открытым. Двойное неудовольствие: во-первых, на то, что им препятствуют принять участие в ловле сельдей, и, во-вторых, на то, что их задерживают на судне, где, как они утверждают, водится нечистая сила; это может привести их к какому-нибудь безрассудному поступку. Даже гарпунщики, самые старые и надежные между ними, приняли участие в общем волнении.

Если не считать нелепого взрыва суеверия, то дела скорее принимают более веселый вид. Массы плавучего льда, которые образовались к югу от нас, рассеялись, и вода так тепла, что это заставляет меня думать, не находимся ли мы в одной из ветвей Гольфстрима, которая проходит между Гренландией и Шпицбергом. Здесь много маленьких медуз около корабля и изобилие креветок, так что есть полная возможность увидеть «рыбу». В самом деле, одна была видна около обеденного времени, но на таком месте, что лодками нельзя было следовать за ней.

13-го сентября. Имел интересный разговор со старшим помощником штурмана мистером Мильном, на мостике. Кажется, что наш капитан такая же большая загадка для моряков и даже для владельца судна, как и для меня. Мистер Мильн рассказывает, что, когда экипаж распускается по возвращении из путешествия, капитан Креджи исчезает и его не видят опять до наступления другого сезона, когда он спокойно входит в контору компании и спрашивает, не понадобятся ли его услуги. У него нет ни одного друга в Дэнди, равно как никто не знает его прошлого. Его положение всецело зависит от его искусства как моряка и репутации мужественного и хладнокровного человека, которую он заслужил в качестве помощника, прежде чем ему доверили отдельное командование; существует, кажется, единогласное мнение, что он не шотландец и что его имя вымышленное. Мистер Мильн думает,

что он посвятил себя китобойному промыслу просто по той причине, что оно самое опасное занятие, какое только он мог выбрать, и что он ищет смерти всеми возможными способами; он привел много примеров этому, один из которых довольно любопытен, если согласен с действительностью. Кажется, что в одном случае капитан не явился в контору, и на его место был выбран заместитель. Это было во время последней русско-турецкой войны. Когда он опять вернулся следующей весной, у него была морщиноватая рана на шее, которую он, обыкновенно, стараясь скрыть своим галстуком. Верно или нет заключение помощника, что он участвовал в войне, я не могу знать. Это, конечно, было странное совпадение.

Ветер переменял направление и дует теперь с востока, но все еще очень слаб. Я думаю, что лед стал более сплошным, чем был вчера. Насколько хватает зрения, со всех сторон видно обширное пространство ослепительной белизны, прерываемое только случайною трещиной или темною тенью скал, взгроможденных одна на другую. К югу от нас есть узкая полоска голубой воды, которая для нас является единственным путем к спасению, но и она суживается с каждым днем. Капитан берет на себя тяжелую ответственность. Я слышал, что в чану нет больше картофеля и даже бисквиты приближаются к концу; однако он сохраняет все то же бесстрастное выражение лица и проводит большую часть дня на палубе, обозревая горизонт в свою зрительную трубу. Настроение его духа очень изменчиво, и он, кажется, избегает моего общества; однако повторения грубой сцены, произошедшей прошлой ночью, не было.

Семь часов 30 минут вечера. Я прихожу к убеждению, что нами командует сумасшедший. Ничем иным нельзя объяснить причуды капитана Креджи. Хорошо, что я вел этот журнал нашего путешествия; он послужит к нашему оправданию в случае, если нам придется принять против него какие-нибудь меры, — шаг, на который я согласился бы, только как на последнее средство. Довольно любопытно, что он сам навел меня на мысль, что объяснение его странного поведения заключается в сумасшествии, а не в простой эксцентричности. Он стоял на мостике с час тому назад, смотря по обыкновению в свою зрительную трубу, в то время как я ходил взад и вперед на шканцах. Большинство людей были внизу за чаем, так

как вахты с недавнего времени не соблюдались вполне правильно. Устав ходить, я прислонился к мачте и любовался нежным румянцем, который бросало заходящее солнце на большие ледяные поля, окружающие нас. Раздавшийся около меня хриплый голос внезапно вывел меня из охватившей задумчивости; вздрогнув, я увидел что капитан спустился с мостика и стоит рядом со мною. Он пристально смотрел на лед с выражением, в котором ужас, изумление и что-то похожее на радость боролись друг другом. Несмотря на холод, большие капли пота текли по его лбу, и он был, видимо, страшно возбужден. Его члены сводила судорога, как бывает с человеком при приближении эпилептического припадка, а линии около рта резко обозначились. «Смотрите!» — прошептал он, схватив меня за руку, но все еще продолжал смотреть на далекий лед и медленно двигал головой в горизонтальном направлении, как бы следя за каким-то предметом, который двигался в поле его зрения.

— Смотрите! Вот, вот! Между ледяными скалами! Теперь она выходит сзади из-за дальней глыбы. Вы видите ее — вы должны видеть ее! Все еще там! Бежит от меня, клянусь Господом, бежит... исчезла!

Он произнес последние два слова задышающимся шепотом, который никогда не исчезнет из моей памяти. Цепляясь за выбоинки, он старался вскарабкаться наверх бульварков, как бы надеясь бросить последний взгляд на удаляющийся предмет. У него не хватило, однако, силы для осуществления этой попытки; он отшатнулся назад к окнам салона и прислонился к ним, задышающийся и истощенный. Его лицо так побагровело, что я испугался, что он потеряет сознание, и поэтому, не теряя времени, свел его вниз и уложил на одном из диванов в каюте. Я влил ему в рот немного водки, которая произвела на него чудесное действие, заставив краску вернуться на его побледневшее лицо и укрепив трясущиеся члены. Он приподнялся на локте и, осмотревшись кругом, чтобы убедиться, что мы одни, сделал мне знак подойти в сесть рядом с ним.

— Вы видели это, не правда ли? — спросил он все еще тем же подавленным испуганным тоном, так несвойственным этому человеку.

— Нет, я не видел ничего.

Его голова опять упала на подушки.

— Нет, он не мог видеть без зрительной трубы, — пробормотал он. — Он не мог. Это зрительная труба показала мне ее и потом глаза любви, глаза любви. Я говорю, доктор, не пускайте сюда буфетчика; он подумает, что я сумасшедший. Заприте дверь на ключ!

Я встал и сделал то, что он приказал. Он лежал спокойно некоторое время, по-видимому погрузившись в думы, потом опять приподнялся на локте и попросил еще водки.

— Вы не думаете, что я сумасшедший, доктор? — спросил он в то время, когда я ставил бутылку обратно в задний ящик. — Скажите мне теперь, как мужчина мужчине, думаете ли вы, что я сумасшедший?

— Я думаю, что у вас есть что-нибудь на душе, — ответил я, — что возбуждает вас и причиняет вам большой вред.

— Вот это верно, юноша! — вскричал он; от выпитой водки глаза его блестели. — Многого есть у меня на душе, многое! Но я могу определить широту и долготу, могу управляться со своим секстантом и справиться со своими логарифмами. Вы не можете доказать на суде, что я сумасшедший, не правда ли?

Интересно было слушать человека, лежащего на спине и хладнокровно рассуждающего о том, в здравом ли он рассудке или нет.

— Может быть, нет, — сказал я, — но все же я думаю, что вы поступили бы разумно, если бы вернулись домой как можно скорее и прожили бы спокойною жизнью некоторое время.

— Вернуться домой, а? — пробормотал он, улыбаясь. — Пожить? Вы хлопчете не столько обо мне, сколько о себе, юноша. Пожить спокойною жизнью с Флорой, красивой и маленькой Флорой. Дурные сны можно считать признаком сумасшествия?

— Иногда, — ответил я.

— Что же еще? Каковы бывают первые симптомы сумасшествия?

— Головные боли, шум в ушах, мелькание перед глазами, галлюцинации.

— А! Что такое? — прервал он меня. — Что вы называете галлюцинацией?

— Видеть вещь, которой на самом деле нет, — это галлюцинация.

— Но она была там! — простонал он про себя. — Она была там! И, встав, он отпер дверь и стал ходить медленными и нервными шагами по своей каюте, где, я не сомневаюсь, он останется до завтрашнего утра. Его нервная система, кажется, испытала страшное потрясение; во всяком случае, независимо от того, что он видел, человек этот с каждым днем становится все более загадочным, хотя я боюсь, что решение, к которому он сам пришел, правильно и что его рассудок поврежден. Я не думаю, чтобы виновная совесть играла какую-нибудь роль в его поведении. Эта мысль популярна между офицерами, а я думаю, и между командой; но я не заметил ничего, что могло бы поддержать ее. Он не похож на виновного — скорее он похож на человека, с которым жестоко обошлась судьба и на которого следует смотреть как на мученика, а не на преступника.

Ветер сегодня ночью перешел в южный. Помогите нам, Господи, если он загородит тот узкий проход, который является нашим единственным путем к спасению! Так как мы находимся на краю главного арктического ледяного поля или «барьера», как его называют китоловы, то всякий ветер с севера, разгоняя лед вокруг нас, дает нам возможность спастись, тогда как ветер с юга сгоняет весь свободный лед позади нас и заключит нас между двумя ледяными полями. Помогите нам, Господи, говорю я опять!

14-го сентября. Воскресенье и день отдыха. Мои страхи оправдались, и тонкая полоска голубой воды к югу от нас скрылась. Вокруг нас нет ничего, кроме больших неподвижных ледяных полей с их зачарованными скалами и фантастическими шпицами. Мертвая тишина, царящая над этим обширным пространством льда, ужасна. Не видно ни гребней волн, ни надутых ветром парусов, не слышно крика чаек; одна глубокая, всеобъемлющая тишина, среди которой говор матросов и скрип их сапог на белой сверкающей палубе кажутся несообразными и неуместными. Единственным нашим посетителем была полярная лисица — редкое животное на льду, хотя довольно обыкновенное в здешней стране. Она не подошла близко к кораблю, но, посмотрев на нас с некоторого расстояния, быстро побежала через лед. Это было очень странно, так как эти животные вообще совсем не знают людей и, обладая любознательным характером, становятся

такими смелыми, что их легко бывает поймать. Как ни невероятно, но даже это маленькое происшествие произвело дурное впечатление на команду. «Бедная животинка-то ведь знает больше нас с вами!» Таковыми были комментарии одного из главных гарпунщиков, а другие кивали головами в знак согласия. Бесполезно пытаться приводить доводы против такого ребяческого суеверия. Они решили, что на корабле лежит проклятие, и ничто не убедит их в противном.

Капитан оставался в уединении весь день и только после полудня вышел на полчаса на шканцы. Я заметил, что его глаза были устремлены на то место, где вчера показалось привидение, и совсем уже приготовился к тому, что с ним случится новый припадок, но мои ожидания не оправдались. Казалось, он не видел меня, хотя я стоял совсем рядом с ним. Божественную службу читал, как всегда, главный механик. Любопытная вещь, что на китобойных судах служба всегда ведется по обряду англиканской церкви, хотя обычно на этих судах никогда не бывает ни одного члена этой церкви — ни между офицерами, ни между матросами. Наши люди все или католики, или пресвитерианцы, причем первые преобладают. Так как ритуал употребляется чуждый как тем, так и другим, то представители одного вероисповедания не могут жаловаться на предпочтение, оказываемое представителям другого, и те, и другие молятся с полным вниманием и набожностью, так что эта система имеет свои хорошие стороны.

Великолепный солнечный закат, который превратил ледяные поля в кровавое озеро. Я никогда не видел ничего более прекрасного и в то же время чарующего. Ветер переменялся. Если он будет дуть с севера в продолжение суток, дела еще могут поправиться.

15-го сентября. Сегодня день рождения Флоры. Милая девушка! Хорошо, что она не может видеть «своего мальчика», как она имела обыкновение называть меня, запертого между ледяными полями, с помешанным капитаном и запасами продовольствия на несколько недель. Не сомневаюсь, что она подробно изучает корабельную хронику в местных газетах, чтобы увидеть, нет ли какого-нибудь известия о нас. Я должен давать пример команде и казаться веселым и беспечным, но один Бог знает, как тяжело бывает у меня на душе по временам.

Термометр показывает 19° по Фаренгейту. Есть только небольшой ветер и тот с неблагоприятной стороны. Капитан в превосходном настроении духа; я думаю, он воображает, что в течение ночи имел какое-нибудь предзнаменование или видение, потому что вошел в мою комнату рано утром и, сев на скамью, прошептал: «Это не было галлюцинацией, доктор; это было на самом деле!» После завтрака он просил меня разузнать, сколько провизии у нас осталось; мы со вторым помощником занялись этим. Ее даже меньше, чем мы ожидали. Прежде всего есть полчана сухарей, три бочонка солонины и весьма ограниченный запас кофе и сахара. Затем в запасе много деликатесов, в консервах лососина, супы, баранье рагу и т. д., но их ненадолго хватит для команды в пятьдесят человек. В кладовой есть два бочонка муки и неограниченный запас табаку. Всего вместе приблизительно будет достаточно, чтобы содержать людей на половинном пайке в течение восемнадцати или двадцати дней, никак не более. Когда мы доложили капитану о положении дел, он приказал созвать всех людей и обратился к ним с речью. Я никогда не видел его в более выгодном освещении. С своей высокой, стройной фигурой и смуглым оживленным лицом, он казался человеком, рожденным повелевать, и обсуждал положение с хладнокровием настоящего моряка, которое показывало, что, понимая опасность, он не упускал из виду ни одного средства к спасению.

— Ребята, — сказал он, — нет сомнения, что вы думаете, что я поставил вас в затруднительное положение, если вообще здесь есть затруднительное положение, и некоторые из вас, может быть, по этой причине испытывают чувство неудовольствия против меня. Но вы должны помнить, что в течение многих лет ни один корабль, возвращаясь домой, не давал таких барышей, как старая «Полярная Звезда», и всякий из вас имел свою долю в этих барышах. Уезжая, вы оставляете своих жен обеспеченными, в то время как другие бедняки, возвращаясь, находят своих голубушек на содержании прихода. Если благодаря мне вы попали в настоящее положение, то ведь и барышами бывали обязаны мне. С успехом мы смело рисковали раньше, так что теперь, когда наш риск завершился неудачей, у нас нет основания плакать об этом; в крайнем случае мы можем по льду достигнуть земли сде-

лать запас тюленей, которого будет достаточно для нашего пропитания до весны. Хотя до этого не дойдет, так как вы увидите берег Шотландии прежде, чем пройдут три недели. В настоящее время всем придется перейти на половинный паек, и ни для кого не будет послабления. Мужайтесь, и вы выйдете невредимыми из этой опасности, как раньше выходили невредимыми из многих других.

Эти немногие простые слова капитана произвели чудесное действие на команду. Его прежняя непопулярность была забыта, и старый гарпунщик, о котором я уже упоминал, говоря о его суеверии, прокричал три раза «ура», к которому искренно присоединились все люди.

16-го сентября. Ветер перешел в северный в течение ночи, и есть кое-какие признаки, что он разгонит лед. Люди в хорошем настроении, несмотря на скудный порцион, на который их перевели. Пары поддерживаются в машинном отделении, так что не может быть никакого замедления в случае, если явится возможность уйти. Капитан в приподнятом настроении, хотя все еще сохраняет то дикое «зачарованное» выражение, о котором я уже упоминал. Этот взрыв веселости смущает меня больше, чем его прежняя мрачность. Я не могу понять этого. Мне кажется, я упоминал раньше о том, что одна из его странностей заключается в том, что он никогда не позволяет никому входить в свою каюту и сам делает свою постель и все остальное. К моему удивлению, он дал мне сегодня ключ и просил меня спуститься в его каюту и взглянуть который час на его хронометре, в то время как он измерял высоту солнца и луны. Это простая маленькая комната, в которой стоит умывальник и имеется несколько книг, но никаких предметов роскоши, кроме нескольких картин на стенах. Большинство из них маленькие, дешевые олеографии, но между ними одна акварель, изображавшая голову молодой дамы, привлекла мое внимание. Это был портрет, а не один из тех фантастических типов женской красоты, которые особенно нравятся морякам. Ни один художник не мог бы создать из своей собственной головы такую странную смесь силы характера и слабости. Томные, мечтательные глаза с длинными ресницами и широкий низкий лоб, которого не коснулись мысль и забота, представляли сильный контраст с резко очерченным, выдающимся подбородком и резкими очерта-

ниями нижней губы. Внизу на одном из углов портрета было написано: «М. Б. 19 л.». Мне показалось почти невероятным, чтобы кто-нибудь в течение короткого времени девятнадцати лет существования мог развить такую силу воли, какая была отпечатана на этом лице. Она должна быть необыкновенной женщиной. Черты ее лица так околдовали меня, что хотя я бросил только мимолетный взгляд на них, я мог бы, если бы умел рисовать, воспроизвести их, линия за линией, на этой странице дневника. Я хотел бы знать, какую роль она играла в жизни нашего капитана; он повесил ее изображение в конце своей койки, так что его глаза постоянно покоятся на нем. Будь он менее скрытный человек, я мог бы позволить себе некоторые замечания насчет этого предмета в разговоре с ним. Из других вещей в его комнате нет ничего достойного упоминания: форменные сюртуки, складной стул, маленькая зрительная труба, табакерка и большое количество трубок, между ними восточная, которая, кстати сказать, проливает некоторый свет на рассказ мистера Мильна о его участии в войне, хотя связь и очень отдаленная. 11 час. 20 мин. ночи. Капитан только что пошел спать после длинного и интересного разговора на общие темы. Когда он хочет, он может быть очаровательным собеседником, так как обладает замечательно начитанностью и способностью выражать свои мнения ярко, без всякого догматизма. Ненавижу, когда меня попирают ногами в умственном отношении. Он говорил о природе души и сделал мастерский очерк взглядов Аристотеля и Платона на этот предмет. Он, кажется, имеет склонность к учению о переселении душ и доктринам Пифагора. Обсуждая эти вопросы, мы коснулись современного спиритуализма, и я сделал какой-то шутливый намек на обманы Слэда, на что, к моему удивлению, он ответил мне предостережением не смешивать невинного с виновным и доказывал, что это было бы так же логично, как заклеить христианство, как ошибку, потому что Иуда, который исповедовал эту религию, был негодяй. Скоро после этого он пожелал мне доброй ночи и ушел в свою комнату.

Ветер свежее и дует все с севера. Ночи темные, как в Англии. Я надеюсь, что завтра мы освободимся из наших ледяных оков.

17-го сентября. Опять привидение. Слава богу, что у меня крепкие нервы! Суеверие этих бедняков, их крайняя серьезность и убеждение, с которым они повествуют о происшедшем, привели бы в ужас всякого человека, незнакомого с их взглядами. Существует несколько версий, но общий итог всех их заключается в том, что нечто странное летало всю ночь вокруг корабля и что Санди Мак-Дональд из Питерхэда и длинный Питер Вильямсон из Шотландии видели это так же, как мистер Мильн на мостике. Так как имеется три свидетеля, то они встретят больше доверия, чем второй помощник штурмана. Я говорил с Мильном после завтрака и сказал ему, что он должен быть выше такого вздора и что, как офицер, обязан подавать людям лучший пример. Он зловеще покачал своею обветренною головою, но отвечал с характерной осторожностью.

— Может быть да, может быть нет, доктор, — сказал он. — Я не назвал бы это привидением. Я не могу сказать, чтобы я верил в морских духов и тому подобное, хотя есть много людей, утверждающих, что они видели всякую всячину; меня нелегко испугать, но, может быть, у вас у самого похолодела бы кровь в жилах, если бы вместо того, чтобы рассуждать об этом при дневном свете, вы были со мной прошлую ночью и видели какую-то белую и страшную форму, показывавшуюся то здесь, то там и кричавшую в темноте, словно маленький ягненок, который потерял свою мать. Тогда бы вы не сказали, что это только болтовня старых баб.

Я видел, что было бесполезно спорить с ним, и удовольствовался тем, что попросил его как о личном одолжении вызвать меня в следующий раз, когда появится привидение, — просьба, на которую он согласился с многочисленными восклицаниями, выражавшими надежду, что такого случая никогда не будет.

Мои ожидания сбылись, и белая пустыня позади нас прорезалась тонкими полосками воды, которые пересекали ее во всех направлениях. Наша широта сегодня $80^{\circ} 52'$, что показывает, что лед сильно относится к югу. Если будет продолжаться благоприятный ветер, он разойдется так же скоро, как образовался. В настоящее время нам ничего не останется делать, как курить, ждать и надеяться на лучшее. Я скоро сделаюсь фаталистом. Когда имеешь дело с такими ненадежными факторами, как ветер и лед,

человеку ничего другого не остается. Может быть, ветер и песок аравийских пустынь вселили в умы первых последователей Магомета склонность преклоняться перед роком.

Тревоги, вызываемые привидением, производят весьма дурное впечатление на капитана. Я боялся, что это происшествие подействует возбуждающим образом на его чувствительный ум, и старался скрыть от него эту нелепую историю, но, к несчастью, он случайно слышал, как один из людей наемкнул на нее другому, и настоял на том, чтобы ему все рассказали. Как я и ожидал, все его скрытое сумасшествие обнаружилось в самой резкой форме. Почти невероятно, что это тот же самый человек, который прошлую ночью вел со мною философский разговор, причем обнаружил тонкое критическое чутье и величайшее хладнокровие в суждениях. Он ходил взад и вперед по шканцам подобно тигру, запертому в клетке, останавливаясь по временам, чтобы развести руками с печальным жестом и посмотреть нетерпеливо на лед. Он постоянно говорил сам с собою и раз закричал: «Недолго, недолго ждать, дорогая!»

Бедный малый! Грустно видеть славного моряка и образованного джентльмена доведенным до такого состояния и думать, что воображение и иллюзии могут подавлять ум, для которого действительная опасность — только соль жизни. Был ли когда-нибудь человек в таком положении, как я — между безумным капитаном и духовидцем штурманом? Я иногда думаю, что я единственный человек в своем уме на судне, кроме, может быть, второго механика, который представляет из себя род жвачного животного и не потревожился бы нисколько из-за всех чертей Красного моря, лишь бы только они оставили его в покое и не привели бы в беспорядок его инструментов.

Лед быстро трескается, и весьма вероятно, что завтра утром мы будем в состоянии отправиться в путь. Дома подумают, что я все выдумал, когда я расскажу им все странные вещи, которые здесь случились со мною.

12 часов ночи. Я пережил сильный страх, хотя чувствую себя теперь крепче благодаря стакану водки. Однако я еще почти не пришел в себя, о чем может засвидетельствовать мой почерк. Дело в том, что я прошел через странное испытание и начинаю сомневаться, был

ли я прав, называя всех на корабле сумасшедшими потому, что они открыто говорили, что видели вещи, которым мой рассудок отказывался верить! Фи! Я дурак, что позволяю такой безделице волновать себя; и, однако же, после всех тревог она имеет особенное значение, так как я не могу больше сомневаться ни в рассказе мистера Мансона, ни в рассказе помощника штурмана теперь, когда я испытал то, над чем раньше обыкновенно насмеялся.

В конце концов, не было ничего особенно страшного, только крик, и больше ничего. Я не могу ожидать, чтобы тот, кто будет читать этот дневник (если только кто-нибудь когда-нибудь будет читать его), отнесся с полным сочувствием к моим ощущениям или пережил впечатление, которое случившееся произвело на меня. После ужина я вышел на палубу, чтобы покурить перед сном. Ночь была очень темная, такая темная, что, стоя под баркасом, я не мог видеть офицера на мостике. Я думаю, что уже упоминал о необыкновенной тишине, которая господствует в арктических морях. В других частях света, как бы они ни были пустынные, всегда бывает легкая вибрация воздуха — какой-нибудь слабый глухой шум, происходит ли он от отдаленных поселений людей, или от листьев деревьев, или от крыльев птиц, или даже от шелеста травы, покрывающей землю. Можно не чувствовать присутствия в воздухе звука, но тот ошибся бы, кто стал бы отрицать его существование. Только здесь в этих арктических морях эта настоящая бездонная тишина предстает перед вами во всей своей реальности. Вы замечаете, что ваша барабанная перепонка силится поймать какой-нибудь слабый шум и сильно реагирует на всякий случайный звук во внутренности судна. Будучи в таком состоянии, я прислонился к бульваркам, когда в тишине ночи со льда почти прямо передо мною раздался крик, резкий и пронзительный, начавшийся, как мне показалось, с такой высокой ноты, какой никогда не удавалось брать ни одной примадонне, поднимавшийся все выше и выше, пока он не достиг кульминационной точки в продолжительном вопле агонии, который мог быть последним криком погибшей души. Этот ужасный крик все еще звучит в моих ушах. Горе, невыразимое горе, казалось, выражалось в нем, и сильное страстное желание, и вместе с тем сквозила случайная, дикая нота ликования. Крик

раздался совсем около меня, и, однако, когда я смотрел в темноту, то не мог ничего разглядеть. Я подождал несколько времени, но так как крик не повторился, то я пошел вниз. Никогда в жизни не испытывал я такого потрясения; спускаясь вниз, я встретил мистера Мильна, поднимавшегося наверх, чтобы сменить вахтенного офицера. «Ну что, доктор, — сказал он, — это болтовня старых баб? Разве вы не слышали крика? Может быть, это суеверие? Что же вы думаете насчет этого?»

Я был вынужден извиниться перед честным парнем и признаться, что я был также взволнован этим, как и он. Может быть, завтра можно будет иначе взглянуть на вещи. В настоящее время я почти боюсь писать все, что я думаю. Перечтя эти строки через несколько дней, когда я освобожусь от власти всех этих ассоциаций, я буду презирать себя за выказанную слабость.

18-го сентября. Провел бессонную и тревожную ночь, в течение которой меня все время преследовал этот странный крик. Не похоже, чтобы капитан хорошо отдохнул ночью, так как его лицо утрюмо и глаза красны. Я не говорил ему о моем ночном приключении и не скажу. Он уже так беспокоен и возбужден, вскакивает, опять садится и, видимо, совершенно неспособен держаться спокойно.

Как я ожидал, сегодня утром по льду показался прекрасный проход; и мы могли поднять наш якорь и плыть около двадцати миль в западно-юго-западном направлении. Потом мы были остановлены сплошным льдом, таким же плотным, как тот, который мы оставили позади себя. Он совершенно загораживает нам ход, и нам не остается ничего иного, как стать опять на якорь и ждать, когда лед сломается, чего можно ожидать через сутки, если ветер удержится. В воде было видно много плавающих тюленей, и один из них, громадное создание, больше одиннадцати футов длины, был убит. Это — свирепые, драчливые животные, по силе, говорят, превосходящие медведя. К счастью, они медленны и неуклюжи в своих движениях, так что опасность при нападении на них на льду невелика.

Капитан, очевидно, не думает, что мы избавились от всех затруднений, угрожавших нам, хотя я не понимаю, почему он так мрачно смотрит на наше положение, так как все остальные на судне считают, что мы чудесным

образом спаслись, и уверены, что теперь мы достигнем открытого моря.

— Я полагаю, что вы думаете, что все обстоит благополучно, доктор? — спросил он, когда мы остались одни после обеда.

— Я надеюсь, что так, — ответил я.

— Не следует быть слишком уверенным, и, однако, нет сомнения, что вы правы. Мы вскоре будем все в объятиях тех, кто нас любит, юноша, не так ли? Но мы не должны быть слишком уверенными.

Он немного помолчал, задумчиво раскачивая ногой.

— Слушайте, — продолжал он, — это опасное место даже при самых благоприятных обстоятельствах, предательское, опасное место. Я знал людей, внезапно погибших при подобной обстановке. Иногда малейшая ошибка вызывает гибель; одна ошибка, и вас поглощает трещина во льду, и только пузыри остаются на зеленой воде в том месте, где вы утонули.

— Забавная вещь, — продолжал он с нервным смехом, — но в течение всех тех лет, которые я провел в этой стране, мне ни разу не приходила в голову мысль сделать духовное завещание. Я не хочу сказать, чтобы я мог оставить вообще что-нибудь, тем не менее, когда человек подвергается опасности, он должен устроить все свои дела и быть готовым. Согласны ли вы со мной?

— Конечно, — ответил я, не понимая, к чему клонится этот разговор.

— Он чувствует себя лучше, зная, что все в порядке, — продолжал он. — Теперь, если со мною случится что-нибудь, я надеюсь, что вы позаботитесь о моих вещах. Их очень мало в каюте, но, сколько бы их ни было, я хотел бы, чтобы они были проданы и деньги разделены поровну между матросами. Я хочу, чтобы хронометр вы сохранили у себя, как маленькое воспоминание о нашем путешествии. Конечно, все это только предосторожность, но я думал, что мне представился благоприятный случай поговорить с вами об этом. Полагаю, что могу положиться на вас, если будет нужно?

— Вполне, — ответил я, — но раз вы заговорили об этом, то и со мною может быть то же...

— С вами, с вами! — прервал он меня. — Вам ничто не угрожает. Черт возьми, что такое может случиться с вами? Ну, я вовсе не хотел быть грубым, но мне непри-

ятно слышать, как молодой малый, который только что начал жизнь, размышляет о смерти. Ступайте на палубу и подышите свежим воздухом, вместо того чтобы говорить вздор в каюте и поощрять меня к тому же самому.

Чем больше я думаю об этом нашем разговоре, тем меньше он мне нравится. Зачем бы человеку устраивать свои дела в то самое время, когда мы, кажется, избавились от всякой опасности? В его помешательстве должна быть какая-то последовательность. Может ли быть, что он имеет в виду самоубийство? Я припоминаю, что однажды он говорил с глубоким чувством о гнусности преступления самоистребления. Однако же я буду присматривать за ним, и хотя я не могу нарушить его уединение в каюте, но, по крайней мере, поставлю себе обязанностью оставаться на палубе все время, пока он будет находиться на ней.

Мистер Мильн смеется над моими страхами и говорит: «Это только чудачества капитана». Он сам очень розово смотрит на положение вещей. По его мнению, мы выйдем из льда послезавтра днем, через два дня после этого минуем Жан-Мейен и увидим Шотландию через неделю с небольшим. Я надеюсь, что он не слишком оптимистически смотрит на положение дел. Его мнение может быть прекрасным противовесом мрачным предостережениям капитана, так как он старый и опытный моряк и хорошо взвешивает свои слова, прежде чем говорить...

19-го сентября. Давно надвигавшаяся катастрофа разразилась, наконец. Я почти не знаю, что писать о ней. Капитан ушел. Может быть, он опять вернется к нам невредимым, но я боюсь... боюсь. Теперь семь часов утра. Я провел всю ночь, обходя громадную льдину, лежавшую впереди нас, с отрядом матросов, в надежде найти какой-нибудь след капитана, но напрасно. Я попытаюсь рассказать, при каких обстоятельствах произошло его исчезновение. Если когда-нибудь кто-нибудь будет читать ниже следующие строки, я надеюсь, что он будет помнить, что я пишу не по догадке и не по слухам, что я, здоровый и образованный человек, точно описываю то, что произошло перед моими собственными глазами. Выводы принадлежат мне самому, но за факты я отвечаю.

Капитан оставался в прекрасном настроении духа после разговора, о котором я рассказывал. Он казался, од-

нако же, нервным и нетерпеливым, часто меняя место с теми бесцельными, холерическими телодвижениями, которые так характерны для него по временам. В течение четверти часа он выходил на палубу семь раз только для того, чтобы поспешно сделать несколько шагов по палубе и опять спуститься вниз. Я следовал за ним каждый раз, так как в выражении его лица было что-то, что укрепляло мою решимость не выпускать его из вида. Он, казалось, заметил впечатление, которое производили на меня его движения, так как старался чрезмерною веселостью, шумным смехом при самой незначительной шутке рассеять мои опасения.

После ужина он еще раз вышел на корму, и я с ним. Ночь была темна и тиха, если не считать меланхолических завываний ветра между снастями. Густое облако поднялось с северо-запада и извилистые щупальца, высланные им впереди себя, нанесло ветром на поверхность луны, которая только по временам светила через расщелину в облаке. Капитан быстро ходил взад и вперед и потом, видя, что я все еще следую за ним по пятам, обернулся ко мне и намекнул, что он думает, что мне было бы лучше внизу; само собою разумеется, это замечание только усилило мою решимость оставаться на палубе.

Я думаю, что после этого он забыл о моем присутствии, так как стоял молча, наклонившись над бортом и смотря через большую снежную пустыню, часть которой была в тени в то время, как другая часть мистически сияла в лунном свете. Много раз я видел по его движениям, что он смотрит на свои часы; раз он пробормотал короткую фразу, из которой мне удалось разобрать только одно слово «скоро». Признаюсь, я чувствовал, как боязнь овладевает мною в то время, как я, смотря на его высокую, неясно вырисовывавшуюся в темноте фигуру, заметил, как сильно он похож на человека, пришедшего на свидание. На свидание с кем? Какое-то смутное предчувствие истины начало шевелиться в моем сознании, когда я пытался соединить одни известные мне факты с другими, но я был совершенно неприготовлен к тому, что затем последовало.

По внезапной напряженности в его позе я почувствовал, что он увидел что-то. Я подкрался к нему сзади. Он смотрел пристальным вопросительным взглядом на что-то, казавшееся облаком тумана, быстро несущимся в одну

линию с кораблем. Это было тусклое, облачное тело, лишенное формы, иногда более, иногда менее видимое, смотря по тому, как падал на него свет. В этот момент блеск луны померк под балдахинном тончайшего облака.

— Иду, милая, иду! — вскрикнул капитан голосом, полным невыразимой нежности и сострадания, словно успокаивая любимое существо и даруя ему милость приятную и ему самому.

То, что последовало затем, произошло в одно мгновение. Я не имел возможности вмешаться. Капитан вскочил на верхушку бульварков, другим прыжком он очутился на льду почти у ног бледной, туманной фигуры. Он протянул руки, как бы для того, чтобы обнять ее, и бежал в темноте с распростертыми руками и словами любви на устах. Я все еще стоял, оцепенелый и недвижимый, напряженно глядя вслед его удаляющейся фигуре, пока его голос не замер в отдалении. Я думал, что не увижу его больше, но в этот момент луна ярко засияла из-за облаков и осветила громадное ледяное поле. Тогда я увидел его темную фигуру уже на очень большом расстоянии, бегущую с необыкновенной быстротой через ледяную равнину. Это был последний раз, когда мы мельком видели его, может быть, последний раз в нашей жизни. Сейчас же сформировали отряд, чтобы искать его, и я присоединился к нему, но люди не чувствовали расположения к этому делу и ничего не нашли. Другой отряд был отправлен на поиски через несколько часов. Я почти не верю, что не грежу или не нахожусь под влиянием какого-то странного кошмара, в то время, как пишу эти слова.

Семь часов 30 минут вечера. Только что вернулся, разбитый и страшно утомленный, с неудачного поиска капитана. Ледина громадная; мы прошли, по крайней мере, двадцать миль по ее поверхности и не заметили никаких признаков ее окончания. Недавно был такой сильный мороз, что промерзший снег стал тверд как гранит, иначе мы нашли бы какие-нибудь следы, которые указали бы нам дорогу. Команда сильно желает, чтобы мы снялись с якоря, обогнули льдину и направились к югу, так как лед раскрылся в течение ночи и море видно на горизонте. Люди доказывают, что капитан, наверное, умер и что мы понапрасну рискуем жизнью, оставаясь здесь в то время, как нам представляется случай к спасению. Мистер

Мильн и я лишь с большим трудом убедили их подождать до завтрашней ночи и были вынуждены обещать, что мы ни в коем случае не будем откладывать нашего отправления дальше этого срока. Итак, мы думаем заснуть на несколько часов и потом отправиться в последний раз на поиски.

20-го сентября, вечером. Я пересек лед сегодня утром с отрядом людей, исследуя южную часть льдины, в то время как мистер Мильн ушел в северном направлении. Мы прошли десять или двенадцать миль, не встретив признаков живого существа, кроме единственной птицы, которая летела высоко над нашими головами и которую по ее полету я принял за сокола. Южная оконечность острова суживается к концу в длинную узкую косу, которая выдается в море. Когда мы пришли к основанию этого мыса, люди остановились, но я просил их продолжать поиски до крайней оконечности мыса, чтобы у нас было нравственное удовлетворение, что мы не пренебрегли ни одним шансом разыскать капитана. Едва мы прошли сто ярдов, как Макдональд из Питерхэда закричал, что он увидел что-то впереди нас, и бросился бежать. Мы все увидели то, о чем он говорил, и также побежали. Сперва это было только неопределенное темное пятно на белизне льда, но, по мере того как мы бежали вперед, оно приняло форму человека — и человека, которого мы искали. Он лежал лицом вниз на ледяной отмели. Много мелких кристаллов льда и снежных пушинок, осыпавших его, пока он лежал, блестели на его темной морской куртке. Когда мы подошли, случайный порыв ветра увлек эти маленькие хлопья в своем водовороте, и они, рассеявшись в воздухе, частью спустились опять и частью, подхваченные еще раз струей воздуха, быстро погнались прочь в направлении к морю. В моих глазах это было просто снежным сугробом, но многие из моих товарищей утверждали, что нечто в форме женщины нагнулось над телом, поцеловало его и затем поспешно удалилось через ледяное поле. Я научился никогда не смеяться ни над чьим мнением, каким бы странным оно ни могло показаться. Несомненно то, что смерть капитана Николая Креджи не была мучительной, так как на его посиневших неподвижных чертах застыла ясная улыбка, а руки были все еще распростертыми, как будто сжимая в объятиях странного посетителя, который отозвал его в мрачный мир, лежащий за гробом.

Мы похоронили его в тот же самый день после полудня, накрыв корабельным флагом и расстреляв тридцать два фунта порошу у его могилы. Я читал похоронную службу в то время, как грубые матросы плакали, как дети, так как были многим обязаны доброте его сердца и выказывали теперь любовь, которую отталкивали его странные манеры при жизни. Он опустил в воду с глухим печальным плеском, и в то время, как я смотрел в зеленую воду, я видел, как он спускается все ниже, ниже, ниже... до тех пор, пока он не превратился в маленькое колеблющееся белое пятно, висящее на границах вечно-го мрака. Затем и этого уже не было видно, и он исчез. Там он будет лежать до того великого дня, когда море откажется от своих мертвецов и Николай Креджи выйдет из льда с улыбкою на лице и с окоченелыми руками, распростертыми для приветствия. Молю Бога, чтобы его жребий был счастливее в той жизни, чем в этой.

Я не буду продолжать своего дневника. Путь домой лежит открытым перед нами, и от большого ледяного поля скоро останется только воспоминание. Пройдет некоторое время, прежде чем я оправлюсь от потрясения, которое испытал во время недавних событий. Когда я начал этот рассказ о нашем путешествии, мне не приходило в голову, каким образом я буду вынужден закончить его. Я пишу эти заключительные строки в уединении каюты, все еще вздрагивая по временам, когда мне кажется, что я слышу быстрые нервные шаги покойного на палубе над моей головой. Я вошел в его каюту сегодня ночью, так как это был долг, чтобы сделать список его пожитков и занести в корабельный журнал. Все было в том же виде, как в мой предшествующий визит, кроме того, что картина, которая, как я писал, висела в конце его койки, была вырезана из своей рамы, как бы перочинным ножом, и исчезла. Этим последним звеном в странной цепи событий я заканчиваю мой дневник путешествия «Полярной Звезды».

Примечание г-ра Джона Мак Алистера старшего

Я прочел дневник моего сына, в котором рассказывается о странных событиях, сопровождавших смерть капитана «Полярной Звезды». Я вполне доверяю, что все случилось именно так, как он описывает, и даже поло-

жительно уверяю в этом, так как знаю его как человека с крепкими нервами, не обладающего пылким воображением и в высшей степени правдивого. Тем не менее история эта на первый взгляд так странна и невероятна, что я долго противился ее опубликованию. Однако же в течение последних дней мне удалось получить беспристрастное свидетельство по этому поводу, которое проливает на дело новый свет. Я ездил в Эдинбург, чтобы принять участие в митинге британского медицинского общества, и в дороге случайно встретился с доктором, со старым школьным товарищем, теперь практикующим в Девоншире. Когда я рассказал ему о случае, которому мой сын был свидетелем, он сказал мне, что был близок с этим человеком и, к немалому моему удивлению, дал мне его описание, которое вполне совпало с тем, которое было дано в дневнике, если не считать того, что он изобразил его моложе. Согласно его рассказу, капитан Креджи был обручен с молодой девушкой замечательной красоты, жившей на коривалийском берегу; во время его отсутствия на море его возлюбленная умерла трагической смертью.

Сильнее смерти

Четвертого марта 1867 года, когда мне шел двадцать пятый год, я под влиянием длительных переживаний и волнений записал в свой дневник следующие строки:

«Солнечная система, среди других бесчисленных обширных систем, совершает в безмолвном пространстве свой вечный путь к созвездию Геркулеса. Безостановочно и бесшумно вращаются, кружатся в извечной пустоте гигантские шары, из которых она состоит. В этой системе одним из самых маленьких и незначительных шаров является скопление твердых и жидких частиц, которое мы называем Землей. Вращаясь, она несется вперед, как неслась до моего рождения и как будет нестись после моей смерти, — кружащаяся тайна, неведомо откуда пришедшая и неведомо куда убегаящая. На поверхности этой движущейся массы копошатся бесчисленные микроскопические существа, и одно из них — это я, Джон Мак-Витти, беспомощный, бессильный, бесцельно увлекаемый в пространстве. И, однако, наша жизнь такова, что я вынужден отдавать труду все свои слабые силы и проблески разума, чтобы получать за это известные металлические кружки, покупать на них химические элементы для питания моих постоянно разрушающихся тканей и иметь над головой крышу для защиты от непогоды. Поэтому у меня не остается времени для размыш-

ления над мировыми вопросами, с которыми мне приходится сталкиваться на каждом шагу. Но при всем своем ничтожестве по временам я все еще в состоянии чувствовать себя до известной степени счастливым, а иногда даже — как ни странно! — упиваться сознанием значительности собственной персоны».

Как сказано выше, я записал эти строки в свой дневник, и в них нашли выражение мысли, которые не были вызваны минутными, преходящими эмоциями, а постоянно владели мной и глубоко вкоренились в мое сознание.

Но вот умер мой дядя — Мак-Витти из Гленкерна, тот самый, что в свое время был председателем различных комитетов в палате общин. Он разделил свое огромное состояние между многочисленными племянниками, и у меня оказалось достаточно средств, чтобы без нужды прожить остаток дней. Вместе с тем я стал владельцем унылой и бесплодной песчаной полосы на побережье Кейтнесса, которую старик, по-моему, подарил мне в насмешку, — он обладал чувством мрачного юмора. Я работал тогда адвокатом в одном из городков Средней Англии. Теперь я мог осуществить свои чаяния и, отбросив все ничтожные, низменные стремления, посвятить себя возвышенной цели — познанию тайн природы.

Мой отъезд из городка, где я жил, несколько ускорило то обстоятельство, что я чуть не убил в ссоре человека; я обладаю вспыльчивым характером и в гневе теряю самообладание. Против меня не возбудили судебного преследования, но газеты таякали по моему адресу, а люди косились на меня при встрече. Кончилось тем, что я проклял их вместе с их отвратительным, прокопченным городишком и поспешил в свое северное поместье, где надеялся обрести покой и подходящую обстановку для научных занятий и уединенных размышлений. Перед отъездом я взял из своего капитала некоторую сумму денег, и это позволило мне захватить с собой прекрасное собрание наиболее современных философских трудов, а также инструменты, химикалии и другие вещи, которые могли мне понадобиться в моем уединении.

Унаследованный мною участок представлял собой узкую, преимущественно песчаную полосу, тянувшуюся на протяжении двух с лишним миль вдоль побережья бухты Мэнси и Кейтнесса. На этом участке стоял ветхий дом из серого камня, причем никто не мог мне сказать, ког-

да и для чего он был здесь построен. Я отремонтировал его и сделал вполне пригодным жилищем для человека с такими неприхотливыми вкусами, как у меня. Одна из комнат служила мне лабораторией, другая гостиной, а в третьей, находившейся под самой крышей, я повесил гамак, в котором и спал. В доме было еще три комнаты, но я пока не пользовался ими и отдал одну из них старухе, которая вела мое хозяйство. На многие мили вокруг не было других людей, кроме двух простых рыбацких семейств — Юнгов и Мак-Леодов, проживавших по ту сторону мыса Фергус. Перед домом расстилалась огромная бухта, а позади него возвышались два длинных обнаженных холма, над которыми в отдалении виднелись другие, повыше. Между холмами лежала узкая долина, и когда ветер дул с суши, он проносился с унылым свистом, раскачивал ветви под окнами моей мансарды и шептался с ними о чем-то грустном.

Я не люблю людей. Справедливости ради замечу, что и они, по-моему, как правило, не любят меня. Я ненавижу их подлое пресмыкательство, их условности, их хитрости, их полуправды и неправды. Их обижает моя резкая откровенность, мое равнодушие к их общественным установлениям, мой протест против всякого рода насилия. Сидя в своем уединенном кабинете в Мэнси, среди книг и химикалий, я мог оставаться — бездеятельный и счастливый — в стороне от шумной толпы с ее политикой, изобретениями и болтовней. Впрочем, не совсем бездеятельным: в своей маленькой норе я работал и добился кое-каких успехов. У меня есть все основания считать, что атомистическая теория Дальтона основана на недоразумении, и, кроме того, я открыл, что ртуть не является элементом.

Весь день я был занят своими дистилляциями и анализами. Нередко я забывал, что мне нужно поесть, и, когда старая Мэдж в пять часов подавала мне чай, я обнаруживал, что мой обед все еще стоит на столе нетронутым. По ночам я читал Бэкона, Декарта, Спинозу, Канта — всех тех, кто пытался постичь непознаваемое. Эти бесплодные отвлеченные мыслители, не добившиеся никаких результатов, но щедрые на многосложные слова, напоминали мне чудаков, которые в поисках золота обнаруживают только червей и с восторгом выставляют их напоказ, как ценную находку, цель своих исканий. По

временам мною овладевало беспокойство, и я совершал переходы в тридцать — сорок миль, без отдыха и еды. Когда я — худой, небритый, растрепанный — проходил через деревни, матери поспешно выбегали на дорогу и уводили детей домой, а крестьяне высыпали из кабаков, чтобы поглазеть на меня. По-моему, я получил широкую известность, как «сумасшедший лорд из Мэнси». Однако я редко предпринимал такие походы, обычно довольствуясь прогулками по берегу перед своим домом, и, сделав океан своим другом и наперсником, утешал себя, покуривая крепкий черный табак.

Есть ли на свете лучший друг, чем огромное, беспокойное, волнующееся море? С каким только настроением нашего духа оно не гармонирует! Море — это полнота жизни, и человек испытывает прилив бодрости, слушая его живительный шум и наблюдая, как катятся длинные зеленые волны, на гребнях которых весело дробятся солнечные лучи. Но когда свинцовые валы в ярости вздымают косматую голову и ветер ревет над ними, еще больше их раззадоривая, тогда даже самый мрачный человек чувствует, что и в природе есть такая же угрюмая меланхолия, как и в его собственном существе.

В спокойные дни поверхность бухты Мэнси была гладкой и блестящей, как зеркало, и только в одном месте, недалеко от берега, воду рассекала длинная черная полоса, напоминавшая зубчатую спину какого-то спящего чудовища. Это была опасная гряда скал, известная рыбакам под названием «зубастого рифа Мэнси». Когда ветер дул с востока, волны с грохотом разбивались об утесы и брызги перелетали через мой дом, достигая находившихся позади холмов. Бухта была живописна, но открыта для сильных северных и восточных ветров, и из-за ее грозного рифа моряки редко заходили в нее. Было что-то романтическое в этом уединенном месте. Катаясь в лодке в тихую погоду и свесившись через борт, я пристально всматривался в глубь моря и различал там мерцающие, призрачные очертания огромных рыб, которые, как мне казалось, были совершенно неизвестны натуралистам, и мое воображение превращало их в духов этой пустынной бухты. Однажды в безветренную ночь, когда я стоял у самой воды, откуда-то из глубины, то усиливаясь, то ослабевая в неподвижном воздухе, в течение нескольких секунд разносился глухой стон, словно в безысходном

горе кричала женщина. Я слышал это собственными ушами.

В этом уединенном приюте, между незыблемыми холмами и вечно шумящим морем, избавленный от людской назойливости, работая и размышляя, я провел больше двух лет. Постепенно я так приучил к молчанию свою старуху служанку, что она стала редко открывать рот, хотя я уверен, что, навещая два раза в год своих родственников в Уике, она за эти несколько дней полностью вознаграждала себя за вынужденное молчание. Я уже почти забыл, что являюсь членом великой семьи человечества и привык жить среди мертвецов, книги которых я внимательно изучал, когда произошел случай, придавший моим мыслям новое течение.

После трех суток бурной погоды в июне выдался тихий, спокойный денек. Ни малейшего дуновения не чувствовалось в воздухе в тот вечер. Солнце зашло на западе за гряды багровых облаков, и на гладкую поверхность бухты легли полосы алого света. Лужи воды после прилива казались на желтом песке пятнами крови, словно здесь с трудом протаскился какой-то раненый великан, оставив кровавые следы. По мере того как сгущались сумерки, бесформенные облака, нависшие над восточной частью горизонта, собрались в огромную, причудливых очертаний тучу. Барометр все еще стоял низко, и я чувствовал, что надвигается гроза. Около девяти часов вечера с моря стали доноситься глухие стоны, словно какое-то измученное существо почувствовало, что вновь приходит час его страданий. В десять часов с востока подул сильный бриз. К одиннадцати часам он усилился и в полночь разразился таким яростным штормом, какого я еще никогда не видел на этом бурном побережье.

Когда я ложился спать, галька и морские водоросли барабанили в окно моей мансарды, а ветер завывал так уныло, что, казалось, в каждом его порыве слышится стон погибающей души. К тому времени завывания бури стали для меня колыбельной песней. Я знал, что серые стены старого дома выстоят, а то, что происходит во внешнем мире, меня мало заботило. Старая Мэдж обычно относилась к этому с таким же равнодушием, как и я. Вот почему я очень удивился, когда около трех часов ночи меня разбудил громкий стук в дверь, и я услышал взвол-

нованный, хриплый голос моей экономки. Я выскочил из гамака и грубо спросил ее, в чем дело.

— Эй, хозяин, хозяин! — пронзительно кричала она на своем отвратительном диалекте. — Скорее! На рифы наскочил большой корабль. Бедные люди кричат и просят о помощи. Ах, хозяин Мак-Витти! Скорее! Сойдите вниз!

— Попридержи свой язык, старая карга! — в ярости закричал я. — Что тебе до того, погибнут они или нет? Ложись спать и оставь меня в покое.

Я снова залез в свой гамак и натянул на себя одеяло. «Эти люди там, на корабле, — сказал я себе, — уже испытывали ужас смерти. Если я спасу их, то через несколько лет их ждут те же самые испытания. Пусть уже лучше они погибнут сейчас, если столько выстрадали в ожидании смерти, — ведь это страшнее, чем сама смерть». После таких размышлений я попытался было снова уснуть, поскольку моя философия не только научила меня смотреть на смерть как на незначительный, весьма заурядный случай в извечной и неизменной судьбе человека, но и отняла у меня интерес к житейским делам. Но вдруг я обнаружил, что старая закваска все еще бурно бродит во мне. Несколько минут я ворочался с боку на бок, пытаясь погасить мгновенный порыв рассуждениями, которым предавался все эти долгие месяцы. Затем среди дикого завывания шторма до меня донесся глухой гул, это был выстрел сигнальной пушки. Сам не зная почему, я встал, оделся, закурил трубку и направился на взморье.

Когда я выходил из дому, стояла крошечная тьма, ветер дул с такой силой, что мне пришлось пробираться по гальке, выставив вперед плечо. Лицо у меня горело и саднело от мелких камешков, поднятых ветром, а искры из моей трубки струей тянулись позади меня, совершая в темноте какой-то фантастический танец. Я подошел к берегу, на который с диким ревом неслись огромные волны, и, прикрыв от соленых брызг глаза руками, стал всматриваться в море.

Я не мог ничего различить, но все же мне показалось, что вместе с порывами ветра до меня доносятся вопли и невнятные пронзительные крики. Продолжая всматриваться, я внезапно увидал вспышку огня, и мгновенно вся бухта и берег озарились зловещим голубым светом. Это был цветной сигнальный огонь, зажженный на борту

корабля. Корабль лежал на боку посередине зазубренного рифа под таким углом, что я мог видеть всю настилку его палубы. Это была большая двухмачтовая шхуна иностранной оснастки, и находилась она примерно ярдах в двухстах от берега. При мертвенно голубом огне, шипевшем и мигавшем на самой высокой части бака, были отчетливо видны рей и развеваемые ветром ванты. С моря, из глубокой темноты, на гибнущее судно беспрерывно и неустанно катились длинные черные волны, на гребнях которых кое-где зловеще белела пена. Попадая в широкий круг, образованный светом сигнального огня, каждая волна, казалось, набирала сил, увеличивалась в объеме и еще стремительнее мчалась дальше, чтобы в следующее мгновение с грохотом и ревом обрушиться на свою жертву.

Я отчетливо видел человек десять или двенадцать обезумевших матросов, цеплявшихся за ванты с наветренной стороны. Как только при свете огня, зажженного на корабле, они увидели меня, моряки повернули ко мне бледные лица и умоляюще замахали руками. Я почувствовал, что во мне опять поднимается отвращение к этим жалким, испуганным червям. Почему они пытаются уклониться от той узкой тропки, по которой прошло все, что было в человечестве великого и благородного?

Один из них заинтересовал меня больше других. Это был высокий мужчина, который спокойно стоял в стороне, балансируя на качавшейся палубе корабля и словно не желая цепляться за веревку или за поручни. Руки у него были заложены за спину, голова опущена на грудь, но даже в этой безнадежной позе, как и во всех его движениях, были видны энергия и решимость, которые делали его мало похожим на человека, впавшего в отчаяние. Действительно, быстрые взгляды, которые он бросал вокруг себя, доказывали, что он тщательно взвешивает все возможности спасения. Хотя он несомненно видел мою темную фигуру через отделяющую нас полосу яростного прибоя, его самолюбие или какие-то другие причины не позволяли ему обратиться ко мне за помощью. Он стоял мрачный, молчаливый, загадочный, всматриваясь в черное море и ожидая, что пошлет ему судьба.

Мне казалось, что этот вопрос будет скоро решен. Пока я наблюдал за этим человеком, огромный вал, значительно выше всех и следовавший за другими, как по-

гонщик за стадом, пронесся над кораблем. Передняя мачта сломалась почти у самого основания, и люди, цеплявшиеся за ванты, были сметены в пучину, словно рой мух. В том месте, где острый гребень рифа Мэнси врезался в киль корабля, судно начало с оглушительным треском раскалываться пополам. Человек на баке быстро перебежал через палубу и схватил какой-то белый узел, который я еще раньше заметил, но не мог понять, что это такое. Лишь после того как он поднял узел и на него упал свет, я разглядел, что это была женщина, привязанная к перекладине рангоута поперек тела и под мышками таким образом, чтобы голова ее все время находилась над водой.

Человек бережно отнес женщину к борту и, по-видимому, начал объяснять ей, что дальше оставаться на судне невозможно. Ее ответ был очень странным: я видел, как она подняла руку и ударила мужчину по лицу. Кажется, это заставило его на мгновение умолкнуть, но потом он снова обратился к ней, объясняя, насколько я мог судить по его движениям, как нужно держаться на воде. Она отпрянула от него, но он схватил ее в свои объятия, наклонился над ней и прижался губами к ее лбу. Затем, когда огромная волна прихлынула к гибнущему кораблю, мужчина перегнулся через борт и осторожно положил женщину на гребень вала, подобно тому, как кладут ребенка в колыбель. Я видел, как ее белое одеяние промелькнуло в пене огромного вала, но затем свет начал постепенно гаснуть, и искалеченный корабль с единственным оставшимся на нем человеком погрузился в темноту.

Когда я наблюдал эту картину, сознание того, что я мужчина, победило во мне все философские доводы, и я ощутил какой-то мощный толчок. Отбросив в сторону цинизм, как принадлежность туалета, которую можно снова надеть, когда мне захочется, я кинулся к своей лодке. Старая посуда давала течь, — но что из того? Ведь я не раз тоскливо и нерешительно поглядывал на флакончик с опием, и мог ли я сейчас взвешивать шансы и уклоняться от опасности? Отчаянным усилием я подтащил лодку к воде и вскочил в нее. Сперва я боялся, что ее опрокинет бушующий прибой, но после нескольких бешеных ударов веслами мне удалось выбраться в море, и лодка не затонула, хотя и наполнилась наполовину водой. Теперь я находился среди бушующих

волн, лодка то взлетала на гребень огромного черного вала, то падала вниз так глубоко, что, взглянув вверх, я видел вокруг себя лишь сверкание пены на фоне темного неба. Далеко позади я слышал дикие вопли старой Мэдж, которая заметила меня в море и несомненно решила, что я сошел с ума.

Работая веслами, я оглядывался по сторонам, пока, наконец, не увидел на гребне мчавшейся навстречу огромной волны белое пятно. Когда женщину пронесло волной мимо меня, я нагнулся и с трудом втащил ее, насквозь промокшую, в лодку. Мне не пришлось грести обратно — следующий вал подхватил нас и выбросил на берег. Оттащив лодку подальше от воды, я поднял женщину и отнёс ее в дом. Позади ковыляла экономка, громко поздравляя меня и выражая свое восхищение.

Вслед за этим во мне наступила реакция. Я понял, что моя ноша жива, — по дороге к дому я приложил ухо к ее груди и услышал слабое биение сердца. Убедившись в этом, я небрежно, как вязанку дров, опустил ее у огня, который разожгла старая Мэдж. Я даже не взглянул на нее, чтобы убедиться, красива она или нет. Уже много лет я почти не обращал внимания на наружность женщин. Однако, лежа у себя в гамаке, я слышал, как старуха, растирая женщину, чтобы согреть ее, монотонно бормотала: «Ах, бедная деточка!», «Ах, какая красоточка!», — из чего заключил, что спасенная мною жертва кораблекрушения была молодым и миловидным существом.

Утро после шторма выдалось тихое и солнечное. Гуляя вдоль длинной полосы нанесенного песка, я слушал тяжелое дыхание моря. Вокруг рифа оно вздымалось и бурлило, но у берега было подернуто лишь небольшой рябью. На рифе не оказалось никаких признаков шхуны, на берегу — никаких остатков кораблекрушения, но это меня не удивило, так как я знал, что в здешних водах имеется сильное подводное течение. Над местом ночной катастрофы кружили две ширококрылых чайки; иногда они подолгу парили в воздухе, словно разглядывали в волнах что-то странное. Порой я слышал их хриплые крики, как будто они рассказывали друг другу о том, что видели.

Когда я вернулся с прогулки, женщина стояла в дверях и ждала меня. Увидев ее, я начал раскаиваться, что спас ее, ибо мне стало ясно, что пришел конец моему

уединению. Она была очень молода, самое большее девятнадцати лет. У нее было бледное, с тонкими чертами лицо, золотистые волосы, веселые голубые глаза и белые, как жемчуг, зубы. Ее красота была какой-то неземной. Она казалась такой белой, воздушной и хрупкой, что могла бы сойти за духа, и словно соткана была из той морской пены, из которой я вытащил ее. Она надела одно из платьев Мэдж и выглядела довольно странно, но вместе с тем это как-то шло ей. Когда я, тяжело ступая, поднялся по тропинке, она по-детски очаровательно всплеснула руками и бросилась мне навстречу, намереваясь, видимо, поблагодарить меня за спасение. Но я отстранил ее и прошел мимо. Кажется, это несколько озадачило ее, на глазах у нее навернулись слезы, но она все же прошла в гостиную и стала задумчиво наблюдать за мной.

— Из какой вы страны? — внезапно спросил я.

Она улыбнулась в ответ и покачала головой.

— *Francais*? — снова спросил я. — *Deutsch*? *Espagnol*?

Но девушка всякий раз качала головой, а затем начала что-то щебетать на незнакомом мне языке, из которого я не понял ни одного слова.

Однако после завтрака мне удалось найти ключ, с помощью которого я мог определить ее национальность. Проходя снова по берегу, я заметил, что в трещине рифа застрял кусок дерева. Я добрался до него на лодке и перевез на берег. Это был обломок ахтерштевеня шлюпки и на нем, или, точнее говоря, на прикрепленном к нему куске дерева, виднелось слово «Архангельск», написанное странными, своеобразными буквами. «Итак, — думал я, не спеша возвращаясь домой, — эта бледная девица — русская. Достойная подданная белого царя и столь же достойная обительница берегов Белого моря!» Мне показалось странным, что такая изящная девушка могла предпринять столь длительное путешествие на таком хрупком суденышке. Вернувшись домой, я несколько раз с различными интонациями произносил слово «Архангельск», но она, видимо, не понимала меня.

Все утро я провел, запершись у себя в лаборатории, продолжая напряженно работать над исследованием аллотропических форм углерода и серы. Когда я вышел в полдень в столовую, чтобы поесть, я увидел, что она сидит у стола с иглой и ниткой и приводит в порядок

свою просохшую одежду. Я был возмущен ее присутствием, но не мог, разумеется, выгнать ее на берег, чтобы она устраивалась там как ей угодно. Вскоре она дала мне возможность познакомиться еще с одной чертой ее характера. Показав на себя, а затем на место кораблекрушения, она подняла палец, спрашивая, как я понял, одна ли она спаслась с затонувшего корабля. Я утвердительно кивнул головой. Она встретила этот ответ восклицанием бурной радости, вскочила со стула, подняла над головой платье, которое чинила, и, размахивая им в такт своим движениям, легко, как перышко, начала танцевать по комнате, а затем через открытую дверь выпорхнула из дому. Кружась, она напевала своим тоненьким голоском какую-то грубоватую, дикую песню, выражавшую ликование.

Я крикнул ей:

— Идите сюда, бесенок вы этакий, идите сюда и замолчите! — Но она продолжала танцевать. Затем она подбежала ко мне и поцеловала мне руку, прежде чем я успел отдернуть ее. Во время обеда, увидев на столе карандаш, она схватила его, написала на клочке бумаги два слова: «Софья Рамузина» — и показала на себя в знак того, что это ее имя. Она передала карандаш мне, очевидно, ожидая, что я проявлю такую же общительность, но я попросту положил его в карман, показывая тем самым, что не желаю иметь с ней ничего общего.

С этого момента я начал жалеть о своем легкомыслии и поспешности, с какой спас эту женщину. Что мне за дело до того, будет ли она жить, или умрет? Я ведь не какой-нибудь пылкий юноша, чтобы совершать такие подвиги. Мне приходится терпеть в доме Мэдж, но она стара и безобразна и на нее можно не обращать внимания. А существо, спасенное мною, молодо и жизнерадостно и создано для того, чтобы отвлекать человека от серьезных дел. Куда бы мне ее отправить и что с ней делать? Если я сообщу о ней в Уик, то ко мне явятся чиновники, начнут везде шарить, высматривать, задавать вопросы, а мне претит даже мысль об этом. Нет, лучше уже терпеть ее присутствие.

Вскоре выяснилось, что меня подкарауливали новые неприятности. Положительно, не найти в этом мире места, где бы тебя не тревожили представители неутомимой человеческой расы, к которой принадлежу и я. По

вечерам, когда солнце скрывалось за холмами и они погружались в мрачную тень, а песок сиял золотом и море переливалось ослепительными красками, я обычно отправлялся гулять по берегу. Иногда я брал с собой книгу. Так поступил я и в этот вечер и, растянувшись на песке, собрался было почитать. Но не успел я улечься, как вдруг почувствовал, что между мною и солнцем встала какая-то тень. Оглянувшись, я увидел, к своему величайшему изумлению, высокого, хорошо сложенного человека. Он стоял в нескольких ярдах и хотя несомненно видел меня, не обращал на меня внимания. Сурово нахмурившись, он пристально смотрел через мою голову на бухту и черную линию рифа Мэнси.

У него было смуглое лицо, черные волосы, короткая курчавая борода, орлиный нос и золотые серьги в ушах. Он производил впечатление человека необузданного, но по-своему благородного. На нем была выцветшая вельветовая куртка, рубашка из красной фланели и высокие, чуть не до пояса морские сапоги. Я сразу же узнал человека, которого заметил прошлой ночью на гибнущем корабле.

— Вот как! — раздраженно сказал я. — Значит, вы все же добрались до берега?

— Да, — ответил он на правильном английском языке. — Но я здесь ни при чем. Меня выбросили волны. Как бы мне хотелось утонуть. — Он говорил по-английски с легким иностранным акцентом, и его было довольно приятно слушать. — Два добрых рыбака, которые живут вон там, спасли меня и ухаживали за мной, но, по правде сказать, я не испытываю к ним благодарности.

«Ого! — подумал я. — Мы с ним одного поля ягода».

— А почему вам хотелось бы утонуть?

— Потому что там, — воскликнул он, в порыве страстного и безнадежного отчаяния выбрасывая вперед свои длинные руки, — потому что там, в этой голубой безмятежной бухте, лежит моя душа, мое сокровище, все, что я любил и для чего я жил.

— Ну, — возразил я, — люди гибнут ежедневно, и волноваться из-за этого вовсе не следует. Да будет вам известно, что вы ходите по моей земле, и чем скорее вы отсюда уберетесь, тем будет мне приятнее. Для меня вполне достаточно хлопот и с той, которую я спас.

— Которую вы спасли? — спросил он, задыхаясь.

— Да, и если вы сможете захватить ее с собой, то я буду вам очень признателен.

Секунду он смотрел на меня, словно с трудом вникал в смысл моих слов, а затем, дико вскрикнув, с удивительной легкостью помчался к моему дому. Ни до этого, ни после я не видел, чтобы человек бежал так быстро. Я бросился за ним, возмущенный вторжением, грозившим моему жилищу, но еще задолго до того, как я добежал до дома, он уже нырнул в открытую дверь. Из дома раздался пронзительный крик, а когда я подошел ближе, то услышал бас мужчины, который что-то быстро и громко говорил. Заглянув в дверь, я увидел, что девушка, Софья Рамузина, скорчившись, сидит в углу, ее повернутое в сторону лицо и вся фигура выражали страх и отвращение. Мужчина, дрожа от волнения и сверкая черными глазами, о чем-то страстно умолял ее. Когда я вошел, он сделал шаг к девушке, но она еще дальше забилась в угол, вскрикнув, подобно кролику, схваченному за горло лаской.

— Эй! — зарычал я, отгаскивая от нее мужчину. — Ну и шум вы здесь подняли! Что вам здесь нужно? Уж не считаете ли вы, что тут постоянный двор или трактир?

— Ах, сэр, — сказал он, — прошу извинить меня. Эта женщина моя жена, и я думал, что она утонула. Вы возвратили мне жизнь.

— Кто вы такой? — грубо спросил я.

— Я из Архангельска, — просто ответил он, — русский.

— Как ваша фамилия?

— Урганев.

— Урганев! А ее зовут Софья Рамузина. Она не ваша жена. У нее нет обручального кольца.

— Мы муж и жена перед Богом, — торжественно ответил он, взглянув вверх. — Мы связаны более крепкими узами, чем земные.

Пока он говорил это, девушка спряталась за меня и, схватив мою руку, стиснула ее, как бы умоляя о защите.

— Отдайте мне мою жену, сэр, — продолжал он. — Позвольте мне взять ее отсюда.

— Послушайте, вы, как вас там зовут, — сурово сказал я. — Мне эта девица не нужна, и я раскаиваюсь, что спас ее. Очень сожалею, что вообще увидел ее. Если бы она погибла, я не был бы огорчен. Но я не согласен отдать ее вам, потому что она, по-видимому, боится и не-

навидит вас. Так что немедленно убирайтесь отсюда и оставьте меня в покое. Надеюсь, я никогда больше вас не увижу.

— Вы не хотите отдать ее мне? — хрипло спросил он.

— Скорее вы попадете в ад, чем я сделаю это! — сказал я.

— Ну, а что, если я возьму ее силой? — воскликнул он, и его смутное лицо потемнело еще больше.

Кровь внезапно бросилась мне в голову, и я схватил полено, лежавшее у камина.

— Уходите, — тихо сказал я. — Живо. Или я размозжу вам голову.

Сначала он нерешительно посмотрел на меня, затем повернулся и выбежал из дому. Но через минуту он вернулся и остановился у порога, глядя на нас.

— Подумайте, что вы делаете, — сказал он. — Эта женщина моя, и я возьму ее. Уж если дело дойдет до драки, то русский не уступит шотландцу.

— Ну, это мы еще посмотрим, — ответил я, бросаясь вперед, но он ушел, и я видел только его высокую фигуру, удалявшуюся в сгущающихся сумерках.

После этого в течение месяца, а может быть и двух, у нас все было спокойно. Я не разговаривал с русской девушкой, а она никогда не обращалась ко мне. Порой, когда я работал в лаборатории, она неслышно пробиралась ко мне и молча сидела, следя за мной своими большими глазами. Сперва ее вторжение раздражало меня, но со временем, убедившись, что она не пытается отвлечь меня от работы, я привык к ее присутствию. Ободренная этой уступкой, она постепенно, изо дня в день, в течение нескольких недель придвигала свой стул все ближе и ближе к моему столу, пока ей не удалось устроиться рядом со мной. В таком положении, по-прежнему ничем не напоминая о себе, она сумела сделаться весьма полезной мне, в ее руках всегда оказывалось то, что мне требовалось в данную минуту, перо, пробирка или склянка, и она безошибочно подавала мне нужную вещь. Игнорируя ее как человеческое существо, я видел в ней только полезный автомат и настолько привык к ней, что мне уже не хватало ее в тех редких случаях, когда она не заходила в комнату. У меня есть привычка разговаривать во время работы с самим собой, чтобы лучше фиксировать в мозгу полученные результаты. Девушка, долж-

но быть, обладала удивительной слуховой памятью и всегда могла повторить оброненные мною слова, совершенно не понимая, конечно, их смысла. Меня не раз смешило, когда я слышал, как она обрушивала на старую Мэдж целый поток химических уравнений и алгебраических формул и заливалась звонким смехом, когда старуха качала головой, вообразив, что с ней разговаривают по-русски.

Она никогда не удалялась от дома дальше, чем на сто ярдов, а выходя, сначала смотрела в окна, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Она, очевидно, подозревала, что ее земляк находится где-то неподалеку, и опасалась, как бы он не похитил ее. Очень характерен был один ее поступок. В куче старогохлама у меня валялся револьвер и патроны к нему. Однажды она нашла его, немедленно вычистила и смазала. Револьвер и патроны она повесила в мешочке у дверей и, когда я отправлялся на прогулку, заставляла меня брать это оружие с собой. В мое отсутствие она запирала дверь на засов. Вообще же она выглядела довольно счастливой и охотно помогала Мэдж по хозяйству, когда не работала со мной. Со всеми домашними обязанностями она справлялась удивительно ловко.

Вскоре я убедился, что ее подозрения вполне обоснованы и что человек из Архангельска все еще скрывается по соседству от нас. Как-то ночью я долго не мог уснуть. Я встал и выглянул в окно. Погода была довольно пасмурная, и я едва различал очертания морского берега и лежавшей моей лодки. Но вот мои глаза освоились с темнотой, и я заметил на песке, как раз напротив двери, какое-то темное пятно, хотя прошлой ночью там ничего не было. Пока я стоял у окна мансарды и всматривался в темноту, тщетно пытаясь определить, что бы это могло быть, огромная гряда облаков, скрывавших луну, медленно разошлась, и поток холодного ясного света залил бухту и длинную полосу пустынного берега. И в тот же миг я увидел, кто бродит по ночам около моего дома. Это был он — русский. Он сидел на песке, по странному монгольскому обычаю поджав под себя ноги, подобно гигантской лягушке, и устремив взгляд, по-видимому, на окно той комнаты, где спали девушка и экономка. Свет упал на его поднятое вверх ястребиное лицо, и я вновь увидел бла-

городные черты, глубокую складку на лбу и торчащую бороду — отличительные признаки экспансивной натуры.

В первый момент у меня появилось желание застрелить его, как браконьера, но пока я разглядывал его, мое возмущение сменилось жалостью и презрением. «Несчастный дурак! — подумал я. — Ты бесстрашно смотрел смерти в глаза, а теперь все твои мысли и желания устремлены к скверной девчонке — девчонке, которая ненавидит и избегает тебя! Тысячи женщин были бы без ума от тебя, пленившись твоим смутным лицом и огромной, красивой фигурой, а ты добиваешься взаимности именно той, которая не желает иметь с тобой ничего общего?» Лежа в постели, я еще долго посмеивался над ним. Я знал, что мой дом заперт на крепкие замки и засовы. Меня очень мало интересовало, где проведет ночь этот странный человек, — у моего ли порога, или за сотню миль отсюда, — ведь все равно к утру его здесь не будет. И действительно, утром, когда я встал и вышел из дому, его не было и в помине, и он не оставил никаких следов своего ночного пребывания.

Однако вскоре я снова увидел его. Однажды утром, когда у меня болела голова, так как я провел много времени, склонившись над столом, а накануне вечером надышался парами одного ядовитого препарата, я отправился покататься на лодке. Проплыв несколько миль вдоль берега, я почувствовал жажду и высадился там, где, как мне было известно, впадал в море ручей с пресной водой. Этот ручеек протекал через мои владения, но устье его, у которого я оказался в тот день, находится вне их границ. Я испытал некоторое смущение, когда, утолив в ручье жажду и поднявшись на ноги, очутился лицом к лицу с русским. Сейчас я был таким же браконьером, как и он, и с первого же взгляда я понял, что ему это известно.

— Мне хотелось бы сказать вам несколько слов, — мрачно проговорил он.

— В таком случае поторапливайтесь! — ответил я, взглянув на часы. — У меня нет времени на болтовню.

— На болтовню? — рассердился он. — Что за странный народ вы, шотландцы! У вас суровая внешность и грубая речь, но такая же внешность и речь и у тех добрых рыбаков, которые приютили меня. И все-таки я не сомневаюсь, что это хорошие люди. Я уверен, что вы

тоже добрый и порядочный человек, несмотря на всю вашу грубость.

— Черт бы вас побрал с вашими разговорами! — закричал я. — Говорите скорей, что вам нужно, и ступайте своей дорогой. Мне даже смотреть на вас противно.

— Ну как мне смягчить вас? — воскликнул он. — Ах да, вот... — И он вытащил из внутреннего кармана своей вельветовой куртки крестик греческого образца. — Взгляните сюда. Пусть наша вера отличается от вашей своими обрядами, но когда мы смотрим на эту эмблему, у нас должны возникать какие-то общие мысли и чувства.

— Я не совсем уверен в этом, — ответил я.

Он задумчиво взглянул на меня.

— Вы очень странный человек, — наконец проговорил он, — и я никак вас не пойму. Вы стоите между мной и Софьей, а это опасное положение, сэр. О, пока еще не поздно, поймите, что так не должно быть! Если бы вы только знали, каких трудов мне стоило увезти эту женщину, как я рисковал своей жизнью, как я погубил свою душу! Вы — лишь маленькое препятствие на моем пути по сравнению с теми, какие мне пришлось преодолеть, ведь я могу убрать вас со своей дороги ударом ножа или камня. Но сохрани меня Бог от этого, — дико закричал он. — Я низко пал... слишком низко... Все что угодно, только не это.

— Вы бы лучше вернулись к себе на родину, — заметил я, — чем шататься здесь среди этих песчаных холмов и нарушать мой покой. Когда я удостоверюсь, что вы уехали отсюда, я передам эту девушку под защиту русского консула в Эдинбурге. До тех пор я буду охранять ее сам, и ни вы, и ни один москвит не отнимет ее у меня.

— А почему вы хотите разлучить меня с Софьей? — спросил он. — Уж не воображаете ли вы, что я могу обидеть ее? Да знаете ли вы, что я, не задумываясь, пожертвую жизнью, чтобы уберечь ее от малейшей неприятности? Почему вы так поступаете?

— Потому что мне так нравится, — ответил я, — и я никому не даю отчета в своих поступках.

— Послушайте! — воскликнул он, наступая на меня, причем косматая грива его волос взъерошилась, а загорелые руки сжались в кулаки. — Если бы я думал, что у

вас есть хоть одна нечестная мысль по отношению к этой девушке, если бы я хотя на минуту поверил, что вы удерживаете ее у себя ради каких-то гнусных целей, — клянусь Богом, я без колебаний задушил бы вас собственными руками. — Казалось, одна мысль об этом приводила его в бешенство, лицо его исказилось, а руки судорожно сжались. Я подумал, что он хочет вцепиться мне в горло.

— Не подходите ко мне, — сказал я, кладя руку на револьвер. — Если вы сделаете хоть шаг вперед, я всажу вам пулю в лоб.

Он сунул руку в карман, и я подумал, что он тоже хочет вытащить оружие, но вместо этого он достал сигарету и начал курить, быстро и глубоко затягиваясь. Несомненно, он по опыту знал, что это самое верное средство обуздать свои страсти.

— Я уже сказал вам, — проговорил он более спокойным тоном, — что моя фамилия Урганев — Алексей Урганев. По национальности я финн, но чуть не всю свою жизнь провел в других частях света. Я неутомимый человек и никогда не мог усидеть на одном месте или поселиться где-нибудь и вести спокойный образ жизни. После того как я приобрел собственный корабль, между Архангельском и Австралией не осталось ни одного порта, куда бы я не заходил. Я был груб, необуздан и свобододлюбив, а между тем у меня на родине жил один молодой человек — краснобай, белоручка, мастер ухаживать за женщинами. Хитростью и обманом он отбил у меня девушку, которую я всегда считал своей и которая, как мне казалось, до этого была склонна ответить мне взаимностью. Я совершал свой очередной рейс в Гаммерфест за мамонтовой костью и, неожиданно вернувшись на родину, узнал, что мое сокровище, моя гордость выходит замуж за этого изнеженного мальчишку и что свадебная процессия уже отправилась в церковь. Понимаете, сэр, в этот момент на меня что-то накатило, и я вряд ли соображал, что делаю. Я высадился на берег со своей командой, состоявшей из людей, которые плавали со мной много лет и были мне беззаветно преданны. Мы направились в церковь. Они стояли, он и она, перед священником, но свадебный обряд еще не совершился. Я бросился между ними и схватил ее за талию. Мои люди оттеснили перепуганного жениха и гостей. Мы доставили ее в порт, посадили на корабль и, подняв якорь, шли по

Белому морю до тех пор, пока купола церквей Архангельска не скрылись из виду. Я отдал ей свою каюту и предоставил все удобства, а сам вместе со своей командой спал на баке. Я надеялся, что со временем ее отвращение ко мне пройдет и она согласится выйти за меня замуж где-нибудь в Англии или Франции. Мы плыли много дней. Мы видели, как позади нас за горизонтом потонул Нордкап, мы прошли вдоль мрачного норвежского побережья, но, несмотря на все мое внимание, она не хотела простить мне, что я оторвал ее от бледнолицего возлюбленного. Затем налетел этот проклятый шторм, погубивший мой корабль, разбивший все мои надежды и лишивший меня даже возможности видеть женщину, ради которой я так много рисковал. Возможно, она еще полюбит меня. Мне кажется, сэр, что у вас большой житейский опыт, — как вы думаете, она сможет забыть того человека и полюбить меня?

— Мне надоела ваша болтовня, — сказал я, отворачиваясь. — Лично я думаю, что вы величайший болван. Если вы думаете, что ваша любовь пройдет, то вам лучше как-нибудь развлечься. Если же вы считаете, что это неизлечимо, то лучшим выходом для вас будет перерезать себе глотку. Я не могу больше тратить время на эти пустяки.

С этими словами я повернулся и неторопливо зашагал, направляясь к своей лодке. Я ни разу не оглянулся, но чувствовал, что он идет за мной, так как слышал хруст песка под его ногами.

— Я рассказал вам начало своей истории, — сказал он, — но когда-нибудь вы узнаете ее конец. Вы хорошо сделаете, если отпустите девушку.

Я ничего не ответил и молча оттолкнул лодку от берега. Отплыв на некоторое расстояние, я оглянулся и увидел на желтом песке его рослую фигуру; он стоял, задумчиво глядя в мою сторону. Через несколько минут я снова оглянулся, но его уже не было.

Долгое время после этого моя жизнь протекала столь же размеренно и монотонно, как и до кораблекрушения. Иногда мне начинало казаться, что человек из Архангельска совсем убрался отсюда. Однако следы, которые я замечал на песке, и особенно кучка пепла от сигарет, как-то обнаруженная мною за холмиком, из-за которого виден был мой дом, говорили, что он все еще скрывается где-то поблизости. Мои отношения с русской девушкой

оставались такими же, как и раньше. Старая Мэдж вначале несколько подозрительно относилась к ней, видимо опасаясь лишиться даже той небольшой власти, какой она располагала. Но мало-помалу, видя мое полное безразличие к девушке, она примирилась с создавшимся положением и, как я уже сказал, извлекала из него пользу, поскольку наша гостыя выполняла большую часть работы по хозяйству.

Я подхожу к концу своего повествования, которое я предпринял скорее для собственного удовольствия, чем с целью развлечь других. Окончание этого странного эпизода, в котором сыграли роль двое русских, было столь же непредвиденным и внезапным, как и его начало. События одной ночи избавили меня от всех неприятностей и дали возможность вновь остаться наедине со своими книгами и исследованиями, как это было до внезапного появления русских. Позвольте мне рассказать, как все это произошло.

После долгого дня, проведенного в тяжелой работе, я решил предпринять вечером продолжительную прогулку. Выйдя из дому, я сразу же обратил внимание на море. Оно было гладким, как зеркало, ни одна морщинка не бороздила его поверхности. И все же воздух был наполнен теми не поддающимися описанию звуками, о которых я уже говорил раньше, — казалось, души тех, кто лежал глубоко на дне, под этими предательскими водами, посылали своим собратям на земле предупреждение о грядущих бедах. Жены рыбаков хорошо знали эти зловещие звуки и озабоченно поглядывали на море, ожидая увидеть бурые паруса, направляющиеся к берегу. Услышав эти звуки, я вернулся домой и взглянул на барометр. Он резко падал. Мне стало ясно, что предстоит тревожная ночь.

У подножия холмов, где я гулял в этот вечер, было мрачно и холодно, но их вершины были залиты розоватым светом, а море освещено заходящим солнцем. Небо еще не было затянуто тучами, но глухие стоны моря становились все громче и сильнее. Далеко на востоке я увидел бриг с зарифленными марсеями, направлявшийся в Уик. Несомненно, его капитан, так же, как и я, правильно понял предзнаменование погоды. За бригом, нависая над водой и заволакивая горизонт, виднелась длинная, зловещая дымка. «Пожалуй, мне нужно поторопиться, —

подумал я, — не то ветер может подняться раньше, чем я доберусь домой».

Находясь, по-видимому, на полпути к своему жилью, я вдруг остановился и, затаив дыхание, начал прислушиваться. Я так привык к шумам природы, вздохам бриза и всплескам волн, что любой другой звук мог расслышать на большом расстоянии. Я весь обратился в слух. Да, вот звук послышался опять, — протяжный, пронзительный крик отчаяния разнесся над песками и эхом отдался в холмах позади меня, — жалостный призыв о помощи. Он донесся со стороны моего дома. Я бросился на этот крик, увязая в песке и перескакивая через камни. Мысленно я уже представлял себе, что произошло.

Примерно в четверти мили от моего дома есть высокий песчаный холм, с которого видна вся окрестность. Добравшись до его вершины, я на мгновение остановился. Вот мой старый серый дом, вот лодка. Все выглядело так же, как и до моего ухода. Однако пока я всматривался, вновь послышался пронзительный крик, еще более громкий, чем раньше, и в следующий момент из двери дома показался русский моряк. На плече у него виднелась белая фигура девушки, и я заметил, что даже в такой спешке он нес ее бережно и почтительно. Я слышал ее дикие крики и видел, как она отчаянно сопротивляется, пытаясь вырваться из его объятий. Позади них тащилась моя старуха экономка, верная и преданная, как старый пес, который хотя и не может больше укунить, но все еще скалит беззубую пасть на врага. Она едва поспевала за ними, размахивая длинными руками и щедро осыпая насильника шотландскими проклятиями и ругательствами. Я сразу же понял, что он направляется к лодке. В моей душе внезапно вспыхнула надежда, что я доберусь до лодки раньше них. Из всех сил я бросился бежать к берегу и, зарядив на ходу револьвер, решил раз навсегда положить конец этим вторжениям.

Но было поздно. К тому времени, когда я добежал до берега, он успел уже отплыть на добрую сотню ярдов, и я видел, как при каждом мощном ударе весел лодку высоко подбрасывало вверх. В бессильной злобе я издал дикий вопль и, как загнанный зверь, начал метаться взад и вперед по берегу. Он обернулся и увидел меня. Встав со скамьи, он изящно поклонился и махнул мне рукой. Это не был жест ликования или насмешки. Как я ни был

разъярен и расстроен, я понял, что это торжественное и вежливое прощание. Затем он вновь взялся за весла, и маленькая шлюпка помчалась по морю, уходя из бухты. Солнце уже зашло, оставив на воде лишь мрачную багровую полосу, которая тянулась далеко-далеко и сливалась на горизонте с пурпурной дымкой. Быстро перерезав эту зловещую полосу, шлюпка становилась все меньше и меньше, пока ночные тени не сгустились вокруг нее и она не превратилась в маленькое пятнышко в пустынном море. Затем растворилось и это неясное пятно и его окутала темнота — темнота, которая, казалось, никогда не рассеется.

Но почему я продолжал метаться по безлюдному берегу, взбешенный, как волчица, у которой отняли ее детеныша? Может быть, потому, что я полюбил эту русскую девушку? Нет, тысячу раз нет! Я не из тех людей, которые ради белого личика или голубых глаз готовы забыть всю свою прежнюю жизнь, изменить направление своих мыслей и отречься от многого. Мое сердце не было затронуто. Но моя гордость — о, как жестоко я был оскорблен! Подумать только, — ведь я не сумел оказать помощь этому слабому созданию, которое так умоляло меня о ней и так полагалось на меня! При этой мысли меня охватывала ярость и кровь бросалась в голову.

В эту ночь с моря подул сильный ветер. Волны в бешенстве бросались на берег, как бы стремясь разрушить его и унести с собой в море. Хаос и грохот гармонировали с моим возбужденным состоянием. Всю ночь я бродил взад и вперед по берегу, мокрый от брызг и дождя, следя глазами за белыми гребнями валов и прислушиваясь к завыванию шторма. В сердце у меня кипела злоба на русского моряка. «О, если бы только он вернулся! — восклицал я, сжимая кулаки. — Если бы только он вернулся!»

И он вернулся. Когда на востоке забрезжил серый рассвет и осветил огромную пустыню желтых бушующих волн, над которыми низко проносились мрачные облака, я вновь увидел его. В нескольких стах ярдов от меня лежал на песке длинный черный предмет, подбрасываемый сердитыми валами. Это была моя лодка, изуродованная до неузнаваемости. Немного поодаль, на мелководье, качалось что-то бесформенное, покрытое галькой и водорослями. Я сразу же понял, что это был мертвый русский,

лежавший лицом вниз. Я бросился в воду и вытащил его на берег. И только перевернув его, я увидел, что русский моряк держал в объятиях девушку, словно защищая ее своим искалеченным телом от ярости шторма. Бурное море могло отнять у него жизнь, но всей его злобы не хватило, чтобы оторвать этого упрямого человека от любимой девушки. Судя по некоторым признакам, я понял, что в течение этой ужасной ночи даже легкомысленная женщина, наконец, поняла, что означает верное сердце и мощные руки, которые боролись за нее и так бережно охраняли ее. Иначе почему же она так нежно прижималась головкой к его широкой груди, а ее золотистые волосы переплелись с его черной бородой? И почему на его смуглом лице застыла такая ясная улыбка невыразимого счастья и ликования, что даже сама смерть не смогла стереть ее? Казалось, смерть была к нему более милой, чем жизнь.

Мы с Мэдж похоронили их на берегу пустынного Северного моря. Глубоко в желтом песке лежат они в общей могиле. В мире вокруг них будут происходить разные события. Империи будут создаваться и исчезать, будут возникать и заканчиваться великие войны, рушиться династии, но эти двое, равнодушные ко всему, вечно обнимая друг друга, будут лежать в своей одинокой могиле на берегу шумного океана. Порой мне кажется, что их души, подобно призрачным чайкам, носятся над бурными водами бухты. Над их могилой нет креста или другого какого-либо знака, но иногда старая Мэдж приносит сюда дикие цветы. И когда во время своих ежедневных прогулок я прохожу мимо могилы и вижу рассыпанные на песке свежие цветы, мне вспоминается странная пара, которая явилась сюда издалека и на короткое время нарушила скучное однообразие моей безрадостной жизни.

Лакированная шкатулка

Презанятная произошла со мной история, начал рассказывать репетитор, одна из тех странных и фантастических историй, которые приключаются порой с нами в жизни. В результате я потерял, может быть, лучшее место, которое когда-либо имел или буду иметь. Но все же я рад, что в качестве частного учителя поехал в замок Торп, так как приобрел — впрочем, что именно я приобрел, вы узнаете из моего рассказа.

Не знаю, знакомы ли вы с той частью центральных графств Англии, которая омывается водами Эйвона. Она — самая английская во всей Англии. Недаром же здесь родился Шекспир, воплотивший английский гений. Это край холмистых пастбищ; на западе холмы становятся выше, образуя Молвернскую гряду. Городов в этих местах нет, но деревни многочисленны, и в каждой возвышается серая каменная церковь норманнской архитектуры. Кирпич, этот строительный материал южных и восточных графств, остался позади, и вы всюду видите камень: каменные стены, каменные плиты крыш, покрытые лишайником. Все строения здесь строги, прочны и массивны, как и должно быть в сердце великой нации.

В центре этого края, неподалеку от Ивешема, и стоял старинный замок Торп — родовое гнездо сэра Джона Болламора, двух малолетних сыновей которого я должен был обучать. Сэр Джон был вдовцом, три года назад он

похоронил жену и остался с тремя детьми на руках. Мальчикам было теперь одному восемь, другому десять лет, а дочурке семь. Воспитательницей при этой девочке состояла мисс Уизертон, которая стала впоследствии моей женой. Я же был учителем обоих мальчиков. Можно ли вообразить себе более очевидную прелюдию к браку? Сейчас она воспитывает меня, а я учу двух наших собственных мальчуганов. Ну вот вы уже и узнали, что именно я приобрел в замке Торп!

Замок и впрямь был очень древний, невероятно древний, частично еще донорманнской постройки, так как Болламоры, как утверждают, жили на этом месте задолго до завоевания Англии норманнами. Поначалу он произвел на меня тягостное впечатление: эти толстенные серые стены, грубые крошащиеся камни кладки, запах гнили, похожий на смрадное дыхание больного животного, источаемый штукатуркой обветшалого здания. Но крыло современной постройки радовало глаз, а сад имел ухоженный вид. Да и разве может казаться унылым дом, в котором живет хорошенькая девушка и перед которым пышно цветут розы?

Если не считать многочисленной прислуги, нас, домоладцев, было всего четверо: мисс Уизертон, тогда двадцатичетырехлетняя и такая же хорошенькая — э-э, такая же хорошенькая, как миссис Колмор сейчас, ваш покорный слуга Френк Колмор — в ту пору мне было тридцать, экономка миссис Стивенс — сухая, молчаливая особа и мистер Ричардс — рослый мужчина с военной выправкой, исполнявший обязанности управляющего имением Болламора. Мы четверо всегда завтракали, обедали и ужинали вместе, а сэр Джон обычно ел один в библиотеке. Иногда он присоединялся к нам за обедом, но, в общем-то, мы не страдали от его отсутствия.

Одна грозная внешность этого человека способна была привести в трепет. Представьте себе мужчину шести футов и трех дюймов роста, могучего телосложения, с проседью в волосах и лицом аристократа: крупный породистый нос, косматые брови, мефистофельская борода клином и такие глубокие морщины на лбу и вокруг глаз, словно их вырезали перочинным ножом. У него были серые глаза, усталые глаза отчаявшегося человека, гордые и вместе с тем внушающие жалость. Они вызывали жалость, но в то же время как бы предупреждали:

только попробуйте проявить ее! Спина его сутулилась от долгих ученых занятий, в остальном же он был очень даже хорош собой для своего пятидесятипятилетнего возраста и сохранял мужскую привлекательность.

Но холодом веяло в его присутствии. Неизменно утиный, неизменно изысканный в обращении, он был чрезвычайно молчалив и замкнут. Мне никогда не приходилось так долго прожить бок о бок с человеком и так мало узнать о нем. Дома он проводил либо в своем собственном маленьком рабочем кабинете в восточной башне, либо в библиотеке в современном крыле. Распорядок его занятий отличался такой регулярностью, что в любой час можно было с точностью сказать, где он находится. Дважды в течение дня он уединялся у себя в кабинете, в первый раз — сразу после завтрака, во второй — часов в десять вечера. По звуку захлопнувшейся за ним тяжелой двери можно было ставить часы. Остальное время он проводил в библиотеке, делая среди дня перерыв на час-другой для пешей или конной прогулки, такой же уединенной, как и все его существование. Он любил своих детей и живо интересовался их успехами в учебе, но они немного побаивались этого молчаливика с нависшими лохматыми бровями и старались не попадаться ему на глаза. Да и все мы поступали так же.

Прошло немало времени, прежде чем мне стало хоть что-то известно об обстоятельствах жизни сэра Джона Болламора, так как экономка миссис Стивенс и управляющий именем мистер Ричардс из чувства лояльности по отношению к своему хозяину не болтали о его личных делах. Что касается гувернантки, то она знала не больше моего, и любопытство, которое разбирало нас обоих, способствовало в числе прочих причин нашему сближению. Однако в конце концов произошел случай, благодаря которому я ближе познакомился с мистером Ричардсом и узнал от него кое-что о прошлой жизни человека, на чьей службе я состоял.

А случилось вот что: Перси, младший из моих учеников, свалился в запруду прямо перед мельничным колесом, и, чтобы спасти его, я должен был, рискуя собственной жизнью, нырнуть следом. Насквозь промокший и в полном изнеможении (потому что я еще больше выбился из сил, чем спасенный мальчуган), я пробирался в свою комнату, как вдруг сэр Джон, услышавший возбужденные

голоса, открыл дверь своего маленького кабинета и спросил меня, что случилось. Я рассказал ему о том, что произошло, заверив его, что теперь его мальчику не угрожает никакая опасность. Он выслушал меня с нахмуренным неподвижным лицом, и только напряженный взгляд да плотно сжатые губы выдавали все эмоции, которые он пытался скрыть.

— Подождите, не уходите! Зайдите сюда! Я хочу знать все подробности! — проговорил он, поворачиваясь и открывая дверь.

Вот так я очутился в его маленьком рабочем кабинете, в этом уединенном убежище, порог которого, как я узнал впоследствии, в течение трех лет не переступала нога никакого другого человека, кроме служанки, приходившей сюда прибраться. Это была круглая комната (ибо располагалась она внутри круглой башни) с низким потолком, одним-единственным узким окном, увитым плющом, и самой простой обстановкой. Старый ковер, один стул, стол из сосновых досок да полочка с книгами — вот и все, что там было. На столе стояла фотография женщины, снятой во весь рост. Черты ее лица мне не запомнились, но я сохранил в памяти общее впечатление доброты и мягкости. Рядом с фотографией стояла большая черная лакированная шкатулка и лежали две связки писем или бумаг, перетянутые тесемкой.

Наша беседа была недолгой, так как сэр Джон Болламор заметил, что я до нитки вымок и должен немедленно переодеться. Однако после этого эпизода Ричардс, управляющий, поведал мне немало интересного. Сам он никогда не был в комнате, в которой я побывал по воле случая, и в тот же день он, сгорая от любопытства, подошел ко мне и завел разговор об этом, который мы продолжали, прогуливаясь взад и вперед по дорожке сада, в то время как мои подопечные играли поодаль в теннис на площадке.

— Вы даже не представляете, какое для вас было сделано исключение, — сказал он. — Эта комната окружена такой тайной, а сэр Джон посещает ее так регулярно и с таким постоянством, что она вызывает у всех в доме почти суеверное чувство. Уверяю вас, если бы я пересказал вам все слухи, которые ходят о ней, все рассказы слуг о тайных визитах в нее да о голосах, что оттуда

доносятся, вы могли бы заподозрить, что сэр Джон взялся за старое.

— Взялся за старое? А что это значит? — спросил я.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Невероятно! Неужели вы ничего не знаете о прошлой жизни сэра Джона Болламора?

— Ровным счетом ничего.

— Вы меня удивляете. Я думал, в Англии нет человека, который бы ничего не знал о его прошлом. Мне не следует распространяться об этом, но теперь вы тут свой человек, и лучше уж вы узнаете факты его биографии от меня, пока они не дошли до ваших ушей в более грубой и неприглядной форме. Подумать только, а я-то уверен был, что вы знаете, кто вас нанял на службу. Дьявол Болламор!

— Но почему Дьявол? — спросил я.

— А, вы ведь молоды, время же идет так быстро! Однако двадцать лет назад имя Дьявол Болламор гремело по всему Лондону. Он был предводителем компании самых отпетых беспутников, боксером, лошадником, игроком, кутилой, одним словом, прожигателем жизни в духе наших предков, да почище любого из них.

Я усталился на него в полном изумлении.

— Как?! — воскликнул я. — Этот тихий, погруженный в книги человек с грустным лицом?

— Величайший гуляка и распутник в Англии! Только между нами, Колмор. Но вы понимаете теперь, что женский голос у него в комнате и сейчас может навести на подозрения?

— Но что могло его так изменить?

— Любовь маленькой Берил Клер, рискнувшей выйти за него замуж. Это стало для него переломом. Он зашел в своем пристрастии к вину так далеко, что с ним перестала знаться его же собственная компания. Ведь одно дело кутила и совсем другое — пьяница. Все эти повесы пьянствуют, но не терпят в своей среде пьяниц. Он же стал рабом привычки, беспомощным и безнадежным. Вот тут-то в его жизнь и вошла она. Разглядев в этом пропащем человеке то хорошее, что в нем таилось, и поверив в его способность исправиться, она решилась пойти за него замуж, хотя это было рискованное решение, и посвятила всю жизнь тому, чтобы помочь ему вновь обрече-

сти мужество и достоинство. Вы, наверное, обратили внимание на то, что в доме нет никаких спиртных напитков? Так повелось с того дня, когда она впервые появилась здесь. Ведь для него даже сейчас выпить каплю спиртного — это все равно что тигру отведасть крови.

— Значит, ее влияние удерживает его до сих пор?

— Вот это-то самое удивительное! Когда она умерла три года тому назад, все мы боялись, что он снова запьет. Она и сама боялась, что он может сорваться после ее смерти: ведь она была настоящим его ангелом-хранителем и посвятила этому жизнь. Между прочим, заметили вы у него в комнате черную лакированную шкатулку?

— Да.

— По-моему, он хранит в ней ее письма. Не было случая, чтобы он, уезжая, пусть даже на одни сутки, не взял свою черную лакированную шкатулку с собой. Вот так-то, Колмор, может быть, я рассказал вам больше того, чем следовало, но я рассчитываю на взаимность: поделитесь со мной, если узнаете что-нибудь интересное.

Я, конечно, понимал, что этот достойный человек сгорает от любопытства и чуть-чуть уязвлен тем, что я, новичок здесь, первым попал в святая святых, в недоступную комнату. Но сам этот факт поднял меня в его глазах, и с тех пор в наших отношениях появилось больше доверительности.

Отныне молчаливая и величественная фигура моего работодателя заинтересовала меня еще сильнее. Мне стали понятны и удивительно человеческое выражение его глаз, и глубокие морщины, избороздившие его изможденное лицо. Он был обречен вести нескончаемую борьбу, с утра до ночи держать на почтительном расстоянии страшного врага, который был всегда готов наброситься на него, врага, который погубил бы и душу его, и тело, если бы только смог снова вонзить в него свои когти. Глядя на суровую сутулую фигуру, идущую коридором или прогуливающуюся в саду, я ощущал эту нависшую над ним грозную опасность так явственно, как если бы она приняла телесную форму. Мне казалось, я почти вижу этого наипрезреннейшего и наипаснейшего из врагов рода человеческого — вот он припал к земле перед прыжком совсем близко, в тени этой фигуры, как наполовину укрощенный зверь, что крадется рядом со своим хозяином, готовый при малейшей его неосторожности вцепить-

ся ему в горло. А умершая женщина, та женщина, которая до последнего своего вздоха отвращала от него эту опасность, тоже обрела облик в моем воображении: она представлялась моему мысленному взору смутным, но прекрасным видением. Ее ограждающе поднятые руки как бы отводили опасность от мужчины, которого она беззаветно любила.

Каким-то тонким, интуитивным образом он почувствовал мое сочувствие и на свой собственный молчаливый лад показал, что ценит его. Однажды он даже пригласил меня пойти вместе с ним на прогулку, и хотя за все время прогулки мы не перемолвились с ним ни единым словом, это было с его стороны знаком доверия, которое раньше он никому не оказывал. Кроме того, он попросил меня составить ему каталог его библиотеки (одной из лучших частных библиотек в Англии), и я проводил долгие вечерние часы в его присутствии, если не сказать в его обществе: он читал, сидя за своим рабочим столом, а я, пристроившись в нише у окна, потихоньку наводил порядок в книжном хаосе. Несмотря на то что между нами установились более близкие отношения, я ни разу больше не был удостоен приглашения в комнату в башне.

А затем мои чувства к нему резко изменились. Единственный случай все перевернул: моя симпатия к нему сменилась отвращением. Я понял, что он остался таким, каким всегда был, и приобрел еще один порок — лицемерие. Произошло же вот что.

Однажды вечером мисс Уизертон отправилась в соседнюю деревню, куда ее пригласили спеть на благотворительном концерте, а я, как обещал, зашел за ней, чтобы проводить ее обратно. Извилистая тропинка огибает восточную башню, и, когда мы проходили мимо, я заметил, что в круглой комнате горит свет. Был теплый летний вечер, и окно прямо над нашими головами было открыто. Занятые своей беседой, мы остановились на лужайке возле старой башни, как вдруг случилось нечто такое, что прервало нашу беседу и заставило нас забыть, о чем мы говорили.

Мы услышали голос — голос, безусловно, женский. Он звучал тихо — так тихо, что мы расслышали его только благодаря царившему вокруг безмолвию и неподвижности вечернего воздуха, но, пусть приглушенный, он, вне всякого сомнения, имел женский тембр. Женщина тороп-

ливо, судорожно глотая воздух, произнесла несколько фраз и смолкла. Говорила она жалобным, задышающим, умоляющим голосом. С минуту мы с мисс Уизертон стояли молча, глядя друг на друга. Затем быстро направились ко входу в дом.

— Голос доносился из окна, — сказал я.

— Не будем вести себя так, точно мы нарочно подслушивали, — ответила она. — Мы должны забыть про это.

В том, как она это сказала, не было удивления, что навело меня на новую мысль.

— Вы слышали этот голос раньше! — воскликнул я.

— Я ничего не могла поделать. Ведь моя комната находится выше в той же башне. Это бывает часто.

— Кто бы могла быть эта женщина?

— Понятия не имею. И предпочла бы не вдаваться в обсуждение.

Тон, каким она это сказала, достаточно красноречиво поведал мне о том, что она думает. Но если допустить, что хозяин дома вел двойную и сомнительную жизнь, то кто же тогда эта таинственная женщина, которая бывала у него в старой башне? Ведь я собственными глазами видел, как уныла и гола та комната. Она явно не жила там. Но откуда она в таком случае приходила? Это не могла быть одна из служанок: все они находились под бдительным присмотром миссис Стивенс. Посетительница, несомненно, являлась снаружи. Но каким образом?

И тут мне вдруг вспомнилось, что здание это построено в незапамятные времена и, вполне возможно, имеет какой-нибудь средневековый потайной ход. Ведь чуть ли не в каждом старом замке был подземный ход наружу. Таинственная комната находится в основании башни, и в подземный ход, если только он существует, можно спуститься через люк в полу. А вблизи — многочисленные коттеджи. Другой выход из потайного хода, возможно, находится где-нибудь в зарослях куманики в соседней рощице. Я не сказал никому ни слова, но почувствовал себя обладателем тайны этого человека.

И чем больше я в этом убеждался, тем сильнее поражаюсь искусству, с каким он скрывал свою подлинную сущность. Глядя на его суровую фигуру, я часто задавался вопросом: неужто и впрямь возможно, чтобы такой человек вел двойную жизнь? И тогда я старался внушить

себе, что мои подозрения, возможно, в конце концов окажутся беспочвенными. Но как быть с женским голосом, как быть с тайными ночными свиданиями в башенной комнате? Разве поддаются эти факты такому объяснению, при котором он выглядел бы невинным? Человек этот стал внушать мне ужас. Я преисполнился отвращением к его глубоко укоренившемуся, въевшемуся в плоть и кровь лицемерию.

Только раз за все те долгие месяцы я видел его без той грустной, но бесстрастной маски, которую он носил на людях. На какой-то миг я стал невольным свидетелем того, как вырвалось наружу вулканическое пламя, которое он так долго сдерживал. Взорвался он по совершенно ничтожному поводу; достаточно сказать, что гнев его обрушился на старую служанку, которой, как я уже говорил, одной разрешалось входить в загадочную комнату. Я шел коридором, ведущим к башне (так как моя собственная комната тоже находилась в той стороне здания), когда до моих ушей внезапно долетел испуганный вскрик и одновременно — хриплый нечленораздельный рев взбешенного мужчины, похожий на рык разъяренного дикого зверя. Затем я услышал его голос, дрожащий от гнева. «Как вы посмели! — кричал он. — Как вы посмели нарушить мой запрет!» Через мгновение по коридору почти пробежала мимо меня служанка, бледная и трепещущая, а грозный голос гремел ей вдогонку: «Возьмите у миссис Стивенс расчет! И чтобы ноги вашей не было в Торпе!» Снедаемый любопытством, я не мог не последовать за несчастной женщиной и нашел ее за поворотом коридора: она прислонилась к стене, вся дрожа, как испуганный кролик.

— Что случилось, миссис Браун? — спросил я.

— Хозяйин! — задыхаясь, вымолвила она. — О, как же он меня напугал! Видели бы вы его глаза, мистер Колмор. Сэр, я думала, пришел мой смертный час.

— Но что же вы такое сделали?

— Да ничего, сэр! По крайней мере, ничего такого, чтобы навлечь на себя его гнев. Только и всего, что взяла в руки эту его черную шкатулку, даже и не открывала ее, как вдруг входит он — вы и сами слышали, как его разобрало. Мне отказали от места, а я и сама рада: теперь я близко подойти-то к нему никогда бы не осмелилась.

Вот, значит, из-за чего он вспылал, — из-за лакированной шкатулки, с которой никогда не расставался. Интересно, была ли какая-нибудь связь между нею и тайными визитами дамы, чей голос я слышал, и если да, то какая? Сэр Джон Болламор был не только яростен в гневе, но и не отходчив: с того самого дня миссис Браун, служанка, убиравшаяся в его кабинете, навсегда исчезла с наших горизонтов, и больше о ней в замке Торп не слыхали.

А теперь я расскажу вам о том, как я по чистой случайности получил ответ на все эти странные вопросы и проник в тайну хозяина дома. Возможно, мой рассказ заронит в вашей душе сомнение: не заглушило ли мое любопытство голос чести и не опустился ли я до роли соглядатая? Если вы думаете так, я ничего не смогу поделать, но только позвольте заверить вас: все было в точности так, как я описываю, какой бы неправдоподобной ни казалась эта история.

Началось с того, что незадолго до развязки комната в башне стала непригодной для жилья. Обвалилась источенная червями дубовая потолочная балка. Давно прогнившая, она в одно прекрасное утро переломилась и рухнула на пол в лавине штукатурки. К счастью, сэра Джона в тот момент в комнате не было. Его драгоценная шкатулка была извлечена из-под обломков и перенесена в библиотеку, где и лежала с тех пор запертой в бюро. Сэр Джон не отдавал распоряжений отремонтировать комнату, и я не имел возможности поискать потайной ход, о существовании которого подозревал. Что касается той дамы, то я думал, что это событие положило конец ее визитам, пока не услышал однажды вечером, как мистер Ричардс спросил у миссис Стивенс, с какой это женщиной разговаривал сэр Джон в библиотеке. Я не расслышал ее ответ, но по всей ее манере понял, что ей не впервой отвечать на этот вопрос (или уклоняться от ответа на него).

— Вы слышали этот голос, Колмор? — спросил управляющий.

Я признался, что слышал.

— А что вы об этом думаете?

Я пожал плечами и заметил, что меня это не касается.

— Ну, ну, оставьте, вам это так же любопытно, как любому из нас. Вы думаете, это женщина?

— Безусловно, женщина.

— Из какой комнаты доносился голос?

— Из башенной, до того как там обвалился потолок.

— А вот я не позже чем вчера вечером слышал его из библиотеки. Я шел к себе ложиться спать и, проходя мимо двери в библиотеку, услышал стоны и мольбы так же явственно, как я слышу вас. Может быть, это и женщина...

— Тогда что?

Он выразительно посмотрел на меня.

— «Есть многое не свете, друг Горацио...» — проговорил он. — Если это женщина, то каким образом она туда попадает?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. Но если это то самое... впрочем, в устах практичного делового человека, живущего в конце девятнадцатого века, это наверняка звучит смешно. — Он отвернулся, но по его виду я понял, что он высказал далеко не все, что было у него на уме. Прямо у меня на глазах ко всем старым историям о призраках, посещающих замок Торп, добавлялась новая. Вполне возможно, что к этому времени она заняла прочное место среди ей подобных, так как разгадка тайны, известная мне, осталась неизвестной остальным.

А для меня все объяснилось следующим образом. Меня мучила невралгия, и я, проведя ночь без сна, где-то около полудня принял большую дозу хлородина, чтобы заглушить боль. В ту пору я как раз заканчивал составление каталога библиотеки сэра Джона Болламора и регулярно работал в ней с пяти до семи вечера. В тот вечер меня валила с ног сонливость: сказывалось двойное действие бессонной ночи и наркотического лекарства. Как я уже говорил, в библиотеке имелась ниша, и здесь-то, в этой нише, я имел обыкновение трудиться. Я устроился для работы, но усталость превозмогла: я прилег на канapé и забылся тяжелым сном.

Не знаю, сколько я проспал, но, когда проснулся, было совсем темно. Одурманенный хлородином, я лежал неподвижно в полубессознательном состоянии. Неясно вырисовывались в темноте очертания просторной комнаты с высокими стенами, заставленными книгами. Из дальнего окна падал слабый лунный свет, и на этом светлом фоне мне было видно, что сэр Джон Болламор сидит за своим

рабочим столом. Его хорошо посаженная голова и четкий профиль выделялись резким силуэтом на фоне мерцающего прямоугольника позади него. Вот он нагнулся, и я услышал звук поворачивающегося ключа и скрежет металла о металл. словно во сне я смутно осознал, что перед ним стоит лакированная шкатулка и что он вынул из нее какой-то диковинный плоский предмет и положил его на стол перед собой. До моего замутненного и оцепенелого сознания просто не доходило, что я нарушаю его уединение, так как он-то уверен, что находится в комнате один. Когда же наконец я с ужасом понял это и наполовину приподнялся, чтобы объявить о своем присутствии, раздалось резкое металлическое потрескивание, а затем я услышал голос.

Да, голос был женский, это не подлежало сомнению. Но такая в нем слышалась мольба, тоска и любовь, что мне не забыть его до гробовой доски. Голос этот пробивался через какой-то странный далекий звон, но каждое слово звучало отчетливо, хотя и тихо — очень тихо, потому что это были последние слова умирающей женщины.

«На самом деле я не ушла навсегда, Джон, — говорил слабый прерывистый голос. — Я здесь, рядом с тобой, и всегда буду рядом, пока мы не встретимся вновь. Я умираю счастливо с мыслью о том, что утром и вечером ты будешь слышать мой голос. О Джон, будь сильным, будь сильным вплоть до самой нашей встречи».

Так вот, я уже приподнялся, чтобы объявить о своем присутствии, но не мог сделать этого, пока звучал голос. Единственное, что я мог, — это застыть, точно парализованный, полулежа-полусидя, вслушиваясь в эти слова мольбы, произносимые далеким музыкальным голосом. А он — он был настолько поглощен, что вряд ли услышал бы меня, даже если бы я заговорил. Но как только голос смолк, зазвучали мои бессвязные извинения и оправдания. Он вскочил, включил электричество, и в ярком свете я увидел его таким, каким, наверное, видела его несколько недель назад несчастная служанка, с гневно сверкающими глазами и искаженным лицом.

— Мистер Колмор! — воскликнул он. — Вы здесь?! Как это понять, сударь?

Сбивчиво, запинаясь, я пустился в объяснения, рассказав и про свою невралгию, и про обезболивающий нар-

котик, и про свой злополучный сон, и про необыкновенное пробуждение. По мере того как он слушал, гневное выражение сходило с его лица, на котором вновь застыла привычная печально-бесстрастная маска.

— Теперь, мистер Колмор, вам известна моя тайна, — заговорил он. — Виню я одного себя: не принял всех мер предосторожности. Нет ничего хуже недосказанности. А коль скоро вам известно так много, будет лучше, если вы узнаете все. После моей смерти вы вольны пересказать эту историю кому угодно, но пока я жив, ни одна душа не должна слышать ее от вас, полагаюсь на ваше чувство чести. Гордость не позволит мне смириться с той жалостью, какую я стал бы внушать людям, узнай они эту историю. Я с улыбкой переносил зависть и ненависть людей, но терпеть их жалость выше моих сил.

Вы видели, откуда исходит звук этого голоса — голоса, который, как я понимаю, возбуждает такое любопытство в моем доме. Мне известно, сколько всяких слухов о нем ходит. Все эти домыслы — и скандальные, и суеверные — я могу игнорировать и простить. Чего я никогда не прощу, так это вероломного подглядывания и подслушивания. Но в этом грехе, мистер Колмор, я считаю вас неповинным.

Когда я, сударь, был совсем молод, много моложе, чем вы сейчас, я с головой окунулся в светскую жизнь Лондона, не имея ни друга, ни советника, зато с толстым кошельком, благодаря которому у меня появилась масса лжедрузей и фальшивых советчиков. Я жадно пил вино жизни, и если есть на свете человек, пивший его еще более жадно, я ему не завидую. В результате пострадал мой кошелек, пострадала моя репутация, пострадало мое здоровье. Я пристрастился к спиртному и не мог обходиться без него. Мне больно вспоминать, до чего я докатился. И тогда, в пору самого глубокого моего падения, в мою жизнь вошла самая нежная, самая кроткая душа, которую Господь Бог когда-либо посылал мужчине в качестве ангела-хранителя. Она полюбила меня, совсем пропащего, полюбила и посвятила свою жизнь тому, чтобы снова сделать человеком существо, опустившееся до уровня животного.

Но ее сразила мучительная болезнь; она истаяла и умерла у меня на глазах. В часы предсмертной муки она думала не о себе, не о своих страданиях, не о своей

смерти. Все ее мысли были обо мне. Сильнее всякой боли ее терзал страх, что после того, как ее не станет, я, лишившись ее поддержки, вернусь в прежнее животное состояние. Напрасно клялся я ей, что никогда не возьму в рот ни капли вина. Она слишком хорошо знала, какую власть имел надо мной этот дьявол, ведь она столько билась, чтобы ослабить его хватку. День и ночь ей не давала покоя мысль, что моя душа может снова оказаться в его когтях.

От какой-то из подруг, приходивших навестить и развлечь больную, она услышала об этом изобретении — фонографе — и с проницательной интуицией любящей женщины сразу поняла, как она могла бы воспользоваться им для собственных целей. Она послала меня в Лондон раздобыть лучший фонограф, который только можно купить за деньги. На смертном одре она, едва дыша, сказала в него эти слова, которые с тех пор помогают мне не оступиться. Что еще в целом свете могло бы удержать меня, одинокого и неприкаянного? Но этого достаточно. Бог даст, я без стыда посмотрю ей в лицо, когда Ему будет угодно воссоединить нас! Это и есть моя тайна, мистер Колмор, и я прошу вас хранить ее, пока я жив.

Номер 249

Вряд ли когда-нибудь удастся точно и окончательно установить, что именно произошло между Эдвардом Беллингемом и Уильямом Монкхаузом Ли и что так ужаснуло Аберкромба Смита. Правда, мы располагаем подробным и ясным рассказом самого Смита, и кое-что подтверждается свидетельствами слуги Томаса Стайлса и преподобного Пламптри Питерсона, члена совета Старейшего колледжа, а также других лиц, которым совершенно случайно довелось увидеть тот или иной эпизод из цепи этих невероятных происшествий. Главным образом, однако, надо полагаться на рассказ Смита, и большинство, несомненно, решит, что скорее уж в рассудке одного человека, пусть внешне и вполне здорового, могут происходить странные процессы и явления, чем допустит мысль, будто нечто совершенно выходящее за границы естественного могло иметь место в столь прославленном сосредоточии учености и просвещения, как Оксфордский университет. Но если вспомнить о том, как тесны и прихотливы эти границы естественного, о том, что, несмотря на все светильники науки, определить их можно лишь приблизительно и что во тьме, вплотную подступающей к этим границам, скрываются страшные неограниченные возможности, то остается признать, что лишь очень бесстрашный, уверенный в себе человек возьмет на себя сме-

лость отрицать вероятность тех неведомых, окольных троп, по которым способен бродить человеческий дух.

В Оксфорде, в одном крыле колледжа, который мы условимся называть Старейшим, есть очень древняя угловая башня. Под бременем лет массивная арка над входной дверью заметно осела, а серые, покрытые пятнами лишайников каменные глыбы густо оплетены и связаны между собой ветвями плюща — будто мать-природа решила укрепить камни на случай ветра и непогоды. За дверью начинается каменная винтовая лестница. На нее выходят две площадки, а третья завершает; ее ступени истерты и выщерблены ногами бесчисленных поколений искателей знаний. Жизнь, как вода, текла по ней вниз и, подобно воде, оставляла на своем пути эти впадины. От облаченных в длинные мантии, педантичных школяров времен Плантагенетов до молодых повес позднейших эпох — какой полнокровной, какой сильной была эта молодая струя английской жизни! И что же осталось от всех этих надежд, стремлений, пламенных желаний? Лишь кое-где на могильных плитах старого кладбища стершаяся надпись да еще, быть может, горстка праха в полусгнившем гробу. Но цела безмолвная лестница и мрачная старая стена, на которой еще можно различить переплетающиеся линии многочисленных геральдических эмблем — будто легли на стену гротескные тени давно минувших дней.

В мае 1884 года в башне жили три молодых человека. Каждый занимал две комнаты — спальню и гостиную, — выходившие на площадки старой лестницы. В одной из комнат полуподвального этажа хранился уголь, а в другой жил слуга Томас Стайлс, в обязанности которого входило прислуживать трем верхним жильцам. Слева и справа располагались аудитории и кабинеты профессоров, так что обитатели старой башни могли рассчитывать на известное уединение, и потому помещения в башне очень ценились наиболее усердными из старшекурсников. Такими и были все трое: Аберкромб Смит жил на самом верху, Эдвард Беллингем — под ним, а Уильям Монкхуз Ли — внизу.

Как-то в десять часов, в светлый весенний вечер, Аберкромб Смит сидел в кресле, положив на решетку камин на ноги и прикуривая трубку. По другую сторону камин в таком же кресле и столь же удобно расположился

старый школьный товарищ Смита Джеффо Хасты. Вечер молодые люди провели на реке и поэтому были в спортивных костюмах, но и, помимо этого, стоило взглянуть на их живые, энергичные лица, как становилось ясно — оба много бывают на воздухе, их влечет и занимает все, что по плечу людям отважным и сильным. Хасты и в самом деле был загребным в команде своего колледжа, а Смит был гребцом еще более сильным, но тень приближающихся экзаменов уже легла на него, и сейчас он усердно занимается, уделяя спорту лишь несколько часов в неделю, необходимых для здоровья. Груды книг по медицине, разбросанные по столу кости, муляжи и анатомические таблицы объясняли, что именно и в каком объеме изучал Смит, а висевшие над каминной полкой учебные рапиры и боксерские перчатки намекали на способ, посредством которого Смит с помощью Хасты мог наиболее эффективно, тут же, на месте, заниматься спортом. Они были большими друзьями, настолько большими, что теперь сидели, погружившись в то блаженное молчание, которое знаменует вершину истинной дружбы.

— Налей себе виски, — сказал наконец, попыхивая трубкой, Аберкромб Смит. — Шотландское в графине, а в бутылке — ирландское.

— Нет, благодарю. Я участвую в гонках. А когда тренируюсь, не пью. А ты?

— День и ночь занимаюсь. Пожалуй, обойдемся без виски.

Хасты кивнул, и оба умиротворенно умолкли.

— Кстати, Смит, — заговорил вскоре Хасты, — ты уже познакомился со своими соседями?

— При встрече киваем друг другу. И только.

— Хм. По-моему, лучше этим и ограничиться. Мне кое-что известно про них обоих. Не много, но и этого довольно. На твоём месте я бы не стал с ними близко сходиться. Правда, о Монкхаузе Ли ничего дурного сказать нельзя.

— Ты имеешь в виду худого?

— Именно. Он вполне джентльмен и человек порядочный. Но, познакомившись с ним, ты неизбежно познакомишься и с Беллингом.

— Ты имеешь в виду толстяка?

— Да, его. А с таким субъектом я бы не стал знакомиться.

Аберкромб Смит удивленно поднял брови и посмотрел на друга.

— А что такое? — спросил он. — Пьет? Картежник? Наглец? Ты обычно не слишком придирчив.

— Сразу видно, что ты с ним незнаком, не то бы не спрашивал. Есть в нем что-то гнусное, змеиное. Я его не выношу. По-моему, он предается тайным порокам — зловещий человек. Хотя совсем не глуп. Говорят, в своей области он не имеет равных — такого знатока еще не бывало в колледже.

— Медицина или классическая филология?

— Восточные языки. Тут он суший дьявол. Чиллингворт как-то встретил его на Ниле, у вторых порогов. Беллингом болтал с арабами так, словно родился среди них и вырос. С коптами он говорил по-коптски, с евреями — по-древнееврейски, с бедуинами — по-арабски, и они были готовы целовать край его плаща. Там еще не перевелись старики-отшельники — сидят себе на скалах и терпеть не могут чужеземцев. Но, едва завидев Беллингема — он и двух слов сказать не успел, — они сразу же начинали ползать на брюхе. Чиллингворт говорит, что он в жизни не наблюдал ничего подобного. А Беллингом принимал все как должное, важно расхаживал среди этих бедняг и поучал их. Не дурно для студента нашего колледжа, а?

— А почему ты сказал, что нельзя познакомиться с Ли без того, чтобы не познакомиться с Беллингом?

— Беллингом помолвлен с его сестрой Эвелиной. Преклестная девушка, Смит! Я хорошо знаю всю их семью. Тошно видеть рядом с ней это чудовище. Они всегда напоминают мне жабу и голубку.

Аберкромб Смит ухмыльнулся и выколотил трубку о решетку камина.

— Вот ты, старина, и выдал себя с головой. Какой ты жуткий ревнивец! Право же, только поэтому ты на него и злишься.

— Верно. Я знал ее еще ребенком, и мне горько видеть, как она рискует своим счастьем. А она рискует. Выглядит он мерзостно. И характер у него мерзкий, злобный. Помнишь его историю с Лонгом Нортон?

— Нет. Ты все забываешь, что я тут человек новый.

— Да-да, верно, это ведь случилось прошлой зимой. Ну так вот, знаешь тропу вдоль речки? Шли как-то по ней

несколько студентов. Беллинге́м впереди всех, а навстречу им — старуха, рыночная торговка. Лил дождь, а тебе известно, во что превращаются там поля после ливня. Тропа шла между речкой и громадной лужей, почти с реку шириной. И эта свинья, продолжая идти посреди тропинки, столкнул старушку в грязь. Представляешь, во что превратилась она сама и весь ее товар? Такая это была мерзость, и Лонг Нортон, человек на редкость кроткий, откровенно высказал ему свое мнение. Слово за слово, а кончилось тем, что Нортон ударил Беллинге́ма тростью. Скандал вышел грандиозный, и теперь прямо смех берет, когда видишь, какие кровожадные взгляды бросает Беллинге́м на Нортонa при встрече. Черт побери, Смит, уже почти одиннадцать!

— Не спеши. Выкури еще трубку.

— Не могу. Я ведь тренируюсь. Мне бы давно надо спать, а я сижу тут у тебя и болтаю. Если можно, я позаимствую твой череп. Мой взял на месяц Уильямс. Я прихвачу и твои ушные кости, если они тебе на самом деле не нужны. Премного благодарен. Сумка мне не понадобится, прекрасно донесу все в руках. Спокойной ночи, сын мой, да не забывай, что я тебе сказал про соседа.

Когда Хасты, прихватив свою анатомическую добычу, сбежал по винтовой лестнице, Аберкромб Смит швырнул трубку в корзину для бумаг и, придвинув стул поближе к лампе, погрузился в толстый зеленый том, украшенный огромными цветными схемами таинственного царства внутренностей, которыми каждый из нас тщетно пытается править. Хотя и новичок в Оксфорде, наш студент не был новичком в медицине — он уже четыре года занимался в Глазго и Берлине, и предстоящий экзамен обещал ему диплом врача.

Решительный рот, большой лоб, немного грубоватые черты лица говорили о том, что если владелец их и не наделен блестящими способностями, то его упорство, терпение и выносливость, возможно, позволят ему затмить таланты куда более яркие. Того, кто сумел поставить себя среди шотландцев и немцев, затереть не так-то просто. Смит хорошо зарекомендовал себя в Глазго и Берлине и решил упорным трудом создать себе такую же репутацию в Оксфорде.

Он читал почти час, и стрелки часов, громко тикавших на столике в углу, уже почти сошлись на двенадцати,

когда до слуха Смита внезапно донесся резкий, пронзительный звук, словно кто-то в величайшем волнении, задохнувшись, со свистом втянул в себя воздух. Смит отложил книгу и прислушался. По сторонам и над ним никого не было, а значит, помешавший ему звук мог раздаться только у нижнего соседа — у того самого, о котором так нелестно отзывался Хасти. Для Смита этот сосед был всего лишь обрюзгшим, молчаливым человеком с бледным лицом; правда очень усердным, когда сам он уже гасил лампу, от лампы соседа продолжал падать из окна старой башни золотистый луч света. Эта общность поздних занятий походила на какую-то безмолвную связь. И глубокой ночью, когда уже близился рассвет, Смит было отрадно сознавать, что где-то рядом кто-то столь же мало дорожит сном, как и он. И даже сейчас, обратившись мыслями к соседу, Смит испытывал к нему добрые чувства. Хасти — человек хороший, но грубоватый, толстокожий, не наделенный чуткостью и воображением. Всякое отклонение от того, что казалось ему образцом мужественности, его раздражало. Для Хасти не существовали люди, к которым не подходили мерки, принятые в закрытых учебных заведениях. Как и многие здоровые люди, он был склонен видеть в телосложении человека признаки его характера и считать проявлением дурных наклонностей то, что на самом деле было просто недостаточно хорошим кровообращением. Смит, наделенный более острым умом, знал эту особенность своего друга и помнил о ней, когда обратился мыслями к человеку, проживавшему внизу.

Странный звук больше не повторялся, и Смит уже принялся было снова за работу, когда в ночной тишине раздался хриплый крик, вернее вопль — зов до смерти испуганного, не владеющего собой человека. Смит вскочил на ноги и уронил книгу. Он был не робкого десятка, но в этом внезапном крике ужаса прозвучало такое, что кровь у него застыла в жилах и по спине пробежали мурашки. Крик прозвучал в таком месте и в такой час, что на ум ему пришли тысячи самых невероятных предположений. Броситься вниз или же подождать? Как истый англичанин, Смит терпеть не мог оказываться в глупом положении, а соседа своего он знал так мало, что вмешаться в его дела было для него совсем не просто. Но

пока он стоял в нерешительности, обдумывая, как поступить, на лестнице послышались торопливые шаги, и Монкхауз Ли в одном белье, бледный как полотно, вбежал в комнату.

— Бегите скорее вниз! — задыхаясь, крикнул он. — Беллингеми плохо.

Аберкромб Смит бросился следом за Ли по лестнице в гостиную, расположенную под его гостиной, однако как ни был он озабочен случившимся, переступив порог, он невольно с удивлением оглядел ее. Такой комнаты он еще никогда не видывал — она скорее напоминала музей. Стены и потолок ее сплошь покрывали сотни разнообразных диковинок из Египта и других восточных стран. Высокие угловатые фигуры с ношей и оружием в руках шествовали вокруг комнаты, напоминая нелепый фриз. Выше располагались изваяния с головой быка, аиста, кошки, совы и среди них, увенчанные змеями, владыки с миндалевидными глазами, а также странные, похожие на скарабеев божества, вырезанные из голубой египетской ляпис-лазури. Из каждой ниши, с каждой полки смотрели Гор, Изиды и Озирис, а под потолком, разинув пасть, висел в двойной петле истинный сын древнего Нила — громадный крокодил.

В центре этой необычайной комнаты стоял большой квадратный стол, заваленный бумагами, склянками и высушенными листьями какого-то красивого, похожего на пальму растения. Все это было сдвинуто в кучу, чтобы освободить место для деревянного футляра мумии, который отодвинули от стены — около нее было пустое пространство — и поставили на стол. Сама мумия — страшная, черная и высохшая, похожая на сучковатую обуглившуюся головешку, была наполовину вынута из футляра, напоминая птичью лапу рука лежала на столе. К футляру был прислонен древний, пожелтевший свиток папируса, и перед всем этим сидел в деревянном кресле хозяин комнаты. Голова его была откинута, полный ужаса взгляд широко открытых глаз прикован к висящему под потолком крокодилу, синие толстые губы при каждом выдохе с шумом выпячивались.

— Боже мой! Он умирает! — в отчаянии крикнул Монкхауз Ли. Ли был стройный, красивый юноша, темноглазый и смуглый, больше похожий на испанца, чем на

англичанина, и присущая ему кельтская живость резко контрастировала с саксонской флегматичностью Аберкромба Смита.

— По-моему, это всего лишь обморок, — сказал студент-медик. — Помогите-ка мне. Берите за ноги. Теперь положим его на диван. Можете вы скинуть на пол все эти чертовы деревяшки? Ну и кавардак! Сейчас расстегнем ему воротник, дадим воды, и он очнется. Чем он тут занимался?

— Не знаю. Я услышал его крики. Прибежал к нему. Мы ведь близко знакомы. Очень любезно с вашей стороны, что вы спустились к нему.

— Сердце стучит, словно кастаньеты, — сказал Смит, положив руку на грудь Беллингема. — По-моему, что-то его до смерти напугало. Облейте его водой. Ну и лицо же у него!

И действительно, странное лицо Беллингема казалось необычайно отталкивающим, ибо цвет и черты его были совершенно противоестественными. Оно было белым, но то не была обычная при испуге бледность, нет, то была абсолютно бескровная белизна — как брюхо камбалы. Полное лицо это, казалось, было раньше еще полнее — сейчас кожа на нем обвисла складками и его покрывала густая сеть морщин. Темные короткие непокорные волосы стояли дыбом, толстые морщинистые уши оттопыривались. Светлые серые глаза были открыты, зрачки расширены, в застывшем взгляде читался ужас. Смит смотрел, и ему казалось, что никогда еще на лице человека не проступали так явственно признаки порочной натуры, и он уже более серьезно отнесся к предупреждению, полученному час назад от Хасты.

— Что же, черт побери, могло его так напугать? — спросил он.

— Мумия.

— Мумия? Как так?

— Не знаю. Она отвратительная, и в ней есть что-то жуткое. Хоть бы он с ней расстался! Уже второй раз пугает меня. Прошлой зимой случилось то же самое. Я застал его в таком же состоянии — и тогда перед ним была эта мерзкая штука.

— Но зачем же ему эта мумия?

— Видите ли, он человек с причудами. Это его страсть. О таких вещах он в Англии знает больше всех. Да толь-

ко, по-моему, лучше бы ему не знать! Ах, он, кажется, начинает приходить в себя!

На мертвенно-бледных щеках Беллингема стали медленно проступать живые краски, и веки его дрогнули, как вздрагивает парус при первом порыве ветра. Он сжал и разжал кулаки, со свистом втянул сквозь зубы воздух, затем резко вскинул голову и уже осмысленно оглядел комнату. Когда взгляд его упал на мумию, он вскочил, схватил свиток папируса, сунул его в ящик стола, запер на ключ и, пошатываясь, побрел назад к дивану.

— Что случилось? Что вам тут надо?

— Ты кричал и поднял ужасный тарарам, — ответил Монкхауз Ли. — Если б не пришел наш верхний сосед, не знаю, что бы я один стал с тобой делать.

— Ах, так это Аберкромб Смит! — сказал Беллингема, глядя на Смита. — Очень любезно, что вы пришли. Какой же я дурак! О господи, какой дурак!

Он закрыл лицо руками и разразился истерическим смехом.

— Послушайте! Перестаньте! — закричал Смит, грубо тряся Беллингема за плечо. — Нервы у вас совсем расшатались, вы должны прекратить эти ночные развлечения с мумией, не то совсем рехнетесь. Вы и так уже на пределе.

— Интересно, — начал Беллингема, — сохранили бы вы на моем месте хоть сколько хладнокровия, если бы...

— Что?

— Да так, ничего. Просто интересно, смогли бы вы без ущерба для своей нервной системы просидеть целую ночь наедине с мумией. Но вы, конечно, правы. Пожалуй, я действительно за последнее время подверг свои нервы слишком тяжким испытаниям. Но теперь уже все в порядке. Только не уходите. Побудьте здесь несколько минут, пока я совсем не приду в себя.

— В комнате очень душно, — заметил Ли и, распахнув окно, впустил свежий ночной воздух.

— Это бальзамическая смола, — сказал Беллингема.

Он взял со стола один из сухих листьев и подержал его над лампой — лист затрещал, взвилось кольцо густого дыма, и комнату наполнил острый едкий запах.

— Это священное растение — растение жрецов, — объяснил Беллингема. — Вы, Смит, хоть немного знакомы с восточными языками?

— Совсем не знаком. Ни слова не знаю.

Услыхав это, египтолог, казалось, почувствовал облегчение.

— Между прочим, — продолжал он, — после того, как вы прибежали, сколько я еще пробыл в обмороке?

— Не долго. Минут пять.

— Я так и думал, что это не могло продолжаться слишком долго, — сказал Беллингем, глубоко вздохнув. — Какое странное явление — потеря сознания! Его нельзя измерить. Мои собственные ощущения не могут определить, длилось это секунды или недели. Взять хотя бы господина, который лежит на столе. Умер он в эпоху одиннадцатой династии, веков сорок назад, но если бы к нему вернулся дар речи, он бы сказал нам, что закрыл глаза всего лишь миг назад. Мумия эта, Смит, необычайно хороша.

Смит подошел к столу и окинул темную скрюченную фигуру профессиональным взглядом. Черты лица, хоть и неприятно бесцветные, были безупречны, и два маленьких, напоминающих орехи глаза все еще прятались в темных провалах глазных впадин. Покрытая пятнами кожа туго обтягивала кости, и спутанные пряди жестких черных волос падали на уши. Два острых, как у крысы, зуба прикусили сморщившуюся нижнюю губу. Мумия словно вся подобралась: руки были согнуты, голова подалась вперед, во всей ее ужасной фигуре угадывалась скрытая сила — Смиуту стало жутко. Были видны истончавшие, словно пергаментом покрытые ребра, ввалившийся свинцово-серый живот с длинным разрезом — след бальзамирования, но нижние конечности были спеленаты грубыми желтыми бинтами. Тут и там на теле и внутри футляра лежали веточки мирра и кассии.

— Не знаю, как его зовут, — сказал Беллингем, проведя рукой по ссохшейся голове. — Видите ли, саркофаг с письменами утерян. Номер 249 — вот и весь его нынешний титул. Смотрите, вот он обозначен на футляре. Под таким номером он значился на аукционе, где я его приобрел.

— В свое время он был не из последнего десятка, — заметил Аберкромб Смит.

— Он был великаном. В мумии шесть футов семь дюймов. Там он слыл великаном: ведь египтяне никогда не были особенно рослыми. А пощупайте эти крупные,

шишковатые кости! С таким молодцом лучше было не связываться.

— Возможно, эти самые руки помогали укладывать камни в пирамиды, — предположил Монкхауз Ли, с отворачиванием рассматривая скрюченные пальцы, похожие на когти хищной птицы.

— Вряд ли, — ответил Беллингем. Его погружали в раствор натронных солей и очень бережно за ним ухаживали. С простыми каменщиками так не обходились. Обыкновенная соль или асфальт были для них достаточно хороши. Подсчитано, что такие похороны стоили бы на наши деньги около семисот тридцати фунтов стерлингов. Наш друг по меньшей мере принадлежал к знати. А как по-вашему, Смит, что означает эта короткая надпись на его ноге у ступни?

— Я уже сказал вам, что не знаю восточных языков.

— Ах да, верно. По-моему, тут обозначено имя того, кто бальзамировал труп. И вероятно, это был очень добросовестный мастер. Многие ли из того, что создано в наши дни, просуществует четыре тысячи лет?

Беллингем продолжал болтать быстро и непринужденно, но Аберкромб Смит ясно видел, что его все еще переполняет страх. Руки Беллингема тряслись, нижняя губа вздрагивала, и взгляд, куда бы он ни смотрел, опять обращался к его жуткому компаньону. Но, несмотря на страх, в тоне и поведении Беллингема сквозило торжество. Глаза египтолога сверкали, он бойко, непринужденно расхаживал по комнате. Беллингем походил на человека, прошедшего сквозь тяжкое испытание, от которого он еще не совсем оправился, но которое помогло ему достичь поставленной цели.

— Неужели вы уходите? — воскликнул он, увидев, что Смит поднялся с дивана.

При мысли, что сейчас он останется один, к нему, казалось, вернулись все его страхи, и Беллингем протянул руку, словно хотел задержать Смита.

— Да, мне пора. Я должен еще поработать. Вы уже совсем оправились. Думаю, что с такой нервной системой вам бы лучше изучать что-нибудь не столь страшное.

— Ну, обычно я не теряю хладнокровия. Мне и раньше приходилось распеленывать мумии.

— В прошлый раз вы потеряли сознание, — заметил Монкхауз Ли.

— Да, верно. Надо заняться нервами — попринимать лекарства или подлечиться электричеством. Вы ведь не уходите, Ли?

— Я в вашем распоряжении, Нэд.

— Тогда я спущусь к вам и устроюсь у вас на диване. Спокойной ночи, Смит. Очень сожалею, что из-за моей глупости пришлось вас потревожить.

Они обменялись рукопожатием, и, поднимаясь по выщербленным ступеням винтовой лестницы, студент-медик услышал, как повернулся в двери ключ и его новые знакомые спустились этажом ниже.

Так необычно состоялось знакомство Эдварда Беллингема с Аберкромбом Смитом, и, по крайней мере, последний не имел желания его поддерживать. А Беллингема, казалось, напротив, проникся симпатией к своему резковатому соседу и проявлял ее в такой форме, что положить этому конец можно было, лишь прибегнув к откровенной грубости. Он дважды заходил к Смиту поблагодарить за оказанную помощь, а затем неоднократно заглядывал к нему, любезно предлагая книги, газеты и многое другое, чем могут поделиться холостяки-соседи. Смит вскоре обнаружил, что Беллингема — человек очень эрудированный, с хорошим вкусом, весьма много читает и обладает феноменальной памятью. А приятные манеры и обходительность мало-помалу заставили Смита привыкнуть к его отталкивающей внешности. Для переутомленного занятиями студента он оказался прекрасным собеседником, и немного погодя Смит обнаружил, что уже предвкушает посещение соседа и сам наносит ответные визиты.

Но хотя Беллингема был, несомненно, умен, студент-медик замечал в нем что-то ненормальное: иногда он разражался выпренными речами, которые совершенно не вязались с простотой его повседневной жизни.

— Как восхитительно, — восклицал он, — чувствовать, что можешь распоряжаться силами добра и зла, — быть ангелом милосердия и демоном отмищения!

А о Монкхаузе Ли он как-то заметил:

— Ли — хороший, честный, но в нем нет настоящего честолюбия. Он не способен стать сотоварищем человека предприимчивого и смелого. Он не способен стать мне достойным сотоварищем.

Выслушивая подобные намеки и иносказания, флегматичный Смит, невозмутимо попыхивая трубкой, только поднимал брови, качал головой и подавал незатейливые медицинские советы — пораньше ложиться спать и почаще бывать на свежем воздухе.

В последнее время у Беллингема появилась привычка, которая, как знал Смит, часто предвещает некоторое умственное расстройство. Он как будто все время разговаривал сам с собой. Поздно ночью, когда Беллингем уже не мог принимать гостей, до Смита доносился снизу его голос — негромкий приглушенный монолог переходил иногда почти в шепот, но в ночной тишине он был отчетливо слышен.

Это бормотание отвлекало и раздражало студента, и он неоднократно высказывал соседу свое неудовольствие. Беллингем при этом обвинении краснел и сердито все отрицал; вообще же проявлял по этому поводу гораздо больше беспокойства, чем следовало.

Если бы у Смита возникли сомнения, ему не пришлось бы далеко ходить за подтверждением того, что слух его не обманывает. Том Стайлс, сморщенный старикашка, который с незапамятных времен прислуживал обитателям башни, был не менее серьезно обеспокоен этим обстоятельством.

— Прошу прощения, сэр, — начал он однажды утром, убирая верхние комнаты, — вам не кажется, что мистер Беллингем немного повредился?

— Повредился, Стайлс?

— Да, сэр. Головой повредился.

— С чего вы это взяли?

— Да как вам сказать, сэр. Последнее время он стал совсем другой. Не такой, как раньше, хоть он никогда и не был джентльменом в моем вкусе, как мистер Хастис или вы, сэр. Он до того пристрастился говорить сам с собой — прямо страх берет. Верно, это и вам мешает. Прямо не знаю, что и думать, сэр.

— Мне кажется, все это никак не должно касаться вас, Стайлс.

— Дело в том, что я здесь не совсем посторонний, мистер Смит. Может, я себе лишнее позволяю, да только я по-другому не могу. Иной раз мне кажется, что я своим молодым джентльменам и мать родная, и отец. Случись что да как понаедут родственники, я за все и в

ответе. А о мистере Беллингеме, сэр, вот что хотелось бы мне знать: кто это рассказывает у него по комнате, когда самого его дома нет, да и дверь снаружи заперта?

— Что? Вы говорите чепуху, Стайлс.

— Может, оно и чепуха, сэр. Да только я не один раз своими собственными ушами слышал шаги.

— Глупости, Стайлс.

— Как вам угодно, сэр. Коли понадобится вам — позвоните.

Аберкромб Смит не придавал значения болтовне старика слуги, но через несколько дней случилось маленькое происшествие, которое произвело на Смита неприятное впечатление и живо напомнило ему слова Стайлса.

Как-то поздно вечером Беллингем зашел к Смиту и развлекал его, рассказывая интереснейшие вещи о скальных гробницах в Бени-Гассане, в Верхнем Египте, как вдруг Смит, обладавший необычайно тонким слухом, отчетливо расслышал, что этажом ниже открылась дверь.

— Кто-то вошел или вышел из вашей комнаты, — заметил он.

Беллингем вскочил на ноги и секунду стоял в растерянности — он словно и не поверил Смиту, но в то же время испугался.

— Я уверен, что запер дверь. Я же наверняка ее запер, — запинаясь, пробормотал он. — Открыть ее никто не мог.

— Но я слышу, кто-то поднимается по лестнице, — продолжал Смит.

Беллингем поспешно выскочил из комнаты, с силой захлопнул дверь и кинулся вниз по лестнице. Смит услышал, что на полпути он остановился и как будто что-то зашептал. Минуту спустя внизу хлопнула дверь, и ключ скрипнул в замке, а Беллингем снова поднялся наверх и вошел к Смиту. На бледном лице его выступили капли пота.

— Все в порядке, — сказал он, бросаясь в кресло. — Дуралей пес. Распахнул дверь. Не понимаю, как это я забыл ее запереть.

— А я не знал, что у вас есть собака, — произнес Смит, пристально глядя в лицо своему взволнованному собеседнику.

— Да, пес у меня недавно. Но надо от него избавиться. Слишком много хлопот.

— Да, конечно, раз вам приходится держать его заперти. Я полагал, что достаточно только закрыть дверь, не запирая ее.

— Мне не хочется, чтобы старик Стайлс случайно выпустил собаку. Пес, знаете ли, породистый, и было бы глупо просто так его лишиться.

— Я тоже люблю собак, — сказал Смит, по-прежнему упорно искоса поглядывая на собеседника. Может быть, вы разрешите мне взглянуть на вашего пса?

— Разумеется. Боюсь только, что не сегодня — мне предстоит еще деловое свидание. Ваши часы не спешат? Раз так, я уже на пятнадцать минут опоздал. Надеюсь, вы меня извините.

Беллингом взял шляпу и поспешно покинул комнату. Несмотря на деловое свидание, Смит услышал, что он вернулся к себе и заперся изнутри.

Разговор этот оставил у Смита неприятный осадок. Беллингом ему лгал так грубо, словно находился в безвыходном положении и во что бы то ни стало должен был скрыть правду. Смит знал, что никакой собаки у соседа нет. Кроме того, он знал, что шаги, которые он слышал на лестнице, принадлежали не животному. В таком случае кто же это был? Старик Стайлс утверждал, что, когда Беллингема нет дома, кто-то расхаживает у него по комнате. Может быть, женщина? Это казалось всего вероятнее. Если бы об этом узнало университетское начальство, Беллингема с позором выгнали бы из университета, и, значит, его испуг и ложь вызваны именно этим. Но все-таки невероятно, чтобы студент мог спрятать у себя в комнатах женщину и избежать немедленного разоблачения. Однако, как ни объясняй, во всем этом было что-то неблагоприятное, и, принявшись снова за свои книги, Смит твердо решил: какие бы попытки к сближению ни предпринимал его сладкоречивый и неприятный сосед, он станет их решительно пресекать.

Но в этот вечер Смиту не суждено было спокойно поработать. Едва он восстановил в памяти то, на чем его прервали, как на лестнице послышались громкие, уверенные шаги — кто-то прыгал через три ступеньки, и в комнату вошел Хастис. Он был в свитере и спортивных брюках.

— Все занимаешься! — воскликнул он и бросился в свое любимое кресло. — Ну и любитель же ты корпеть

над книгами! Случись у нас землетрясение и рассыпся до основания весь Оксфорд, ты бы, по-моему, преспокойно сидел себе среди руин, зарывшись в книги. Ладно уж, не стану тебе мешать. Разочек-другой затянусь да и побегу.

— Что новенького? — спросил Смит, уминая в трубке табак.

— Да ничего особенного. Уилсон, играя в команде первокурсников, сделал семьдесят против одиннадцати. Говорят, его поставят вместо Бедикомба, тот совсем выдохся. Когда-то он крепко бил мяч, но теперь может только перехватывать.

— Ну, это не совсем правильно, — отозвался Смит с той особой серьезностью, с какой университетские мужи науки обычно говорят о спорте.

— Слишком торопится — вырывается вперед. А с ударом запаздывает. Да, кстати, ты слышал про Нортон?

— А что с ним?

— На него напали.

— Напали?

— Да. Как раз когда он сворачивал с Хай-стрит, в сотне шагов от ворот колледжа.

— Кто же?

— В этом-то и загвоздка! Было бы точнее, если бы ты сказал не «кто», а «что». Нортон клянется, что это был не человек. И правда, судя по царапинам у него на горле, я готов с ним согласиться.

— Кто же тогда? Неужели мы докатились до привидений?

И, пыхнув трубкой, Аберкромб Смит выразил презрение ученого.

— Да нет, этого еще никто не предполагал. Я скорее думаю, что если бы недавно у какого-нибудь циркача пропала большая обезьяна и очутилась в наших краях, то присяжные сочли бы виновной ее. Видишь ли, Нортон каждый вечер проходил по этой дороге почти в одно и то же время. Над тротуаром в этом месте низко нависают ветви дерева — большого вяза, который растет в саду Райни. Нортон считает, что эта тварь свалилась на него именно с вяза. Но как бы то ни было, его чуть не задушили две руки, по словам Нортон, сильные и тонкие, как стальные обручи. Он ничего не видел, кроме этих дьявольских рук, которые все крепче сжимали ему горло. Он завопил во всю мочь, и двое ребят подбежали к нему, а

эта тварь, как кошка, перемахнула через забор. Нортону так и не удалось ее как следует разглядеть. Для Нортонa это было хорошенькой встряской. Вроде как побывал на курорте, сказал я ему.

— Скорее всего, это вор-душитель, — заметил Смит.

— Вполне возможно. Нортон с этим не согласен, но его слова в расчет брать нельзя. У этого вора длинные ноги, и он очень ловко перемахнул через забор.

Кстати, твой распрекрасный сосед очень бы обрадовался, услышав обо всем этом. У него на Нортонa зуб, и, насколько мне известно, он не так-то легко забывает обиды. Но что тебя, старина, встревожило?

— Ничего, — коротко ответил Смит.

Он привскочил на стуле, и на лице его промелькнуло выражение, какое появляется у человека, когда его вдруг осеняет неприятная догадка.

— Вид у тебя такой, будто что-то сказанное мною задело тебя за живое. Между прочим, после моего последнего к тебе визита ты, кажется, познакомился с господином Б., не так ли? Молодой Монкхауз Ли что-то говорил мне об этом.

— Да, мы немного знакомы. Он несколько раз заходил ко мне.

— Ну, ты достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться. А знакомство с ним я не считаю подходящим, хотя он, несомненно, весьма умен и все такое прочее. Ну, да ты скоро сам в этом убедишься. Ли — малый хороший и очень порядочный. Ну, прощай, старина. В среду гонки на приз ректора, я состязаюсь с Муллинсом, так что не забудь явиться: возможно, до соревнования мы больше не увидимся.

Невозмутимый Смит отложил в сторону трубку и снова упрямо принялся за учебники. Однако вскоре понял, что никакое напряжение воли не поможет ему сосредоточиться на занятиях. Мысли сами собой обращались к тому, кто жил под ним, и к тайне, скрытой в его жилище. Потом они перескочили к необычайному нападению, о котором рассказал Хастис, и к обиде, которую Беллингом затаил на жертву этого нападения. Эти два обстоятельства упорно соединялись в сознании Смита, словно между ними существовала тесная внутренняя связь. И все же подозрение оставалось таким смутным и неясным, что его трудно было облечь в слова.

— Да будь он проклят! — воскликнул Смит, и брошенный им учебник патологии перелетел через всю комнату. — Испортил сегодня мне все вечерние занятия. Одного этого достаточно, чтобы больше не иметь с ним дела.

Следующие десять дней студент-медик был настолько поглощен своими занятиями, что ни разу не видел никого из своих нижних соседей и ничего про них не слышал. В те часы, когда Беллингеом обычно приходил к нему, Смит закрывал обе двери, и, хотя не раз слышал стук в наружную дверь, он упорно не откликался. Однако как-то днем, когда он спускался по лестнице и проходил мимо квартиры Беллингема, дверь распахнулась, и из нее вышел молодой Монкхауз Ли — глаза его горели, смуглые щеки пылали гневным румянцем. По пятам за ним следовал Беллингеом — его толстое сероватое лицо искажала злоба.

— Глупец! — прошипел он. — Вы об этом еще пожалеете.

— Очень может быть! — крикнул в ответ Ли. — Запомните, что я сказал! Все кончено! И слышать ничего не хочу!

— Но вы дали мне слово.

— И сдержу его. Буду молчать. Только уж лучше видеть крошку Еву мертвой. Все кончено, раз и навсегда. Она поступит, как я ей велю. Мы больше не желаем вас видеть.

Все это Смит поневоле услышал, но поспешил вниз, не желая оказаться втянутым в спор. Ему стало ясно одно: между друзьями произошла серьезная ссора, и Ли намерен расстроить помолвку сестры с Беллингеом. Смит вспомнил, как Хастис сравнивал их с жабой и голубкой, и обрадовался, что свадьбе не бывать. На лицо Беллингема, когда он разъярится, было не слишком приятно смотреть. Такому человеку нельзя доверять судьбу девушки.

Продолжая свой путь, Смит лениво раздумывал о том, что могло вызвать эту ссору и что за обещание дал Монкхауз Ли Беллингеому, для которого так важно, чтобы оно не было нарушено.

В этот день Хастис и Муллинс должны были состязаться в гребле, и людской поток двигался к берегам реки. Майское солнце ярко светило, и желтую дорожку пере-

секали темные тени высоких вязов. Справа и слева в глубине стояли серые здания колледжей — старые, убежденные синами обители знаний смотрели высокими стрельчатыми окнами на поток юной жизни, который так весело катился мимо них. Облаченные в черные мантии профессора, бледные от занятий ученые, чопорные деканы и проректоры, загорелые молодые спортсмены в соломенных шляпах и белых либо пестрых свитерах — все спешили к синей извилистой реке, которая протекает, петляя, по лутам Оксфорда.

Аберкромб Смит расположился в таком месте, где, как подсказывало ему чутье бывалого гребца, должна была произойти — если она вообще будет — решающая схватка. Он услышал вдалеке гул, означающий, что гонки начались; лодки приближались, и рев нарастал, потом раздался громовой топот ног и крики зрителей, расположившихся в своих лодках прямо под ним. Мимо Смита, тяжело дыша, сбросив куртки, промчались несколько человек, и, вытянув шею, Смит разглядел за их спинами Хасты — он греб ровно и уверенно, а его частивший веслами противник отстал от него почти на длину лодки. Смит криком подбодрил друга, взглянул на часы и намеревался уже отправиться к себе, когда кто-то тронул его за плечо. Оглянувшись, он увидел, что рядом стоит Монкхауз Ли.

— Я заметил вас тут, — робко начал юноша. — И мне бы хотелось поговорить с вами, если вы можете уделить мне полчаса. Я живу вот в этом коттедже вместе с Харрингтоном из Королевского колледжа. Зайдите, пожалуйста, выпейте чашку чаю.

— Мне пора возвращаться, — ответил Смит. — Я сейчас усиленно зубрю. Но с удовольствием зайду на несколько минут. Я бы и сюда не выбрался, но Хасты — мой друг.

— И мой тоже. Красиво гребет, правда? У Муллинса совсем не то. Зайдемте же. Дом немного тесноват, но в летние месяцы работать тут очень приятно.

Коттедж, стоявший ярдах в пятидесяти от берега реки, представлял собой небольшое белое квадратное здание с зелеными дверьми и ставнями; крыльцо украшала деревянная решетка. Самую просторную комнату кое-как приспособили под рабочий кабинет. Сосновый стол, де-

ревянные некрашенные полки с книгами, на стенах несколько дешевых олеографий. На спиртовке пел, закипая, чайник, а на столе стоял поднос с чашками.

— Садитесь в это кресло и берите сигарету, — сказал Ли. — А я налью вам чаю. Я вам очень благодарен, что вы зашли, я знаю — у вас каждая минута на счету. Мне хотелось только сказать вам, что на вашем месте я бы немедленно переменил местожительство.

— Что такое?

Смит с зажженной спичкой в одной руке и сигаретой в другой изумленно уставился на Ли.

— Да, это, конечно, звучит очень странно, и хуже всего то, что я не могу объяснить вам, почему даю такой совет, — я связан обещанием и не могу его нарушить. Но все же я вправе предупредить вас, что жить рядом с таким человеком, как Беллингом, небезопасно. Сам я намерен пока пожить в этом коттедже.

— Небезопасно? Что вы имеете в виду?

— Вот этого я и не должен говорить. Но, прошу вас, послушайте меня, уезжайте из этих комнат. Сегодня мы окончательно рассорились. Вы в это время спускались по лестнице и, конечно слышали.

— Я заметил, что разговор у вас был неприятный.

— Он негодай, Смит. Иначе не скажешь. Кое-что я начал подозревать с того вечера, когда он упал в обморок, — помните, вы тогда еще спустились к нему? Сегодня я потребовал у него объяснений, и он рассказал мне такие вещи, что волосы у меня встали дыбом. Он хотел, чтобы я ему помог. Я не ханжа, но я все-таки сын священника, и я считаю, что есть пределы, которые преступать нельзя. Благодарю Бога, что узнал его вовремя, — он ведь должен был с нами породниться.

— Все это превосходно, Ли, — резко заметил Аберкромб Смит. — Но только вы сказали или слишком много, или же слишком мало.

— Я предупредил вас.

— Раз для этого действительно есть основания, никакое обещание не может вас связывать. Если я вижу, что какой-то негодай хочет взорвать динамитом дом, я стараюсь помешать ему, невзирая ни на какие обещания.

— Да, но я не могу ему помешать, я только могу предупредить вас.

— Не сказав, чего я должен опасаться.

— Беллингема.

— Но это же ребячество. Почему я должен бояться его или кого-либо другого?

— Этого я не могу объяснить. Могу только умолять вас уехать из этих комнат. Там вы в опасности. Я даже не утверждаю, что Беллингем захочет причинить вам вред, но это может случиться — сейчас его соседство опасно.

— Допустим, я знаю больше, чем вы думаете, — сказал Смит, многозначительно глядя в серьезное лицо юноши. — Допустим, я скажу вам, что у Беллингема кто-то живет.

Не в силах сдержать волнение, Монкхауз Ли вскочил со стула.

— Значит, вы знаете? — с трудом произнес он.

— Женщина.

Ли со стоном упал на стул.

— Я должен молчать. Должен.

— Во всяком случае, — сказал Смит, вставая, — вряд ли я позволю себя запугать и покину комнаты, в которых мне очень удобно. Вашего утверждения, что Беллингем может каким-то непостижимым образом причинить мне вред, еще недостаточно, чтобы куда-то переезжать. Я рискну остаться на старом месте, и, поскольку на часах уже почти пять, я, с вашего позволения, ухожу.

Смит коротко попрощался с молодым студентом и направился домой в теплых весенних сумерках, полусердясь, полусмеясь, — так бывает с волевыми здравомыслящими людьми, когда им грозят неведомой опасностью.

Как бы усердно Смит ни занимался, он неизменно позволял себе одну маленькую поблажку. Два раза в неделю, по вторникам и пятницам, он непременно отправлялся пешком в Фарлингфорд, загородный дом доктора Пламптри Питерсона, расположенный в полутора милях от Оксфорда. Доктор Пламптри Питерсон был близким другом Френсиса, старшего брата Аберкромба Смита. И поскольку у состоятельного холостяка Питерсона винный погреб был хорош, а библиотека еще лучше, дом его являлся желанной целью для человека, нуждающегося в освежающих прогулках. Таким образом, дважды в неделю студент-медик размашисто вышагивал по темным проселочным дорогам, а потом с наслаждением проводил часок в уютном кабинете Питерсона, рассказывая ему за стаканом старого портвейна университетские сплетни или

обсуждая последние новинки медицины, и особенно хирургии.

На другой день после разговора с Монкхаузом Ли Смит захлопнул свои книги в четверть восьмого — в этот час он обычно отправлялся к своему другу. Когда он выходил из комнаты, ему случайно попала на глаза одна из книг Беллингема, и ему стало совестно, что он ее до сих пор не вернул. Как ни противен тебе человек, приличия соблюдать надо. Прихватив книгу Смит спустился по лестнице и постучался к соседу. Ему никто не ответил, но, повернув ручку, он увидел, что дверь не заперта. Обрадовавшись, что можно избежать с Беллингемом встречи, Смит вошел в комнату и оставил на столе книгу и визитную карточку.

Лампа была прикручена, но Смит смог разглядеть все довольно хорошо. В комнате все было как прежде: фриз, божества с головами животных, под потолком крокодил, на столе бумаги и сухие листья. Футляр мумии был прислонен к стене, но мумии в нем не оказалось. Не было заметно, чтобы в комнате жил кто-то еще, и, уходя, Смит подумал, что, вероятно, он был к Беллингему несправедлив. Скрывая тот какой-нибудь неблагоприятный секрет, вряд ли он оставил бы дверь незапертой.

На винтовой лестнице была тьма крошечная, и Смит осторожно спускался вниз, как вдруг почувствовал, что в темноте мимо него что-то проскользнуло. Чуть слышный звук, дуновение воздуха, прикосновение к локтю, но такое легкое, что оно могло просто почудиться. Смит замер и прислушался, но услышал только, как снаружи ветер шуршал листьями плюща.

— Это вы, Стайлс? — крикнул Смит.

Никакого ответа, и за спиной тишина. Он решил, что всему виной сквозняк — в старой башне полно трещин и щелей. И все же он был готов почти поклясться, что слышал совсем рядом шаги. Теряясь в догадках, Смит вышел во дворик. Навстречу по лужайке бежал какой-то человек.

— Это ты, Смит?

— Добрый вечер, Хасты!

— Ради бога, бежим скорее! Ли утонул. Мне сказал об этом Харрингтон из Королевского колледжа. Доктора нет дома. Ты можешь его заменить, только идем немедленно. Кажется, он еще жив.

— У тебя есть коньяк?

— Нет.

— Я прихвачу. Фляжка у меня на столе.

Смит бросился наверх, прыгая через три ступеньки, схватил фляжку и кинулся вниз, но, пробегая мимо двери Беллингема, увидел нечто такое, от чего дыхание у него перехватило, и он остановился, растерянно глядя перед собой.

Дверь, которую он закрыл, сейчас была распахнута, и прямо перед ним, освещенный лампой, стоял футляр. Три минуты назад он был пуст. Смит мог в этом поклясться. А сейчас в нем находилось тощее тело его страшного обитателя — он стоял мрачный и застывший, обратив темное, ссохшееся лицо к двери. Безжизненная, безучастная фигура, но Смит почувствовал в ней зловещий отзвук одушевленности: искра сознания в маленьких глазах, прятавшихся в глубоких впадинах. Смита это настолько потрясло, что он совсем забыл, куда и зачем направлялся, и все смотрел на тощую, высохшую фигуру, пока его не заставил опомниться голос Хасты.

— Спускайся же, Смит! — кричал Хаста. — Ведь дело идет о жизни и смерти. Скорей! Ну, а теперь, — добавил он, когда студент-медик наконец появился в дверях, — побежали. Надо за пять минут пробежать почти мило. Жизнь человека — большая награда, чем кубок.

Плечо к плечу мчались друзья сквозь темноту, пока, задыхаясь и совсем без сил, не достигли маленького коттеджа у реки. На диване, весь мокрый, как сорванные водоросли, лежал Ли; к темным волосам его пристала зеленая тина, на свинцовых губах выступила полоска белой пены. Харрингтон — студент, с которым Ли жил в коттедже, — стоял возле него на коленях, растирал его окостеневшие руки, стараясь их согреть.

— По-моему, он еще жив, — сказал Смит, положив руку на грудь юноши. — Приложите к его губам ваши часы. Да, стекло помутнело. Берись, Хаста, за эту руку. Делай то же, что и я, и мы его скоро приведем в чувство.

Минут десять они работали молча, подымая и сдавливая грудь лежавшего в беспамятстве Ли. Наконец по телу его пробежала дрожь, губы шевельнулись, и Ли открыл глаза. Три студента невольно вскрикнули от радости.

— Очнись же, старина. Ну и напугал ты нас.

— Хлебните коньяку. Прямо из фляжки.

— Теперь он пришел в себя, — сказал Харрингтон, сосед пострадавшего. — Господи, до чего же я испугался! Я сидел тут и читал, а он отправился прогуляться до реки, как вдруг я услышал вопль и всплеск. Я бросился туда, но, пока разыскал его и вытащил, в нем не осталось никаких признаков жизни. Симпсон не мог пойти за доктором — он же калека, пришлось мне бежать. Просто не знаю, что бы я без вас стал делать. Правильно, старина. Попробуй сесть.

Монкхауз Ли приподнялся на локтях и дико озирался по сторонам.

— Что случилось? — спросил он. — Я весь мокрый. Ах да, вспомнил!

В глазах его мелькнул страх, и он закрыл лицо руками.

— Как же ты свалился в реку?

— Я не свалился.

— А что случилось?

— Меня столкнули. Я стоял на берегу, что-то подхватило меня сзади, как перышко, и швырнуло вниз. Я ничего не слышал и не видел. Но я знаю, что это было.

— И я тоже, — прошептал Смит.

Ли взглянул на него с удивлением.

— Значит, вы узнали? Помните мой совет?

— Да, и я, пожалуй, ему последую.

— Не знаю, о чем, черт возьми, вы толкуете, — сказал Хасти, — но на вашем месте, Харрингтон, я бы немедленно уложил Ли в постель. Еще будет время обсудить, отчего и как все произошло, когда он немного окрепнет. По-моему, Смит, мы с вами можем теперь оставить их одних. Я возвращаюсь в колледж, если нам по пути — поболтаем дорогой.

Но на обратном пути они почти не разговаривали. Мысли Смита были заняты событиями этого вечера: исчезновение мумии из комнаты соседа, шаги, прошедшие мимо него на лестнице, и появление мумии в футляре — удивительное, уму непостижимое появление в нем ужасной твари, а потом это нападение на Ли, точно повторившее нападение на другого человека, к которому Беллингем питал вражду. Все это соединялось в голове Смита, сплетаясь в единое целое, и подтверждалось разными мелочами, которые вызвали у него неприязнь к соседу, а также необычайные обстоятельства его

первого визита к Беллингеу. То, что прежде было лишь неясным подозрением, смутной, фантастической догадкой, внезапно приняло ясные очертания и четко выступило в его сознании как факт, отрицать который невозможно. И все же это было чудовищно! Невероятно! И недоступно пониманию! Любой беспристрастный судья, даже его друг, тот, что шагает сейчас с ним рядом, просто-напросто сказал бы, что его обмануло зрение, что мумия все время была на своем месте, что Ли свалился в реку, как может свалиться в нее любой человек, и что при больной печени лучше всего принимать синие пилюли. Окажись на его месте кто-то другой, то же самое сказал бы он сам. И все-таки он готов был поклясться, что Беллингеу в душе убийца и в руках у него такое оружие, каким за всю мрачную историю человеческих преступлений никто никогда не пользовался.

Хасти направился к себе, весьма откровенно и едко посмеявшись над неразговорчивостью своего друга, что касается Аберкромба Смита, то он пересек внутренний дворик и направился к угловой башне, испытывая большое отвращение к своему обиталищу и всему, что с ним связано. Он решил последовать совету Ли и как можно скорее перебраться из этих комнат в другое место — разве возможно заниматься, все время прислушиваясь к бормотанию и шагам под тобой? Пересекая лужайку, он заметил, что в окне у Беллингема все еще горит свет, а когда он проходил по лестничной площадке, дверь открылась и из нее выглянул сам Беллингеу. Пухлое злоеющее лицо его напоминало раздувшегося паука, только что соткавшего свою губительную сеть.

— Добрый вечер, — сказал он. — Не зайдете ли?

— Нет! — свирепо отрезал Смит.

— Нет? Вы, как всегда, заняты? Мне хотелось расспросить вас о Ли. К сожалению, с ним, кажется, что-то случилось.

Лицо Беллингема было серьезно, но, когда он заговорил, в глазах его мелькнула скрытая усмешка, и Смит, заметив это, едва не набросился на лингвиста с кулаками.

— Вы будете еще больше сожалеть, узнав, что Ли вполне здоров и находится вне опасности, — сказал он. — На сей раз ваша дьявольская проделка сорвалась. Не пытайтесь отпираться. Мне все известно.

Беллингем попятился от разгневанного студента и, словно обороняясь, немного притворил дверь.

— Вы с ума сошли! О чем вы говорите? Или вы утверждаете, будто я имею какое-то отношение к тому, что случилось с Ли?

— Да, — загремел Смит. — Вы и этот мешок с костями, что у вас за спиной. Вы действуете заодно. И вот что, мистер Беллингем: таких, как вы, теперь не сжигают на кострах, но у нас еще есть палач! И, черт побери, если, пока вы тут, в колледже умрет хоть один человек, я выведу вас на чистую воду, и коли вас не вздернут, то уж никак не по моей вине. И вы убедитесь, что в Англии ваши мерзкие египетские штучки не пройдут.

— Да вы буйнопомешанный, — сказал Беллингем.

— Пусть так. Только хорошенько запомните мои слова, вы еще убедитесь, что я не бросаю их на ветер.

Дверь захлопнулась. Смит, пылая гневом, поднялся к себе, заперся и полночи курил трубку, раздумывая над всем, что случилось в этот вечер.

На другое утро Беллингема не было слышно, а днем зашел Харрингтон и сообщил Смигу, что Ли уже почти совсем оправился. Весь день Смит усердно занимался, однако вечером решил все-таки навестить своего друга доктора Питерсона, к которому он отправился, да так и не добрался накануне вечером.

Он решил, что хорошая прогулка и дружеская беседа успокоят его взвинченные нервы.

Когда Смит проходил мимо двери Беллингема, она была закрыта, но, отойдя на некоторое расстояние от башни, студент оглянулся и увидел в окне силуэт соседа: свет лампы, по-видимому, падал на него сзади, он всматривался в темноту, прижимаясь к стеклу лицом. Обрадовавшись, что сможет хоть несколько часов побыть вдали от Беллингема, Смит бодро зашагал по дороге, с наслаждением вдыхая ласковый весенний воздух. На западе между двух готических башенок виднелся серп месяца, и ажурная тень их ложилась на посеребренные плиты улицы. Дул свежий ветерок, легкие кудрявые облачка быстро бежали по небу. Колледж находился на окраине городка, и уже через пять минут Смит, оставив позади дома, оказался на одной из дорог Оксфорда, обсаженной цветущими, благоухающими кустами.

По уединенной дороге, которая вела к дому его друга, редко кто ходил, и, хотя было еще совсем рано, Смит никого не встретил. Он быстро дошел до ворот Фарлингфорда, за которым начиналась длинная, посыпанная гравием аллея. Впереди сквозь листву приветливо мигали в окнах оранжевые огоньки. Взявшись за железную щеколду калитки, Смит оглянулся на дорогу, по которой пришел. По ней что-то быстро приближалось.

Оно двигалось в тени кустов, бесшумно, крадучись, — темная пригнувшаяся фигура, с трудом различимая на темном фоне. Она приближалась с удивительной быстротой. В темноте Смит разглядел только тощую шею да два глаза, которые до конца дней будут преследовать его в кошмарных снах. Смит повернулся и, вскрикнув от ужаса, бросился бежать что было сил. До оранжевых окон, означавших для него спасение, было рукой подать. Смит слыл хорошим бегуном, но так, как в эту ночь, он еще никогда не бегал.

Тяжелая калитка захлопнулась за ним, но он услышал, как она тотчас распахнулась перед его преследователем. Обезумев, он мчался сквозь тьму, слыша за собой дробный топот, и, оглянувшись, увидел, что это жуткое видение настигает его огромными прыжками, сверкая глазами, вытянув вперед костлявую руку. Слава богу, дверь была распахнута настежь. Смит увидел узкую полоску света горевшей в передней лампы. Но топот раздавался уже совсем рядом, и у самого уха Смит услышал хриплое клокотание. Он с воплем влетел в дверь, захлопнул ее, запер за собой и, теряя сознание, упал на стул.

— Господи, Смит, что случилось? — спросил Питерсон, появляясь в дверях кабинета.

— Дайте мне глоток коньяку!

Питерсон исчез и появился снова, уже с графином и рюмкой.

— Вам это необходимо, — сказал он, когда его гость выпил коньяк. — Да вы белый как мел.

Смит отставил рюмку, поднялся на ноги и перевел дух.

— Теперь я взял себя в руки, — сказал он. — Впервые в жизни я потерял над собой контроль. Все же, Питерсон, если позволите, я заночую сегодня у вас: я не уверен, что найду в себе силы пройти по этой дороге иначе, как днем. Я знаю, что это — малодушие, но ничего не могу поделать.

Питерсон с великим изумлением посмотрел на своего гостя.

— Конечно, вы заночуете у меня. Я велю миссис Берни постелить вам. Куда это вы собрались?

— Подойдемте к окну, из которого видна входная дверь. Мне хочется, чтобы вы увидели то, что видел я.

Они поднялись на второй этаж и подошли к окну, откуда были видны все подступы к дому. Подъездная аллея и окрестные поля, полные тишины и покоя, мирно купались в лунном сиянии.

— Право же, Смит, — начал Питерсон, — если бы я не знал вас как человека воздержанного, то я подумал бы бог знает что. Что же могло вас так напугать?

— Сейчас расскажу. Но куда же оно могло деться? А, вон! Смотрите же! Где дорога сворачивает, сразу за вашими воротами.

— Да-да вижу. Незачем щипать меня за руку. Я видел, кто-то прошел. По-моему, человек довольно худой и высокий, очень высокий. Но при чем тут он? И что с вами? Вы все еще дрожите как осиновый лист.

— Просто дьявол чуть было не схватил меня за горло. Но вернемся в ваш кабинет, и я все вам расскажу.

Так он и сделал. Приветливо светила лампа, рядом на столе стояла рюмка с вином, и, глядя на дородную фигуру и румяное лицо своего друга, Смит рассказал по порядку обо всех событиях — важных и незначительных, которые сложились в столь странную цепь, начиная с той ночи, когда он увидел потерявшего сознание Беллингема перед футляром с мумией, и кончая кошмаром, который пережил всего час назад.

— Такое это гнусное дело, — заключил Смит. — Чувовищно, невероятно, но это чистая правда.

Доктор Платтри Питерсон некоторое время молчал; на лице его читалось величайшее изумление.

— В жизни моей не слышал ничего подобного! — наконец произнес он. — Вы изложили мне факты, а теперь поделитесь своими выводами.

— Вы можете их сделать сами.

— Но мне хочется послушать ваши. Вы же обдумывали все это, а я нет.

— Кое-какие частности остаются загадкой, но главное, мне кажется, вполне ясно. Изучая Восток, Беллингеом овладел каким-то дьявольским секретом, благодаря которому возможно на время оживлять мумии или, может

быть, только эту мумию. Такую мерзость он и пытался проделать в тот вечер, когда потерял сознание. Вид ожившей твари, конечно, его потряс, хотя он этого и ждал. Если помните, очнувшись, он тут же назвал себя дураком. Постепенно он стал менее чувствительным и, проделывая эту штуку, уже не падал в обморок. Беллингем, очевидно, мог оживлять ее только на недолгий срок — ведь я часто видел мумию в футляре, и она была мертвее мертвого. Думаю, что ее оживление — процесс весьма сложный. Добившись этого, Беллингем, естественно, захотел использовать мумию в своих целях. Она обладает разумом и силой. Из каких-то соображений Беллингем посвятил в свою тайну Ли, но тот, как добрый христианин, не захотел участвовать в таком деле. Они поссорились, и Ли поклялся, что откроет сестре истинный характер Беллингема. Беллингем стремился этому помешать, что ему чуть было не удалось, когда он выпустил по следам Ли свою тварь. До того он уже испытал силу мумии на другом человеке — на ненавистном ему Нортоне. И только по чистой случайности у него на совести нет двух убийств. Когда же я обвинил его в этом, у него появились серьезные причины убрать меня с дороги, прежде чем я расскажу обо всем кому-либо еще. Случай представился, когда я вышел из дома, — ведь он знал мои привычки, знал, куда я направлялся. Я был на волосок от гибели, Питерсон, лишь по счастливой случайности вам не пришлось обнаружить утром труп на своем крыльце. Я человек не слабонервный и никогда не думал, что мне придется испытать такой смертельный страх, как сегодня.

— Мой милый, вы слишком сгущаете краски, — сказал Питерсон. — От чрезмерных занятий нервы у вас расшатались. Да как же может такое чудовище разгуливать по улицам Оксфорда, пусть даже ночью, и оставаться незамеченным?

— Его видели. Жители города напуганы, ходят слухи о сбежавшей горилле. Все только об этом и говорят.

— Действительно, стечение обстоятельств удивительное. И все же, мой милый, вы должны согласиться, что сам по себе каждый из этих случаев можно объяснить гораздо естественнее.

— Как? Даже то, что случилось со мной сегодня?

— Несомненно. Когда вы вышли из дома, нервы у вас были напряжены до предела, а голова забита этими ва-

шими теориями. За вами стал красться какой-то изможденный, изголодавшийся бродяга. Остальное сделали ваш испут и ваше воображение.

— Нет, Питерсон, это не так.

— Что же касается случая, когда вы обнаружили, что мумии в футляре нет, а через несколько минут увидели ее там, то ведь был вечер, лампа горела слабо, а у вас не было особых причин рассматривать футляр. Весьма вероятно, что в первый раз вы эту мумию просто не разглядели.

— Нет, это исключено.

— И Ли мог просто упасть в реку, а Нортон пытался задушить грабителя. Обвинения ваши против Беллингема, конечно, серьезны, но, если вы заявите в полицию, над вами просто посмеются.

— Я знаю. Потому я и хочу заняться этим сам.

— Каким образом?

— На мне лежит долг перед обществом, и, кроме того, мне надо позаботиться о собственной безопасности, если я не желаю, чтобы этот негодяй выжил меня из колледжа. А этого я не допущу. Я твердо решил, что должен делать. И прежде всего разрешите мне воспользоваться вашими письменными принадлежностями.

— Разумеется. Вы все найдете на том столике.

Аверкромб Смит уселся перед стопкой чистых листов, и целых два часа перо его скользило по бумаге. Одна заполненная страница за другой отлетала в сторону, а друг Смита, удобно расположившись в кресле, терпеливо, с неослабевающим интересом наблюдал за ним. Наконец с возгласом удовлетворения Смит вскочил на ноги, сложил листы по порядку, а последний положил на рабочий стол Питерсона.

— Будьте любезны, подпишитесь вот тут как свидетель, — сказал он.

— А что я должен засвидетельствовать?

— Мою подпись и число. Дата очень важна. От этого, Питерсон, может зависеть моя жизнь.

— Дорогой мой Смит, вы говорите чепуху. Убедительно прошу вас: ложитесь в постель.

— Напротив, никогда в жизни не взвешивал я так тщательно своих слов. И обещаю вам: как только вы подпишете, я сразу же лягу.

— Но что здесь написано?

— Я изложил тут все, что рассказал вам сегодня. И хочу, чтобы вы это засвидетельствовали.

— Непременно, — сказал Питерсон и поставил свою подпись под подписью Смита. — Ну вот! Только зачем это?

— Пожалуйста, сохраните запись, чтобы предъявить, если меня арестуют.

— Арестуют? За что?

— За убийство. Это очень вероятно. Я хочу быть готовым ко всему. Мне остается только один выход, и я намерен им воспользоваться.

— Бога ради, не предпринимайте неразумных шагов!

— Поверьте мне, неразумно было бы отказаться от моего плана. Надеюсь, вас беспокоить не придется, но я буду чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что у вас в руках есть объяснение моих действий. А теперь я готов последовать вашему совету и лечь — завтра мне понадобятся все мои силы.

Иметь Аберкромба Смита врагом было бы не слишком-то приятно. Обычно неторопливый и покладистый, он становился грозен, когда его вынуждали к действию. Любую в жизни цель он преследовал с тем же расчетливым упорством, с каким изучал науки. В этот день он пожертвовал занятиями, но не собирался тратить его попусту. Он ни слова не сказал Питерсону о своих планах, но в девять утра уже шагал в Оксфорд.

На Хай-стрит он зашел к оружейнику Клиффорду, купил у него крупнокалиберный револьвер и коробку патронов к нему. Заложив в барабан все шесть патронов, он взвел предохранитель и положил оружие в карман пиджака. Затем направился к жилищу Хасты и застал великого гребца за завтраком; к кофейнику был прислонен «Спортивный вестник».

— А, здравствуй! Что стряслось? — воскликнул Хасты. — Хочешь кофе?

— Нет, благодарю. Надо, Хасты, чтобы ты пошел со мной и сделал то, что я попрошу.

— Конечно, дружище.

— И прихвати с собой трость потяжелее.

— Так! — Хасты огляделся. — Вот этим охотничьим хлыстом можно быка свалить.

— И еще одно. У тебя есть набор ланцетов. Дай мне самый длинный.

— Вот, бери. Ты как будто вышел на тропу войны. Еще что-нибудь?

— Нет, этого достаточно. — Смит сунул во внутренний карман ланцет и первым вышел во двор. — Мы с тобой, Хастис, не трусы, — сказал он. — Думаю, что справлюсь один, а тебя пригласил из предосторожности. Мне надо потолковать кое о чем с Беллингемом. Если придется иметь дело с ним одним, ты мне, конечно, не понадобишься. Но если же я крикну, являйся немедленно и бей что есть силы. Ты все понял?

— Да. Как услышу твой крик, сразу прибегу.

— Ну так подожди тут. Возможно, я задержусь, но ты никуда не уходи.

— Стою как вкопанный.

Смит поднялся по лестнице, открыл дверь Беллингема и вошел внутрь. Беллингем сидел за столом и писал. Рядом с ним среди хаоса всяких диковинных вещей высился футляр — к нему по-прежнему был прикреплен номер 249, под которым продавалась мумия, и его страшный обитатель находился внутри, застывший и неподвижный. Смит не спеша огляделся, закрыл дверь, запер ее, вынул ключ, затем подошел к камину, чиркнул спичкой и разжег огонь. Беллингем с изумлением следил за ним, и его одутловатое лицо исказилось от гнева.

— Вы хозяйничаете, как у себя дома, — задыхаясь, сказал он.

Смит неторопливо уселся, положил на стол перед собой часы, вынул пистолет, взвел курок и положил оружие на колени. Потом вытащил из-за пазухи длинный ланцет и бросил его Беллингему.

— Ну, — сказал Смит, — беритесь за работу. Разрежьте на куски эту мумию.

— А, так вот в чем дело? — с насмешкой спросил Беллингем.

— Да, вот в чем дело. Мне объяснили, что уголовные законы тут бессильны. Но у меня в руках закон, который все быстро уладит. Если через пять минут вы не приступите к делу, клянусь Создателем, я продырявлю вам череп.

— Вы намерены убить меня?

Беллингем привстал, его лицо стало серым, как замазка.

— Да.

— За что?

— Чтобы прекратить ваши злодеяния. Одна минута прошла.

— Но что я сделал?

— Я знаю, что, и вы знаете.

— Это насилие.

— Прошло две минуты.

— Но вы должны объяснить мне. Вы сумасшедший, опасный сумасшедший. Почему я должен уничтожить свою собственность? Мумия эта очень ценная.

— Вы должны разрезать ее и сжечь.

— Я не сделаю ни того ни другого.

— Прошло четыре минуты.

Смит с неумолимым видом взял пистолет и посмотрел на Беллингема. Секундная стрелка двигалась по кругу, он поднял руку и положил палец на спусковой крючок.

— Пойдите! Погодите! Я все сделаю! — взвизгнул Беллингем.

Он торопливо взял ланцет и принялся кромсать мумию, то и дело оглядываясь и каждый раз убеждаясь, что взгляд и оружие его грозного гостя устремлены на него. Под ударами острого лезвия мумия трескала и хрустела. Над ней поднималась густая желтая пыль. Высохшие благовония и всякие снадобья сыпались на пол. Вдруг, захрустев, сломался позвоночник, и темная груда рухнула на пол.

— А теперь — в огонь! — приказал Смит.

Пламя взметнулось и загудело, пожирая сухие горючие обломки. Небольшая комната напоминала кочегарку парохода, и по лицам обоих мужчин струился пот; но один, согнувшись, продолжал трудиться, а другой, с каменным лицом, по-прежнему не спускал с него глаз. От огня поднимался густой темный дым, едкий запах горячей смолы и паленых волос пропитал воздух. Через четверть часа от номера 249 осталось лишь несколько обуглившись, хрупких головешек.

— Ну, теперь вы довольны, — прошипел Беллингем, оглянувшись на своего мучителя. Его серые глазки были полны страха и ненависти.

— Нет, я намерен уничтожить все ваши материалы. Чтобы в будущем не случалось никаких дьявольских штук. В огонь эти листья! Они, конечно, имеют к этому отношение.

— Что теперь? — спросил Беллингем, когда и листья последовали за мумией в пламя.

— Теперь свиток папируса, который лежал в тот вечер у вас на столе. По-моему, он вон в том ящике.

— Нет! — завопил Беллингем. — Не сжигайте его! Вы же не понимаете, что делаете. Это редчайший папирус. В нем заключена мудрость, которую больше нигде нельзя найти.

— Доставайте его!

— Но послушайте, Смит, вы же не можете всерьез этого требовать. Всем, что знаю, я поделюсь с вами. Я научу вас тому, о чем сказано в папирусе. Дайте мне хоть снять копию, прежде чем вы ее сожжете.

Смит подошел к ящику стола и повернул ключ. Взяв желтый свиток папируса, он бросил его в огонь и придал каблуком. Беллингем взвизгнул и попытался схватить папирус, но Смит оттолкнул его и стоял над свитком, пока тот не превратился в бесформенную груду пепла.

— Ну что же, мистер Беллингем, — сказал Смит, — думаю, я вырвал все ваши ядовитые зубы. Если вы приметесь за старое, вы снова обо мне услышите. И позвольте проститься с вами: мне пора снова братья за учебники.

Вот что поведал Аберкромб Смит о необычайных происшествиях, случившихся в старейшем колледже Оксфорда весной 1884 года. Поскольку Беллингем сразу же после этого покинул университет и, по последним сведениям, находится в Судане, опровергнуть заявление Смита некому. Но мудрость людская ничтожна, а пути природы неисповедимы, и кому же дано обуздать темные силы, которые может обнаружить тот, кто их ищет!

Литературная мозаика

Сотроческих лет во мне жила твердая, несокрушимая уверенность в том, что мое истинное призвание — литература. Но найти сведущего человека, который проявил бы ко мне участие, оказалось, как это ни странно, невероятно трудным. Правда, близкие друзья, ознакомившись с моими вдохновенными творениями, случалось, говорили: «А знаешь, Смит, не так уж плохо!» или «Послушай моего совета, дружище, отправь это в какой-нибудь журнал», — и у меня не хватало мужества признаться, что мои опусы побывали чуть ли не у всех лондонских издателей, всякий раз возвращаясь с необычайной быстротой и пунктуальностью и тем наглядно показывая исправную и четкую работу нашей почты.

Будь мои рукописи бумажными бумерангами, они не могли бы с большей точностью попадать обратно в руки пославшего их неудачника. Как это мерзко и оскорбительно, когда безжалостный почтальон вручает тебе свернутые в узкую трубку мелко исписанные и теперь уже потрепанные листки, всего несколько дней назад такие безукоризненно свежие, сулившие столько надежд! И какая моральная низость сквозит в смехотворном доводе издателя: «из-за отсутствия места»! Но тема эта слишком неприятна, к тому же уводит от задуманного мною простого изложения фактов.

С семнадцати и до двадцати трех лет я писал так много, что был подобен непрестанно извергающемуся вулкану. Стихи и рассказы, статьи и обзоры — ничто не было чуждо моему перу. Я готов был писать что угодно и о чем угодно, начиная с морской змеи и кончая небулярной космогонической теорией, и смело могу сказать, что, затрагивая тот или иной вопрос, я почти всегда старался осветить его с новой точки зрения. Однако больше всего меня привлекали поэзия и художественная проза. Какие слезы проливал я над страданиями своих героинь, как смеялся над забавными выходками своих комических персонажей! Увы, я так и не встретил никого, кто бы сошелся со мной в оценке моих произведений, а неразделенные восторги собственным талантом, сколь бы ни были они искренни, скоро остывают. Отец отнюдь не поощрял мои литературные занятия, почитая их пустой тратой времени и денег, и в конце концов я был вынужден отказаться от мечты стать независимым литератором и занял должность клерка в коммерческой фирме, ведущей оптовую торговлю с Западной Африкой.

Но, даже принуждаемый к ставшим моим уделом прозаическим обязанностям конторского служащего, я оставался верен своей первой любви и вводил живые краски в самые банальные деловые письма, весьма, как мне передавали, изумляя тем адресатов. Мой тонкий сарказм заставлял хмуриться и корчиться уклончивых кредиторов. Иногда, подобно Сайласу Веггу¹, я вдруг переходил на стихотворную форму, придавая возвышенный стиль коммерческой корреспонденции. Что может быть изысканнее, например, вот этого, переложенного мною на стихи распоряжения фирмы, адресованного капитану одного из ее судов?

Из Англии вам должно, капитан, отплыть
В Мадеру — бочки с солониной там сгрузить.
Оттуда в Тенериф вы сразу курс берите:
С канарскими купцами востро ухо держите,
Ведите дело с толком, не слишком торопитесь,
Терпения и выдержки побольше наберитесь.
До Калабара дальше с пассатами вам плыть.
И на Фернандо-По и в Бонни заходить.

¹ Сайлас Вегг — персонаж романа Ч. Диккенса «Наш общий друг».

И так четыре страницы подряд. Капитан не только не оценил по достоинству этот небольшой шедевр, но на следующий же день явился в контору и с неуместной горячностью потребовал, чтобы ему объяснили, что все это значит, и мне пришлось перевести весь текст обратно на язык прозы. На сей раз, как и в других подобных случаях, мой патрон сурово меня отчитал — излишне говорить, что человек этот не обладал ни малейшим литературным вкусом!

Но все сказанное — лишь вступление к главному. Примерно на десятом году служебной лямки я получил наследство — небольшое, но при моих скромных потребностях вполне достаточное. Обретя вдруг независимость, я снял уютный домик подальше от лондонского шума и суеты и поселился там с намерением создать некое великое произведение, которое возвысило бы меня над всем нашим родом Смитов и сделало бы мое имя бессмертным. Я купил несколько дестей писчей бумаги, коробку гусиных перьев и пузырек чернил за шесть пенсов и, наказав служанке не пускать ко мне никаких посетителей, стал подыскивать подходящую тему.

Я искал ее несколько недель, и к этому времени выяснилось, что, постоянно грызя перья, я уничтожил их изрядное количество и извел столько чернил на кляксы, брызги и не имевшие продолжения начала, что чернила имелись повсюду, только не в пузырьке. Сам же роман не двигался с места, легкость пера, столь присущая мне в юности, совершенно исчезла — воображение бездействовало, в голове было абсолютно пусто. Как я ни старался, я не мог подстегнуть бессильную фантазию, мне не удавалось сочинить ни единого эпизода, ни создать хотя бы один персонаж.

Тогда я решил наскоро перечитать всех выдающихся английских романистов, начиная с Даниэля Дефо и кончая современными знаменитостями: я надеялся таким образом пробудить дремлющие мысли, а также получить представление об общем направлении в литературе. Прежде я избегал заглядывать в какие бы то ни было книги, ибо величайшим моим недостатком была бессознательная, но неудержимая тяга к подражанию автору последнего прочитанного произведения. Но теперь, думал я, такая опасность мне не грозит: читая подряд всех английских классиков, я избегну слишком явного подража-

ния кому-либо одному из них. Ко времени, к которому относится мой рассказ, я только что закончил чтение наиболее прославленных английских романов.

Было без двадцати десять вечера четвертого июня тысяча восемьсот восемьдесят шестого года, когда я, поужинав гренками с сыром и смочив их пинтой пива, уселся в кресло, поставил ноги на скамейку и, как обычно, закурил трубку. Пульс и температура у меня, насколько мне то известно, были совершенно нормальны. Я мог бы также сообщить о тогдашнем состоянии погоды, но, к сожалению, накануне барометр неожиданно и резко упал — с гвоздя на землю, с высоты в сорок два дюйма, и потому его показания ненадежны. Мы живем в век господства науки, и я льщу себя надеждой, что шагаю в ногу с веком.

Погруженный в приятную дремоту, какая обычно сопутствует пищеварению и отравлению никотином, я внезапно увидел, что происходит нечто невероятное: моя маленькая гостиная вытянулась в длину и превратилась в большой зал, скромных размеров стол претерпел подобные же изменения. А вокруг этого, теперь огромного, заваленного книгами и трактатами стола красного дерева сидело множество людей, ведущих серьезную беседу. Мне сразу бросились в глаза костюмы этих людей — какое-то невероятное смешение эпох. У сидевших на конце стола, ближайшего ко мне, я заметил парики, шпаги и все признаки моды двухсотлетней давности. Центр занимали джентльмены в узких панталонах до колен, высоко повязанных галстуках и с тяжелыми связками печаток. Находившиеся в противоположном от меня конце в большинстве своем были в костюмах самых что ни на есть современных — там, к своему изумлению, я увидел несколько выдающихся писателей нашего времени, которых имел честь хорошо знать в лицо. В этом обществе были две или три дамы. Мне следовало бы встать и приветствовать неожиданных гостей, но я, очевидно, утратил способность двигаться и мог только, оставаясь в кресле, прислушиваться к разговору, который, как я скоро понял, шел обо мне.

— Да нет, ей-богу же! — воскликнул грубоватого вида, с обветренным лицом человек, куривший трубку на длинном черенке и сидевший неподалеку от меня. — Душа у меня болит за него. Ведь признаемся, друти, мы и сами

бывали в сходных положениях. Божусь, ни одна мать не сокрушалась так о своем первенце, как я о своем Рори Рэндоме, когда он пошел искать счастья по белу свету.

— Верно, Тобиас, верно! — откликнулся кто-то почти рядом со мной. — Говорю по чести, из-за моего бедного Робина, выброшенного на остров, я потерял здоровья больше, чем если бы меня дважды трепала лихорадка. Сочинение уже подходило к концу, когда вдруг является лорд Рочестер — блистательный кавалер, чье слово в литературных делах могло и вознести и низвергнуть. «Ну как, Дефо, — спрашивает он, — готовишь нам что-нибудь?» «Да, милорд», — отвечаю я. «Надеюсь, это веселая история. Поведай мне о героине — она, разумеется, дивная красавица?» «А героини в книге нет», — отвечаю я. «Не придирайся к словам, Дефо, — говорит лорд Рочестер, — ты их взвешиваешь, как старый, прожженный стряпчий. Расскажи о главном женском персонаже, будь то героиня или нет». «Милорд, — говорю я, — в моей книге нет женского персонажа». «Черт побери тебя и твою книгу! — крикнул он. — Отлично сделаешь, если бросишь ее в огонь!» И удалился в превеликом возмущении. А я остался оплакивать свой роман, можно сказать, приговоренный к смерти еще до своего рождения. А нынче на каждую тысячу тех, кто знает моего Робина и его верного Пятницу, едва ли придется один, кому довелось слышать о лорде Рочестере.

— Справедливо сказано, Дефо, — заметил добродушного вида джентльмен в красном жилете, сидевший среди современных писателей. — Но все это не поможет нашему славному другу Смиту начать свой рассказ, а ведь именно для этого, я полагаю, мы и собрались.

— Он прав, мой сосед справа! — проговорил, заикаясь, сидевший с ним рядом человек довольно хрупкого сложения, и все рассмеялись, особенно тот, добродушный, в красном жилете, который воскликнул:

— Ах, Чарли Лэм, Чарли Лэм, ты неисправим! Ты не перестанешь каламбурить, даже если тебе будет грозить виселица.

— Ну нет, такая узда всякого обуздает, — ответил Чарльз Лэм, и это снова вызвало общий смех.

Мой затуманенный мозг постепенно прояснялся — я понял, как велика оказанная мне честь. Крупнейшие мастера английской художественной прозы всех столетий

назначили *rendez-vous*¹ у меня в доме, дабы помочь мне разрешить мои трудности. Многих я не узнал, но потом взгляделся пристальнее, и некоторые лица показались мне очень знакомыми — или по портретам, или по описаниям. Так, например, между Дефо и Смоллетом, которые заговорили первыми и сразу себя выдали, сидел, саркастически кривя губы, дородный старик, темноволосый, с резкими чертами лица — то был, безусловно, не кто иной, как знаменитый автор «Гулливера». Среди сидевших за дальним концом стола я разглядел Филдинга и Ричардсона и готов поклясться, что человек с худым, мертвенно-бледным лицом был Лоренс Стерн. Я заметил также высокий лоб сэра Вальтера Скотта, мужественные черты Джордж Элиот² и приплюснутый нос Теккерея, а среди современников увидел Джеймса Пэйна³, Уолтера Безента⁴, леди, известную под именем «Уида»⁵, Роберта Льюиса Стивенсона и несколько менее прославленных авторов. Вероятно, никогда не собиралось под одной крышей столь многочисленное и блестящее общество великих призраков.

— Господа, — заговорил сэр Вальтер Скотт с очень заметным шотландским акцентом. — Полагаю, вы не забывали старую поговорку: «У семи поваров обед не готов»? Или как пел застольный бард:

Черный Джонстон и в придачу десять воинов в доспехах
напугают хоть кого,
Только будет много хуже, если Джонстона ты встретишь
ненароком одного.

Джонстон происходил из рода Ридсделов, троюродных братьев Армстронгов, через брак породнившийся...

— Быть может, сэр Вальтер, — прервал его Теккереи, — вы снимете с нас ответственность и продиктуете начало рассказа этому молодому начинающему автору.

¹ Свидание (фр.).

² Джордж Элиот (1819—1880) — псевдоним английской писательницы Мэри-Анн Эванс.

³ Джеймс Пэйн (1830—1898) — английский писатель.

⁴ Уолтер Безент (1836—1901) — английский писатель.

⁵ Уида (1839—1908) — псевдоним английской писательницы Марии Луизы де ля Раме.

— Нет-нет! — воскликнул сэр Вальтер. — Свою лепту я внесу, упираться не стану, но ведь тут Чарли, этот юнец, напичкан островами, как радикал изменами. Уж он сумеет придумать веселую завязку.

Диккенс покачал головой, очевидно, собираясь отказаться от предложенной чести, но тут кто-то из современных писателей — из-за толпы мне его не было видно — проговорил:

— А что, если начать с того конца стола и продолжать далее всем подряд, чтобы каждый мог добавить, что подскажет ему фантазия?

— Принято! Принято! — раздались голоса, и все повернулись в сторону Дефо; несколько смущенный, он набивал трубку из массивной табакерки.

— Послушайте, други, здесь есть более достойные... — начал было он, но громкие протесты не дали ему договорить.

А Смоллет крикнул:

— Не отвливай, Дэн, не отвливай! Тебе, мне и декану надобно тремя короткими галсами вывести судно из гавани, а потом пусть себе плывет, куда заблагорассудится!

Поощряемый таким образом, Дефо откашлялся и повел рассказ на свой лад, время от времени попыхивая трубкой:

«Отца моего, зажиточного фермера в Чешире, звали Сайприен Овербек, но, женившись в году приблизительно 1617, он принял фамилию жены, которая была из рода Уэлсов, и потому я, старший сын, получил имя Сайприен Овербек Уэлс. Ферма давала хорошие доходы, пастбища ее славились в тех краях, и отец мой сумел скопить тысячу крон, которую вложил в торговые операции с Вест-Индией, завершившиеся столь успешно, что через три года капитал отца учетверился. Ободренный такой удачей, он купил на паях торговое судно, загрузил его наиболее ходким товаром (старыми мушкетами, ножами, топорами, зеркалами, иголками и тому подобным) и в качестве суперкарго посадил на борт и меня, наказав мне блюсти его интересы и напутствовал своим благословением.

До островов Зеленого Мыса мы шли с попутным ветром, далее попали в полосу северо-западных пассатов и потому быстро продвигались вдоль африканского побережья.

Если не считать замеченного вдали корабля берберийских пиратов, сильно напугавшего наших матросов, которые уже почли себя захваченными в рабство, нам сопутствовала удача, пока мы не оказались в сотне лиг от мыса Доброй Надежды, где ветер вдруг круто повернул к югу и стал дуть с неимоверной силой. Волны поднимались на такую высоту, что грот-рея оказывалась под водой, и я слышал, как капитан сказал, что, хотя он плавает по морям вот уже тридцать пять лет, такого ему видеть еще не приходилось и надежды уцелеть для нас мало. В отчаянии я принялся ломать руки и оплакивать свою участь, но тут с треском рухнула за борт мачта, я решил, что корабль дал течь, и от ужаса упал без чувств, свалившись в шпигаты¹, и лежал там, словно мертвый, что и спасло меня от гибели, как будет видно в дальнейшем. Ибо матросы, потеряв всякую надежду на то, что корабль устоит против бури, и каждое мгновение ожидая, что он вот-вот пойдет ко дну, кинулись в баркас и, по всей вероятности, встретили именно ту судьбу, какой думали избежать, потому что с того дня я больше никогда ничего о них не слышал. Я же, очнувшись, увидел, что по милости провидения море утихло, волны улеглись и я один на всем судне. Это открытие привело меня в такой ужас, что я мог только стоять, в отчаянии ломая руки и оплакивая свою печальную участь; наконец я несколько успокоился и, сравнив свою долю с судьбой несчастных товарищей, немного повеселел, и на душе у меня отлегло. Спустившись в капитанскую каюту, я подкрепился снедью, находившейся в шкафчике капитана.

Дойдя до этого места, Дефо заявил, что, по его мнению, он дал хорошее начало и теперь очередь Свифта. Выразив опасение, как бы и ему не пришлось, подобно юному Сайприену Овербеку Уэллсу «плавать по воле волн», автор «Гулливера» продолжал рассказ:

«В течение двух дней я плыл, пребывая в великой тревоге, так как опасался возобновления шторма, и неустанно всматривался в даль в надежде увидеть моих пропавших товарищей. К концу третьего дня я с величайшим удивлением заметил, что корабль, подхваченный мощным течением, идущим на северо-восток, мчитя, то

¹ Шпигаты (морск.) — отверстия в палубной настилке для удаления с палубы воды.

носом вперед, то кормой, то, словно краб, повертываясь боком, со скоростью, как я определил, не менее двенадцати, если не пятнадцати узлов в час. В продолжение нескольких недель меня уносило все дальше, но вот однажды утром, к неопишуемой своей радости, я увидел по правому борту остров. Течение, несомненно, пронесло бы меня мимо, если бы я, хотя и располагая всего лишь парой собственных своих рук, не изловчился повернуть кливер так, что мой корабль оказался носом к острову, и, мгновенно подняв паруса шпринтова, лиссея и фок-мачты, взял на гитовы фалы со стороны левого борта и сильно повернул руль в сторону правого борта — ветер дул северо-востоко-восток».

Я заметил, что при описании этого морского маневра Смоллет усмехнулся, а сидевший у дальнего конца стола человек в форме офицера королевского флота, в ком я узнал капитана Марриэта¹, выказал признаки беспокойства и заерзал на стуле.

«Таким образом я выбрался из течения, — продолжал Свифт, — и смог приблизиться к берегу на расстояние в четверть мили и, несомненно, подошел бы ближе, вторично повернув на другой галс, но, будучи отличным пловцом, рассудил за лучшее оставить корабль, к этому времени почти затонувший, и добраться до берега вплавь.

Я не знал, обитаем ли открытый мною остров, но, поднятый на гребень волны, различил на прибрежной полосе какие-то фигуры: очевидно, и меня и корабль заметили. Радость моя, однако, сильно уменьшилась, когда, выбравшись на сушу, я убедился в том, что это были не люди, а самые разнообразные звери, стоявшие отдельными группами и тотчас кинувшиеся к воде, мне навстречу. Я не успел ступить ногой на песок, как меня окружили толпы оленей, собак, диких кабанов, бизонов и других четвероногих, из которых ни одно не выказывало ни малейшего страха ни передо мной, ни друг перед другом — напротив, их всех объединяло чувство любопытства к моей особе, а также, казалось, и некоторого отвращения».

— Второй вариант «Гулливера», — шепнул Лоренс Стерн соседу. — «Гулливер», подогретый к ужину.

¹ Марриэт, Фредерик (1792—1848) — английский писатель.

— Вы изволили что-то сказать? — спросил декан очень строго, по-видимому, расслышав шепот Стерна.

— Мои слова были адресованы не вам, сэр, — ответил Стерн, глядя довольно испуганно.

— Все равно, они беспримерно дерзки! — крикнул декан. — Уж, конечно, ваше преподобие сделало бы из рассказа новое «Сентиментальное путешествие». Ты принялся бы рыдать и оплакивать дохлого осла. Хотя, право, не следует укорять тебя за то, что ты горюешь над своими сородичами.

— Это все же лучше, чем барахтаться в грязи с вашими йеху, — ответил Стерн запальчиво, и, конечно, вспыхнула бы ссора, не вмешайся остальные. Декан, кипя негодованием, наотрез отказался продолжать рассказ, Стерн также не пожелал принять участия в его сочинении и, насмешливо фыркнув, заметил, что «не дело насаживать добрую сталь на негодную рукоятку». Тут чуть не завязалась новая перепалка, но Смоллет быстро подхватил нить рассказа, поведя его уже от третьего лица:

«Наш герой, немало встревоженный сим странным приемом, не теряя времени, вновь нырнул в море и догнал корабль, полагая, что наихудшее зло, какого можно ждать от стихии, — сущая малость по сравнению с неизвестными опасностями загадочного острова. И, как показало дальнейшее, он рассудил здраво, ибо еще до наступления ночи судно взял на буксир, а самого его принял на борт английский военный корабль «Молния», возвращавшийся из Вест-Индии, где он составлял часть флотилии под командой адмирала Бенбоу. Юный Уэлс, молодец хоть куда, речистый и превеселого нрава, был немедленно занесен в списки экипажа в качестве офицерского слуги, в каковой должности снискал всеобщее расположение непринужденностью манер и умением находить поводы для забавных шуток, на что был превеликий мастер.

Среди рулевых «Молнии» был некий Джедедия Энкерсток, внешность коего была весьма необычна и тотчас привлекла к себе внимание нашего героя. Этот моряк, от роду лет пятидесяти, с лицом темным от загара и ветров, был такого высокого роста, что, когда шел между палубами, должен был наклоняться чуть не до земли. Но самым удивительным в нем была другая особенность: еще в бытность его мальчишкой какой-то злой шутник вытатуировал ему по всей физиономии глаза, да с таким ред-

ким искусством, что даже на близком расстоянии затруднительно было распознать настоящие среди множества поддельных. Вот этого-то необыкновенного субъекта юный Сайприен и наметил для своих веселых проказ, особенно после того, как прослышал, что рулевой Энкерсток весьма суеверен, а также о том, что им оставлена в Портсмуте супруга, дама нрава решительного и сурового, перед которой Джедедия Энкерсток смертельно трусил. Итак, задумав подшутить над рулевым, наш герой раздобыл одну из овец, взятых на борт для офицерского стола, и, влив ей в глотку рому, привел ее в состояние крайнего опьянения. Затем он притащил ее в каюту, где была койка Энкерстока, и с помощью таких же сорванцов, как и сам, надел на овцу высокий чепец и сорочку, уложил ее на койку и накрыл одеялом.

Когда рулевой возвращался с вахты, наш герой, притворившись взволнованным, встретил его у дверей каюты.

— Мистер Энкерсток, — сказал он, — может ли стать, что ваша жена находится на борту?

— Жена? — заорал изумленный моряк. — Что ты хочешь этим сказать, ты, белолицая швабра?

— Ежели ее нет на борту, следовательно, нам привиделся ее дух, — отвечал Сайприен, мрачно покачивая головой.

— На борту? Да как, черт подери, могла она сюда попасть? Я вижу, у тебя чердак не в порядке, коли тебе взбрела в голову такая чушь. Моя Полли и кормой и носом пришвартована в Портсмуте, поболее чем за две тысячи миль отсюда.

— Даю слово, — молвил наш герой наисерьезнейшим тоном. — И пяти минут не прошло, как из вашей каюты вдруг выглянула женщина.

— Да-да, мистер Энкерсток, — подхватили остальные заговорщики. — Мы все ее видели: весьма быстроходное судно и на одном борту глухой иллюминатор.

— Что верно, то верно, — отвечал Энкерсток, пораженный столь многими свидетельскими показаниями. — У моей Полли глаз по правому борту притушила навеки долговязая Сью Уильямс из Гарда. Ну, ежели кто есть там, надобно поглядеть, дух это или живая душа.

И честный малый, в большой тревоге и дрожа всем телом, двинулся в каюту, неся перед собой зажженный фонарь. Случилось так, что злосчастная овца, спавшая

глубоким сном под воздействием необычного для нее напитка, пробудилась от шума и, испугавшись непривычной обстановки, спрыгнула с койки, опрометью кинулась к двери, громко бляя и вертясь на месте, как бриг, попавший в смерч, отчасти от опьянения, отчасти из-за наряда, препятствовавшего ее движениям. Энкерсток, потрясенный этим зрелищем, испустил вопль и грохнулся наземь, убежденный, что к нему действительно пожаловал призрак, чему немало способствовали страшные глухие стоны и крики, которые хором выпускали заговорщики. Шутка чуть не зашла далее, чем то было в намерении шалунов, ибо рулевой лежал замертво, и стоило немалых усилий привести его в чувство. До конца рейса он твердо стоял на том, что видел пребывавшую на родине миссис Энкерсток, сопровождая свои заверения божбой и клятвами, что хотя он и был до смерти напуган и не слишком разглядел физиономию супруги, но безошибочно ясно почувствовал сильный запах рома, столь свойственный его прекрасной половине.

Случилось так, что вскоре после этой истории был день рождения короля, отмеченный на борту «Молнии» необыкновенным событием: смертью капитана при очень странных обстоятельствах. Сей офицер, прежалкий моряк, еле отличавший киль от вымпела, добился должности капитана путем протекции и оказался столь злобным тираном, что заслужил всеобщую к себе ненависть. Так сильно невзлюбили его на корабле, что, когда возник заговор всей команды покарать капитана за его злодеяния смертью, среди шести сотен душ не нашлось никого, кто пожелал бы предупредить его об опасности. На борту королевских судов водился обычай в день рождения короля созывать на палубу весь экипаж, и по команде матросам надлежало одновременно палить из мушкетов в честь его величества. И вот пущено было тайное указание, чтобы каждый матрос зарядил мушкет не холостым патроном, а пулей. Боцман дал сигнал дудкой, матросы выстроились на палубе в шеренгу. Капитан, встав перед ними, держал речь, которую заключил такими словами:

— Стреляйте по моему знаку, и, клянусь всеми чертями ада, того, кто выстрелит секундой раньше или секундой позже, я привяжу к снастям с подветренной стороны. — И тут же крикнул зычно: — Огонь!

Все как один навели мушкеты прямо ему в голову и спустили курки. И так точен был прицел и так мала дистанция, что более пяти сотен пуль ударили в него одновременно и разнесли вдребезги голову и часть туловища. Столь великое множество людей было замешано в это дело, что нельзя было установить виновность хотя бы одного из них, и посему офицеры не сочли возможным покарать кого-либо, тем более что заносчивое обращение капитана сделало его ненавистным не только простым матросам, но и всем офицерам.

Умением позабавить и приятной естественностью манер наш герой расположил к себе весь экипаж, и по прибытии корабля в Англию полюбившие Сайприена моряки отпустили его с величайшим сожалением. Однако сыновний долг понуждал его вернуться домой к отцу, с каковой целью он и отправился в почтовом дилижансе из Портсмута в Лондон, имея намерение проследовать затем в Шропшир. Но случилось так, что во время проезда через Чичестер одна из лошадей вывихнула переднюю ногу, и, так как добыть свежих лошадей не представлялось возможным, Сайприен вынужден был переночевать в гостинице при трактире «Корова и бык».

— Нет, ей-богу, — сказал вдруг рассказчик со смехом, — отродясь не мог пройти мимо удобной гостиницы, не остановившись, и посему делаю здесь остановку, а кому желательно, пусть ведет далее нашего приятеля Сайприена к новым приключениям. Быть может, теперь вы, сэр Вальтер, наш «северный колдун», внесете свой вклад?

Смоллет вытащил трубку, набил ее табаком из табакерки Дефо и стал терпеливо ждать продолжения рассказа.

— Ну что ж, за мной дело не станет, — ответил прославленный шотландский бард и взял понюшку табаку. — Но, с вашего позволения, я переброшу мистера Уэлса на несколько столетий назад, ибо мне люб дух Средневековья. Итак, приступаю:

«Нашему герою не терпелось поскорее двинуться дальше, и, разузнав, что потребуются немало времени на подыскание подходящего экипажа, он решил продолжать путь в одиночку, верхом на своем благородном сером скакуне. Путешествие по дорогам в ту пору было весьма

опасно, ибо, помимо обычных неприятных случайностей, подстерегающих путника, на юге Англии было очень неспокойно, в любую минуту готовы были вспыхнуть мятежи. Но наш юный герой, высвободив меч из ножен, чтобы быть наготове к встрече с любой неожиданностью, и стараясь находить дорогу при свете восходящей луны, весело поскакал вперед.

Он еще не успел далеко отъехать, как вынужден был признать, что предостережения хозяина гостиницы, внушенные, как ему казалось, лишь своекорыстными интересами, оказались вполне справедливыми. Там, где дорога, проходя через болотистую местность, стала особенно трудной, наметанный глаз Сайприена увидел поблизости от себя темные, приникшие к земле фигуры. Натянув поводья, он остановился в нескольких шагах от них, перекинул плащ на левую руку и громким голосом потребовал, чтобы скрывавшиеся в засаде вышли вперед.

— Эй вы, удалые молодчики! — крикнул Сайприен. — Неужели не хватает постелей, что вы завалились спать на проезжей дороге, мешая добрым людям? Нет, клянусь святой Урсулой Альпухаррской, я полагал, что ночные птицы охотятся за лучшей дичью, чем за болотными куropатками или вальдшнепами.

— Разрази меня на месте! — воскликнул здоровенный верзила, вместе со своими товарищами выскакивая на середину дороги и становясь прямо перед испуганным конем. — Какой это головорез и бездельник нарушает покой подданных его королевского величества? А, это soldado¹, вот кто! Ну, сэр, или милорд, или ваша милость, или уж не знаю, как следует величать достопочтенного рыцаря, — попридержи-ка язык, не то, клянусь семью ведьмами Геймблсайдскими, тебе не поздоровится!

— Тогда, прошу тебя, откройся, кто ты такой и кто твои товарищи, — молвил наш герой. — И не замышляете ли вы что-либо такое, чего не может одобрить честный человек. А что до твоих угроз, так они отскакивают от меня, как отскочит ваше презренное оружие от моей кольчуги миланской работы.

— Подожди-ка, Аллен, — сказал один из шайки, обращаясь к тому, кто, по-видимому, был ее главарем. — Этот

¹ Солдат, воин (исп.).

молодец — лихой задира, как раз такой, какие требуются нашему славному Джеку. Но мы переманиваем ястребов не пустыми руками. Послушай, приятель, присоединяйся к нам — есть дичь, для которой нужны смелые охотники, вроде тебя. Распей с нами бочонок канарского, и мы подыщем для твоего меча работу получше, чем попусту вовлекать своего владельца в ссоры да кровопролития. Миланская работа или не миланская, нам до того дела нет, а вот если мой меч звякнет о твою железную рубашку, худой то будет день для сына твоего отца!

Одно мгновение наш герой колебался, не зная, на что решиться: следует ли ему, блюдя рыцарские традиции, ринуться на врагов или разумнее подчиниться. Осторожность, а также и немалая доля любопытства в конце концов одержали верх, и, спешившись, наш герой дал понять, что готов следовать туда, куда его поведут.

— Вот это настоящий мужчина! — воскликнул тот, кого называли Алленом. — Джек Кейд порадуется, что ему завербовали такого удалца! Ад и вся его нечистая сила! Да у тебя шея покрепче, чем у молодого быка! Клянусь рукояткой своего меча, туго пришлось бы кому-нибудь из нас, если бы ты не послушал наших уговоров!

— Нет-нет, добрейший наш Аллен! — пропищал вдруг какой-то коротыш, прятаящийся позади остальных, пока грозила схватка, но теперь протолкнувшийся вперед. — Будь ты с ним один на один, оно и могло так стать, но для того, кто умеет владеть мечом, справиться с эдаким юнцом — сущая безделица. Помнится мне, как в Палатинате я рассек барона фон Слогстафа чуть не до самого хребта. Он ударил меня вот так, глядите, но я щитом и мечом отразил удар и в свой черед размахнулся и воздал ему втрое, и тут он... Святая Агнесса, защити и спаси нас! Кто это идет сюда?

Явление, испугавшее болтуна, и в самом деле было достаточно странным, чтобы вселить тревогу даже в сердце нашего рыцаря. Из тьмы вдруг выступила фигура гигантских размеров, и грубый голос, раздавшийся где-то над головами стоявших на дороге, резко нарушил ночную тишину:

— Сто чертей! Горе тебе, Томас Аллен, если ты покинул свой пост без важной на то причины! Клянусь святым Ансельмом, лучше бы тебе было вовсе не родиться,

чем нынче ночью навлечь на себя мой гнев! Что это ты и твои люди вздумали таскаться по болотам, как стадо гусей под Михайлов день?

— Наш славный капитан, — отвечал ему Аллен, сдернув с головы шапку, примеру его последовали и остальные члены отряда. — Мы захватили молодого храбреца, скакавшего по лондонской дороге. За такую услугу, сдается мне, надлежало бы сказать спасибо, а не корить да страшить угрозами.

— Ну-ну, отважный Аллен, не принимай это так близко к сердцу! — воскликнул вожак, ибо то был не кто иной, как сам прославленный Джек Кейд. — Тебе с давних пор должно быть ведомо, что нрав у меня крутоват и язык не смазан медом, как у сладкоречивых лордов. А ты, — продолжал он, повернувшись вдруг в сторону нашего героя, — готов ли ты примкнуть к великому делу, которое вновь обратит Англию в такую, какой она была в царствование учнейшего Альфреда? Отвечай же, дьявол тебя возьми, да без лишних слов!

— Я готов служить вашему делу, если оно пристало рыцарю и дворянину, — твердо отвечал молодой воин.

— Долой налоги! — с жаром воскликнул Кейд. — Долой подати и дани, долой церковную десятину и государственные сборы! Солонки бедняков и их бочки с мукой будут так же свободны от налогов, как винные погреба вельмож! Ну, что ты на это скажешь?

— Ты говоришь справедливо, — отвечал наш герой.

— А вот нам уготована такая справедливость, какую получает зайчонок от сокола! — громовым голосом крикнул Кейд. — Долой всех до единого! Лорда, судью, священника и короля — всех долой!

— Нет, — сказал сэр Свербек Уэллс, выпрямившись во весь рост и хватаясь за рукоятку меча. — Тут я вам не товарищ. Вы, я вижу, изменники и предатели, замышляете недоброе и восстаете против короля, да защитит его Святая Дева Мария!

Смелые слова и звучащий в них бесстрашный вызов смутили было мятежников, но, ободренные хриплым окриком вожака, они кинулись, размахивая оружием, на нашего рыцаря, который принял оборонительную позицию и ждал нападения».

— И хватит с вас! — заключил сэр Вальтер, посмеиваясь и потирая руки. — Я крепко загнал молодчика в

угол, посмотрим, как-то вы, новые писатели, вызволите его оттуда, а я ему на выручку не пойду. От меня больше ни слова не дождетесь!

— Джеймс, попробуй теперь ты! — раздалось несколько голосов сразу, но этот автор успел сказать лишь «тут подъехал какой-то одинокий всадник», как его прервал высокий джентльмен, сидевший от него чуть поодаль. Он заговорил, слегка заикаясь и очень нервно.

— Простите, — сказал он, — но, мне думается, я мог бы кое-что добавить. О некоторых моих скромных произведениях говорят, что они превосходят лучшие творения сэра Вальтера, и, в общем, я, безусловно, сильнее. Я могу описывать и современное общество, и общество прошлых лет. А что касается моих пьес, так Шекспир никогда не имел такого успеха, как я с моей «Леди из Лиона». Тут у меня есть одна вещь... — Он принялся рыться в большой груде бумаг, лежавших перед ним на столе. — Нет, не то — это мой доклад, когда я был в Индии... Вот она! Нет, это одна из моих парламентских речей... А это критическая статья о Теннисоне. Неплохо я его отдал, а? Нет, не могу отыскать, но, конечно, вы все читали мои книги — «Риенци», «Гарольд», «Последний барон»... Их знает наизусть каждый школьник, как сказал бы бедняга Маколей¹. Разрешите дать вам образчик:

«Несмотря на бесстрашное сопротивление отважного рыцаря, меч его был разрублен ударом алебарды, а самого его свалили на землю: силы сторон были слишком неравны. Он уже ждал неминуемой смерти, но, как видно, у напавших на него разбойников были иные намерения. Связав Сайприена по рукам и ногам, они перекинули юношу через седло его собственного коня и повезли по бездорожным болотам к своему надежному укрытию.

В далекой глуши стояло каменное строение, когда-то служившее фермой, но по неизвестным причинам брошенное ее владельцем и превратившееся в развалины — теперь здесь расположился стан мятежников во главе с Джеком Кейдом. Просторный хлев вблизи фермы был

¹ Маколей, Томас (1800—1859) — английский писатель и государственный деятель.

местом ночлега для всей шайки; щели в стенах главного помещения фермы были кое-как заткнуты, чтобы защититься от непогоды. Здесь для вернувшегося отряда была собрана грубая еда, а нашего героя, все еще связанного, втолкнули в пустой сарай ожидать своей участи».

Сэр Вальтер проявлял величайшее нетерпение, пока Бульвер Литтон вел свой рассказ, и, когда тот подошел к этой части своего повествования, раздраженно прервал его:

— Мы бы хотели послушать что-нибудь в твоей собственной манере, молодой человек, — сказал он. — Анималистико-магнитическо-электро-истерико-биолого-мистический рассказ — вот твой подлинный стиль, а то, что ты сейчас наговорил, — всего лишь жалкая копия с меня, и ничего больше.

Среди собравшихся пронесся гул одобрения, а Дефо заметил:

— Право, мистер Литтон, хотя, быть может, это всего лишь простая случайность, но сходство, сдается мне, чертовски разительное. Замечания нашего друга сэра Вальтера нельзя не почесть справедливыми.

— Быть может, вы и это сочтете за подражание, — ответил Литтон с горечью и, откинувшись в кресле и глядя скорбно, так продолжал рассказ:

«Едва наш герой улегся на соломе, устилавшей пол его темницы, как вдруг в стене открылась потайная дверь и за ее порог величаво ступил почтенного вида старец. Пленник смотрел на него с изумлением, смешанным с благоговейным страхом, ибо на высоком челе старца лежала печать великого знания, недоступного сынам человеческого. Незнакомец был облачен в длинное белое одеяние, расшитое арабскими кабалистическими письменами; высокая алая тиара, с символическими знаками квадрата и круга, усугубляла величие его облика.

— Сын мой, — промолвил старец, обратив пронзительный и вместе с тем затуманенный взор на сэра Овербека. — Все вещи и явления ведут к небытию, и небытие есть первопричина всего сущего. Космос непостижим. В чем же тогда цель нашего существования?

Пораженный глубиной этого вопроса и философическими взглядами старца, наш герой приветствовал гостя и осведомился об его имени и звании. Старец ответил,

и голос его то крепнул, то замирал в музыкальной каденции, подобно вздоху восточного ветра, и тонкие ароматические пары наполнили помещение.

— Я — извечное отрицание не-я, — вновь заговорил старец. — Я квинтэссенция небытия, нескончаемая сущность несуществующего. В моем облике ты видишь то, что существовало до возникновения материи и за многие-многое годы до начала времени. Я алгебраический икс, обозначающий бесконечную делимость конечной частицы.

Сэр Овербек почувствовал трепет, как если бы холодная, как лед, рука легла ему на лоб.

— Зачем ты явился, чей ты посланец? — прошептал он, простираясь перед таинственным гостем.

— Я пришел поведать тебе о том, что вечности порождают хаос и что безмерности зависят от божественной ананке¹. Бесконечность пресмыкается перед индивидуальностью. Движущая сущность — перводвигатель в мире духовного, и мыслитель бессилен перед пульсирующей пустотой. Космический процесс завершается только непознаваемым и непроизносимым...» — Могу я спросить вас, мистер Смоллет, что вас так смешит?

— Нет-нет, черт побери! — воскликнул Смоллет, давно уже посмеивавшийся. — Можешь не опасаться, что кто-нибудь станет оспаривать твой стиль, мистер Литтон!

— Спору нет, это твой и только твой стиль, — пробормотал сэр Вальтер.

— И притом прелестный, — вставил Лоренс Стерн с ядовитой усмешкой. — Прошу пояснить, сэр, на каком языке вы изволили говорить?

Эти замечания, поддержанные одобрением всех остальных, до такой степени разъярили Литтона, что он, сперва заикаясь, пытался что-то ответить, но затем, совершенно перестав собой владеть, подобрал со стола разрозненные листки и вышел вон, на каждом шагу роняя свои памфлеты и речи. Все это так распотешило общество, что в течение нескольких минут в комнате не смолкал смех. Звук его отдавался у меня в ушах все громче, а огни на столе тускнели, люди вокруг него таяли и, наконец, исчезли один за другим. Я сидел перед тлеющими в кучке

¹ Ананке (греч.) — рок.

пепла углями все, что осталось от яркого, бушевавшего пламени, — а веселый смех высоких гостей превратился в недовольный голос моей жены, которая, трясая меня за плечи, говорила, что мне следовало бы выбрать более подходящее место для сна. Так окончились удивительные приключения Сайприена Овербека Уэллса, но я все еще лелею надежду, что как-нибудь в одном из моих будущих снов великие мастера слова закончат начатое ими повествование.

НА ГРАНИ
БЫТІЯ

Исчезнувший экстренный поезд

Признание Эрбера де Лернака, приговоренного к смертной казни в Марселе, пролило свет на одно из самых загадочных преступлений нашего века, подобных которому, по-моему, нельзя найти в анналах преступлений ни одной страны.

Хотя официальные круги предпочитают хранить молчание и прессу информировали крайне скудно, все же заявление закоренелого преступника подтверждается фактами, и мы наконец узнали разгадку этого поразительного происшествия. Поскольку эти события имели место восемь лет назад и в то время очередной политический кризис отвлекал внимание публики, не оценившей всю важность случившегося, то лучше всего будет, вероятно, изложить факты, которые удалось установить. Они сверены с сообщениями ливерпульских газет того времени, с протоколами расследования, касающегося машиниста Джона Слейтера, и отчетами железнодорожных компаний Лондона и Западного побережья, которые были любезно предоставлены в мое распоряжение. Вот факты, изложенные вкратце.

3 июня 1890 года некий господин, назвавшийся мосье Луи Караталем, пожелал встретиться с мистером Джеймсом Бландом, директором ливерпульского вокзала линии Лондон — Западное побережье. Караталь был невысокий человек средних лет, брюнет, настолько сутулый, что

казался горбатым. Его сопровождал друг — мужчина, по-видимому, очень сильный, чья почтительность и услужливость по отношению к мосье Караталю свидетельствовали о его подчиненном положении. Этот друг или спутник Караталья, чье имя осталось неизвестным, был явно иностранцем, и, судя по смутному цвету кожи, скорее всего испанцем либо латиноамериканцем. Он обращал на себя внимание одной особенностью. В левой руке он держал маленькую курьерскую сумку из черной кожи, и наблюдательный клерк на ливерпульском вокзале заметил, что сумка была прикреплена к его запястью ремешком. В то время на это обстоятельство не обратили внимания, но ввиду последовавших событий оно приобрело известное значение. Мосье Караталья проводили в кабинет мистера Бланда, а его спутник остался в приемной.

Дело мосье Караталья не заняло много времени. Он только что прибыл из Центральной Америки. Обстоятельства чрезвычайной важности требуют, чтобы он добрался до Парижа как можно быстрее. На лондонский экспресс он опоздал и хочет заказать экстренный поезд. Расходы значения не имеют, главное — время. Он готов заплатить, сколько потребует компания, лишь бы сразу тронуться в путь.

Мистер Бланд нажал кнопку электрического звонка, вызвал мистера Поттера Гуда, начальника службы движения, и в пять минут все устроилось. Поезд отправится через три четверти часа, когда освободится линия. К мощному паровозу «Рочдейль» (в реестре компании он значился под № 247) прицепили два пассажирских вагона и багажный. Первый вагон нужен был лишь для того, чтобы уменьшить неприятную вибрацию, неизбежную при большой скорости. Второй вагон был разделен, как обычно, на четыре купе: первого класса, первого класса для курящих, второго класса и второго класса для курящих. Первое купе, самое ближнее к паровозу, предназначалось для путешественников. Три других пустовали. Кондуктором экстренного поезда был Джеймс Макферсон, уже несколько лет состоявший на службе у компании. Кочегар Уильям Смит был человеком новым.

Мосье Караталь, выйдя из кабинета директора, присоединился к своему спутнику, и, судя по всему, им не терпелось поскорее уехать. Уплатив, сколько требовалось — а именно пятьдесят фунтов пять шиллингов (обыч-

ная такса для экстренных поездов — пять шиллингов за милю), — они попросили, чтобы их проводили в вагон, и остались в нем, хотя их заверили, что пройдет добрых полчаса, прежде чем удастся освободить линию. Тем временем в кабинете, который только что покинул мосье Каратааль, случилось нечто удивительное.

В богатом коммерческом центре экстренные поезда заказывают довольно часто, но два таких заказа в один и тот же день — это уже редчайшее совпадение. И тем не менее едва мистер Бланд отпустил первого путешественника, как к нему с такой же просьбой обратился второй. Это был некий мистер Хорес Мур, человек весьма почтенный, похожий на военного; сообщив, что в Лондоне внезапно очень серьезно заболела его жена, он заявил, что должен, ни минуты не медля, ехать в столицу. Его тревога и горе были столь очевидны, что мистер Бланд сделал все возможное, чтобы помочь ему. О втором экстренном поезде не могло быть и речи: движение местных поездов было и так уже отчасти нарушено из-за первого. Однако мистер Мур мог бы оплатить часть расходов за экстренный поезд мосье Каратааля и поехать во втором, пустом, купе первого класса, если мосье Каратааль не разрешит ему ехать в своем купе. Казалось, что такой вариант не должен был встретить возражений, и, однако, едва мистер Поттер Гуд это предложил, как мосье Каратааль тотчас же категорически его отверг.

Поезд этот его, заявил мистер Каратааль, и только он им и воспользуется. Не помогли никакие уговоры, мосье Каратааль резко отказывал снова и снова, и в конце концов пришлось отступить.

Мистер Хорес Мур, необычайно огорчившись, покинул вокзал после того, как ему сообщили, что он сможет уехать лишь обычным поездом, отправляющимся из Ливерпуля в шесть вечера. Точно в четыре часа тридцать одну минуту, по вокзальным часам, экстренный поезд с горбатым мосье Каратаалем и его великаном-спутником отошел от ливерпульского вокзала. Линия к этому моменту была уже свободна, и до самого Манчестера не предполагалось ни одной остановки.

Поезда компании Лондон — Западное побережье до этого города движутся по линии, принадлежащей другой компании, и экстренный поезд должен был прибыть туда задолго до шести. В четверть седьмого, к немалому изум-

лению и испугу администрации ливерпульского вокзала, из Манчестера была получена телеграмма, сообщавшая, что экстренный поезд туда еще не прибыл. На запрос, отправленный в Сент-Хеленс — третью станцию по пути следования экспресса, — получили ответ:

«Ливерпуль, Джеймсу Бланду, директору компании Лондон — Западное побережье. Экстренный поезд prošel у нас в 4.52, без опоздания. Даузер, Сент-Хеленс».

Эта телеграмма была получена в 6.40. В 6.50 из Манчестера пришло второе сообщение:

«Никаких признаков экстренного, о котором вы извещали».

А через десять минут принесли третью телеграмму, еще более пугающую:

«Вероятно, не поняли, как будет следовать экстренный поезд. Местный из Сент-Хеленс, который должен был пройти после него, только что прибыл и не видел никакого экстренного. Будьте добры, телеграфируйте, что предпринять. Манчестер».

Дело принимало в высшей степени удивительный оборот, хотя последняя телеграмма отчасти успокоила ливерпульское начальство. Если бы экстренный потерпел крушение, то местный, следуя по той же линии, наверняка бы это заметил. Но что же все-таки произошло? Где сейчас этот поезд? Может быть, его по каким-либо причинам перевели на запасный путь, чтобы пропустить местный поезд? Так действительно могло случиться, если вдруг понадобилось устранить какую-нибудь неисправность.

На каждую станцию, расположенную между Сент-Хеленс и Манчестером, отправили запрос, и директор вместе с начальником службы движения, полные жгучего беспокойства, ждали у аппарата ответных телеграмм, которые должны были объяснить, что же произошло с пропавшим поездом. Ответы пришли один за другим — станции отвечали в том порядке, в каком их запрашивали, начиная от Сент-Хеленс:

«Экстренный прошел в 5.00. Коллинс-Грин».

«Экстренный прошел в 5.06. Эрлстаун».

«Экстренный прошел в 5.10. Ньютон».

«Экстренный прошел в 5.20. Кеньон».

«Экстренный не проходил. Бартон-Мосс».

Оба должностных лица в изумлении уставились друг на друга.

— Такого за тридцать лет моей службы еще не бывало, — сказал мистер Бланд.

— Беспрецедентно и абсолютно необъяснимо, сэр. Между Кеньоном и Бартон-Мосс с экстренным что-то случилось.

— Но если память мне не изменяет, между этими станциями нет никакого запасного пути. Значит, экстренный сошел с рельсов.

Но как же мог поезд проследовать в 4.50 по этой же линии и ничего не заметить?

— Что-либо иное исключается, мистер Гуд. Могло произойти только это. Возможно, с местного поезда заметили что-нибудь, что может пролить свет на это дело. Мы запросим Манчестер, нет ли еще каких-нибудь сведений, а в Кеньон телеграфируем, чтобы до самого Бартон-Мосс линия была немедленно обследована.

Ответ из Манчестера пришел через несколько минут.

«Ничего нового о пропавшем экстренном. Машинист и кондуктор местного поезда уверены, что между Кеньоном и Бартон-Мосс не произошло никакого крушения. Линия была совершенно свободна, и нет никаких следов чего-либо необычного. Манчестер».

— Этого машиниста и кондуктора придется уволить, — мрачно сказал мистер Бланд. — Произошло крушение, а они ничего не заметили. Ясно, что экстренный слетел под откос, не повредив линии. Как это могло произойти, я не понимаю, но могло случиться только это, и вскоре мы получим телеграмму из Кеньона или из Бартон-Мосс, сообщающую, что поезд обнаружили под насыпью.

Но предсказанию мистера Бланда не суждено было сбыться. Через полчаса от начальника станции в Кеньоне пришло следующее донесение:

«Никаких следов пропавшего экстренного. Совершенно очевидно, что он прошел здесь и не прибыл в Бартон-Мосс. Мы отцепили паровоз от товарного состава, и я сам проехал по линии, но она в полном порядке, никаких признаков крушения».

Ошеломленный мистер Бланд рвал на себе волосы.

— Это же безумие, Гуд, — вопил он. — Может ли в Англии средь бела дня при ясной погоде пропасть поезд? Чистейшая нелепость! Паровоз, тендер, два пассажирских вагона, багажный вагон, пять человек — и все это исчезло на прямой железнодорожной линии! Если в течение часа

мы не узнаем ничего определенного, я забираю инспектора Коллинса и отправляюсь туда сам.

И тут наконец произошло что-то определенное. Из Кеньона пришла новая телеграмма.

«С прискорбием сообщаем, что среди кустов в двух с четвертью милях от станции обнаружен труп Джона Слейтера, машиниста экстренного поезда. Упал с паровоза и скатился по насыпи в кусты. По-видимому, причина смерти — повреждение головы при падении. Все вокруг тщательно осмотрено, никаких следов пропавшего поезда».

Как уже было сказано раньше, Англию лихорадил политический кризис, а, кроме того, публику занимали важные и сенсационные события в Париже, где грандиозный скандал грозил свалить правительство и погубить репутацию многих видных политических деятелей. Газеты писали только об этом, и необычайное исчезновение экстренного поезда привлекло к себе гораздо меньше внимания, чем если бы это случилось в более спокойное время. Да и абсурдность происшествия умаляла его важность, газеты просто не поверили сообщенным им фактам. Две-три лондонские газеты сочли это просто ловкой мистификацией, и только расследование гибели несчастного машиниста (не установившее ничего важного) убедило их в подлинности и трагичности случившегося.

Мистер Бланд в сопровождении Коллинса, инспектора железнодорожной полиции, вечером того же дня отправился в Кеньон, и на другой день они произвели расследование, не давшее решительно никаких результатов. Не только не было обнаружено никаких признаков пропавшего поезда, но не выдвигалось даже никаких предположений, объяснявших бы случившееся. В то же время рапорт инспектора Коллинса (который сейчас, когда я пишу, лежит передо мной) показывает, всяких возможностей оказалось гораздо больше, чем можно было ожидать.

«Между двумя этими пунктами, — говорится в рапорте, — железная дорога проходит через местность, где имеется много чугуноплавильных заводов и каменноугольных копей. Последние частично заброшены. Из них не менее двенадцати имеют узкоколейки, по которым вагоны с углем отправляют до железнодорожной линии. Эти ветки, разумеется, в расчет принимать нельзя. Од-

нако, помимо них, есть еще семь шахт, которые связаны или были связаны с главной линией боковыми ветками, чтобы можно было сразу доставлять уголь к месту потребления. Однако длина веток не превышает нескольких миль. Из этих семи четыре ветки ведут к заброшенным выработкам или к шахтам, где добыча угля прекращена. Это шахты «Красная рукавица», «Герой», «Ров отчаяния» и «Радость сердца». Последняя десять лет тому назад была одной из главных шахт Ланкашира. Эти четыре ветки не представляют для нас интереса, так как во избежание несчастных случаев они с линией разъединены — стрелки сняты, и рельсы убраны. Остаются еще боковые ветки, которые ведут:

- а) к чугунолитейному заводу Карнстока,
- б) к шахте «Большой Бен»,
- в) к шахте «Упорство».

Из них ветка «Большой Бен», длиной всего в четверть мили, упирается в гору угля, который надо откапывать от входа в шахту. Там не видели ничего из ряда вон выходящего и не слышали ничего необычного. На ветке чугунолитейного завода весь день третьего июня стоял состав из шестнадцати вагонов с рудой. Это однокольея, и проехать по ней никто не мог. Ветка, ведущая к шахте «Упорство», — двухколейная, и движение на ней большое, так как добыча руды тут очень велика. Третьего июня движение поездов по ней шло, как обычно; сотни людей, в том числе бригада укладчиков шпал, работали на всем протяжении в две с половиной мили, и неизвестный поезд никак не мог пройти по ней незамеченным. В заключение следует указать, что эта ветка ближе к Сент-Хеленс, чем то место, где был обнаружен труп машиниста, так что мы имеем все основания полагать, что несчастие с поездом случилось после того, как он миновал этот пункт.

Что же касается Джона Слейтера, то ни его вид, ни характер повреждений не дают ключа к разгадке случившегося. Можно только сделать вывод, что он погиб, упав с паровоза, хотя я не могу объяснить, почему он упал и что случилось с поездом после его падения.

В заключение инспектор просил правление об отставке, так как его сильно уязвили обвинения некоторых лондонских газет в некомпетентности.

Прошел месяц, в течение которого и полиция, и компания продолжали расследования, но тщетно. Была обе-

щана награда, прощение вины, если было совершено преступление, но и это ничего не дало. День за днем читатели разворачивали свои газеты в уверенности, что эта нелепая тайна наконец-то раскрыта, но шли недели, а до разгадки было все так же далеко.

Днем в самой густонаселенной части Англии поезд с ехавшими в нем людьми исчез без следа — словно какой-то гениальный химик превратил его в газ. И действительно, среди догадок, высказанных в газетах, были и вполне серьезные ссылки на сверхъестественные силы и на то, что горбатый мосье Караталь, по всей вероятности, — особа более известная под гораздо менее благозвучным именем. Другие утверждали, что все это — дело рук его смутлого спутника, но что же именно он сделал, так и не смогли вразумительно объяснить.

Среди множества предположений, выдвигавшихся различными газетами и частными лицами, два-три были достаточно вероятными и привлекли внимание публики. В письме, появившемся в «Таймс» за подписью довольно известного в те времена дилетанта-логика, происшедшее рассматривалось с критических и полунаучных позиций. Достаточно привести небольшую выдержку из этого письма, но тот, кто заинтересуется, может прочесть его целиком в номере от третьего июля.

«Один из основных принципов практической логики сводится к тому, — замечает автор письма, — что после исключения невозможного оставшееся, каким бы неправдоподобным оно ни казалось, должно быть истиной. Поезд, несомненно, отошел от Кеньона. Поезд, несомненно, не дошел до Бартон-Мосс. Крайне невероятно, но все же возможно, что он свернул на одну из семи боковых веток. Поскольку поезд не может проехать там, где нет рельсов, это исключается. Следовательно, область невероятного исчерпывается тремя действующими ветками, ведущими к заводу Карнстока, к «Большому Бену» и к «Упорству». Существует ли секретное общество углекопов, английская сапога¹, которая способна уничтожить и поезд, и пассажиров? Это неправдоподобно, но не невероятно. Признаюсь, я не могу предложить иного решения загадки. Во всяком случае, я порекомендовал бы

¹ Банда (итал.).

железнодорожной компании заняться этими тремя линиями и теми, кто там работает. Тщательное наблюдение за закладными лавками в этом районе, возможно, и выявит какие-нибудь небезынтересные факты».

Предложение, исходящее от признанного в таких вопросах авторитета, вызвало значительный интерес и резкую оппозицию со стороны тех, кто счел подобное заявление нелепой клеветой на честных и достойных людей. Единственным ответом на эту критику явился вызов противникам — предложить другое, более вероятное объяснение. Их было даже два («Таймс» от 7 и 9 июля).

Во-первых, предположили, что поезд мог сойти с рельсов и лежит на дне Стаффордширского канала, который на протяжении нескольких сотен ярдов проходит параллельно железнодорожному полотну. В ответ на это появилось сообщение, что канал слишком мелок и вагоны были бы видны.

Во втором письме указывалось, что курьерская сумка, которая, по-видимому, составляла единственный багаж путешественников, могла скрывать новое взрывчатое вещество невероятной силы. Однако полная абсурдность предположения, будто целый поезд мог разлететься в пыль, а рельсы при этом совсем не пострадали, вызывала только улыбку.

Расследование зашло таким образом в полный тупик, но тут случилось нечто совсем неожиданное.

А именно: миссис Макферсон получила письмо от своего мужа Джеймса Макферсона, кондуктора исчезнувшего поезда. Письмо, датированное пятым июля 1890 года, было опущено в Нью-Йорке и пришло четырнадцатого июля. Были высказаны сомнения в его подлинности, но миссис Макферсон утверждала, что это почерк ее мужа, а тот факт, что к письму было приложено сто долларов в пятидолларовых купюрах, исключал возможность мистификации. Обратного адреса в письме не было. Вот его содержание:

«Дорогая жена, я долго обо всем думал, и мне очень тяжело расстаться с тобой навсегда. И с Лиззи тоже. Я стараюсь о вас не думать, но ничего не могу с собой поделать. Посылаю вам немного денег, которые составят двадцать английских фунтов. Этого вам с Лиззи хватит на поездку в Америку, а гамбургские пароходы, заходящие в Саутгемптон, очень хороши, и проезд на них де-

шевле, чем на ливерпульских. Если вам удастся приехать сюда и остановиться в Джонстон-Хаусе, я постараюсь сообщить вам, где мы можем встретиться, но сейчас положение мое очень трудное, и я не очень-то счастлив — слишком тяжело терять вас обеих. Вот пока и все, твой любящий муж. Джеймс Макферсон».

Это письмо пробудило твердую надежду, что скоро все объяснится, так как было установлено, что седьмого июня в Саутгемптоне на пароход «Вистула» (линия Гамбург — Нью-Йорк) сел пассажир, назвавшийся Саммерсом, но очень похожий по описанию на исчезнувшего кондуктора. Миссис Макферсон и ее сестра Лиззи Долтон отправились в Нью-Йорк и три недели прожили в Джонстон-Хаусе, но больше не получили от Макферсона никаких известий. Возможно, неосторожные комментарии газет подсказали ему, что полиция решила устроить ему ловушку. Но как бы то ни было, Макферсон не написал и не появился, так что обеим женщинам пришлось в конце концов вернуться в Ливерпуль.

Так обстояло дело вплоть до нынешнего, 1898 года. Как ни невероятно, но за эти восемь лет не было обнаружено ничего, что бы могло пролить малейший свет на необычайное исчезновение экстренного поезда, в котором ехали мосье Караталь и его спутник. Тщательное расследование прошлого этих двух путешественников позволило установить лишь, что мосье Караталь был в Центральной Америке весьма известным финансистом и политическим деятелем и что, отправившись в Европу, он стремился как можно скорее попасть в Париж. Его спутник, значившийся в списке пассажиров под именем Эдуардо Гомеса, был человеком с темной репутацией наемного убийцы и негодяя. Однако имеются доказательства того, что он был по-настоящему предан мосье Караталю, и последний, будучи человеком физически слабым, нанял Гомеса в качестве телохранителя. Можно еще добавить, что из Парижа не поступило никаких сведений относительно того, почему так спешил туда мосье Караталь. Вот и все, что было известно об этом деле, вплоть до опубликования в марсельских газетах признания Эрбера де Лернака, ныне приговоренного к смертной казни за убийство торговца по фамилии Бонвало. Далее следует точный перевод его заявления.

«Я сообщаю это не для того, чтобы просто похвастаться, — я мог бы рассказать о дюжине других, не менее блестящих операций; я делаю это, чтобы некоторые господа в Париже поняли — раз уж я могу поведать о судьбе мосье Караталя, то могу сообщить и о том, в чьих интересах и по заказу кого было это сделано, если только в самое ближайшее время, как я ожидаю, не объявят об отмене мне смертного приговора. Предупреждаю вас, господа, пока еще не поздно! Вы знаете Эрбера де Лернака — слово у него не расходится с делом. Поспешите, или вы погибли!

Пока я не стану называть имен — если б вы только слышали эти имена! — а просто расскажу, как ловко я все проделал. Я был верен тем, кто меня нанял, и они, конечно, будут верны мне сейчас. Я на это надеюсь, и пока не буду убежден, что они меня предали, имена эти, способные заставить содрогнуться всю Европу, не будут преданы гласности. Но в тот день... впрочем, пока достаточно.

Короче говоря, тогда, в 1890 году, в Париже шел громкий процесс, связанный с грандиозным скандалом в политических и финансовых сферах. Насколько он был грандиозен, известно лишь тайным агентам вроде меня. Честь и карьера многих выдающихся людей Франции были поставлены на карту. Вы видели, как стоят кегли — такие чопорные, непреклонные, высокомерные. И вот откуда-то издалека появляется шар. Хлоп-хлоп-хлоп — и все кегли валяются на земле. Вот и представьте себе, что некоторые из величайших людей Франции — кегли, а мосье Караталь — шар, и еще издали видно, как он приближается. Если бы он прибыл, хлоп-хлоп-хлоп — и с ними было бы покончено. Вот почему он не должен был прибыть в Париж.

Я не утверждаю, будто все эти люди ясно понимали, что должно произойти. Как я уже сказал, на карту были поставлены значительные финансовые и политические интересы, и чтобы привести это дело к благополучному окончанию, был создан синдикат. Многие, вступившие в этот синдикат, вряд ли отдавали себе отчет, каковы его цели. Но другие все понимали отлично, и они могут не сомневаться, что я не забыл их имена. Им стало известно о поездке мосье Караталя еще задолго до того, как он покинул Америку, и эти люди знали, что имеющиеся у

него доказательства означают для всех них гибель. Синдикат располагал неограниченными средствами — абсолютно неограниченными. Теперь им был нужен агент, способный применить эту гигантскую силу. Этот человек должен был быть изобретательным, решительным, находчивым — одним на миллион. Выбор пал на Эрбера де Лернака, и, я должен признать, они поступили правильно.

Мне поручили подыскать себе помощников и пустить в ход все, что могут сделать деньги, чтобы мосье Караталя не прибыл в Париж. С обычной своей энергией я приступил к выполнению поручения тотчас же, как получил инструкции, и шаги, которые я предпринял, были наилучшими из всех возможных для осуществления намеченного.

Мой доверенный немедленно отправился в Америку, чтобы вернуться обратно с мосье Караталем. Если бы он прибыл туда вовремя, пароход никогда бы не достиг Ливерпуля; но, увы! — пароход вышел в море, прежде чем мой агент до него добрался. Я снарядил вооруженный бриг, чтобы перехватить пароход, но опять потерпел неудачу. Однако, как и все великие организаторы, я был готов к провалу и имел несколько других планов, один из которых должен был увенчаться успехом. Вам не следует недооценивать трудности этого предприятия или воображать, что тут достаточно было ограничиться обыкновенным убийством. Надо было уничтожить не только Караталя, но и его документы, а также и спутников мосье Караталя, коль скоро мы имели основания полагать, что он доверил им свои секреты. И не забывайте, что они были начеку и принимали меры предосторожности. Это была достойная меня задача, ибо там, где другие теряются, я действую мастерски.

Я во всеоружии ожидал в Ливерпуле прибытия мосье Караталя и был тем более полон нетерпения, что по имеющимся у меня сведениям в Лондоне он уже будет находиться под сильной охраной.

Задуманное должно было произойти между тем моментом, когда он ступит на ливерпульскую набережную и до его прибытия на Лондонский вокзал.

Мы разработали шесть планов, один лучше другого; окончательный выбор зависел от действий мосье Караталя. Однако, что бы он ни предпринял, мы были готовы ко всему. Если б он остался в Ливерпуле, мы были к

этому готовы. Если б он поехал обычным поездом, или экспрессом, или экстренным, мы были готовы и к этому. Все было предусмотрено и предвосхищено.

Вы можете подумать, что я не мог проделать всего этого сам. Что мне было известно об английских железных дорогах?

Но деньги в любой части света найдут ревностных помощников, и вскоре мне уже помогал один из самых выдающихся умов Англии. Имен я никаких не назову, но было бы несправедливо приписывать все заслуги себе. Мой английский союзник был достоин работать со мной. Он досконально знал линию Лондон — Западное побережье и имел в своем распоряжении несколько рабочих, умных и вполне ему преданных. Идея операции принадлежит ему, и со мной советовались только относительно некоторых частностей. Мы подкупили нескольких служащих компании, в том числе — что самое важное — Джеймса Макферсона, который, как мы установили, обычно сопровождал экстренные поезда. Кочегара Смита мы тоже подкупили. Попытались договориться с Джоном Слейтером, машинистом, однако он оказался человеком упрямым и опасным, и после первой же попытки мы решили с ним не связываться.

У нас не было абсолютной уверенности, что мосье Караталь закажет экстренный поезд, но мы считали это весьма вероятным, так как ему было крайне важно без промедления прибыть в Париж. И на этот случай мы кое-что подготовили, причем все приготовления закончились задолго до того, как пароход мосье Караталя вошел в английские воды. Вы посмеетесь, узнав, что в лоцманском катере, встретившем пароход, находился один из моих агентов.

Едва Караталь прибыл в Ливерпуль, как мы догадались, что он подозревает об опасности и держится начеку. Он привез с собой в качестве телохранителя отчаянного головореза по имени Гомес, человека, имевшего при себе оружие и готового пустить его в ход. Гомес носил секретные документы Караталя и был готов защищать и эти бумаги, и их владельца. Мы полагали, что Караталь посвятил его в свои дела, и убрать Караталя, не убрав Гомеса, было бы пустой тратой сил и времени. Их должна была постигнуть общая судьба, и, заказав экстренный поезд, они в этом смысле сыграли нам на руку.

В этом поезде двое служащих компании из трех точно выполняли наши инструкции за сумму, которая могла обеспечить их до конца жизни. Не берусь утверждать, что английская нация честнее других, но я обнаружил, что купить англичан стоит гораздо дороже.

Я уже говорил о моем английском агенте: у этого человека блестящее будущее, если только болезнь горла не сведет его преждевременно в могилу. Он отвечал за все приготовления в Ливерпуле, в то время как я остановился в гостинице в Кеньоне, где и ожидал зашифрованного сигнала к действию. Едва экстренный поезд был заказан, мой агент немедленно телеграфировал мне и предупредил, к какому времени я должен все приготовить. Сам он под именем Хореса Мура немедленно попытался заказать экстренный поезд в надежде, что ему позволят ехать в Лондон вместе с мосье Караталем — это при известных условиях могло нам помочь. Если бы, например, наш главный соур¹ сорвался, мой агент должен был застрелить их обоих и уничтожить бумаги. Караталь, однако, был настороже и отказался впустить в поезд постороннего пассажира. Тогда мой агент покинул вокзал, вернулся с другого входа, влез в багажный вагон со стороны противоположной платформы и поехал вместе с кондуктором Макферсоном.

Вас, конечно, интересует, что тем временем предпринимал я. Все было готово еще за несколько дней, недоставало лишь завершающих штрихов. Заброшенная боковая ветка, которую мы выбрали, раньше соединялась с главной линией. Надо было лишь уложить на место несколько рельсов, чтобы снова их соединить. Рельсы были почти все уложены, но из опасения привлечь внимание к нашей работе завершить ее решили в последний момент — уложить остальные рельсы и восстановить стрелки. Шпалы оставались нетронутыми, а рельсы, стыковые накладки и гайки были под рукой — мы взяли их с соседней заброшенной ветки. Моя небольшая, но умелая группа рабочих закончила все задолго до прибытия экстренного поезда. А прибыв, он так плавно свернул на боковую ветку, что оба путешественника вряд ли даже заметили толчок на стрелках.

¹ Удар (фр.).

По нашему плану кочегар Смит должен был усыпить машиниста Джона Слейтера, чтобы он исчез вместе с остальными. И в этой части — только в этой — планы наши сорвались, не считая, конечно, преступной глупости Макферсона, написавшего жене. Кочегар так неловко выполнил данное ему поручение, что, пока они боролись, Слейтер упал с паровоза, и хотя судьба нам благоприятствовала и он, падая, сломал себе шею, это все же остается пятном на операции, которая, не случись этого, стала бы одним из тех совершенных шедевров, которыми любуетесь в немом восхищении. Эксперт-криминалист сразу заметил, что Джон Слейтер — единственный промах в наших великолепных комбинациях. Человек, у которого было столько триумфов, сколько у меня, может себе позволить быть откровенным, и я прямо заявляю, что Джон Слейтер — наше упущение.

Но вот экстренный поезд свернул на маленькую ветку длиной в два километра, или, вернее, в милю с небольшим, которая ведет (а вернее, когда-то вела) к ныне заброшенной шахте «Радость сердца», прежде одной из самых больших шахт в Англии. Вы спросите, как же так получилось, что никто не заметил, как прошел поезд по этой заброшенной линии. Дело в том, что на всем протяжении линия идет по глубокой выемке, и увидеть поезд мог только тот, кто стоял на краю этой выемки. И там кто-то стоял. Это был я. А теперь я расскажу вам, что я видел.

Мой помощник остался у стрелки, чтобы перевести поезд на другой путь. С ним было четверо вооруженных людей на случай, если бы поезд сошел с рельсов, — мы считали это возможным, так как стрелки были очень ржавые. Когда мой помощник убедился, что поезд благополучно свернул на боковую ветку, его миссия кончилась, и за все дальнейшее отвечал я. Я ждал в таком месте, откуда был виден вход в шахту. Я так же, как и два моих подчиненных, ждавших вместе со мной, был вооружен. Это должно вас убедить, что я действительно предусмотрел все.

В тот момент, когда поезд пошел по боковой ветке, Смит, кочегар, замедлил ход, затем, поставив регулятор на максимальную скорость, вместе с моим английским помощником и Макферсоном прыгнул, пока еще не было поздно, с поезда. Возможно, именно это замедление дви-

жения и привлекло внимание путешественников, но, когда их головы появились в открытом окне, поезд уже снова мчался на полной скорости.

Я улыбаюсь, воображая, как они опешили. Представьте, что вы почувствуете, если, выглянув из своего роскошного купе, внезапно увидите, что рельсы, по которым вы мчитесь, заржавели и прогнулись — ведь колею за ненадобностью давно забросили. Как, должно быть, перехватило у них дыхание, когда они вдруг поняли, что не Манчестер, а сама смерть ждет их в конце этой злоедейской линии. Но поезд мчался с бешеной скоростью, подсакивая и раскачиваясь на расшатанных шпалах, и колеса жутко скрежетали по заржавевшим рельсам. Я стоял к ним очень близко и разглядел их лица. Караталь молился — в руке у него, по-моему, болтались четки. Гомес ревел, как бык, почуявший запах крови на бойне. Он увидел нас на насыпи и замахал нам рукой, как сумасшедший. Потом он оторвал от запястья курьерскую сумку и швырнул ее в окно в нашу сторону. Смысл этого, разумеется, был ясен: то были доказательства, и они обещали молчать, если им даруют жизнь. Конечно, это было бы очень хорошо, но дело есть дело. Кроме того, мы так же, как и они, не могли уже остановить поезд.

Гомес перестал вопить, когда поезд проскрежетал на повороте, и они увидели, как перед ними разверзлось устье шахты. Мы заранее убрали доски, прикрывавшие его, и расчистили квадратный вход. Линия довольно близко подходила к стволу шахты, чтобы удобнее было грузить уголь, и нам оставалось лишь добавить два-три рельса, чтобы довести ее до самого ствола шахты. Собственно говоря, последние два рельса даже не уложились полностью и торчали над краем ствола фута на три. В окне мы увидели две головы: Караталь внизу, Гомес сверху; открывшееся им зрелище заставило обоих онеметь. И все-таки они были не в силах отпрянуть от окна: их словно парализовало.

Меня очень занимало, как именно поезд, несущийся с громадной скоростью, обрушится в шахту, в которую я его направил, и мне было очень интересно за этим наблюдать. Один из моих помощников полагал, что он просто перепрыгнет через ствол, и действительно, чуть было так и не вышло. К счастью, однако, инерция оказалась недостаточной, буфер паровоза с невероятным

треском стукнулся о противоположный край шахты. Труба взлетела в воздух. Тендер и вагоны смешались в одну бесформенную массу, которая вместе с останками паровоза на мгновение закупорила отверстие шахты. Потом что-то в середине подалось, и вся куча зеленого железа, дымящегося угля, медных поручней, колес, деревянных панелей и подушек сдвинулась и рухнула в глубь шахты. Мы слышали, как обломки ударялись о стенки, а потом, значительное время спустя, из глубины донесся гул — то, что осталось от поезда, ударилось о дно шахты. Вероятно, взорвался котел, потому что за прокатившимся гулом послышался резкий грохот, а потом из черных недр вырвалось густое облако дыма и пара и осело вокруг нас брызгами, крупными, как дождевые капли. Потом пар превратился в мелкие клочья, они растаяли в солнечном сиянии летнего дня, и на шахте «Радость сердца» снова воцарилась тишина.

Теперь, после успешного завершения нашего плана, надо было уничтожить все следы. Наши рабочие на том конце линии уже сняли рельсы, соединявшие боковую ветку с главной линией, и положили их на прежнее место. Мы были заняты тем же у шахты. Трубу и прочие обломки сбросили вниз, вход снова загородили досками, а рельсы, которые вели к шахте, сняли и убрали. Затем, без лишней торопливости, но и без промедления мы все покинули пределы Англии — большинство отправились в Париж, мой английский коллега — в Манчестер, а Макферсон — в Саутгемптон, откуда он эмигрировал в Америку. Пусть английские газеты того времени поведают вам, как тщательно мы проделали свою работу и как мы поставили в тупик самых умных из сыщиков.

Не забудьте, что Гомес выбросил в окно сумку с документами: разумеется, я сохранил эту сумку и доставил ее тем, кто меня нанял. Возможно, им будет небезынтересно узнать, что я предварительно извлек из этой сумки два-три маленьких документа — на память о случившемся. У меня нет никакого желания опубликовать эти бумаги, но своя рубашка ближе к телу, и что же мне останется делать, если мои друзья не придут мне на помощь, когда я в них нуждаюсь? Можете мне поверить, господа, что Эрбер де Лернак столь же грозен, когда он против вас, как и когда он за вас, и что он не тот, кто отправится на гильотину, не отправив всех вас в Новую

Каледонию¹. Ради вашего собственного спасения, если не ради моего, поспешите, мосье де... генерал... и барон... Читая, вы сами заполните пропуски. Обещаю вам, что в следующем номере газеты эти пропуски уже будут заполнены.

Р. S. Просмотрев свое заявление, я обнаружил в нем только одну неясность: это касается незадачливого Макферсона, который по глупости написал жене и назначил ей в Нью-Йорке свидание. Нетрудно понять, что, когда на карту поставлены такие интересы, как наши, мы не можем полагаться на волю случая и зависеть от того, выдаст ли простолюдин, вроде Макферсона, нашу тайну женщине или нет. Раз уж он нарушил данную нам клятву и написал жене, мы больше не могли ему доверять. И поэтому приняли меры, чтобы он больше не увидел своей жены. Порой мне приходило в голову, что было бы добрым делом известить эту женщину, что ничто не препятствует ей снова вступить в брак».

¹ Новая Каледония — французская колония, куда ссылали на каторжные работы.

Человек с часами

Наверное, многие еще помнят обстоятельства необыкновенного происшествия, о котором весной 1892 года столько писали газеты под заголовками «Загадка Рагби» или «Тайна Рагби». Случилось оно в тоскливую пору, когда давно уже не происходило ничего интересного, и поэтому привлекло к себе, может быть, незаслуженно большое внимание, но оно впечатлило соскучившихся по новостям читателей газет той смесью фантастического с трагическим, которая столь возбуждающе действует на воображение широкой публики. Впрочем, после того как длившееся несколько недель следствие закончилось ничем и стало ясно, что загадочные факты не получают вразумительного объяснения, интерес к этому делу угас. С того времени и до самого недавнего казалось, что произошедшая трагедия окончательно заняла место в мрачном каталоге необъясненных и нераскрытых преступлений. Однако полученное недавно сообщение (в достоверности которого, похоже, не приходится сомневаться) пролило на эту историю новый и ясный свет. Прежде чем познакомить с ним читателей, я позволю себе освежить в их памяти необыкновенные факты, на которых основан данный комментарий. В двух словах они таковы.

В пять часов вечера 18 марта 1892 года с Юстонского вокзала вот-вот должен был отойти поезд Лондон —

Манчестер. День был дождливый и ненастный, резкий ветер дул все неистовей, так что погода явно не располагала к путешествию никого, кроме тех, кого побуждала к тому необходимость. Однако именно пятичасовым поездом предпочитают возвращаться из Лондона манчестерские дельцы, поскольку он идет всего с тремя остановками и находится в пути лишь четыре часа и двадцать минут. Вот почему, несмотря на ненастье, на этом поезде ехало в тот день немало народу. Кондуктором был опытный служащий железнодорожной компании с двадцатидвухлетним стажем работы и безупречной репутацией. Звали его Джон Памер.

Вокзальные часы пробили пять раз, и кондуктор поезда приготовился дать машинисту сигнал к отправлению, но в последний момент он заметил двух запоздалых пассажиров, торопливо шагавших по перрону. Один из них, долговязый мужчина, был в длинном черном пальто с воротником и манжетами из каракуля. Как я уже сказал, вечер был ненастный, и долговязый пассажир поднял высокий теплый воротник, пряча горло от пронизывающего мартовского ветра. На вид ему было, насколько мог судить кондуктор, не успевший в спешке рассмотреть его как следует, лет пятьдесят — шестьдесят, но он во многом сохранил энергию и подвижность, свойственные молодости. В руке он нес коричневый кожаный саквояж. Его спутница, высокая и прямая дама, шагала энергично и широко, опережая джентльмена. На ней был долгополый желтовато-коричневый плащ и черная шляпка без полей и с темной вуалью, закрывавшей большую часть ее лица. Их вполне можно было принять за отца с дочерью. Они быстро шли вдоль вагонов, заглядывая в окна, пока Джон Памер, кондуктор, не догнал их.

— Поторапливайтесь, сэр, поезд отправляется, — сказал он.

— Нам в первый класс, — ответил мужчина.

Кондуктор повернул ручку ближайшей двери. В купе, дверь которого он открыл, сидел мужчина невысокого роста с сигарой во рту. Его внешность, судя по всему, запечатлелась в памяти кондуктора, так как впоследствии он выражал готовность описать, как выглядел этот человек, или опознать его. Это был мужчина лет тридцати четырех или тридцати пяти, одетый в серое, остроносый, подвижный, с красноватым обветренным лицом и малень-

кой короткой постриженной черной бородкой. Когда дверь открылась, он бросил быстрый взгляд на входящих. Долговязый мужчина, уже поставивший ногу на ступеньку, остановился. — Это же купе для курящих. Дама не выносит табачного дыма, — проговорил он, оглядываясь на кондуктора.

— Хорошо. Пожалуйста сюда, сэр! — сказал Джон Памер.

Он захлопнул дверь купе для курящих, открыл дверь соседнего, которое оказалось пустым, и поспешно посадил в него пассажиров. В тот же момент он дал свисток, и поезд тронулся. Мужчина, кутивший сигару, стоял у окна своего купе и что-то сказал кондуктору, когда он проходил мимо, но в суматохе отправления тот не слышал его слов. Памер вспрыгнул на подножку порвавшегося с ним кондукторского купе и выбросил весь этот эпизод из головы.

Через двенадцать минут после отправления поезд пришел на станцию Уилсден, где сделал очень короткую остановку. Проверка билетов показала, что во время остановки ни один пассажир не сел на поезд и ни один не сошел с него. Да никто и не видел, чтобы хоть кто-то остался на перроне. В пять часов четырнадцать минут манчестерский экспресс отошел от станции Уилсден и в шесть часов пятьдесят минут прибыл — с пятиминутным опозданием — на станцию Рагби.

В Рагби станционные служащие обратили внимание на то, что дверь одного купе первого класса открыта. При осмотре этого купе и соседнего с ним выяснилась странная картина.

Купе для курящих, в котором ехал невысокий краснолицый мужчина с черной бородкой, теперь пустовало. Его пассажир бесследно исчез, оставив после себя лишь недокуренную сигару. Дверь этого купе была плотно закрыта. В соседнем купе, к которому первоначально было привлечено внимание, не оказалось ни джентльмена в пальто с каракулевым воротником, ни его спутницы — молодой дамы. Зато на полу купе — того, в котором ехали этот рослый джентльмен с дамой, — был обнаружен молодой человек элегантной наружности, одетый по последней моде. Он лежал на спине с ногами, согнутыми в коленях, и локтями, покоящимися на каждом из сидений. Пуля попала ему в сердце, и смерть, должно быть, насту-

пила мгновенно. Никто не видел, чтобы мужчина с такой внешностью садился в поезд. В его карманах не нашли ни железнодорожного билета, ни документов, ни вещей, по которым можно было бы установить его личность. На его белье не обнаружили меток. Кто он, откуда явился, при каких обстоятельствах погиб, — все это было полнейшей загадкой, столь же необъяснимой, как и то, что случилось с тремя людьми, которые за полтора часа до этого, когда поезд отошел от Уилсдена, находились в двух соседних купе.

Я сказал, что при покойном не нашли личных вещей, которые могли бы помочь его опознанию, и это истинная правда, но правда и то, что личные вещи этого неопознанного молодого человека имели одну странную особенность, которая дала тогда почву для многочисленных предположений. У него, как оказалось, было при себе поддюжины дорогих золотых часов: трое часов находились в разных карманах жилета, одни часы во внутреннем кармане пиджака, одни — в нагрудном да еще одни маленькие часики были у него на левом запястье. Напрашивающееся объяснение, что это карманник, а часы — его добыча, опровергалось тем фактом, что все шесть были американского производства и очень редкого в Англии образца. На трех экземплярах стояло фабричное клеймо Рочестерской часовой компании, на одном — фирмы Мейсон из Элмайры, на одном фабричная марка отсутствовала, а наручные часики, богато украшенные драгоценными камнями, имели торговый знак компании Тиффани в Нью-Йорке. Помимо часов, у него в карманах были обнаружены следующие вещи: складной нож со штопором, отделанный слоновой костью, изделие фирмы Роджерс из Шеффилда; круглое зеркальце диаметром в один дюйм; использованный билет в театр «Лицеум»; серебряный коробок, полный восковых спичек; коричневый кожаный портсигар с двумя манильскими сигарами, а также два фунта четырнадцать шиллингов наличных денег. Таким образом, каков бы ни был мотив преступления, оно явно не было совершено с целью ограбления. Как я уже говорил, на нательном белье, по виду совсем новом, не было меток, а на пиджаке — имени портного. Покойный был молод, невысок ростом, чисто выбрит и имел тонкие черты лица. Один из его передних зубов был запломбирован золотой пломбой.

Сразу по обнаружении этой трагедии произвели проверку билетов у всех ехавших в том поезде и пересчитали самих пассажиров. Было установлено, что недостает только трех проданных на этот поезд билетов — по числу трех исчезнувших пассажиров. После чего манчестерскому экспрессу было позволено следовать дальше с новым кондуктором, так как Джон Памер был задержан в Рагби для дачи свидетельских показаний. Вагон, в котором находились оба упомянутых купе, отцепили и переехали на запасный путь. Затем, по прибытии инспектора Вейна из Скотленд-Ярда и мистера Хендерсона, детектива, состоявшего на службе железнодорожной компании, было произведено тщательное расследование всех обстоятельств дела. То, что совершено убийство, не вызывало сомнения. Пуля от пистолета или револьвера небольшого калибра была выпущена с некоторого расстояния: одежда покойного не опалилась, как это бывает при выстреле в упор. Оружия в купе не нашли (что целиком и полностью исключило версию о самоубийстве), как не нашли и коричневого кожаного саквояжа, который кондуктор видел в руке у долговязого джентльмена. На полке обнаружили женский зонтик — никаких других следов пассажиры обоих купе не оставили. Вопрос о том, каким образом и по какой причине трое пассажиров (в том числе одна женщина) смогли сойти с поезда, а новый пассажир войти во время безостановочного следования экспресса на перегоне между Уилсденом и Рагби, возбудил — наряду с вопросами, связанными с загадкой преступления, — крайнее любопытство широкой публики и породил массу домыслов в лондонских газетах.

Кондуктор Джон Памер смог сообщить следствию некоторые сведения, пролившие кое-какой свет на это дело. По его свидетельству, на участке пути между Трингом и Чеддингтоном имелось место, где по причине ремонтных работ на линии поезд в течение нескольких минут шел со скоростью, не превышающей восьми — десяти миль в час. На этом участке мужчина и даже сильная, ловкая женщина могли бы спрыгнуть на ходу, не причинив себе серьезного вреда. Правда, там трудилась партия путевых рабочих, которые, как выяснилось, ничего не видели, но ведь они обычно стоят между путей, а открытая дверь находилась на противоположной стороне вагона, поэтому они вполне могли не заметить, как кто-то спрыгнул с

поезда, тем более что к этому времени почти стемнело. Крутая насыпь немедленно скрыла бы от взгляда ремонтников человека, соскочившего с подножки.

Кондуктор, кроме того, показал, что на перроне станции Уилсден было довольнолюдно и что, хотя на этой станции наверняка никто не сел в поезд и не сошел с него, не исключена возможность, что кто-нибудь из пассажиров мог незаметно для него пересестъ из одного купе в другое. Ведь нередки случаи, когда джентльмен, докурив сигару в купе для курящих, переходит в другое купе, где почище воздух. Если предположить, что мужчина с черной бородкой именно так и поступил в Уилсдене (а недокуренная сигара на полу как будто бы и говорила в пользу этого предположения), он, естественно, пересел бы в ближайшее купе и очутился в обществе двух других действующих лиц этой драмы. Таким образом, первый акт драмы вырисовывался с достаточной степенью вероятности. Но что произошло во втором акте и как дошло дело до развязки заключительного акта, не могли вообразить себе ни кондуктор, ни опытные детективы.

В результате тщательного осмотра железнодорожного пути между Уилсденом и Рагби была обнаружена одна вещь, которая могла иметь отношение к случившейся трагедии (хотя могла и не иметь к ней никакого отношения). Неподалеку от Тринга, как раз в том месте, где поезд замедлил ход, под откосом нашли маленькое карманное Евангелие, старое и растрепанное. Напечатанное Лондонским библейским обществом, оно имело на форзаце надпись: «Элис от Джона. 13 янв. 1856». Ниже имелась новая надпись: «Джеймс, 4 июля 1859», а под нею — еще одна: «Эдуард, 1 ноября 1869». Все три были сделаны одним и тем же почерком. Растрепанное Евангелие явилось единственной уликой (если только это можно назвать уликой), которую раздобыла полиция, и вердикт коронера «убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами», поставил точку в этом необыкновенном деле, не нашедшем удовлетворительного завершения. Объявления, обещающие вознаграждения и наведение справок также не дали результатов: не удалось обнаружить ничего достаточно существенного, что могло бы лечь в основу успешного расследования. Было бы, однако, ошибкой думать, что не строилось никаких гипотез для объяснения обстоятельств дела. Напротив, газеты не только в

Англии, но и в Америке наперебой высказывали догадки и предположения, по большей части явно нелепые. Тот факт, что часы были американского производства, а также некоторые технические особенности, связанные с золотой пломбой в его переднем зубе, как будто бы указывали на то, что покойный приехал из Соединенных Штатов, хотя его белье, костюм и ботинки были, вне всякого сомнения, приобретены в Англии. Некоторые предполагали, что он прятался под сиденьем и по какой-то причине был предан смерти обнаружившими его попутчиками — может быть, потому, что подслушал какие-нибудь их преступные секреты. В сочетании с общими рассуждениями о жестокости и коварстве членов анархистских и прочих тайных обществ, гипотеза эта звучала не менее правдоподобно, чем любые другие.

С идеей, что он скрывался, похоже, согласовывался и тот факт, что он ехал без билета; к тому же общеизвестно, что женщины играют видную роль в нигилистической пропаганде. С другой же стороны, из показаний кондуктора явствовало, что этот человек должен был бы спрятаться там до появления других пассажиров, а раз так, то как же мала должна быть вероятность того, что заговорщики по случайному совпадению войдут в то самое купе, где уже прячется шпион! Кроме того, эта гипотеза не принимала в расчет мужчину в купе для курящих и никак не объясняла факт его одновременного исчезновения. Полицейским следователям не стоило труда доказать несостоятельность этой гипотезы как не дающей объяснения всем известным фактам, но за неимением улик и свидетельских показаний они не были готовы выдвинуть какую-либо альтернативную версию.

Много споров вызвало в ту пору письмо в «Дейли газетт» за подписью известного криминалиста, распутавшего немало дел. Он создал гипотезу, которая, во всяком случае, отличалась оригинальностью, и поэтому я приведу здесь его письмо дословно:

«Что бы ни произошло на самом деле, — писал он, — случившееся, должно быть, зависело от некоего странного и редкого стечения обстоятельств, поэтому мы вправе без каких бы то ни было колебаний вводить подобные обстоятельства в наше объяснение происшедшего. За неимением фактических данных мы вынуждены, отказавшись от аналитического или научного метода расследования,

прибегнуть к синтетическому. Иными словами, вместо того чтобы взять известные события и на их основании дедуктивным способом установить, что произошло, мы должны будем выстроить версию событий в воображении, позаботившись только о том, чтобы она не противоречила известным фактам. Впоследствии ее правильность будет проверяться каждым новым обнаруженным фактом: если он впишется в нарисованную картину, это повысит вероятность того, что мы на правильном пути. С каждым новым фактом вероятность эта будет возрастать в геометрической прогрессии, пока доказательность такого объяснения не станет окончательной и неопровержимой.

В этом деле есть одно весьма примечательное и наводящее на размышления обстоятельство, которое незаслуженно было оставлено без внимания. Через Харроу и Кингс-Лангли по параллельному пути идет местный поезд, притом, согласно расписанию движения обоих поездов, экспресс должен был поравняться с ним примерно тогда, когда по причине ремонтных работ на путях он сбросил скорость до восьми миль в час. Значит, какое-то время оба поезда шли с одинаковой скоростью по соседним путям. Каждому по собственному опыту известно, что в подобных обстоятельствах из окна вашего вагона отчетливо видны пассажиры в окнах вагонов параллельно идущего поезда. Еще в Уилсдене в экспрессе зажгли лампы, так что каждое его купе было ярко освещено и наблюдатель со стороны мог видеть все, как на сцене.

Так вот, события в воссозданной моим воображением картине преступления могли развиваться следующим образом. Этот молодой человек при многих часах находился один в купе медленно идущего местного поезда. Его билет вместе с документами, перчатками и другими вещами, как можно предположить, лежал на сиденье рядом. По всей вероятности, это был американец и к тому же человек с неустойчивой психикой. Ведь чрезмерная склонность увешивать себя драгоценностями является ранним симптомом при некоторых маниакальных психозах.

Глядя в окна движущегося в том же направлении и с такой же скоростью (из-за ремонтирующегося полотна) манчестерского экспресса, он вдруг увидел своих знакомых. Ради убедительности нашей гипотезы предположим, что это были женщина, которую он любил, и мужчина, которого он ненавидел и который, в свою очередь, нена-

видел его. Будучи человеком легко возбуждающимся и импульсивным, он открыл дверь своего купе, перешагнул с подножки вагона местного поезда на подножку вагона экспресса, открыл дверь купе и предстал перед теми двоими. Прodelать это (при условии, что поезда идут с одинаковой скоростью) куда менее трудно и рискованно, чем может показаться.

Ну, а теперь, когда наш молодой человек проник (без билета) в купе, в котором едут пожилой мужчина с молодой женщиной, нетрудно вообразить себе, что между ними разыгралась бурная сцена. Можно предположить, что эти двое тоже были американцами, и тот факт, что мужчина носил при себе оружие — вещь для Англии необычная, — увеличивает правдоподобность такого предположения. Если верна наша догадка о начальной стадии психоза у молодого человека, то вполне возможно, что он набросился на своего врага. Ссора закончилась тем, что пожилой мужчина застрелил напавшего, а затем вместе с молодой женщиной покинул вагон. Предположим, что это произошло очень быстро и что поезд все еще шел так медленно, чтобы они смогли без особого труда спрыгнуть на землю. На скорости восемь миль в час это под силу и женщине. Во всяком случае, нам известно, что этой женщине спрыгнуть удалось.

Теперь нам предстоит включить в картину событий мужчину в купе для курящих. Допустим, что вплоть до данного момента события трагедии воссозданы нами правильно, — тогда исчезновение этого мужчины ничуть не поколеблет наших выводов. По моей версии, тот мужчина видел, как молодой человек на ходу перебрался с поезда на поезд и вошел в соседнее купе, слышал выстрел, заметил двух беглецов, спрыгнувших на насыпь, понял, что произошло убийство, и, спрыгнув сам, погнался за ними. Почему он с тех пор не объявился — то ли сам погиб во время погони, то ли (это более вероятно) убедился в том, что в данных обстоятельствах его вмешательство неуместно, — сейчас мы установить не можем. Я признаю, что тут возникают кое-какие трудности. На первый взгляд может показаться маловероятным тот факт, что спасающийся бегством убийца не пожелал расстаться с коричневым кожаным саквояжем. Мой ответ прост: он хорошо понимал, что, если найдут саквояж, это позволит установить его личность. Ему было совершенно необхо-

димо забрать саквояж с собой. Моя гипотеза может подтвердиться или остаться недосказанной в зависимости от одной детали, и я призываю железнодорожную компанию тщательно проверить, не осталось ли в местном поезде, идущем через Харроу и Кингс-Лангли, неостребованного железнодорожного билета за 18 марта. Если такой билет будет найден, мою версию можно считать доказанной. Если нет, моя гипотеза все равно может быть правильной, потому что не исключено, что он ехал без билета или его билет потерялся».

Полиция и железнодорожная компания в ответ на эту детально разработанную и правдоподобную гипотезу констатировали следующее: во-первых, такого билета найдено не было; во-вторых, почтовый поезд ни при каких обстоятельствах не мог идти по параллельным путям с экспрессом; и, в-третьих, местный поезд стоял на станции Кингс-Лангли, когда манчестерский экспресс проследовал мимо со скоростью пятьдесят миль в час. Так рассыпалась единственная версия, дававшая удовлетворительное объяснение случившемуся, и никаких новых версий в последующие пять лет выдвинуто не было. Ну, а теперь перейдем наконец к сообщению, которое объясняет все факты и подлинность которого не вызывает сомнений. Оно поступило в форме письма, отправленного из Нью-Йорка и адресованного тому самому криминалисту, чья версия изложена выше. Я привожу письмо целиком, за исключением двух первых абзацев, которые носят личный характер:

«Вы должны извинить меня за то, что я не называю Вам подлинных имен. Сейчас я имею на то меньше оснований, чем пять лет назад, когда еще была жива моя мать. Но все равно я предпочитаю не обнаруживать наших следов и принимаю все меры предосторожности. Однако я считаю своим долгом объяснить Вам, что произошло в действительности, потому что, хотя Ваша версия и неверна, она построена чрезвычайно изобретательно. Для того чтобы все стало Вам понятно, я должен буду немного вернуться назад.

Родители мои, уроженцы графства Бакингемшир, эмигрировали из Англии в Штаты в начале пятидесятых. Они поселились в Рочестере, штат Нью-Йорк, где мой отец управлял большим магазином тканей. У них было только двое сыновей: я, Джеймс, и мой брат Эдуард. Я на де-

сять лет старше, и, когда наш отец умер, я стремился заменить ему отца, как и подобает старшему брату. Он был смышленным, живым юнцом и красавцем, каких мало. Но в его характере всегда присутствовал изъян, этакая червоточинка, которая, как с ней не борись, постоянно росла и ширилась, как плесень в сыре. С ним ничего нельзя было поделатъ. Мать видела это так же ясно, как я, но все равно продолжала его баловать, потому что он умел так подойти к ней, что она ни в чем не могла ему отказать. Я изо всех сил старался удержать его от дурных поступков, и он возненавидел меня за мои старания.

Наконец он пустился во все тяжкие, и, что бы мы ни делали, остановить его не удавалось. Он переехал в Нью-Йорк и быстро покатился вниз по наклонной плоскости. Поначалу он просто беспутничал, потом преступил закон, а еще через пару лет прослыл одним из самых отъявленных молодых аферистов в городе. Он свел дружбу со Спарроу Маккоем, первейшим среди шулеров, фальшивомонетчиков и прочих мошенников. Они стали на пару промышлять шулерством в некоторых лучших отелях Нью-Йорка. Мой брат был отличным актером (он мог бы снискать себе честную славу, если бы только захотел) и выдавал себя то за молодого титулованного англичанина, то за рубаху-парня с Запада, то за студента-старшекурсника — в зависимости от того, какая роль лучше всего устраивала его партнера, Спарроу Маккоя. Дальше — больше. Однажды он переоделся в женское платье и так удачно сыграл роль девушки, отвлекая внимание простаков, что впоследствии это стало его излюбленным трюком. Они подкупили нью-йоркские власти и полицию, и казалось, на них не найдется управы, потому что в те времена тот, кто имел протекцию, мог позволить себе вытворять что угодно.

И ничто не помешало бы им безнаказанно обчищать людей, если бы только они ограничились шулерскими проделками и не покидали пределов Нью-Йорка, но нет, им понадобилось заняться своими махинациями в Рочестере и подделатъ подпись на чеке. Сделал это мой брат, хотя все знали, что вдохновителем этой аферы был Спарроу Маккой. Я выкупил чек, и это стоило мне немалых денег. Потом я прямиком отправился к брату, выложил на стол перед ним поддельный чек и поклялся ему, что подам в суд, если он не уберется из страны. Сначала он

просто рассмеялся. Я не смогу подать в суд, так как это разобьет сердце нашей матери, заявил он, а я, как он уверен, на это не пойду. Однако я твердо дал ему понять, что он разобьет сердце матери в любом случае, и лучше уж я упеку его в рочестерскую тюрьму, чем отпущу мошенничать в нью-йоркском отеле, и от своего решения не отступлюсь. Поэтому в конце концов он сдался и торжественно обещал мне больше не встречаться со Спарроу Макклом, уехать в Европу и заняться любой честной работой, которую я помогу ему получить. Я тотчас же пошел с ним к старому другу нашей семьи Джо Уиллсону, который ведет экспортную торговлю американскими часами, и уговорил его сделать Эдуарда своим торговым агентом в Лондоне с небольшим жалованьем и комиссионными в размере 15 процентов от всей выручки. Его внешность и манера держать себя произвели на старика такое благоприятное впечатление, что тот сразу же расположился к нему и через какую-нибудь неделю отправил в Лондон с полным чемоданом часов всех образцов.

Мне показалось, что эта история с подделанным чеком по-настоящему напугала моего братца и что теперь он, возможно, встанет на честный путь. Мать тоже поговорила с ним, и сказанное ею глубоко его тронуло, ибо она всегда была по отношению к нему лучшей из матерей, а он причинил ей столько горя. Но я-то знал, что этот тип, Спарроу Маккой, имеет большое влияние на Эдуарда и что единственный мой шанс не дать парню вновь свернуть на кривую дорожку — это порвать связь между ним и Макклом. У меня был хороший знакомый в нью-йоркской сыскной полиции, и через него я узнавал, что подделывает Маккой. Когда же недели через две после отъезда брата мне сообщили, что Маккой купил билет на пароход «Этрурия», я ясно понял, что у него на уме, как если бы он сам сообщил мне, что едет в Англию, чтобы снова опутать Эдуарда и уговорить его взяться за старое. Тотчас я решил отправиться туда же и противопоставить собственное влияние влиянию Маккоя. Я понимал, что не смогу выйти из этой борьбы победителем, но считал своим долгом противостоять Маккою. И мать поддержала меня в этом. Последний вечер перед отплытием мы провели вместе, горячо молясь за успех моего предприятия, и она дала мне на прощание свое собственное Евангелие, подаренное ей моим отцом в день свадьбы на родине, с тем чтобы я всегда носил его рядом с сердцем.

Я отплыл на том же пароходе, что и Спарроу Маккой, и доставил себе одно маленькое удовольствие: расстроил его планы на время путешествия. В первый же вечер я отправился в курительную и увидел его во главе карточного стола в компании полудюжины зеленых юнцов, направляющихся в Европу с туго набитыми кошельками и пустыми головами. Он собирался хорошенько повытрясти их карманы и собрать богатый урожай. Но вскоре я перечеркнул его намерения.

— Джентльмены, — громко сказал я, — известно ли вам, с кем вы играете?

— А вам-то что? Не лезьте не в свое дело! — с проклятием взвился он.

— Ну и кто же это? — спросил один из пижонов.

— Это Спарроу Маккой, самый известный шулер в Штатах.

Он вскочил с бутылкой в руке, но вовремя вспомнил, что плавает под флагом доброй старой Англии, где царят закон и порядок и бессильны его нью-йоркские покровители. За физическое насилие и убийство его ждут тюрьма и виселица, а на борту океанского лайнера не скроешься через черный ход.

— Докажите свои слова, вы... — крикнул он.

— И докажу! — ответил я. — Если вы закатаете правый рукав рубашки до плеча, я или докажу свои слова, или возьму их обратно.

Он побледнел и прикусил язык. Понимаете, мне было кое-что известно о его проделках, и я знал, что и он, и все ему подобные используют в своих шулерских целях механизм, состоящий, в частности, из пропущенной под рукавом резинки с зажимом на конце чуть выше запястья. С помощью этого зажима они незаметно прячут те карты, которые им не нужны, и заменяют их нужными, вынутыми из другого потайного места. Я полагал, что резинка там, и не ошибся. Он вырутался, выскользнув из комнаты, и больше не высовывал носа из каюты в течение всего плавания. Хоть раз в кои-то веки я поквитался с мистером Спарроу Маккоем.

Но вскорости он отомстил мне, так как его влияние на моего брата всякий раз оказывалось сильнее моего. Первые недели своего пребывания в Лондоне Эдуард вел честный образ жизни и занимался сбытом этих своих американских часов. Так продолжалось до тех пор, покуда этот негодяй снова не сбил его с пути. Я изо всех сил

старался помешать этому, но мои старания не увенчались успехом. Затем я услышал о скандале в одном отеле на Нортумберленд-авеню: двое шулеров, работавших на пару, обчистили проезжего на крупную сумму, и делом этим занялся Скотленд-Ярд. Прочитав об этом в вечерней газете, я сразу понял, что мой братец с Маккоем взялись за старое. Не мешкая, я отправился к Эдуарду домой. Там мне сказали, что он расплатился за квартиру, забрал свои вещи и уехал вместе с высоким джентльменом (в котором я узнал Маккоя). Домовладелица слышала, что они, садясь в кеб, велели извозчику ехать на Юстонский вокзал; кроме того, до ее ушей донеслось, как тот высокий джентльмен упомянул Манчестер. У нее сложилось впечатление, что они направляются туда.

Заглянув в железнодорожное расписание, я сразу понял, что, скорее всего, они поедут пятичасовым поездом, хотя, возможно, успеют и на предыдущий, отправляющийся в 4 часа 35 минут. Я поспевал только на пятичасовой экспресс, но не нашел их ни на вокзале, ни в поезде. Наверное, они все-таки уехали предыдущим поездом, и поэтому я решил поехать вслед за ними в Манчестер и поискать их в тамошних отелях. Может быть, даже теперь я смогу остановить брата, в последний раз призвав его образумиться во имя всего, чем он обязан нашей матери. Нервы у меня были напряжены до предела, и я закурил сигару, чтобы успокоить их. И тут в самый момент отправления дверь моего купе распахнулась, и я увидел на перроне Маккоя и моего брата.

Оба они были переодеты, и на то имелаась веская причина: ведь они знали, что их разыскивает лондонская полиция. Высоко поднятый каракулевый воротник Маккоя скрывал его лицо — снаружи остались только глаза и нос. Мой братец был в женском платье. Его лицо наполовину закрывала черная вуаль, но меня, разумеется, этот маскарад нисколько не обманул — я узнал бы его, даже если бы мне не было известно, что в прошлом он не раз переодевался женщиной. Я вскочил, и в тот же миг Маккой узнал меня. Он что-то сказал, кондуктор захлопнул дверь и посадил их в соседнее купе. Я пытался задержать отправление, чтобы последовать за ними, но было слишком поздно: поезд уже тронулся.

Как только мы остановились в Уилсдене, я тотчас же перескочил в соседнее купе. Судя по всему, никто не заметил, как я пересаживаюсь, да это и неудивительно, так

как на станции было полно народу. Маккой, конечно, ждал моего прихода и не терял времени даром: весь перегон от Юстонского вокзала до Уилсдена он обрабатывал брата, стараясь восстановить его против меня и ожесточить его сердце. Я уверен в этом, потому что никогда еще не бывали мои попытки смягчить и тронуть сердце брата столь безуспешны. Уж как только я его ни уговаривал: то рисовал ему картину его будущего в английской тюрьме, то описывал горе матери, когда я вернусь с дурными известиями, — ничто не могло его пронять. Он сидел с застывшей ухмылкой на красивом лице, а Спарроу Маккой время от времени отпускал язвительные замечания по моему адресу или ободрительные реплики, призванные подкрепить неуступчивость моего брата.

— Почему бы вам не открыть воскресную школу, а? — обратился он ко мне и тут же повернулся к моему брату: — Он думает, что у тебя нет собственной воли. Считает тебя братиком-несмышленищем, которого он может вести за ручку туда, куда пожелает. Пускай убедится, что ты такой же мужчина, как и он.

Эти слова уязвили меня, и я заговорил в резком тоне. Как вы понимаете, мы уже отъехали от Уилсдена, так как разговор наш занял какое-то время. Не в силах сдержать свой гнев, я впервые в жизни сурово отчитал брата. Наверное, было бы лучше, если бы я делал это раньше да почаще.

— Мужчина! — воскликнул я. — Слава богу, хоть твой друг-приятель это подтверждает, а то бы никому в голову не пришло: ни дать ни взять барышня-институтка! Да во всей Англии не найти зрелища более презренного, чем ты в этом девичьем передничке!

Будучи человеком самолюбивым, мой брат густо покраснел и поморщился от насмешки, как от боли.

— Это просто плащ, — сказал он, срывая его с себя. — Надо было сбить легавых со следа, и у меня не было другого способа. — Сняв женскую шляпку с вуалью, он сунул ее и плащ в коричневый саквояж. — Все равно до прихода кондуктора мне это не понадобится.

— Тебе это не понадобится никогда! — воскликнул я и, схватив саквояж, изо всех сил швырнул его в открытое окно. — Пока это от меня зависит, ты больше не будешь обряжаться бабой! Если от тюрьмы тебя спасает только этот маскарад, что ж, тогда в тюрьму тебе и дорога.

Вот как надо было с ним разговаривать! Я сразу же ощутил, что преимущество на моей стороне. Грубость действовала на его податливый характер куда сильнее, чем любые мольбы. Щеки его залила краска стыда, на глазах выступили слезы. Маккой тоже увидел, что я беру верх, и вознамерился помешать мне воспользоваться моим преимуществом.

— Я его друг и не позволю вам его запугивать! — воскликнул он.

— А я его брат и не позволю вам губить его, — ответил я. — Наверное, тюремный срок — это лучший способ разлучить вас, и уж я постараюсь, чтобы вам дали на всю катушку.

— Ах, так вы собираетесь донести? — вскричал он, выхватывая револьвер. Я бросился вперед, чтобы перехватить его руку, но, поняв, что опоздал, отпрянул в сторону. В тот же миг он выстрелил, и пуля, предназначенная для меня, попала прямо в сердце моему несчастному брату.

Он без стога рухнул на пол купе, а Маккой и я, одинаково обьятые ужасом, с двух сторон склонились над ним в тщетной надежде увидеть какие-нибудь признаки жизни. Маккой по-прежнему держал в руке заряженный револьвер, но неожиданная трагедия на время погасила и его ненависть ко мне, и мое возмущение им. Он первым вернулся к действительности. Поезд в тот момент почему-то шел очень медленно, и Маккой понял, что у него есть шанс спастись бегством. В мгновение ока он оказался у двери и открыл ее, но я был не менее проворен и одним прыжком настиг его; мы оба сорвались с подножки и покатались в объятиях друг друга по крутому откосу. У подножия насыпи я ударился головой о камень и потерял сознание. Очнувшись, я увидел, что лежу в невысоком кустарнике неподалеку от железнодорожного полотна и кто-то смачивает мне голову мокрым носовым платком. Это был Спарроу Маккой.

— Вот так, не смог бросить вас тут одного, — сказал он. — В один день запятнать себе руки кровью вас обоих я не хочу. Спору нет, вы любили брата. Но и я любил его ничуть не меньше, хоть вы и скажете, что про являлась моя любовь довольно странно. Как бы то ни было, мир без него опустел, и мне теперь все равно, сдадите вы меня палачу или нет.

Падая, он подвернул лодыжку, и мы еще долго сидели там, он — с поврежденной ногой, я — с больной го-

ловой, разговаривая, покуда моя злость не начала постепенно смягчаться и превращаться в некое подобие сочувствия. Что толку мстить за смерть брата человеку, которого она потрясла так же, как и меня? Тем более что любое действие, предпринятое мною против Маккоя — я все лучше осознавал это, по мере того как мало-помалу ко мне возвращалась ясность мысли, — неизбежно ударит бумерангом по мне и моей матери. Как могли бы мы добиться его осуждения, не сделав при этом достоянием гласности все подробности преступной карьеры моего брата? А ведь этого-то мы больше всего и хотели избежать. В действительности не только он, но также и мы были кровно заинтересованы в том, чтобы дело это осталось нераскрытым, и вот из человека, жаждущего отомстить за преступление, я превратился в участника сговора против правосудия. Место, где мы спрыгнули с поезда, оказалось одним из фазаньих заповедников, которых так много в Англии, и пока мы наугад брели по нему, я волей-неволей обратился к убийце моего брата за советом: возможно ли скрыть истину?

Из его слов я вскоре понял, что, если только в карманах моего брата не окажется документов, о которых нам ничего не было известно, полиция не сможет ни установить его личность, ни понять, как он там очутился. Его билет лежал в кармане у Маккоя, равно как и квитанция на кое-какой багаж, оставленный ими на вокзале. Подобно большинству американцев, мой брат посчитал, что будет проще и дешевле приобрести весь гардероб в Лондоне, чем везти его из Нью-Йорка, и поэтому его белье и костюм были новые и без меток. Саквояж с плащом, который я выбросил в окно, возможно, упал в густые заросли куманики, где и лежит по сей день, а может быть, его унес какой-нибудь бродяга. Не исключено, что его передали в полицию, которая не сочла нужным сообщать об этой находке репортерам. Мне, во всяком случае, не попало ни слова об этом в лондонских газетах. Что касается часов, то это были образцы из того набора, который был подарен ему в деловых целях. Может быть, он вез их с собой в Манчестер в тех же деловых целях, но... впрочем, поздно уже вдаваться в это.

По-моему, полицию нельзя винить в том, что она не напала на верный след. Я плохо представляю себе, как бы она могла это сделать. Был только один маленький ключ к разгадке, совсем-совсем маленький. Я имею в виду

то круглое зеркальце, которое нашли в кармане у моего брата. Ведь не так уж это обычно — чтобы молодой человек имел при себе подобную вещь, верно? Но картежник, играющий на деньги, объяснил бы вам, для чего нужно такое зеркальце шулеру. Если тот сядет не вплотную к столу и незаметно положит на колени зеркальце, он сможет подсмотреть все карты, которые он сдает партнеру. А зная карты партнера как свои собственные, шулер без труда обыграет его. Зеркальце — это такая же часть шулерского оснащения, как резинка с зажимом под рукавом у Спарроу Маккоя. Обрати полиция внимание на зеркальце, обнаруженное в кармане убитого, да свяжи она этот факт с недавними проделками шулеров в отелях, и следствие ухватилось бы за конец ниточки.

Ну вот, собственно, и все объяснение. Что было дальше? В тот вечер мы, изображая из себя двух любителей дальних прогулок, остановились в ближайшей деревне — ее название, кажется, Эмершем, — а потом без всяких приключений добрались до Лондона, откуда Маккой отправился в Каир, а я — обратно в Нью-Йорк. Моя матушка скончалась полгода спустя, и я рад, что до самой своей смерти она так и не узнала о случившемся. Она пребывала в счастливом заблуждении, что Эдуард честно зарабатывает себе на жизнь в Лондоне, а у меня не хватило духу сказать ей правду. То, что от него не приходило писем, ее не тревожило: он ведь никогда их не писал. Умерла она с его именем на устах.

И последнее. Я должен попросить Вас, сударь, об одном одолжении, и если Вы сможете оказать его мне, я приму его как ответную любезность за все это объяснение. Помните то Евангелие, что нашли у насыпи? Я всегда носил его во внутреннем кармане, и оно, должно быть, выпало во время моего падения. Эта книжечка очень дорога для меня: ведь это семейное Евангелие, на первом листе которого мой отец собственной рукой записал даты появления на свет меня и моего брата. Не смогли бы Вы вытребовать это Евангелие и переслать его мне? Ведь ни для кого, кроме меня, оно не представляет никакой ценности. Если Вы отправите его по адресу: Нью-Йорк, Бродвей, библиотека Бассано, г-ну Х, оно наверняка придет по назначению».

Из камеры № 24

Письмо заключенного инспектору тюрем

Я рассказал эту свою историю, когда меня схватили, но никто меня и слушать не хотел. Потом опять судьям докладывал все, как было, ни одного слова от себя не прибавил. Говорил по правде, вот как перед Богом, все по порядку: что леди Маннеринг мне сказывала и что делала и что я ей сказывал и что делал, все как есть доподлинно. А что из этого вышло? «Преступник в свое оправдание рассказал вздорную и сбивчивую историю, которая сама себе противоречит в частностях и совершенно не подтверждается установленными на суде обстоятельствами дела». Так прописала обо мне одна лондонская газета, а другие и совсем об этом не написали, словно я на суде ничего и не говорил. А я своими глазами видел убитого лорда Маннеринга, и в смерти его я так же неповинен, как любой из присяжных, что меня судили.

Так вот, господин инспектор, вы опрашиваете претензии арестантов. Теперь, значит, все дело от вас зависит. Вся моя просьба, чтобы вы прочли это, только прочли бы, а потом чтобы навели кое-где справочки об этой самой леди Маннеринг: ту же ли самую фамилию она и теперь носит, как три года назад, когда я на свою погибель ее повстречал. Можно это как-нибудь стороной разузнать или чрез чиновника какого-нибудь надежного. И наверное, скоро вы кое-что услышите такое, что мою историю

за пустые слова считать не будете. А подумайте, какая для вас честь и слава будет, когда все газеты писать начнут, что вашим усердием и вашим умением исправлена ужасная судебная ошибка. Это будет вашей наградой, сударь, потому что я человек бедный и от себя ничего предложить не могу. Ну, а если вы этого не сделаете, то пусть вам никогда в постели спокойно не лежится. Пусть ни одной ночи не пройдет, когда бы вам не вспомнилось, что по вашей вине гниет в тюрьме человек; гниет потому, что вы не сделали своего дела, за которое жалованье получаете. Но вы, сударь, уважите мою просьбу; я знаю это. Наведите только одну-другую справочку, и вы скоро узнаете, как ветер дует. Вспомните также, что вся выгода от преступления была только для нее одной: после него из несчастной жены стала она богатой вдовой. Конец нитки у вас в руках; идите по ней и только смотрите, куда она вас поведет.

Заметьте, сударь: насчет грабежа я ничего не говорю. Что я заслужил, то заслужил; зато до сих пор и терпел, не жалуясь. Грабеж был, что уж говорить, и за него я три года отсидел, как по закону полагается. На суде было указано, что мои руки и раньше поработали раз на Мертонской дороге и что я уж год отсиживал, а потому и дело мое без особого внимания разбирали. Кто раз попался, того уж после всегда кое-как судят. В грабеже сознаюсь; но когда пошло насчет убийства, — ведь всякий другой судья, кроме г. Джемса, послал бы меня на виселицу, — тогда я говорю, что я тут ни при чем и в убийстве не виновен. Теперь я начну с той ночи 13 сентября 1894 года и доложу вам в точности, как все случилось; и пусть Бог меня поразит, если я хотя на вершок отступлю от истинной правды.

Летом был я в Бристоле, искал там работы и узнал, что можно найти дело в Портсмуте (я ведь был хорошим слесарем). Вот и пошел я туда пешком чрез южную Англию, занимаясь по дороге разной работишкой, какая попадалась. Всячески я старался избегать глухих мест по пути, потому что уж раньше отсидел год в Экзетерской тюрьме. Только уж очень трудно доставать работу, когда против твоего имени есть черная отметка. Только и удавалось кое-как перебиваться, лишь бы душа с телом не рассталась. Наконец, проработав десять дней на рубке дров да на разбивке щебня (а жалованье такое, чтобы

только-только с голоду не сдохнуть), оказался я возле Солсбери с двумя шиллингами в кармане; а от сапогов и от терпенья моего совсем уже ничего не оставалось. Есть там по дороге кабачок, прозывается «Добрая воля»; тут я и остановился на ночь. Сидел я один в распивочной, — а уж было время закрывать торговлю, только приходит хозяин, — Алленом его звали, — сел возле меня и пошел болтать про всю округу. Поговорить он любил, да чтобы его еще и слушали; поставил он мне кружку пива. Я сидел, курил да слушал. И не очень-то меня интересовали его разговоры, пока не начал он рассказывать (точно вот черт его надоумил!) о богатстве поместья Маннеринг. «Это вы насчет большого дома перед деревней направо? — спросил я. — Того, что стоит в парке?» — «Вот-вот! — ответил он, — я именно так и говорю, чтобы вы знали, что я говорю правду и ничего не скрываю. Длинный белый дом с колоннами, возле Бландфордской дороги».

Я видел дом, проходя мимо, и мне даже пришло в голову, что в него очень легко пробраться через окна подвального этажа и через стеклянные двери. Эту мысль я прогнал от себя; а вот теперь кабатчик снова напомнил о ней своими рассказами о богатствах поместья. Я слушал, ничего не отвечая. А рассказ все вертелся на том же.

«В молодости он был бедняком, так можете себе представить, каков он теперь. Ну, из своих денег он сумел сделать кое-что хорошее».

«Что же он мог сделать хорошего, если он их не трогает?» — спросил я.

«Деньги ему купили самую красивую жену во всей Англии. Вот вам и вышло хорошее. Только она думала, что будет их мотать, а дело-то повернулось совсем иначе».

«Кто она была раньше?» — спросил я для того, чтобы просто что-нибудь сказать.

«Раньше она была как есть ничто, пока старый лорд не сделал ее своею леди. Приехала она из Лондона, и говорили, что раньше была там в каком-то театре, только подлинно-то никто этого не знает. Старый лорд целый год был в отъезде, а когда вернулся, так с ним приехала и молодая жена. С тех пор она тут и живет. Стефан, старый дворецкий, рассказывал, что в доме-то она первое время была словно огонек. Но от грубости мужа, от постоянного одиночества, — он терпеть не может ника-

ких гостей, — да от его язвительности — язык-то у него словно у шершня жало, — вся жизнь из нее теперь ушла; стала она бледная да молчаливая; бродит бедняга по парку одна-одинешенька. Говорят тоже, что она другого любила и только на богатство польстилась; а теперь вот и сокрушается, что возлюбленного она потеряла да и богатства не приобрела».

Вы представляете себе, как мало было для меня интересно слушать про ссоры лорда со своею леди. Какое мне было дело, если она ненавидела звук его голоса, а он, чтобы досадить ей, обвинял ее во всяких низостях и говорил с ней так, как не стал бы говорить и со своими слугами. Хозяин все это мне рассказал да много еще и другого такого же, о чем я теперь уж не помню; не мое это было дело. А вот о чем я хотел услышать, так это где и как лорд Маннеринг держит свои деньги. Акции да текущие счета — ведь это только одна бумага, с которой больше беды, чем пользы. Вот золото да камни драгоценные — из-за этих можно пойти на риск. И, словно отвечая на мои тайные мысли, хозяин начал рассказывать, что у Маннеринга есть целое собрание золотых медалей, самое дорогое на всем свете, и что если бы все эти медали в мешок положить, так самый сильный во всей округе человек не смог бы их поднять. Тут позвала его жена, и оба мы пошли спать.

Не в оправдание себе, сударь, скажу, а для того только, чтобы вы заметили, как жестоко для меня было искушение. Полагаю, что редкий бы на моем месте против него устоял. Лежал на кровати человек без всякой надежды, без работы и с одним последним шиллингом в кармане. Пытался он быть честным, но честные люди поворачивались к нему спиною. Упрекали его в воровстве и сами же толкали его на воровство. Сбит человек с ног потоком, несет его водою, и не выплыть ему оттуда.

А тут этакий случай: большущий дом; окон в нем сколько хочешь, — в любое полезай; золотые медали, которые так легко переплавить. Это все равно, что положить перед голодным булку и надеяться, что он ее не съест.

Наконец, я поднялся, сел на край постели и дал клятву, что сегодня же буду богатым и навсегда оставляю преступления, или сегодня же снова попаду в кандалы.

Потихоньку одевшись и положив шиллинг на стол, — хозяин был ласков, и его обманывать я не хотел, — вылез я через окно в сад при гостинице.

Вокруг сада был высокий забор, и пришлось еще через него перелезть, а дальше никакой помехи уже не было. По дороге я никого не встретил, и железные ворота парка оказались не запертыми. В доме было совсем тихо. Светил месяц, и белые стены были ясно видны в конце аллеи. С четверть версты я прошел, пока добрался до широкой, усыпанной песком площадки перед крыльцом. Тут я остановился в тени и смотрел на длинное здание; все его окна блестели под светом месяца, и ясно был виден высокий каменный фасад. Припав к земле, я высматривал, где бы легче было пробраться внутрь. Угловое окно казалось самым подходящим местом, так как вокруг него рос густой плющ. Под деревьями обошел я на заднюю сторону дома и стал прокрадываться в тени стены. Залаяла собака и зазвонила своей цепью; но я выждал, пока она успокоилась, и снова пополз вперед к намеченному окну.

Удивительно, как неосторожны бывают люди, жившие в деревнях, подальше от городов. Им, кажется, никогда и в голову не приходит, что их могут ограбить. Без всякого злого умысла возьмешься за дверную ручку, а дверь — то перед тобой и открывается. Так неосторожно жить, по моему, — это значит ставить искушения на пути бедного человека. На этот раз не так уж оно было скверно; а все-таки вышло, что окно заперто на одну только задвижку, которую я легко отодвинул ножом. Приоткрыв раму, просунул нож и толкнул ставню. Ставни оказались створчатые и заперты не были. Распахнув их, я влез в комнату.

«Добрый вечер! Очень приятно вас видеть!» — сказал какой-то голос.

Бывали разные случаи в моей жизни, но такого никогда еще не было. Прямо перед распахнувшейся ставней всего шагах в двух от меня стояла женщина с зажженной восковой свечкой в руке. Высокого роста, тонкая, стройная, с красивым лицом, но такая бледная, что ее можно было принять за мраморную; только волосы и глаза были черны как ночь. На ней было длинное белое платье, не то халат какой-то; и с ее бледным лицом да в этом платье она стояла передо мною, словно привидение. Колена у меня подогнулись от страха, и я должен был схватиться за ставню, чтобы удержаться на ногах. Если бы у меня хватило силы, так я бы повернулся да и утек прочь, но я только и мог стоять да смотреть на нее.

Однако она меня скоро привела в чувство.

«Не бойтесь! — сказала она; и чудно это было, как хозяйка дома говорит такие слова разбойнику. — Я видела вас в окно из спальни, когда вы прятались вон там под деревьями, и потому сошла сюда вниз и услышала, что вы здесь под окном. Если бы вы подождали, я бы вам отворила, но вы уже сами успели справиться».

В руке у меня еще был длинный складной ножик, которым я отпирал задвижку. Я был небрит и грязен после долгого скитанья по дорогам. Вообще вряд ли бы многим пришла охота встретиться со мною с глазу на глаз, хотя бы и среди бела дня. А эта женщина смотрела на меня так приветливо, точно я был ее любовник, пришедший на условное свидание. Взяв меня за рукав, она потянула меня в глубь комнаты.

«Что это значит, барыня? Вы со мной не больно шутите, — сказал я самым грубым голосом, — а мне его не занимать. — Если вы надо мной какую-нибудь шутку сыграть хотите, так вам первой худо будет», — добавил я, показывая нож.

«Шутить над вами я не стану. Напротив, я ваш друг и хочу вам помочь».

«Извините, барыня. Поверить вам для меня трудно. С чего бы это вдруг вы захотели мне помогать?»

«У меня есть на то свои причины, — сказала она. И потом вдруг, засверкав своими черными глазами, — потому, — говорит, — что я его ненавижу, ненавижу! Да, ненавижу! Теперь понял?»

Вспомнилось мне, что в гостинице хозяин рассказывал, и я понял. Взглянул я в лицо их светлости и увидал, что поверить им можно. Хотелось барыне отплатить своему мужу; хотелось по самому больному месту ударить, — значит, по карману. Так хотелось ей отомстить, что не стыдно было ей даже настолько унизиться и со мной в компанию войти, лишь бы только свое желание-то исполнить. Были и у меня неприятели, и я тоже кое-кого ненавидел, но, кажись, даже и не понимал, какова бывает настоящая ненависть, пока не увидал лицо этой барыни, освещенное восковой свечечкой.

«Теперь вы мне поверите?» — спросила она, снова ласково трогая меня за рукав.

«Точно так, ваша светлость!»

«Вы меня разве знаете?»

«Могу догадаться, кто вы есть».

«Да, о моей несчастной жизни уж, кажется, по всему графству идут разговоры. Только его одного это ни-сколько не заботит. На всем свете его заботит только одна вещь, и ее вы сегодня получите от него. Есть с вами мешок?»

«Нет, ваша светлость».

«Затворите ставни. Тогда никто не увидит света. Теперь вы в полной безопасности. Все слуги спят в другом флигеле. Я могу показать вам, где лежат самые драгоценные вещи. Всего вам не унести, а потому надо выбирать самое лучшее».

Комната, где я оказался, была длинная и низкая; по паркетному полу были разостланы ковры и шкуры. В разных местах стояли маленькие ящики, а по стенам висели копья, мечи и разные такие штуки, которые в музеях складывают. Были еще разные чудные одежды, привезенные из диких стран, и среди них леди нашла большой кожаный мешок.

«Спальный мешок годится, — сказала она. — Теперь идите за мною, и я покажу, где лежат медали».

Как подумаешь, так словно это все во сне было: вы-сокая, бледная хозяйка ведет меня, ночного громилу, гра-бить ее собственный дом. Так бы, кажется, и приснул со смеха от этакой диковины; только в лице у барыни было что-то такое, от чего у меня смех пропал.

Точно дух, скользила она передо мною, с зеленой вос-ковой свечкой в руках; а я шел позади с мешком. Так мы дошли до конца комнаты. Дверь была заперта, но ключ был тут же, и она провела меня дальше. Следующая ком-ната была небольшая и вся обвешана занавесками с кар-тинами. Вспоминается мне, что там была нарисована охо-та на оленя и, как свечка-то мелькала, так оно выходи-ло, словно и лошади и собаки скачут вокруг по стенам. Кроме того, был в этой комнате только целый ряд оре-ховых ящиков с медной отделкой. Крышки на них были стеклянные; и увидел я под стеклом те самые золотые медали; лежат они на красном бархате, рядами, блестят и переливаются. И некоторые из них такие большущие — с тарелку и толщиной чуть не вполдвойма. Пальцы-то у ме-ня так и зачесались, и сейчас это я ножом под крышку.

«Погодите, — сказала она, задержав мою руку. — Вы можете достать кое-что лучшее».

«С меня и этого предовольно, сударыня. Дай бог вашей светлости за доброту за вашу»...

«Вы можете получить лучшее, — повторила она. — Разве золотые монеты стоят меньше, чем эти вещи?»

«Деньги-то, известно, лучше всего бы!»

«Так вот. Он спит как раз над нами. Нужно только подняться по лестнице. Там под его кроватью стоит ящик, и в нем столько золотых денег, что ими можно наполнить весь этот мешок».

«А как я их достану, не разбудив его?»

«Что же за беда, если он проснется! — Говоря это, она посмотрела на меня в упор. — Вы можете помешать ему крикнуть».

«Нет! Нет, сударыня, этого я не могу».

«Ну, как хотите. Судя по вашей наружности, я приняла вас за человека с твердой душой; теперь я вижу, что ошиблась. Если вы боитесь одного старика, то, конечно, вам не достать денег из-под его кровати. Вы, разумеется, лучше можете судить о своих делах, только мне кажется, что вам следовало бы выбрать для себя другое ремесло».

«Не хочу я брать убийства на свою душу».

«Вы могли бы справиться с ним, и не делая ему большого вреда. Я ни слова не говорила вам об убийстве. Деньги лежат под кроватью. Но если у вас слабое сердце, то лучше вам и не пытаться».

Так старалась она меня обработать, то соблазняя деньгами, то подсмеиваясь над моей трусостью. Наверное, я уступил бы и попытал счастья наверху; да только взглянул я ей в глаза и увидал, с какой злостью, с какой хитростью смотрит она мне в душу. И ясно мне стало, что нужен я ей для страшной мести и что не даст она мне другого исхода, как только или прикончить старика, или самому попасться. Вдруг и она почувствовала, что выдаёт себя. Мигом переменила она лицо и ласково мне улыбнулась. Но было слишком поздно: я уж видел, чего мне надо опасаться.

«Наверх я не пойду, — сказал я. — Все, что мне нужно, и тут есть».

Презрительно она на меня взглянула, а потом так-то просто, как ни в чем не бывало, и говорит:

«Очень хорошо. Можете взять эти медали. Я буду рада, если вы начнете с этого конца. Если их переплавить, то ведь цена им всем, вероятно, будет одинаковая. Но здесь

лежат самые редкие, а потому и самые для него дорогие. Нет надобности ломать замков: если нажмете вот эту медную пуговку, то под ней окажется секретный механизм. Вот так! Возьмите сперва вот эту маленькую; она для него дороже зеницы ока».

Один ящик был уже открыт, и медальки сверкали передо мною. Я уж взял было ту, на которую она указала, как вдруг она переменилась в лице, подняла палец и шепнула:

«Тсс! Что это?»

Где-то далеко в доме слышен был легкий шум, точно кто-то шел, волоча ноги. В одну минуту она прикрыла и заперла ящик.

«Это мой муж! — шептала она. — Ничего, не тревожьтесь. Я сейчас устрою. Сюда! Живо, за шпалеры!» Она толкнула меня за раскрашенную занавеску на стене. Пустой мешок был у меня в руках. Взяв свечку, она быстро пошла в ту комнату, откуда мы раньше выходили. Со своего места я видел ее через отворенную дверь.

«Это вы, Роберт?» — крикнула она.

В конце длинной комнаты, за второй дверью, показался свет, который становился все ярче. Потом увидел я в двери лицо, большое и толстое, все в морщинах, с золотыми очками на большом горбатом носу. Чтобы лучше видеть в очки, человек этот откинул голову назад, так что нос его торчал, словно у какой-то птицы. Росту он был высокого и толстый, да халат на нем был широкий; как встал он в двери, так почти всю ее загородил. Волосы на голове были седые, курчавые, а лицо все выбрито. Губы небольшие, тонкие; мало их и видеть под таким-то носом.

Он стоял там со свечою и злобно, подозрительно глядел на жену. По одному этому взгляду было видно, что он любит ее не меньше, чем она его.

«Что там такое? — спросил он. — Еще новые капризы? Зачем вы бродите по комнатам? Отчего не ложитесь спать?»

«Я не могла заснуть», — ответила она ленивым, усталым голосом. Если была она актрисой, так, видно, не забыла еще своей науки.

«Я позволил бы себе заметить, — отвечал он с язвительной вежливостью, — что чистая совесть есть лучшая помощница сна».

«Это неправда, потому что вы-то спите очень хорошо».

«В моей жизни есть только одно обстоятельство, за которое мог бы себя упрекнуть, — сказал он, и его волосы как-то сердито нахохлились, точно перья у старого попугая. — Вы сами отлично знаете, что это такое. Моя ошибка повлекла за собою и соответствующее наказание».

«Для меня так же, как и для вас. Не забывайте этого».

«Вам-то нет причины жаловаться. Я пал, а вы возвысились».

«Возвысилась?»

«Конечно. Полагаю, вы не станете отрицать, что переменить кафе шантан на замок Маннерингов — немалый шаг вперед. Глуп я был, что извлек вас из свойственной вам сферы».

«Если вы так думаете, то почему на разведетесь?»

«Потому что скрытое несчастье лучше общественного унижения. Потому что легче страдать от своей ошибки, чем признаться в ней. А также и потому, что мне нравится держать вас у себя перед глазами и знать, что вы не можете вернуться к нему».

«Вы злодей. Вы гадкий злодей!»

«Так, так, сударыня! Я знаю ваше тайное желание, только, пока я жив, оно не исполнится. А уж если суждено тому быть после моей смерти, то, во всяком случае, я со своей стороны приму все меры, чтобы вы вернулись к нему не иначе как нищей. Вы и ваш милый Эдуард никогда не будете иметь удовольствия проматывать мои сбережения. В этом, сударыня, вы можете быть вполне уверены! Почему это окно и ставни открыты?»

«Ночь слишком душная».

«Это небезопасно. Почему вы знаете, что тут поблизости нет какого-нибудь бродяги. Разве вам неизвестно, что моя коллекция медалей — самая дорогая во всем мире? Вы и дверь не закрыли тоже. Так очень легко могут обокрасть мои ящики».

«Ведь я же тут была».

«Я знаю, что вы были; я слышал, как вы ходили в медальной комнате, а потому и спустился вниз. Что вы там делали?»

«Рассматривала медали».

«Эта любознательность есть нечто для меня новое». — Он посмотрел на нее подозрительно и пошел в следующую комнату.

Она шла рядом с ним.

В это время увидел я такое, что меня поразило. Ножик мой складной остался на крышке одного из ящиков и лежал как раз на виду. Она заметила это раньше его и с женской хитростью протянула свою свечу так, что свет пришелся между ножом и глазами лорда Маннеринга. Левой рукой взяла она нож и спрятала в складках платья. Старик переходил от одного ящика к другому (была одна минута, когда я мог схватить его за ногу), но не было никаких следов, что медали кто-нибудь трогал. Продолжая ворчать и брюзжать, он опять уполз в другую комнату.

Теперь я должен рассказать о том, что я скорее слышал, чем видел. Но клянусь вам Создателем, что говорить буду истинную правду.

Когда они вышли в другую комнату, я видел, как он поставил свечу на угол стола, а сам сел, но так, что мне уж его не было видно. Она ходила сзади него; думаю, это потому, что большая широкая тень ее двигалась по полу перед ним; значит, свечка, с которой она ходила, была за его спиной.

Опять начал он говорить о том человеке, которого называл Эдуардом, и каждое его слово было словно едкая капля купоросного масла. Говорил он тихо, и я не мог всего расслышать, но некоторые слова до меня доходили, и, должно быть, они ее как плетью хлестали. Сперва она горячо ему отвечала, потом смолкла. А он тем же спокойным, насмешливым голосом все тянул свою песню, подраживая, оскорбляя и терзая свою жену. И даже удивительно было мне, как это она могла молча его слушать.

Вдруг слышу я, он этак резко говорит:

«Не стойте за моей спиной! Пустите воротник! Что? Смеете вы меня ударить?»

Был тут какой-то звук вроде мягкого удара, и слышу, он кричит:

«Боже мой, это кровь!»

Зашаркал он ногами, как будто хотел встать. А тут другой удар и опять его крик:

«А, чертовка!»

И затих. Только на пол что-то капало до шлепало.

Выскочил я из своей щели и кинулся в другую комнату, а самого так и трясет от страха.

Старик как-то провалился в кресле; халат его сбился кверху, точно у него на спине огромный горб вырос, голова с золотыми очками, которые все еще на носу сидели, наклонилась набок, а рот открыт, словно у мертвой рыбы. Я не видел, откуда шла кровь, но слышал, как она еще капала на пол.

За спиной старика стояла она, и свет падал прямо ей в лицо. Губы были сжаты, глаза сверкали, и на щеках даже краска появилась. Только этого-то как раз ей и не хватало, чтобы стать самой красивой из всех барынь, каких мне только на своем веку видеть приходилось.

«Покончили с ним?» — спросил я.

«Да, — ответила она совсем спокойно, — теперь я с этим покончила».

«Что вы будете делать? Ведь вас осудят за убийство, это уж наверняка».

«За меня не беспокойтесь. Мне незачем жить и не все ли мне равно! Помогите мне посадить его в кресле прямо. Очень уж страшно видеть его в таком положении».

Так я и сделал, хоть и похолодел весь, как до него дотронулся. На руку мне попала кровь, и жутко мне от нее стало.

«Теперь, — сказала она, — вы можете владеть этими медалями, как всякий другой. Берите их и уходите».

«Не надо мне их! Только бы мне отсюда выбраться поскорее. Никогда я еще в такие дела не попадал».

«Вздор! — сказала она. — Вы пришли сюда за медалями, и вот они в вашем распоряжении. Почему вам их не взять? Никто ведь вам не мешает».

Мешок еще был у меня в руке. Она открыла ящик, и мы живо вместе набросали в мешок штук сотню. Все они были из одного ящика; но ждать других я уж был не в силах и бросился к окошку. После всего, что я в этом доме видел и слышал, мне казалось, что и воздух-то в нем какой-то отравленный. Глянул я назад, смотрю, стоит она — высокая, стройная, точно такая же, как в первый раз я ее увидал. Махнула она мне приветливо рукой, я ей тоже — и выпрыгнул в окно на песчаную дорожку.

Благодарю Бога, что, положив руку на сердце, могу считать себя невиновным в убийстве; но если бы я умел читать в сердце и в мыслях этой женщины, то, пожалуй, было бы иначе. Если бы я понимал, что было спрятано за ее последней улыбкой, то в доме вместо одного трупа наверное осталось два. Но в ту пору у меня в мыслях

только и было, как бы поскорее удрать, да подальше. А что она мне петлю на шею надевает, — этого мне и в голову не приходило. Не успел я и пяти шагов отойти от дома по знакомой дорожке, как вдруг слышу крик, да какой! Кажется, весь приход от него проснуться мог.

Да еще, да еще!

«Разбойники! — кричит. — Убийцы! Убийцы! Помогите!»

В тихую-то ночь эти крики летели, летели и звонко разносились по всей округе. Визгом этим ужасным мне голову так и просверлило. Мигом замелькали огни, начали хлопать окна и не только в доме, что был позади, но и в службах, и на конном дворе, которые были передо мною. Как пуганный заяц, пустился я наутек по аллее, но не успел еще добежать до ворот, — слышу там стук: их кто-то запирает. Сунув мешок с медалями под кучу хвороста, попробовал я бежать через парк; но кто-то увидел меня при свете месяца, и человек шесть погнались за мною, да еще собак пустили. Залез я под терновник, скорчился там и лег, но собаки проклятые и там достали; даже и ряд был, когда набежали люди и помешали в клочки меня разорвать.

Конечно, меня схватили и потащили назад в ту комнату, откуда я только что ушел.

«Не этот ли, ваша светлость?» — спросил старший, как потом оказалось, дворецкий.

Она сидела, наклонясь над трупом и прижав платок к глазам. Обернувшись она на меня и лицо сделала, что твоя ведьма. Эх, да и ловкая же актриса была эта барыня!

«Да, да! Этот самый! — закричала она. — О, злодей, жестокий злодей! Так поступить с бедным стариком!»

Был там один человек, похожий на полицейского стражника. Он положил руку мне на плечо и спросил меня: «Что на это скажете?»

«Не я это сделал, а она сама!» — крикнул я, показывая на женщину, которая смотрела прямо на меня, и хоть бы что! И глаз не опускала.

«Ну, ну! Попробуйте соврать что-нибудь поскладнее», — сказал полицейский, а один из слуг треснул меня кулаком.

«Говорю вам, что я видел, как она это сделала. Она два раза ударила его ножом. Сперва она помогла мне его обокрасть, а потом его убила».

Лакей хотел ударить меня снова, но она подняла руку: «Не трогайте его! Закон и без нас его накажет».

«Я приму меры, ваша светлость! — сказал полицейский. — Ваша светлость изволили видеть, как было совершено преступление?»

«Да, да! Видела своими глазами. Это было ужасно! Мы услышали шум и спустились вниз. Бедный муж мой шел впереди. Этот человек стоял у открытого ящика и, держа в руках черный кожаный мешок, бросал туда медали. Он бросился бежать мимо нас, а муж его схватил. Произошла борьба, и он дважды ударил мужа ножом. Вот, видите, у него кровь на руках. Если я не ошибаюсь, нож так и остался в теле лорда Маннеринга».

«Да взгляните вы на кровь на ее-то руках», — сказал я.

«Она держала голову его светлости, негодяй ты этакий!» — крикнул дворецкий.

«А вот и тот самый мешок, о котором ее светлость говорила, — сказал полицейский, увидав, как конюший мальчишка втащил мешок, брошенный мною при бегстве. — Тут и медали в нем есть. Этого для меня достаточно! Ночью мы его здесь будем караулить, а утром с надсмотрщиком свезем в Солсбери».

«Бедный! — сказала женщина, — я со своей стороны прощаю ему вину, которую он совершил против меня. Как знать, что довело его до преступления. Совесть и закон покарают его достаточно; и ни единым своим упреком я не хочу отягчать горькую его участь».

Я ничего и сказать не мог. Поверьте, господин, так-таки ни слова больше сказать не мог. До того меня пришибла самоуверенность этой женщины. А по молчанию моему, конечно, люди поверили, что она и правду говорит. Дворецкий да полицейский уволокли меня в погреб и заперли там на ночь.

Так вот, сударь, рассказал я вам доподлинно всю историю, как в ночь на 14 сентября 1894 года лорд Маннеринг был убит своей женой. Быть может, вы не пожелаете и внимания обратить на мои слова, как то уже сделали сперва полицейский, а потом судья. А быть может, вы найдете в них кое-что похожее на правду, произведете дознание и навеки приобретете себе славу человека, который не боится личных неприятностей, лишь бы только правосудие восторжествовало. На вас одного вся моя надежда, сударь. Если снимете вы с меня клеймо

убийцы, буду я вам предан так, как никогда один человек другому предан не был. А если вы меня покинете, так вот клянусь вам спасением души своей, что через месяц от сего числа повешусь я на оконной решетке своей камеры, и если только мертвецы могут возвращаться на землю, буду приходить я к вам каждую ночь, и не найдете вы покоя во сне.

О чем я вас прошу, — совсем простое дело. Наведите справки об этой женщине, последите за ней, узнайте о ее прошлом, развейдите, как она распоряжается деньгами, которые ей достались, и нет ли там Эдуарда, о котором я поминал. Если из всего этого вы узнаете, какова она на самом деле есть, или увидите, что история, которую я вам рассказал, чем-нибудь подтверждается, то я уверен, что ваше доброе сердце не позволит оставить меня без внимания. Я знаю, вы тогда придете и спасете невинного человека.

Иудейский наперсник

Мой ученый друг Уорд Мортимер был известен как один из лучших специалистов своего времени в области археологии Ближнего Востока. Он написал немало трудов на эту тему, два года провел в гробнице в Фивах, когда производил раскопки в Долине Царей, и, наконец, сделал сенсационное открытие, раскопав предполагаемую мумию Клеопатры во внутренней усыпальнице храма бога Гора на острове Филе. Ему, сделавшему себе к тридцати одному году имя в науке, прочили большую карьеру, и никого не удивило, когда он был выбран хранителем музея на Белмор-стрит. Вместе с этой должностью он получал место лектора в Колледже ориенталистики и доход, который снизился с общим ухудшением дел в стране, но тем не менее по-прежнему представляет собой идеальную сумму — большую настолько, чтобы служить стимулом для исследователя, но не настолько, чтобы размагнитить его.

Лишь одно обстоятельство делало положение Уорда Мортимера в музее на Белмор-стрит немного щекотливым — исключительно высокая научная репутация его предшественника. Профессор Андреас был серьезным ученым с европейским именем. Его лекции слушали студенты со всех концов света, а образцовый порядок, в котором он содержал музейную коллекцию, доверенную его заботам, стал притчей во языцех в ученых кругах.

Поэтому, когда он в возрасте пятидесяти пяти лет неожиданно отказался от своей должности и сложил с себя обязанности, которые были для него и отрадой, и средством к существованию, его решение вызвало немалое удивление. Он с дочерью съехал с удобной квартиры при музее, предназначенной для хранителя, и в ней поселился мой неженатый друг Мортимер.

Узнав о назначении Мортимера, профессор Андреас написал ему очень любезное и лестное поздравительное письмо. Я присутствовал при их первой встрече и вместе с Мортимером совершал обход музея в тот раз, когда профессор показывал нам восхитительную коллекцию, которую он столько лет лелеял. В этом осмотре нас сопровождали дочь профессора, настоящая красавица, и молодой человек, капитан Уилсон, который, как я понял, должен был вскоре стать ее мужем. Всего в музее имелось пятнадцать залов, но лучше всех были Вавилонский, Сирийский и Центральный зал, в котором хранились иудейские и египетские древности. Профессор Андреас, спокойный, суховатый пожилой человек с чисто выбритым лицом, держался бесстрастно, но его черные глаза начинали сверкать, а на лице появлялось восторженное выражение, когда он показывал нам особенно прекрасные и редкостные экспонаты. Его рука с такой любовью задерживалась на них, что сразу было видно, как он гордится ими и как горюет теперь в глубине души, передавая их на попечение другому человеку.

Он поочередно демонстрировал нам мумии, папирусы, редкие изображения священных скарабеев, резные надписи, иудейские древности и копию знаменитого светильника о семи ветвях из иерусалимского храма, который был доставлен Титом в Рим и который покоится сейчас, как полагают некоторые, на дне Тибра. Затем профессор Андреас подошел к витрине, расположенной в самом центре зала, и склонился над стеклом в благоговейной позе.

— Для такого знатока, как вы, мистер Мортимер, тут нет ничего нового, — сказал он, — но, полагаю, вашему другу мистеру Джексону будет интересно взглянуть вот на это.

Нагнувшись над витриной, я увидел небольшой прямоугольный предмет: двенадцать драгоценных камней в золотой оправе с двумя золотыми крючками на углах. Все

камни были разные и разного цвета, но одинаковой величины. По форме, порядку расположения и последовательности тонов эти камни чем-то напоминали коробку акварельных красок. На поверхности каждого камня имелаь какая-то иероглифическая надпись.

— Известно вам, мистер Джексон, что значит урим и туммим?

Название было мне знакомо, но я очень смутно представлял, что это такое.

— Урим и туммим, или наперсник, — это украшенная драгоценными камнями пластинка, которую носил на груди иудейский первосвященник. Иудеи относились к этой святыне с величайшим почтением — подобное же почтение мог питать древний римлянин к «сивиллиным книгам» в Капитолии. Как видите, здесь двенадцать великолепных камней с вырезанными на них тайными знаками. Начиная с левого угла верхнего ряда, камни идут в таком порядке: сердолик, хризолит, изумруд, рубин, лазурит, оникс, сапфир, агат, аметист, топаз, аквамарин и яшма.

Я был поражен разнообразием и красотой драгоценных камней.

— Известна ли история этого наперсника? — спросил я.

— Он очень древний, и ему нет цены, — ответил профессор Андреас. — Хотя нельзя утверждать наверняка, есть много оснований считать, что это подлинный урим и туммим из иерусалимского храма, построенного Соломоном. Ни в одной европейской коллекции нет подобного сокровища. Мой друг капитан Уилсон специалист-практик по драгоценным камням, и он подтвердит, какой чистой воды эти камни.

Капитан Уилсон, мужчина со смутлым, резко очерченным лицом, стоял рядом со своей невестой по другую сторону витрины.

— Да, — коротко сказал он. — Лучших камней я не видал. А посмотрите, какая ювелирная работа! Древние достигли совершенства в искусстве... — Наверное, он хотел обратить мое внимание на отделку камней, но тут его перебил капитан Уилсон.

— Еще лучший образчик их ювелирного искусства — вот этот светильник, — проговорил он, поворачиваясь к

другой витрине, и все мы разделили его восхищение резным стеблем светильника и изящно украшенными ветвями. Профессор Андреас повел нас дальше, и я с интересом непосвященного слушал пояснения этого великого знатока, рассказывающего о музейных редкостях; когда же наконец он по завершении экскурсии официально препоручил эту бесценную коллекцию заботам моего друга, я невольно пожалел профессора и позавидовал его преемнику, чья жизнь станет проходить в отпущении столь приятных обязанностей. Вскоре Уорд Мортимер удобно устроился в своей новой квартире и стал полновластным хозяином музея на Белмор-стрит.

А недели через две мой друг устроил по случаю своего назначения небольшой обед в круту нескольких приятелей-холостяков. Когда гости расходились, он потянул меня за рукав и сделал знак, чтобы я задержался.

— Вы живете в двух шагах отсюда, — сказал он. (Я жил тогда в меблированных комнатах в Олбани, этом знаменитом доме на Пиккадили.)

— Останьтесь, выкурите со мной в тишине сигару. Мне очень нужно посоветоваться с вами.

Я погрузился в кресло и раскурил ароматную «матро-ну». Проводив последнего из своих друзей, он вернулся, сел в кресло напротив и достал из кармана домашней куртки какое-то письмо.

— Это анонимное письмо я получил сегодня утром, — начал он. — Я хочу прочесть его вам и получить от вас совет.

— Охотно его дам, если только он чего-нибудь будет стоить.

— Так вот, там написано следующее: «Милостивый государь, я бы настоятельно рекомендовал вам самым внимательным образом следить за многочисленными ценностями, доверенными вашему попечению. Я полагаю, что существующая ныне система охраны с одним-единственным ночным сторожем недостаточна. Примите меры предосторожности, пока не произошло непоправимое несчастье».

— Это все?

— Да, все.

— Ну что ж, — сказал я, — во всяком случае, очевидно, что письмо написал человек, которому известно, что

ночью музей охраняет только один сторож, а знают об этом немногие.

Уорд Мортимер с загадочной улыбкой протянул мне письмо.

— Вы знаете толк в почерках? — спросил он. — Вот взгляните на это! — Он выложил на столик передо мной еще одно письмо. Сравните хвостик у «д» в словах «поздравляю» и «доверенными». И написание заглавного «Я», а так же эти точки, больше похожие на черточку, в обоих письмах!

Оба, безусловно, написаны одной рукой — правда, в первом автор пытался изменить почерк.

— А второе, — сказал Уорд Мортимер, — это поздравительное письмо, которое написал мне профессор Андреас по случаю моего назначения на должность хранителя.

Я удивленно уставился на него. Затем перевернул страницу — и точно, в конце письма стояла подпись «Мартин Андреас». Для человека, хоть мало-мальски знакомого с графологией, не могло быть никакого сомнения в том, что профессор написал своему преемнику анонимное письмо, предостерегая его от грабителей. Это было непонятно, но факт оставался фактом.

— Зачем понадобилось ему это делать? — спросил я.

— Именно этот вопрос я хотел задать вам. Раз у него появились такие опасения, почему бы ему не прийти и не высказать мне их прямо?

— Вы поговорите с ним?

— Просто не знаю, как быть. А вдруг он станет отрицать, что написал это?

— Как бы то ни было, — сказал я, — предостережение сделано в дружеском духе, и я бы на вашем месте обязательно принял его к сведению. Достаточно ли надежны теперешние меры предосторожности? Гарантируют ли они от ограбления?

— Думаю, что да. Публика допускается только с десяти до пяти, и на каждые два зала приходится по смотрителю. Они стоят в дверях между залами и держат в поле зрения все их пространство.

— А ночью?

— Как только уходят посетители, мы тотчас же закрываем большие железные ставни, которые не сможет взломать никакой грабитель. У нас опытный и добросо-

вестный ночной сторож. Он сидит в караульной, но каждые три часа совершает обход. В каждом зале оставляет включенной на всю ночь одна электрическая лампочка.

— Не представляю, что бы можно было предпринять еще, разве что оставлять на ночь ваших дневных стражей.

— Это нам не по средствам.

— Во всяком случае, я бы обратился в полицию — пусть они поставят полицейского снаружи, на Белмор-стрит, — заметил я. — Что до письма, то я считаю так: раз автор пожелал остаться неизвестным, это его право. Может быть, в будущем разъяснится, почему он избрал столь странный образ действий.

На том наш разговор и закончился, но, вернувшись домой, я всю ночь ломал голову, пытаюсь разгадать мотивы, побудившие профессора Андреаса написать своему преемнику анонимное письмо с предостережением, а в том, что письмо написал он, я был уверен так же, как если бы застал его за этим занятием. Он явно предвидел какую-то опасность для музейной коллекции. Не из-за этого ли он и отказался от должности хранителя? Но если так, почему он не решился предупредить Мортимера лично? Тщетно искал я ответа на эти вопросы, пока наконец не погрузился в тревожный сон.

Проснулся я позже обычного, разбуженный весьма необычным и энергичным способом: часов в девять утра в спальню ворвался мой друг Мортимер с выражением ужаса на лице. Обычно он являл собой образец аккуратности, но сейчас воротник у этого аккуратиста загнулся, галстук выехал наружу, а шляпа сидела на затылке. Я все понял по его безумным глазам.

— Ограблен музей?! — воскликнул я, рывком приподнимаясь в постели.

— Боюсь, что да! Те драгоценные камни! Урим и тумим! — Он проделал весь путь бегом и теперь не мог перевести дух. — Я иду в полицейский участок. Как можно скорее, Джексон, приходите в музей! Пока! — Он как угорелый выскочил из комнаты, и я услышал, как загромыхали его башмаки вниз по лестнице.

Я не заставил себя долго ждать, но по прибытии увидел, что он уже вернулся с полицейским инспектором и еще с одним пожилым джентльменом — мистером Первисом, одним из партнеров известной ювелирной фирмы

«Морсон и компания». Как специалист по драгоценным камням, он всегда был готов проконсультировать полицию. Они сгрудились вокруг витрины, в которой экспонировался наперсник иудейского первосвященника. Сам наперсник был вынут и положен сверху на витринное стекло, и три головы склонились над ним.

— Вне всякого сомнения, кто-то приложил к нему руку, — говорил Мортимер. — Мне это сразу бросилось в глаза, когда я проходил сегодня утром по залу. Я осматривал наперсник вчера вечером, так что это наверняка произошло в течение ночи.

Сомнений и впрямь быть не могло: кто-то явно поработал над наперсником. Оправы четырех камней верхнего ряда — сердолика, хризолита, изумруда и рубина — были шероховаты и зазубрены, как будто кто-то скоблил их. Камни остались в своих гнездах, но прекрасная ювелирная отделка, которой мы восхищались совсем недавно, была грубо повреждена.

— Сдается мне, кто-то пытался выковырять камни, — предположил полицейский инспектор.

— Боюсь, не только пытался, но и преуспел, — сказал Мортимер. — Думается мне, эти четыре камня — искусная подделка. На место подлинных камней вставлены фальшивые.

Очевидно, эта же мысль пришла в голову и эксперту-ювелиру, так как он внимательно рассматривал камни через лупу. Затем он подверг их нескольким испытаниям и наконец с довольным видом повернулся к Мортимеру.

— Могу вас поздравить, сэр, — с искренней радостью сказал он. — Я ручаюсь своей репутацией, что все четыре камня подлинные и удивительной чистоты.

Испутанное лицо моего бедного друга просветлело, и из его груди вырвался глубокий вздох облегчения.

— Слава богу! — воскликнул он. — Только непонятно, что же тогда было нужно вору?

— Вероятно, он хотел взять камни, но ему помешали.

— В этом случае логичнее предположить, что он вынимал бы их по одному, но все камни здесь, хотя оправа отогнута и их легко было вынуть из гнезда.

— Да, все это в высшей степени странно, — произнес инспектор. — Никогда не слышал ни о чем подобном. Давайте теперь допросим сторожа.

Позвали сторожа, мужчину с солдатской выправкой и честным лицом, которого этот случай, похоже, обеспокоил не меньше, чем Уорда Мортимера.

— Нет, сэр, я не слышал ни одного звука, — ответил он на вопрос инспектора. — Как всегда, я четыре раза обошел залы, но не заметил ничего подозрительного. Вот уже десять лет, как я тут работаю, но ничего такого раньше не случалось.

— Через окно вор не мог залезть?

— Никак не мог, сэр.

— А проскользнуть мимо вас в дверь?

— Нет, сэр; я покидал свой пост у входа, только когда совершал обход.

— Каким еще путем можно попасть в музей?

— Через дверь из квартиры мистера Уорда Мортимера.

— Ночью эта дверь заперта, — пояснил мой друг. — И прежде чем добраться до нее, злоумышленник должен был бы также проникнуть с улицы через входную дверь ко мне в квартиру.

— Как насчет ваших слуг?

— У них совершенно отдельное помещение.

— Так, так, — заключил инспектор, — дело очень темное. Однако же, уверяет мистер Первис, похищения не было.

— Я готов поклясться, что эти камни — подлинные.

— Итак, дело, похоже, сводится к злоумышленному причинению вреда. Тем не менее я бы очень хотел обследовать здесь все помещения и посмотреть, не оставил ли ваш ночной посетитель каких-нибудь следов.

Его расследование, весьма тщательное и умелое, продолжалось все утро, но в конечном счете так ничего и не дало. Он обратил внимание на то, что в залы можно проникнуть еще двумя способами, не принятыми нами в расчет: из подвала через люк в коридоре и из чулана наверху через световое окно в потолке того самого зала, где орудовал незванный гость. Поскольку и в подвал, и в чулан вор мог попасть только в том случае, если он уже проник внутрь запертого помещения, практического значения это все равно не имело. Кроме того, слой пыли в подвале и на чердаке убедил нас в том, что ни одним из этих путей вор не воспользовался. В конце осмотра мы знали не больше, чем в начале. Кто, каким образом и

зачем повредил оправу четырех драгоценных камней, так и осталось полной загадкой без единого ключа к ее решению.

Мортимер решил воспользоваться единственной имевшейся у него возможностью пролить свет на это дело. Предоставив полиции продолжать тщетные поиски, он пригласил меня сразу же отправиться вместе с ним к профессору Андреасу. Захватив с собой оба письма, Мортимер намеревался в открытую обвинить своего предшественника в том, что это его рукой написано анонимное предупреждение, и потребовать, чтобы он объяснил, как мог он столь точно предвидеть то, что произошло в действительности. Профессор жил на небольшой вилле под Лондоном, в местечке Аппер-Норвуд, но служанка сказала, что хозяин уехал. Видя разочарование на наших лицах, она спросила, не хотим ли мы поговорить с мисс Андреас, и проводила нас в скромно обставленную гостиную.

Я уже упомянул мимоходом, что дочь профессора была настоящая красавица — высокая и стройная девушка со светлыми волосами и нежной кожей того оттенка, который французы называют «матовым» и который напоминает цвет самых светлых лепестков чайной розы. Однако, когда она вошла, я был поражен тем, как сильно она изменилась за каких-нибудь полмесяца. Ее юное личико осунулось, блестящие глаза потухли, затуманенные тревогой.

— Отец в Шотландии, — сказала она. — Он переутомился и слишком много переживал. Уехал он только вчера.

— У вас самой, мисс Андреас, утомленный вид — заметил мой друг.

— Я так волновалась за отца.

— Вы можете дать мне его адрес в Шотландии?

— Да, он гостит у брата, преподобного Дэвида Андреаса. Его адрес: Ардроссан, Арран-виллас, один.

Уорд Мортимер записал адрес, и мы ушли, ничего не сказав о цели нашего визита. Вечером мы вернулись на Белмор-стрит в таком же полном неведении, в каком пребывали утром. Нашим единственным ключом к загадке случившегося было письмо профессора, и мой друг решил завтра же ехать в Ардроссан и узнать всю прав-

ду про анонимное письмо, но тут случилось новое происшествие, которое изменило наши планы.

Назавтра меня чуть свет разбудил легкий стук в дверь моей спальни. Это был посыльный с запиской от Мортимера.

— Приходите, — гласила записка. — Дело приобретает все более странный оборот.

Явившись на его зов, я застал Мортимера возбужденно расхаживающим взад и вперед по Центральному залу, в то время как старый солдат, охраняющий музей, стоял навытяжку в углу.

— Дружище Джексон, — воскликнул Мортимер, — как же я рад, что вы пришли! Тут происходят совершенно необъяснимые вещи.

— Так что же случилось?

— Вот взгляните, — сказал он, махнув рукой в сторону витрины, где лежал наперсник.

Я взглянул — и не смог сдержать возгласа удивления. Теперь и у среднего ряда драгоценных камней была повреждена оправа точно так же, как у верхнего. Кто-то грубо приложил руку к восьми камням из двенадцати. У четырех нижних камней оправа была ровной и гладкой. У всех остальных — неровной и зазубренной.

— Камни не подменили? — спросил я.

— Нет, я уверен, что эти четыре из верхнего ряда — те же, которые признал подлинными эксперт. Вчера я обратил внимание на это маленькое светлое пятнышко сбоку у изумруда. Раз воры не подменили верхние камни, не думаю, чтобы они подменили средние. Значит, вы ничего не слышали, Симпсон?

— Нет, сэр, — ответил сторож. — Но когда я делал на рассвете очередной обход, я специально подошел посмотреть на эти камни и сразу увидел, что кто-то их трогал. Тогда я кликнул вас, сэр, и сообщил вам об этом. Ночью я делал обходы и не видел ни души, не слышал ни единого звука.

— Пойдемте позавтракаем, — предложил Мортимер и проводил меня в свои личные апартаменты. — Ну, что вы об этом думаете, Джексон? — спросил он.

— Это самая бессмысленная, пустая и дурацкая затея, о которой я когда-либо слышал. На такое способен только маньяк.

— Можете ли вы выдвинуть какую-нибудь гипотезу?

— Мне пришла в голову любопытная мысль.

— Послушайте, ведь этот предмет — иудейская реликвия, очень древняя и почитаемая священной, — сказал я. — А что, если это дело рук антисемитов? Предположим, какой-нибудь антисемит-фанатик решил осквернить...

— Нет, нет, нет! — воскликнул Мортимер. — Эта версия никуда не годится! Такой фанатик мог бы в своем безумии не остановиться перед уничтожением иудейской реликвии, но с какой стати стал бы он так тщательно обцарапывать оправу вокруг этих камней, что ночи ему хватало только на четыре камня? Нам нужна подлинная разгадка, и найти ее должны мы сами, потому что наш инспектор, боюсь, плохой помощник в этом деле. Прежде всего, что вы думаете о Симпсоне, нашем стороже?

— У вас есть какие-нибудь основания подозревать его?

— Никаких, помимо того, что это единственный человек, который остается ночью в музее.

— Но зачем ему заниматься столь бессмысленной порчей? Ничего ведь не украдено. У него нет мотива.

— Мания?

— Нет, с головой у него все в порядке, готов поручиться.

— Есть у вас еще кто-нибудь на примете?

— Вот вы, например. Вы случайно не страдаете сомнамбулизмом?

— Боже упаси!

— Тогда я сдаюсь.

— А я — нет, и у меня есть план, который поможет нам докопаться до истины.

— Наведаться к профессору Андреасу?

— Нет, мы найдем разгадку ближе, чем в Шотландии. Знаете, что мы с вами сделаем? Помните то окно в потолке центрального зала? Мы включим в зале все электрические лампочки, а сами станем наблюдать из чулана, и загадка разрешится. Если наш таинственный гость за один раз справляется с четырьмя камнями, есть все основания считать, что сегодня ночью он вернется, чтобы завершить свою работу.

— Превосходно! — воскликнул я.

— Мы сохраним этот план в тайне и не будем ничего говорить ни полицейским, ни Симпсону. Составите мне компанию?

— С величайшим удовольствием, — сказал я. На том и порешили.

В десять вечера я вернулся в музей на Белмор-стрит. Мортимер, как я заметил, с трудом сдерживал нервное возбуждение, но было слишком рано начинать наше ночное дежурство, так что мы еще около часа пробыли у него в квартире, обсуждая всевозможные версии объяснения странной истории, тайну которой мы собирались разгадать. Наконец уличный шум — гроыхание многочисленных фиакров и торопливое шарканье ног прохожих — стал стихать: расходились по домам последние запоздалые любители развлечений. Было около полуночи, когда мы отправились — Мортимер впереди, а я следом — в чулан над центральным залом музея.

Мортимер уже побывал тут днем и постелил на пол мешковину, поэтому мы могли удобно расположиться и следить за тем, что будет происходить в музее. Стекло в окне не было матовым, но на нем накопилось столько пыли, что человек, который посмотрел бы вверх из зала, ни за что бы не заметил, что за ним наблюдают. Мы очистили стекло от пыли по углам, и через эти глазки хорошо просматривался весь зал, что находился под нами. В холодном белом свете электрических ламп все предметы в зале обрели особую четкость и резкость очертаний, и я мог разглядеть содержимое различных витрин в мельчайших подробностях.

Подобное ночное бдение весьма поучительно в познавательном отношении, так как тут уж волей-неволей внимательно разглядишь и те предметы, мимо которых обычно проходишь без особого интереса. Прильнув к своему маленькому глазку, я подолгу изучал каждый экспонат, начиная от огромного футляра для мумии, прислоненного к стене, и кончая теми драгоценными камнями, из-за которых мы очутились здесь и которые сверкали и переливались сейчас в своей стеклянной витрине прямо под нами. В многочисленных витринах этого зала блесело там и сям немало драгоценных камней в золотой оправе, но ни один из них не горел так ярко, как эта великолепная дюжина, составлявшая вместе урим и туммим. Я поочередно рассматривал надгробные изображения из Сикары, фризы из Карнака, статуи из Мемфиса и надписи из Фив, но мой взгляд постоянно возвращался к этой восхитительной иудейской реликвии, а мысли — к окутывающей ее

странной тайне. Я как раз размышлял о ней, когда мой товарищ вдруг глубоко вздохнул и судорожно сжал мне руку. В тот же миг я увидел, что привело его в такое возбуждение.

Как я уже сказал, у стены, справа от входа (справа, глядя от нас, а для входящего слева), стоял большой футляр для мумии. И вот, к нашему невыразимому изумлению, он начал медленно-медленно открываться. Крышка постепенно, едва заметно отодвигалась, и появившаяся с краю черная щель становилась все шире и шире. Делалось это с величайшей осторожностью, почти незаметно для глаз. Мы, затаив дыхание, наблюдали, как в проеме появилась белая рука, отодвигающая раскрашенную крышку, потом — другая и наконец показалось лицо — лицо, знакомое нам обоим! Это был профессор Андреас. Крадучись, выскользнул он из футляра для мумии, как лиса из своей норы; непрерывно озираясь, он сделал один шаг, замер, сделал другой, само воплощение хитрости и осторожности. Вот опять какой-то звук, донесшийся с улицы, заставил его застыть в неподвижности, и он долго стоял, весь превратясь в слух, готовый метнуться обратно в укрытие. Затем снова двинулся вперед — на цыпочках, очень, очень осторожно и медленно. Добравшись до витрины в центре зала, он достал из кармана связку ключей, отпер витрину, вынул иудейский наперсник и, положив его на стекло перед собой, принялся ковырять его каким-то маленьким блестящим инструментом. Поскольку стоял он прямо под нами, его склоненная голова закрывала от нас наперсник, но по движению его руки мы могли догадаться, что он завершает начатое: странным образом повреждает оправу камней нижнего ряда.

По неровному, тяжелому дыханию моего спутника и подергиванию его руки, по-прежнему сжимавшей мое запястье, я понял, каким яростным негодованием пылает его сердце при виде акта вандализма, совершаемого человеком, от которого он меньше всего этого ожидал. Тот, кто каких-то две недели назад благоговейно склонялся над этой уникальной реликвией и внушал нам, какая это древняя и неприкосновенная святыня, теперь самым возмутительным образом сам же и осквернял ее. Это было невозможно, немыслимо — и тем не менее там, внизу, в ярком свете электричества, стояла знакомая темная фигура с сосредоточенно опущенной седой головой и дер-

гающим локтем! Какая же бездна нечеловеческого лицемерия, злобы и ненависти к своему преемнику должна скрываться за этими зловещими ночными трудами! Думать об этом было мучительно, а уж видеть своими глазами — просто ужасно. Даже я, не наделенный остротой чувств ценителя и знатока древностей, не мог без боли смотреть на это преднамеренное повреждение столь древней реликвии. Поэтому я испытал большое облегчение, когда мой друг потянул меня за рукав, давая знак следовать за ним. Мы потихоньку выбрались из чулана и проскользнули в его квартиру. Пока он не оказался у себя, Мортимер не проронил ни слова, но по его возбужденному лицу я понял, в каком он ужасе.

— Гнусный вандал! — воскликнул он. — Кто бы мог поверить?

— Поразительно!

— Это злодей или сумасшедший — одно из двух. И очень скоро мы увидим, кто именно. Идемте, Джексон, и узнаем подоплеку этой темной истории.

Из его квартиры вела в музей дверь, расположенная в конце коридора. Он бесшумно отпер эту дверь ключом, предварительно сняв ботинки (я последовал его примеру). Крадась из зала в зал, мы добрались наконец до просторного главного зала, над центральной витриной которого по-прежнему склонялась фигура профессора, занятого своим черным делом. Ступая так же осторожно, как недавно ступал он сам, мы приблизились к нему, но как тихо мы ни подкрадывались, застать его совсем врасплох нам не удалось. Когда до него оставалось еще ядов десять, он резко обернулся и, хрипло вскрикнув от ужаса, бросился прочь.

— Симпсон! Симпсон! — возвопил Мортимер, и вдалеке, в конце анфилады залов с горящими электрическими лампочками над дверьми, вдруг появилась крепкая фигура старого солдата. Профессор Андреас тоже увидел его и с жестом отчаяния остановился. В тот же миг мы с Мортимером схватили его под руки.

— Да, да, джентльмены, — проговорил он, часто и тяжело дыша. — Я пойду с вами. К вам, мистер Уорд Мортимер, если позволите. Мне, наверное, следует объясниться.

Негодование моего товарища было так велико, что он, как я заметил, не стал отвечать, боясь сорваться. Мы

двинулись вперед; Мортимер и я с обеих сторон конвоировали профессора, а удивленный сторож замыкал шествие. Когда мы проходили мимо разоренной витрины, Мортимер остановился и осмотрел наперсник. У одного из драгоценных камней нижнего ряда оправа уже была отогнута, как у камней двух верхних рядов. Мой друг с яростью уставился на своего пленника.

— Как вы могли! — воскликнул он. — Как вы могли!

— Это ужасно, ужасно! — вымолвил профессор. — Я понимаю ваши чувства. Отведите меня к себе.

— Нельзя оставить это валяться на поверхности! — проговорил Мортимер. Он взял наперсник со стекла витрины и осторожно понес его в руке, а я пошел сбоку от профессора — так полицейский сопровождает преступника. Мы проследовали в квартиру Мортимера, оставив ошеломленного старого солдата на свой лад осмысливать происшедшее. Профессор опустился в кресло Мортимера, и лицо его стало таким мертвенно-бледным, что в ту минуту все наше негодование уступило место тревоге. Бокал крепкого бренди помог вернуть его к жизни.

— Ну вот, теперь мне лучше! — выговорил он. — Испытания последних нескольких дней совсем подорвали меня. Уверен, дольше бы я не выдержал. Это кошмар, чудовищный кошмар — чтобы меня задержали как ночного грабителя в музее, который так долго был собственным моим детищем! И вместе с тем я не могу винить вас. Вы не могли поступить иначе. Я все время надеялся, что успею довести дело до конца, прежде чем меня выследят. Сегодняшняя ночь была бы последней.

— Как вы попали внутрь?

— Через дверь вашей квартиры, простите за бесцеремонность. Но цель оправдывала это. Цель оправдывала и все остальное. Когда вы узнаете всю правду, вы не будете сердиться — во всяком случае, не будете сердиться на меня. У меня был ключ от вашего черного хода и ключ от двери, ведущей от вас в музей. Я забыл отдать их при отъезде. Так что сами видите, мне не составляло труда проникать в музей. Я приходил пораньше, пока на улице не схлынула толпа пешеходов. Забирался в футляр для мумии и прятался туда всякий раз, когда Симпсон совершал обход. Мне было издали слышно, как он приближается. Уходил я тем же путем, каким являлся.

— Вы рисковали.

— Мне ничего не оставалось.

— Но почему? Что все-таки вами двигало? Чтобы вы — вы! — занимались подобными вещами! — Мортимер укоризненно показал на лежавший перед ним на столе наперсник.

— Я не мог придумать ничего другого. Сколько я ни ломал голову, у меня не было иного выбора. В противном случае пришлось бы пройти через ужасный публичный скандал и омрачить горем нашу частную жизнь. Я действовал, исходя из лучших побуждений, сколь невероятными ни покажутся вам мои слова; единственное, о чем я вас прошу, — внимательно выслушайте меня, чтобы я мог доказать это.

— Я выслушаю все, что вы можете сказать, прежде чем предпринимать какие-либо дальнейшие шаги, — сурово проговорил Мортимер.

— Я не намерен ничего скрывать и поведаю вам все свои тайны. Всецело полагаюсь на ваше великодушие, как бы ни решили вы распорядиться фактами, которые я вам сообщу.

— Основные факты мы уже знаем.

— И притом ничего не понимаете. Позвольте мне начать с событий, происшедших несколько недель тому назад, и я все вам объясню. Поверьте, мой рассказ — чистая и неприкрашенная правда.

Вы знакомы с человеком, который называет себя капитаном Уилсоном. Я говорю «называет себя», поскольку теперь у меня есть основания считать, что это не настоящее его имя. Я отнял бы у вас слишком много времени, если бы стал описывать все уловки и ухищрения, при помощи которых он вкрался ко мне в доверие, снискал мое дружеское расположение и вскружил голову моей дочери. Он явился с рекомендательными письмами от моих иностранных коллег, что обязывало меня отнестись к нему с вниманием. А затем, благодаря своим собственным достоинствам — весьма значительным, — он сумел стать желанным гостем у меня дома. Когда я узнал, что он покорила сердце моей дочери, меня, может быть, покорила быстрота, с которой это произошло, но сам факт ничуть не удивил: со своей обаятельной манерой держать себя и вести беседу он обратил бы на себя внимание в любом обществе.

Он очень интересовался древностями Востока, и его знание предмета вполне оправдывало такой интерес. Бывая вечером у нас в гостях, он частенько просил позволения пройти в музей, чтобы иметь возможность одному, без публики, осмотреть те или иные экспонаты. Как вы можете представить себе, я, сам энтузиаст, с сочувствием относился к подобным просьбам и не удивлялся постоянству его визитов. После же помолвки с Элиз он стал бывать у нас практически каждый вечер и обычно час или два посвящал музею. Теперь он пользовался им свободно, и, если вечером я отлучался из дома, музей оставался в полном его распоряжении. И так продолжалось вплоть до моего ухода с поста хранителя и отъезда в Норвуд, где я рассчитывал засесть на досуге за серьезный труд, замысел которого давно вынашивал.

Вскоре после этого — может быть, через неделю — у меня впервые открылись глаза на подлинный характер и моральный облик человека, которого я столь неблагоразумно ввел в свою семью. Случилось это благодаря письмам моих заграничных ученых друзей, из которых я понял, что рекомендательные письма от них — подделка. В ужасе от этого открытия я спросил себя: каким мотивом мог первоначально руководствоваться этот человек, прибегая к столь изощренному обману? Я слишком беден, чтобы вызывать интерес охотника за богатыми невестами. Зачем же тогда он явился? Тут я вспомнил, что моему попечению были поручены некоторые из самых драгоценных камней в Европе. Вспомнил я и то, под какими хитроумными предложениями знакомился этот человек с запорами витрин, в которых они хранились. Это же мошенник, замысливший грандиозное ограбление! Что мог бы я сделать, чтобы, не рая свою собственную дочь, до безумия влюбленную в него, помешать осуществлению любых его преступных намерений? Мой план не отличался тонкостью, но ничего лучшего я придумать не мог. Если бы я написал вам письмо от своего собственного имени, вы, естественно, попросили бы меня сообщить подробности, чего я делать не хотел. Поэтому я послал вам анонимное письмо, в котором предупреждал вас, чтобы вы были начеку.

Надо вам сказать, что мой переезд с Белмор-стрит в Норвуд не сказался на частоте визитов этого человека, полюбившего, как мне кажется, мою дочь любовью ис-

кренней и беззаветной. Что до нее, то я бы поверить не мог, что женщина может до такой степени подпасть под влияние мужчины. Похоже, она всецело подчинилась его более сильной воле. Я не подозревал, как крепка их любовь и велико доверие друг к другу, вплоть до того вечера, когда мне впервые открылось его истинное лицо. Я распорядился, чтобы его проводили, когда он придет, не в гостиную, а прямо ко мне в кабинет. Там я в резкой форме сказал ему, что мне все о нем известно, что я принял меры к тому, чтобы сорвать его планы, и что ни я, ни моя дочь не желаем его больше видеть. Слава богу, добавил я, что я разоблачил его, прежде чем он успел причинить вред той драгоценной коллекции, сохранение которой было делом моей жизни.

Это человек поистине железной выдержки. Не выказав ни тени удивления или обиды, он с серьезным и внимательным видом выслушал меня до конца. Затем, ни слова не говоря, он подошел к двери и позвонил.

— Попросите мисс Андреас не отказать в любезности прийти сюда, — сказал он слуге.

Вошла моя дочь, и этот человек закрыл за ней дверь. Потом он взял ее руку в свою.

— Элиз, — заговорил он, — ваш отец только что обнаружил, что я негодай. Теперь он знает то, что вы знали раньше.

Она молча слушала.

— Он говорит, что мы должны навеки расстаться, — продолжал он.

Она не отняла руки.

— Останетесь вы верны мне или откажете мне в своем добром влиянии — последнем, которое еще способно изменить мою жизнь?

— Джон, — с жаром воскликнула она, — я никогда не покину вас! Никогда, никогда, пусть даже против вас ополчится целый свет!

Тщетно я уговаривал и умолял ее. Мои уговоры и мольбы были совершенно напрасны. Вся ее жизнь была отдана этому мужчине, стоявшему передо мной. Моя дочь, джентльмены, — это единственное любимое существо, оставшееся у меня, и мне стало мучительно больно, когда я увидел, что бессилён спасти ее от гибели. Моя беспомощность, по-видимому, тронула этого человека, который был причиной моего несчастья.

— Может быть, дела не так уж плохи, сэр, как вам кажется, — сказал он спокойным и ровным голосом. — Моя любовь к Элиз достаточно сильна, чтобы спасти даже человека с таким прошлым, как у меня. Не позже как вчера я обещал ей, что больше никогда в жизни не совершу поступка, которого ей пришлось бы стыдиться. Я решил на это, и не было еще случая, чтобы я не выполнил своего решения.

В том, как он говорил, чувствовалась убежденность. Закончив, он опустил руку в карман и вынул небольшую картонную коробочку.

— Сейчас я представлю доказательство своей решимости, — снова заговорил он. — Вот, Элиз, первые плоды вашего спасительного влияния на меня. Вы не ошиблись, сэр, предположив, что я вынашивал замыслы похищения драгоценных камней, порученных вашим заботам. Подобные авантюры привлекали меня не только ценностью трофея, но и своей рискованностью. Эти знаменитые древние драгоценные камни иудейского первосвященника представляли собой вызов моей смелости и изобретательности. Я решил завладеть ими.

— Об этом я догадывался.

— Вы не догадывались только об одном.

— О чем же?

— Что я завладел ими. Вот они — в этой коробке.

Он открыл коробку и высыпал ее содержимое на край моего письменного стола. Я взглянул — и волосы зашевелились у меня на голове, мороз побежал по коже. Передо мной лежали двенадцать великолепных квадратных камней с вырезанными на них тайными письменами. Без сомнения, это были драгоценные камни, составлявшие урим и туммим.

— Боже мой! — воскликнул я. — Как же вас не схватили за руку?

— Я подменил их двенадцатью другими, сделанными по моему специальному заказу; поддельные камни изготовлены с такой тщательностью, что на глаз их не отличить от оригиналов.

— Значит, в витрине музея — фальшивые? — вскричал я.

— Вот уже несколько недель.

Воцарилось молчание. Моя дочь побледнела от волнения, но по-прежнему держала этого человека за руку.

— Вот видите, Элиз, на что я способен, — вымолвил он.

— Я вижу, что вы способны на раскаяние и возвращение взятого, — ответила она.

— Да, благодаря вашему влиянию! Я оставляю, сэр, эти камни в ваших руках. Поступайте с ними, как знаете. Но помните: что бы вы ни предприняли против меня, вы предпримете это против будущего мужа вашей единственной дочери. Скоро вы получите от меня весточку, Элиз. Никогда больше не причиню я боль вашему нежному сердцу, — и с этими словами он вышел из комнаты и покинул дом.

Я попал в ужаснейшее положение. У меня на руках оказались эти драгоценные реликвии, но как мог бы я вернуть их без скандала и разоблачения? Слишком хорошо зная глубокую натуру своей дочери, я понимал, что не смогу разлучить ее с этим человеком, которому она беззаветно отдала свое сердце. Я даже не был уверен, правильно ли было бы разлучать ее с ним, раз она оказывала на него столь благотворное влияние. Как бы я мог разоблачить его, не ранив при этом дочь, да и следует ли его разоблачать, после того как он добровольно доверил мне свою судьбу? Я долго думал и наконец пришел к решению, которое, возможно, кажется вам глупым, но которое, доведись мне начинать сначала, я все равно принял бы вновь, так как считаю этот образ действий лучшим из того, что можно было предпринять.

Моя идея состояла в том, чтобы вернуть камни тайком от всех. Со своими ключами я мог попадать в музей в любое время, а в том, что мне удастся избежать встречи с Симпсоном, я был уверен: мне были известны часы его обходов и все его привычки. Я решил никого не посвящать в свои планы, даже дочь, которой сказал, что собираюсь погостить у брата в Шотландии. Мне требовалась полная свобода действий на несколько ночей, так, чтобы никто не расспрашивал меня, куда я иду и когда вернусь. Для этого я тогда же снял комнату на Хардинг-стрит, сказав хозяевам, что я репортер и буду очень поздно ложиться и поздно вставать.

В тот же вечер я пробрался в музей и заменил четыре камня. Это оказалось трудным делом и заняло у меня целую ночь. Когда Симпсон делал обход, я, заслышав шаги, каждый раз прятался в футляр для мумии. Я немало знаком с ювелирным делом, но оказался куда ме-

нее искусным ювелиром, чем похититель. Он совершенно не повредил оправу, так что никто и не заметил разницы. Моя же работа была грубой и неумелой. Но я рассчитывал на то, что наперсник не станут разглядывать очень тщательно, а если и заметят, что оправа повреждена, то уже после того, как я выполню задуманное. Следующей ночью я заменил еще четыре камня. А сегодня я завершил бы свои труды, если бы не это злополучное происшествие, из-за которого я вынужден открыть вам столько из того, что хотел бы сохранить в тайне. Но пойдет или нет дальше что-либо из рассказанного вам мною, зависит, джентльмены, от вашего чувства чести и сострадания. Мое собственное счастье, будущее моей дочери, надежда на исправление этого человека — все это зависит от вашего решения.

— И оно таково: все хорошо, что хорошо кончается, — сказал мой друг, вся эта история закончится здесь и сразу. Завтра неплотные оправы укрепит опытный ювелир, и так минует самая большая опасность, которой когда-либо подвергался урим и туммим со времени разрушения иерусалимского храма. Вот вам моя рука, профессор Андреас, — я могу только надеяться, что при подобных же обстоятельствах мне удалось бы действовать так же бескорыстно и самоотверженно.

Совсем коротенький эпилог. Через месяц Элиз Андреас вышла замуж за человека, чье имя, имея я бестактность назвать его, мои читатели узнали бы как одно из самых известных ныне и заслуженно почитаемых. Но, сказать по правде, этими почестями он всецело обязан кроткой девушке, сумевшей вытянуть его из темной бездны, откуда возвращаются немногие.

История одной любви

Около сорока лет тому назад в одном английском городе жил некий господин Паркер; по роду своих занятий он был комиссионер и нажил себе значительное состояние. Дело свое он знал великолепно, и богатство его быстро увеличивалось. Под конец он даже построил себе дачу в живописном месте города и жил там со своей красивой и симпатичной женой. Все, одним словом, обещало Паркеру счастливую жизнь и неомраченную бедствиями старость. Единственная неприятность в его жизни заключалась в том, что он никак не мог понять характера своего единственного сына. Что делать с этим молодым человеком? По какой жизненной дороге его пустить? Этих вопросов Паркер никак не мог разрешить. Молодого человека звали Джордж Винцент. Это был, что называется, трагический тип. Он терпеть не мог городской жизни с ее шумом и суматохой. Не любил он также и торговой деятельности: перспектива больших барышей его совсем не прельщала. Он не симпатизировал ни деятельности своего отца, ни образу его жизни. Он не любил сидеть в конторе и проверять книги.

Но это отвращение к торговым делам не было следствием порочности или лени, оно было следствием характера, являлось чем-то прирожденным. В других отношениях молодой человек был предприимчив и энергичен. Так, например, он очень любил музыку и обнаруживал

недюжинные музыкальные способности. Он с успехом изучал языки и недурно рисовал. Короче говоря, это был человек с артистическим темпераментом, и характер у него, соответственно этому, был нервный и неровный. Живи Джордж Винцент в Лондоне, он встретил бы сотни подобных себе людей. Он нашел бы также себе подходящее занятие, стал бы заниматься критикой, литературой или чем-нибудь вроде этого. Но здесь, в провинциальном городе, в обществе торговцев хлопком, юноша чувствовал себя совершенно одиноким. Отец, наблюдая за ним, покачивал головой и выражал сомнение в его способности продолжать торговое дело.

Манеры у молодого человека были мягки, в обращении со знакомыми он был сдержан, но зато в обращении со своими немногочисленными друзьями был очень общителен. Мягкий по характеру, он, однако, не выносил того, что казалось ему несправедливостью; в таких случаях он выходил из себя.

Одним словом, Джордж Винцент Паркер представлял собой тип, которому деловые, практические люди не сочувствуют.

Но зато хорошо известно, что именно к таким поэтическим юношам благоволят женщины. В этих артистах есть что-то беспомощное, какой-то призыв к симпатии, и женское сердце всегда откликается на этот призыв. И что всего замечательнее, — чем сильнее, чем энергичнее женщина, тем скорее она идет навстречу чувству этого рода.

Мы не знаем, сколько утешительниц имел этот юный, спокойный дилетант и были ли у него эти утешительницы, но история одной любви дошла до нас во всех подробностях.

Однажды Джордж Винцент был на музыкальном вечере в доме одного доктора, и тут он впервые встретился с мисс Мэри Гровз. Она приходилась доктору племянницей и приехала в город погостить. Постоянно же она жила при дедушке, которому было уже восемьдесят лет. Несмотря, однако, на этот преклонный возраст, старик был чрезвычайно энергичен, лично занимался хозяйством (он был помещик) и, кроме того, занимал судейскую должность.

После спокойной и уединенной жизни в деревенском доме городская жизнь пришлась по душе молоденькой и красивой девушке. Молодой музыкант с утонченными

манерами понравился ей. В его внешности и манерах было что-то романтическое, а это, как известно, нравится молодым особам. Что касается Джорджа Винцента, то ему нравилась в молодой девушке ее деревенская свежесть и то, что она ему симпатизировала. Между молодыми людьми возникла дружба. Прежде чем молодая девушка успела вернуться в деревню, дружба эта перешла в любовь, и они поклялись друг другу в верности. Но эта помолвка не находила сочувствия в родственниках с обеих сторон. Старого Паркера в это время не было уже на свете. Он умер и оставил своей жене значительное состояние, но сын тем не менее должен был найти себе какое-нибудь занятие и работать. Между сыном и матерью часто происходили на этой почве ссоры.

Мэри Гровз принадлежала к дворянству. Родственники ее, со старым помещиком во главе, не соглашались на ее брак с молодым человеком, у которого был такой странный вкус и характер.

История тянулась таким образом целых четыре года. За все это время молодые люди постоянно переписывались, но редко встречались. Наконец Джорджу Винценту исполнилось двадцать пять лет, а его невесте двадцать три. А свадьба все отдалась и отдалась. Наконец девушка уступила настояниям родственников и постоянство ее поколебалось. Она решила прервать отношения со своим женихом. Тон писем ее переменился, да и в письмах стали появляться фразы и намеки, тон которых заставил молодого человека насторожиться. Он уже зараннее чувствовал, что ему готовили какой-то удар.

Двенадцатого августа она написала ему, что познакомилась с молодым пастором. Мэри прибавляла, что она никогда не встречала таких очаровательных людей, каким был этот пастор.

«Он гостил у нас, — писала она. — Дедушка, кажется, хочет, чтобы я вышла за него замуж, а я едва ли пойду на это».

Эта фраза, несмотря на слабые слова утешения, страшно взволновала молодого Винцента Паркера. Мать его говорила потом, что, получив это письмо, он впал в ужасное уныние. Родственники его, впрочем, не обратили на это обстоятельство внимания, так как Винцент был вообще склонен к меланхолии и на все события глядел с самой пессимистической точки зрения.

На следующий день молодой человек получил от своей невесты другое письмо, уже в более решительном тоне. Оно гласило:

«Мне нужно сказать вам многое, и я намереваюсь сказать вам это теперь же. Дедушка нашел ваши письма и страшно рассердился. Он недоволен тем, что мои отношения с вами мешают браку с пастором. Я хочу, чтобы вы мне вернули мое слово. Это нужно для того, чтобы я имела право сказать дедушке, что я свободна. Если вы меня хоть немного любите, не сердитесь на меня за это; я сделаю все от себя зависящее, чтобы не выйти замуж за пастора».

Это второе письмо произвело на молодого человека потрясающее действие. Он впал в такое состояние, что мать должна была вызвать знакомого, который и просидел с ним всю ночь. Джордж Винцент шагал взад и вперед по комнате в состоянии страшного нервного возбуждения, то и дело заливаясь слезами. Когда его уговорили наконец лечь спать, руки и ноги его конвульсивно дергались. Ему дали морфий, но он не произвел никакого действия. От пищи он отказался. Особенно ему было трудно отвечать на письмо, что он и исполнил на следующий только день, при помощи все того же друга, который провел с ним ночь. Письмо его было ласково и рассудительно.

«Дорогая Мэри, — писал он, — вы всегда будете для меня дорогой. Я солгал бы, если бы сказал вам, что я не убит вашим письмом. Но, во всяком случае, я не хочу быть вам помехой: вы свободны. Впрочем, я не даю вам ответа на ваше письмо, я соглашусь на ваше желание только после того, как из ваших уст услышу то, что вы мне написали. Вы меня хорошо знаете, я не стану устраивать вам чувствительных сцен или делать глупости. Я покидаю Англию, но перед своим отъездом хотел бы увидеть вас еще один раз. Боже мой! Я вас увижу в последний раз! Какое несчастье! Согласитесь, что мое желание видеть вас вполне естественно. Назначьте мне место свидания. До свидания, дорогая Мэри, ваш, всегда любящий вас

Джордж».

На следующий день он послал ей другое письмо, снова умоляя о свидании и говоря, что они могут увидеться на любом месте между их домом и ближайшим селением Станделем.

«Я совсем болен и расстроен, — писал он, — наверно и вы находитесь в таком же состоянии. Повидавшись, мы оба успокоимся. На свиданье я приду непременно.

Навсегда ваш

Джордж».

По-видимому, на это письмо был им получен от девушки какой-то ответ, потому что в среду девятнадцатого Джордж Винцент написал такое письмо:

«Моя дорогая Мэри!

Сообщаю, что непременно приеду с указанным вами поездом. Ради бога, дорогая Мэри, не беспокойтесь и не мучьте себя. Меня, пожалуйста, не жалеите. Повидавшись с вами я хочу для собственного успокоения. Надеюсь, что вы не сочтете меня поэтому себялюбцем. *Du reste*, повторяю уже то, что сказал: я хочу слышать из ваших собственных уст того, что вы хотите, и исполню все ваши желания. У меня есть то, что французы нвзывают *savoir faire*. Я не стану горевать о том, что неизбежно. И кроме того, я не хочу быть причиной раздора между вами и вашим дедушкой. Если вы хотите свидеться в гостинице, то я буду ждать вас там, но, впрочем, я представляю все это вашей воле».

Но мисс Гровз уже раскаялась в том, что назначила ему личное свидание. Может быть, она вспомнила некоторые черты в характере своего возлюбленного и побоялась довериться ему? Не дождавшись от него последнего письма, она ответила ему следующим:

«Дорогой Джордж!

Тороплюсь вам сообщить, чтобы вы ни под каким видом не приезжали. Я уезжаю сегодня и не могу сообщить, когда вернусь обратно. Видеться с вами я не хочу и очень желала бы избежать этого свидания. Да, кроме того, нам видеться невозможно по случаю моего отъезда, поэтому надо оставить дело так, как оно есть теперь. Простимся друг с другом без свидания. Увидеться с вами

мне было бы слишком тяжело. Если вы хотите мне написать еще, то напишите не позже трех дней. За мной следят и письма ваши скрывают.

Ваша Мэри».

Это письмо, должно быть, решило дело. В голове молодого человека наверное и прежде бродили разные неопределенные планы, а теперь эти планы превратились в определенное решение. Мэри Гровз давала ему только три дня сроку, стало быть, времени терять было нельзя. В тот же день он отправился в город, но прибыл туда поздно и уже не поехал в Стандвель. Прислуга гостиницы обратила внимание на странное поведение молодого человека. Он был рассеян и бродил по общей зале, бормоча себе что-то под нос. Приказав себе подать чаю и котлет, он не прикоснулся к пище и пил только водку с содовой водой. На следующее утро, 25 августа он взял билет до Стандвеля и прибыл туда к половине двенадцатого. От Стандвеля до имения, в котором жила госпожа Гровз, было две мили. Прямо около станции есть гостиница, называемая «Бычачьей головой». В эту гостиницу и отправился Винцент Паркер. Он заказал себе водки и спросил, не было ли на его имя писем. Когда ему сказали, что писем нет, он очень расстроился. В четверть первого он вышел из гостиницы и направился к имению, в котором жила его возлюбленная.

Отправился он, однако, не в имение, а в находившуюся в двух милях от него школу. Учитель этой школы был в отличных отношениях с семейством Гровзов и немного знал Винцента Паркера. В школу он направился, конечно, за справками и прибыл туда в половине второго. Учитель был очень удивлен, увидев этого растрепанного господина, от которого пахло водкой. На вопросы его он отвечал сдержанно.

— Я прибыл к вам, — сказал Паркер, — в качестве друга мисс Гровз. Вы, конечно, слышали, что мы с нею помолвлены?

— Я слышал, — ответил учитель, — что вы были помолвлены, но что эта помолвка расстроилась.

— Да, — ответил Паркер. — Она написала мне письмо, в котором просила меня вернуть ей слово. А увидаться со мной она отказывается. Я хотел бы знать, как обстоят дела.

— Я, к сожалению, не могу сказать вам того, что мне известно, так как я связан словом, — ответил учитель.

— Но я все равно узнаю об этом рано или поздно, — ответил Паркер.

Затем он стал расспрашивать о пасторе, который гостил в имении Гровзов. Учитель ответил, что действительно там гостил пастор, но имя его назвать отказался. Паркер тогда спросил, находится ли мисс Гровз в имении и не притесняют ли ее родственники? Учитель ответил, что она находится в имении, но что решительно никто ее не притесняет.

— Рано или поздно, а я должен ее увидеть, — произнес Паркер. — Я ей написал, что освобождаю ее от данного мне слова. Но я хотел бы узнать от нее самой, что она дает мне отставку. Она уже совершеннолетняя и может поступать, как ей угодно. Сам знаю, что я ей жених неподходящий, и мешать ей не хочу.

Учитель извинился, что должен спешить на урок, но прибавил, что в половине пятого будет свободен, и если Паркер хочет еще поговорить с ним, то пусть бы пришел к нему. Паркер ушел, обещая вернуться. Неизвестно, как он провел два следующих часа. По всей вероятности, он сидел в какой-нибудь соседней гостинице и завтракал. В половине пятого он вернулся в школу и стал просить у учителя совета, как ему поступить. Учитель предложил написать мисс Гровз письмо, чтобы она назначила ему свидание на следующее утро.

— А впрочем, — прибавил добродушный, но не рассудительный учитель, — отправляйтесь-ка к ней лучше сами, она вас наверняка примет.

— Я так и сделаю, — ответил Винцент Паркер, — надо поскорее покончить эту историю.

Около пяти часов он ушел из школы; держал он себя при этом спокойно и сосредоточенно.

Сорок минут спустя отвергнутый любовник подошел к дому своей невесты, он позвонил и попросил доложить о себе мисс Гровз. Но девушка и сама его увидала из окна, в то время как он шел по аллее. Она вышла к нему навстречу и пригласила в сад. Конечно, у барышни в эту минуту душа была в пятках. Она боялась, что дедушка встретится с ее бывшим женихом и устроит ему скандал. Для безопасности она и увела его в сад. Итак, молодые люди вышли из дома и, усевшись на одной из садовых

скамеек, спокойно беседовали около получаса. Затем в сад пришла горничная и доложила мисс Гровз, что подан чай. Девушка отправилась в дом одна, из чего явствует, как отнеслись в доме к Паркеру. Его даже не хотели пригласить выпить чашку чая. Затем она снова вышла в сад и долго разговаривала с Паркером; наконец, оба они поднялись и ушли. По-видимому, они собрались погулять около дома. Никто никогда не будет знать, что произошло во время этой прогулки. Может быть, он упрекал ее в вероломстве, а она отвечала резкими словами. Были, однако, люди, видевшие, как они гуляли. Около половины девятого рабочий, переходя по большому луту, отделявшему большую дорогу от помещичьего дома, увидал двигавшуюся ему навстречу пару. Было уже темно, но рабочий узнал в женщине внучку помещика, мисс Гровз. Пройдя мимо и отойдя несколько шагов, рабочий оглянулся; теперь пара стояла на одном месте и о чем-то разговаривала.

Очень скоро после того рабочий Рувим Конвей, проходя по этому же луту, услышал тихий стон. Он остановился и стал прислушиваться. Стоял тихий вечер, и вот рабочему показалось, что стон будто к нему приближается. С одной стороны забора шла стена, и вот в тени этой стены рабочий разглядел что-то; кто-то медленно двигался.

Сперва рабочий думал, что это какое-нибудь животное возится у стены, но, подойдя ближе, он с изумлением увидел, что это женщина. Едва держась на ногах и стелая, она подвигалась вперед по стене, держась за нее руками. Рувим Конвей вскрикнул от ужаса. Из темноты на него глянуло белое как мел лицо Мэри Гровз.

— Отведите меня домой! Отведите меня домой! — прошептала она. — Меня зарезал вон тот господин.

Перепуганный рабочий взял ее на руки и понес к дому. Пройдя ярдов двадцать, он остановился, чтобы перевести дух.

— На луту никого не видно? — спросила девушка.

Рабочий взглянул назад. Между деревьями вслед за ними шла медленно человеческая фигура. Рабочий стал ждать, поддерживая падающую голову девушки. Наконец молодой Паркер настиг их.

— Кто зарезал мисс Гровз? — спросил рабочий.

— Это я ее убил! — ответил с полным хладнокровием Паркер.

— Ну, в таком случае помогите мне отнести ее домой, — сказал Рувим Конвей.

И по темному лугу тронулась странная процессия: крестьянин и любовник-убийца несли умирающую девушку.

— Бедная Мэри! Бедная Мэри! Зачем ты меня обманула? — бормотал Паркер.

Когда процессия приблизилась к воротам, Паркер сказал Рувиму, чтобы он сделал и принес что-нибудь, чтобы остановить кровоизлияние. Рувим отправился на поиски, и эти трагические любовники еще раз — в последний раз — остались наедине. Вернувшись, Рувим увидел, что Паркер старается остановить текущую из горла девушки кровь.

— Что, жива? — спросил рабочий.

— Жива, — ответил Паркер.

— О, отнесите меня домой! — простонала бедная мисс Гровз.

Пошли далее и встретили двух фермеров, которые присоединились к ним.

— Кто это сделал? — спросил один из них.

— Она знает, кто это сделал, и я знаю, — ответил урюмо Паркер. — Сделал это я, и за это меня ждет виселица. Да, я это сделал — и нечего более разговаривать.

Удивительно, что несмотря на эти ответы, Паркер не получил ни одного оскорбления и не подвергся побоям. Трагичность положения была очевидна всем, и все молчали.

— Я умираю! — простонала еще раз бедная Мэри, и это были ее последние слова. Навстречу выбежал старый помещик. Ему, очевидно, донесли, что с его внучкой случилось что-то неладное.

Когда седая голова помещика показалась в темноте, несшие труп остановились.

— Что случилось? — закричал старик.

— Ваша внучка Мэри зарезана, — спокойно ответил Паркер.

— Кто совершил это? — закричал старик.

— Я.

— А кто вы такой?

— Меня зовут Винцент Паркер.

— Зачем вы это сделали?

— Она обманула меня, а женщина, меня обманувшая, должна умереть.

Спокойствие Паркера было удивительно.

Входя в дом вслед за дедом убитой им девушки, он сказал:

— Она знала, что я ее убью. Я ее предупреждал. Она знала мой характер.

Тело внесли в кухню и положили на стол. Старик, растерявшийся и разбитый горем, направился в гостиную; Паркер последовал за ним. Он вынул кошелек с деньгами, часы и еще несколько вещей, подал их старику и просил передать все это матери. Помещик гневно отказался. Тогда Паркер вынул из кармана две связки писем — жалкие остатки своей любовной истории.

— В таком случае возьмите вот это! — произнес он. — Можете их прочитать, можете их сжечь. Делайте с ними все, что угодно. Я не хочу, чтобы эти письма фигурировали на суде.

Дед Мэри Гровз взял письма, и они были преданы пламени.

Между тем к дому спешно приближался доктор и полицейский чиновник, эти всегдашние спутники преступления. Бедная Мэри лежала бездыханная на кухонном столе, на ее горле виднелись три страшные раны. Сонная артерия оказалась перерезанной и прямо удивительно, как это она прожила так долго, получив эти ужасные раны. Полицейскому чиновнику не пришлось хлопотать, разыскивая преступника. Едва он вошел в комнату, как к нему приблизился Паркер.

— Я убил эту молодую особу и отдаюсь в руки закона, — сказал он, — я отлично знаю ожидающую меня участь, однако я спокойно последую за вами. Дайте только мне на нее взглянуть сначала.

— А куда вы девали нож? — спросил полицейский.

Паркер вынул нож из кармана и подал его представителю власти. Это был обыкновенный складной нож. Замечательно, что после этого, при обыске Паркера, у него найдено было еще два ножа.

Паркера отвели в кухню, и там он еще раз взглянул на свою жертву.

— Теперь, убив ее, я чувствую себя более счастливым, чем прежде. Надеюсь, что и она себя чувствует так же, — сказал он.

Такова история о том, как Джордж Винцент Паркер убил Мэри Гровз. В преступлении видна непоследовательность и какая-то мрачная безыскусственность. Этими свойствами жизнь всегда отличается от выдумок. Сочиняя романы, мы заставляем своих героев делать и говорить то, что мы на их месте делали бы, по нашему мнению, но на самом деле преступники говорят и делают самые необыкновенные вещи, угадать которые заранее невозможно. Я ознакомил читателя с письмами Паркера. Можно ли угадать, что эти письма — прелюдия к убийству? Конечно нет. А что делает преступник после убийства? Он старается остановить кровь, текущую из горла своей жертвы, он ведет со стариком помещиком самые странные разговоры. Может ли придумать все это самая пылкая фантазия?

Перечтите все письма Паркера, взвесьте все обстоятельства дела — и вы поймете, что на основании этих данных нельзя предположить, что он прибыл в Стэндвель с заранее обдуманной намерением убить свою невесту.

Почему же дело кончилось убийством? Зрела ли эта идея в голове Паркера прежде, или же он рассердился на нее за что-нибудь в то время, когда они разговаривали на лугу — это так и останется неизвестным. Ясно во всяком случае, что девушка не подозревала того, что у ее жениха имеются злые намерения, иначе она позвала бы к себе на помощь рабочего, который встретился им на лугу.

Дело это наделало много шума во всей Англии. Судили Паркера в ближайшей сессии. Председательствовал судья барон Мартин. Доказывать виновность подсудимого не было надобности, ибо он открыто похвалился своим деянием. Спорили только о вменяемости Паркера, и спор этот привел к необходимости пересмотра всего уголовного уложения. Вызваны были родственники Паркера, и все они уверяли, что ненормальность у них в роду. Из десяти двоюродных братьев Паркера — четверо сошли с ума. В качестве свидетельницы была вызвана и мать Паркера, и она со страшной уверенностью доказывала, что сын ее сумасшедший. Миссис Паркер заявляла, между прочим, что родители не хотели даже выдавать ее замуж, боясь, что от нее пойдет большое потомство.

Из показаний всех свидетелей явствовало, что подсудимого нельзя назвать человеком дурным или злым. Это

был чувствительный и воспитанный молодой человек. Склонность к меланхолии у него была очень сильная. Тюремный священник заявил, что имел несколько бесед с Паркером. Священник говорил, что у него совершенно отсутствует нравственное чувство и что он не может отличить добро от зла. Два врача-психиатра свидетельствовали Паркера и высказали мнение в том смысле, что он ненормален. Мнение это основывалось главным образом на заявлении подсудимого, отказывавшегося сознаться в том, что он сделал злое дело.

— Мисс Гровз обещала выйти за меня замуж, — твердил он, — она была моя, и я мог сделать с нею все, что хотел. Таково мое убеждение, и только чудо может заставить меня отказаться от этого убеждения.

Доктор попробовал с ним спорить:

— Представьте себе, что у вас была картина. У вас эту картину украли. Что вы будете делать, чтобы эту картину вернуть себе?

— Я потребую, чтобы вор отдал мне мою собственность назад, а если он откажется, то я его убью без малейшего зазрения совести.

Доктор сказал, что это рассуждение неправильно. Зачем же существует закон? Надо обращаться к защите закона, а не самоуправничать.

Паркер, однако, не согласился с доктором.

— Меня не спрашивали о том, хочу ли я родиться на свет. Ни один человек в мире не имеет права меня судить.

Из этого разговора доктор вывел заключение, что в Паркере — моральное чувство до чрезвычайности извращено. Но такое рассуждение, по моему мнению, неправильно. Если мы будем идти по этому пути, то окажется, что эти злые люди не ответственны за свои злые дела. Всех таких злых людей придется признавать безумцами и освобождать их от ответственности и наказания.

Барон Мартин в своем председательском резюме стал на точку зрения общего смысла. Он указал на то, что в мире чудачков и эксцентриков видимо-невидимо и что если всех этих чудачков признать безумными и невменяемыми, то общество окажется в опасности. По закону сумасшествие равно отсутствию сознания. Невменяемым может быть назван лишь такой преступник, который, совершая преступление, не знал, что делает. Но Паркер знал, что

делал, — он доказал это своими словами о том, что его ждет виселица.

Барон согласился с мнением присяжных, вынесших обвинительный приговор, и приговорил Паркера к смертной казни.

На этом дело и кончилось бы, если бы барона Мартина не охватили угрызения. Сам он был глубоко убежден в виновности подсудимого и вел процесс твердой рукой, но его смутили показания психиатров. Совесть барона заговорила.

А что, если он ошибся и приговорил к смерти невинного человека?

Весьма вероятно, что, мучаясь этими мыслями, барон Мартин не спал целую ночь, ибо на следующее же утро он написал письмо Государственному секретарю, в котором излагал свои сомнения и просил его пересмотреть дело.

Государственный секретарь, внимательно прочтя дело, готовился утвердить приговор суда, но накануне смертной казни какие-то лица — люди, лишенные всяких медицинских знаний, — посетили Паркера в тюрьме и затем донесли властям, что Паркер обнаруживает все признаки безумия. Государственный секретарь отложил смертную казнь и назначил комиссию из четырех знаменитых психиатров. Все четыре врача свидетельствовали Паркера и единогласно заявили, что он вполне здоровый человек. Но есть неписанный закон, в силу которого отсрочка смертной казни равна помилованию, и поэтому смертная казнь была заменена для Паркера пожизненными каторжными работами.

Так или иначе, но это смягчение участи убийцы успокоило совесть общества.

Кровавая расправа в Манор-Плэсе

Люди, изучавшие психологию преступления, знают, что главной основой преступления является непомерно развитой эгоизм. Себялюбец этого рода утрачивает всякое чувство меры. Он только о себе и думает; вся его цель заключается в том, чтобы удовлетворить собственные желания и прихоти. Что касается других людей, то соображения о их благе и интересах себялюбцу чужды и непонятны.

Иногда случается, что к преступлению человек побуждается импульсивностью своего характера, мечтательностью или ревностью. Все это бывает, но самая опасная, самая отталкивающая преступность — это преступность, основанная на себялюбии, доведенном до безумия. В английской литературе тип такого эгоиста выведен в лице сэра Виллоби Паттерна. Этот господин безобиден и даже забавен до тех пор, пока его желания удовлетворяются, но затроньте его интересы, не выполните какого-либо его желания — и этот безобидный человек начинает делать ужасные вещи. Гексли сказал где-то, что жизнь человеческая — это игра с невидимым партнером. Попробуйте сделать в игре ошибку, и ваш невидимый партнер сейчас же вас за эту ошибку накажет. Если Гексли прав, то приходится признать, что самой грубой и непростительной ошибкой в игре жизни является непомерный эгоизм. Люди за ошибку этого рода сполна расплачиваются, —

разве только посторонние, следящие за игрой, не сжалются над ними и не примут на себя часть проигрыша.

Я прошу познакомиться с историей Виллиама Годфрея Юнгмана, и вы убедитесь, при каких иногда странных условиях приходится человеку расплачиваться за сделанные им ошибки. Ознакомясь с историей Юнгмана, вы убедитесь также в том, что эгоизм не есть невинная шалость. Это коренное, основное зло жизни, ведущее к ужасным результатам.

В сорока приблизительно милях от Лондона и в близком соседстве с Тонбридж-Велльсе, модным некогда курортом, есть небольшой город Вадхерст. Город этот находится почти на самой границе Суссекского и Кентского графств. Местность богатая, живописная, и фермеры благодевают, сбывая свои продукты в Лондон, который находится недалеко.

В 1860 году здесь жил некто Стритер. Он был фермер, вел небольшое хозяйство и имел дочь, очень красивую девушку. Звали ее Мэри Велльс Стритер. Ей было лет двадцать; высокая ростом и сильная, она прекрасно знала всю деревенскую работу, но в то же время она бывала и в городе, где у нее имелись знакомые.

У Мэри Стритер был приятель, молодой человек двадцати пяти лет. Познакомилась она с ним случайно, в одну из своих поездок в город. Девушка ему очень понравилась, он сделал визит в Вадхерст и даже ночевал в доме отца Мэри. Стритер не отнесся к ухаживанию дурно. Ему, видимо, понравился этот бойкий и красивый молодой человек. Разговаривал молодой человек интересно; оказался отличным собеседником и очень при этом общительным. Неопределенные и неясные ответы он давал только в одном случае, а именно когда Стритер расспрашивал, чем он занимается и каковы его виды на будущее.

Знакомство завязалось и кончилось тем, что ловкий горожанин Виллиам Годфрей Юнгман и простодушная, воспитанная в деревне Мэри Стритер стали женихом и невестой. Виллиам успел за это время изучить Мэри как следует, но зато Мэри знала о своем женихе очень мало.

29 июля в этом году приходилось на воскресенье. Полдень миновал. Мэри сидела в гостиной отцовского домика; на коленях у нее лежала куча любовных писем,

полученных от жениха, и она их внимательно и по нескольку раз перечитывала.

Из окна был виден хорошенький зеленый лужок. Это был типичный английский деревенский садик. В нем росли высокие мальвы, громадные, качающиеся на своих стеблях подсолнухи. На красивых клумбах цвела красная гвоздика и кустики фуксий. Через полуоткрытое окно в комнату проникал слабый, изящный запах сирени. Откуда-то доносилось жужжание пчел. Сам фермер, по случаю воскресенья, спал сладким, послеобеденным сном, и гостиная находилась в полном распоряжении Мэри.

Всех любовных писем было пятнадцать. В одних говорилось только о любви и они были восхитительны, — в других встречались деловые намеки. Читая эти намеки, девушка сдвигала свои хорошенькие брови. Взять хотя бы историю со страховкой: сколько хлопот стоила эта история ее возлюбленному прежде, нежели она не устроила ее! Конечно, ее жених знал лучше, чем она, но все-таки ее поразило то, что он несколько раз говорил ей о возможной смерти. Это ей-то умирать, такой молодой и здоровой! Иногда в самый разгар любовных объяснений он начинал путать ее разговорами о смерти. В одном из писем он ей писал:

«Дорогая моя, я приготовил заявление и отнес его в контору страхования жизни. Контора напишет госпоже Джемс Бонн сегодня, а ответ она получит в субботу. Таким образом, мы с вами можем проехать в страховое общество в понедельник».

В следующем письме, всего два дня спустя, Виллиам писал так:

«Помните, дорогая моя, что вы мне обещали. Вы обещали выйти за меня замуж и до замужества никому не говорить о страховке. Напишите, пожалуйста, миссис Джемс Бонн, чтобы она сходила в страховое общество, а в понедельник мы съездим вместе и застрахуем вашу жизнь».

Эти выдержки из писем смущали Мэри; она в них ничего не понимала. Но, слава богу, теперь все это кончено. Теперь деловые хлопоты не будут мешать их люб-

ви. Мэри уступила прихоти своего жениха и застраховала свою жизнь за сто фунтов. Ей пришлось заплатить за первую четверть десять шиллингов, четыре пенса, но Мэри не жалела о деньгах. Она успокоила своего Виллиама и избавилась от скучного дела.

Садовая калитка скрипнула, и на тропинке показался рассыльный со станции. В руках его было письмо. Увидав в окне девушку, он приблизился и подал ей письмо, а затем удалился, лукаво улыбаясь. Курьезен был этот посланник Купидона в плисовой куртке, панталонах и тяжелых сапогах.

Да, этот парень считал себя вестником любви, но, увы! Он был посланником не Купидона, а другого, более мрачного, языческого бога.

Девушка нетерпеливо разорвала конверт и прочла письмо.

«16 Манор-Плэс. Невингтон. Суббота вечер. Июль 28.

Дорогая моя Мэри. Сегодня после полудня я отправил вам письмо и только после этого выяснилось, что мне не придется ехать завтра в Брайтон. В письме этом было все то, из-за чего я должен был ехать. Поездка стала, таким образом, излишней. Дела мои покончены все, и я могу теперь с вами увидеться, о чем уведомляю вас этим письмом. Письмо это отправляю завтра утром к поезду, отходящему в 6 часов 30 минут со станции Лондон-Бридж. Письмо я передам кондуктору, чтобы он отвез его в Вадхерст. Кондуктору я заплачу сам, а рассыльному с Вадхерстской станции дайте что-нибудь. Ждать я вас буду, дорогая, в понедельник утром, с первым поездом. Встретить вас надеюсь на станции Лондон-Бридж. Завтра я должен быть у дяди и поэтому приехать к вам не могу. Но в понедельник вечером, или самое позднее во вторник утром, я провожу вас назад домой. Вернусь же в Лондон я во вторник вечером, чтобы быть готовым в среду делать дела. Вы знаете, какие это дела: я вам говорил. Итак, я вас жду в понедельник утром. Надеюсь устроить все как следует. До свиданья пока, дорогая Мэри, извините, что не продолжаю письмо. Нужно ложиться спать, чтобы завтра встать пораньше и отвезти это письмо на почту. Не забудьте, дорогая моя невеста, привезти мне или сжечь все мои письма. Целую вас, жду в поне-

дельник утром в четверть десятого. Не забудьте сжечь письма. Вечно любящий вас

Виллиам Годфрей Юнгман».

Это было чрезвычайно настойчивое приглашение приехать повеселиться в городе. Но в письме попадались и курьезные вещи. Про какие такие дела, известные будто бы его невесте, говорил Юнгман? Никаких дел Мэри не знала. И затем, что это вздумалось Виллиаму требовать, чтобы она сожгла его любовные письма? Это требование не понравилось девушке, да и вообще повелительный тон письма задел ее самолюбие. Мэри решила в этом случае послушаться своего жениха. Письма ей были слишком дороги. С ними нельзя обращаться таким бесцеремонным образом.

И Мэри собрала все письма счетом шестнадцать, уложила их в маленькую жестяную шкатулочку, в которой хранились все ее незатейливые сокровища, и побежала навстречу отцу, который тем временем успел проснуться и спускался по лестнице. Мэри рассказала ему, что она едет к жениху в Лондон, где будет веселиться целый день.

В понедельник, ровно в четверть десятого, Виллиам Годфрей Юнгман уже стоял на платформе станции Лондон-Бридж и ждал поезда из Вадхерста, в котором должна была приехать в столицу его невеста. По платформе ходило много людей, и в этой толпе Юнгмана нелегко было отыскать. В нем не было ничего выдающегося или замечательного. Кто мог предсказать в эту минуту, что не далее как через сутки имя этого незаметного молодого человека станет известным всем трем миллионам жителей Лондона и приведет их в ужас! Юнгман был среднего роста и сложения. Внешность у него была самая заурядная, и он мог бы считаться полным ничтожеством, если бы в его характере не было колоссального себялюбия.

Это себялюбие у Юнгмана доходило до сумасшествия. Он был глубоко убежден в том, что важнее его желаний и капризов нет ничего в мире. Все должны были склоняться перед ним и выполнять его желания. Юнгман был самоуверен до крайности. Он думал, что может обмануть весь мир. Пускай обман шит белыми нитками, что за беда? Раз он, Юнгман, задумал обмануть людей, так они и должны ему верить.

По профессии Юнгман был портной, его отец был также портной, но это занятие его не удовлетворяло, и

он, желая сделать себе карьеру, поступил выездным лакеем к доктору Дункану в Ковентгардене. Некоторое время Юнгман преуспевал в своей новой должности, но в конце концов ему и это надоело. Он отказался от места и вернулся к отцу, где и жил за счет родственников, добывавших пропитание тяжелым трудом. Одно время Юнгман уверял родственников в том, что собирается заняться фермерством. Несомненно, что эта идея зародилась в его бездельной голове после того, как он побывал в Вадхерсте. Красивые коровы, жужжанье пчел и деревенский воздух понравились ему, и он мечтал о том, чтобы сделаться фермером.

Но возвращаемся к нашему рассказу. Вадхерстский поезд медленно подошел к станции, и из окна одного третьеклассного вагона выглянуло свежее, розовенькое личико Мэри Стритер. Увидав своего жениха, девушка покраснела еще более. Влюбленные встретились. Юнгман берет чехом давушки и ведет невесту по платформе, которая вся заполнена дамами в кринолинах и мужчинами в панталонах, напоминающих мешки. Такая мода царила в Лондоне в шестидесятых годах.

Юнгман жил на юге Лондона, в Вольворте. Около самого вокзала стоял омнибус. Парочка забралась в него и доехала почти до самого дома.

Было одиннадцать, когда Виллиам и Мэри приехали в Манор-Плэс, где жило семейство Юнгмана.

Расположение квартир в этом доме показалось бы современнику очень странным. В шестидесятых годах о «флатах» в Лондоне и понятия не имели¹. И цели, осуществляемые «флатами», достигались иным способом. Кварти-

¹ Респектабельный англичанин считает неудобным для себя жить в квартире, помещающейся только в одном этаже, и сообразно с этим дома, сдаваемые под квартиры, распланировываются в Англии совершенно иначе, чем в России и Европе. Каждый квартирант имеет помещения во всех этажах и лестницу, идущую до самых чердаков. Представьте себе пятиэтажный дом, и вы получите квартиру, скажем, в десять или девять комнат. В нижнем этаже помещается кухня, в первом — столовая, во втором — гостиная и кабинет; поднимаясь выше, вы доберетесь до спален, и на самом верху комната для прислуги. Такая система постройки домов удорожает квартиры, и вот почему в настоящее время, приноравливаясь к карману бедных людей, в Англии стали строить европейские квартиры, где помещение ограничивается одним этажом. Дома этого рода называются «флатами» (от слова flat — плоский). «Флаты» предназначаются для рабочих и бедняков. Средний класс придерживается прежних традиций и живет в многоэтажных квартирах.

ра в двухэтажном доме снималась субъектом, который поселялся сам в подвале, а первый и второй этажи сдавал жильцам. В подвале жил квартирохозяин Джемс Беван, первый этаж занимали супруги Бард, а второй — Юнгман. Потолки в доме были тонкие, и ходя по одной лестнице, жильцы знали все друг о друге.

Чете Бард, например, было отлично известно, что молодой Юнгман привез к родителям невесту. Когда Виллиам и Мэри поднимались наверх по лестнице, супруги Бард приоткрыли дверь и украдкой наблюдали за ними. Госпожа Бард потом показывала, что Виллиам обращался со своей невестой очень ласково.

Когда Юнгман привел свою невесту на квартиру, там было очень мало народа. Отец уходил на работу в пять часов утра и возвращался только к десяти часам вечера. Дома была только мать, добродушная, хлопотливая, вечно погруженная в работу женщина, и двое младших сыновей — мальчики одиннадцати и семи лет. В момент приезда Виллиама и Мэри мальчики были еще в школе, и мать была одна. Она поздоровалась со своей будущей невесткой и стала с ней беседовать, расспрашивать о том и сем. Вполне естественно, что она интересовалась девушкой, которой суждено было вековать век с ее сыном. После обеда жених и невеста отправились осматривать достопримечательности Лондона.

Никаких известий не осталось о том, как развлекалась эта странная парочка. Он, конечно, не оставлял своего свирепого и ужасного намерения, а она удивлялась его рассеянному виду и рассказывала ему о разных деревенских сплетнях. Бедная девушка! Она веселилась, а тень смерти уже витала над ней.

Впрочем, кое-что об этой экскурсии влюбленных известно. У отца Мэри Стритер был знакомый в Лондоне, некто Эдуард Спайсер. Это был трактирщик, веселый, прямой человек. Заведение его, «Зеленый Дракон», помещалось на Бермондсейской улице. Мэри хотела показать жениха, и парочка явилась в «Зеленый Дракон», где Виллиам был представлен невестой Спайсеру. На последнего молодой человек произвел почему-то очень дурное впечатление. Трактирщик отвел невесту в сторону.

— Вы хотите выходить замуж за этого молодца? Знаете что? Возьмите-ка лучше веревку и повесьтесь на чердаке. То же на то и выйдет.

Но раз девушка влюблена, то всякие увещания бесполезны. Слова трактирщика, оказавшиеся пророческими, не оказали, по всей вероятности, на Мэри Стритер никакого действия.

Вечером Виллиам и Мэри отправились в театр смотреть трагедию Макреди.

Знала ли бедная девушка, сидя в набитом битком партере рядом со своим молчаливым женихом, что ее собственная мрачная трагедия окажется куда страшнее всех сценических ужасов?

В Манор-Плэс парочка вернулась около 11 часов вечера.

Трудолюбивый портной оказался на этот раз дома. Ужинали все вместе, а затем пришла пора ложиться спать. В квартире было всего две комнаты. Мать, Мэри и семилетний мальчик легли в передней комнате. Отец лег в задней комнате на своем верстаке, около него в постель легли Виллиам и его одиннадцатилетний брат.

Знали ли эти простые люди, ложась спать, что завтра о них и об их трагической судьбе будет говорить весь Лондон?

Отец проснулся, по обыкновению, очень рано. В серых очертаниях предзаросветного воздуха он увидел что-то белое. Это был вставший со своей постели Виллиам. Отец сонным голосом спросил: куда это он так рано собрался? Виллиам снова улегся, и оба заснули.

В пять часов старик встал, торопливо оделся и в двадцать минут шестого спустился по лестнице и запер за собой входную дверь. Таким образом, с места драмы ушел последний свидетель, и все, что случилось после его ухода, известно лишь на основании логических выводов и косвенных улик. Точных подробностей случившегося никто не знает, и для меня, летописца, это, пожалуй, даже приятно, так как едва ли события, подобные нижеизлагаемому, можно смаковать, вникая во все их ужасные подробности.

Я уже говорил, что внизу под Юнгманами жили супруги Бард; в половине шестого, через десять минут после того, как из дома ушел старик-портной, госпожа Бард проснулась; ее разбудил шум, доносившийся с верхнего этажа. Казалось, что в квартире Юнгманов бегают взад и вперед дети. Легкий топот голых ног явственно слышался сверху.

Женщина стала прислушиваться и наконец сообразила, что это очень странно: с какой это стати дети стали бегать и резвиться в такой необычный час?

Госпожа Бард разбудила мужа и обратила его внимание на необычный шум. Оба сели в постели и стали слушать. И вдруг...

И вдруг они услышали громкий задыхающийся крик, и затем на пол над их головами упало что-то мягкое и тяжелое.

Бард выскочил и бросился вниз по лестнице. Но на верхнюю площадку он не вошел, ибо, еще стоя на верхних ступенях, он заглянул в открытую дверь квартиры Юнгманов. Его глазам представилось нечто такое, что заставило его дико закричать и поспешно броситься вниз. Еще момент, и Бард стучался к Бевану, крича:

— Ради бога, подите скорее! Здесь убийство.

Беван выскочил на лестницу. Он и сам слышал этот зловеющий стук чьего-то тяжелого падения. Оба — и Беван, и Бард — опять поднялись по скрипучей лестнице наверх. Золотые лучи июльского солнца освещали их бледные и перепутанные лица.

Но и на этот раз они не добрались до места. Они остановились на ступеньке, с которой была видна площадка. На пороге двери и на площадке виднелись лежащие белые фигуры. Эти фигуры были залиты кровью. Зрелище было прямо до ужаса нестерпимое!

На площадке виднелось всего три трупа, а по комнате кто-то ходил; этот кто-то вышел на площадку. Перепутанные соседи увидели перед собой Виллиама Годфрея Юнгмана. Он был в одном нижнем белье, весь перепачканный кровью. Один рукав рубашки был разорван и висел.

Увидав перепутанных соседей, Виллиам крикнул:

— Мистер Бард! Ради бога, приведите поскорее врача! Может быть, еще можно кого-то спасти!

Соседи побежали вниз по лестнице, а Виллиам крикнул им вдогонку:

— Это все моя мать наделала! Она зарезала мою невесту и братьев, а я, защищаясь от нее... мне кажется, что я ее убил.

Это объяснение Виллиам Юнгман повторял до самого своего конца.

Но соседям некогда было рассуждать. Они бросились каждый в свою комнату, поспешно оделись и выскочили на улицу искать врача и полицию. А Юнгман стоял на верхней площадке и все повторял свое объяснение.

Я воображаю, как сладок показался Бевану и Барду летний утренний воздух после того, как они выскочили из этого проклятого дома, я воображаю, как удивлялись честные продавцы молока, глядя на этих двух растрепанных и перепутанных людей. Но идти далеко им не пришлось. На углу улицы стоял городской Джон Варней, солидный и невозмутимый, как тот закон, который он представлял своей особой.

Городовой Варней с всеяющей бодрость в двух испуганных обывателей медлительностью и достоинством двинулся к дому, в котором произошла драма.

Увидав на лестнице лакированную каску полицейского, Юнгман вскрикнул:

— Глядите, что здесь произошло! Что мне делать?

Констебль Варней остался невозмутимым при виде кровавых тел, Юнгману он дал самый своевременный и практический совет:

— Одевайтесь и идите со мной!

— Но за что? — воскликнул молодой человек. — Я убил мать, защищая себя, ведь и вы поступили бы так же. Я не нарушил закона.

Констебль Варней не любил высказывать своих мнений о законе, но на этот раз он был вполне убежден, что самое лучшее, что может сделать в данном случае Юнгман, так это одеться.

Между тем на улице перед домом стала собираться толпа, и на место происшествия прибыли другой констебль и полицейский инспектор. Положение было совершенно ясно. Правду ли, нет ли говорит Юнгман, но так или иначе он в убийстве матери признался и, стало быть, должен быть арестованным.

На полу был найден кинжал-нож, погнувшийся от силы ударов. Юнгман должен был признаться, что этот кинжал принадлежит ему. Оглядели и трупы. Раны были ужасны: такие раны мог нанести только человек, обладающий мужской силой и энергией...

Вяснилось, одним словом, что Юнгман заблуждается, называя себя жертвой обстоятельств. Совершенно напро-

тив, Юнгман оказывался одним из крупнейших злодеев нашей эпохи.

Но прямых свидетелей не было, злодейская рука заставила замолчать всех — и невесту, и мать, и малолетних братьев.

Бесцельность этого ужасного преступления поразила всех. Негодование общества было чрезвычайно велико. Затем, когда открылось, что Юнгман застраховал в свою пользу жизнь бедной Мэри, стало казаться, что повод к преступлению найден. Обратили внимание на то, что обвиняемый лихорадочно торопился закончить дело со страховкой. И зачем он просил невесту уничтожить его письма?

Это были наиболее тяжкие улики против Юнгмана.

Но в то же время как Юнгман мог зарегистрировать и получить страховую сумму из общества «Аргус», не будучи ни мужем, ни родственником Мэри? Ведь все это было нелепо до крайности и заставляло думать, что преступник или круглый невежда, или сумасшедший.

Стали исследовать дело с этой стороны, и оказалось, что безумие было не чуждо предкам Юнгмана. Мать его матери и брат отца содержались в психиатрических больницах. Дед Юнгмана (отец портного) также одно время содержался в сумасшедшем доме, но перед смертью «пришел в разум».

Основываясь на этих данных, приходилось признать, что деяние в Манор-Плэс надо зарегистрировать не с уголовной, а с медицинской точки зрения.

В наше гуманное время Юнгмана едва ли бы повесили, но в шестидесятых годах на преступников глядели иначе.

Дело разбиралось в главном уголовном суде 16 августа.

Председательствовал судья Виллионс. На суде выяснилось, что нож, которым было совершено убийство, был приобретен Юнгманом заблаговременно. Он даже показывал где-то в кабачке этот нож своим знакомым.

Один из этих знакомых, добрый британец, преданный закону и порядку, заметил, что мирному гражданину носить такой нож не годится. Юнгман на это ответил:

— Всякий может защищать себя таким способом, какой ему понравится.

Добрый британец едва ли подозревал, что беседует с невменяемым человеком и находится на волосок от смерти.

Жизнь обвиняемого была подвергнута самому тщательному исследованию, но ничего компрометирующего этот анализ не дал. Юнгман продолжал упорно стоять на своем первоначальном показании. В своем резюме судья Виллионс сказал, что в том случае, если бы обвиняемый говорил правду, это означало бы, что он обезоружил мать и отнял у нее нож. А если это так, то незачем было ее убивать. А он не только не удержался от насилия, но и нанес ей несколько смертельных ран. И кроме того, на руках убитой матери кровавых пятен не было найдено. Все эти данные были приняты во внимание присяжными и они вынесли Юнгману обвинительный приговор.

На суде Юнгман держал себя спокойно, но, сидя в тюрьме, он обнаружил свой раздражительный и злой характер. Когда его посетил отец, Юнгман разразился против старика бранью и упреками, обвиняя его в том, что он дурно будто бы обращался со своим семейством. Но он стал вне себя от бешенства, узнав о том, что трактирщик Спайсер посоветовал его покойной невесте лучше повеситься, чем выходить замуж за него, Юнгмана. Этими словами Юнгман был уязвлен до крайности. Его самоуважение было затронуто ими, а самоуважение было главной чертой этого человека.

— Одного я только желаю! — воскликнул бешено Юнгман. — Я желал бы добраться до этого Спайсера и проломить ему башку!

Эта неестественная кровожадность всего лучше показывает, что Юнгман был маньяк.

Успокоившись немного, Юнгман прибавил с тщеславием в голосе:

— Неужели вы думаете, что такой человек, как я, человек с моим характером и решительностью, позволил бы кому-нибудь так оскорблять себя? Я убил бы такого нахала.

Несмотря на все увещания, Юнгман унес свою тайну в могилу. Он не переставал повторять, что его невеста и братья убиты и что мать он убил, защищая себя. По всей вероятности, он придумал эту историю еще задолго до преступления.

Всходя вместе с Юнгманом на эшафот, священник сказал:

— Не оставляйте этого мира с ложью на устах!

— Я солгал бы, если бы взял на себя вину. Я невиновен, — быстро ответил Юнгман.

Этот человек до такой степени верил в себя, что до самого конца надеялся, что люди поверят его выдумке. Уже стоя на эшафоте, он все еще врал и изворачивался.

Казнили Юнгмана 4 сентября, немногим более месяца спустя после содеянного им преступления. Эшафот был сооружен перед Хорзмонской тюрьмой. На казни присутствовало свыше 30 000 человек. Многие стояли всю ночь, дожидаясь зрелища. Когда вели преступника, толпа подняла дикий вопль. Защитников у Юнгмана не было совсем, и люди самых противоположных взглядов и воззрений сходились в том, что он должен быть казнен.

Умер преступник спокойно и как-то равнодушно.

— Благодарю вас, мистер Джессон, за вашу доброту, — сказал он, — повидайте моих знакомых и передайте им мой поклон.

Блок звякнул, веревка натянулась, и последний акт страшной драмы закончился. В лице Юнгмана английские уголовные летописи имеют одного из самых страшных и кровавых убийц в его лета.

В том, что Юнгман понес заслуженную кару, кажется, сомневаться нельзя, но в то же время нельзя не сказать и того, что косвенные улики никогда не бывают вполне убедительными. Относясь к цепи косвенных улик критически, опытный в уголовных делах человек приходит тогда к заключению, противоположному тому, которое было сделано судом.

Сомнительное дело

В судебной практике Англии таких сомнительных дел, к сожалению, очень много. Еще грустнее, что все такие дела решаются не в пользу подсудимых. Общественная психология в данном случае совершенно понятна. Представьте себе, что совершено зверское, отвратительное преступление. Общественное мнение возмущено и громко требует возмездия, требует жертвы. И вот жертва отыскивается. Улики против подсудимого сомнительны, но ни судья, ни присяжные заседатели не обращают на это внимания, и несчастный приносится на алтарь правосудия. Некоторые юристы пытаются даже оправдать такую систему. Лорд Тентерден заявил, что суд не должен обращать излишнего внимания на улики, и что лучше, если он будет руководствоваться простым здравым смыслом. Но, Господи Боже мой! Кому не известно, сколько людей сделались жертвами этого самого здравого смысла! Я полагаю, что если эта теория здравого смысла окончательно восторжествует в наших судах, то закон наш сделается величайшим убийцей Англии. Я верю в то, что на судах должно применяться правило, в силу которого лучше оправдать девять виновных, чем присудить одного невинного; но, к сожалению, это правило далеко не всегда соблюдается в наших судах. В данном случае я хотел бы рассказать читателям о крайне сомнительном деле. Это — дело об убийстве госпожи Мэри Эмслей.

Не всем иностранцам, посещавшим нашу страну, известно, что такое представляет из себя рабочий Лондон. Это совершенно особенный вид. Представьте себе целые ряды улиц и кварталов, застроенных бесконечными рядами кирпичных домов. Дома эти некрасивые и как две капли воды похожи один на другой. Это томительное однообразие несколько нарушается только кабаками и часовнями на перекрестках, причем часовен гораздо меньше, чем кабаков, и посещаются они гораздо реже.

Эти рабочие кварталы своими бесконечными рядами некрасивых домов много содействовали увеличению столицы. Особенно усердно строился Лондон в эпоху между Крымской войной и 1860 годом. Стройкой тогда занимались многие предприниматели, у которых мало денег, но много ловкости. Такой предприниматель строил дом, закладывал его, на заложенные деньги строил второй, закладывал его снова и принимался опять за постройку, и так до бесконечности. Ввиду того что цены на недвижимость в это время росли, многие из аферистов обогатились и нажили громадное состояние. Между этими ловкими строителями был некий Джон Эмслей. Умирая, он оставил своей вдове Мэри огромное состояние, заключавшееся в большом количестве домов и солидных капиталов.

В описываемое время Мэри Эмслей была уже старухой. Всю свою жизнь она прожила в бедности и теперь, разбогатев, не желала менять своих привычек. Детей у нее не было, и всю свою энергию она посвящала делам, управляя своею собственностью лично. Лично она собирала недельную плату со своих бедных жильцов. Госпожа Эмслей была упрямая, суровая чудачка. На Гровской улице в Степнее, где она жила, ее недолюбливали, но чудачества старухи интересовали всех.

Как я уже сказал, домов у нее было очень много, и они были разбросаны в трех кварталах. Несмотря, однако, на дальность расстояния и на свои преклонные годы, Мэри Эмслей ездила повсюду лично, взыскивала с жильцов плату, подавала на неисправных в суд, сдавала квартиры и так далее. Способности к хозяйственной деятельности у нее были немалые. Она никогда не упускала своего. На всем старуха старалась нагнать экономию. Так, постоянных управляющих она не держала, а нанимала себе служащих на время, когда у нее накапливалось много

дел и одна она справиться с ними не могла. На службе у госпожи Эмслей перебивали таким образом многие и в том числе были два человека, именам которых было суждено приобрести всеобщую известность. Одного из них звали Джон Эммс, другой был штукатур Джордж Мэлинз.

Несмотря на свое богатство, Мэри Эмслей жила в полном одиночестве. Только по субботам к ней приходила поденщица мыть полы и чистить дом. Старуха была чрезвычайно боязлива и подозрительна. Эта черта всегда наблюдается в характере людей, которым суждено погибнуть насильственной смертью. Человеческой природе присущи глубокие инстинкты, лежащие вне сознания, и эти инстинкты предсказывают нам наше будущее.

Дверь Мэри Эмслей отворяла с соблюдением разных предосторожностей. Сперва она оглядывала посетителя из окна, выходящего на улицу, и уж только потом вступала с ним в переговоры.

Мэри Эмслей была очень богата, она могла бы утопать в роскоши, но привычкам своим она не изменяла и жила в маленьком домике, который состоял из двух этажей и подвала. Позади дома находился заброшенный садик. Старуха вела существование поистине жалкое.

Последний раз госпожу Эмслей видели вечером в понедельник 13 августа 1860 года. В этот день, в семь часов вечера, два соседа видели ее сидящей у окна своей спальни. На следующий день в десять часов утра или позже к ней приходил один из ее временных служащих — переговорить с нею относительно каких-то медных кранов. Этот человек долго звонил, стучал в дверь, но так и ушел, не добившись ответа.

Во вторник к госпоже Эмслей приходили многие, но тоже ушли, не выдавши хозяйки. Среда и четверг тоже прошли таким же образом. В доме не было видно и признаков жизни.

Это обстоятельство было само по себе чрезвычайно подозрительно, но соседи так привыкли к чудачествам вдовы, что и не думали тревожиться.

Только в пятницу сапожник Джон Эммс, ходивший к вдове по делу и тоже ничего не добившийся, заподозрил, что в доме, погруженном в гробовое молчание, произошло что-то неладное. Он уведомил адвоката вдовы Эмслей, господина Роза и одного из ее дальних родственников,

господина Фэза. Все трое двинулись к дому Мэри Эмслей, захватив по дороге полицейского констебля Диллона.

Дверь и окна оказались запертыми; поэтому четверо людей перелезли через забор, вошли в сад и направились к заднему крыльцу, которое отворили без затруднений. Джон Эммс, знакомый с расположением комнат в доме, шел впереди. В нижнем этаже никого не было, царила мертвая тишина нарушаемая крадущимися шагами и осторожным шепотом четверых людей. На вторй этаж они поднялись несколько ободренные. Им стало казаться, что все в этом доме обстоит благополучно. Весьма вероятно, что чудачка-вдова уехала куда-нибудь гостить.

Поднявшись по лестнице и войдя на верхнюю площадку, Джон Эммс внезапно остановился и вперил свои глаза во что-то. Роз, Фэз и Диллон последовали его примеру.

Они увидели нечто, что разрушило все их надежды.

На деревянном полу виднелось кровавое пятно, на котором явственно отпечатался след мужской ноги. Дверь, ведущая в комнату, была притворена, а кровавый след был перед дверью и указывал на то, что человек, оставивший его, вышел из этой затворенной комнаты; полицейский бросился к двери и попытался отворить ее, но дверь не отворялась. Что-то, что лежало на полу по ту сторону двери, мешало ей отвориться. Тогда все стали толкать дверь и, наконец, она отворилась.

Перед ними, раскинув руки и ноги на полу, лежала несчастная старуха. Под мышкой у ней торчали два свертка обоев. Еще несколько таких свертков были раскиданы по полу, около трупa. Старуха была убита несколькими ужасными ударами по голове. Удары эти, по-видимому, обрушились на нее неожиданно, и она сразу же упала на пол без чувств. Смерть страшна только когда она приближается, но старухе, очевидно, не пришлось испытать этого ужаса.

Известие об убийстве богатой домовладелицы вызвало в округе сильнейшее волнение. Все усилия были направлены к тому, чтобы отыскать убийцу. Правительство назначило сто фунтов награды тому, кто укажет преступника. Скоро эта награда была повышена до трехсот фунтов. Но ничего, однако, из этого не выходило. Тщательный обыск дома не дал решительно никаких указаний. Час убийства было трудно определить. Судя по тому, что

постель была не оправлена, можно было думать, что убийство совершено ночью или рано утром, но наверняка этого сказать нельзя было. Старуха могла позабыть оправить постель, и в таком случае преступление могло быть совершено вечером. Но это указывало и на то обстоятельство, что старуха была одета, да и едва ли бы она ранним утром стала возиться с обоями.

В общем, было предположено, что убийство совершено в понедельник вечером после семи часов. Ни окон, ни дверей взломанных не оказалось. Стало быть, убийца был впущен в дом самой госпожой Эмслей. Но как уже сказано, старуха была осторожна и боязлива и вечером к себе никого не впускала. Стало быть убийца принадлежал к числу людей, которым она доверяла. Пришел убийца к ней по делу, на это указывали свертки обоев в руках убитой.

Эти выводы полиции были вполне правильны.

Воспользовался убийца очень немногим. В доме было всего сорок восемь фунтов деньгами, и эта сумма, спрятанная в погребке, была цела. Похищенными оказались только несколько вещей, представлявших очень небольшую ценность.

Шла неделя за неделей, публика нетерпеливо ожидала ареста преступника. Полиция молчала, но усердно работала. Наконец этот долгожданный арест был произведен и при чрезвычайно драматических обстоятельствах.

Среди многих людей, находивших себе скудный заработок временной службой у убитой вдовы, был некто Джордж Мэлинз. Это был человек почтенной наружности, пятидесяти с лишком лет от роду, но свежий и бодрый. Мэлинз служил прежде в солдатах, и военная выправка у него осталась.

Одно время Мэлинз служил в ирландской полиции, а затем менял профессии и после многих превратностей судьбы сделался штукатуром и поселился в восточной части Лондона.

Вот этот-то человек и явился к сержанту полиции Тапперу и сделал ему заявление, из коего явствовало, что тайна убийства госпожи Эмслей скоро разъяснится.

Мэлинз заявил, что он с самого начала подозревал в преступлении сапожника Эммса и следил за ним, чтобы проверить свои подозрения. Делал это Мэлинз, по его

словам, во-первых, из любви к правосудию, а во-вторых, потому, что желал получить награду. Триста фунтов стерлингов — сумма не малая, и Мэллинз очень желал ее получить.

— Если вы мне уплатите деньги, я вам всю эту историю раскрою, — сказал он при своей первой беседе с полицией, а затем, намекая на то, что и сам прежде служил в полиции, прибавил: — По этим делам я ходок!

И действительно Мэллинз оказался ходоком. Полиция благодаря ему нашла если не преступника, то козла отпущения за убийство Мэри Эмслей.

Заподозренный сапожник жил в небольшом домике на краю пустыря, занятого кирпичными заводами. В пятидесяти ярдах от домика стоял полуразрушенный и заброшенный сарай.

Мэллинз сообщил, что все время следил за Эммсом. Однажды, по его словам, он видел, как Эммс вынес из дома какой-то сверток и скрыл его где-то в сарае.

— Весьма вероятно, — прибавил хитроумный Мэллинз, — что он спрятал вещи, взятые им у убитой Эмслей.

Полиции этот рассказ показался правдоподобным, и на следующий день трое полицейских — Мэллинз следовал вдали — явились в дом Эммса и обыскали весь дом и сарай. Поиски, однако, оказались напрасными, и ничего найдено не было.

Но этот обыск не удовлетворил наблюдательного Мэллинза, и он осыпал полицейских упреками за то, что они плохо искали. Он уговорил их повторить обыск, который производился на этот раз в присутствии Мэллинза и по его указаниям. Обыск дал великолепные результаты. Под одной из половиц найден был бумажный сверток с очень интересным содержимым. Сверток был завязан ремешком, а в нем найдены три чайника, одна столовая ложка, два увеличительных стекла и чек на имя госпожи Эмслей. Чек этот, как установлено, она получила в уплату за квартиру в день своей смерти. Ложки и стекла также оказались принадлежащими госпоже Эмслей.

Находка, одним словом, имела первостепенную важность, и вся компания двинулась в полицию. Эммс был растерян и сердит, а Мэллинз важничал и хвастал, как это всегда делают сыщики-любители.

Но недолго длилось торжество Мэллинза. В полиции его встретил инспектор и объявил ему, что он объявляется как соучастник в преступлении.

— Так-то вы благодарите меня за услугу! — воскликнул Мэллинз.

— Если вы не виноваты, вы не должны бояться, — ответил инспектор.

И Мэллинз был арестован и предан суду.

Эта внезапная «перемена декораций» вызвала сильнейшее волнение в обществе. Негодование против Мэллинза было страшное. В нем видели не только злодея, совершившего зверское убийство, но и подлеца, который с целью получить награду в триста фунтов хотел взвалить свою вину на другого, неповинного, человека.

Невинность Эммса была выяснена очень скоро. Он вполне доказал свое *alibi*. Но раз Эммс неповинен, то кто же убийца? Конечно, тот, кто спрятал в сарай Эммса украденные у вдовы Эмслей вещи.

Спрятал же эти вещи там, конечно, Мэллинз. Ведь это он уведомил полицию о том, что эти вещи там находятся.

Одним словом, дело об убийстве Эмслей было решено прежде, чем Мэллинз появился на скамье подсудимых; улики, собранные полицией, были не таковы, чтобы общество изменило свой взгляд на дело. Полиция не теряла времени даром, она собрала целый ряд уличающих обвиняемого фактов, и факты эти были доложены присяжным сержантом Парти.

Дело разбиралось в Главном уголовном суде 25 октября, спустя десять недель после убийства.

На первый взгляд улики против Мэллинза убийственны. При обыске его дома, последовавшем сейчас же после его ареста, найдены такие же нити, какими был завязан пакетик, спрятанный в сарае. Найден также кусок сапожничьего вара. Зачем понадобился Мэллинзу этот вар? При его профессии он ему был совсем не нужен. Очевидно, он нарочно намазал варом ремень, для того чтобы заставить поверить полицию в преступность несчастного Эммса.

В доме был найден штукатурный молот, который был совершенно подходящим орудием для нанесения ударов в том роде, от которых умерла Мэри Эмслей. Найдена также серебряная ложка, как две капли воды похожая на ложки, похищенные у убитой.

Выяснилось также, что в один из последних дней жена Мэллинза продала соседнему кабатчику золотую вставку для карандаша. Двое свидетелей показали под присягой, что эта золотая вставка принадлежала покойной Эмслей и что этот карандаш они видели у старухи совсем незадолго до ее смерти.

У Мэллинза найдена также пара сапог. Один из этих сапог вполне соответствовал следу около двери, а на подошве сапога найден медиками человеческий волос. Тот же врач показал под присягой, что на золотой вставке, проданной госпожой Мэллинз кабатчику, имеется след крови.

Поденщица, убиравшая дом по субботам, показала, что в последнюю субботу — за два дня до убийства — к вдове Эмслей приходил Мэллинз. Он принес ей несколько свертков обоев, и старуха велела ему отнести обои в ту комнату, в которой она была впоследствии найдена убитой.

Так как было очевидно, что Мэри Эмслей была убита в то время, как разговаривала с кем-то об обоях, то было совершенно естественно заключить, что она разговаривала с лицом, эти обои ей доставившим.

Сверх всего прочего было доказано, что в субботу Мэри Эмслей вручила Мэллинзу ключ, который был найден в той же комнате, где лежал труп. Обвинитель указывал на то, что этот ключ мог быть принесен сюда только Мэллинзом.

Факты, которыми располагала полиция, были неотразимы, но полиция постаралась сделать их еще более убедительными. Полиция претендовала на выяснение того, как и когда Мэллинз совершил преступление. Какой-то Раймонд показал под присягой, что видел Мэллинза в день убийства в восемь часов вечера около дома госпожи Эмслей. Мэллинз был в низкой черной шляпе. Другой свидетель, матрос, показывал, что видел Мэллинза на другой день, в пять с небольшим часов утра, в Степней-Грине. Матрос утверждал, что внешность Мэллинза обращала на себя внимание: он был возбужден, размахивал руками, а карманы у него были оттопырены. На голове у него была коричневая шляпа.

Услышав об убийстве, матрос немедленно же отправился в полицию и сообщил о том, что видел. Матрос готов

был поклясться, что человек, им виденный, и есть Мэллинз.

Таковы были главные улики против подсудимого. Было много и второстепенных обстоятельств, подтверждающих основательность предъявленного к нему обвинения. Так, делая донос на Эммса, Мэллинз соврал, что Эммс — единственный человек, которого вдова Эмслей не боялась и пускала в дом.

— Ну, а вас она пустила бы? — спросили у Мэллинза.

— Нет, — ответил он, — меня она окликнула бы из окна.

Лживость этого ответа была доказана на суде; Мэллинзу пришлось за эту ложь дорого поплатиться.

Защитнику Мэллинза Бесту пришлось много работать для того, чтобы найти возражения против всех этих убийственных для его клиента обвинений. Прежде всего он постарался установить *alibi* Мэллинза, вызвав в качестве свидетелей детей его, которые показали, что в роковой понедельник их отец вернулся с работы ранее обыкновенного. Но это показание было неубедительно, тем более что одна из свидетельниц, прачка, показала, что дети Мэллинза смешивают один день с другим. Присутствие волоса на подошве сапога защитник находит неважным и ничего не значащим обстоятельством ввиду того, что в шпукатурной работе человеческий волос употребляется. Защитник спрашивал, почему на подошве сапога нет человеческой крови, которая должна на ней быть, если обвинитель прав, утверждая, что кровавый след оставлен Мэллинзом. Защитник указывал на то, что не видит ничего важного в следах крови на золотой вставке карандаша. Кабатчик, купив эту вставку, тщательно ее вымыл и вычистил, и если на ней все-таки оказалась кровь, то это кровь не госпожи Эмслей.

Обелая своего клиента, защитник указывал на противоречивость показаний Раймонда и матроса. Раймонд видел подсудимого в восемь часов вечера в черной шляпе, а матрос, видевший его в пять часов утра, нарядил его в коричневую шляпу. Обвинитель предполагает, что Мэллинз провел ночь в доме убитой им женщины, но раз это так, когда же он успел переменить шляпу? Или один, или другой свидетель лжет, а может быть, лгут они оба. Замечательно также, что матрос видел Мэллинза в Степней-

Грине. Зачем туда Мэллинз попал? Степней-Грин ему был не по пути, и, возвращаясь домой с места убийства, Мэллинз не мог очутиться в Степней-Грине. Матрос рассказывает, что карманы у Мэллинза отдувались, но ведь из дома вдовы Эмслей были похищены немногие вещи и притом небольших размеров. От этих вещей карманы не стали бы топыриться, как говорит матрос. И наконец, ни Раймонд, ни матрос не говорят о том, чтобы Мэллинз нес с собой молоток, которым, как предполагается, он совершил убийство.

В заключение защитник выставил двух и весьма важных свидетелей, показания которых были для публики новым сюрпризом в этом темном деле, полном неожиданностей.

Госпожа Бэрнс, жившая на Гровской улице, прямо против дома, в котором произошло убийство, была готова показать под присягой, что во вторник, в сорок минут десятого утра, она видела, как кто-то возился в верхней комнате с кусками обоев. Видела она также, что правое окно немножко приотворилось. Заметьте, пожалуйста, что это происходило ровно через двенадцать часов после того, как по полицейской теории произошло убийство. Если предположить, что госпожа Бэрнс сделала жертвой галлюцинации, то придется сказать, что у нее была не одна, а две галлюцинации. Предположим, что она ошиблась один раз, но ошибаться два раза она не могла. Очевидно, по комнате двигался какой-то живой человек. Этим человеком могла быть или сама госпожа Эмслей, или ее убийца. Но и в том, и в другом случае теория преступления, изобретенная полицией, оказалась ложной.

Вторым свидетелем выступил строитель Стефенсон. Он показал, что во вторник утром он встретился с неким Раулендом, тоже строителем. Рауленд вышел из какого-то дома со свертками в руках. Это было немного позже десяти часов. Стефенсон не мог сказать наверняка, из какого дома вышел Рауленд, но ему показалось, что он вышел из дома госпожи Эмслей. Стефенсон был знаком с Раулендом, но тот торопился на этот раз и пробежал мимо. Стефенсон остановил его и спросил: «Разве вы занимаетесь обойным делом?»

— Как же; а разве вы не знали этого? — ответил Рауленд.

— Нет, не знал, — сказал Стефенсон, — а иначе я бы вам дал заказ.

— Как же, как же, я давно занимаюсь этим, — подтвердил Рауленд и пошел своей дорогой.

После этого показания давал сам Рауленд. Он заявил, что считает Стефенсона полоумным.

Да, действительно, он встретил Стефенсона и имел с ним такой разговор, какой тот показывает, но происходило это за несколько дней до убийства. Вышел же он тогда не из дома миссис Эмслей, а из соседнего, где у него была работа.

Таковы были факты, подводить итоги которым пришлось председателю суда. Дело это было нелегкое. Многие из фактов, которым полиция придавала огромное значение, судья отбросил совсем. Так, например, он не придал значения тому обстоятельству, что ремень, найденный в доме Мэллинза, был похож на ремень, которым был завязан пакет. Удивительного тут, по мнению судьи, ничего не было: все ремни похожи один на другой. Равным образом судья не находил ничего важного и в том, что в доме Мэллинза найден кусок сапожного вара. Вар вовсе уж не такое необыкновенное вещество, чтобы не могло очутиться в доме штукатура. Неудивительно также, что у штукатура находится штукатурный молоток. Судья находил, кроме того, что сапог Мэллинза не соответствует кровавому отпечатку, как это воображала полиция. Самой страшной уликой против обвиняемого, по мнению председателя суда, было то, что он спрятал украденные у покойной вещи в сарае Эммса. Если он не совершал преступления, то почему он не скажет, как эти вещи к нему попали?

Подсудимый также солгал, объявив полиции, что госпожа Эмслей не отперла бы ему двери, между тем как доказано, что она ему доверяла и пускала его к себе в дом. Что касается показаний Раймонда и матроса, видевших будто бы Мэллинза возле места преступления, то судья не придавал им никакого значения. Не придавал значения и случаю с ключом. Ключ мог быть возвращен владелице в течение дня. Вся суть дела, по мнению судьи, заключалась в сокрытии вещей в сарае. Это была единственная улика против подсудимого, но зато улика была тяжкая, неопровержимая.

Присяжные совещались три часа и вынесли обвинительный приговор. Судья одобрил приговор. Читая свое постановление подсудимому, он сказал несколько слов, из которых было видно, что он не вполне убежден в виновности Мэллинза.

— Если вы можете доказать свою невиновность, — сказал он, — то советую вам поторопиться. Учреждение, которое будет рассматривать приговор суда, сумеет восстановить вас в правах...

Я считаю эту выходку варварской и нелогичной. Как это можно, сомневаться в виновности человека и в то же время присуждать его к виселице? Положим, улики против Мэллинза были очень тяжки. И кроме того, установлено, что его прошлое далеко не безукоризненно. Все это так, но Мэллинз был осужден на основании одних только косвенных улик. А с уликами этого рода надо обращаться с большою осторожностью. Часто этим уликам приписывают совершенно ложное значение.

Допустим, что суд не имел права верить детям Мэллинза, установившим алиби отца. Допустим, что показание Стефенсона не имеет никакого значения, но вот вам положительное и вполне беспристрастное свидетельство госпожи Бэрнс. Из этого свидетельства явствует, что если даже преступление и совершено Мэллинзом, то оно совершено им при иной обстановке, а вовсе не так, как воображала полиция. Да, вообще, теория, которой руководствовалось в данном случае правосудие, совершенно бессмысленна. По этой теории выходит следующее: преступник совершает убийство приблизительно в 8 часов вечера и остается на всю ночь в доме вместе с трупом жертвы. Сидит он в темноте, ибо свечку зажечь опасно, как бы не увидели соседи. Кроме того, преступник не уходит, пользуясь темнотой, а ждет белого дня и убегает на глазах у всех, при ярких лучах августовского утра.

Прочтя это дело во всех подробностях, вы остаетесь под неотразимым впечатлением, что суд, произнесший смертный приговор, действовал впотьмах. Мэллинз, по всей вероятности, был виноват, но полиции не удалось выяснить дела ни на йоту.

Дело это вызвало в свое время большой спор между специалистами, но большая публика осталась как нельзя более довольной. Преступление было возмутительное, и против подсудимого были восстановлены все.

Повешен был Мэллинз девятнадцатого ноября.

Умирая, он снова заявил, что невиновен.

Объяснить дело, стоившее ему жизни, он и не пытался. Но в последнюю минуту заявил, что Эммс в убийстве невиновен. Эти слова Мэллинза приняли за сознание в том, что он сам спрятал вещи в сарае.

Сорок пять лет прошло с того времени, но и до сих пор это темное дело так и осталось невыясненным.

Бразильский кот

Вобразите мое положение: молодой человек с утонченными вкусами, большими надеждами и аристократическими знакомствами, но без гроша в кармане и без стоящей профессии. Дело в том, что мой отец, который был человеком добродушным и жизнерадостным, настолько уверовал в щедрость своего богатого старшего брата-холостяка лорда Саутертон, что моя будущность не вызывала у него никаких опасений. Он полагал, что, если для меня не сыщется вакансии в огромном саутертоновском поместье, то, по крайней мере, найдется какой-нибудь дипломатический пост из тех, что являются прерогативой высшего сословия. Он умер слишком рано, чтобы осознать всю ошибочность своих расчетов. Ни дядя, ни государственные власти не проявили ни малейшего интереса ко мне и моей карьере. Время от времени мне присылали связку фазанов или корзину с зайцами — больше ничего не напоминало мне о том, что я наследник Отвелл-хауса, одного из богатейших поместий страны. Итак, я был холост, вел светский образ жизни и снимал квартиру в Гроувнор-мэншенс; занятия мои сводились к голубиной охоте да игре в поло в Херлингеме. Чем дальше, тем труднее становилось добиваться от кредиторов отсрочки платежей и брать деньги в долг в счет будущего наследства. Крах приближался неумолимо, и с каждым днем я видел это все яснее.

Остро чувствовать нищету заставляло меня еще и то, что, помимо богача, лорда Саутертонна, все прочие мои родственники тоже были вполне состоятельными людьми. Ближайшим из них был Эверард Кинг, племянник отца и мой двоюродный брат, который после долгих лет жизни в Бразилии, насыщенных всевозможными приключениями, вернулся на родину пожинать плоды своего богатства. Никто не знал, как ему удалось сколотить состояние, но ясно было, что оно весьма солидно, ибо он купил поместье Грейн-лэндс близ города Клиптон-он-зе-Марш в графстве Саффолк. В первый год своего пребывания в Англии он замечал меня не более, чем мой скупой дядюшка; но однажды летним утром, к моему огромному облегчению и радости, я получил от него письмо с предложением в тот же день отправиться в Грейнлэндс и погостить там некоторое время. Мне предстояло немалое время провести в суде по делам о финансовой несостоятельности, и я подумал, что письмо послано мне самим провидением. Если бы мне удалось сойтись с этим незнакомым родственником, я бы мог еще выкарабкаться. Ради репутации семьи он не допустит, чтобы я пошел ко дну. Я приказал слуге упаковать чемодан и вечером того же дня отправился в Клиптон-он-зе-Марш.

После пересадки в Ипсвиче маленький местный поезд довез меня до заброшенного полустанка, где среди поросших травой холмов петляла неторопливо текущая речка; по высоким илистым берегам можно было судить о работе морских приливов.

Меня никто не встречал (потом выяснилось, что моя телеграмма опоздала), и я нанял экипаж у местной гостиницы. Бравый возница всю дорогу расхваливал моего родича, и по его словам выходило, что мистер Эверард Кинг успел снискать в этих местах всеобщее уважение. Он и возился со школьниками, и разрешил всем желающим прогуливаться по своим угодьям, и не жалел денег на благотворительные цели — короче, его щедрость была столь необъятна, что возница мог объяснить ее только желанием стать членом парламента.

От хвалебных речей возницы мое внимание вдруг отвлекла очень красивая птица, сидевшая на телеграфном столбе у дороги. Сначала я подумал, что это сойка, но она была больше, а оперение — светлее. Возница тоже обратил на нее внимание и сказал, что она как раз принад-

лежит человеку, к которому мы едем. Выяснилось, что разведение всякой экзотической живности было его страстью, и он привез из Бразилии немало птиц и зверей, которые, как он рассчитывал, должны были прижиться в Англии. Когда мы миновали ворота Грейлэндс-парка, я смог воочию убедиться в истинности сказанного. Маленькие пятнистые олени, забавная дикая свинка (кажется, она зовется пекари), иволга с роскошным оперением, броненосец, странный косопалый зверек, похожий на очень толстого барсука — вот неполный перечень существ, которых я увидел, пока мы ехали по извилистой дорожке.

На пороге дома собственной персоной стоял мой дотселе незнакомый двоюродный брат мистер Эверард Кинг: он давно нас увидел и догадался, кто к нему едет. Он буквально источал дружелюбие и уют; на вид ему было лет сорок пять, он был коренаст, и его круглое добродушное лицо, смуглое от тропического солнца, покрывали бесчисленные морщинки. В белом полотняном костюме и заломленной назад большой панаме, с сигарой в зубах он выглядел настоящим плантатором. Такую фигуру легко представить себе на веранде какого-нибудь бунгало, и она совершенно не подходила к большому каменному дому в чисто английском стиле с массивными флигелями и палладианскими колоннами перед входом.

— Душенька! — воскликнул он, оглянувшись. — Душенька, вот и наш гость! Добро пожаловать, добро пожаловать в Грейлэндс! Я счастлив познакомиться с вами, дорогой Маршалл, и я бесконечно польщен тем, что вы решили почтить этот тихий деревенский уголок своим присутствием.

Услышав столь сердечные слова, я мгновенно почувствовал себя с ним накоротке. Но, при всем радушии хозяина, я ясно ощутил холодность и даже враждебность его жены — высокой женщины с изможденным лицом, которая вышла из дома на его зов. Она была, по-видимому, бразильянка, и, хотя она прекрасно говорила по-английски, я приписал странности ее поведения незнанию наших обычаев. С самого начала она не скрывала, что мое посещение не слишком ее радует. Ее речи, как правило, не выходили за рамки приличий, но выразительные черные глаза недвусмысленно говорили о желании моего скорейшего отъезда в Лондон.

Однако долги слишком угнетали меня, и я слишком дорожил знакомством с богатым родственником, чтобы недоброжелательность его жены могла мне помешать, так что я оставил ее вызов без внимания и постарался ответить взаимностью на безграничное расположение ко мне хозяина. Он не жалел усилий, стараясь сделать мое пребывание в его доме как можно более приятным. Моя комната была восхитительна. Он умолял меня сообщать ему о всех моих нуждах. Меня так и подмывало сказать, что спасти меня в моей нужде может только его подпись на незаполненном чеке, но я чувствовал, что на теперешней стадии нашего знакомства это было бы преждевременно. Обед был великолепен, и, когда мы потом наслаждались гаванскими сигарами и кофе, собранным, как он сказал, на его собственной плантации, я подумал, что хвалы моего возницы несколько не преувеличены и я никогда не встречал такого сердечного и гостеприимного человека.

Но, при всей своей приветливости, он оказался человеком сильной воли и kloкочущего темперамента. В этом я смог убедиться уже на следующее утро. Странная антипатия, которую испытывала ко мне миссис Эверард Кинг, оказалась настолько сильной, что ее поведение за завтраком было почти оскорбительным. Открытое столкновение произошло, когда ее муж ненадолго покинул комнату.

— Самый удобный поезд — в 12.15, — сказала она.

— Но я не думал ехать сегодня, — ответил я честно и, возможно, даже с некоторым вызовом, ибо твердо решил, что выпроводить меня этой женщине не удастся.

— Ну, как знаете, — сказала она и замолчала, дерзко глядя мне прямо в глаза.

— Если мистер Эверард Кинг, — проговорил я, — сочтет, что я злоупотребляю его радушием, он, я уверен, скажет мне об этом.

— Что такое? Что такое? — раздался голос, и в комнату вошел хозяин. Он слышал мои последние слова и по выражениям наших лиц понял все остальное. В один миг его круглое добродушное лицо приобрело выражение полнейшей ярости.

— Не могли бы вы выйти на минутку, Маршалл? — сказал он (должен пояснить, что меня зовут Маршалл Кинг).

Он закрыл за мной дверь, после чего какую-то секунду мне был слышен его тихий голос, полный едва сдерживаемого негодования. Грубое пренебрежение правилами гостеприимства несомненно сильно задело его. Не имея привычки подслушивать, я вышел погулять на лужайку. Вдруг я услышал позади себя торопливые шаги и, обернувшись, увидел миссис Кинг с бледным от волнения лицом и глазами, полными слез.

— Муж просил меня извиниться перед вами, мистер Маршалл Кинг, — произнесла она, стоя передо мной с потупленным взором.

— Ни слова больше, миссис Кинг!

Ее черные глаза вдруг сверкнули.

— Дурак! — сказала она яростным шепотом и, повернувшись на каблуках, ринулась в дом.

Оскорбление было столь ошеломляющим и возмутительным, что я мог только стоять и тупо глядеть ей вслед. В таком положении меня застал хозяин. К нему вернулся прежний приветливый вид.

— Жена, надеюсь, извинилась за свои глупые слова, — сказал он.

— О, да, конечно!

Он взял меня под руку и стал ходить со мной взад и вперед по лужайке.

— Не принимайте это близко к сердцу, — говорил он. — Я был бы невыразимо огорчен, если бы вы сократили визит даже на час. Дело в том — ведь мы с вами родственники, и между нами не должно быть секретов, — дело в том, что моя бедная женушка невероятно ревнива. Если кто-то — неважно, мужчина или женщина — хоть на мгновение оказывается между нами, она испытывает настоящие муки. Ее мечта — бесконечный тет-а-тет на необитаемом острове. Теперь вы понимаете причину ее поступков, которые, надо признать, в этом пункте приближаются к маниакальным. Обещайте мне, что не будете обращать на них внимания.

— Не буду. Конечно, не буду.

— Тогда зажгите сигару и пойдемте посмотрим мой маленький зверинец.

На осмотр всех птиц, зверей и рептилий, привезенных им из Бразилии, ушла большая часть дня. Одни разгуливали на свободе, другие содержались в клетках, третьи жили прямо в доме. Он с воодушевлением рассказывал

о своих успехах и неудачах, о рождениях и смертях и, как мальчик, вскрикивал от удовольствия, когда из травы вылетала какая-нибудь яркая птица или какой-нибудь экзотический зверь убегал от нас в кусты. Напоследок он повел меня по коридору в один из флигелей. Там я увидел крепкую дверь с окошком, закрытым заслонкой; рядом на стене был укреплен ворот с железной рукояткой. Дальше ход перегораживала массивная решетка.

— Я хочу показать вам жемчужину моей коллекции, — сказал он. — После того как умер роттердамский детеныш, в Европе остался только один подобный экземпляр. Это бразильский кот.

— Чем же он отличается от обычного кота?

— Сейчас увидите, — улыбнулся он. — Будьте добры, отодвиньте заслонку и загляните внутрь.

Я повиновался и увидел перед собой большую пустую комнату, вымощенную каменными плитами, с зарешеченными окошками на дальней стене. В середине комнаты, вытянувшись в ярком солнечном квадрате, лежал огромный зверь размером с тигра, но цвета черного дерева.

Он казался просто безмерно увеличенным и очень холеным черным котом, греющимся на солнышке. В нем было столько изящества, столько силы, столько нежной и вкрадчивой inferнальности, что я долго не мог оторвать от него глаз.

— Восхитителен, правда? — с чувством сказал хозяин.

— Великолепен! Никогда не видел столь благородного создания.

— Таких иногда называют черными пумами, но это никакая не пума. В нем почти одиннадцать футов от макушки до хвоста. Четыре года назад он был комочком черного пуха с двумя желтыми бусинками глаз. Мне продали его в верховьях Риу-Негру новорожденным малюткой. Его мать закололи копьями, но прежде она отправила на тот свет дюжину человек.

— Неужели они такие свирепые?

— Это самые коварные и кровожадные звери на свете. Стоит упомянуть бразильского кота в разговоре с индейцем из джунглей, как с ним делается припадок. Они предпочитают людей другой добыче. Этот молодчик еще ни разу не пробовал живой горячей крови, но, если попробует, ему удержу не будет. Кроме меня, он никого не терпит в своем логове. Даже Болдуин, который за ним

ухаживает, не осмеливается к нему подойти. Я для него и мать и отец в одном лице.

Тут он внезапно, к моему изумлению, открыл дверь и скользнул внутрь, после чего немедленно ее захлопнул. Услышав знакомый голос, огромный гибкий зверь поднялся, зевнул и стал влюбленно тереться круглой черной головой о бок хозяина, который тем временем похлопывал и поглаживал его рукой.

— А теперь, Томми, в клетку! — приказал он.

Гигантский кот тут же двинулся к одной из стен и свернулся калачиком под решетчатым навесом. Эверард Кинг вышел из комнаты, взялся за железную рукоятку, о которой я упомянул, и начал поворачивать ее. При этом решетка, находившаяся в коридоре, стала перемещаться в комнату сквозь прорезь в стене, замыкая клетку спереди. Закончив, он вновь открыл дверь и провел меня в помещение, где стоял едкий, затхлый запах, свойственный крупным хищникам.

— Так вот все и устроено, — сказал он. — Днем даем ему побегать по комнате, а ночь он проводит в клетке. Вращая рукоятку в коридоре, можно его запирасть и выпускать — вы видели, как это происходит. Осторожно, что вы делаете?

Я просунул руку сквозь прутья, чтобы погладить лоснящийся, вздымающийся бок. Он поспешно схватил ее и дернул назад, лицо его стало серьезным.

— Говорю вам: он опасен. Не воображайте, что если ко мне он ласкается, то и к другим будет. Он весьма разборчив — так ведь, Томми? Вот он уже услышал, что несут обед. Да, малыш?

В мощенном каменными плитами коридоре зазвучали шаги, и зверь, вскочив на ноги, стал ходить взад и вперед по узкой клетке — желтые глаза так и сверкали, красный язык трепетал между неровными рядами белых зубов. Вошел слуга с подносом, на котором лежал большой кусок мяса; подойдя к клетке, он бросил мясо через прутья. Кот легко ухватил пищу когтями и унес в дальний угол, где, зажав кусок между лап, принялся его терзать и кромсать, время от времени поднимая окровавленную морду и взглядывая на нас. Зловещая и завораживающая картина!

— Разумеется, я души в нем не чаю, — говорил хозяин на обратном пути, — тем более что я сам его выра-

тил. Не так-то просто было привезти его сюда из самого сердца Южной Америки; ну, а здесь он в тепле и холе — и, как я уже говорил, совершеннейший экземпляр в Европе. В зоологическом саду спят и видят его заполучить, но я не в силах с ним расстаться. Впрочем, я уже замутил вас своим хобби, так что теперь мы последуем примеру Томми и пойдем пообедаем.

Мой южноамериканский родственник был настолько поглощен своим имением и его необычными обитателями, что, как мне показалось вначале, внешний мир егонисколько не интересовал. То, что интересы у него все же были, и притом насущные, вскоре стало ясно по числу получаемых им телеграмм. Они приходили в разное время дня, и всегда он прочитывал их с сильнейшим волнением. То ли это новости со скачек, думал я, то ли с фондовой биржи — во всяком случае, его внимание было приковано к неким неотложным делам за пределами Саффолка. В каждый из шести дней моего пребывания он получал не менее трех-четырех телеграмм, а то и семь-восемь.

Я так приятно провел эти шесть дней, что под конец у меня с двоюродным братом установились самые сердечные отношения. Каждый вечер мы допоздна засиживались в бильярдной, где он потчевал меня рассказами о своих невероятных приключениях в Америке, о делах столь отчаянных и безрассудных, что трудно было соотнести их со смуглым коренастым человеком, сидевшим передо мной. В свою очередь, я позволил себе вспомнить некоторые эпизоды из лондонской жизни; они заинтересовали его так сильно, что он выразил твердое намерение приехать ко мне в Гроувнор-мэншенс. Он говорил, что ему не терпится окунуться в мир столичных увеселений, и скажу без ложной скромности, что он не смог бы найти лучшего гида, чем я. И только в последний день я отважился поговорить с ним начистоту. Я без прикрас поведал ему о моих денежных затруднениях и близком крахе, после чего спросил его совета — хотя рассчитывал на нечто более существенное. Он внимательно слушал, сильно затягиваясь сигарой.

— Но послушайте, — сказал он, — вы ведь наследник нашего родича, лорда Саутертон?

— Это верно, но он не такой человек, чтобы назначить мне содержание.

— Да, о его скупости я слышан. Мой бедный Маршалл, вы действительно попали в очень трудное положение. Кстати, как здоровье лорда Саутертонга?

— Я с детства только и слышу, что он в критическом состоянии.

— То-то и оно. Скрипит, скрипит — и проскрипит еще долго. Так что вам еще ждать и ждать. Господи, ну и попали же вы в переплет!

— Я надеялся, сэр, что вы, зная все, могли бы согласиться ссудить мне...

— Ни слова больше, мой мальчик! — воскликнул он, крайне растроганный. — Вернемся к этому разговору сегодня вечером, и заверяю вас, что сделаю все возможное.

Я не жалел о том, что мой визит приближается к концу, ибо чувствовал, что, по крайней мере, один из обитателей дома всей душой жаждет моего отъезда. Изможденное лицо и ненавидящие глаза миссис Кинг становились мне все более и более неприятны. Из страха перед мужем она не решалась на прямую грубость, но ее болезненная ревность проявлялась в том, что она избегала меня, никогда ко мне не обращалась и всячески старалась омрачить мое пребывание в Грейлэндс. В последний день ее поведение стало столь вызывающим, что я непременно уехал бы, если бы не обещанный вечерний разговор с хозяином, на который я возлагал большие надежды.

Ждать пришлось допоздна, потому что мой двоюродный брат, который получил за день еще больше телеграмм, чем обычно, после обеда удалился в свой кабинет и вышел, лишь когда весь дом заснул. Я слышал, как он, по своему обыкновению, ходил и запирал на ночь двери; наконец, он вошел ко мне в бильярдную. Его плотная фигура была облачена в халат, а на ногах красовались яркие турецкие шлепанцы. Усевшись в кресло, он приготовил себе стакан грога, причем, как я успел заметить, виски там было существенно больше, чем воды.

— Господи! — сказал он. — Ну и ночька!

Ночка и впрямь выдалась скверная. Ветер так и завывал, зарешеченные окна тряслись и, казалось, вот-вот вывалятся. И чем сильнее свирепствовала буря, тем ярче казался свет желтоватых ламп и тем утонченнее аромат наших сигар.

— Итак, мой мальчик, — обратился ко мне хозяин, — теперь нам никто не помешает, и впереди целая ночь. Расскажите мне о состоянии ваших дел, и тогда будет ясно, как привести их в порядок. Я хочу знать все до мелочей.

Подбодренный этими словами, я пустился в пространные объяснения, где фигурировали все мои поставщики и кредиторы — от домохозяина до слуги. В блокноте у меня были записаны все цифры, и не без гордости могу сказать, что, выстроив факты в единый ряд, я дал весьма дельный отчет о моем бездельном образе жизни и плачевном положении. Однако я с огорчением заметил, что мой собеседник крайне рассеян и взгляд его устремлен в пустоту. Если он вставлял замечание, то оно было столь формальным и бессодержательным, что становилось ясно: он ни в малейшей степени не следит за ходом моей мысли. Время от времени он изображал интерес, прося меня что-нибудь повторить или изложить более подробно, после чего немедленно погружался все в ту же задумчивость. Наконец он встал и кинул в камин окуроч сигары.

— Вот что, мой мальчик, — обратился он ко мне. — Я с детства не в ладах с цифирью, так что простите мою бестолковость. Набросайте-ка все на бумаге да не забудьте вывести общую сумму. Как увижу глазами — сразу пойму.

Предложение было обнадеживающим. Я пообещал изложить все как есть.

— А теперь пора и на боковую. Бог ты мой, уже час пробило!

Действительно, сквозь неистовый рев бури слышался бой часов. Ветер шумел, как настоящий водопад.

— Перед сном я должен проведать кота, — сказал хозяин. — Он всегда беспокоится в ветреную погоду. Пойдете со мной?

— Конечно, — ответил я.

— Только тихо и молча, а то все спят.

Неслышно ступая по персидскому ковру, мы прошли через освещенный вестибюль к дальней двери. В каменном коридоре было темно, но хозяин снял и зажег висевший на крюке фонарь. Решетки в проходе не было, и это значило, что животное находится в клетке.

— Пошли! — сказал мой двоюродный брат, открывая дверь.

О беспокойстве зверя можно было судить по встретившему нас глухому рычанию. И вот мы увидели его в мерцающем свете фонаря — огромным черным клубком он свернулся в углу клетки, отбрасывая на белую стену уродливое пятно тени. В раздражении он бил хвостом по соломенной подстилке.

— Бедный Томми не в духе, — сказал Эверард Кинг, подойдя с фонарем к нему поближе. Настоящий черный дьявол, верно? Ничего, поужинает — и дело пойдет на лад. Будьте добры, подержите фонарь.

Я повиновался, и он направился обратно к двери.

— Кладовка тут рядом, — сказал он. — Вы не против, если я на минуту вас покину? — Он вышел, и дверь с металлическим лязгом захлопнулась за его спиной.

От резкого звука я вздрогнул. Меня захлестнула внезапная волна страха. Смутное предчувствие чудовищного коварства заставило меня похолодеть. Я метнулся к двери, но изнутри она не открывалась.

— Эй! — крикнул я. — Выпустите меня!

— Все в порядке. Шуметь ни к чему, — произнес из коридора хозяин. — Вы как раз удобно держите фонарь.

— Но я не хочу оставаться тут один взаперти.

— Не хотите? — Я услышал его полнокровную усмешку. — Ну, так скоро вы будете не один.

— Выпустите меня, сэр! — повторил я гневно. — Немедленно прекратите этот дешевый розыгрыш.

— Для кого дешевый, для кого нет, — сказал он с новой отвратительной усмешкой. И тут, сквозь рев бури, я услышал протяжный скрип крутящегося ворота и громыхание решетки,двигающейся сквозь прорезь. Боже праведный, он выпустил бразильского кота из клетки!

В свете фонаря мимо меня медленно двигались прутья решетки. В дальнем конце клетки уже образовалась щель шириной в фут. С воплем я ухватился обеими руками за крайний прут и с безумным упорством принялся тянуть его назад. Я и впрямь был безумен — гнев и отчаяние переполняли меня. Минуту или больше мне удалось продержаться решетку в неподвижности. Я понимал, что он жмет на рукоятку изо всех сил и что преимущество рычага на его стороне. Я проигрывал дюйм за дюймом, ноги мои скользили по каменным плитам, и я беспрерывно

умолял безжалостного убийцу избавить меня от ужасной смерти. Я взывал к родственным чувствам. Я напоминал о долге гостеприимства; я вопрошал, какое зло я ему причинил. В ответ он только сильнее дергал рукоятку, и все новые прутья уходили в щель. Как я ни упирался, он протаскил меня по всей ширине клетки — и наконец я прекратил безнадежную борьбу, мои запястья свела судорога, а пальцы были ободраны в кровь. Решетка последний раз лязгнула, и я услышал удаляющийся шорох турецких шлепанцев; затем хлопнула дальняя дверь. И воцарилась тишина.

Все это время зверь не шевелился. Он лежал неподвижно в своем углу, и даже хвост его прекратил дергаться. Только что мимо него вместе с решеткой протаскивали вопящего человека — и зрелище его явно поразило. Его огромные глаза зорко следили за мной. Хватая решетку, я выронил из рук фонарь, но он все еще горел на полу, и я двинулся было к нему, как бы желая обрести в нем защиту. Но в тот же миг хищник издал глухое грозное рычание. Я замер, дрожа всем телом. Кот (если только к этому исчадию ада подходит такое домашнее слово) был всего в десяти футах от меня. Глаза его светились во тьме, как бы фосфоресцируя. Они пугали и притягивали меня. Я не мог оторвать от них взгляда. В минуты наивысшего напряжения природа порой играет с нами странные шутки: мне почудилось, будто эти мерцающие огни то разгораются, то пригасают в волнообразном ритме. Вот они уменьшились, став ослепительно яркими точками — электрическими искорками во тьме: вот они начали расширяться и расширяться, заполняя весь угол комнаты зловещим переменчивым светом. И вдруг они потухли совсем.

Зверь закрыл глаза. То ли верна оказалась старая теория о подавлении силой человеческого взгляда звериного, то ли огромный кот просто хотел спать — что бы ни было, он, не проявляя ни малейшего желания нападать, опустил черную лоснящуюся голову на могучие передние лапы и, похоже, заснул. Я стоял, боясь неосторожным движением вернуть его к губельному бодрствованию. Все же теперь зловредный взгляд не сковывал меня, и я мог собраться с мыслями. Итак, я заперт на всю ночь со свирепым хищником. Нет сомнений, что он не менее жесток, чем обходительный мерзавец, заманивший меня в эту

ловушку, — тут рассказам хозяина можно верить. Как продержаться до утра? На дверь надежды никакой, на узкие зарешеченные окна — тоже. В пустой комнате с каменным полом укрыться негде. Звать на помощь бессмысленно. К тому же шум бури заглушит любые мои крики. Остается уповать лишь на собственную отвагу и находчивость.

Тут я взглянул на фонарь, и меня обдала новая волна ужаса. Свеча сильно оплыла и еле теплилась. Ей оставалось гореть минут десять — не больше. Именно столько времени оставалось мне на размышление: я чувствовал, что, оказавшись со страшным зверем в крошечной тьме, я потеряю способность к какому-либо действию. Сама мысль об этом была невыносима. В отчаянии я водил глазами по своей пыточной камере и вдруг наткнулся на место, как будто обещавшее — не спасение, нет, но хотя бы не такую немедленную и неминуемую гибель, как остальная часть комнаты.

Я уже говорил, что, помимо передней стенки, у клетки была еще и крыша, которая оставалась на месте, когда решетку убирали в прорезь в стене. Она была сделана из железных прутьев, отстоявших один от другого на несколько дюймов и обтянутых прочной проволочной сеткой, а по бокам опиралась на массивные стойки. Она нависала над распластавшимся в углу животным, как огромный решетчатый тент. Между ней и потолком оставалось фута два-три. Если бы я сумел втиснуться в этот просвет, я сделался бы неуязвим со всех сторон, кроме одной. Ни снизу, ни сзади, ни с боков меня не достать. Возможна только лобовая атака. От нее, конечно, не защититься; но так, по крайней мере, я не стоял бы у зверя на пути. Чтобы напасть, ему пришлось бы сойти с привычного маршрута. Раздумывать было некогда: погасни фонарь — и надежде конец. Судорожно глотнув воздух, я прыгнул, вцепился в железный прут и с трудом вскарабкался на решетку. Изогнув шею, я посмотрел вниз и вдруг уперся взглядом в жуткие глаза хищника, в зевоте разинувшего пасть. Зловонное его дыхание обдало мне лицо, как пар от какого-то гнусного варева.

Впрочем, он был скорее озадачен, чем зол. Встав, он распрямил длинную черную спину, по которой пробежала легкая дрожь; затем, поднявшись на задние лапы, одной из передних он оперся о стену, а другой провел по

проволочной сетке, на которой я лежал. Один острый белый коготь прорвал мне брюки (должен заметить, что я был во фракной паре) и расцарапал колено. Это была еще не атака, скорее проба, ибо, услышав мой вскрик, он опустился на пол, легко выпрыгнул из клетки и начал стремительно бегать по комнате, время от времени взглядывая на меня. Я же протиснулся вглубь до самой стены и лежал, стараясь занимать как можно меньше места. Чем дальше я забирался, тем труднее становилось меня достать.

По его движениям было видно, что он возбужден: стремительно и бесшумно он кружил и кружил по комнате, то и дело пробегая под моим металлическим ложем. Удивительно: столь громадное тело перемещалось почти как тень, с едва уловимым шелестом бархатных подушечек. Свеча догорала, и разглядеть зверя становилось все труднее. Наконец, вспыхнув напоследок и зашипев, она погасла. Я остался в темноте один на один с котом!

Мысль о том, что сделано все возможное, всегда помогает перед лицом опасности. Остается только бесстрастно ждать развязки. Я понимал, что нашел единственное место, дававшее хоть какую-то надежду на спасение. Вытянувшись в струну, я лежал совершенно неподвижно, затаив дыхание: вдруг зверь забудет о моем присутствии. Я сообразил, что уже около двух часов ночи. Солнце встает в четыре. До рассвета оставалось не более двух часов.

Снаружи по-прежнему бушевала буря, и в окошки беспрерывно хлестал дождь. В комнате стояло невыносимое зловоние. Я не видел и не слышал кота. Я пытался думать о других предметах, но лишь одна мысль смогла заставить меня на время забыть о своем плачевном положении. Это была мысль о подлости моего двоюродного брата, о его неимоверном лицемерии, о его звериной ненависти ко мне. Под приветливым лицом таился нрав средневекового палача. Чем больше я думал, тем яснее видел, как умно все было проделано. Разумеется, он притворился, будто идет спать. Без сомнения, позаботился и о том, чтобы это видели. Потом тихонько прошмыгнул вниз, заманил меня сюда и запер. По его версии все выйдет очень просто. Он оставил меня докуривать в бильярдной. Потом мне взбрело в голову взглянуть напоследок на кота. Я вошел в комнату, не заметив, что клетка от-

крыта, и поплатился за это. Как можно будет доказать его вину? Подозрение — возможно, но улики — никаких!

Как медленно тянулись эти ужасные два часа! В какой-то момент раздался негромкий неприятный звук — похоже, зверь вылизывал свою шерсть. Несколько раз я замечал во тьме вспышку зеленоватых глаз, но взгляд на мне не задерживался, и я с надеждой стал думать, что кот или забыл обо мне, или не обращает на меня внимания. Наконец, сквозь окошки забрезжил рассвет: сперва среди черноты показались два смутных серых квадрата, потом они побелели, и я снова увидел моего страшного соседа. Увы, он меня тоже!

С первого взгляда стало ясно, что теперь он настроен куда более агрессивно и кровожадно. Утренний холод раздражал его, и он явно проголодался. С непрерывным рычанием он снова встал вдоль дальней от меня стены, его усы злобно топорщились, хвост мотался и хлестал по полу. Дойдя до угла, он поворачивал назад, каждый раз при этом взглядывая на меня с выражением смертельной угрозы. Я видел, что он намерен меня убить. Но даже в эту минуту я не мог не восхищаться гибкой грацией дьявольского отродья, его плавными волнистыми движениями, блеском великолепной шерсти, живой дрожью ярко-красного языка на фоне черной как смоль морды. Глухое гневное рычание все нарастало и нарастало, не прерываясь ни на секунду. Вот-вот должна была наступить развязка.

Смерть, казалось, приберегла для меня самый скверный час: в холоде и тоске, дрожа в легком фраке, я, как для пытки, распластался на своей решетке. Я старался подбодрить себя, воспарить духом — и в то же время, с той остротой видения, какая возникает только в полном отчаянии, искал способа избежать гибели. Ясно мне было вот что. Если бы передняя стенка клетки была снова выдвинута, а я оказался за ней, я был бы спасен. Но как привести ее в движение? Я боялся шевельнуться, чтобы не привлечь внимания зверя. Медленно, очень медленно я высвободил руку и нащупал край решетки — верхний прут, слегка выступавший из стены. Потянув, я с удивлением обнаружил, что он поддается довольно легко. Трудность, конечно, была в том, что мне пришлось бы перемещаться вместе с решеткой. Я дернул еще раз и

вытянул ее еще дюйма на три. Дело шло на лад. Я дернул еще... и тут кот прыгнул!

Я не увидел прыжка — так внезапно и стремительно все произошло. Я только услышал устрашающий рев, и миг спустя гладкая черная голова, сверкающие желтые глаза, красный язык и ослепительные зубы оказались на расстоянии протянутой руки от меня. От прыжка решетка, на которой я лежал, содрогнулась, и я подумал (если только я мог о чем-нибудь подумать в такой миг), что падаю. На секунду кот повис на передних лапах, его голова была совсем рядом со мной, задние лапы пытались зацепиться за решетку. Я слышал скрежет когтей по проволочной сетке и едва не терял сознание от зловонного дыхания чудовища. Но прыжок оказался неудачным. Зверь не мог долго оставаться в таком положении. Медленно, яростно скаля зубы и бешено царапая решетку, он качнулся назад и тяжело спрыгнул на пол. Рыча, он тут же поднял морду ко мне и изготовился для нового прыжка.

Я понял, что решается моя судьба. Урок пойдет хищнику впрок. Он не допустит новой ошибки. Я должен действовать стремительно и бесстрашно — на карту поставлена жизнь. План созрел мгновенно. Сорвав себя фрак, я швырнул его чудовищу на голову. В ту же секунду я спрыгнул на пол, ухватился за край передней решетки и с бешеной силой потащил ее к себе.

Она пошла легче, чем я ожидал. Я ринулся через комнату, волоча ее за собой; получилось так, что находился я с внешней ее стороны. Не будь этого, я остался цел и невредим. Увы, мне пришлось остановиться, чтобы проскочить в оставленную мной щель. Заминки оказалось достаточно, чтобы зверь избавился от фрака, закрывавшего ему глаза, и прыгнул на меня. Я бросился в проход и задвинул за собой решетку, но хищник успел зацепить мою ногу. Одним движением могучей лапы он располоsoвал мне икру, срезав мышцу, словно рубанок стружку с доски. В следующую секунду, истекая кровью и теряя силы, я рухнул на вонючую солому, но спасительная решетка отделила меня от яростно кидавшегося на нее зверя.

Слишком изуродованный, чтобы двигаться, и слишком ослабевший, чтобы испытывать страх, я лежал ни жив ни мертв, и смотрел на него. Прильнув могучей черной гру-

дью к прутьям решетки, он все пытался достать меня когтистыми лапами, словно котенок попавшую в западню мышь. Он терзал мою одежду, но до меня, как ни старался, дотянуться не мог. Я и раньше слышал, что раны, нанесенные крупными хищниками, вызывают необычное оцепенение, а теперь испытал это на себе: я утратил ощущение собственного «я» и с интересом постороннего зрителя наблюдал за наскоками зверя. Постепенно я погрузился в мир смутных видений, среди которых порой возникали черная морда и высунутый красный язык — и, наконец, впал в беспамятство или, может быть, в нирвану, где измученные находят блаженный покой.

Восстанавливая потом ход событий, я заключил, что лежал без сознания около двух часов. Прервал мое забытье тот самый металлический язг, который стал предвестником моего ужасного приключения. Это была защелка замка. Еще не придя до конца в себя, я увидел в дверном проеме круглое добродушное лицо двоюродного братца. Открывшееся ему зрелище явно поразило его. Кот отдышал, распластавшись на полу. Я лежал в клетке на спине в луже крови, в одной рубашке и изодранных в клочья брюках. У меня до сих пор стоит перед глазами его изумленное лицо, освещенное утренним солнцем. Он все вглядывался и вглядывался в меня. Потом закрыл за собой дверь и пошел к решетке посмотреть, жив я или нет.

Не могу сказать определенно, что произошло дальше. Меньше всего я годился тогда на роль свидетеля или хроникера. Вдруг я увидел его затылок — он отвернулся от меня и смотрел на зверя.

— Что с тобой, Томми? — крикнул он. — Что с тобой?

Он все пытался и пытался, и спина его была уже у самой решетки.

— Сидеть, безмозглая тварь! — взревел он. — Сидеть, сударь! Забыл, кто твой хозяин?

Тут в моем помутившемся мозгу всплыла одна его фраза: он сказал, что вкус крови может превратить бразильского кота в сущего дьявола. Кровь-то была моя, а расплачиваться пришлось ему.

— Прочь! — вопил он. — Прочь, собака! Болдуин! Болдуин! Господи!

Я услышал, как он упал, поднялся, снова упал, и раздался еще один звук, словно от рвущейся ткани. Его крики, заглушаемые ревом хищника, становились все слабее. Наконец, когда я уже считал его мертвым, я, как в кошмарном сне, увидел его в последний раз: окровавленный и растерзанный, он вслепую бежал через комнату — и тут я снова потерял сознание.

Я поправлялся много месяцев; о полной поправке, впрочем, не могло быть и речи, и до конца дней со мной будет моя палка — памятка о ночи с бразильским котом. Когда Болдуин и другие слуги прибежали на отчаянные крики хозяина, они не могли понять, что случилось: я лежал за решеткой, а его останки — вернее, то, что лишь потом опознали как его останки, — держал в когтях зверь, которого он сам вырастил. При помощи раскаленных железных прутьев хищника заставили выпустить добычу, а затем его пристрелили сквозь окошко в двери — и только после этого я был вызволен из плена. Меня перенесли в спальню, где, под крышей у моего несостоявшегося убийцы, я несколько недель пребывал на волоске от смерти. Из Клиптона вызвали хирурга, из Лондона — сиделку, и через месяц я уже способен был выдержать переезд домой, в Гроувнор-мэншенс.

Память моя сохранила одно воспоминание, которое, не будь оно столь отчетливым, я мог бы счесть одним из многочисленных бредовых видений, рожденных воспаленным мозгом. Однажды ночью, когда сиделка куда-то отлучилась, дверь моей комнаты отворилась, и в нее скользнула высокая женщина, одетая с ног до головы в черное. Приблизившись, она склонилась надо мной бледное лицо, и в тусклом свете ночника я узнал бразильянку — вдову моего двоюродного брата. Она пытливо всматривалась мне в глаза с гораздо более мягким, чем прежде, выражением на лице.

— Вы в сознании? — спросила она.

Я только слабо кивнул — силы возвращались ко мне медленно.

— Вот и хорошо, я только хочу сказать, что вы сами виноваты. Я сделала для вас все, что могла. С самого начала я хотела выставить вас из дома. Всеми средствами, кроме прямой измены, я пыталась спасти вас от мужа. Я знала, что он вызвал вас не случайно. Я знала, что

живым он вас не выпустит. Мне ли не знать его — я настрадалась от него, как никто. Я не решилась сказать вам полную правду. Он убил бы меня. Но я сделала все, что было в моих силах. Вышло так, что вы оказали мне неоценимую услугу. Вы освободили меня, а я ведь думала, что буду мучиться до конца дней. Я сожалею, что вы покалечены, но себя мне винить не в чем. Я назвала вас дураком — вы и вправду вели себя, как дурак.

Она шмыгнула прочь из комнаты — странная, угловатая женщина, — и я никогда больше ее не видел. Продав имущество мужа, она вернулась на родину и, по слухам, теперь монашескует где-то в Пернамбуку.

Пролежав дома какое-то время, я наконец получил от врачей разрешение понемногу заниматься делами. Особенной радости от этого я не испытывал, поскольку боялся нашествия кредиторов; но первым воспользовался разрешением мой адвокат Саммерс.

— Как я рад видеть, что ваша светлость идет на поправку, — сказал он. — Я так долго дожидался возможности поздравить вас.

— Какая еще светлость, Саммерс? Нашли время шутить.

— Я не шучу, — ответил он. — Вы уже шесть недель, как лорд Саутертон, только мы боялись вам об этом сказать, чтобы не помешать вашему выздоровлению.

Лорд Саутертон! Один из богатейших людей Англии! Я ушам не мог поверить. И вдруг меня поразило странное совпадение дат.

— Лорд Саутертон, должно быть, умер примерно тогда же, когда со мной случилась эта история?

— В тот же самый день. — Саммерс испытующе смотрел на меня, и я уверен — ведь он умница, каких мало, — что он разгадал всю подноготную. Он помолчал, словно ждал от меня подтверждения своим мыслям, но я не видел причины подвергать огласке внутрисемейное дело.

— Странное совпадение, ничего не скажешь, — продолжал он с понимающим видом. — Вы, конечно, знаете, что ваш двоюродный брат Эверард Кинг был после вас самым близким родственником покойного лорда. Если бы этот тигр растерзал не его, а вас, то лордом Саутертоном стал бы он.

— Без сомнения, — согласился я.

— И ведь его это очень интересовало, — сказал Саммерс. — Мне рассказывали, что он платил камердинеру лорда Саутертону за то, что тот несколько раз в день сообщал ему телеграммами о состоянии здоровья хозяина. Это было примерно в то же время, когда вы там гостили. Разве не странно, что ему были нужны столь подробные сведения, хотя он прекрасно знал, что он не прямой наследник?

— Очень странно, — ответил я. — А теперь, Саммерс, давайте-ка сюда счета и новую чековую книжку и начнем приводить дела в порядок.

Черный доктор

Бишоп Кроссинг — деревушка, лежащая в десяти милях к юго-западу от Ливерпуля. В начале семидесятых годов здесь поселился врач, которого звали Алоиз Лана. В деревне ничего не знали ни о его прошлом, ни о причинах, побудивших его переехать в этот затерянный уголок Ланкашира. О нем было известно только две вещи: первое — что он получил медицинский диплом с отличием в Глазго; второе — что он, без сомнения, принадлежал южной расе. Кожа его была очень темной, и он наверняка имел примесь индусской крови. Однако в его внешности преобладали европейские черты; он отличался хорошими манерами и умением держаться в обществе, это вызывало предположение, что в его жилах была и капля испанской крови. Смуглая кожа, волосы цвета воронова крыла, темные глаза, сверкающие из-под густых бровей — все это резко контрастировало с соломенными волосами и грубоватыми манерами местных жителей. Нового врача вскоре прозвали «Черным доктором из Бишоп Кроссинга». Вначале это звучало пренебрежительно и с насмешкой, но шли годы, и это прозвище стали произносить как почетный титул. Вся округа знала доктора, и слава о нем разнеслась далеко за пределы деревни.

Новый доктор оказался способным хирургом и прекрасным врачом. До его приезда в этом местечке прак-

тиковал Эдвард Рау, сын сэра Вильяма Рау, ливерпульского консультанта. Однако он не унаследовал таланта отца, и доктор Лана, благодаря своей внешности и учтивым манерам, скоро потеснил своего конкурента. Он быстро добился успеха и в обществе. После успешной операции достопочтенного Джеймса Лаури, второго сына лорда Бельтона, он был представлен своим пациентом местному светскому обществу. Скоро, благодаря хорошим манерам и умению вести беседу, он повсюду стал желанным гостем. Иногда отсутствие родственников и груза прошлого скорее помогает, чем мешает в продвижении по социальной лестнице. Так, незаурядность личности доктора, его внешность и обаяние служили лучшей рекомендацией. Его пациенты находили в нем один — всего один! — недостаток. Он казался убежденным холостяком. Это было особенно удивительно и потому, что он занимал большой дом и всем было ясно, что его успешная практика давала возможность скопить значительное состояние. Вначале местные свахи строили планы насчет той или иной барышни. Но шли годы, а доктор Лана оставался холостяком, и все поняли, что по какой-то причине он избегал женитьбы. Злые языки утверждали, что он уже был женат и, дабы избежать последствий неравного брака, решил похоронить себя в Бишоп Кроссинге. И вдруг, когда свахи уже в отчаянье отвернулись от него, объявили о его помолвке с мисс Фрэнсис Мортон из Лей Холла.

Мисс Мортон была молодой леди, хорошо известной в округе. Ее отец, Джеймс Холден Мортон, владел большими землями в Бишоп Кроссинге. Однако к этому времени родители ее умерли, и она жила с единственным братом Артуром Мортоном, наследником поместья. Мисс Мортон выделялась высоким ростом и держалась с достоинством. Это была натура живая и порывистая, с сильным характером. Она познакомилась с доктором Лана на приеме, который устраивали для гостей в саду. Между ними вспыхнула дружба, которая быстро переросла в любовь. Ничто не могло сравниться с их преданностью друг другу. Правда, между ними была разница в возрасте: ему — тридцать семь, а ей — двадцать четыре; но, кроме этого, не было никаких препятствий для их брака. Помолвка состоялась в феврале, а свадьбу было решено сыграть в августе.

Третьего июня доктор Лана получил письмо из-за границы. В маленькой деревушке начальник почтового отделения является и начальником отделения сплетен; и мистер Бэнки из Бишоп Кроссинга мог бы многое порассказать про секреты своих соседей. Об этом письме он сообщил следующее: конверт выглядел странно, был написан мужским почерком, письмо отправлено из Буэнос-Айреса, на нем была аргентинская марка. Насколько ему известно, это было первое письмо доктору Лана из-за границы; вот почему он так внимательно рассмотрел его, прежде чем вручить почтальону. Вечером того же дня его доставили доктору Лана.

На следующее утро — то есть 4 июня — доктор Лана навестил мисс Мортон и долго говорил с ней. Было замечено, что он вернулся домой очень взволнованный. Мисс Мортон весь день провела в своей комнате; служанка несколько раз заставляла ее в слезах. Через неделю в деревне только и говорили, что о разрыве помолвки. Поговаривали, что доктор Лана недостойно обошелся с молодой леди и Артур Мортон, ее брат, грозился отхлестать его плеткой. В чем именно проявилось недостойное отношение доктора, было неизвестно. Многие ломали голову, выдвигая те или иные соображения. Доктор Лана часами бродил вокруг Лей-Холла, не пытаясь войти в дом. Это было всеми замечено и воспринято как доказательство того, что совесть его неспокойна. Он перестал посещать воскресную службу, где мог встретить молодую леди. В журнале «Ланцет» появилось объявление о продаже практики, и, хотя не называлось никаких имен, многие посчитали, что речь идет о Бишоп Кроссинге и доктор Лана собирается уехать из деревушки, где пользовался почетом и уважением. Таково было положение дел, когда вечером в понедельник, 21 июня, произошли события, которые превратили простой деревенский скандал в трагедию и приковали к себе внимание всей Англии. Но сначала нужно рассказать о некоторых деталях, ибо они очень важны, чтобы понять все события того вечера.

В доме доктора кроме него жили всего два человека: почтенная экономка по имени Марта Вудз и молодая служанка — Мери Поллинт. Кучер и мальчик, помогавший при операциях, ночевали у себя дома. Вечерами доктор работал у себя в кабинете, который располагался

в боковом крыле дома, рядом с приемной. Кабинет этот находился довольно далеко от комнат прислуги. Для удобства пациентов в этой стороне дома был свой вход, поэтому доктор мог сам впускать посетителей, и об этом никто не знал. И действительно, нередко больным, которые приходили поздно, открывал сам доктор: служанка и экономка обычно ложились рано.

В ту ночь Марта Вудз зашла в кабинет доктора в половине десятого и застала его за письменным столом. Она пожелала ему спокойной ночи, отправила служанку спать и до 22.45 занималась домашними делами. Когда она отправилась к себе, часы пробили одиннадцать. Она провела в комнате минут пятнадцать — двадцать, когда раздался страшный вопль. Она подождала некоторое время, но все было тихо. Очень обеспокоенная, ибо крик был громкий и резкий, она набросила халат и поспешила в кабинет доктора.

— Кто там? — раздался резкий голос, когда она забарабанила в дверь.

— Это я, сэр, миссис Вудз.

— Умоляю, оставьте меня в покое! Отправляйтесь к себе! — закричал голос, который — она была в этом уверена — принадлежал ее хозяину. Но сказано это было так грубо и так непохоже на обычную манеру доктора, что она очень удивилась и обиделась.

— Я подумала, вы звали меня, сэр, — попыталась она объяснить, но ответа не последовало. Миссис Вудз с обидой отправилась в свою комнату, по дороге взглянула на часы. Было половина двенадцатого.

В промежуток между одиннадцатью и двенадцатью (она не могла точно назвать время) к доктору пришла пациентка. Она стучала в дверь, но ответа не последовало. Эта поздняя пациентка была миссис Мэддинг, жена деревенского бакалейщика, больного тяжелой формой тифа. Накануне доктор Лана просил ее зайти вечером и сказать, как себя чувствует больной. Она увидела свет в кабинете, но, постучав в дверь, ведущую в эту часть дома, и не дождавшись ответа, решила, что доктора вызвали к больному, поэтому она отправилась домой.

От дома к дороге вела небольшая извилистая аллея, в конце которой горел фонарь. Когда миссис Мэддинг вышла из ворот, она заметила мужчину, шедшего по дорожке. Думая, что это доктор, возвращавшийся после визи-

та к больному, она решила подождать и очень удивилась, увидев Артура Мортон, молодого сквайра. При свете фонаря она заметила, что он очень возбужден, а в руке сжимает большой охотничий хлыст. Он направлялся к воротам, когда она обратилась к нему.

— Доктора нет дома, сэр, — сказала она.

— А вы откуда знаете? — грубо спросил он.

— Я была у входа в приемную.

— Но свет у него горит, — промолвил молодой сквайр, вглядываясь в темноту. — Это ведь его кабинет, верно?

— Да, сэр, но я уверена, доктора нет дома.

— Ну, что ж, скоро вернется, — сказал молодой Мортон и направился через ворота, а миссис Мэддинг поспешила домой.

В три часа утра ее муж вновь почувствовал себя плохо, и она была так встревожена, что решила безотлагательно вызвать доктора. Когда она проходила через ворота, то с удивлением заметила, как кто-то прятался в лавровых кустах. Это был, без сомнения, мужчина и — в этом она была совершенно уверена — не кто иной, как Артур Мортон. Однако ее столь занимали собственные дела, что она не обратила на это особого внимания и поспешила дальше.

Подойдя к дому, она с удивлением убедилась, что в кабинете все еще горит свет. Миссис Мэддинг принялась стучать в дверь, ведущую в приемную. Ответа не было. Она стучала несколько раз, но безрезультатно. Ей показалось странным, что доктор мог лечь спать или выйти из дома, оставив такой яркий свет. Миссис Мэддинг пришло в голову, что, может быть, он просто уснул в кресле. Она принялась барабанить в окно кабинета, но тоже без результата. Обнаружив между занавеской и оконной рамой щелку, она заглянула внутрь.

Большая лампа на столе освещала всю комнату. Стол был завален книгами и инструментами. Никого не было видно, и она не заметила ничего необычного, за исключением того, что в тени стола на ковре лежала грязная белая перчатка. Затем внезапно, по мере того как ее глаза привыкали к свету, она увидела ботинок. Тогда она с ужасом поняла: то, что она вначале приняла за перчатку, было рукой человека, распростертого на полу.

Понимая, что произошло нечто ужасное, она принялась изо всех сил звонить в парадную дверь и подняла на ноги

экономку, миссис Вудз. Обе женщины отправились в кабинет доктора, предварительно послав служанку в полицию.

Наискось от окна, возле стола, нашли мертвого доктора Лана. Он лежал распростертый на спине. Налицо были признаки насильственной смерти: один глаз подбит, на лице и шее видны следы кровоподтеков. Черты лица исказились и казались крупнее обычного. Это заставило предположить, что смерть наступила от удушья. На докторе была одежда, в которой он принимал больных, на ногах — матерчатые тапочки, подошвы которых оказались совершенно чистыми. На ковре, особенно со стороны двери, были следы грязных башмаков, вероятно, оставленные убийцей. Очевидно, кто-то вошел через дверь, ведущую в приемную, убил доктора и вышел из дома незамеченным. Убийцей был мужчина, это было ясно по размеру обуви и по характеру повреждений на теле покойного. Но дальше полиция зашла в тупик.

Не было обнаружено никаких следов кражи; даже золотые часы доктора лежали в кармане. В кабинете стоял тяжелый сейф, где доктор держал деньги. Он оказался запертым, но внутри не было ни пенса. Миссис Вудз полагала, что там обычно лежала крупная сумма, однако в тот самый день доктор оплатил наличными большую счет за зерно. Полагали, что именно поэтому, а не из-за грабителей, сейф и оказался пуст. В комнате не хватало одной вещи, и это отсутствие наводило на некоторые размышления. Портрет мисс Мортон, который всегда стоял на столике сбоку, был вынут из рамки и исчез. Миссис Вудз видела его вечером, когда заходила к хозяину, а теперь он исчез. На полу нашли зеленую повязку на глаз, которую экономка раньше не видела. Но такая повязка могла храниться и у доктора, следовательно, не было ничего, что указывало бы на связь с преступлением.

Все подозрения сводились к одному, и Артур Мортон, молодой сквайр, был немедленно арестован. Против него были только косвенные улики, но довольно серьезные. Он был очень предан своей сестре, и многие утверждали, что после разрыва между ней и доктором Лана он неоднократно грозился отомстить ее бывшему возлюбленному.

Было установлено, что его видели около одиннадцати вечера с охотничьим хлыстом в руке. Он направлялся по аллее к дому доктора. Полиция сделала вывод, что он

ворвался в кабинет доктора, и именно в это время миссис Вудз услышала крик — кричали то ли от страха, то ли от гнева. Когда появилась миссис Вудз, доктор Лана, видимо, решил переговорить со своим посетителем и поэтому велел экономке идти к себе. Разговор продолжался долго, он становился все более и более напряженным и кончился дракой, в результате которой доктор Лана лишился жизни. Вскрытие, однако, показало, что у доктора было больное сердце — об этом никто даже не подозревал, пока он был жив. Врачи полагали, что смерть в этом случае могла бы произойти и от ран, которые для здорового человека не были смертельны. Затем Артур Мортон вынул из рамки фотографию сестры и отправился домой. Но по дороге он заметил миссис Мэддинг и спрятался в кустах. Такова была версия, выдвинутая обвинением, и улики выглядели достаточно вескими.

С другой стороны, и у защиты были достаточно серьезные аргументы. Мортон слыл подвижным и легко возбудимым человеком, как и сестра, но его уважали и любили все в округе, и казалось, что его открытая и честная натура не способна на такие поступки. Сам он объяснял происшедшее следующим образом. Он хотел переговорить с доктором Лана о неотложных семейных делах (заметим, что он отказался упоминать имя своей сестры). Обвиняемый не отрицал, что этот разговор, возможно, был бы неприятным. По дороге он встретил пациентку доктора Лана и узнал, что доктора нет дома. Он ждал его возвращения до трех утра. Но так как доктора все не было, ему пришлось отказаться от своего намерения и вернуться домой. Что касается обстоятельств смерти доктора, то ему об этом известно не больше, чем констеблю, который его арестовал. Раньше он был близким другом убитого, но по некоторым обстоятельствам, о которых он предпочитает не говорить, его чувства изменились.

Несколько фактов говорили в пользу его невиновности. Так, было установлено, что в половине двенадцатого доктор Лана еще был жив и находился в своем кабинете. Миссис Вудз была готова поклясться, что именно в это время она слышала голос доктора. Друзья обвиняемого утверждали, что, возможно, в это время доктор Лана был уже не один. Крик, который привлек внимание экономки, странное поведение ее хозяина, его нетерпеливое желание, чтобы его оставили в покое, — казалось, все

указывало на это. Если так, то представлялось вполне вероятным, что смерть наступила в промежуток между той минутой, когда экономка услышала крик и тем временем, когда миссис Мэддинг пришла к дому доктора в первый раз и не смогла достучаться до него. Но если именно в это время он умер, то было совершенно ясно, что мистер Мортон никак не причастен к его смерти, поскольку миссис Мэддинг встретила молодого сквайра позже.

Если эта гипотеза верна и какой-то человек был с доктором Лана до того времени, как миссис Мэддинг встретила мистера Артура Мортон, то кто же был этот некто и какие мотивы были у него желать зла доктору? Все признавали, что, если бы друзья обвиняемого могли пролить свет на это дело, они бы во многом помогли установлению его невиновности. Но с течением времени обыватели стали поговаривать, что не было никаких доказательств того, что кто-то вообще был в доме доктора, кроме молодого сквайра. Хотя, с другой стороны, многочисленные свидетельства указывали, что мотивом его прихода были отнюдь не добрые побуждения. В то время, когда появилась миссис Мэддинг, доктор, возможно, вышел из дома. Он мог вернуться позже и встретиться с дожидавшимся его Артуром Мртоном. Некоторые из сторонников обвиняемого придавали большое значение тому факту, что фотографию его сестры Фрэнсис, исчезнувшую из комнаты доктора, не обнаружили среди вещей мистера Мортон. Этот аргумент, однако, не очень принимали во внимание, поскольку у обвиняемого было достаточно времени до ареста, чтобы сжечь фотографию или уничтожить ее другим способом. Что касается единственных реальных улик в этом деле — речь идет о грязных следах на полу, — то они были настолько расплывчатыми на мягком ковре и стали такими нечеткими, что сделать какие-то серьезные выводы оказалось просто невозможно. По виду их вполне мог оставить обвиняемый; далее доказывалось, что его башмаки после ночи тоже были грязными. Однако в тот вечер лил сильный дождь, и башмаки всех жителей деревни, возможно, находились в подобном плачевном состоянии.

Такова неприкрашенная правда об этой череде уникальных романтических событий, что привлекли внимание всего Ланкашира. Незвестное происхождение док-

тора, его странная, необычная личность; высокое положение человека, который обвинялся в убийстве; любовная история, предшествующая убийству, — все это сплелось в один клубок и превратило дело в одну из тех драматических историй, которые приковывают внимание всей нации. По всем трем графствам только и говорили, что о деле «Черного доктора» из Бишоп Кроссинга. Чтобы объяснить известные факты, выдвигалось множество версий. Но можно с уверенностью сказать, что среди них не было ни одной, предсказавшей тот неожиданный поворот событий, который вызвал столько толков в первый день суда и достиг своего апогея во второй. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной лежат подшивки «Ланкастер Уикли» с подробными отчетами. Однако я вынужден ограничить себя лишь кратким обзором событий первого дня заседаний суда до того момента, когда выступила мисс Фрэнсис и ее показания пролили свет на это запутанное дело.

Мистер Порлок Карр, главный обвинитель, с присущей ему скрупулезностью выстроил все известные факты. По мере того как заканчивался первый день слушания дела, становилось ясно, какая трудная задача лежала перед мистером Хамфри, защитником обвиняемого. К присяге привели несколько свидетелей. Они поклялись, что слышали, как обвиняемый весьма несдержанно отзывался о докторе. Они упоминали и о ярости, с которой молодой человек говорил о «плохом» отношении доктора к его сестре.

Миссис Мэддинг повторила свои свидетельские показания, рассказав, как поздно вечером встретила обвиняемого неподалеку от дома доктора. Другой свидетель показал, что обвиняемый знал о привычке доктора вечерами сидеть в одиночестве в своем кабинете, расположенном в дальнем крыле дома. Именно поэтому, считал свидетель, обвиняемый выбрал поздний час: ведь тогда жертва была целиком в его власти. Слута из дома сквайра признался, что слышал, как около трех часов утра вернулся его хозяин. Это подтвердило показания миссис Мэддинг, которая считала, что видела в кустах именно мистера Мортон во время своего второго посещения дома доктора. Подробно разбирался вопрос о грязных башмаках и о сходстве отпечатков следов. Чувствовалось, что обвинение достаточно потрудилось, и, несмотря на случайность

улик, само дело выглядело таким законченным и убедительным, что судьба подсудимого, казалось, была окончательно решена — разве что защите удалось бы открыть что-то неожиданное. Было три часа, когда кончились выступления представителей обвинения. В половине пятого, когда суд вновь собрался после перерыва, произошло нечто непредвиденное. Я цитирую рассказ об этом событии по журналу, о котором уже упоминал, опустив описание здания муниципалитета.

«Когда в переполненном здании суда защита вызвала в качестве свидетеля мисс Фрэнсис Мортон, сестру обвиняемого, это произвело настоящую сенсацию. Наши читатели помнят, что молодая леди была помолвлена с доктором Лана, а внезапный разрыв помолвки вызвал гнев ее брата и привел к преступлению. Мисс Мортон, однако, никоим образом не была замешана в этом деле, и ее имя не фигурировало ни на следствии, ни на судебном процессе, и поэтому ее появление в качестве главного свидетеля было неожиданным.

Мисс Фрэнсис Мортон, высокая красивая брюнетка, давала свои показания тихо, но отчетливо. Было заметно, что она очень волнуется. Она упомянула о своей помолвке с доктором и о ее разрыве. Это произошло, как она сказала, по личным мотивам, связанным с семьей доктора. Она вызвала всеобщее удивление, заявив, что всегда считала возмущение брата нелепым и несдержанным. На вопрос судьи она ответила прямо, что не таит против доктора Лана никакой обиды и, с ее точки зрения, он вел себя безупречно. Ее брат, не зная всех фактов, встал на другую точку зрения, и она вынуждена признать, что, несмотря на все ее мольбы, он действительно угрожал доктору, а в тот вечер, когда произошла трагедия, грозился «расквитаться с ним». Она сделала все возможное, чтобы успокоить его, но он очень упрям, когда дело касается его чувств или убеждений.

До этого места показания молодой леди, казалось, говорили скорее против обвиняемого, чем в его пользу. Вопрос адвоката, однако, осветил это дело с другой стороны и показал совершенно неожиданную линию, которой решила придерживаться защита.

М-р Хамфри. Вы верите, что ваш брат мог совершить это преступление?

Судья. Я протестую, мистер Хамфри. Мы собрались сюда обсуждать факты, а не мнения.

М-р Хамфри. Вы утверждаете, что ваш брат не виновен в смерти Лана?

Мисс Мортон. Да, я это знаю.

М-р Хамфри. Откуда вам это известно?

Мисс Мортон. Потому, что доктор Лана жив.

Публика заволновалась, и допрос свидетеля пришлось на время прервать.

М-р Хамфри. Почему вы утверждаете, что доктор Лана жив?

Мисс Мортон. Потому, что я получила от него письмо, написанное после его так называемой смерти.

М-р Хамфри. Это письмо у вас с собой?

Мисс Мортон. Да, но я бы предпочла не показывать его.

М-р Хамфри. А конверт цел?

Мисс Мортон. Да, вот он.

М-р Хамфри. Какой штемпель на конверте?

Мисс Мортон. Ливерпуль.

М-р Хамфри. А дата?

Мисс Мортон. 22 июня.

М-р Хамфри. Значит, следующий день после так называемой смерти. Вы готовы поклясться, что это его почерк, мисс Мортон?

Мисс Мортон. Конечно.

М-р Хамфри. Я вызвал шесть других свидетелей, ваша честь, которые подтвердят, что это почерк доктора Лана.

Судья. В таком случае, пригласите их завтра.

М-р Порлок Карр (главный обвинитель). Тем временем, ваша честь, мы требуем представить этот документ нам, чтобы можно было собрать доказательства того, что мы имеем дело с подделкой почерка джентльмена, которого все с уверенностью считают покойным. Нет необходимости указывать уважаемому суду, что эта столь неожиданной возникшая версия может быть очевидной уловкой друзей обвиняемого, дабы сбить следствие с толку. Я бы привлек ваше внимание и к тому факту, что молодая леди, по ее собственному признанию, вероятно, уже имела это письмо во время предварительного судебного разбирательства в полиции. И сейчас она хочет заставить

нас поверить, что предоставила делу идти своим чередом, хотя у нее в кармане было доказательство, способное в одну минуту положить конец всем обвинениям.

М-р Хамфри. Мисс Мортон, можете ли вы объяснить это?

Мисс Мортон. Доктор Лана хотел, чтобы его секрет оставался в тайне.

М-р Порлок Карр. Тогда зачем вы раскрыли его?

Мисс Мортон. Чтобы спасти моего брата.

По залу прокатился шепот, явно выражающий симпатию, но судья быстро навел тишину.

Судья. Как мне представляется, линия защиты теперь зависит от того, сможете ли вы, мистер Хамфри, сказать нам достаточно ясно, кто же этот человек, чей труп все друзья и пациенты признали телом доктора Лана.

Присяжный. А кто-нибудь выражал на этот счет сомнения?

М-р Порлок Карр. Насколько мне известно, нет.

М-р Хамфри. Мы надеемся внести необходимую ясность.

Судья. Итак, заседание суда откладывается до завтра.

Такой новый поворот дела возбудил всеобщий интерес. Пресса пока воздерживалась от комментариев, т. к. судебный процесс еще не кончился. Повсюду обсуждали, насколько правдивы слова мисс Мортон и не пустила ли она в ход уловку, чтобы спасти брата. Было ясно, что, если по какому-то чрезвычайному стечению обстоятельств доктор Лана жив, он должен нести ответственность за смерть того неизвестного, так похожего на него, которого нашли у него в кабинете. В письме, которое мисс Мортон отказалась показать, возможно, содержалось признание. Вероятно, сама мисс Мортон находилась в ужасном положении: спасти брата от виселицы она могла только принеся в жертву возлюбленного.

На следующее утро здание суда было набито до отказа. В зале заволновались, когда появился мистер Хамфри. Было заметно, что он находился в приподнятом настроении, это пробивалось даже через его обычную броню сдержанности. Он быстро сказал несколько слов представителям обвинения — всего пару слов, вызвавших глубокое изумление на лице мистера Порлока Карра. Затем главный защитник, обращаясь к судье, объявил, что,

с согласия обвинения, молодая леди, которая давала показания на прошлом заседании, сегодня не будет присутствовать на суде.

Судья. Позволю заметить, дело принимает весьма неблагоприятный для защиты оборот.

М-р Хамфри. Возможно, ваша честь, наш следующий свидетель несколько прояснит положение дел.

Судья. Что ж, вызовите следующего свидетеля.

М-р Хамфри. Я приглашаю в зал доктора Алоиза Лана.

Маститому адвокату за свою жизнь довелось произносить немало речей, но, вероятно, никогда ему не удавалось произвести такой сенсации всего одной фразой. И судьи, и зрители были просто ошеломлены, когда человек, чья судьба столь долго была предметом жаркого спора, предстал перед ними собственной персоной для дачи свидетельских показаний. Те из зрителей, кто хорошо знал доктора, сразу заметили, как он похудел и осунулся, лицо его прорезали глубокие морщины. Но, несмотря на то что выглядел он неважно, многие утверждали, что впервые встречали такого незаурядного человека. Поклонившись судье, он попросил разрешения сделать заявление. Как и положено, его предупредили, что все, сказанное им, может быть использовано против него. Он вновь поклонился и продолжал.

— Мое желание, — начал он, — не скрывать ничего и рассказать совершенно искренне обо всем, что произошло 21 июня. Если бы я знал, что пострадает невинный человек и я доставлю столько хлопот тем, кого люблю больше всего на свете, я пришел бы давным-давно. Но были причины, по которым известия об этих событиях не доходили до меня. Да, я хотел, чтобы несчастный человек мог бы навсегда исчезнуть из мира, где его все знали, но я никак не предвидел, что мои действия повлияют на других людей. Позвольте мне, насколько это в моих силах, исправить то зло, которое я совершил.

Для человека, знакомого с историей Аргентинской республики, имя Лана хорошо известно. Мой отец родом из старинной испанской семьи, откуда вышли многие видные государственные деятели. Он наверняка стал бы президентом, если бы не погиб во время мятежа в Сан Хуане. Передо мной и моим братом-близнецом Эрнестом

открывалось блестящее будущее, если бы не финансовый крах, в результате которого нам пришлось думать, как самим зарабатывать на жизнь. Прошу прощения, сэр, если эти детали кажутся вам неуместными, но я вынужден сделать это вступление, чтобы вы смогли лучше понять все остальное.

Как я уже сказал, у меня был брат-близнец по имени Эрнест, так похожий на меня, что когда мы были вместе, люди не могли различить нас. С годами сходство стало меньше, потому что лица наши приобретали разные выражения, но, когда мы были спокойны, различить нас оказывалось очень сложно.

Не пристало дурно говорить о мертвых, да еще о собственном брате. Пусть об этом говорят те, кто лучше узнал его. Замечу только, что в юности я испытывал перед ним ужас и имел все основания питать к нему отвращение. От его поступков страдала и моя репутация, так как многое приписывали мне; виной тому — наше сходство. После одного особо постыдного дела весь позор пал на меня, и я вынужден был навсегда покинуть Аргентину и искать счастья в Европе.

Несмотря на тоску по родине, я был счастлив, что освободился от его ненавистного присутствия. У меня хватало денег, и я занялся изучением медицины в Глазго, а затем обосновался в Бишоп Кроссинге и занялся практикой. Я был уверен, что никогда не услышу о нем в этой заброшенной ланкаширской деревушке.

В течение нескольких лет так и было, но он все же сумел разыскать меня. Один ливерпулец, который посетил Буэнос-Айрес, навел его на мой след. Брат мой уже потерял все свое состояние и теперь рассчитывал пополнить свои доходы за мой счет. Зная, как я боюсь его, он верно рассчитывал, что я захочу любой ценой откупиться от него. И вот я получил письмо, в котором он сообщал, что скоро придет. Для меня это был полный крах, крушение всех надежд — ведь его приезд мог вызвать массу неприятностей и даже навлечь позор на тех, кого я больше всего пытался оградить и защитить. Я принял меры, чтобы любой удар мог обрушиться только на меня. Именно это, — здесь он повернулся в сторону обвиняемого, — повторяю, именно это и было причиной моего поведения, о котором стали судить столь поспешно. Моим единственным стремлением было оградить дорогих мне

людей от возможного скандала и позора, ибо с приездом брата для меня все началось бы сначала.

Однажды ночью мой брат появился сам. Было уже поздно, слуги ушли спать, а я сидел в своем кабинете, как вдруг услышал шорох гравия на дорожке. Спустя минуту я увидел его: он пристально смотрел на меня через окно. Его лицо, как и мое, было гладко выбрито, и сходство между нами было так велико, что на мгновение я подумал: да это мое собственное отражение в оконном стекле. Один глаз у него скрывала темная повязка, но черты наши были совершенно одинаковы. Он язвительно усмехнулся — о, я помню эту усмешку еще с детства! Я сразу понял, что передо мной тот же человек, который заставил меня бросить родину и навлек позор на мое славное имя. Я открыл дверь и впустил его. Было, должно быть, около десяти часов вечера.

Когда он подошел ближе к свету, я сразу заметил, что ему пришлось несладко. Он шел пешком от Ливерпуля и выглядел больным и усталым. Меня совершенно потрясло выражение его лица. Медицинский опыт говорил мне, что он серьезно болен. Он сильно пил, и лицо было в кровоподтеках — результат драки с матросами. Он носил повязку, чтобы прикрыть подбитый глаз; войдя в комнату, он снял ее. На нем были бушлат и фланелевая рубашка, из разорванных башмаков торчали пальцы. Но бедность сделала его еще более мстительным и жестоким по отношению ко мне. Его ненависть переросла в манию. Он считал, что здесь, в Англии, я катаюсь как сыр в масле, купаюсь в деньгах, в то время как он подыхает с голоду в Южной Америке. Не могу описать все угрозы и оскорбления, которыми он осыпал меня. Кажется, пьянство и лишения помрачили его рассудок. Он метался по комнате, как дикий зверь, требуя денег, извергая поток грязных ругательств. Я человек вспыльчивый, но, слава богу, могу сказать, что сохранил хладнокровие и не поднял на него руку. Но мое спокойствие только сильнее распаляло его. Он бушевал, ругался, потрясал кулаками у моего лица. Внезапно черты его исказились, по телу прошла судорога, он схватился за бок и с воплем рухнул к моим ногам. Я поднял его, уложил на диван. Он не отвечал на мои вопросы, а рука, которую я держал, была холодной и влажной. Больное сердце не выдержало; собственная ярость погубила его.

Долгое время я сидел как в забытьи, уставясь на мертвое тело. Я пришел в себя от шума: в дверь колотила миссис Вудз, которую поднял на ноги этот предсмертный крик. Я велел ей отправляться спать. Вскоре в дверь приемной стал стучать какой-то пациент, но я не обратил внимания, кто это был — мужчина или женщина. Пока я сидел, в моем мозгу созрел план. Это произошло почти автоматически — наверное, так и рождаются планы. И когда я встал со стула, мои дальнейшие движения стали чисто механическими, мысль здесь даже не участвовала. Мною руководил только инстинкт.

С тех пор как произошли изменения в обстоятельствах моей жизни, о которых я уже упоминал, Бишоп Кроссинг стала мне ненавистна. Мои жизненные планы рухнули, я встретил поспешные суждения и дурное отношение там, где рассчитывал найти поддержку. Правда, опасность скандала, которую я ожидал с приездом брата, теперь исчезла — он был мертв. Но мысль о прошлом вызвала у меня только страдание; я чувствовал, что прежняя жизнь никогда не вернется. Пожалуй, я чрезмерно чувствителен, может статься, я недостаточно думаю о других, но, поверьте, именно такие чувства я испытывал в те минуты. Любая возможность бежать из Бишоп Кроссинг, не видеть больше его обитателей, казалась мне счастьем. И сейчас появился случай, о котором я не смел и мечтать: я мог навсегда порвать с прошлым.

На диване в моей комнате лежал человек, который как две капли воды похож на меня — правда, черты его лица были крупнее и грубее, чем у меня. За исключением этого, нас невозможно было отличить. Никто не видел, как он пришел, и ни один человек не хватится его. Лицо его, как и мое, было гладко выбрито, волосы почти такой же длины, как и у меня. Если поменяться одеждой, то завтра доктора Лана найдут мертвым в его кабинете, и это положит конец всем его несчастьям. В моем распоряжении была достаточная сумма денег, я мог захватить их с собой и попытаться счастья в другом месте. В одежде брата я мог бы за ночь добраться до Ливерпуля, а в таком большом порту нетрудно уехать из Англии. Мои надежды были разбиты, и я предпочел бы самое скромное существование там, где меня никто не знал, той благополучной жизни, которая была у меня в Бишоп Кроссинг. Ведь здесь в любую минуту я мог столкнуться с

теми, кого хотел — если бы это было возможно! — поскорее забыть. Итак, я решил воспользоваться обстоятельствами.

Так я и сделал. Не буду углубляться в подробности, ибо воспоминания об этом причиняют мне боль. Через час брат уже лежал одетый, до мельчайших деталей, в мое платье, а я, крадучись, вышел через дверь приемной. Стараясь выбирать нехоженые тропы, я зашагал прямо через поля в сторону Ливерпуля. Под утро я достиг цели. Саквояж с деньгами да один портрет — вот все, что я взял с собой. В спешке я забыл про повязку, которой брат завязывал глаз. Остальные его пожитки я прихватил с собой.

Даю слово, сэр, что никогда, ни на минуту, мне не приходило в голову, что люди могут заподозрить убийство. Не думал я и о том, что кто-то может подвергаться серьезной опасности из-за моего поступка. Напротив, я рассчитывал освободить других от своего присутствия — это было моим главным стремлением. В тот день из Ливерпуля в Корунпу отплывал парусник. Я купил билет на этот рейс, думая, что путешествие даст мне время собраться с мыслями и обдумать планы на будущее. Но до отхода корабля мое решение поколебалось.

Я подумал, что в мире есть человек, которому я ни за что на свете не должен причинить вреда. В глубине души она будет оплакивать меня, как бы грубы и бестактны ни были ее родные. Ведь она поняла и оценила мотивы, которыми я руководствовался, и если остальные члены семьи осудили меня, то она, по крайней мере, меня не забудет. Поэтому я послал ей письмо, где просил хранить все в тайне. Я пытался избавить ее от лишнего горя. И если под давлением обстоятельств она нарушила клятву, то я понимаю и прощаю ее.

Только вчера ночью я вернулся в Англию. Все это время я ничего не слышал ни о той сенсации, которую вызвала моя так называемая смерть, ни об обвинении, которое предъявили мистеру Артуру Мортону. Только вчера в вечерней газете я прочел отчет о заседании и поспешил приехать с утренним экспрессом, чтобы поскорее установить истину.

Таково было заявление, сделанное доктором Алоизом Лана, которое положило конец судебному разбирательству. Дополнительное расследование подтвердило, что его

брат Эрнест Лана действительно приплыл из Южной Америки. Судовой врач засвидетельствовал, что во время путешествия он жаловался на плохое сердце, и симптомы совпадали с признаками болезни, вызвавшей его смерть.

Что касается доктора Алоиза Лана, то он вернулся в ту деревню, из которой столь драматически исчез. Между ним и молодым сквайром было достигнуто полное примирение; последний признал, что совершенно неверно понял причины, которыми руководствовался доктор Лана, разрывая помолвку. О том, что вскоре последовало и другое примирение, можно судить из заметки, помещенной на видном месте в «Морнинг пост».

«19 сентября состоится венчание, которое совершит преподобный Стефан Джонсон, в приходской церкви Бишоп Кроссинг. Венчаются Алоиз Ксавьер Лана, сын дона Альфреда Лана, бывшего министра иностранных дел Аргентинской республики, и Фрэнсис Мортон, дочь покойного Джеймса Мортон, мирового судьи, из Лей Холла, Бишоп Кроссинг, графство Ланкашир».

Новые катакомбы

— **П**ослушай, Бергер, — сказал Кеннеди, — я хочу, чтобы ты был со мной откровенным.

Два известных исследователя истории Древнего Рима сидели в уютной комнате Кеннеди, окна которой выходили на Корсо. Ночь была прохладной, и им пришлось придвинуть кресла к итальянскому камину — не слишком удачному сооружению, от которого исходило, скорее, не тепло, а душный воздух. Снаружи, под яркими зимними звездами, раскинулся современный Рим: длинная двойная цепь электрических фонарей, ослепительные огни кафе, грохот мчащихся экипажей, говор оживленной толпы на тротуарах. Но здесь, в роскошной комнате молодого английского археолога, царил только Древний Рим. На стенах висели потрескавшиеся, тронутые дыханием времени осколки лепных орнаментов, по углам стояли потемневшие старинные бюсты сенаторов и полководцев. Их лица жестко и сурово смотрели на говоривших. Посередине комнаты, на столе, среди бумаг, обрывков и рисунков, разбросанных в беспорядке там и сям, стоял знаменитый макет бань Каракалла, сделанный Кеннеди. Эта реконструкция была выставлена в Берлине и вызвала огромный интерес и восхищение у знатоков. Под самым потолком были прикреплены древние амфоры, а богатый турецкий ковер увешан старинными вещами. Все они несли печать безупречной подлинности, были край-

не редкими и обладали огромной ценностью. Кеннеди, хотя ему было немногим больше тридцати, пользовался европейской известностью в своей области, и, более того, у него было изрядное состояние. Богатство либо служит роковым препятствием для исследователя, либо, если он обладает целеустремленностью, дает ему огромные преимущества в борьбе за славу и признание. Кеннеди часто поддавался соблазнам и оставлял свои занятия ради удовольствий. Он обладал острым умом, способным к целенаправленным действиям. Но эти старания часто заканчивались апатией. Его красивое лицо, высокий белый лоб, слегка хищная форма носа, чувственный рот — все отражало силу и одновременно слабость его натуры.

Его товарищ, Джулиус Бергер, был совершенно иного типа. Он происходил из необычной семьи: его отец был немец, а мать — итальянка, поэтому черты сильного Севера странно перемешались в нем с мягкой грациозностью Юга. На загорелом лице сияли голубые глаза германца, над ними возвышался массивный квадратный лоб и копна золотистых волос. Сильный, твердый подбородок был гладко выбрит. Его товарищ часто подмечал, как он порой напоминал тех древних римлян, лица которых смотрели из углов комнаты. Под грубовато-добродушной немецкой силой крылся намек на итальянскую хитрость; но его улыбка была такой открытой, а глаза такими честными, что любой понимал, что здесь сказывается происхождение, а отнюдь не истинный характер. Он был одного возраста с Кеннеди и пользовался такой же известностью. Однако ему пришлось затратить на это гораздо больше усилий. Двенадцать лет назад бедным студентом он приехал в Рим и жил на небольшую стипендию, которую присудил ему Боннский университет. Медленно и мучительно, благодаря огромной силе воли и упорству, взбирался он со ступеньки на ступеньку по лестнице признания.

Теперь он являлся членом Берлинской академии, и были все основания полагать, что ему вскоре предложат кафедру знаменитого немецкого университета. Но та целеустремленность, которая подняла его до уровня блестящего англичанина, стала причиной того, что во всем, кроме своей специальности, он стоял бесконечно ниже его. Никогда, ни на секунду он не прерывал своих занятий, чтобы дать возможность развиваться другим качествам

своей натуры. И лишь тогда, когда он говорил о своем любимом предмете, лицо его становилось одухотворенным и дышало жизнью. В остальных случаях он был молчалив и неловок и слишком болезненно ощущал свою ограниченность в других областях жизни. Он терпеть не мог светских разговоров, этого обычного убежища для людей, у которых нет своих мыслей.

И тем не менее в течение нескольких лет между этими соперниками существовали приятельские отношения, которые понемногу перерастали в дружбу. Из всех молодых ученых они оказались единственными, способными оценить друг друга. Их сблизили общие интересы и стремления, и каждый отдавал должное знаниям соперника. Постепенно к этому прибавилось и другое. Кеннеди восхищался искренностью и простотой своего товарища, а Бергер был очарован блеском и живостью ума, которые делали Кеннеди любимцем римского общества. Я говорю «делали», потому что как раз в это время репутация молодого англичанина оказалась несколько подпорченной. Дело в том, что в одной любовной истории, детали которой так никогда и не стали известны, он показал себя бессердечным и черствым человеком. Это оттолкнуло от него многих друзей. Но в том холостяцком кружке студентов и артистов, в котором он предпочитал вращаться, в таких вещах не принято было соблюдать строгий кодекс чести. И хотя кое-кто качал головой или пожимал плечами — мол, уехали вдвоем, а вернулся один — в этом кружке преобладало чувство любопытства и, возможно, зависти, но отнюдь не осуждения.

— Послушай, Бергер, — повторил Кеннеди, твердо глядя в глаза своему приятелю. — Я действительно хочу, чтобы ты был со мной откровенным.

При этих словах он показал рукой на коврик, лежащий на полу. Там стояла неглубокая плетеная корзина для фруктов — такие корзины делают в Кампаньи. Там в беспорядке лежали самые разные вещи: черепки с надписями, обрывки записей, разбитая мозаика, клочки папируса, ржавые металлические украшения. Человеку непосвященному эти предметы могли показаться просто мусором, но специалист мгновенно распознал бы их уникальность. Кучка хлама в плетеной корзинке представляла собой одно из недостающих звеньев исторической цепи развития общества. Это был настоящий клад для иссле-

дователя. Вещи эти принес сюда немец, и теперь глаза англичанина жадно впивались в них.

— Я не буду ни во что вмешиваться. Но мне бы очень хотелось послушать твой рассказ, — продолжал он, пока Бергер медленно зажигал сигару. — Это, без сомнения, огромное открытие. Надписи произведут сенсацию во всей Европе.

— Да, ведь здесь всего несколько вещей, а там их сотни, — сказал немец. — Их столько, что дюжина маститых ученых может всю жизнь изучать и, сравнивая их, создать себе репутацию — такую же прочную, как замок Сан-Анджело.

Кеннеди сидел задумавшись, на его прекрасном лбу появились морщины, а пальцы теребили длинные красивые усы.

— Вот ты и выдал себя, Бергер, — наконец произнес он. — Твои слова могут означать только одно: ты нашел новые катакомбы.

— Я и не сомневался, что ты уже понял это, рассматривая вещицы.

— Да, они подтверждают мои предположения, а теперь твои замечания не оставили ни малейшего сомнения. Нет другого места, кроме катакомб, где можно столько всего обнаружить.

— Совершенно верно. Да в этом и нет никакой тайны. Я действительно открыл катакомбы.

— Где?

— Ну, уж это мой секрет, дорогой Кеннеди. Скажу только, они расположены так, что нет ни малейшего шанса из миллиона, что кто-нибудь еще наткнется на них. Их происхождение отличается от всех известных катакомб, и использовали их для погребения самых богатых христиан. Поэтому эти вещи так отличаются от всего, что находили раньше. Если бы я не отдавал себе отчета, как много ты знаешь и сколько в тебе энергии, я бы, не колеблясь, рассказал тебе обо всем — разумеется, взяв слово молчать. Но, думаю, я сначала должен сделать собственный доклад об этом открытии, а уж потом вступать в такую жестокую конкуренцию.

Кеннеди любил свое дело; любил так страстно, что порой это граничило с манией. Этой страсти он был предан всецело, несмотря на все развлечения, которые свойственны богатому и ветреному молодому человеку.

Он был тщеславен, но его тщеславие занимало лишь второе место по сравнению с простой чистой радостью и интересом ко всему, что касалось жизни и истории Рима. И теперь он жаждал увидеть этот новый подземный мир, который открыл его приятель.

— Послушай, Бергер, — произнес он серьезно, — уверяю тебя, ты можешь довериться мне без колебаний. Ничто не заставит меня взяться за перо, пока я не получу твоего разрешения. Я вполне понимаю твои чувства и считаю их совершенно естественными, но тебе действительно нечего бояться. С другой стороны, если ты мне не откроешь свой секрет, я начну систематические поиски и наверняка обнаружу катакомбы. В этом случае, конечно, я воспользуюсь своей находкой как захочу, поскольку не буду связан никакими обязательствами.

Бергер задумчиво улыбался, покуривая сигару.

— Я заметил, милый друг, что, когда мне хочется получить от тебя кое-какие сведения, ты далеко не всегда охотно делишься со мной.

— Скажи, бога ради, когда это ты спрашивал меня о чем-то и я тебе не рассказал все, что знал? Помнишь, как я дал тебе материал для работы о храме Весталя?

— Ну, это было не так уж и важно. Вот интересно, если бы мне пришлось в голову задать тебе несколько личных вопросов, ответил бы тогда? Ведь эти катакомбы для меня — дело весьма личное, и я бы хотел, чтобы ты тоже поделился со мной своим секретом.

— Не понимаю, куда ты клонишь, — пожал плечами англичанин. — Но если ты намекаешь, что расскажешь о катакомбах, если я отвечу на твой вопрос, то можешь быть уверен — отвечу на любой.

— Ну, тогда, — сказал Бергер, с наслаждением откидываясь на спинку кресла. Сделав глубокую затяжку, он пустил вверх причудливые клубы дыма, — расскажи мне все о твоих отношениях с мисс Мэри Сондерсон.

Кеннеди резко выпрямился в кресле и с гневом посмотрел на своего невозмутимого приятеля.

— Черт побери, что ты имеешь в виду? — закричал он. Что это еще за вопросы? Ты, наверное, шутишь, но это твоя самая неудачная шутка.

— Нет, я не шучу, — просто ответил Бергер. — Меня действительно интересуют кое-какие детали этого дела. Я не очень много знаю о свете, женщинах, обществен-

ной жизни и прочих подобных предметах, поэтому твой случай имеет для меня особую прелесть. Я знаю тебя, видел ее, и мне даже довелось пару раз говорить с ней. Поэтому мне хотелось бы услышать от тебя, что между вами было.

— Я не скажу ни слова.

— Ну и не надо. Просто мне захотелось посмотреть, раскроешь ли ты мне свой секрет — ведь ты рассчитываешь, что я легко расстанусь со своей тайной о катакомбах. Ах, ты не скажешь ни слова? Право, я и не ждал другого ответа. Но тогда что же ты хочешь услышать от меня? Слышишь, часы на церкви Святого Джона бьют десять. Мне давно пора домой.

— Стой, погоди немного, Бергер, — остановил приятеля Кеннеди. — Действительно, с твоей стороны странный каприз — так стремиться узнать подробности любовной истории, которая окончилась много месяцев назад. Ты ведь знаешь, как в нашем кругу относятся к мужчине, который сначала целуется с девушкой, а потом болтает об этом направо и налево: это величайший трус и подлец.

— Конечно, — ответил немец, собирая в корзинку свои сокровища. — Когда он говорит что-то о девушке, которую раньше никто не знал, это действительно так. Но в данном случае, и ты об этом прекрасно знаешь, дело было достаточно громким, и об этом говорил весь Рим. Поэтому вряд ли ты причинишь какой-то вред мисс Мэри Сондерсон, если поговоришь о ней со мной. Но тем не менее я уважаю твои чувства, поэтому прощай!

— Подожди минуту, Бергер! — воскликнул Кеннеди, схватив за руку своего друга. — Мне эти катакомбы просто покоя не дают, пойми, я не могу так легко от них отказаться. Может, спросишь меня о другом — ну, что-нибудь не такое странное?

— Нет, нет, ты отказался и давай кончим с этим, — сказал Бергер, беря корзину. — Ты, без сомнения, совершенно прав, что не ответил, и я, без сомнения, тоже совершенно прав, поэтому, мой дорогой Кеннеди, спокойной ночи!

Англичанин наблюдал, как Бергер направляется к выходу и уже берется за ручку двери. В это мгновение он вскочил с видом человека, который ничего не может с собой поделать.

— Задержись на минуту, старина! — воскликнул он. — По-моему, ты ведешь себя на редкость глупо, но если таковы твои условия, я вынужден принять их. Терпеть не могу болтать о девушках, но если, как ты утверждаешь, об этом и так знает весь Рим, вряд ли я расскажу тебе что-то новенькое... Ну, так что же ты хочешь узнать?

Немец вернулся назад к камину и, поставив корзинку, опустился в свое кресло.

— Можно еще сигару? — попросил он. — Большое спасибо. Никогда не курю, когда работаю, но гораздо приятнее болтать, покуривая. Итак, насчет этой молодой леди, с которой у тебя было маленькое приключение. Что же с ней стало потом?

Она дома, со своими родными.

— Неужели? В Англии?

— Да.

— А где именно — в Лондоне?

— Нет, в Твикинхэме.

— Прости мое любопытство, дорогой Кеннеди, видишь ли, я совершенно не сведущ в таких делах. Без сомнения, очень просто уговорить молодую леди отправиться с тобой на три недели или около этого, а затем отправить ее к родным в — как ты там называешь это место?

— Твикинхэм.

— Совершенно верно — в Твикинхэм. Но я так неопытен в этих делах, что даже не представляю, что тебя побудило решиться на эту затею. К примеру, если ты любил эту девушку, твоя любовь вряд ли могла исчезнуть за эти три недели. Поэтому я думаю, вряд ли ты ее вообще любил. Но тогда зачем весь этот скандал, который так навредил тебе и погубил ее?

Кеннеди угрюмо смотрел на красные отблески пламени в камине.

— Конечно, ты рассуждаешь логично, — произнес он. — Любовь — большое понятие, оно включает огромное количество различных оттенков чувства. Да, она мне нравилась. Говоришь, ты видел ее — тогда поймешь, какой очаровательной она могла быть. Но все же, оглядываясь назад, я вынужден признать, что никогда не любил ее.

— Тогда, дорогой Кеннеди, зачем ты затеял все это?

— Во многом это объясняется самой прелестью приключения.

— Да ну? Разве ты так любишь приключения?

— Жизнь без них была бы слишком однообразной. Именно ради приключения я стал ухаживать за ней. В свое время я увлекся игрой; но, клянусь, нет лучшего увлечения, чем охота за хорошенькой девушкой. Были, однако, и трудности, довольно пикантные: она была компаньонкой леди Эмили Руд, и это делало почти невозможным встретиться с ней наедине. Кроме того, существовало еще одно, самое большое препятствие, о котором я узнал довольно скоро: она была обручена.

— Mein Gott! И с кем?

— Она не называла имени.

— Думаю, никто не знает об этом. Наверное, это сделало приключение еще более соблазнительным, не так ли?

— Да, этот факт придавал ему долю пикантности. А ты разве так не считаешь?

— Говорю тебе, я в этих вещах круглый невежда.

— Старина, ты должен помнить, что яблоко, украденное с дерева соседа, всегда было слаще, чем упавшее с твоего собственного. И потом, я увидел, что нравлюсь ей.

— Как, вот так, сразу?

— Ну конечно нет. Понадобилось около трех месяцев, чтобы сделать подкопы и расставить ловушки. Но наконец я ее победил. Она поняла, что мой разъезд с женой, оформленный юридически, делал для меня невозможным новую женитьбу, но все равно она сама пришла, и мы прекрасно проводили время, пока все это не кончилось.

— А как же тот, другой?

Кеннеди пожал плечами.

— Я думаю, выживает сильнейший, — сказал он. — Если бы он был лучше, она бы его не бросила. Ладно, давай кончим об этом, с меня хватит.

— Еще один маленький вопрос. Как же ты избавился от нее через три недели?

— Ну, видишь ли, мы оба слегка поостыли. Она наотрез отказалась возвращаться в Рим и встречаться со своими знакомыми. Ну, а я, конечно, не мог жить без Рима, я рвался назад, к своей работе. Это была одна веская причина для разрыва. Потом ее старик-отец приехал в наш отель в Лондоне и устроил там сцену. Все это стало так неприятно, что я действительно был рад выпутаться

из этого, хотя вначале ужасно скучал без нее. Ну, я надеюсь, ты никому не расскажешь о том, что услышал.

— Мой дорогой Кеннеди, я и не мечтаю повторить твой рассказ. Но то, что ты говорил, мне крайне интересно, потому что дает возможность узнать твой взгляд на жизнь, а он в корне отличается от моего: ведь я так плохо знаю людей. А теперь ты хочешь услышать о моих катакомбах. Наверное, нет смысла их описывать — все равно по описанию ты их не найдешь. Единственное, что остается, — привести тебя туда.

— Это было бы замечательно!

— Когда ты хочешь отправиться?

— Чем скорее, тем лучше. Я просто стораю от нетерпения.

— Ну, что ж, сегодня прекрасная ночь, хотя немного свежо. Положим, мы выйдем через час. Но нужно соблюдать осторожность и держать все в глубокой тайне. Если нас увидят вдвоем, сразу заподозрят неладное.

— Да, будем осторожны, — согласился Кеннеди. — А далеко это?

— Несколько миль.

— А мы доберемся туда пешком?

— Ну, конечно, без особого труда.

— Тогда давай отправимся поскорее. Но у извозчика могут возникнуть подозрения, если он высадит нас поздней ночью в каком-нибудь глухом местечке.

— Совершенно верно. Я думаю, лучше всего встретиться в полночь у шлагбаума на дороге, что ведет к Апия. А сейчас я должен отправиться домой, чтобы захватить спички, свечи и все необходимое.

— Отлично, Бергер! Очень мило с твоей стороны, что ты посвятил меня в свою тайну. Обещаю не писать ни строчки, пока ты не напечатаешь свой доклад. Ну, до встречи! Жду тебя у шлагбаума в полночь.

Часы на всех городских башнях били полночь, и в холодном ясном воздухе стоял перезвон колоколов. Бергер, закутанный в итальянский плащ, с фонарем в руке, быстро направился к месту встречи. Кеннеди вышел из темноты и приветствовал его.

— Ты так же нетерпелив в работе, как и в любви, — смеясь, заметил немец.

— Да, я уже полчаса тебя дожидаясь.

— Надеюсь, ты не оставил за собой никаких следов?

— Ну, я не такой дурак! Но, Боже, я продрог до костей. Пошли скорее, Бергер, согреемся на ходу.

Их шаги гулко звучали по булыжной мостовой печальной дороги — всего, что осталось от самого знаменитого в мире торгового пути. Навстречу им попало только двое крестьян, везущих в Рим товар на рынок. Молодые люди шли мерным шагом. Из темноты по обе стороны дороги неясно вырисовывались огромные надгробия. Наконец, они достигли катакомб Святого Каликстуса и увидели прямо перед собой на фоне восходящей луны великолепный круглый бастион Сесилиа Метелла. Здесь Бергер остановился, сделав знак рукой.

— У тебя ноги длиннее, и ты больше привык ходить, — сказал он, смеясь. — Кажется, тут недалеко есть место, где нужно свернуть. Да, вот оно, за углом траттории. Знаешь, дорожка очень узкая, может, я пойду вперед, а ты — за мной?

Он уже зажег свой фонарь, и при тусклом свете они пошли по узкой извилистой тропке — такие тропинки выются через болота Кампани. Освещенный луной, великий акведук древнего Рима лежал на земле, как чудовищная гусеница. Их путь проходил под одной из высоких арок, мимо огромного крута, выложенного кирпичом, раскрошившимся от времени — здесь когда-то была арена. Наконец Бергер остановился возле одинокого деревянного сарая.

— Надеюсь, твои катакомбы не внутри этой развалины? — воскликнул Кеннеди.

— Здесь вход в катакомбы. Для нас это надежное укрытие — никому и в голову не придет искать в таком месте.

— А хозяин знает об их существовании?

— Нет, конечно. Он как-то нашел здесь пару вещей, по которым я и определил, что его дом построен у самого входа в катакомбы. Поэтому я нанял у него сарай и сам начал раскопки. Теперь входи и закрой за собой дверь.

Это было длинное пустое здание. Вдоль одной стены тянулись кормушки для коров. Бергер поставил фонарь на землю и обмотал его плащом так, чтобы свет падал только в одну сторону.

— В таком заброшенном месте свет может привлечь внимание, — объяснил он. — Помоги-ка сдвинуть доски.

Двое ученых сняли одну за другой несколько досок и аккуратно сложили их у стены. Внизу было квадратное отверстие и лестница; ее старые каменные ступени вели вниз, в недра земли.

— Осторожно! — закричал Бергер, когда Кеннеди, горя от нетерпения, заторопился вниз по ступенькам. — Это похоже на кроличий садок: если собьешься с пути, есть только один шанс из ста, что когда-нибудь выйдешь отсюда. Подожди, я принесу фонарь.

— Как же ты находишь дорогу, если это так трудно?

— Сначала я углублялся очень недалеко и постепенно научился запоминать дорогу. Тут есть система, но человек, потерявшийся в темноте, не сумеет ее понять. Даже сейчас, если захожу далеко, я всегда растягиваю за собой моток веревки. Ты сам увидишь, какая трудная дорога: прежде чем ты пройдешь сотню ярдов, каждый из этих проходов разветвляется и опять делится десятки раз.

Они уже спустились футов на двадцать и теперь стояли в квадратном помещении, вырубленном из известкового туфа. Фонарь отбрасывал колеблющийся свет — снизу яркий, вверху тусклый — и освещал потрескавшиеся темные стены. В разные стороны радиусами расходились черные отверстия проходов.

— Держись-ка поближе ко мне, дружище, — посоветовал Бергер. — И не отвлекайся по дороге, потому что на этом месте, куда я тебя приведу, есть все, что ты захочешь увидеть, и даже более того. Мы сэкономим время, если пойдем прямо туда.

Он направился вниз по одному из коридоров, и англичанин заспешил за ним, не отставая ни на метр. Время от времени проход разветвлялся, но Бергер, очевидно, следовал каким-то только ему известным знакам: он ни разу не остановился, ни разу не заколебался. Повсюду вдоль стен, напоминая переполненные каюты эмигрантского корабля, покоились усопшие христиане древнего Рима. Желтый свет, мигая, освещал ссохшиеся черты мумий, мерцал на круглых черепах и длинных белых костях, скрещенных на лишенной плоти груди. Перед задумчивыми глазами Кеннеди мелькали какие-то надписи, погребальные сосуды, картины, ризы, ритуальная посуда — все лежало так, как их положили сюда благочестивые руки много лет назад. Даже при беглом взгляде Кеннеди было ясно, что это самые старые и богатые ка-

такомбы. Они содержали несметное число захоронений древних римлян. Такое количество даже ему, известному ученому, никогда не доводилось видеть в одном месте.

— Слушай, а что будет, если фонарь погаснет? — вдруг спросил он, когда они быстро продвигались вперед.

— Ничего, у меня есть запасная свеча, а в кармане коробок спичек. Кстати, Кеннеди, у тебя есть спички?

— Нет, дай мне, пожалуй, несколько штук.

— Не беспокоясь, мы не разойдемся: это исключено.

— А далеко еще идти? Мне кажется, мы прошли по крайней мере четверть мили.

— Я думаю, побольше. Да, здесь действительно несметное число захоронений — я, по крайней мере, конца им не обнаружил. Осторожно, сейчас будет трудное место, придется воспользоваться веревкой.

Он прикрепил конец бечевки к выступающему камню, а моток положил в нагрудный карман куртки, постепенно распуская его. Кеннеди убедился, что эта предосторожность была не лишней: проходы становились все более запутанными и извилистыми. Появилась целая сеть пересекающихся коридоров. Все они обрывались в большом круглом зале с квадратным пьедесталом из туфа, покрытым на одном конце мраморной плитой.

— Боже мой! — закричал в восторге Кеннеди, когда Бергер прикрепил фонарь над мраморной плитой. Да ведь это христианский алтарь — возможно, самый древний на Земле! Вот, на углу выбит маленький крест. Без сомнения, этот круглый зал использовался как церковь.

— Совершенно верно, — согласился Бергер. — Будь у меня больше времени, я бы показал тебе все захоронения в этих нишах. Здесь покоятся самые первые священники и епископы, в митрах и в полном церковном облачении. Подойди-ка сюда и убедись сам!

Кеннеди подошел поближе и уставился на страшный череп, лежавший рядом с истлевшей митрой.

— Да, это на редкость интересно, — произнес он, и его голос загремел под сводчатым склепом. — Действительно, такого мне не доводилось встречать. Посвети-ка сюда, Бергер, мне хочется рассмотреть их получше.

Но немец уже отошел в сторону и теперь стоял на другой стороне зала, посередине желтого светового круга.

— Знаешь, сколько ложных поворотов тянется между этим залом и ступеньками, ведущими наверх? — спро-

сил он. — Около двухсот. Без сомнения, это один из способов защиты, который применяли христиане. Один шанс из двух тысяч, что человек выберется отсюда, если даже у него есть фонарь. А найти выход в темноте, конечно, гораздо труднее.

— Ну, конечно, разумеется!

— А темнота, друг мой, это страшная штука. Я как-то поставил эксперимент. Давай-ка испытаем еще разок! — Он прикрутил фитиль фонаря, и спустя мгновение Кеннеди показалось, что невидимая рука крепко зажала ему глаза. Никогда раньше он не представлял, что такое настоящая тьма. Казалось, она давит на человека, душит его. Она была почти осязаемой и мешала телу продвигаться вперед. Он протянул руку, пытаясь оттолкнуть ее от себя.

— Ладно, хватит, Бергер, — попросил он. — Давай снова зажжем свет!

Но его приятель только засмеялся в ответ. Казалось, что в этом круглом зале смех раздается сразу со всех сторон.

— Похоже, тебе немного не по себе, дружище Кеннеди, — произнес Бергер.

— Ладно, старина, зажигай свечку! — нетерпеливо закричал Кеннеди.

— Очень странно, но я никак не могу различить по звуку, где ты стоишь. А ты можешь сказать, где я сейчас?

— Нет, кажется, что голос идет со всех сторон.

— Да, если бы не веревка, я бы даже не представлял, куда идти.

— Ну, конечно, конечно! Слушай, зажигай свет, старина, и покончим с этой глупостью.

— А ты знаешь, Кеннеди, я, кажется, понял: больше всего на свете ты любишь две вещи. Первое — приключения, а второе — препятствия. Пожалуй, это неплохое приключение — искать выход из катакомб? А препятствием послужат темнота и две тысячи ложных поворотов, которые слегка затруднят поиски выхода. Но ты можешь не спешить, у тебя масса времени. А когда ты будешь время от времени отдыхать, подумай-ка о мисс Мэри Сондерсон, и хорошо ли ты поступил с ней.

— Дьявол, что ты имеешь в виду? — закричал Кеннеди. Он перебегал с места на место в крошечной тьме, двигаясь небольшими кругами и растопырив руки.

— Прощай, — произнес издевающийся голос. Он доносился все с того же расстояния. — Я действительно считаю, Кеннеди — даже после твоего рассказа, — что ты плохо обошелся с этой девушкой. Правда, в этой истории была маленькая деталь, которую ты, возможно, не знал. А я могу ее дополнить. Мисс Сондерсон была обречена с бедным дуралеем-ученым, которого звали Джулиус Бергер.

Раздался шорох и глухой звук шагов по каменным плитам. После этого на старую христианскую церковь упала тишина — тупая, тяжелая тишина, которая окружила Кеннеди и сомкнулась над ним: так вода поглощает тонущего человека.

* * *

Два месяца спустя во многих европейских газетах была перепечатана следующая заметка.

«Одним из самых знаменитых событий за последние годы является открытие новых римских катакомб, которые расположены на некотором расстоянии к востоку от хорошо известных захоронений Святого Каликстуса. Открытие этого места погребений чрезвычайно важно, так как содержит большое количество останков ранних христиан. Оно стало возможным благодаря энергии и проныцательности д-ра Джулиуса Бергера. Этот молодой немецкий исследователь стремительно занимает ведущее место среди авторитетных ученых, изучающих историю Древнего Рима. Но, хотя д-р Бергер первым опубликовал доклад о своем открытии, выяснилось, что в поисках катакомб его опередил другой исследователь, но гораздо менее удачливый. Как известно, несколько месяцев назад известный английский ученый Кеннеди внезапно исчез из своей квартиры, расположенной на виа Корсо. Предполагалось, что он был вынужден покинуть Рим в связи с недавним нашумевшим скандалом. Но теперь выяснилось, что в действительности он пал жертвой своей горячей любви к археологии, где занимал выдающееся место среди ученых. Его тело было найдено в самом центре новых катакомб. Судя по плачевному состоянию его ног и обуви, несчастный скитался много дней по извилистым коридорам, которые делают эти подземные захоронения такими опасными для исследователей. Как было

обнаружено, покойный джентльмен с непонятной опрометчивостью отправился в подземный лабиринт, не взяв с собой ни свеч, ни спичек. Поэтому его печальная судьба была естественным следствием собственного безрассудства. Следует добавить, что д-р Джулиус Бергер был близким другом покойного, и это придает событиям еще более печальный характер. Радость д-ра Бергера по поводу выдающегося открытия, которое ему посчастливилось сделать, была в значительной степени омрачена тем несчастьем, которое произошло с его коллегой и товарищем».

Сухопутный пират

(Насыщенный час)

Место — пустынный, окаймленный зарослями вереска участок шоссе Истборн-Танбридж близ Кросс-Инхенда. Время — половина двенадцатого ночи в одно из воскресений на исходе лета.

По дороге медленно двигался автомобиль — поджарый, длинный «роллс-ройс» с мягким ходом и тихо урчащим мотором. В ярком свете передних фар по сторонам проплывали, как на киноэкране, колеблемые ветром верхушки трав и кустарника и тут же отступали во мрак, казавшийся по контрасту еще более густым. Позади на полотне дороги отсвечивало рубиновое пятно от стопфары, однако ее тусклый красноватый свет не позволял разглядеть номерной знак. Это была открытая машина туристского типа, но даже в темноте безлунной ночи наблюдатель не мог бы не заметить какой-то бесформенности ее очертаний. Все стало ясно, когда автомобиль пересек широкий поток света, падавший из открытой двери придорожного коттеджа. Кузов машины был накрыт чехлом из сурового полотна. Даже длинный черный капот был тщательно задрапирован каким-то материалом.

Станным автомобилем управлял широкоплечий, плотный водитель; он был один в машине. Низко надвинув на глаза тирольскую шляпу, он сидел, сгорбившись над рулевым колесом. В тени, отбрасываемой шляпой, сверкал багровый кончик горящей сигареты. Воротник свободно-

го, широкого пальто из материала, похожего на бобрик, был поднят. Человек сидел, подавшись вперед и вытянув шею, и, пока автомобиль с переключенным на холостой ход мотором бесшумно скользил вниз по отлогой дороге, водитель, словно в каком-то нетерпеливом ожидании, пристально всматривался в темноту.

Издалека, с южной стороны, донесся приглушенный расстоянием автомобильный сигнал. В воскресную ночь в таком месте движение на дороге происходило преимущественно с юга на север — поток лондонцев, отдыхавших на побережье, возвращался в столицу. Человек в машине выпрямился и прислушался. Сигнал повторился в той же стороне. Человек снова нагнулся над рулем, все так же напряженно всматриваясь в темноту, потом внезапно выплюнул окурок и глубоко вздохнул. Далеко впереди, огибая поворот шоссе, показались две маленькие желтые точки. Вот они скрылись в выемке, потом снова вынырнули и снова исчезли. Водитель замаскированного автомобиля перешел от пассивного ожидания к действиям. Он достал из кармана черную маску, надел ее и приладил на лице так, чтобы она не мешала видеть. На мгновение он включил ручной ацетиленовый фонарик, быстро оглядел себя и положил фонарь на сиденье рядом с маузером. Потом он еще ниже надвинул шляпу, выжал сцепление и включил коробку скоростей. Вздвогнув и заурчав, черная машина словно подпрыгнула и, мягко дыша мощным мотором, помчалась по отлогому спуску. Шофер выключил передние фары и припал к рулю. Только мутно-серая полоса в темном вереске показывала линию дороги. Спереди донеслось лязганье и фыркание встречной машины, взбравшейся на подъем. Напрягая старческие силы, она кашляла и хрипела, а ее мотор стучал, как больное сердце. Ярко-желтые лучи света еще раз скрылись из глаз — машина снова нырнула во впадину, а когда она выбралась на пригорок, между двумя автомобилями оставалось яров тридцать. Черная машина резко встала поперек дороги, преграждая путь, и человек в маске предупреждающе помахал ацетиленовым фонариком. Старенький автомобиль отчаянно взвизгнул тормозами и остановился как вкопанный.

— Эй, вы! — послышался раздраженный голос. — Так недолго и аварию устроить! Почему, черт возьми, вы не включаете передние фары? Я чуть на вас не наехал!

Луч фонарика осветил крайне рассерженного румяного молодого человека с голубыми глазами и русыми усами, одиноко сидевшего за рулем ветхого двенадцатисильного «уолсли». Внезапно сердитое выражение на его покрасневшем лице сменилось крайним недоумением. Водитель замаскированного автомобиля уже стоял на дороге, наводя на путешественника темный длинноствольный пистолет, за которым виднелась черная маска с мрачно смотревшими сквозь прорези глазами.

— Руки вверх! — слышался отрывистый, резкий приказ. — Руки вверх! Или...

Водителя «уолсли» никто не назвал бы трусом, тем не менее он поднял руки.

— Вылезайте!

Под дулом пистолета, по-прежнему освещаемый лучом фонарика, молодой человек вышел на дорогу. Он попытался было опустить руки, но суровый окрик заставил его отказаться от своего намерения.

— Послушайте, вы не находите, что все это как-то устарело, а? — заговорил он. — Вы, наверно, шутите?

— Ваши часы! — приказал человек с пистолетом.

— Да что вы!

— Я сказал, ваши часы!

— Пожалуйста, берите, если они так вам нужны. Кстати, часы только позолочены. Вы либо опоздали лет на двести, либо ошиблись на несколько тысяч миль. Вам надо бы подвизаться в пустынях Австралии или в Америке. А здесь, на дороге в Суссексе, вам просто не место.

— Бумажник! — продолжал грабитель, тон и манеры которого исключали всякую мысль о сопротивлении. Ему тут же вручили бумажник.

— Кольца?

— Не ношу.

— Встать вон там. И не двигаться. — Грабитель прошел мимо своей жертвы, откинул капот «уолсли» и засунул в мотор руку со стальными плоскогубцами. Слышался треск перерезанной проводки.

— Черт бы вас побрал! — закричал хозяин «уолсли». — Не уродуйте машину!

Он повернулся, намереваясь подойти к автомобилю, но грабитель молниеносно направил на него револьвер. Однако как ни быстро действовал неизвестный, в тот мо-

мент, когда он выпрямился над капотом, молодой человек заметил нечто такое, что заставило его вздрогнуть от изумления. Он хотел что-то сказать, но сдержался.

— Садитесь в машину! — приказал грабитель.

Молодой человек занял свое место.

— Ваше имя?

— Рональд Баркер. А ваше?

Человек в маске предпочел не заметить этой дерзости.

— Где вы живете?

— Мои визитные карточки в бумажнике. Можете взять одну из них.

Грабитель вскочил в «роллс-ройс», мотор которого все это время тихо урчал и пришепетывал, словно аккомпанируя их диалогу. Он с шумом спустил ручной тормоз, включил скорость, резко развернулся и на большой скорости объехал неподвижный «уолсли». Через минуту он уже был в полумиле от места происшествия и мчался, сверкая фарами, по дороге на юг. Мистер Рональд Баркер тем временем, светя себе фонариком, лихорадочно рылся в ящике с инструментами в поисках куска проволоки, которая позволила бы ему исправить электропроводку и продолжить путь.

Отъехав на безопасное расстояние, грабитель остановил машину и достал из кармана отобранные у Баркера вещи; часы он положил обратно, затем открыл бумажник и пересчитал деньги. Вся жалкая добыча составила семь шиллингов. Но ничтожные результаты затраченных усилий, видимо, не оказали на грабителя никакого впечатления, наоборот, лишь позабавили его; глядя при свете фонарика на две полукроны и флорин, он рассмеялся. Неожиданно его поведение изменилось. Он сунул в карман тощий бумажник, освободил тормоз и с тем же решительным выражением на лице, с каким только что провел свою первую операцию, помчался дальше. Вдали снова показались фары встречной машины.

Теперь грабитель действовал смелее. Приобретенный опыт, несомненно, внушил ему самоуверенность. Не выключая фар, он сблизился с встречной машиной, затормозил посередине дороги и потребовал, чтобы путешественники остановились. Те повиновались, ибо представшее им зрелище производило довольно внушительное впечатление. Они увидели два пылающих диска по бокам черного радиатора, а выше — лицо в маске и зловещую

фигуру водителя. Золотистый сноп света, отбрасываемый пиратской машиной, выхватил из темноты элегантный двадцатисильный «хамбер»; за его рулем, растерянно мигая, сидел явно ошеломленный коротышка шофер в форменной фуражке. В окна машины с обеих сторон высовывались повязанные вуалетками шляпки и под ними изумленные лица двух хорошеньких молодых женщин. Одна испуганно визжала на все повышающейся ноте. Другая держалась спокойнее и рассудительнее.

— Возьми же себя в руки, Гильда! — шептала она. — Замолчи, пожалуйста, не будь такой дурой. Нас разыгрывает Берти или кто-то другой из мальчиков.

— Нет, нет! Это настоящий налет, Флосси! Это самый настоящий бандит. О боже, что же нам делать?

— Нет, но какая реклама! Какая потрясающая реклама! В утренние газеты уже не попадет, но вечерние, конечно, напечатают.

— А во что она обойдется нам? — простионала Гильда. — О Флосси, Флосси, сейчас я упаду в обморок! А может, нам лучше закричать? Ты только взгляни, как он страшен в этой черной маске!.. Боже мой, боже мой! Он убивает бедного маленького Альфа!

Поведение грабителя действительно внушало тревогу. Он подбежал к машине и за шиворот вытащил шофера из кабины. При виде маузера коротышка водитель тотчас же перестал протестовать, послушно откинул капот машины и вытащил из мотора свечи. Лишив свою добычу возможности двигаться, замаскированный бандит с фонариком в руке шагнул вперед и остановился у дверцы машины. На этот раз он не проявил той резкости, с которой обошелся с мистером Рональдом Баркером, и хотя его голос и манеры оставались суровыми, все же вел он себя учтиво.

— Сожалею, сударыни, что вынужден вас побеспокоить, — обратился он к дамам, приподнимая шляпу, и его голос был заметно выше того, каким он разговаривал со своей предыдущей жертвой. — Позвольте узнать, кто вы.

Мисс Гильда не могла произнести ничего связного, зато мисс Флосси оказалась особой с более твердым характером.

— Нечего сказать, хорошенькое дельце! — воскликнула она. — Хотелось бы мне знать, какое вы имеете право останавливать нас на дороге?

— У меня мало времени, — ответил грабитель более сухо. — Потрудитесь отвечать.

— Скажи же ему, Флосси! Ради бога, будь с ним мила! — шепнула Гильда.

— Мы артистки театра «Гэйети» в Лондоне. Возможно, вы слышали о мисс Флосси Торнтон и мисс Гильде Маннеринг? Всю прошлую неделю мы играли в «Ройял» в Истборне, а в воскресенье решили отдохнуть. Ну, вас устраивает мой ответ?

— Я вынужден потребовать ваши кошельки и драгоценности.

Обе дамы испустили пронзительный вопль, но, как и мистер Рональд Баркер незадолго до них, обнаружили, что непреклонное спокойствие незнакомца принуждает к повиновению. Они торопливо отдали кошельки, а на переднем сиденье автомобиля скоро выросла кучка сверкающих колец, браслетов, брошек и цепочек. В свете фонарика брильянты мерцали, словно электрические искорки. Грабитель прикинул в руке сверкающий клубок.

— Тут есть что-нибудь особенно вам дорогое? — спросил он, но мисс Флосси не собиралась идти на компромисс.

— Не разыгрывайте из себя Клода Дюваля! — воскликнула она. — Или берите все, или ничего не берите. Мы не намерены принимать из милости крохи нашего же собственного добра.

— За исключением ожерелья Билли! — поспешно заявила Гильда и протянула руку к короткой нитке жемчуга. Грабитель с поклоном вернул ей ожерелье.

— Что-нибудь еще?

Храбрая Флосси, а вслед за ней и Гильда внезапно разрыдались. Слезы женщин произвели совершенно неожиданный эффект: грабитель поспешно бросил драгоценности на колени ближайшей к нему дамы.

— Вот, возьмите. Все это только мишура. Для вас она представляет ценность, для меня никакой.

Слезы немедленно сменились улыбками.

— А наши кошельки можете взять. Реклама нам дороже всего. Но что у вас за странный метод зарабатывать на жизнь — это в наше-то время! Вы не боитесь, что вас поймают? Все это так удивительно, будто сцена из какой-то комедии.

— Возможно, из трагедии, — заметил бандит.

— О, надеюсь, что нет, я уверена, что нет! — одновременно воскликнули обе артистки.

Но грабителю некогда было продолжать разговор. Далеко на дороге показались две маленькие светящиеся точки. Предстояло новое дело, и им нужно было заняться отдельно. Он развернул автомобиль, приподнял в знак прощания шляпу и поспешил навстречу очередной жертве, а мисс Флосси и мисс Гильда, высунувшись из приведенной в негодность машины и все еще переживая свое приключение, наблюдали за красным пятнышком стоп-фары, пока оно не слилось с темнотой.

Но в этот раз грабитель мог рассчитывать на более богатую добычу. Освещая дорогу четырьмя большими фарами, на возвышенность взбирался роскошный шестидесятисильный «даймлер»; его ровное глубокое похрапывание свидетельствовало о большой мощности мотора. Подобно старинному испанскому галиону с высокой кормой, груженному сокровищами, автомобиль шел своим курсом, но должен был остановиться, когда встречная машина развернулась у него перед самым радиатором. Из открытого окна лимузина высунулось разъяренное, покрытое красными пятнами лицо. Грабитель увидел высокий лоб с большими залысинами, отвислые щеки и маленькие злые глазки, проглядывавшие из складок жира.

— Прочь с дороги! Сейчас же убирайся с дороги! — резким, скрипучим голосом крикнул путешественник. — Херн, поезжай прямо на него. Или иди и вышвырни его из машины! Он пьян, говорю тебе, он пьян!

До этого манеры современного сухопутного пирата можно было назвать даже учтивыми. Теперь они стали грубыми. Когда шофер, плотный, сильный человек, подстегиваемый выкриками своего пассажира, выскочил из машины и вцепился грабителю в горло, тот ударил его по голове рукояткой револьвера. Шофер со стоном упал на землю. Переступив через распростертое тело, незнакомец с силой рванул дверцу автомобиля, схватил толстяка за ухо и, не обращая внимания на его вопли, выволок на дорогу. Потом, неторопливо занося руку, дважды ударил его по лицу. В тиши ночи пощечины прозвучали, как револьверные выстрелы. Побелевший, словно мертвец, и почти потерявший сознание толстяк бессильно сполз на землю возле машины. Грабитель распахнул на нем пальто, сорвал массивную золотую цепочку со всем, что на

ней было, выдернул из черного атласного галстука булавку с крупным сверкающим брильянтом, снял с пальцев четыре кольца, каждое из которых стоило по меньшей мере трехзначную сумму, и, наконец, вытащил из внутреннего кармана толстяка пухлый кожаный бумажник. Все это он переложил в карманы своего пальто, добавив жемчужные запонки пассажира и даже запонку от его воротничка. Убедившись, что пожить-ся больше нечем, грабитель осветил фонариком расprostертого шофера и убедился, что тот жив, хотя и потерял сознание. Незнакомец вернулся к хозяину и начал яростно срывать с него одежду; полагая, что пришел его конец, толстяк задрожал и в ужасе заскулил.

Неизвестно, что собирался сделать бандит, но ему мешали. Какой-то звук заставил его повернуть голову, и он увидел невдалеке огни быстро приближающейся с севера машины. Несомненно, она уже повстречалась с ограбленными, и теперь шла по его следу, набитая полицейскими со всей округи.

В распоряжении грабителя оставались считанные минуты. Он бросил валявшегося на земле толстяка, вскочил в машину и на полной скорости помчался по шоссе. Немного погодя «роллс-ройс» свернул на узкую проселочную дорогу и полетел по ней, не сбавляя хода. Лишь после того, как между ним и преследователями оказалось миль пять, неизвестный рискнул остановиться. В уединенном месте он пересчитал добычу всего вечера: тощий бумажник мистера Рональда Баркера, более толстые — четыре фунта в обоих — кошельки актрис и в заключение великолепные драгоценности и туго набитый бумажник плутократа с «даймлера». Пять бумажек по пятьдесят фунтов, четыре по десять, пятнадцать sovereign¹ и некоторое количество ценных бумаг представляли солидную добычу. Для одного вечера вполне достаточно. Пират спрятал награбленное в карман, закурил и продолжал путь с видом человека, совесть которого абсолютно чиста.

В понедельник утром, на следующий день после насыщенного событиями вечера, сэр Генри Хейлуорти, хозяин Уолкот-олд-плейс, не спеша позавтракал и направился в кабинет, собираясь перед уходом в суд написать

¹ Золотая монета достоинством в один фунт стерлингов.

несколько писем. Сэр Генри был заместителем главного судьи графства, носил титул баронета и происходил из древнего рода; судействовал он уже десять лет и, кроме того, славился как коннозаводчик, вырастивший много отличных лошадей, и как самый лихой наездник во всем Уилде. Высокий и стройный, с энергичным, тщательно выбритым лицом, густыми черными бровями и квадратным подбородком, свидетельством решительного характера, он принадлежал к числу тех, кого предпочтительнее иметь в числе друзей, нежели врагов. Ему было около пятидесяти, но он выглядел значительно моложе. Единственным, что выдавало его возраст, была маленькая седая прядь, которую природа, подчиняясь одному из своих капризов, поместила над правым ухом сэра Генри, отчего его густые черные кудри казались еще темнее. В то утро он был рассеян и, раскурив трубку, уселся за письменный стол и глубоко задумался над чистым листом почтовой бумаги.

Внезапно он очнулся. Из-за скрытого лавровыми кустами поворота подъездной аллеи послышался отдаленный лязг металла, вскоре переросший в стук и грохот старенького автомобиля. Вот на аллее показался древний «уолсли», за рулем которого сидел румяный молодой человек с русыми усами. При виде него сэр Генри вскочил, но тут же снова опустился на стул. Через минуту слуга доложил о приходе мистера Рональда Баркера, и сэр Генри поднялся ему навстречу. Визит казался слишком ранним, но Баркер принадлежал к числу близких друзей сэра Генри. Каждый из них заслуженно слыл прекрасным стрелком, наездником и игроком в бильярд, общность интересов и вкусов сблизила их, и младший (и более бедный) из друзей обычно проводил в Уолкот-олд-плейс по меньшей мере два вечера в неделю. Сэр Генри с дружески протянутой рукой поспешил навстречу Баркеру.

— А! Ранняя пташка! — пошутил он. — Что это с вами? Если вы отправляетесь в Льюис, могу составить вам компанию.

Однако молодой человек держался как-то странно и невежливо. Не обращая внимания на протянутую руку и дергая себя за длинные усы, он стоял, вопросительно и раздраженно посматривая на судью.

— Ну-с, в чем же дело? — поинтересовался судья.

Молодой человек продолжал молчать. Он явно хотел что-то сказать, но не решался. Сэр Генри начал терять терпение.

— Вы, кажется, не в себе сегодня. В чем же все-таки дело? Вас что-нибудь расстроило?

— Да, — многозначительно ответил Рональд Баркер.

— Что же?

— Вы!

Сэр Генри улыбнулся.

— Садитесь, мой друг. Если вы недовольны мною, — я слушаю вас.

Баркер сел. Он, видимо, собирался с силами, прежде чем бросить обвинение, а когда наконец решился, оно напомнило пулю, вылетевшую из револьвера.

— Почему вы ограбили меня вчера вечером?

Судья не выразил ни удивления, ни возмущения. Ни один мускул не дрогнул на его спокойном, невозмутимом лице.

— Вы утверждаете, что я ограбил вас вчера вечером?

— На Мейфилдской дороге меня остановил высокий, крупный тип в машине. Он сунул револьвер мне в физиономию и отобрал бумажник и часы. Сэр Генри, это были вы!

Судья улыбнулся.

— Разве у нас тут нет других высоких, крупных людей? Разве только у меня есть автомобиль?

— Уж не думаете ли вы, что я не в состоянии отличить «роллс-ройс» от машин других марок? Это я, проведший полжизни в машине, а полжизни — под ней?! У кого, кроме вас, есть тут «роллс-ройс»?

— Мой дорогой Баркер, а вы не думаете, что подобный современный бандит, как вы его охарактеризовали, скорее всего будет оперировать где-нибудь за пределами своего района? А сколько «роллс-ройсов» можно увидеть на юге Англии?

— Неубедительно, сэр Генри, неубедительно! Я даже узнал ваш голос, хотя вы и пытались его изменить. Однако довольно! Зачем вы это сделали? Вот чего я никак не могу понять. Ограбить меня, одного из своих ближайших друзей, человека, который помогал вам, как мог, во время выборов, ради каких-то дешевых часов и нескольких шиллингов... Нет, это просто невероятно!

— Просто невероятно, — повторил судья, улыбаясь.

— А потом еще эти бедняжки-актрисы, которые вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь. Я ехал вслед за вами. Это же отвратительно! Другое дело с этой акулой из Сити. Если уж промышлять грабежом, то грабить подобных типов — дело справедливое. Но своего друга и этих девушек... Ну, знаете, просто не могу этому поверить.

— Тогда почему же верите?

— Да потому, что это так.

— Просто вы убедили себя в этом. Но чтобы убедить других, у вас нет никаких доказательств.

— Я готов под присягой показать против вас в полицейском суде. Когда вы рвали электропроводку в моей машине — какая возмутительная наглость! — я увидел выбившуюся из-под вашей маски вот эту седую прядь. Она-то и выдала вас.

При этих словах внимательный наблюдатель заметил бы на лице баронета чуть заметный признак волнения.

— У вас, оказывается, довольно живое воображение, — заметил он.

Гость покраснел от гнева.

— Взгляните сюда, Хейлуорти, — сказал он, открывая руку и показывая небольшой, с неровными краями треугольник черной материи. — Видите? Это валялось на дороге около машины молодых женщин. Вы, должно быть, вырвали кусок, когда выскакивали из автомобиля. Пошли-те-ка за своим черным пальто, в котором вы обычно сидите за рулем. Если вы не позвоните сию же минуту прислуге, я позвоню сам и добьюсь, чтобы его принесли. Я намерен разобраться в этом деле до конца, и не строите на сей счет никаких иллюзий.

Ответ баронета оказался неожиданным. Он встал, прошел мимо кресла Баркера к двери, запер ее на ключ, а ключ положил в карман.

— Вам таки придется разобраться до конца, — сказал он. — Пока вы будете разбираться, я закрываю дверь на замок. А теперь, Баркер, поговорим откровенно, как мужчина с мужчиной, причем от вас зависит, чтобы наш разговор не закончился трагедией.

С этими словами он приоткрыл один из ящиков письменного стола. Его гость сердито нахмурился.

— Угрозы вам не помогут, Хейлуорти. Я выполню свой долг, вам не удастся меня запугать.

— Я и не собираюсь вас запугивать. Говоря о трагедии, я имел в виду не вас. Я хотел сказать, что нельзя допустить огласки этой истории. Родных у меня нет, но существует фамильная честь, и с этим невозможно не считаться.

— Слишком поздно об этом думать.

— Не совсем так. А теперь мне нужно многое рассказать вам. Прежде всего вы правы — это я вчера вечером остановил вас на Мейфилдской дороге.

— Но почему...

— Подождите. Я сам все расскажу. Вот взгляните. — Сэр Генри открыл ящик стола и вынул из него два небольших свертка. — Сегодня вечером я собирался отправить их по почте из Лондона. Один адресован вам, и я, разумеется, могу отдать вам свертки сейчас. В нем ваши часы и бумажник. Как видите, если не считать порванной электропроводки, вы не понесли никаких потерь в результате вчерашнего приключения. Другой сверток адресован молодым дамам из театра «Гэйети», и в нем находятся их кошельки. Надеюсь, вы убедились, что еще до того, как вы пришли разоблачить меня, я намеревался полностью возместить ущерб каждому из потерпевших?

— И что же? — спросил Баркер.

— А теперь перейдем к сэру Джорджу Уайльду. Возможно, вам не известно, что он глава фирмы «Уальд и Гугендорф» — той самой, что основала этот гнусный «Ладгейтский банк». Иное дело — его шофер. Даю слово, я собирался вознаградить его. Но главное — хозяин. Вы знаете, я небогатый человек. Мне кажется, об этом известно всему графству. Я слишком много потерял, когда «Черный тюльпан» проиграл на состязаниях в Дерби. Были и другие затруднения. Потом я получил наследство — тысячу фунтов. Этот проклятый банк платил семь процентов по вкладам. Я был знаком с Уайльдом, и, встретившись с ним, я спросил, можно ли доверить свои деньги банку. Он ответил утвердительно. Я вложил свои сбережения, а через двое суток Уайльд объявил себя банкротом. В долговом суде выяснилось, что он уже в течение трех месяцев знал о неизбежном крахе. Знал и все же

взял на свой тонущий корабль все, что у меня было. Черт бы его побрал, ему-то что, у него и без того хватает. Ну, а я потерял все, и никакой закон не смог мне помочь. Он самым настоящим образом ограбил меня. При следующей встрече он расхохотался мне в лицо. Посоветовал покупать консоли¹ и сказал, что я еще дешево отделался. Тогда я поклялся во что бы то ни стало сквитаться с ним. Я принялся изучать его привычки. Я узнал, что вечерами по воскресеньям он возвращается из Истборна. Я узнал, что он всегда имеет при себе бумажник с крупной суммой денег. Так вот, теперь это мой бумажник. Вы хотите сказать, что мои поступки не вяжутся с требованиями морали? Клянусь, если бы у меня хватило времени, я бы раздел этого дьявола догола, как он поступил со многими вдовами и сиротами!

— Все это понятно. Но при чем тут я? При чем тут артистки?

— Будьте сообразительнее, Баркер. Как вы думаете, мог я ограбить своего личного врага и остаться непойманным? Безнадежная затея. Я должен был разыграть роль обычного бандита, лишь случайно повстречавшего Уайльда. Вот я и появился на большой дороге, доверившись случаю. Мне не повезло: первым, кого я встретил, оказались вы. Какой же я идиот! Не узнать ваш старый рыдван по лязгу, с которым он взбирался на подъем... Увидев вас, я едва мог говорить от смеха. Однако мне пришлось выдержать свою роль до конца. То же самое и с актрисами. Боюсь, тут я выдал себя, так как не мог присвоить безделушки женщин, но все же продолжал разыгрывать комедию. Потом появился тот, кого я ждал. Тут уж было не до фарса. Я намеревался обобрать его дочиста и обобрал. Ну, Баркер, что вы скажете теперь? Вчера я держал пистолет у вашего виска, а сегодня вы держите у моего.

Молодой человек медленно встал и с широкой улыбкой крепко пожал судье руку.

— Больше так не делайте, — сказал он. — Слишком рискованно. Эта свинья Уайльд жестоко с вами рассчитается, если вас поймают.

¹ Облигации государственной консолидированной ренты, по которым выплачивается два с половиной процента годовых.

— Хороший вы парень, Баркер. Нет, больше я этим заниматься не собираюсь. Кто это сказал о «насыщенном часе»¹? Честное слово, это чертовски интересно! Настоящая жизнь! А еще говорят об охоте на лис! Нет, я никогда не повторю вчерашнее, иначе не смогу остановиться.

На столе пронзительно зазвонил телефон, и баронет поднял трубку. Он слушал и одновременно улыбался своему гостю.

— Я сегодня задержался, — обратился он к нему, — между тем в суде графства меня ждет несколько дел о мелких кражах.

¹ Ссылка на строки из стихотворения английского поэта Т. О. Мордаунта (1730—1809): «...один насыщенный славными свершениями час стоит целого века бездействия».

Труп в облаках

Был холодный туманный майский вечер. Кругом царила густая мгла. Уличные фонари на Странде казались слабыми, мигающими, светящимися точками; даже залитые электрическим светом окна магазинов смотрели бледными светлыми пятнами в густой туманной атмосфере.

Высокие дома, тянущиеся вдоль тротуаров, стояли мрачные и по большей части неосвещенные, и только в одном доме три больших окна второго этажа ярко светились во мгле, изливая целые потоки ослепительного электрического света. Прохожие невольно подымали головы и указывали друг другу на эти ярко освещенные окна.

Это были окна квартиры инженера-электротехника и изобретателя Франциса Перикора. Вплоть до позднего часа ночи свет в рабочем кабинете этого будущего великого человека своего времени, этой будущей знаменитости свидетельствовал об упорной и неустанной работе этого человека.

Если бы проходившие мимо могли заглянуть в его кабинет, они увидели бы там двух мужчин, из которых один был сам Перикор, человек с профилем хищной птицы, с тонкими угловатыми членами, худощавый нервный брюнет, в котором с первого же взгляда сказывалось его кельтийское происхождение; другой — сильный, сытый,

дородный мужчина с рыжеватыми волосами и голубыми спокойными холодными глазами был Жерми-Броун, известный механик. Эти двое людей были компаньонами в нескольких задуманных ими предприятиях или, вернее, изобретениях. Творческий гений одного в значительной мере восполнялся практическим смыслом и способностями другого.

И вот, если в этот туманный майский вечер Броун в такой поздний час находился еще в рабочем кабинете Перикора, то это объяснялось тем, что сегодня произвodiла опыт, который должен был решить успех или неудачу многих месяцев их неустанной совместной работы и упорных исканий.

Между ними стоял большой, окрашенный в коричневую краску длинный стол, доска которого в многих местах пострадала от различных кислот и других химических веществ, во многих местах была прожжена и исцарапана; стол этот был завален различными аккумуляторами, индукционными катушками, огромными фаянсовыми изоляторами. И среди этой беспорядочной груды различных предметов виднелась странного вида машина или аппарат, вертевшаяся с шипением и храпом, на которой было, по-видимому, сосредоточено все внимание обоих компаньонов, так как оба не спускали с него глаз.

Многочисленные проволочные нити прикрепляли металлический приемник в виде четырехугольного ящика или коробки к большому стальному кругу или обручу, снабженному с двух сторон внушительного вида и размеров шатунами, выдающимися наружу. Сам круг, или обруч, оставался неподвижен, но шатуны по обеим сторонам его усиленно работали, равно как и хорошенькие стержни, приделанные к ним, вращались с головокружительной быстротой в продолжение нескольких секунд, затем на мгновение останавливались и затем снова начинали работать. По-видимому, двигатель, заставляющий их вращаться, находится в металлической коробке. В комнате носился легкий запах азота. Оба компаньона следили с напряжением за машиной.

— Ну, Броун, а что же крылья? — спросил изобретатель.

— Они слишком велики для того, чтобы я мог привезти их сюда, — они имеют два метра одной только длины и девяносто сантиметров ширины; но вы не беспокойтесь,

мотор достаточно силен для того, чтобы привести их в действие, — за это я вам ручаюсь.

— Они из алюминия с медными скрепками?

— Да!

— Нет, вы посмотрите только, как это прекрасно работает! — воскликнул Перикор, протянув свою тонкую худую с нервными пальцами руку и нажав кнопку, очевидно регулирующую ход механизма. Кривошипы стали вращаться медленнее и спустя минуту совершенно остановились. Изобретатель нажал другую кнопку, стержни содрогнулись, и аппарат возобновил свое ротационное движение.

— И заметьте, тот, кто будет испытывать этот аппарат, не должен на это расходовать никакой мускульной силы, он может оставаться совершенно пассивным и применять для управления аппаратом только одни свои умственные способности...

— Да, благодаря совершенству моего мотора, — заметил Броун.

— Нашего мотора, — поправил его сухо изобретатель.

— Да, конечно, — возразил его коллега с некоторой досадой, — того мотора, который вами придуман, но мною осуществлен... называйте его как хотите.

— Я называю его мотор Броун-Перикор! — воскликнул инженер, и в черных глазах его сверкнул недобрый огонек. — Вы выработали некоторые подробности, но сама мысль, абстрактная мысль этого аппарата и механизма принадлежит мне; она моя, и только моя!

— Пусть так, но абстрактная мысль не приводит в движение мотора и вообще недостаточно осязательна, — ворчливым тоном пробормотал Броун.

— Вот потому-то я и вступил с вами в компанию, — сказал изобретатель, нервно барабанив своими длинными, тонкими, несколько костлявыми пальцами по столу. — Я изобретаю, в моем мозгу создается полная картина будущего механизма, а вы строите этот механизм — мне кажется, что таким образом работа распределена поровну между обоими.

Броун только сжал губы, но ничего не ответил, как бы сознавая, что спорить об этом будет совершенно излишне, и сосредоточил все свое внимание на аппарате, который вздрагивал и колебался при каждом движении

стержней так, как будто он собирался с минуты на минуту слететь со стола.

— Ну разве это не великолепно! — восторженно воскликнул Перикор.

— Хм, это удовлетворительно, — флегматически поправил англосаксонец спокойным уравновешенным тоном.

— Это может стать для нас источником бессмертной славы!

— Источником хороших доходов... — снова поправил своего восторженного коллегу Броун.

— Наши имена будут стоять наряду с славным именем Монгольфьеров!

— Наряду с именем Ротшильдов, лучше сказать, так как это последнее несравненно предпочтительнее.

— Ах нет, Броун, вы на все смотрите слишком прозаически! Нашей истинной наградой будет благодарность потомства, признательность всего человечества!..

Броун только пожал плечами.

— Ну, что касается этого, то я готов уступить вам безраздельно эту благодарность и признательность. Я человек практический, для меня имеют значение только осязательные выгоды... Теперь надо прежде всего подвергнуть ваше изобретение испытанию.

— Да, конечно! Но где?

— Вот об этом-то я и желал переговорить с вами. Вы, конечно, и сами понимаете, что для будущности дела необходима полнейшая тайна, необходимо, чтобы никто решительно не узнал ничего о нашем изобретении; но достигнуть этого здесь в Лондоне положительно невозможно. Вот если бы мы могли располагать большим огороженным местом, этот было бы дело другого рода...

— Отчего бы нам не испытать наш аппарат где-нибудь за городом?

— Это действительно дельная мысль, и я имею даже предложить вам нечто, как мне кажется, весьма подходящее: мой брат имеет небольшой клочок земли в Суссексе, в холмистой местности близ Бинчи Хэд. Насколько я помню, у него там подле дома есть большой сарай, не то клуня, — очень просторная и высокая. Брат мой в настоящее время в отъезде, но ключи от дома и строения в моем распоряжении, и я во всякое время могу ими воспользоваться. Итак, предлагаю перевезти туда все ча-

сти аппарата и там собрать, но в сарае; а потом испробовать и под открытым небом.

— Превосходно!

— Так если вы согласны, то поезд отходит завтра в Эстбурн ровно в час дня.

— Прекрасно, я к этому времени буду на вокзале.

— Вы привезете мотор, а я берусь доставить крылья, — сказал механик, подымаясь со своего места. — Завтра мы узнаем, преследовали ли мы все это время пустую химеру или же создали свое материальное благополучие. Итак, до завтра, в час дня я вас буду ждать на станции!

С этими словами Броун простился со своим компаньоном, быстрыми шагами спустился с лестницы и, выйдя на улицу, смешался с мутным и печальным потоком пешеходов, движущихся вдоль Странда.

На другой день было прекрасное весеннее утро; небо бледно-голубого цвета пестрило легкими белыми перистыми облачками.

В одиннадцать часов утра Броун вошел в здание департамента торговли и промышленности и со свертком чертежей и планов под мышкой прошел в канцелярию по выдаче прав и патентов. Около полудня он вышел оттуда сияющий и довольный, ощупывая в своем туго набитом деловом бумажнике свеженькую, тщательно сложенную, только что полученную им официальную бумагу.

Без пяти час он уже подъезжал в извозничьем экипаже к вокзалу Виктория. Несколько человек носильщиков, при содействии возницы, с возможной осторожностью сняли с верха экипажа два громоздких предмета, тщательно обшитых в упаковочный холст и походивших по виду на два громадных бумажных змея. Этот странный багаж был поручен особым заботам и попечению начальника багажного отделения, который самолично проследил за установкой ценного багажа в вагоне и отдал приказание во все время пути строго наблюдать за его целостью.

Перикор уже давно был на вокзале. Он страшно суетился и нервничал, поджидая своего компаньона.

— Ну, что? Все благополучно? — осведомился он, завидев Броуна и спеша к нему навстречу, и на исхудалых, впалых щеках выступил внезапный румянец. — Я уже

распорядился нагрузить в вагон и мотор, и обод, — пояснил Перикор. — Бога ради, — обратился он к заведующему багажом, — обратите внимание на эти вещи, это весьма хрупкие и чрезвычайно ценные приборы и аппараты... смотрите, чтобы их не повредили во время пути.

— Будьте спокойны, все будет цело! — успокоил его смотритель.

— Ну, теперь мы можем ехать со спокойной совестью, — заявил Перикор и вместе с Броуном пошел к вагону занимать свое место.

Как только поезд прибыл в Эстбурн, драгоценный мотор был выгружен со всей должной осторожностью и перенесен на омнибус; крылья будущего аппарата были помещены на империале, а оба компаньона заняли места внутри омнибуса. Им пришлось сделать большой крюк, чтобы заехать за ключами к человеку, которому было поручено присмотреть за домом, и только получив ключи, Броун и его сотоварищ отправились в пустынные песчаные дюны, на которых был построен дом, куда они ехали. Этот дом был самым заурядным строением, окруженным надворными постройками: конюшнями, хлевами и сараями, и расположенным в небольшой зеленой балке, спускающейся пологим скатом от меловых прибрежных холмов к морю.

С помощью кучера омнибуса и ехавшего с ним брата его компаньоны втащили все части аппарата в большую темную столовую, помещавшуюся в нижнем этаже здания. Солнце уже заходило, когда стук колес отъезжавшего и возвращавшегося обратно в город омнибуса наконец дал им знать, что они одни — совершенно одни, не только в этом пустом доме, но и во всей этой бесплодной, дикой местности.

Перикор отдернул шторы, и слабый вечерний свет проник сквозь разноцветные стекла окон в комнату. Броун достал из кармана большой нож и перерезал им веревки, сдерживавшие упаковочный холст, в котором были защиты крылья. Глазам Перикора предстали два громадных желтых металлических крыла, которые Броун осторожно прислонил к стене, и затем оба вместе — и инженер, и механик, также осмотрительно и осторожно распаковали громадный железный маховик, шатун, винты прибора, передаточные ремни и, наконец, и сам мотор.

Совершенно стемнело, прежде чем Перикор и Броун успели собрать все части аппарата. Они зажгли лампу и продолжали свою работу, свинчивая винты, устанавливая скрепы и оканчивая свои последние приготовления к решительному испытанию.

— Ну, вот и готово! — сказал, наконец, Броун, отходя на шаг назад, чтобы судить об общем впечатлении и виде машины.

Перикор молчал, но лицо его дышало гордостью и надеждой; по всему было видно, что он глубоко взволнован.

— Ну, а теперь мы поедем, подкрепимся и отдохнем, — сказал Броун, развязывая и раскладывая на столе кое-какие съестные припасы, привезенные им с собой.

— После! — отозвался Перикор. — Успеется!

— Нет, не после, а теперь, — возразил Броун. — Я голоден как собака.

И тучный, дородный механик принялся уплетать за обе щеки всевозможные снеды, тогда как его компаньон нервно шагал взад и вперед по комнате, судорожно сжимая свои тонкие, костлявые руки.

— Ну, теперь за дело! — произнес Броун, отряхивая с себя крошки и утирая рот платком. — Кто из нас пустит в ход аппарат? Кто подымеется на нем?

— Я! — воскликнул Перикор. — Помните: то, что мы сейчас делаем, может стать историческим событием!

— Но это небезопасно, — заметил Броун, — легко может произойти какой-нибудь несчастный случай. Ведь мы еще не можем сказать с уверенностью, как наш аппарат будет действовать.

— Что же из того! Ведь надо же его испытать!

— Да, но зачем нам рисковать жизнью?

— Но что же вы думаете сделать? Одному из нас надо рискнуть!

— Нет, зачем же? Ведь мотор может точно так же действовать и работать, если привязать к аппарату какой бы то ни было предмет, весящий приблизительно столько же, как вы или я.

— Да, это правда! — согласился Перикор.

— У нас здесь есть большой куль, — а там, на дворе, я видел груды кирпичей; почему бы нам не наложить кирпича в этот куль и не привязать его к аппарату вместо себя? — сказал рассудительный Броун.

— Да, да, превосходная мысль! — одобрил Перикор. Так и было решено.

Теперь оба они вышли из дома, неся отдельные составные части аппарата. Луна светила ярко, холодным ровным светом, хотя временами обрывки облаков набегали и застилали ее наполовину. Сотоварищи на минуту остановились и прислушались, прежде чем отворить сарай и войти в него. Но крутом не было ни живой души — до их слуха доносился только глухой шум морского прибоя, да отдаленный лай собаки в ближайшей деревне, до которой все же было довольно далеко.

В то время как Броун наполнял кирпичом большой и длинный куль из толстой парусины, Перикор переносил один за другим из столовой в сарай все необходимые предметы и принадлежности, могущие им понадобиться. Когда все было готово, они заперли плотно двери сарая и, поставив на пустой ящик лампу, зажгли ее, после чего стали привязывать мешок с кирпичами к большому стальному обручу, предварительно установив этот мешок на двух составленных вместе деревянных козлах. Затем к стальному обручу были прикреплены и привинчены крылья, металлическая коробка мотора, различные проволоки и провода, а к нижней части мешка привязан был плоский стальной руль, напоминающий рыбий хвост.

— Придется заставить его описать очень малый круг, — заметил Перикор.

— Прикрепите руль к одному боку, — сказал Броун, — вот так. Ну вот мы и у цели... Теперь нажимайте кнопку.

Перикор наклонился вперед. Его худое, длинное лицо было искажено внутренним волнением; его бледные костлявые руки с тонкими нервными пальцами проворно перебирали проволоки и провода. Броун с невозмутимым спокойствием следил за всеми его движениями. Вот машина издала своеобразный сухой металлический звук; громадные желтые крылья раскрылись, затем конвульсивным движением сложились и снова раскрылись, сделали еще и еще один взмах, с каждым разом движение их становилось все более и более уверенным и сильным и, наконец, при четвертом взмахе ощутилось уже сильное движение воздуха, и под крышей сарая словно со свистом пронесся порыв ветра. Еще один, пятый взмах металлических крыльев — и тяжелый мешок с кирпичом закачался на козлах; при шестом взмахе он приподнялся

на воздух и затем стал подыматься все выше и выше, уносимый машиной, которая точно громадная неуклюжая птица взвивалась и кружилась в воздухе, наполняя клуно своим пронзительным свистом и шипением.

Некоторое время и тот и другой оставались безмолвны. Наконец Перикор воздел руки к небу и, не будучи более в силах сдерживать себя, воскликнул:

— Он действует! Мотор Броун-Перикор действует! — и, не помня себя от радости, он прыгал и приплясывал как дикарь. — Броун, посмотрите, как он работает! С какой равномерностью, с какой силой! А руль! Посмотрите, как руль хорошо действует; надо завтра же заявить правлению и выхлопотать патенты.

При этих последних словах лицо Броуна сделалось мрачным и угрюмым.

— Все это уже сделано, — заявил он, принужденно улыбаясь.

— Как, уже сделано?! — побледнев как мертвец, повторил за ним Перикор. — Кто мог... Кто посмел это сделать! Кто посмел передать составленные мною чертежи и планы в палату патентов!..

— Я, я это сделал сегодня утром. Не волнуйтесь, тут незачем волноваться и горячиться, дело сделано!

— Вы выхлопотали патенты на мотор, и на чье имя?

— На мое — мне кажется, что я имел на это право.

— А мое имя? Имя изобретателя! Оно вовсе даже и не упоминается в бумагах?

— Нет... но...

— Негодяй! — воскликнул взбешенный Перикор. — Мошенник, вор!.. Вы украли у меня мое изобретение, плод моей мысли, моих трудов, моих знаний... вы украли у меня мое священное право на то, что создано мной! Вы хотите похитить у меня славу, принадлежащую моему имени по праву, но знайте, что патенты я у вас вырву, хотя бы мне пришлось для этого перерезать вам горло!

— Осторожней, руки прочь! — крикнул Броун, отступая и выхватив из кармана свой большой нож. — Предупреждаю, я буду защищаться!

— А-а... еще угрозы! Они меня не испугают! — воскликнул Перикор, бледнея от бешенства. — Так вы не только вор, вы хотите еще стать убийцей!.. Отдайте мне патенты!

— Нет!

— Броун, еще раз говорю вам, верните мне эти бумаги!

— Я сказал, что нет, значит, нет! Работал над этой машиной я...

Вместо ответа Перикор, как тигр, прыгнул на своего обидчика. Сильным движением Броун вырвался из его цепких рук, но при этом наткнулся на пустой ящик, на котором стояла лампа, и упал, увлекая за собой и ящик. Лампа упала и погасла. В сарае стало совершенно темно, только сквозь щель, высоко в крыше сарая проникал слабый свет месяца.

— Броун, отдайте мне бумаги!

Ответа нет.

— Отдадите вы мне их или нет? — продолжает спрашивать Перикор, не двигаясь с места.

Ответа нет. Ни шума, ни звука, кроме свиста и легкого скрипа продолжающих работать крыльев, — все тихо, мертвенно тихо. Перикора вдруг охватывает безотчетный ужас, какая-то необъяснимая тревога. Ему вдруг становится страшно... и он начинает ощупью шарить вокруг себя и по земле. Вдруг его пальцы коснулись руки Броуна, эта рука казалась безжизненной... Чувство гнева мгновенно сменилось в нем чувством ужаса. Он выпустил из своих дрожащих пальцев эту руку и с судорожной поспешностью, нащупав в кармане спички, постарался чиркнуть одну из них. При свете вспыхнувшей наконец спички он отыскал лампу, поднял ее и зажег. Броун лежал на земле неподвижно, без малейших признаков жизни. Перикор бросился к нему, приподнял его своими дрожащими руками, и вдруг ему стало ясно, почему Броун не отзывался. Несчастный, падая, упал на свою правую руку, в которой держал наготове нож. Упав на этот нож всей тяжестью своего грузного тела, он всадил его в себя по самую рукоятку. И умер — не вскрикнув, не издав даже предсмертного стога.

Перикор, этот гениальный изобретатель Перикор, сел на край пустого ящика, на котором горела лампа, и тупым неподвижным взглядом смотрел перед собой, тогда как мотор Броун-Перикор шипя и свистя носился у него над головой.

Так он сидел долго, быть может, несколько часов, неподвижно и безмолвно, но в воспаленном мозгу его про-

носились тысячи проектов один другого безумнее. Конечно, он являлся лишь косвенной причиной смерти своего компаньона, но кто поверит ему в этом? Платье его и руки были в крови, все обстоятельства складывались против него. Нет, всего лучше было бежать... Куда? Если бы он только мог как-нибудь избавиться от этого трупа, тогда у него было бы хоть несколько дней в распоряжении, прежде чем возникнут какие бы то ни было подозрения на его счет...

Вдруг резкий треск заставил его вздрогнуть и очнуться. Мешок с кирпичом, постепенно подымавшийся с каждым кругом, описанным аппаратом в воздухе, все выше и выше, теперь ударился об одну из верхних балок; толчок сдвинул соединительный прибор, и летательная машина грузно рухнула на землю. Перикор успел вовремя отскочить в сторону, чтобы не быть задетым тяжелым стальным обручем аппарата. Но едва только он коснулся земли, как Перикор поспешил отвязать мешок от обруча и убедиться, что мотор невредим. И теперь, глядя на него, в его голове зародилась странная, дикая мысль: изобретенный им аппарат — этот удивительный мотор, созданный его воображением, его трудами, — вдруг стал ему ненавистен, как соучастник преступления, как страшный кошмар. И он мог избавить его от мертвеца и сбить со следа всякие поиски и расследования полиции... Да!

Перикор широко распахнул двери сарая и вынес тело своего компаньона на освещенную луной поляну.

Неподалеку от сарая высился небольшой холм, один из целого ряда холмов, тянущихся вдоль берега моря. Добравшись до самой вершины этого ближайшего холма, Перикор осторожно и с должным уважением к мертвому уложил его здесь и, оставив на время, вернулся в сарай, откуда он с невероятным трудом притащил мотор, обруч и крылья сюда же на холм. Своими дрожащими пальцами укрепил он стальной обруч вокруг пояса мертвеца, вставил и привинтил крылья, привесил и привинтил к обручу мотор, установил провода, нажал кнопку мотора — и отступил в ожидании. С минуту громадные желтые крылья судорожно бились и трепетали в воздухе, затем труп зашевелился. Сначала маленькими скачками, то приподнимаясь, то волочась по земле, подымался он вверх по скату холма и наконец стал парить в воздухе, залитый бледным светом луны. Перикор не привязал

к аппарату руля, а просто дал машине направление к югу. По мере того как аппарат подымался все выше и выше, он все больше и больше ускорял свой полет и вскоре громадная летательная машина, миновав цепь прибрежных скал и холмов, понеслась уже над открытым морем.

Перикор следил с напряженным вниманием за ее полетом до тех пор, пока созданный им чудесный аппарат не превратился в маленькую, едва заметную птичку высоко в небесах, затем — в едва приметную черную точку, временами сверкавшую золотым блеском своих крыльев и, наконец, утонувшую в морском тумане.

В отделении для душевнобольных, в городской больнице штата Нью-Йорк, находится один больной, ни имя, ни происхождение которого никому не известны. Все врачи держатся того мнения, что этот несчастный лишился рассудка вследствие внезапного сильного потрясения. «Самая сложная и хрупкая машина всегда всего скорее портится», — говорят они и, в подтверждение своих слов, показывают посетителям удивительно сложные электрические аппараты и удивительные летательные снаряды, модели которых изготавливает этот больной в минуты просветления.

Подъемник

Офицер авиации Стэгнейт должен был чувствовать себя счастливым. Он прошел через всю войну без единой царапины; у него была отличная репутация, и к тому же он служил в одном из самых героических родов войск. Лишь недавно ему исполнилось тридцать, и впереди его ожидала блестящая карьера. И, главное, рядом шла прекрасная Мэри Мак-Лин, и она обещала пройти с ним рука об руку всю жизнь. Что еще нужно молодому человеку? И все же на сердце у него было тяжело.

Он никак не мог объяснить этого и пытался найти причину. Вверху было голубое небо, перед ним — лазурное море, вокруг раскинулся прекрасный парк, где гуляли и развлекались люди. И, главное, на него снизу вверх вопросительно смотрело прелестное лицо. Почему же он никак не может отвлечься — ведь крутом все так весело? Снова и снова он делал усилие над собой, но это не обмануло интуицию любящей женщины.

— Том, что случилось? — спросила она. — Я вижу, тебя что-то гложет. Пожалуйста, скажи мне, может быть, я смогу чем-то помочь.

Он неловко рассмеялся.

— Да просто грех портить такую прогулку, — заметил он. — Как подумаю, готов себя заставить обежать рысью весь парк. Не волнуйся, дорогая, все пройдет. Думаю, просто я еще слишком взвинчен — хотя и пора бы при-

ти в себя. Служба в авиации или ломает человека, или делает его уверенным в себе на всю жизнь.

— Значит, ничего особенного?

— Да, ничего, и это хуже всего. Если есть что-то реальное, можно бороться. А я просто чувствую смертельную свинцовую тоску — здесь, в груди. Но ты прости меня, малыш! И что я за негодьяй — так тебя растревожил!

— Но мне так хочется делить с тобой все — даже маленькие тревоги.

— Ничего, все прошло — ушло — исчезло. Давай больше не будем говорить об этом.

Она бросила на него быстрый проницательный взгляд.

— Нет, Том, видно, что с тобой что-то неладное. Скажи, дорогой, ты часто так себя чувствуешь? Ты выглядишь действительно неважно. Милый, сядем здесь, в тени, и ты расскажешь мне обо всем.

Они сели в тени огромной решетчатой башни, футов на шестьсот тянувшейся вверх.

— У меня есть очень странное свойство, — начал он. — Не знаю, говорил ли я об этом кому-нибудь. Когда мне грозит близкая опасность, у меня появляется странное предчувствие. Конечно, сегодня это просто нелепо — какая-то опасность в таком тихом мирном местечке. Наверное, это доказывает, как странно мы устроены. Но сегодня предчувствие в первый раз меня обманывает.

— А когда оно у тебя было раньше?

— Я был еще мальчишкой, когда однажды утром меня охватило это чувство. А днем я едва не утонул. Потом я чувствовал то же самое, когда в Мортон Хилл пришел грабитель и мне пулей пробило куртку. Дважды это случилось во время войны; я тогда чудом спасся: противник был значительно сильнее. Помню, когда я садился в кабину самолета, у меня возникло то же чувство. Оно появляется внезапно, как туман в солнечный день. Вот и сейчас — то же самое ощущение. Посмотри-ка на меня! Ничего не заметно?

Она действительно заметила перемену. За минуту из осунувшегося, измученного мужчины он превратился в смеющегося мальчишку. Она и сама засмеялась в ответ. Этот смех и развеял странные предчувствия, наполнив его душу живой, пляшущей радостью жизни.

— Слава богу! — воскликнул он. — Это все сделали твои глаза! Я просто не мог вынести твой грустный взгляд. Да, это все глупый ночной кошмар. Больше я не верю в предчувствия. Теперь, малыш, у нас есть время прокатиться разок до ленча. Потом в парке будет полно народу, не стоит и пытаться. Выбирай, что хочешь: колесо обозрения, летающие лодки или еще что-нибудь?

— Может быть, башню? — спросила она, глядя вверх. — Я думаю, свежий воздух и вид сверху наверняка немного развлекут тебя.

Он посмотрел на часы.

— Уже больше двенадцати, но, думаю, часа нам хватит. Но похоже, машина не работает. Эй, кондуктор, что там такое? Мотор сломался?

Человек покачал головой и указал на небольшую группу людей, толпившихся у входа.

— Они все ждут, сэр. Немного задерживаемся, сэр, механизм осматривают, но я жду сигнала с минуты на минуту. Если вы присоединитесь к остальным, обещаю, что ждать вам придется недолго.

Действительно, едва они приблизились к группе, стальные двери отъехали в сторону: знак, что машина скоро тронется. Пестрая толпа быстро просочилась сквозь вход и теперь стояла на деревянной платформе в ожидании. Народу было немного: парк обычно наполнялся только к середине дня. Это были добродушные и дружелюбные северяне, которые каждый год приезжают погостить к родным в Нортхэм. Они задрали головы и с любопытством следили за человеком, который опускал вниз стальной каркас. Казалось, это было опасное и рискованное занятие, но он двигался ловко и быстро, как будто спускался по лестнице.

— Вот это да! — сказал кондуктор, глядя вверх. — Похоже, Джим сегодня куда-то торопится.

— А кто это? — спросил Стэгнейт.

— Это Джим Барнес, сэр, наш лучший рабочий на этом аттракционе. Он чувствует себя там, наверху, как рыба в воде. Да, Джим проверяет каждую заклепку, каждый болтик. Этот парень — просто клад.

— Но не советую обсуждать с ним религиозные проблемы, — заметил кто-то из группы.

Служитель рассмеялся.

— Ну, тогда вы с ним уже знакомы, — заметил он. — Да, не стоит спорить с ним о религии.

— А почему? — поинтересовался офицер.

— Да дело в том, что он принимает все слишком близко к сердцу. Но в своей секте он считается просто светилом.

— Ну, это не так уж трудно, — заметил тот, кто знал Джима. — Я слышал, вся паства там — шесть человек. Джим — из тех людей, для которых небо — тот крохотный кусочек над головой, который он видит. Все остальное ему просто не нужно.

— Слушайте, не стоит так разговаривать с ним, когда у него в руках молоток, — поспешно зашептал кондуктор. — Привет, Джим! Ну, как нынче дела?

Человек быстро скользнул вниз, пролетел последние тридцать футов и остановился на перекладине, сохраняя равновесие. Он внимательно рассматривал людей, стоявших в подъемнике. Его фигура в кожаных штанах и куртке, перетянутая коричневым поясом, из-за которого торчали клещи и другие инструменты, порадовала бы глаз художника. Он был высок и сухопар, с длинными руками и ногами. Все в его облике говорило о гигантской силе. Лицо его казалось удивительным: в нем чувствовалось несомненное благородство и одновременно что-то злое. У него были темные глаза и волосы, большой орлиный нос и длинная борода, ниспадавшая на грудь. Одной рукой он держался за перекладину, а другой сжимал стальной молоток, покачивая его у колена.

— Наверху все готово, — ответил он. — Я поднимусь вместе с вами, если вы не против.

Он спрыгнул с перекладины и присоединился к остальным.

— Наверное, вы всегда следите за подъемником? — спросила молодая леди.

— Это моя работа, мисс. С утра до самой ночи, а часто и с ночи до утра я здесь, наверху. Иногда мне кажется, что я вовсе и не человек, а птица и лечу по воздуху. Когда я лежу сверху на перекладине, эти создания носятся вокруг меня и кричат мне, пока я не начинаю кричать что-то в ответ этим бедным тварям.

— Да, у вас серьезная работа, — заметил офицер, глядя вверх на удивительную ажурную резьбу из стальных прутьев, которая четко выступала на фоне синего неба.

— Ах, сэр, поверите, нет ни одной гаечки, ни одного винтика, которые я бы не подкрутил. Вот мои помощники — молоток да гаечный ключ. Бог парит над землей, а я — над башней, и у меня в руках — власть над жизнью и смертью, над смертью и жизнью.

Гидравлический механизм уже заработал, и подъемник медленно пополз вверх. Перед ними все шире открывалась панорама побережья и бухты. Зрелище было настолько захватывающим, что пассажиры даже не заметили, как платформа резко остановилась на высоте пятисот футов. Барнес пробормотал, что, наверное, что-то неладно и, перепрыгнув, как кошка, расстояние, отделявшее их от металлической решетки, стал быстро карабкаться вверх и исчез из виду.

Маленькая пестрая толпа, подвешенная в воздухе, потеряла — в этих необычных условиях — свою английскую чопорность и начала обмениваться замечаниями. Одна пара, называвшая друг друга Долли и Билли, объявила, что они звезды цирковой программы, и вызвала всеобщий смех своими довольно остроумными шутками. Пышногрудая мамаша, ее не по годам развитый ребенок и две супружеские пары составляли благодарную аудиторию.

— Ты ведь хотел бы быть моряком, верно? — спросил комик Билли мальчика в ответ на какую-то реплику. — Послушай, мальчуган, ты кончишь жизнь цветущим трупом, если не будешь поосторожнее. Вы только посмотрите, как он стоит на самом краешке! Нет, утром, да еще в такой ранний час я не могу этого вынести.

— Не пойму, при чем здесь ранний час? — удивился полный коммивояжер.

— Дело в том, что до полудня мои нервы никуда не годятся. Понимаете, когда я смотрю вниз и вижу людей, похожих на точки, я начинаю весь дрожать. Это у меня наследственное. Вся моя семья ведет себя так по утрам.

— Думаю, — сказала Долли, яркая румяная женщина, — что вчера вечером она вела себя точно так же.

Последовал общий смех, причем первым захохотал комик.

— На этот раз ты просто сводишь счеты, Долли. Я не против, если это касается драчуна Билли. Он все еще без чувств, как сообщили последние новости. Но когда смеются над моей семьей, я удаляюсь.

— Право, пора бы нам всем удалиться, — заявил коммивояжер, краснощекий господин холерического типа. — Что за безобразие — столько времени держать нас наверху! Я буду жаловаться компании!

— Ах, где здесь звонок? — завопил Билли. — Мне нужно срочно позвонить.

— Зачем? Позвать официанта? — спросила дама.

— Я хочу позвать кондуктора, водителя, кого-нибудь, кто водит эту старую калошу вверх и вниз. Что у них там, бензин кончился, или пружина в часах сломалась, или еще что-нибудь стряслось?

— Во всяком случае, перед нами прекрасная панорама, — заметил офицер.

— Ну, с меня достаточно, — заявил Билли. — Я уже получил свою порцию панорамы, пора закругляться.

— Ах, я так волнуюсь, — запричитала полная мамаша. — Надеюсь, с подъемником ничего не случилось.

— Послушай-ка, Долли, поддержи меня за куртку. Я попытаюсь посмотреть, как идут дела. Ах, боже мой, мне дурно, голова кружится! Представляете, внизу, прямо под нами лошадь, и она не больше мыши! Кроме того, я не вижу никого, кого бы занимала наша судьба. А где этот старый пророк Исайя, который поднимался с нами?

— Он быстроенько улизнул, когда увидел, что назревают неприятности.

— Нет, вы послушайте, — возмущенно начала Долли. — Хорошенькое дело, нечего сказать. Болтаемся на высоте пятьсот футов и теряем драгоценное время. А я, между прочим, должна сегодня выступать в цирке в дневном спектакле. Да, не завидую я компании, если они не потрудятся спустить меня вовремя! Во всех афишах объявлено, что я буду петь новую песню.

— Новую песню? О чем же, Долли?

— Ну, скажу вам, это что-то сногшибательное. Она называется «По дороге на Аскот». Я буду исполнять ее в шляпе диаметром четыре фута.

— Послушай, Долли, пока мы здесь ждем, устроим репетицию.

— Ах, нет, юная леди нас не поймет.

— Я буду очень рада послушать! — воскликнула Мэри Мак-Лин. — Пожалуйста, спойте!

— Но слова написаны на шляпе. Я не могу петь без шляпы! Но там замечательный припев:

Если нужен амулет вам
По дороге на Аскот,
Попроси у дамы в шляпке,
Что размером с колесо.

У нее был приятный мелодичный голос и несомненное чувство ритма. Все стали дружно покачиваться в такт.

— А теперь все вместе! — крикнула она, и маленькая странная компания, которую свел вместе случай, изо всей мочи грянул припев.

Это было поистине великолепно, однако никакого ответа снизу не последовало. Всем стало ясно, что внизу либо ни о чем не догадываются, либо бессильны что-то предпринять. С земли не доносилось ни звука.

Пассажиры не на шутку встревожились. У коммивояжера даже спал румянец со щек. Билли еще пытался острить, но без успеха. Теперь главным среди них стал офицер в синем мундире. Все смотрели на него, наперебой задавая вопросы.

— Что вы посоветуете, сэр? Не думаете, что эта штука может упасть?

— Нет, никакой опасности нет. Но тем не менее лучше поболтаться здесь. Пожалуй, я попытаюсь прыгнуть на эту перекладину. Может, увижу, что там стряслось.

— Ах, нет, Том, ради бога, не оставляй нас!

— Да, у некоторых прямо стальные нервы, — заметил Билли. — Легко сказать — прыгнуть через дырку глубиной пятьсот футов.

— Смеею утверждать, наверняка этот джентльмен делал в войну вещи потруднее.

— Ну, я бы на такое не пошел, даже если бы про меня написали во всех афишах и газетах. Пусть этим занимается старый Исайя. Это его работа, вот пусть он и делает, нечего мне ему помогать.

Три стороны подъемника были сбиты из досок, в которых прорубили окошки для наблюдения. Четвертая, выходящая на море, была открытой. Стэгнейт, насколько мог, высунулся наружу и посмотрел вверх. В это время над ним раздался резкий металлический звук, как будто лопнула натянутая струна. Наверху, футах в ста от него, показалась рука, которая что-то быстро делала среди проволочных конструкций. Больше ему ничего не удалось рассмотреть, но его успокоил вид этой крепкой муску-

листой руки, которая что-то дергала, тянула, сгибала и скрепляла.

— Все в порядке! — сказал он, и при этих словах его товарищи по несчастью вздохнули с облегчением. — Там наверху кто-то чинит подъемник.

— Это, наверное, старый Исайя, — догадался Билли. Он вытянул шею, стараясь заглянуть за угол. — Правда, я его не вижу, но, держу пари, это его рука. Постойте-ка, а что это он держит? Похоже на отвертку или что-то в этом роде. Нет, клянусь Богом, это не отвертка, это напильник.

Пока он говорил, наверху вновь раздался резкий звук. Офицер тревожно нахмурился.

— Черт подери, именно такой звук издавал наш стальной трос, когда лопался, стренга за стренгой. Какого черта этот малый там возится? Эй, наверху! Что вы там делаете?

Человек прервал свою работу и теперь медленно скользил вниз на металлическую перекладину.

— Все в порядке, он спускается сюда, — успокоил Стэгнейт испуганных товарищей. — Все хорошо, Мэри. Не бойтесь. Нелепо думать, что он и вправду хочет оборвать трос, который нас всех держит.

Сверху свесились ноги в ботинках, потом появились кожаные штаны, пояс с висящими на нем инструментами, затем возникла вся фигура, и они увидели неприятное, смуглое лицо рабочего с орлиным носом. Он был без куртки, из-под расстегнутой рубашки виднелась волосатая грудь. Когда он появился, наверху снова раздался резкие лязгающие звуки.

Человек начал, не торопясь, спускаться и, наконец, встал, балансируя, на перекладину, прислонившись к боковой раме. Он скрестил руки и смотрел из-под нависших черных бровей на пассажиров, жавшихся на платформе.

— Привет! — крикнул Стэгнейт. — Что там стряслось?

Человек стоял молча, не двигаясь, и в его твердом немигающем взгляде была неуловимая угроза.

Офицер рассердился.

— Эй! Ты что, оглох? — закричал он. — Долго еще мы будем тут болтаться.

Человек молчал. Что-то дьявольское проглядывало в его облике.

— Слышишь, парень, я буду на тебя жаловаться! — крикнул Билли прерывающимся голосом. — Ты не думай, я этого так не оставлю!

— Послушай! — закричал офицер. — У нас здесь женщины, и ты их пугаешь. Почему мы застряли? Машина сломалась, что ли?

— Вы здесь, — медленно ответил человек, — потому что я вбил клин в трос прямо над вами.

— Ты что, сломал подъемник? Да как ты посмел! Какое ты имеешь право так пугать женщин и причинять нам столько неприятностей?! Немедленно вытащи этот клин или хуже будет!

Человек не проронил ни слова.

— Ты слышишь, что я говорю? Какого черта ты не отвечаешь? Что еще за шутки! С нас хватит твоих глупостей!

Мэри Мак-Лин в ужасе схватила своего возлюбленного за руку.

— Том, Том! — закричала она. — Посмотри на его глаза, посмотри на эти ужасные глаза! Это маньяк!

Наконец рабочий шевельнулся. Его темное лицо исказилось от ярости, злобные глаза засветились, как красные угольки, и он потряс в воздухе своей длинной рукой.

— Слушайте меня, грешники! — закричал он. — Истинно говорю вам, что те, кто безумен к чадам этого мира, и есть помазанники Божии и обитатели храма! Итак, говорю я вам, настал день, когда униженные будут возвышены, а те, кто погряз во грехе, понесут кару за содеянное!

— Мама! Мама! — заплакал в ужасе мальчик.

— Тише, тише! Успокойся, Джек, — уговаривала малыша мамаша и вдруг закричала в порыве женского гнева: — Из-за вас плачет ребенок! Хорош мужчина, нечего сказать!

— Лучше ему плакать сейчас, а не в вечной тьме. Пусть стремится спасти свою душу, пока еще есть время!

Офицер наметанным глазом измерил расстояние над пропастью до перекладки. Там было добрых восемь футов, а этот малый мог просто столкнуть его, прежде чем он успеет ухватиться за решетку. Пытаться прыгать сейчас было безрассудством. Он вновь сделал попытку вступить в переговоры.

— Послушай, парень, твоя шутка зашла слишком далеко. Почему ты хочешь нашей гибели? Давай по-хорошему, полезай наверх и вытащи этот клин, а мы согласны никому не говорить об этом.

Сверху донесся леденящий душу треск.

— Боже мой, да это трос лопается! — закричал Стэгнейт. — Эй, ты, отойди в сторону! Я посмотрю, что там!

Рабочий вытащил из-за пояса молоток и с яростью помахал им в воздухе.

— Остановись, молодой человек! Остановись или иди сюда, если хочешь приблизить свой конец!

— Том, Том, ради бога, не прыгай! Помогите! Помогите! Помогите!

Все разом закричали, взывая о помощи. Человек наблюдал за ними со злобной усмешкой.

— Там нет никого, кто бы вам мог помочь. Они не смогут подняться вверх, даже если и захотят. Вам лучше подумать о своей душе, чтобы не гореть в вечном огне. Слушайте, тот канат, что держит вас всех, лопается пядь за пядью. Есть еще один, но, когда лопнет первый, напряжение увеличится и он тоже оборвется. Вам осталось пять минут жизни и целая вечность впереди.

У пленников вырвался стон ужаса.

Стэгнейт почувствовал, как у него на лбу выступил холодный пот. Он обнял дрожащую девушку. Если бы можно было хоть на минуту отвлечь этого мстительного дьявола, он мог бы прыгнуть и схватиться с ним!

— Послушай-ка, дружище! Мы предлагаем тебе способ получше. Ведь мы ничего не сможем поделать. Если тебе так хочется, поднимайся наверх и перережь трос. Иди да поскорей, и пусть все наконец кончится!

— Э, нет! Тогда вы сможете перепрыгнуть сюда и уцелеть. Нет, раз я взялся за это дело, я доведу его до конца.

Молодого офицера охватила ярость.

— Дьявол! — закричал он. — Что ты там скалишь зубы? Ничего, у тебя сейчас будет повод посмеяться! Эй, кто-нибудь, дайте мне палку!

Человек угрожающе замахал молотком.

— Итак, вперед! Предстань перед судом! — завывал он.

— Он убьет тебя, Том! Ради бога, не надо! Если суждено умереть, умрем вместе!

— Я бы не делал этого, сэр, — заметил Билли. — Он собьет вас прежде, чем вы перепрыгнете. Долли, дорогая, держись! Обморок нам не поможет. Мисс, может, вы поговорите с ним? Вдруг он вас послушает?

— Скажите, почему вы так хотите нашей смерти? — дрожа, заговорила Мэри. — Что мы вам сделали? Если мы погибнем, вы наверняка будете раскаиваться. Ну, пожалуйста, будьте добрым благоразумным человеком и помогите нам вернуться назад, на землю.

На него с мольбою смотрело нежное прекрасное лицо. Казалось, на какое-то мгновение он смягчился. Но спустя секунду черты его опять исказились от злобы.

— Я обязан свершить свой долг, женщина. Негоже слуге Господа отвлекаться от своей задачи.

— Но почему вы считаете, что это ваша задача?

— Так повелел мне внутренний голос. Он вещал мне ночью и днем. Я слышал его, когда лежал здесь, наверху, и смотрел на этих грешников. Они сновали по улицам, и каждый был занят своими грешными помыслами. «Джон Барнес, Джон Барнес, — говорил голос, — тебе суждено подать знак всему грешному поколению, вещий знак, который явит им существование Бога и убедит, что есть высший суд над грешниками». Разве волен я ослушаться гласа Божьего?

— Но ведь это глас Дьявола! — воскликнул Стэгнейт. — Подумай только, в чем согрешила эта девушка или другие, за что ты хочешь лишить их жизни?

— Просто вы такие же, как все люди, — не лучше и не хуже. Каждый день они проходят мимо меня, толпятся на этом подъемнике. Я слышу их глупые крики, нелепые песни и суетную болтовню. Их волнуют только плотские желания. Слишком долго я стоял в стороне, наблюдая за ними, и не решался торжественно возгласить это. Но сегодня настал день, день гнева, и уже приготовлена жертва. И не думайте, что речь слабой женщины может отвратить меня от ниспосланной мне миссии.

— Бесполезно! — заплакала Мэри. — Бесполезно! Я вижу смерть в его глазах.

С лязгом лопнула еще одна стренга троса.

— Покайтесь, о, грешники! Покайтесь! — завопил сумасшедший. — Еще один трос — и все кончено!

Стэгнейту казалось, что он видит дурной сон — какой-то ужасный ночной кошмар. Ведь на войне он столько раз смотрел смерти в глаза. И неужели сейчас, в самом сердце мирной Англии, он оказался во власти какого-то маньяка? А его возлюбленная, та, которую он готов за-слонить от малейшей опасности, беспомощно стоит перед этим ужасным человеком? Вся энергия, вся мужская гордость восстали в нем.

— Ну, нет, мы не умрем, как овцы на бойне! — воскликнул он, бросаясь на деревянную стену подъемника и трясая ее изо всех сил. — Навались, парни! Выбьем стенку! Это доски, они уже поддаются! Вали стенку! Отлично! Еще раз — все вместе! Пошла! Теперь сбоку! Пусть летит к чертям! Вот и славно!

Они выбили сначала заднюю, а потом и боковые стенки подъемника. Обломки досок и щепки полетели вниз, в бездну.

Барнес плясал на своей перекладине с молотком в руках.

— Не старайтесь! — орал он. — Это вам не поможет! День искупления пробил!

— До боковой перекладины меньше двух футов! — закричал офицер. — Прыгайте! Быстро! Все вместе! Я держу этого дьявола!

Стэгнейт выхватил крепкую трость из рук коммивояжера. Теперь он стоял лицом к лицу с сумасшедшим, подзадоривая его прыгнуть на платформу. Снова раздался треск, зыбкая платформа стала раскачиваться. Через плечо он увидел, что все его товарищи были уже в безопасности на боковой перекладине. Они представляли собой странное зрелище и напоминали потерпевших крушение: неровный ряд людей, уцепившихся за стальную решетку. Однако их ноги стояли на твердом металлическом основании. Всего два стремительных шага, прыжок — и он уже висел рядом с ними. В то же мгновение убийца с молотком в руке перепрыгнул через пропасть на платформу. Только секунду они видели его — и долгие годы это зрелище преследовало их во сне: перекошенное лицо, сверкающие глаза, разметавшиеся от ветра волосы... Мгновение он балансировал на качающейся платформе. В следующую секунду с душераздирающим скрежетом платформа полетела вниз вместе с ним. Наступила дол-

гая тишина, и затем, далеко внизу, слышался глухой стук и треск...

Побледневшие от ужаса люди вцепились в холодные стальные решетки и смотрели вниз, в бездну. Стэгнейт первым прервал молчание:

— Все в порядке. Теперь они пришлют за нами спасателей! — крикнул он, вытирая пот со лба. — Но, видит Бог, на этот раз едва пронесло...

Содержание

ТАЙНА КЛУМБЕРА

Перевод В. Штенгеля

Глава I. О том, как семья Уэстов покинула Эдинбург	7
Глава II. О загадочном появлении хозяина Клумбера	10
Глава III. О нашем дальнейшем знакомстве с генерал-майором Дж. Б. Хэзерстоном	14
Глава IV. О молодом человеке с седыми волосами	20
Глава V. О тени Клумбера, упавшей на нас четверых	24
Глава VI. О том, как меня завербовали в гарнизон Клумбера	31
Глава VII. О капрале Руфусе Смите и его появлении в Клумбере	34
Глава VIII. Отчет Израиля Стэйкса	43
Глава IX. Рассказ Джона Истерлинга, доктора медицины в Эдинбурге	51
Глава X. О письме из Клумбер-холла	58
Глава XI. Об аварии трехмачтового судна «Белинда»	60
Глава XII. О трех чужестранцах на берегу моря	71
Глава XIII. О том, как я увидел то, что видели только немногие	76
Глава XIV. О том, кто бежал ночью по дороге	89
Глава XV. Дневник Джона Бертъе Хэзерстона	98
Глава XVI. Провал Кри	113
ЖРИЦА ТУГОВ. Перевод И. Лаукарт	123
РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ. Перевод Б. Акимова	165

ХИРУРГ С ГАСТЕРОВСКИХ БОЛОТ

Перевод В. Штенгеля

Глава I. Появление неизвестной женщины в Киркби-Мальхаузе	205
Глава II. Я направляюсь к Гастеровскому болоту	210
Глава III. Серый домик в лошине	218
Глава IV. О человеке, пришедшем в ночи	226

ЗА ГРАНЬЮ БЫТИЯ

Перстень Тота. Перевод Ю. Жуковой	235
Ужас поднебесья. Перевод Ю. Жуковой	255
Из глубин. Перевод В. Воронина	273
Капитан «Полярной Звезды». Перевод В. Воронина	284
Сильнее смерти. Перевод А. Горского	310
Лакированная шкатулка. Перевод В. Воронина	333
Номер 249. Перевод Н. Высоцкой	347
Литературная мозаика. Перевод Н. Дехтеревой	381

НА ГРАНИ БЫТИЯ

Исчезнувший экстренный поезд. Перевод Н. Высоцкой	403
Человек с часами. Перевод В. Воронина	421
Из камеры № 24. Перевод Б. Акимова	439
Иудейский наперсник. Перевод В. Воронина	454
История одной любви. Перевод А. Михайлова	475
Кровавая расправа в Манор-Плэсе. Перевод А. Михайлова	488
Сомнительное дело. Перевод А. Михайлова	501
Бразильский кот. Перевод Л. Мотылева	514
Черный доктор. Перевод Е. Нестеровой	534
Новые катакомбы. Перевод Е. Нестеровой	552
Сухопутный пират. Перевод А. Горского	567
Труп в облаках. Перевод Н. Лукьяновой	581
Подъемник. Перевод Е. Нестеровой	593

Литературно-художественное издание

Артур Конан Дойл

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 12 ТОМАХ

Том девятый

ЗА ГРАНЬЮ БЫТИЯ

Составитель Б. Акимов

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

Редактор А. Храмков

Компьютерная верстка: М. Бойкова

Корректоры Л. Лебедева, Т. Семочкина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.07.2005 г.

Формат 84х108/32. Гарнитура «BalticaC»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Печ. л. 19,0. Тираж 5000 экз.

Заказ № 4612

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ООО «РИЦ Литература»

115407, Москва, ул. Судостроительная, д. 40

ООО «ИД «РИПОЛ классик»

107140, Москва, Краснопрудная ул., д. 22а, стр. 1

Изд. лиц. № 04620 от 24.04.2001 г.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ISBN 5-7905-3826-6

9 785790 538261

